

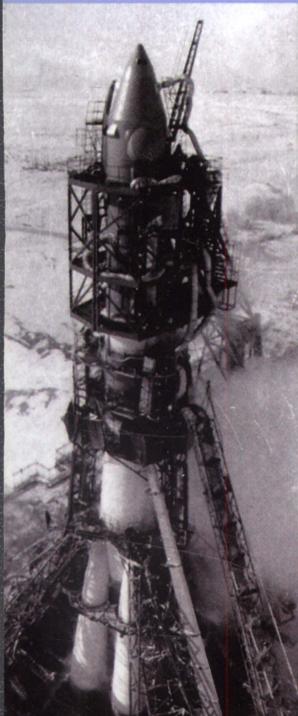
ЮРИЙ ГАГАРИН

Л. Данилкин

ЮРИЙ ГАГАРИН

ЖЗЛ

Лев
Данилкин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

120 лет
биографической серии
«Жизнь замечательных людей»

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1500

(1300)

Лев Данилкин

ЮРИЙ ГАГАРИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2011

УДК 629.7(092)
ББК 39.6г
Д 18

Спонсор издания
ОАО Банк ВТБ

Этой книге не было бы без участия множества людей, которым автор выражает глубокую благодарность. Неоценимую помощь в создании книги оказали беседы с Алексеем Архиповичем Леоновым, Виктором Васильевичем Горбатко, Львом Николаевичем Толкалиным, Виктором Сергеевичем Кисловым (знакомство с которым стало возможным благодаря Елене Невровой), Тимофеем Андреевичем Чугуновым и многими другими; все эти люди бескорыстно потратили свое личное время; спасибо им. Автор благодарен Российскому государственному архиву научно-технической документации, особенно Галине Алексеевне Медведевой. Удивительная осведомленность и ценные советы сотрудника архива Александра Владимировича Серегина оказались крайне полезными для книги. Отдельно автор хочет выразить глубокую признательность французскому театральному режиссеру Жудит Деполь, которая поставила замечательный спектакль «Вы мечтали об этом — Юрий это совершил», собрала уникальный набор свидетельств о пребывании Юрия Гагарина во Франции и показала автору этой книги свою коллекцию кропотливо собранных вырезок из французских газет 1960-х годов. Также спасибо Александру Куридзёну и Татьяне Копыловой. Автор благодарит за помощь сотрудников Объединенного мемориального музея Ю. А. Гагарина города Гагарина, особенно Т. Д. Филатову, директора музея М. В. Степанову и директора Люберецкого музея Ю. А. Гагарина Евгению Петровну Быкову.

ISBN 978-5-235-03440-2

© Данилкин Л. А., 2011
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2011

*Самые великие шедевры революции —
это люди, которых она производит.*

Ромен Роллан

ПРОЛОГ

Есть известный анекдот*: перед первым полетом в космос НАСА потратило 18 миллионов долларов на создание письменных принадлежностей, которые будут работать в условиях невесомости.

— А у вас что? — как-то спросили они своих русских противников, которых этот вопрос несколько ошарашил.

— А у нас простые карандаши, — ответили русские (1)**.

Америка дала миру много дорого экипированных, сексапильных и воплощающих демократические ценности супергероев — в диапазоне от Нила Армстронга до Люка Скайуокера; в шлифовку их имиджа вкладывались астрономические суммы, они чеканили красивые фразы: «Маленький шаг для человека — гигантский скачок для всего человечества», «Да пребудет с тобой Сила», — и любили их уже просто потому, что они американцы.

Россия имела репутацию Мордора, производила на свет множество одиозных личностей, а вот со свободно конвертируемыми супергероями дела у нас обстояли далеко не блестяще. Был, в сущности, всего один — «простой советский парень», метр шестьдесят пять ростом, воплощение скомпрометированной тоталитаризмом коммунистической идеологии, автор куцега афоризма «Поехали!»; и странное дело, в качестве супергероя он оказался успешнее всех остальных, вместе взятых. «Колумб Вселенной», «Магеллан космоса», «величайший герой в истории» — на него можно было налепить любой ярлык, и все равно ни один из них и близко не мог передать глубины

* Настолько бородатый, что герой этой книги, сам заядлый анекдотчик, наверняка отрезал бы за него автору — он имел обыкновение так поступать — галстук до самого узла.

** Цифры в скобках отсылают читателя к Индексу источников в конце книги.

того «океана человеческого преклонения», в который погрузился Юрий Гагарин после возвращения из космоса; он был поп-идолом, не имевшим аналогов — более популярным, чем «Битлз», чем Мэрилин Монро, чем Че Гевара.

Простой карандаш. Та же идея.

Такой же очевидной и незатейливой, как простой карандаш, кажется история жизни Юрия Гагарина. Вытянул счастливый билет — слетал — стал героем. Кажется. Однако на самом деле это иллюзия.

Мы научились пользоваться — и даже злоупотреблять — этим именем, но не вполне представляем, что за ним стоит.

Общераспространенное представление о Гагарине сформировано советской пропагандой — манипуляционной системой, печально известной своими успехами в деле искажения информации. Образ Гагарина был имплантирован в наше сознание в виде огромного бронзового монумента кому-то, кто является идеальным образцом национального характера и воплощением всех мыслимых советских мужских добродетелей. Со временем — и в силу известных исторических событий — памятник несколько подрастерял свою былую привлекательность; кое-какие изречения на постаменте кажутся сегодня слишком наивными, кое-какие — чересчур патетическими; кроме того, мы видим, что голова и плечи статуи сильно загрязнены интернет-голубями: прогуглите словосочетание «Юрий Гагарин», и вас тотчас же известят, что обладатель этого имени — величайший за всю истории блеф СССР, что на самом деле он не летал в космос — ну или летал, но никоим образом не был первым. Жирную подпитку для самых диких слухов дают не только события 12 апреля 1961 года, но и последовавшая семь лет спустя странная — так и не получившая общепризнанного объяснения — смерть Гагарина. Никакой окончательной версии того, кто или что послужило причиной этой авиакатастрофы, нет — нет, соответственно, и общественного консенсуса.

Что касается нашего интуитивного — не зависящего ни от пропаганды, ни от интернет-«разоблачений» — представления о том, что за человек бы первый космонавт, то оно, скорее всего, основывается на таком явлении, как «улыбка Гагарина». Улыбка, знак открытости и дружелюбия, была его визитной карточкой, и именно она сохранилась после того, как самого его не стало; «солнечный парень» (2); однако правда ли, что Гагарин и пресловутая «улыбка Гагарина» — одно и то же? По сути, это явление, давно уже существующее и функционирую-

шее отдельно от него — того же рода, что «улыбка Чеширского кота» или «улыбка Джоконды».

Кто на самом деле был этот наш «простой карандаш»?

Тайный честолюбец, упивавшийся мечтами о первенстве во всем — от баскетбола до космоса, советский Жюльен Сорель, сконцентрировавшийся на достижении общественного положения — и, за счет колоссальных энергетических затрат, добившийся чаемого?

Или, возможно, руссоистский тип — естественное, не испорченное книжной культурой существо; ладный да складный, фото- и телегеничный, однако посредственно образованный и вообще не семи пядей во лбу парень, у которого, пожалуй, лучше, чем у прочих, получалось скалить зубы да подеревенски аплодировать в ответ на аплодисменты; иными словами, «такой себе один из Шариковых этого мира — дворняга» (3)?

Или же правильнее будет отнести Гагарина к типу, описанному Толстым в «Войне и мире»: типу «каратаевскому», «лицетворению всего русского, доброго, круглого...» (4); воспринимать его как «народного философа», чья жизненная стратегия может быть передана формулой «не нашим умом, а Божьим судом»? И раз так, не есть ли жизнь Гагарина просто уникальное приключение одной из составляющих земной глобус капель из сна Пьера Безухова — капли, которая не просто вышла на поверхность, чтобы разлиться там пошире и в наибольшем размере отразить Бога, но вдруг, вопреки законам гравитации и божественного круговращения, в стремлении максимално приблизиться к Богу, нашла в себе силы выпрыгнуть на полтора часа из этого живого глобуса — и затем, отразив Его в большей мере, чем любое из когда-либо живших на Земле существ, опять вернулась, слилась со всеми и, как все, устремилась, когда пришло время, к центру?

Или же ключ к Гагарину — его военная форма: кшатрийская натура*, человек длинной воли — происходящий из самых низов, родившийся в зловонном, темном углу истории — и сумевший, за счет феноменально сильного, величественного характера, преодолеть судьбу, намотать кишки истории себе на запястье?

Или же он был чрезвычайно, что называется, юркий, предприимчивый тип, продавец от Бога, с развитыми гораздо выше среднего коммуникативными способностями, виртуозно пользовавшийся своей обаятельной улыбкой — а когда надо,

* Кшатрии — каста воинов в Индии; люди, у которых импульс мужества превышает чувство самосохранения. — *Прим. ред.*

так и пачкой собственных фотографий, которые носил во внутреннем кармане кителя и подмахивал заливчатскими автографами — вроде «И на Марсе будут яблони цвести... Ю. Г.»; тип по сути совершенно не творческий, но относящийся, по классификации Гладуэлла (5), к «объединителям»: разносчик социальных вирусов, спровоцировавший в обществе эпидемию энтузиазма?

Похоже, тут есть о чем поговорить; и да, 50 лет со дня Полета — хороший повод взяться за биографию Гагарина: пора не только отчистить памятник, но и показать, что у истукана был оригинал — который, как мы увидим, весьма существенно отличался от монументального образа.

Может ли Гагарин считаться героем/иконой/ролевой моделью во времена, когда космос, с одной стороны, стал гораздо более недосыгаемым, чем это казалось 50 лет назад (какие там каникулы на Луне, какие там яблони на Марсе, какое там Великое Кольцо (6); хорошо если за весь XXI век кто-то осуществит то, что планировалось Королевым сделать году к 1975-му), а с другой — стремительно тривиализуется — возможность совершить суборбитальный полет — «скататься в космос», теоретически, можно выиграть, купив банку пива или шоколадку — а именно так обстоят дела, буквально: пивоваренные и кондитерские компании обещают наиболее везучим своим клиентам место космического туриста.

Затем: не путаем ли мы гениев, которые заслуживают восхищения, с успешно использованными инструментами политической пропаганды?

Не идем ли мы на поводу у большинства, не становимся ли мы жертвами магии больших чисел — раз ему аплодировали миллионы людей, значит, он в самом деле представляет собой ценность?

Или грубее: если некий объект пользуется несомненным рыночным спросом — значит ли это, что он в самом деле обладает некой художественной (в данном случае — *sub specie aeternitatis**) ценностью? Или Гагарин как самостоятельная биографическая единица — то же, что херстовское чучело акулы за 12 миллионов долларов: курьез на вид и мощенничество по сути?

И с какой, собственно, стати мы проявляем интерес именно к Гагарину? Ну да, он первым побывал там, где никто не был, и увидел нечто такое, что никто до него не видел, — нечто, предположительно, очень важное. Однако очевидно ведь, что «первый» и «лучший» совершенно не одно и то же. Владимир Джанибеков, вручную, без подсказок пристыковавший

* С точки зрения вечности (лат.). — Прим. ред.

корабль к мертвой, неуправляемой станции «Салют-7», был безусловно более искусным пилотом, чем Гагарин. Инженер-конструктор Константин Феоктистов был гораздо более компетентным в том, что касается устройства корабля, его возможностей и ограничений. Валерий Поляков, просидевший в космосе 437 суток безвылазно, был более выносливым, работоспособным и самоотверженным, и вообще такого рода пребывание на орбите в качестве подвига выглядит гораздо более внушительно, чем полуторачасовой пикник. Совершавшие суборбитальные полеты летчики-испытатели, вроде друзей Гагарина — Мосолова, Гарнаева, Ю. Быкова, Гридунова, были более квалифицированными — и, наверное, еще более смелыми, чем Гагарин, авиаторами. Да чего уж далеко ходить: все гагаринские рекорды были меньше чем через полгода вчистую побиты его собственным дублером Титовым — который летал дольше, дальше, быстрее, опаснее; и именно Титов, а не Гагарин «был первым, кто доказал, что в космосе можно работать» (7) и что у пилотируемой космонавтики больше перспектив, чем у автоматической.

Правда ли, что нам нужно иметь представление о биографии человека, который, формально, ничего такого не сделал, а всего лишь дал согласие — осознанно оценив риски, зная об ожидающем его вознаграждении, взвесив все «за» и «против», без какого-либо принуждения, — проверить на себе созданную кем-то еще технологию? Мало ли что на ком испытывали. Почему бы нам не написать биографию человека, на котором тестировали пенициллин, или — еще более уместный пример — жизнеописание пилота Гарольда Грэма, который 20 апреля 1961 года, буквально через неделю после полета Гагарина, успешно испытал на себе ранец с ракетным двигателем: взлетел на высоту примерно 1,2 метра и плавно полетел вперед. Весь полет продолжался 13 секунд — но был чрезвычайно рискованным предприятием и выглядел даже более эффектно, чем полет «Востока-1»: Гарри Поттер, волшебство в чистом виде. В чем разница между Гагариным и Грэмом?

С какой стати коллекционировать подробности и вникать в нюансы жизни человека, который не подходит ни на роль гения, ни даже — в силу доставшейся ему экстраординарной славы — на роль «типичного представителя», персонажа «серой истории», такого, через которого удобно описывать «историю повседневности»?

Какой урок можно извлечь из этой биографии? Какую идею за ней увидеть?

Надо сказать, для многих, особенно в среде либеральной

интеллигенции, биография Гагарина годится лишь в качестве материала для иронического высказывания.

Фигура первого космонавта для них — род тоталитарного китча, образец плохого советского дизайнера — такого плохого, что, пожалуй, уже даже и хорошего; такого рода сувениры неплохо расходятся на аукционе «Сотби».

Помимо презрения — существо, сначала позволившее советской власти экспериментировать над собой, как ей вздумается, а затем превратившееся в воплощение официоза, говорящую куклу, которая по бумажке произносит наборы идеологических штампов на съездах хлопкоробов; — помимо презрения, Гагарин вызывает у носителей либерального сознания и раздражение: не просто сотрудничал, но еще и способствовал оболваниванию людей и, косвенным образом, укреплению кровавого коммунистического режима.

При этом трезвомыслящие — и склонные к здоровому скептицизму — мудрецы убеждены, что о каком-либо интеллектуальном потенциале самого Гагарина говорить не приходится — он был никто, «живые консервы». Все эти советские достижения — в любом случае туфта, потому что какой смысл запускать в космос начиненные электроникой корабли, не обеспечив для начала население детским питанием и обувью; а потом, все равно у американцев это получается лучше, и вообще что такое Гагарин со своими жалкими полутора часами орбитального полета против Нила Армстронга, прогулявшегося по Луне.

Ну да: кому нужен простой карандаш, когда есть ручка за 18 миллионов долларов.

Для носителей не обывательского, а исторического сознания Гагарин — фигура, являющаяся моральным оправданием и свидетельством исторической целесообразности советского — да, крайне бесчеловечного на одной из стадий — утопического проекта. Моральным оправданием — и еще подтверждением его «нормальности», естественности, раз уж тот оказался в состоянии дать здоровое потомство; в том, что Гагарин — с его улыбкой, открытостью, феноменальным магнетизмом, с его очевидно здоровыми — прямо-таки рифеншталевскими — генами полностью подходит под это определение, никто не сомневается.

Наконец, для «мечтателей» жизнь Гагарина — опыт абсолютной свободы, удовлетворенной страсти к полету; а сам Гагарин — воплощение синтеза Человека, Машины и Государства; олицетворение шестидесятых с их трогательным проектом будущего. Ангел, который позволил человечеству прожить на самом деле прекрасное мгновение — когда все вдруг стали думать не о деньгах, сексе и карьере, а о звездах и о космосе как

потенциальном рае. Романтический герой, который слетал, да еще и потом, когда мог всю оставшуюся жизнь спокойно обналечивать доставшуюся ему славу, когда сама система, внутри которой он жил, что называется, стимулировала его к недобросовестности, — все равно рвался летать и в конце концов красиво погиб. Для них Гагарин — Личность с большой буквы, воплощение *glamour of space** и образец для подражания.

Даже простой карандаш, как видите, на поверку может оказаться чрезвычайно сложным предметом.

Очень-очень простой очень-очень сложный карандаш.

Был такой американский экономист и политик Леонард Рид; иногда он обращался к литературному творчеству и однажды сочинил знаменитое эссе, которое называлось «Я, Карандаш» (8). Написанное от имени карандаша («Я — графитовый карандаш. Обыкновенный деревянный карандаш, меня знают все мальчики, девочки и взрослые — кто умеет читать и писать»), оно стало классикой потому, что в нем иллюстрируется идея пользы, которую приносит обществу работа «невидимой руки рынка». Мы, однако, вспомнили его совсем по другому поводу. До того как сделать свои либертарианские выводы, Рид показывает, что простой карандаш только кажется простым, а на самом деле достоин восхищения и благоговения; он скрывает в себе важную тайну и, если проследить его генеалогию, может преподать нам серьезный урок.

«Простой, говорите? Но только вот ни одна душа на всем белом свете не знает, как меня делают. Фантастика, вам не кажется? Особенно когда понимаешь, что в мире ежегодно выпускают несколько миллиардов нашего брата. Возьмите меня в руки, рассмотрите хорошенько. Что вы видите? Ничего особенного: немного дерева, лак, маркировка, графитовый стержень, чуть-чуть металла и ластик». Дальше Рид детально отслеживает процесс производства простого карандаша. Он объясняет, что прежде всего нужно спилить дерево и доставить его на фабрику — а для этого сначала требуется сделать пилу и грузовики.

«Подумайте, сколько людей, представляющих бесчисленное множество разных профессий, задействовано в этом процессе! Представьте себе, как добывали руду, как выплавляли сталь и превращали ее в пилы, топоры, моторы... представьте себе поселения лесорубов, их спальни и... столовые, а еще — готовку и то, откуда взялись продукты...» И ведь добыча дерева — только начало процесса, дальше будут лесопильный за-

* Очарование космоса (англ.). — Прим. ред.

вод, сушильные печи, краска, лак, графит, глина, связующие вещества... «В моем создании участвовали миллионы людей, и мало кто из них о чем-либо подозревал». Каждый, от цейлонского шахтера, добывшего графит для производства грифеля, до президента карандашной фабрики, вложил в производство простого карандаша крошечную толику своего знания, использовал свое ноу-хау.

Таким образом, чтобы создать обыкновенный простой карандаш, нужно, чтобы объединились в одно целое созидательные импульсы миллионов людей, чтобы «миллионы ноу-хау» смогли взаимодействовать между собой.

Мы привыкли к «простому советскому парню» Гагарину и воспринимаем его примерно так же, как простой карандаш — нечто банальное, само собой разумеющееся, оказавшееся нашим, в общем, случайно, по счастливому стечению обстоятельств.

Мы бы хотели показать в своей книге, что это заблуждение.

Гагарин — «такой простой на вид» — был невероятно сложным продуктом кооперации миллионов волей и миллионов знаний, которые таинственным образом вступили в творческое и производственное взаимодействие; его биография — это миллионы биографий, сложившихся в одно целое; узнав об обстоятельствах его жизни, мы сможем многое понять о свойствах и амбициях, мечтах и надеждах целого народа, который, в силу каких-то причин, на протяжении некоторого времени вел себя в экономическом смысле иррационально, очевидно, в ущерб своим имущественным интересам; который стремился не к адам-смитовскому «богатству», благосостоянию, а к тому, чтобы выполнить некую более значительную миссию — сыграть ключевую роль в мировой истории и решить задачу преодоления смерти (9); ради этого они, миллионы волей, объединили свои усилия — и добились своего: произвели этот «простой карандаш».

Гагарина.

Простой карандаш, которым были размечены контуры рисунка будущего — яркого, переливающегося всеми цветами радуги.

Простой карандаш, которым русские навсегда вписали себя в историю человечества.

Простой карандаш, который слишком быстро выскользнул из рук и улетел куда-то; безвозвратно.

И ничего в истории этого карандаша не было случайным.

ВВЕДЕНИЕ

Гагарин — влажная, что называется, фантазия любого биографа. В его жизни есть то, что может тронуть кого угодно, — приключения, странные знакомства, феноменальный карьерный взлет, неразрешенная загадка и соответствие архетипическим фольклорным сюжетам. Источниковая база кажется неисчерпаемой. Гагарин позиционировался как идеальный гражданин СССР — поэтому неудивительно, что советская власть всячески стимулировала сослуживцев, учителей, друзей и родственников Гагарина писать и публиковать мемуары. В результате в одной только гагаринской семье оказалось четверо писателей: сам Юрий Алексеевич, издавший автобиографию — и международный бестселлер — «Дорога в космос», его жена, мать и брат. Словно всего этого недостаточно, на протяжении пятидесяти лет центральная и местная пресса СССР и затем России рыскала в поисках любого мало-мальски неизвестного эпизода из жизни первого космонавта. Тем страннее, что итоговой, закрывающей тему книги после крушения СССР так и не появилось; никто не систематизировал набравшиеся за 20 лет информационные накопления — и это притом что, судя по соцопросам, Гагарин является самой привлекательной личностью если не за всю историю России, то уж точно за XX век.

Удивительно даже не то, какой колоссальной славы сподобился сам Гагарин — в конце концов, первый человек в космосе, почему нет. Удивительно, сколько людей — у которых, не будь Гагарина, никогда не было бы шанса оказаться интересными для СМИ, медийного, так сказать, пролетариата — получили свои 15 минут славы. Чтобы гарантированно попасть в газету, вовсе не обязательно иметь в активе родство или дружбу с Гагариным. Полученный с бухты-баракты автограф, история о том, как вы увидели его выступающим с трибуны, случайная встреча на улице — даже 50 лет спустя такой мелочи достаточно, чтобы вы стали ньюсмейкером. Всё, что

имеет к Гагарину отношение, по-прежнему важно для общества — и поэтому до сих пор ликвидно.

По существу, с Гагариным связан не только полет в космос, но еще и настоящая информационная революция — благодаря ему в СМИ выплеснулось гигантское количество народных голосов: мы видели, мы дотрагивались, мы имели отношение — и теперь свидетельствуем. В этом тоже следует искать корни обожествления Гагарина, почитания его в качестве святого: он дал массам не только осуществившуюся мечту, но и голос. Все эти воспоминания — своего рода коллективное евангелие.

Помимо неквалифицированных синоптиков* Гагариным занимались многие профессиональные, абсолютно не халтурные, любившие своего «клиента» биографы — Лидия Обухова, Ярослав Голованов, Татьяна Копылова, Владислав Кац, Олег Куденко, Николай Варваров; они провели колоссальный ресерч**, поговорили с кем только можно — и было бы неуважением к их труду, к их полевым исследованиям, сделать вид, что их не существовало, или все время пересказывать их «близко к тексту» — притом что, по большей части, это тексты, не нуждающиеся в редакции. Да, очень многие из этих биографий, в силу обстоятельств эпохи, были подогнаны под известный идеологический шаблон и агиографический канон, да, они во многом состоят из мемуаров школьных учительниц, которые в ответ на просьбу вспомнить что-нибудь пикантное, краснея от собственной смелости, припоминали, что на уроках Юра пускал самолетика, а иногда — слишком громко играл на трубе; тем не менее если состыковать разнотипные, вступающие между собой в диалог свидетельства, то событийная матрица все равно прояснится.

В нашей книге много цитат «из народа» — голосов поварих, бильярдистов, офицерских жен, всех тех, кто охотно идет на контакт и искренне пытается припомнить все что можно; проблема — и обратная сторона медали — состоит в том, что главные действующие лица, в общем, так и не заговорили. Молчит вдова, Валентина Ивановна Гагарина, — и в советские времена по мере возможности избегавшая медийности, а затем, в начале перестройки, окончательно захлопнувшаяся, как моллюск в раковине, — по-видимому, крайне недовольная тем, как ее показали в фильме «Гагарин, я вас любила». Показали плохо; похоже, создатели фильма втерлись к ней в

* Здесь в смысле — очевидцев (синоптиками называют первых трех евангелистов — Марка, Матфея, Луку — кто воочию видел Христа). — *Прим. ред.*

** Журналистское расследование; поиски материала. — *Прим. ред.*

доверие, а затем, что называется, «кинули втемную»; мужу бы это не понравилось. Кстати, в фильме видно, что в гагаринской квартире живет попугай — на вид вполне себе говорящий — по имени Лора. Возможно, он и есть идеальный свидетель, который мог бы рассказать о своем хозяине всю правду. В любом случае, проинтервьюировать Лору проще, чем вдове Гагарина.

И ладно бы только вдова. Сразу стало ясно, что те (не очень многие уже), кто имел отношение к космосу и знал Гагарина лично, не горят желанием давать материал биографу — и это притом что автор этой книги, несомненно, находился в условиях почти исключительных — мог говорить не просто «я пишу книгу о Гагарине», но «я пишу книгу в серию “ЖЗЛ” издательства “Молодая гвардия”» — издательства, которое комплектовало будущему космонавту библиотечку, еще когда он отбывал срок в сурдокамере, в 1960-м, и с которым он сотрудничал впоследствии.

И дело даже не в том, что информаторы еще 50 лет назад поняли, что знать, думать — да хотя бы и рассказывать под рюмочку — про космическую программу СССР и Гагарина можно все что угодно, но когда включается диктофон, следует оперировать четко ограниченным набором мнений и эпизодов; тем мемуаристам, которые вздумают отступить от официальной версии, грозит остракизм, отлучение от корпорации.

Другая проблема состоит в том, что количество неумерших людей, сколько-нибудь плотно общавшихся с Гагариным, довольно невелико, и если они в принципе готовы были беседовать с прессой, то за 50 лет они рассказали то, что можно, раз по пятьсот. Рассказано было немного. Несмотря на внешнюю открытость, так и не заговорил, в общем-то, Алексей Леонов. Бессовестным образом так и не рассказал ничего внятного — и не оставил откровенных мемуаров — Герман Титов. Первый отряд космонавтов был закрытый клуб; даже если они и знали или знают что-то о Гагарине, то никому из них нет смысла говорить о национальной иконе что-либо, что отступает от официального канона.

Единственной по-настоящему крупной утечкой, своего рода околосмическим *WikiLeaks*, был «Скрытый космос» — опубликованные в 1990-е дневники начальника космонавтов генерала Николая Каманина. Но тому нечего было терять, да и утечка была, в сущности, дозированной — подчеркивающей то значение воспитательной работы, которую приходилось проводить ему, инструктору отряда. Так или иначе, это главный источник сведений о последней трети жизни Гагарина; тогда как тем, кто захочет понять, что такое советский космос,

его идею и то, как она реализовывалась, мы советуем книгу Я. Голованова «Королев. Факты и мифы». Эти два источника — аналоги Юпитера и Сатурна в Солнечной системе; по своей массе они гораздо значительнее массы всех прочих планет; мы цитируем их чаще прочих.

Некоторые части нашей книги — там, где материал позволял не раздражать читателя лишними комментариями — исполнены в жанровой манере, впервые использованной В. Вересаевым, чьи биографии Пушкина и Гоголя были коллажами из остроумно смонтированных цитат.

Когда нам кажется, что читателю имеет смысл знать, откуда именно взят фрагмент, — мы, наряду с цифровым кодом (цифра в скобках), отсылающим к Индексу источников в конце книги, оставляем и имя автора и/или название источника; в случае, когда личность говорящего очевидна по самому характеру цитаты или когда точная идентификация голоса в данный момент необязательна, мы оставляем только цифровой код, который читатель может легко расшифровать, открыв Индекс источников.

Глава первая
ГАГАРИН И ЧЕРТ

Фраза «Гагарин родом из Клушина» обычно подразумевает намерение говорящего подчеркнуть эффектный контраст — человек, которому суждено было покорить космос, родился в невероятной дыре; преподаватель Гагарина в Академии Жуковского С. Белоцерковский так и пишет: «в глухой деревне Клушино» (10). Меж тем из того факта, что профессор впервые услышал о Клушине из газет в 1961 году, не следует, что если бы не Гагарин, то никто никогда о существовании этого медвежьего угла и не услышал. Какой уж там медвежий угол.

Именно там, ровно в том месте, откуда родом Гагарин, за триста с лишним лет до его появления на свет произошло событие*, которое фактически привело в какой-то момент к ликвидации российской государственности: здесь была разгромлена огромная русская армия под командованием Дмитрия Шуйского — и, что хуже, разгромлена находившимся в абсолютном меньшинстве отрядом поляков. «Клушинскую битву 24 июня 1610 года до сих пор в польских учебниках истории считают одним из самых великих сражений. Ее трофей — “хоругвь самого Шуйского, весьма отличную, штофную с золотом” и сегодня показывают школьникам в национальном Краковском музее князей Чарторыжских» (9). Да что там хоругвь: в июне 2010 года Национальный банк Польши выпустил три монеты серии «Великие битвы»: две были посвящены Грюнвальдской битве и одна — деревне Клушино. «В русских анналах эта забытая битва потерялась или была вытеснена другими поражениями и потрясениями, которые произойдут следом. Но истоки последовавшего междуцарствия, конечно, лежали у этого можайского селения» (9).

Собственно, именно вследствие этого разгромного поражения на своем поле перестала существовать русская армия, был низложен царь Василий Шуйский — и царем стал поляк;

* Впервые внимание автора привлеч к нему Л. А. Юзефович.

западная часть России в целом и Москва в частности были оккупированы польскими войсками. То, что Гагарин — клушинский — уже само по себе курьез: примерно то же самое, как если бы какой-нибудь великий татарин родился на Куликовом поле или француз — в Ватерлоо.

Интересно, спрашивал ли его кто-нибудь о Клушине — «то самое, да?», — когда он приезжал с визитом в Польшу? Единственное, что мы знаем, из английских, правда, газет, — это что Польша, несмотря на свой статус сателлита СССР, была одной из тех стран, где Гагарина принимали весьма прохладно.

Одним из факторов в пользу выбора космонавтом № 1 Гагарина (33), а не Титова, было то, что Титов с Алтая, то есть с колонизированных земель, тогда как Гагарин — из-под Смоленска, с исконно русских (от Клушина до Кремля — 180 примерно километров строго на запад; по дороге нужно проехать исток Москвы-реки и реки со странными названиями Гжать и Мжуть; сам Гагарин, по свидетельствам очевидцев, когда дорога позволяла, закидывал на своей «матре» стрелку спидометра за отметку 200 и покрывал это расстояние за два часа). В плане космоса ему повезло, что правда, то правда; однако в целом география досталась Гагарину тяжелая — из тех, что совершенно точно детерминируют судьбы оказавшихся ее заложниками жителей. Поляки, французы, немцы — все, кто имел неосторожность сунуться в Россию с Запада, неминуемо вынуждены были прокомпостировать путевой лист в Клушине. Это была часто выжигаемая, опустошаемая территория, на которой отсутствовала традиция долгого наследования имущества; почти каждому поколению приходилось начинать практически с нуля — и, соответственно, у жителей формировался особый тип сознания. Было бы шарлатанством пытаться вывести из этого некий особый генотип Гагарина — однако наверняка все эти оккупации так или иначе откладывались в исторической памяти, «в генах».

Также небезынтересно — раз уж мы заговорили о географии, — что Гагарин родился недалеко от того места, где Пьеру Безухову в «Войне и мире» (в романе — у деревни Шамшево под Смоленском) приснился знаменитый сон про живой глобус из капель — сон, в котором, при желании, можно разглядеть, среди прочего, зашифрованное символическое описание судьбы Гагарина.

Помимо пространственных совпадений есть и временные: кто-то очень внимательный подметил, что свой «доклад, посвященный проблемам ракетного полета человека в стратосферу, Королев написал в день рождения Гагарина, 9 марта 1934 года» (31).

Также про Гагарина непременно сообщают, что он родился в крестьянской семье — что правда, однако, как всегда, важны еще и нюансы. Судя по всему, это была не вполне обычная крестьянская семья. Дело в том, что мать Юрия, Анна Тимофеевна, провела молодость в Петербурге — и в деревню именно что возвращалась, обладая новым опытом, с новой культурой и уже с не вполне деревенскими представлениями о жизни. Она всю жизнь занималась свиньями, огородом и стряпней, родила четверых детей, однако все, кто был знаком с ней, уверены, что она не была неотесанной деревенщиной и, как только появлялась возможность, читала и пыталась учиться. Соответственно, и сам Гагарин, при всем своем идеально пролетарском происхождении (мать — доярка, отец — плотник), провел детство вовсе не в культурном вакууме.

Гагарина-ребенка — то есть в совсем нежном возрасте — не так уж легко себе представить. Во время войны Клушино было фактически стерто с лица земли, так что про первые семь, довоенных, лет гагаринского детства мало что известно: посторонних свидетелей не осталось, а сами Гагарины в своих книгах не сумели выстроить живую — как в гайдаровских повестях — картину детства Юрия. Соответствующая иконография тоже практически отсутствует; вообще, почему-то советская пропаганда не сочла нужным разыграть тему «маленького Гагарина» и позаботиться о составлении сборника нравоучительных историй о детстве космонавта с расчетом задать эталон поведения для юных граждан. Даже нагибинские лубочные «Рассказы о Гагарине» начинаются с войны.

Клушино в войну не было тихим местом в стороне от больших сражений. Деревня расположена не на самой трассе Минск — Москва, но в широком смысле это была обочина большой дороги на Москву; на протяжении почти полутора лет — не очень глубокий тыл немцев, почти у линии фронта; удобное место для строительства концлагерей; всего их было в Гжатском районе восемь, и один из них — как раз в Клушине (6).

Удивительным образом поведение Юрия Гагарина в период немецко-фашистской оккупации запотоколировано сразу в двух независимых источниках. Мемуары старшего брата, Валентина, более литературные, чем мемуары матери, Анны Тимофеевны; у него есть сильные, как из классических советских фильмов про зверства фашистов, сцены — например история про косу. Анна Тимофеевна окашивала края канавы домашнего огорода. Тут появился немецкий солдат с лошадью — и пустил ее пастись в гагаринской ржи. Мать попыта-

лась сделать немцу замечание, мол, иди-ка ты, мил-человек, со своей лошадкой куда-нибудь еще, однако тот отобрал у нее косу и полоснул ею женщине по ногам: «Руссиш швайн!» Восьмилетний Гагарин попытался было наброситься на немца, но тот пнул его ногой в живот и тоже хотел порезать. Очень драматичный эпизод; в книге самой Анны Тимофеевны этой сцены нет, кроме того, знающие люди в Гжатском музее утверждают, что ни о чем подобном Анна Тимофеевна никогда не рассказывала, шрама на ногах у нее не было и вообще к исторической компетентности брата космонавта следует отнести с долей скепсиса*.

Любопытно, насколько соответствует действительности история про цыган летом 1941-го: по сути, Валентин Алексеевич пытается сказать, что их с Юрием отец остался на оккупированной территории потому, что в момент отступления заразился тифом от попивших из их колодца цыган (страшно подумать, что стало с этими тифозными цыганами, оказавшимися близко к линии фронта осенью 1941-го; об этом В. А. Гагарин не упоминает). Также следует с осторожностью относиться к рассказам о пребывании Валентина в плену. В воспоминаниях он пишет, что сумел бежать из плена буквально через три недели, на границе Смоленской области и Белоруссии. Судя по другим свидетельствам, его пленение продолжалось два года, до весны 1945 года, и к Красной армии он примкнул уже на территории Германии. Дело не в том, что мы пытаемся поймать гагаринского родственника на неблагоприятном поведении (скорее над неувязками в его мемуарах можно иронизировать — что и делали саркастически настроенные комментаторы); эти два года брата в плену обернутся большой проблемой для Юрия — потому как анкетные данные такого рода были априори подозрительными. Именно поэтому ему придется в автобиографиях либо не упоминать о существовании старшего брата вовсе, либо не фокусироваться на этом этапе его карьеры. Что, впрочем, совершенно не означает, будто ничего из описанного Валентином Гагариным нельзя принимать на веру. История про подвешенного немцем к де-

* Воспоминания членов семьи Гагариных о войне вообще вызывают у скептиков много вопросов, что неудивительно. До 1956 года о пребывании на оккупированной территории — если только у вас не было документального подтверждения, что вы водрузили красный флаг на здание немецкой комендатуры и пустили под откос эшелон, набитый эсэсовцами, — лучше было помалкивать вовсе. Позже об оккупации можно было говорить без каких-либо опасений — но определенный канон всё же следовало соблюдать, и литобработчики, помогавшие Гагариным писать мемуары, прекрасно это осознали.

реву младшего брата Бориса (который, странным образом, 34 года спустя, решив уйти из жизни, тоже повесился) подтверждается всеми Гагариными — письменно и устно. Тамара Дмитриевна Филатова, дочь сестры, Зои Гагариной, рассказывает, со слов матери, как Анна Тимофеевна на коленях стояла перед немцем, чтобы тот не угонял Зою в Германию, а та просила ее: «Мама, не унижайся».

Что бы впоследствии ни говорили о том, что сталинская пропаганда преувеличивала ужасы оккупации, «немецкий» период был самым тяжелым в жизни Гагариных. Они прожили полтора года бок о бок с чужаками. От этого периода остались три-четыре находящихся в жесткой ротации эпизода; все они подозрительно соответствуют формату серии «Пионеры-герои». Наверняка за это время происходило и многое другое; как-то ведь немцы взаимодействовали с Гагариными не только на уровне «матка-курки-яйки». Вряд ли все полтора года они каждый день провоцировали друг друга; менялась обстановка, менялись времена года, менялись слухи, менялся контингент; возможно, в какой-то момент у них сложились симбиотические отношения. Т. Д. Филатова рассказывает, что некоторое время в их доме квартировал немолодой, «сердобольный» фашист, который однажды пригласил в избу всех четверых детей, поставил их перед собой, обнял и сказал, что его отправляют к Москве и наверняка убьют там, а у него дома остались четверо точно таких же — и раздал всем по шоколадке.

Для беллетриста особенный интерес представляет немец Альберт по прозвищу Черт, фамильный кошмар Гагариных, живодер и изверг. Без каких-либо усилий можно представить себе роман, написанный от его имени: 12 апреля 1961 года, ГДР, он узнает по радио, что русские запустили в космос человека, который родился в деревне Клушино, — и начинает вспоминать, что во время войны простоял несколько месяцев как раз в этой деревне, где все это время его изводил восьмилетний мальчишка; наверняка Альбертова версия событий чем-то отличалась бы от версии его контрагентов, Гагариных.

Мы не можем сказать со стопроцентной уверенностью, была ли оккупация для Гагарина психической травмой и правда ли, что он решил стать летчиком, чтобы отомстить немцам, — в тот момент, когда увидел подбитый советский самолет. Именно такую версию событий навязывала советская пропаганда — и, надо сказать, у нас мало резонов отвергнуть ее. Судите сами: вас вышвыривают из собственного дома на улицу, а в вашем доме поселяются люди, которые стряхивают

с воротников вшей прямо на пол и заставляют вас варить себе картошку; затем они угоняют в плен вашу сестру и брата — и на протяжении двух лет вы не знаете о своих ближайших родственниках ровным счетом ничего, хотя догадываетесь, что происходит в концлагерях с пленными. Можно получить от всего этого психическую травму или нет? В любом случае, без особых натяжек можно предположить, что когда в 1963 году подполковник Гагарин вместе с Терешковой приехал в ГДР вручать Ульбрихту подарки от Хрущева и осматривать свежестроенную Берлинскую стену — он испытал известное удовлетворение: и тут тоже, как многое в биографии Гагарина, «случилось как в хорошем романе». Сначала немцы-оккупанты пришли к нему в дом и попытались расчленить его страну, через 20 лет — он к ним; это было справедливо.

Помимо чисто травматического у войны имелся и другой аспект. Все происходившее было для десятилетнего мальчика еще и ценным — экзотическим на фоне мирного крестьянского быта — опытом. Война была для него театром жестокости и гигантским натюрмортом в поучительном жанре *vanitas**. Много чужих людей; много новых моделей поведения; много необычных гаджетов и просто незнакомых предметов, использовавшихся в меновой торговле; много контактов с мертвой материей (убитые люди и животные); много экстремальных, потенциально смертельно опасных ситуаций. Все это Гагарин переживал, впитывал, срисовывал, пропускал через себя; он учился контролировать себя в условиях постоянного стресса, приспосабливаться к тотально враждебной атмосфере, достигать компромисса в заведомо невыгодной для себя ситуации. Все это, позже, пригодится ему — и в космосе, и потом, в шестидесятые.

Что было бы с Гагариным, если бы история развивалась по альтернативному сценарию и немцы так и остались бы в Клушине окончательно? Скорее всего, вместо Люберец году в 1949-м он был бы отправлен куда-нибудь в Любек, по тому же маршруту, что его старшие брат и сестра, в арбайтслагерь, — где и выяснял бы, производит ли его открытая славянская улыбка магическое действие на хозяев или нет.

На эту тему написан неплохой рассказ (34) в жанре «альтернативная история» — про то, как Гагарин работает на немецком заводе в давно оккупированной России (где, помимо всего прочего, еще и революции не было). Он неформальный лидер бастующего рабочего коллектива; его вызывает к себе мастер и предлагает договориться с ним лично, однако Гага-

* Суэта (лат.). — Прим. ред.

рин отвергает все его посулы. По дороге домой он слышит по радио новость о том, что соперничающие между собой немцы и американцы только что запустили в космос ракеты с рейхс-флигеркосмонавтом и астронавтом соответственно; а ночью ему снится сон: он сам летит в ракете, и на ней выведены непонятные четыре буквы — «СССР».

* * *

Los Angeles Times:

Космонавт на самом деле сын князя, утверждает газета «New York News». Величайший герой России после Ленина космонавт Юрий Гагарин, являющийся, согласно утверждениям русских, сыном скромного русского плотника и продуктом советской государственной образовательной системы, — внук русского князя, расстрелянного большевиками.

Гагарин, чей отец также был князем, из-за своей голубой крови был подвергнут коммунистической партией остракизму. Командование выбрало его для осуществления космического полета потому, что если бы его постигла неудача, никто не стал бы по нему скучать, выяснила «New York News» в среду.

Житель Манхэттена Алексис Щербатов, профессор истории в университете Фэрли Дикинсон, Тинек, Нью-Джерси, а также компетентная организация, специализирующаяся на русской аристократии и генеалогии, проверили эту информацию у секретаря русской делегации в ООН, и секретарь подтвердил, что Щербатов прав.

Щербатов выяснил, что дедом Гагарина был князь Михаил Гагарин, который владел большими земельными наделами под Москвой и Смоленском. Когда большевики захватили власть, князь Михаил — на тот момент капитан царской кавалерии — был расстрелян красными; это произошло в ноябре 1919 года (13).

У Юрия Алексеевича Гагарина обычная крестьянская родословная. Его предки происходили из Смоленской и Костромской губерний (3).

Газета «Svenska Dagbladet»:*

Герой Советского Союза космонавт № 1 Юрий Гагарин, как предполагают, является по прямой нисходящей линии потом-

* Цит. по: Известия. 1961. 15 апреля.

ком варяга времен викингов Рюрика, который еще в 862 году прибыл на Ладогу и потомки которого положили в свое время начало «царствованию княжеского рода в древнем русском государстве» (18).

Los Angeles Times:

Сын князя Михаила Алексис — отец астронавта — вынужден был спасти свою жизнь бегством на Уральские горы. Там, в Оренберге (sic!), и родился Юрий Гагарин. В 1939 году, сказал Щербатов, отец Юрия исчез. Щербатов уверен, что он стал жертвой репрессий красных (13).

Валентин Гагарин:

Из всех исторических деятелей прошлого России больше других занимала воображение отца фигура Петра Первого. Все книги о нем, какие обнаружили в нашей сельской библиотеке, отец перечитал по вечерам. А читал он медленно, стараясь в каждое слово вникнуть наверняка, не раз и не два проходил по интересным для него местам, и эта «работа» — а во имя ее была пожертвована не одна зима— для отца была своеобразным подвигом. В той же степени, в какой прельщала отца фигура Петра Великого, в той же степени была противна ему императрица Екатерина. «Катюшка-немка» — презрительно именовал он ее. И, знаю, в кругу товарищей не стеснялся рассказать о ней скабресный анекдот... (1).

Корреспондент газеты «Правда» Борис Стрельников:

...некто Роберт Маккарти на полном серьезе пытался уверить американцев, будто Юрий Гагарин — вовсе не сын колхозника из Смоленщины, а... русский князь, племянник царя Николая II. Весь этот бред был напечатан на второй странице «Дейли ньюс» под портретом майора Гагарина. Один из нью-йоркских радиокомментаторов иронически заметил, что в Советском Союзе тысячи Гагариных и, по-видимому, все они являются племянниками последнего русского царя (23).

Вскоре пришло еще одно сообщение: «63-летний Грегори Гагарин, отставной преподаватель верховой езды в университете штата Пенсильвания, некогда служивший в царской кавалерии, сказал, что, по его мнению, он дядя Юрия» (22).

... род Матвеевых, из которого вышла Анна Тимофеевна — мать Ю. А. Гагарина. Матвеевы жили в четырех верстах от Клушина — в деревне Шахматово. В отличие от Клушина, бывшего казенным селом, Шахматово являлось владельческой деревней. До отмены крепостного права его владельцами были графы Каменские. Крестьянские наделы были небольшими. Многие мужчины, чтобы прокормить свои семьи, занимались отхожим промыслом. Анна Тимофеевна рассказывала, что ее отец Тимофей вместе с братьями Ефимом и Алексеем шестнадцатилетним юношей уехал в Петербург и там работал на Путиловском заводе, иногда наезжая в деревню (3).

Юрий Гагарин:

Выступление на пресс-конференции пришлось начать не с рассказа о полете, а отмежеванием от неких князей Гагариных, пребывающих в эмиграции и претендующих на родство с нашей семьей. Вот уж поистине: куда конь с копытом, туда и рак с клешней (20).

Ф.А.О. на сайте князей Гагариных:

— Связаны ли вы родственными отношениями с русским космонавтом Юрием Гагариным?

— Нет. Князья Гагарины владели в России многими земельными угодьями. У многих крепостных в царской России не было фамилий, и у них было принято брать себе ту же фамилию, что у местного землевладельца. Мы считаем, что Юрий, великий русский космонавт и первый человек в космосе, — потомок этих крепостных (26).

Предположение об унаследовании фамилии от владельца-помещика не имеет оснований, поскольку Гагарины относились к разряду государственных крестьян (3).

По воспоминаниям Алексея Ивановича <Гагарина>, односельчане звали его отца Иван Гагара. В словарях можно найти разные толкования этого слова: «морская птица», «смуглый, черномазый человек», «хохотун, зубоскал», «неуклюжий, длинный». В основе фамилии, скорее всего, лежит какое-либо прозвище или же нецерковное имя — Гагара (3).

«От какого русского слова происходит фамилия “Гагарин”?» — спросил один из иностранных студентов. И, узнав,

что это название птицы, сказал: «О! Мистер Гагар замечательная птица!» (38).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Мама с детьми оставалась в деревне, вела хозяйство и только на зимние месяцы с малышами ездила к отцу. В 1912 году (мне тогда было девять лет) все перебрались в Петербург. Жили мы на Богомоловской улице, в комнате густонаселенного дома (8).

Тимофей Матвеевич <Матвеев> был квалифицированным рабочим и неплохо зарабатывал. Семья снимала трехкомнатную квартиру в доме на Богомоловской улице, недалеко от <Путиловского> завода. Правда, две комнаты вынуждены были сдавать, чтобы иметь, как говорится, лишнюю копейку. Через два года пришла беда — Тимофей Матвеевич получил на производстве тяжелую травму (3).

В мастерской упала на голову Тимофея Матвеевича пятифунтовая масленка. <...> Кому такой нужен? Уволили без пособия (16).

Здоровье было подорвано, и он уже не мог работать в полную силу. Сергей, а потом и старшая дочь Мария устроились на работу. Оказавшись в пролетарской среде, они рано приобщились к рабочему движению. Все дети в семье Матвеевых были грамотными. Анна до революции успела окончить начальное училище при Путиловском заводе. Ей дали рекомендацию продолжить учебу, но на обучение в гимназии средств не было.

Революционный 1917 год Матвеевы встретили в Петрограде, новую власть они приветствовали. Сергей и Мария записались в красногвардейский отряд. Между тем выживать в голодном Петрограде с каждым днем становилось тяжелее. В семье все чаще поговаривали о том, что надо бы возвращаться в деревню (3).

Поженились молодые сразу после окончания полевых работ — 14 октября 1923 года. Анне в то время было 19 лет, ее супругу — 21 год. Как и положено по русскому обычаю, привел Алексей Гагарин жену в родительский дом на окраине Клушина (3).

Он искусный плотник, но большую часть жизни проработал сторожем, отчасти по причине инвалидности, отчасти по игре жизненных обстоятельств; сторожить же ему доводилось и спиртоводочный завод, и военные склады, и всевозможное народное имущество. Он хром с младенчества: у него по недугу взрослых на печи сухожилие сопрело (2).

Жизнь семьи Гагариных проходила в нелегких крестьянских трудах и заботах. Кроме того, Алексей Иванович в молодые годы частенько подрабатывал на стороне — «живые деньги» необходимы были для обзаведения собственным хозяйством. В архиве сохранился его трудовой список за 1921—1928 годы. Сейчас такой документ называют трудовой книжкой. Первая запись свидетельствует о том, что еще до женитьбы Алексей Гагарин успел поработать «по ведомству почтовой связи» почтальоном в селе Клушине — с 1 апреля 1921 года по 1 июня 1922 года. Затем он некоторое время работал по договорам (от двух недель до полугода) милиционером на охране разных объектов: в Гжатской городской ведомственной милиции — в 1925—1927 годах, в Пречистенской волостной милиции — с января по апрель 1928 года.

Однако эта служба — только эпизод в большой трудовой биографии Алексея Ивановича. Главным делом его жизни было плотницкое ремесло. Мог он и дом срубить, и любую мебель смастерить (3).

Юрий от отца научился по запаху и по тактильным ощущениям вслепую различать породы дерева (15).

Валентин Гагарин:

Отец мой вначале в колхоз не вступал, но приехал председателем сельсовета Воронин Василий Иванович — хороший друг отца (из деревни Затворово; с уланских полков «улан»), который агитировал отца вступить в колхоз: «Не хочешь быть раскулаченным — вступай, иначе могут сослать неизвестно куда». После этих разговоров отец вступил, наконец, в колхоз: отдал лошадь со всем сельхозинвентарем, корову по имени Малявка — было очень жалко! Скотных дворов тогда общих не было, потому скот (коровы) по-прежнему приходил к своим хозяевам во двор, но все равно скот считался колхозным (17).

Стала беднота объединяться в артели. Гагарины вступили в колхоз «Ударник». Позже, когда слили несколько маленьких хозяйств, колхозу дали имя Сушкина, военного комиссара, убитого в этих местах кулачем. Анна Тимофеевна работала и дояркой, и свиаркой, и телятницей, и в полеводстве (32).

Валентин Гагарин:

Хозяйство у нас на тот момент [рождения Юрия, 1934 год] было такое: корова, теленок-двухгодка (нетель), но лошади своей уже не было. Водили кур, гусей, овец. К приходу немцев в село у нас было 12 овец с молоднячком и 28 гусей с молоднячком. Были и свиньи. <...> Вскоре колхоз «Ударник» был слит с другим колхозом — «Вторая четверть». ...Мать стала работать завскотофермой. Свиарник был совсем рядом, прямо за нашим домом. Мы, дети, всегда помогали матери в ее работе на свиноферме (17).

А. Т. и А. И. Гагарины воспитали четверых детей. Первый сын, Валентин, родился в 1925 году, через два года — Зоя. Юрий, третий ребенок в семье, появился на свет 9 марта 1934 года, а следом за ним, в 1936 году, — Борис (3).

Валентин Гагарин:

<После того как деревенского мельника раскулачили и позвали молоть А. И. Гагарина.> И отец мой тогда пошел молоть, и молол всегда, когда был ветер, и одновременно он работал в колхозе. Одно время он был кладовщиком в своем маленьком колхозе «Ударник» (17).

Анна Тимофеевна Гагарина:

В начале марта 1934 года отвез меня Алексей Иванович в родильный дом в Гжатск. Акушерка пошутила: «Ну, раз к женскому дню ждем, значит, будет девочка». Но прошел день восьмого марта, наступила ночь. Я-то ждала сыночка, даже имя ему заранее определили — Юрочка. Вот он и родился (8).

Существует легенда, которую поведала Лидия Обухова, что Юрий родился на самом деле 8 марта, но отец его Алексей Иванович будто бы сказал: «Парень и родился в женский день?! Не годится. Записывай рождение 9 марта».

Не знаю, правда ли это, но почему-то убежден, что Алексей Иванович мог так поступить (35).

От города Гагарина (бывшего Гжатска) до деревни Клушино, где родился Гагарин-человек, около восьми километров — это если по дороге. Напрямки, через поля, и четырех не будет, однако прямого проезда нет: на пути непреодолимой преградой встает река Гжать (36).

Село в те времена было центром Клушинской, а после укрупнения — Клушино-Воробьевской волости. Через него проходил оживленный Тверской тракт. Неподалеку располагался на железной дороге уездный город Гжатск — всего в 140 верстах от Москвы (3).

Бытовала легенда, что в селе проживал боярин Клуш. Можно предположить, что с течением времени <оно> стало именоваться Клушином «по прозвищу боярина». Старое же название — Галкино — затерялось в веках. В «Описании» (14) Алексей Львов отмечает, что в Клушине было известно «место суда и расправы над боярскими холопами», а уже в бытность автора, более ста лет назад, то место было «любимо народом при сборищах». «В горе, близ деревни Мясоедово, что в 3-х верстах от Клушина, были рудники и чеканилась монета», а на север от села <...> проживал татарский сборщик дани, прозываемый в народе «ярыжкой». ...«Клушинский приход вообще бедный, <...> крестьяне живут большей частью земледелием и бурлачеством, избытка земли и хлеба нет. Развито крупное зло — ростовщичество, иногда ставящее крестьянина в безвыходное положение и доводящее его до суммы» (12).

Клушино являлось одним из самых многонаселенных пунктов не только в уезде, но и в губернии. По подворной переписи 1885 года в нем насчитывалось 859 жителей. Местная детвора имела возможность обучаться грамоте в церковно-приходской начальной школе. В центре села стояла Николаевская церковь; полное ее название — церковь Святителя Николая Чудотворца (3).

Спрашиваю родственников:

— Юрий Алексеевич был крещен?

— Да, конечно, крещен (35).

Анна Тимофеевна Гагарина:

В Клушине мы жили на главной улице, и дом у нас был на загляденье справный — стоял не на кирпичном фундаменте, а на самородных камнях. Алексей Иванович <...> уж для себя особенно постарался (30).

Валентин Гагарин:

Вокруг дома — сад: яблони, вишенки, смородина. За дорогой — у нашего дома она делала поворот почти под прямым углом — луг. Зимой он белый, заснеженный, а летом — цветистый, пестрый, гудящий пчелами. Дальше, за лугом, стояли молочно-товарные и животноводческие фермы, мельница-ветрянка лениво помахивала крыльями (1).

По всем статьям они относились к людям зажиточным, жили в достатке до тех пор, пока не пришли немцы (7).

У нас была дружная семья, хотя и жили мы тяжело, — рассказывает родная сестра Гагарина Зоя Алексеевна. — Мне было 7 лет, когда родился Юра. Мать с отцом с утра до ночи работали в колхозе, поэтому пришлось пригласить няньку для брата. Но старушка была настолько древняя, что засыпала на ходу. Поэтому я сама нянчила Юру. Каждый день мне нужно было носить его на кормление маме в колхоз. А он в детстве толстенный был, и почему-то мне удобнее было тащить его ногами кверху. Готовила его уже тогда к космосу (37).

Дряхленькая бабка Таня однажды уронила трехмесячного Юру с колен, а в декабре, когда мать отняла его от груди, напоила ревушего младенца водичкой со льдом. Впрочем, то, кажется, было уже позднее, когда Юре минуло полтора годика. Он заболел воспалением легких, мать повезла его в Гжатск, в больницу, но не захотела оставить одного и вернулась тем же санным трактом в Клушино, где лечила домашними средствами, прикладывая горячие бутылки (21).

Несмотря на то, что Анна Тимофеевна была едва грамотной, она всегда читала детям на ночь (15).

Космонавт Георгий Шонин разговаривает с Юрием Гагариным:

— А какое у тебя самое приятное воспоминание о детстве?

— А я любил, когда мама, укладывая меня спать, целовала мне спину между лопатками. В этот момент мне казалось, что я самый счастливый мальчишка на свете, — задумчиво сказал Юрий (40).

Ядкар Акбулатов, преподаватель Юрия Гагарина в Оренбургском летном училище:

Особенно я хочу отметить характер Гагарина, у него не было такого сугубо мужского крутого характера. Были такие моменты, ведь учителю приходится не только хвалить своего ученика, но и требовать, иногда и поругать надо. Бывало, ругаешь Гагарина, он опустит голову и хлопает глазами, покраснеет весь. Похвалишь его, он тоже голову опустит, чуть не плачет стоит, то есть какой-то девичий характер был у него в натуре. Было в нем что-то такое милое (28).

Но тут началась война. Страшная это была пора для всей земли советской, Смоленщине опять досталось вдвойне. Быстро докатилась сюда война. Видя отступающих усталых наших бойцов, скрипел зубами Алексей Иванович:

— Не могу терпеть... На фронт пойду.

Но кто возьмет его, хромого, на фронт (19).

Валентин Гагарин:

<Его, комсомольца, отправили в первый день войны развозить по окрестным деревням повестки о призыве в армию.> У меня сохранились в связи с этим такие воспоминания: когда въезжал в деревню, было тихо. А после раздачи повесток, когда покидал деревню — всюду стоял плач. Стон — страшно вспомнить! (17).

Валентин Гагарин:

Помню, в начале войны собрали нас, всю молодежь, на строительство аэродрома за деревней Родоманово. Копала и молодежь, и старики, и женщины. Немцы сбрасывали с самолетов листовки, в которых призывали нас переходить на их сторону, обещали хорошую жизнь и призывали прекращать копать. Продукты и вареву возили нам из нашего колхоза.

Кормили нас хорошо, всегда было мясо, так как резали скот, чтоб он не достался немцу, ведь он был уже под Смоленском. Аэродром достроить не успели; нас перевели рыть противотанковые рвы у деревни Пречистое (17).

Юрий Гагарин:

И как раз в этот день над нашим селом пролетело два самолета с красными звездами на крыльях. Первые самолеты, которые мне пришлось увидеть. Тогда я не знал, как они называются, но теперь, припоминаю, один из них был «ЯК», а другой «ЛАГГ». Он был подбит в воздушном бою, и летчик тянул его из последних сил на болото, поросшее кувшинками и камышом. Самолет упал и переломился, а пилот, молодой парень, удачно выпрыгнул над самой землей. Рядом с болотцем, на луг, опустился второй самолет — «ЯК». Летчик не оставил товарища в беде. Все мы, мальчишки, сразу побежали туда. И каждому хотелось хоть дотронуться до летчиков, залезть в кабину самолета. Мы жадно вдыхали незнакомый запах бензина, рассматривали рваные пробоины на крыльях машин. Летчики были возбуждены и злы.

Каждый в селе хотел, чтобы летчики переночевали именно у него в доме. Но они провели ночь у своего «ЯКа». <...> Утром летчики улетели, оставив о себе светлые воспоминания. Каждому из нас захотелось летать, быть такими же храбрыми и красивыми, как они. Мы испытывали какое-то странное, неизведанное чувство (20).

Юрий Нагибин «Рассказы о Гагарине»:

— Слушай, Юрий Алексеевич, тебе боевое задание, — прервал их увлекательный разговор старший. — Передай эту записку вашему преду. Понятно?

— А вы не улетите? — спросил мальчик.

— Мы здесь зимовать останемся, — пошутил молодой.

— Нам воевать надо, — серьезно сказал старший. — А ну-ка, исполнять! Живо! Одна нога здесь, другая там!

Юра опрометью кинулся выполнять первое в своей жизни боевое задание (2).

А когда в Клушине опустился подбитый самолет, то вовсе не маленький Юрий встретил его первым на болотистом лугу. И не бегал он с запиской к председателю, как потом кто-то, видимо, рассказал писателю Нагибину. Рассказал неверно. За-

писки вообще никакой не было; летчикам понадобилось только ведро, чтоб перелить бензин. Затем они улетели. Тому есть множество свидетелей (21).

Валентин Гагарин:

Субботним полднем невесть откуда забрели в Клушино цыгане. Длинные телеги в парной упряжке с грохотом прокатали по улицам села, завернули на луг, остановились неподалеку от нашей избы. <...> Цыгане — толпа пестро одетых и очень крикливых людей — с удивительным проворством выпрягли коней из повозок, и вскоре на лугу, как грибы после дождя, выросли три дырявых полотняных домика-шатра. От табора отделилась группа: десятка полтора загорелых до черноты кудрявых мужчин и длинноколых женщин с детишками на руках.

— К нам идут,— заметил Юра.

Цыгане, точно, подошли к нашему дому. Я испугался, что сейчас начнут попрошайничать или приставать: давай-де погодаем, и раздумывал, как бы побыстрее отделаться от них, навязчивых... Но ничего такого не случилось. Седобородый старик с лицом, иссеченным морщинами, подойдя к крыльцу, вежливо приподнял над головой соломенную шляпу и гортанно поприветствовал нас:

— Здравствуйте, молодые люди. Можно напиток из вашего колодца?

— Бадейка на цепи, — ответил я. — А воды не жалко.

Юра стремительно поднялся, сбегал в избу и вынес оттуда большую алюминиевую кружку. Протянул ее седобородому:

— Пейте на здоровье.

— Спасибо, молодой человек.

<...> Напившись и похвалив воду — студеной, вкусной! — цыгане пошли в село. Кружка осталась на срубе.

Тут как раз появился отец. Разгоряченный знойным солнцем и ходьбой, он примедлил шаг у колодезного сруба, зачерпнул воду из бадейки, поднес кружку к губам.

— Папа, — крикнул ему Юра, — из нее цыгане пили!

— Всяк человек — человек, — почти библейской мудростью отозвался отец... <...>

— Что-то нехорошо мне, — пожаловался. — Голова раскалывается, и знобит...

Зоя метнулась за градусником:

— Давай температуру измерим.

Отец вяло отмахнулся:

— Посижу, и пройдет... Перегрелся я на солнце... <...>

— Это тиф. В двадцать втором мы вот так всей семьей перехворали. Ступай к председателю, Валентин, проси лошадь. В Гжатск повезем отца (1).

Валентин Гагарин — о Юри:

У зеркала стоит долго, засмотрелся на себя. Мне с койки отлично видно его отражение: смешной большелобый мальчик со стриженной «под Котовского» головой — вчера отец руку приложил к отросшим за лето патлам (1).

1 сентября 1941 года Гагарин пошел в школу, что была в селе Клушино. Первая его учительница — Ксения Герасимовна Филиппова. Учился недолго. Уже в октябре 1941 года в село вошли немцы. Первые месяцы оккупации учительница пыталась заниматься с ребятами. Почти каждую неделю меняли место занятий. Последним местом стал дом односельчан Зубовых. Но и там заниматься не получилось. Немцы устроили во дворе конюшню, и при размещении там лошадей ребят из дома выгоняли (41).

Дом Гагариных был занят под мастерские, а хозяевам пришлось переселиться в землянку (3).

Появились гитлеровцы. Злые, нахальные, с закатанными по локоть рукавами, они хватали что попало, угоняли скот. Выгнали из домов оставшихся в деревне жителей (19).

Валентин Гагарин:

Немцы появились неожиданно со стороны Пречистого. Десятка полтора их было, немецких солдат в зеленых мундирах. Они спокойно ехали на мотоциклах с колясками и пулеметами, и фонтанчики жидкой грязи из-под колес высоко взметывались над их головами (1).

Алексей Иванович семью не бросил, из села, как некоторые другие мужики, не ушел. Райвоенкомат его, возможно бы, мобилизовал, несмотря на хромоту. Мужчина он был крепкий, далеко не старый — всего 39 лет. Но в кутерьме тех дней не до него было. К тому же, как утверждают его сыновья, в те самые дни Алексея Ивановича сразил тиф (7).

<После прихода немцев> «Ночь провели на огороде, — вспоминает Валентин Алексеевич, — подстелив солому и прикрывшись дерюгами. Мать плакала, обнимала Юру и Борису. Утром отец, угрюмый, простудно кашляя, сказал: — Землянку рыть будем. А то подохнем...» (21).

Семья Гагариных переселилась в погреб, на краю огорода, и обитала там до самого изгнания немцев (2).

...в землянке размером четыре на четыре метра. Спали на земле, подложив самодельные соломенные матрасы. Отапливали землянку печкой-буржуйкой, свет давала лучина (25).

Преподаватель Саратовского аэроклуба Сергей Сафронов:

В середине XX века мальчишка прозябал в землянке: совсем как троглодит — житель словно бы возвратившегося каменного века. А в это время немецкий ученый Вернер фон Браун готовил для своего фюрера «вундерваффе» — «чудесное оружие»... «Чудесное оружие» не помогло фашистам утвердить «Новый порядок», базирующийся на том, чтобы Гагарины, ютящиеся в землянках, работали на фон Браунов, роскошествующих во дворцах... и через 16 лет после войны все тот же Вернер фон Браун — Вернер Коричневый, коричневый не только по фамилии, но и по человеконенавистнической своей сути, — прослыл отцом американской астронавтики (23).

— Ну а нам пришлось переселиться в землянку, она располагалась под стогом сена.

В ней вместе с нами часто прятались от бомбежек и немцы, в том числе и Черт (42).

...передо мной предстало маленькое, плохо освещенное помещение площадью не более четырех квадратных метров. Честно говоря, не представляю себе, как тут можно было жить, да еще вчетвером! Следует отметить, что бревен, из которых сейчас сложены стены землянки, в то время не было: в качестве стен использовались различные предметы: доски, тряпки, глина и т. д. (42).

— Вот уж воистину дом так дом! Небом крыто, светом горожено, в печке сосульки висят,— всплеснув руками, воскликнула Анна Тимофеевна (32).

Валентин Гагарин:

...а на другой день пришли к нам два солдата с автоматами и повели отца на мельницу. В помощники ему, мотористом на движок, привели, тоже под конвоем, Виктора Каневского, того красноармейца из нашего села, что выходил из окружения с группой сибиряков. Товарищи его подались—таки из Клушина пробиваться к своим, а Виктору, слышно было, не то внезапная болезнь помешала, не то еще что. Застрял.

За их работой на мельнице немцы следили самым тщательным образом. Отец жаловался:

— Целый день фриц над душой висит. Туда не ходи, этого не делай, чтоб ему огнем сгореть...

Иногда он все же умудрялся принести в карманах горсть-другую муки. Для нас это был праздник — что-нибудь вкусное из этой муки мама наверняка изобретет! Но отца его обязанности мельника угнетали. В сердцах клял он свой тиф, который помешал нам уйти из села, свою больную ногу... (1).

Новые хозяева быстренько разобрались, кто из оставшихся сельчан на что годен. Немецким солдатам хотелось кушать свежий хлеб, а для этого требовалась мука. Каким-то образом в немецкой комендатуре прознали, что Гагарин и по мельничному делу спец. Сам ли он вызвался или как — это нам неизвестно. Во всяком случае, вскоре Алексей Иванович взялся за дело, и застывшие было крылья старой мельницы вновь ожили. Немцы регулярно привозили на мельницу мешки с пшеницей, а увозили муку. Не отказывал Алексей Иванович и своим, выручал, когда просили. Он сам признавался, говоря: «Молол я и на своих односельчан, и на неприятелей». Каким образом соседи с ним расплачивались — это, опять же, покрыто мраком. Можно предположить, что семья Гагариных пережила оккупацию чуточку легче, чем остальные их односельчане (7).

Голод... Страшен он взрослым, а что скажешь о детях? Ели мы один раз в день. Жиденький суп с горстью проросшего овсяного или ржаного зерна да по маленькому ломтику черного сухого хлеба. Вот и всё. Юра и Боря — кожа да кости. По весне выползали они из землянки и часами бродили по южным

склонам оврагов, рвали первую траву, а потом несли мне ее в кулачках и просили:

— Мама, сварь...

Алексей Иванович и раньше хромал, а испытания войны совсем подорвали его здоровье, сделали инвалидом (19).

Валентин Гагарин:

Особого голода в военные годы в селе не было: сперва были свои продукты; затем собрали урожай; в первую зиму немцы забрали у нас только овес и ячмень для своих лошадей, а рожь и пшеницу раздали населению по количеству едоков. Второй оккупационный год посеяли, посадили и собрали урожай, но во вторую зиму немцы начали уже безобразничать: отбирать и резать коров, свиней... Но нам все-таки не было голодно, так как хватало конины. Ведь снарядами с самолетов убивало много лошадей, и мясом мы были обеспечены (17).

К 24 января 1942 года войска 5-й армии Западного фронта очистили в своей полосе землю Московской области от фашистских захватчиков и вступили на территорию Смоленщины. До Гжатска оставалось около 20 километров. Однако прошло более года, прежде чем были пройдены эти тяжелые фронтовые версты (29).

На второй год оккупации Смоленска немецкие власти и сотрудничавшие с ними соотечественники «озаботились» школьным образованием. В июле 1942 года в Смоленске состоялись двухнедельные курсы для педагогов, которых оккупационные власти насчитали около 340. Детей же школьного возраста на всей захваченной территории оставалось более 12 тысяч.

На курсы из Смоленска и близлежащих районов прибыло свыше 200 педагогов. Немецкие власти не скрывали истинной цели мероприятия — сообщить учителям «принципиальные установки, учитывающие те особые условия, в каких придется вести преподавание в новой школе, создаваемой, по существу, сначала». Вести уроки предполагалось по старым советским учебникам, материал которых каждый учитель должен был «критически переработать». Помимо общеобразовательных предметов все школьники должны были проходить такие: «Новая Европа под руководством Германии» и «Новый порядок землепользования в освобожденных областях» (24).

В октябре 1942 года немецкая артиллерия обстреливает Клушино... После страшных боев Юрий и Валентин пошли осматривать леса. Там они нашли раненого русского полковника (15).

Валентин Гагарин:

Так вот, одна часть ушла, другая сменила ее. В нашем доме разместили мастерскую по ремонту аппаратов связи и зарядке аккумуляторов. Ведал всем этим хозяйством баварский немец, некий Альберт. Изверг из извергов был, но с особо изощренной жестокостью относился он к детям. Мы его сразу же нарекли Чертом. А Юра немедля начал против Черта тайную «партизанскую» войну.

— Идешь... сюда! — крикнул он мальчишкам.

Ребята прекратили игру, подошли медленно, не доверяя.

— Брат! — разрешил немец.

На ступеньках лежит сахар — в тот момент, когда Бориска уже прикоснулся было к желанному кубику сахара, Черт неожиданно наступил на него, тяжелым сапогом прихватил Борькину руку. Что-то хрустнуло под каблуком, Борис истошно заорал.

— Отпусти, — выкрикнул Юра, — отпусти!

Черт скалит зубы, вертит, вертит каблуком. Ребята стоят растерянные, а Борис уже заходится криком. Тут случилось что-то невероятное, неожиданное. Юра отошел назад, разбежался и головой что было мочи ударил немца в живот, ниже блестящей ременной пряжки. Тот ахнул, с маху шлепнулся на ступеньки, сел, оторопело, на крыльце (1).

Юра, которому тогда было восемь, разбежался и заехал головой Альберту между ног.. Солдат взвыл, согнувшись в три погибели. Эта история могла бы закончиться трагически, но Юре повезло. Через пару минут подкатил автомобиль, нагруженный аккумуляторами — в доме Гагариных немцы устроили пункт по их зарядке. Им заведовал Альберт. Ему пришлось заняться приемкой аппаратов (25).

Лишь меньший Юрин брат, Борька, никуда не побежал. Да и куда мог он убежать на своих слабых, кривоватых ногах, едва освоивших тихий, валкий шажок? В младенческом неведении он выедал мякишек из хлебной горбушки и радостно смеялся, сам не зная чему. Альберт схватил его и повесил за

шарфик на сук ракиты. Борька выронил горбушку и ужасно закричал. Теперь пришла очередь веселиться Альберту. Он вернулся в сарай и со вкусом принялся за работу, поглядывая на подвешенного к суку, словно елочная игрушка, мальчонку, который сперва орал, потом хрипел, потом сипел, наливаясь свекольной кровью — захлестка постепенно затягивалась на горле, — и злое сердце Альберта утешалось...

Анна Тимофеевна ведать не ведала, какая стряслась беда, когда в землянку вбежал Юра:

— Мам, Борьку повесили!

Мать опрометью кинулась наружу.

Борька уже и сипеть перестал, снизу казалось, что в нем умерло дыхание. И пунцовое лицо с вытаращенными, немигающими глазами было неживым. Анна Тимофеевна не могла дотянуться до него, и от беспомощности, крупная, широкой кости, хоть и обхудавшая, женщина стала жалко прыгать вокруг ракиты (2).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Выскочила наружу и обмерла: держит немец Бориску на весу за шкурку, как щенка. Я к немцу:

— Что творишь, ирод? Малец ведь...

Отпихнул меня немец, подошел к яблоне и подвесил Бориску на сук за воротник пальтишка (30).

В другой раз механик Альберт поддел маленького Бориску за шарфик и подвесил на сук (27).

Валентин Гагарин:

А тут немец выскочил из избы с фотоаппаратом в руках, оттолкнул Юру.

Когда Юра прибежал в землянку, слезы горохом катились по его щекам.

— Мама, Черт Бориса повесил!

Простоволосая, неодетая выскочила на улицу мать. Черт стоял близ яблони и шелкал фотоаппаратом.

— Уйди, уйди! — закричала мама и бросилась к Борису.

Фашист загородил ей дорогу.

— Ах ты, поганец!

Не знаю, откуда взялась у матери сила — оттолкнула она немца, рывком раздернула узел на шарфе, и Бориска упал в снег.

В землянку его принесла она почти безжизненного. После этого с месяц, наверно, Борис не мог ходить — отлеживался и ночами страшно кричал во сне (1).

Во многом благодаря Юре его старший брат Валентин убежал от пьяной компании немецких офицеров. Дело было так. Валентин присматривал за брошенным домом дяди Павла (тот находился в эвакуации). Но как раз эту избу немцы выбрали для своего генерала. У него был ординарец, который заставлял Валентина работать целый день и запрещал отлучаться со двора. Даже в туалет надо было отпрашиваться. Однажды к генералу приехали гости, выпили, и какой-то эсэсовец стащил Валентина с печи и погнал во двор. Парню велели встать у забора и держать бутылки в разведенных в стороны руках. Немцы принялись упражняться в стрельбе, стараясь попасть в мишени. Парень чудом выжил. Наконец пьяные офицеры пошли пропустить еще по рюмочке. В это время Юра (он ходил возле дядино дома в надежде повидать брата) помчался к родителям, чтобы рассказать, что во дворе стреляют. Мать и отец поспешили на выручку Валентину, упростили часового, и тот позвал переводчика, сопровождавшего эсэсовцев. Переводчик, видимо, был хорошим человеком — тайком вывел Валю со двора (25).

— В подмосковных полях шла большая война, — говорит Анна Тимофеевна, — а у нашего Юры — своя, маленькая, хоть и небезопасная (2).

Юрий Гагарин:

Подражая старшим, мы, мальчишки, потихоньку, как могли, вредили немцам. Разбрасывали по дороге острые гвозди и битые бутылки, прокалывавшие шины немецких машин (20).

А когда отца на конюшне наказали, он и вовсе об осторожности забыл. Напхал раз Альберту тряпок в движок...

— В выхлопную трубу, — поправил Алексей Иванович (2).

...в выхлопную трубу его мотоцикла (20).

— Ох ты, техник-химик! Какая разница? Важно, что забрахла Альбертова фунилка. Альберт, конечно, догадался, чья работа, и пришлось Юре у Горбатенькой скрываться (2).

Юрий Гагарин:

Он меня ненавидел и несколько дней не подпускал к землянке. Пришлось ночевать у соседей, а там только и разговору было, как досадить фашистам (20).

Так до самого ухода немцев он у чужих людей и прожил (2).

— Хорошо, что не поймал!

— Какое не поймал! Именно что поймал. Юра несколько дней потом в дом не шел, в огороде прятался, ночевал даже. Я ему и еду туда носила. Потом надоело мне это. Говорю: «Идем домой. Если озверееет немец, так я впереди, мне всё и достанется». Упирается. Отцу говорю: «Прикажи ему. Нельзя же, чтоб ребенок жил на улице». Когда привела его через силу, Альберт только погрозил издали: «Юра никс хороший мальшук».

Уже когда Юра приезжал взрослый, я его как-то спросила: «Что он тебе сделал, что ты так боялся?» — «А он, — говорит, — поддал мне кованым сапогом, я и летел шагов двадцать, пока об землю не шмякнулся» (27).

В 1977 году в спешном порядке выходит в свет новая версия повести <Валентина> Гагарина «Мой брат Юрий». Если в предыдущих изданиях в тексте не имелось даже намека на сотрудничество отца Гагариных с оккупационной администрацией, то теперь такой факт освещается, правда, подается под совершенно иным соусом. Автор подробно описывает мужественное поведение Алексея Ивановича Гагарина и его категорический отказ работать на врагов. Кроме того, по версии старшего сына Алексей Иванович был организатором и исполнителем диверсионной акции по уничтожению мельницы, которую неприятель использовал для переработки зерна. Из нового текста читатель узнаёт, в какой сложной ситуации оказался А. И. Гагарин. Оказывается, два немецких солдата, вооруженных автоматами, принудительно водили его на работу! Мало того. Работать на мельнице он был вынужден под постоянным наблюдением и контролем немцев.

<...> В книге приводится также рассказ о зверстве немецкой администрации по отношению к А. И. Гагарину (29).

— Молол я и на своих односельчан, и на неприятелей, — рассказывает Алексей Иванович. — Бензин мне скупо отпускали, а мотор плохой был, жрал горючее, как акула рыб. Ну, фрицы и обижались, что мельница часто бездействует. А я что — виноват? Пью я, что ли, ихний бензин вместо вина? И как на грех: своим молоть — горючее в наличности, фрицам — его нема. А я-то при чём, раз так получается? Ну, раз взъелся на меня ихний фельдфебель, орет, слюной брызжет: «Ла-ла-ла-ла-ла!» А я ему: «Чего ты лалакаешь? Тебе же русским языком сказано: никст бензин!» Он планшетку схватил, чего-то нацарапал на бумажке и мне сует. И опять: «Ла-ла-ла-ла-ла!» — аж голова пухнет. Но одно слово я всё ж таки разобрал: комендатур. Ладно, говорю, понял, ауфидер ку-ку! И пошел, значит, в комендатуру... (2).

Гарнизонный палач Гуго, толстый, страдающий одышкой, и переводчик, прыщавый паршивец, отвели Алексея Ивановича на конюшню... (2).

...и финн Бруно. О Бруно стоит сказать особо. Двухметрового роста детина, неулыбчивый, точнее, мрачный даже, он везде и всюду тенью следовал за комендантом: врозь их никогда не видели. Кроме обязанностей телохранителя финн выполнял и другие, столь же щекотливые: числился палачом при комендатуре (1).

— Велели они мне руками за стойку взяться. Схватился я покрепче за эту стойку и думаю: «Экая несамостоятельная нация: и вошь толком не умеет истребить, и человека высечь — на мне же полный ватный костюм». Тут Гуго чего-то сказал толмачу, а тот перевел: задери, мол, ватник. Закинул я ватник на голову, — ничего, меня и брюки защитят! А они обратно посовещались и велют мне ватные брюки спустить. Ладно, на мне кальсоны байковые, авось выдержу. Но и кальсоны тоже велели спустить. Нет, нация не такая уж бестолковая!.. «А совесть у вас есть? — говорю. — Я же вам в отцы го-жусь». Куда там! Гуго как завел: «Ла-ла-ла-ла-ла-ла!» — хоть уши затыкай (2).

Валентин Гагарин:

Батя вышел из ворот, плюнул и, хромая пуше прежнего, не видя нас, заковылял к дому.

Юра догнал его:

— Больно тебе?

Отец положил ему руку на плечо, сказал глухо:

— Ничего, сынок, отольются им наши слезы.

Я шел сзади и видел, что рука у него дрожит и идти ему трудно. И, наверно, скрывая горечь обиды и унижения, стыдясь того, что проделали над ним, он вдруг примедлил шаг, повернулся ко мне:

— Болтали о Бруно всякое... А он — тьфу! — и вдарить-то как следует не может. Так, погладил маленько...

Ночью, когда все улеглись на нарах, отец, думая, что мы спим, говорил маме:

— Теперь-то я ее умнее спалю. Дай только момент подходящий выбрать... (1).

За проявленную им принципиальность Гагарин получил 20 палочных ударов. Такой случай действительно имел место. Он даже зафиксирован в документах. Мельника Гагарина на самом деле слегка наказали, однако далеко не столь жестоко, а в два раза мягче, отпустив ему 10 ударов. К тому же наказан мельник был скорее «за злоупотребление служебным положением» (29).

Его фамилия упоминается в акте о злодеяниях, совершенных оккупационными властями в колхозе имени Сушкина. Во время работы на мельнице А. И. Гагарин отказался смолоть зерно вне очереди гражданке, направленной немецкой комендатурой, за что получил десять палочных ударов (3).

Когда немцы начали отступать, братья Гагарины выставили на окно патефон и крутили пластинку «Красная Армия всех сильнее». Музыка пацанам обошлась дорого (11).

Настоящая беда пришла к ним зимой 1943 года (7).

Анна Тимофеевна Гагарина:

18 февраля 1943 года поутру раздался стук прикладом в двери нашей землянки. Я открыла. Гитлеровец, остановившись

на пороге, обвел вокруг взглядом, глаза его задержались на Валентине:

— Одевайся! Выходи.

Я попыталась протестовать, но он замахнулся на меня автоматом: шнель, шнель! Быстрее! Германия ждет!

Автоматчики согнали на площадь молодых парней, построили, окружили и повели. Угоняли в неизвестность, в неволю, на муки. Как же разрывалось мое сердце! А прошло пять дней — снова стук в дверь. Думаю — ошиблись, некого у нас больше забирать. А фашист, внимательно всех оглядев, в Зоину сторону пальцем ткнул:

— Девочка! На плошат! Одевайся (8).

Зима в том году выдалась снежной, как никакая другая. В полях крутили бураны, беспрестанные метели заносили дороги, под тяжестью снега обрывались телеграфные провода.

Жителей села, и молодежь и стариков, ежедневно под конвоем выгоняли на расчистку дорог. Командовал конвоем фельдфебель, — говорили, что он из разжалованных офицеров, и еще говорили, что он неплохо владеет русским языком, но никогда не пользуется им в общении с местными жителями, — завзятый нацист, дико ненавидевший все русское и всех русских (1).

В 1943 году, незадолго до освобождения, фашисты стали угонять в Германию молодежь. В число угнанных попали семнадцатилетний Валентин и пятнадцатилетняя Зоя Гагарины. На счастье, скоро им удалось бежать из неволи и прислать о себе добрую весточку родителям. Они не сразу вернулись домой (3).

Незадолго до отступления с территории Смоленской области немецкие власти спешно начали собирать молодежь из всех населенных пунктов. Бесплатная рабочая сила требовалась как на местах, для укрепления линии обороны, так и для сельхозработ в Германии. Из деревень Гжатского района немцы насильно вывезли несколько тысяч человек невольников, преимущественно молодежь.

Старшему сыну Гагариных Валентину шел восемнадцатый год, дочка Зоя была на два года моложе его. Как писал Ю. А. Гагарин, «их вместе с другими девушками и парнями погнали на запад, в Германию. Мать вместе с другими женщинами долго бежала за колонной, заламывая руки, а их отгоняли винтовочными прикладами, натравливали на них псов» (7).

Подразделение немецких войск, находившееся на постое в Клушине, в один прекрасный день внезапно покинуло село. Трое суток в районе Гжатска полыхали огни, не утихали раскаты взрывов. Там шел бой, итогом которого стало освобождение города от гитлеровских войск. Жителям Клушина вновь повезло. Расстояние в полтора десятка километров от районного центра спасло село и его жителей. Сражения шли в стороне от них, а вот от Гжатска остались развалины (7).

<Алексей Иванович Гагарин>: Последние немцы ушли. Дорогу заминировали. Если со мной что случится — запомни: мины напротив нашего дома, да у дома Беловых, и еще около сушкинского дома. Запомни, Нюра, и предупреди наших.

Сам погрелся немного и опять пошел на свое добровольное дежурство. Утром я разыскала в хозяйстве две дощечки, вывела на каждой крупно: «Мины». Эти знаки Алексей Иванович укрепил в начале и конце заминированного участка (8).

Глава вторая

ГАГАРИН И ДИКИЙ ЗАПАД

У инженеров, отвечающих за осуществление космической связи, есть выражение «уйти на глухие витки», означающее, что находящийся в орбитальном полете корабль проводит сколько-то времени вне «радиовидимости». «Глухие витки» гагаринской биографии — это два года после того момента, как многострадальную деревню Клушино освободили от немцев. Ни сам Гагарин в «Дороге в космос», ни его мать, Анна Тимофеевна, — а кто еще мог бы рассказать об этом? — никак не акцентируются на том, что происходило в этот период. «В классе у нас висела старенькая карта Европы, и мы после уроков переставляли на ней красные флажки, отмечавшие победоносное шествие наших войск» (1), вот, в общем-то, и всё наше информационное богатство; патентованные биографы, фиксирующие перемещения самого Гагарина, также предпочитают побыстрее воткнуть флажок в Гжатск и сообщить, что осенью 1945 года семья клиента переехала в райцентр, а сам он пошел в третий класс базовой школы. Никаких клушинских мемуаристов-добровольцев также не объявилось.

Племянница Юрия Гагарина Тамара Дмитриевна Филатова со слов своей бабушки характеризует (2) эти два послеоккупационных года как крайне депрессивные — семья практически уполовинилась; несмотря на то, что в доме Гагариных больше не было чужаков, настроение было гораздо хуже, чем при немцах. Главным персонажем этой трагедии становится почтальон — который в любой момент может принести похоронку на сына и дочь. Где на самом деле провели Валентин и его сестра Зоя — нет, не погибшие — эти два года? Куда их отвезли немцы? Тамара Дмитриевна явно не расположена обсуждать эту тему, однако сообщает, что ее мать и дядя — вести о которых пришли в Клушино лишь весной 1945-го — провели свои лагерные годы где-то на границе Польши и Германии; Зоя работала в каком-то «имении»; это были не концентрационные, а «рабочие» лагеря. Авторы биографии «Starman», заставшие в

конце 1990-х в живых саму Зою Алексеевну и успевшие поговорить с ней на эту щекошливую тему, приводят вот какие подробности (3). На «детском поезде» немцы привезли их в Гданьск — и уже оттуда отправили в трудовые лагеря. Фраза Зои Алексеевны: «Мне приходилось стирать за сотнями немцев каждую неделю». «Валентин и Зоя сбежали из лагерей и две недели блуждали по лесам, надеясь на то, что русские войска спасут их». «Когда они действительно пришли, мы надеялись, что нас отправят домой — но они сказали, что мы должны остаться с Красной Армией в качестве добровольцев». «Зоя поставили присматривать за лошадьми в кавалеристской бригаде, и она все дальше углублялась в Германию». «Валентин на фронте научился обращаться с противотанковым гранатометом и другим оружием».

Тамара Дмитриевна упоминает, что Валентин после освобождения успел повоевать полтора месяца — и потом, как раз очень вовремя, пришел призывной возраст, попал в армию и, отслужив положенные три года, вернулся домой в 1948-м. Зоя после освобождения оказалась в Калининграде; некоторое время опасалась возвращаться домой после плена — небезосновательно, однако ей все же хотелось увидеть родных, и она рискнула. Косвенным образом все это подтверждается и другими источниками — Валентин Гагарин приводит в воспоминаниях полученное им в конце войны письмо: «Еще сообщаем тебе, что сестре твоей Зое, как и тебе, выпало счастье убежать от проклятого немца, и сестра тоже пошла в красные бойцы и служит в кавалерийской части по ветеринарному делу». Даже дыхание перехватило от радости. Ух, Зойка, сбежала-таки! Молодчина же ты...» (4).

Источник, о котором мы подробно расскажем далее, предполагает, что рано проявившиеся лидерские качества Юрия Гагарина, возможно, связаны с тем, что на протяжении двух-трех лет он, по сути, был старшим мужчиной в семье — когда Валентин был в плену, а отец жил скорее в Гжатске, чем в Клушине (5). Дело в том, что после изгнания оккупантов Алексея Ивановича, хромого и страдающего язвой, тут же призвали в армию, хотя бы и нестроевым — и он в 1943—1945 годах жил отдельно от семьи.

«...Назначенный военным комендантом Гжатска капитан А. В. Третьяк получил указание всячески содействовать местным органам власти в решении проблем, связанных с восстановлением города и нормальной жизни в нем. Начинали с расчистки руин, а дальнейшая работа продвигалась медленно из-за отсутствия квалифицированных каменщиков, плотников, электриков, слесарей. Необходимо было срочно восста-

новить здание госпиталя — его гитлеровцы взорвали, не успев даже эвакуировать оттуда своих раненых солдат. После выхода в свет Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации” дела пошли быстрее. Постановление давало полномочия военной администрации привлекать сельских жителей для работ на ответственных объектах. Мастер на все руки, плотник, каменщик и слесарь Алексей Иванович Гагарин вновь оказался востребован, на сей раз в городе Гжатске. Впервые за много лет он покинул семью и дом родной, чтобы употребить свое умение на решение важной государственной задачи.

В госпитале работ по плотницкой части оказалось выше крыши. Гагарин трудился усердно, чем заслужил к себе уважение со стороны начальства. По завершении работ на объекте бригаду перебросили на другую стройку. Возможно, Алексея Ивановича оставили при госпитале. <...> Он попал в военный госпиталь в Гжатск, да так и остался в нем служить нестроевым. И служил и лечился одновременно» (6).

Помимо работы в военном госпитале отец — есть и такие версии — «сторожил складские бункера. Они остались после воинских частей в лесу. Юра жил еще в Клушине с матерью, а отцу часто приносил провизию» (7).

«9 марта, в Юрин день рождения, был ему сделан самый желанный подарок: возобновились занятия в школе» (8). Понятно, однако, что то были не вполне формализованные занятия — скорее, по-видимому, кружок крестьянских детей, сложившийся вокруг учительницы начальных классов, Ксении Герасимовны Филипповой. Из немногих оставшихся мемуаров складывается картина в духе соцреалистических жанровых сценок — «Дети войны». Деревня Клушино, единственная из двух уцелевших после боев изб. Крохотная, размером с номер в типовой парижской гостинице, комната; нетопленая — нет дров — русская печь; чуть не на головах друг у друга сидят маленькие дети, закутанные во что попало; изо рта учительницы идет пар; вместо тетрадей — обрывки газет, немецких листовок, обоев, бумага для упаковки бандеролей; букварей нет, и гагаринский класс вынужден учиться азам грамоты по оставленному солдатами в сельсовете «Боевому уставу пехоты»; когда учительница объявляет, что урок русского языка закончен и следующим будет арифметика, ученики достают из карманов стреляные автоматные гильзы; это их счетные палочки.

Первый класс занимался одновременно с третьим, второй — с четвертым; вся эта неразбериха и лишения, которые, теоретически, закаляют характеры и сплачивают коллективы,

пагубно сказались на жизненном расписании Гагарина, потому что, отходя в эту избу несколько лет, в 1945-м он — одиннадцатилетний! — сможет записаться в Гжатске лишь в третий класс. «После уроков, — докладывает одноклассник Гагарина Е. Дербенков, — приходилось помогать матерям в колхозе. Юра часто пас телят, а я свиней. После немцев повсюду было полно боеприпасов. Ходили мы в Вельковский лес с мальчишками, разряжали потихоньку снаряды. Как? А очень просто: сядем верхом на снаряд, в руках зубило, молоток, бьем, потом отвинтим головку. Как-то на плесе решили взорвать... Насыпали полную фуражку пороха... Удивительно, как уцелели!»

«Жили голодно, трудно, подкармливали нас на солдатской кухне, пока стояли войска» (9). Завуч клушинской школы утверждает, что Гагарин в те годы «был мальчик из бедной семьи <...> ходил с санитарной зеленой сумкой по пустым полям и собирал прошлогодние картофелины, сгнившее вырезал, а что съедобно, приносил матери» (7).

Даже прошлогодний картофель, однако, в какой-то момент кончается. И вот примерно в это время Гагарины принимают важное решение — спасительное, надо сказать, для своих биографов, потому что надо быть извергом, чтобы продержат читателя хотя бы еще одну страницу на диете из куцых цитат. Алексею Ивановичу и Анне Тимофеевне приходит в голову мысль перебраться из малоперспективного Клушина в Гжатск, и трудно задним числом не аплодировать этому решению: ведь в городе по определению шире круг потенциальных свидетелей; так оно и оказалось.

«...Кончилась война, и моего отца оставили в Гжатске — отстраивать разрушенный оккупантами город. Он перевез туда из села наш старенький деревянный домишко и снова его собрал» (1). «В конце 1945 года Гагарины сменили место жительства. На Ленинградской улице в Гжатске они поставили дом, перевезенный из Клушина. Его построил своими руками глава семьи еще в середине 30-х годов» (17).

«Решили мы с ним дом в город перевезти... заметила: сам готовился загодя, осмотрительно, неспешно» — по «округлой», почти ритмизованной, речи, напоминающей манеру народных сказительниц, внимательный читатель наверняка уже узнает голос Анны Тимофеевны в записи Т. Копыловой. «Видно, крепко спланировал, какую работу за которой выполнять. Юра с Бориской ему помогали по-взрослому. Землю копали, раствор месили, песок таскали, глину мяли, кирпичи подавали. Дом в Гжатске был таким же, как и в Клушине: в три небольшие комнатки, с вместительной кладовкой, с погребом, пристроенным скотным двором».

Т. Д. Филатова меж тем указывает вот на что. Да, Гагарины переехали в Гжатск в конце 1945-го, но сам дом, по бревнам, они перевезли только в 1947-м, когда у Зои Гагариной появился муж, а до того жили в «мазанке» (которая, разумеется, не сохранилась). Более того, она утверждает, что в гжатскую школу Гагарин поступил вовсе не 1 сентября 1945 года, а лишь с начала 1946 года — что более-менее подтверждается удивительно непрезентабельным документом из гжатского музейно-хранилища. Это вырванный из школьной тетрадки листок без каких-либо следов работы архивистов; женским почерком на нем начертана фраза, похожая на расписку, подтверждающую погашение долговых обязательств: «Я, Лунова Елена Федоровна, бывшая заведующая начальной базовой школой при Гжатском педагогическом училище, подтверждаю, что Юрий Алексеевич Гагарин поступил в 3 класс в начале ноября месяца 1945 года в вышеназванную школу». Дата: 22 ноября 1985 года. Странно, что не 1 сентября; но узнать, с чем связана эта странная дата зачисления, не у кого. Так зачем они все-таки переехали? «Ну, потому что зарабатывать как-то надо было», — просто отвечает на этот простой вопрос племянница первого космонавта, и на этом путешествие по поросшей колючками каменистой пустыне заканчивается; мы вступаем в утопающий в зелени оазис.

Мемуары Льва Николаевича Толкалина «Наш одноклассник Юрий Гагарин» (10) заслуживают отдельного предисловия. На конец 2010 года они практически неизвестны широкой публике; в московских библиотеках книги нет; журнал «Приокские зори», где напечатаны отрывки, тоже выставлен далеко не в каждой витрине. Вряд ли издательство, взявшееся опубликовать их, озолотится на Толкалине, как на Стиге Ларссоне, но было бы полезно дать им ход. Факт тот, что на сегодняшний день это самые живые из мемуаров, когда-либо написанных о Гагарине; остается лишь пожалеть, что очень быстро, в 1949 году, пути Гагарина и Толкалина разошлись; таких приметливых мемуаристов рядом с ним больше не окажется.

По сути, это коллекция историй, из которой складывается гагаринский амаркорд: живая, неказенная, сценичная, яркая, пахнувшая ароматами эпохи картина юности. Здесь есть история про то, как Гагарин с приятелями обнаруживают на станции «ничью» цистерну со спиртом и, набрав себе кто сколько может, для отцов, успевают при этом напробоваться и затем, «поддатые», едут в соседнюю деревню за орехами.

Есть история про то, как Гагарин на спор — не шутки ради, а чтобы обеспечить своим друзьям неприкосновенность со стороны другой подростковой банды — прыгает с очень высокого моста. Как Гагарин демонстрирует чудеса акробатики и проходит, балансируя, по высоко расположенной перекладине, сорваться с которой означает верную смерть. История про то, как он доучает своими экзерсисами на трубе жителей Гжатска; как в школьном театре играет Балду в постановке по сказке Пушкина. Про то, как он с друзьями отправляется к бывшим немецким складам боеприпасов за взрывателями — и при взрыве огромной бомбы спасает зазевавшегося рассказчика от верной смерти. Про то, как мальчишки ищут клад — и в ходе раскопок обнаруживают совсем другие сокровища: склад еще дореволюционного водочного магазина — и тащат своим отцам дармовую «смирновскую». История про то, как Гагарин с Толкалиным учатся фотографировать — и подглядывают за загорающей раздетой одноклассницей; как катаются на коньках на тросе, привязанном к грузовику; как экспериментируют с паяльной лампой, надеясь построить реактивный двигатель.

Есть — по сути, это вставная микроповесть, жемчужина толкалинской коллекции — невероятно динамичная история о том, как четырнадцатилетний Гагарин с компанией ровесников, также представителей гжатского подросткового истеблишмента, совершает рейд в Москву на выставку трофейного вооружения. Денег на билеты у юношей нет — и они едут в столицу зайцами, сначала в поездном туалете, затем на крыше вагона, где их пытаются ограбить двое «блатных»; эффектным жестом в самый трудный момент Гагарин достает из-за пазухи припасенный кухонный тесак, и бандиты ретируются не солоно хлебавши. В Москве юные джентльмены попадают в Политехнический музей, потом на выставку трофеев, затем — опять же благодаря ловкости Гагарина — они хватают в троллейбусе вора и сдают его в милицию.

«Юркина реакция была на высоте. Гагарин в один прием выполнил подсечку и свалил карманника. Приемом самбо стал заворачивать руки вора за спину, сидя у него на спине. Видно, старший брат-фронтовик Валентин научил Юрку драться. Стоявшие рядом мужики опомнились и помогли удержать карманника на полу. Вскоре “очухались” и другие пассажиры и стали действовать. Нашлась бельевая веревка и руки вору завязали на спине. Подоспел водитель троллейбуса, а двое мужчин согласились препроводить вора до милиции.

— Сами справимся, — сказал Гагарин, — знаем, куда вести» (10).

Автор все время настаивает, что за Гагариным — как за каменной стеной, что он хороший друг, регулярно спасающий свою команду от разных напастей; именно у него обнаруживается разводной гаечный ключ, с помощью которого можно безопасно отвинтить от снаряда взрыватель, чтобы затем выплавить тол и глушить им рыбу; именно он, капитан, во время игры в футбол «заводит» свою команду на выигрыш, проявляет роль лидера и «души коллектива»; и даже если это не он первым натывается на станции на цистерну со спиртом — то именно он, Гагарин, кричит: «Давайте посуду!»

«Было спокойней, когда с нами был Гагарин. Уравновешенный, рассудительный, он чаще принимал правильные решения» (10). «Особенно нравился нам “Тимур и его команда”. Любил эти постановки и Гагарин. В наших глазах Юра был именно тем Тимуром. Заводилой, честным и отважным товарищем. Мог постоять за себя и за друзей» (10). «Неизвестно, чем бы все кончилось, но в это время мимо проходил Гагарин. Увидев, что одноклассников бьют, недолго думая, приемом самбо свалил Валета, а потом взялся за одного из его подельников. Юрка занимался боксом в школе, поэтому на противника сыпались поставленные хуки и прямые» (10). Смелый, сильный, ловкий, умный, веселый, рассудительный, благородный, осведомленный; и даже наглый он в каком-то хорошем смысле; наверняка мы позабыли какое-то из его достоинств, но, в любом случае, если прочесть мемуары внимательно, то легко убедиться, что Гагарин им обладает. По правде говоря, в какой-то момент начинает казаться, что Толкалин тоже «сочинил» своего Гагарина, просто вместо сахара использовал специи и пряности — или все же нет?

Собственно, чтобы разрешить это противоречие, автор этой книги и разыскал — в городе Туле — Л. Н. Толкалина. Нужны были не подробности о Гагарине образца 1947, допустим, года — которых в его книге и так хоть отбавляй, а ответ на вопрос: Гагарин правда был прирожденным лидером — или Толкалин приписал это ему задним числом, имея в виду тот удачный набор обстоятельств, который ему выпал в дальнейшем?

Лев Николаевич Толкалин — на его визитке написано (ей-богу) «Lion N. Tolkaline», а в своей книге он иногда называет себя, в третьем лице, «Левка» или даже «Толкушка» — оказался плотным, с военной выправкой и осанкой мужчиной, глядя на которого, ясно, что раз обычные гагаринские одноклассники выглядят в 76 лет так бодро, то Гагарин — бывший одним из самых здоровых людей в стране — выглядел бы в своем возрасте как молодой Ален Делон. Также Толкалин являет собой живое опровержение представ-

лений о «неинтеллигентности» коммуникационного пространства юного Гагарина: Лев Николаевич из технарской интеллигентской среды, и Гагарину, сыну плотника и свиарки, двери туда тоже были открыты — и он этим входом часто пользовался. Сейчас Л. Н. Толкалин заведует в Тульском государственном университете кафедрой радиоэлектроники; он изобретатель-профессионал, лауреат Госпремии, до Горбачева работал в оборонке, делал для космоса радиооборудование. У него в кабинете есть специальный красный уголок, посвященный Гагарину и космосу, — фотографии, вырезки из газет, плакаты, автограф космонавтки Савицкой; видно, что бывший одноклассник до сих пор занимает в его жизни важное место.

Самое удивительное в толкалинских мемуарах вот что. С одной стороны, эти новеллы о гжатском Томе Сойере — замечательная альтернатива приторной подростковой «гагариане» вроде «Рассказов о Гагарине» Ю. Нагибина или «Любимца века» Л. Обуховой, да и мемуарам матери — которые пусть и не приторные, однако никакая мать не станет рассказывать о том, как ее сыновья впервые экспериментируют с употреблением крепкого алкоголя («Кто еще пробовал? — Мне пришлось раза два, — припомнил Юра. — Старший брат Валентин как-то приносил с Пречистенского спиртзавода. Решил надо мной подшутить. Ну, я выпил вместо воды спирта немного, закашлялся. А брат гоготал» (10)). С другой, странным образом, толкалинское свидетельство — в котором есть глава «Гагарин-хулиган» — не опровергает представления об «идеальном Гагарине-юноше» и вообще не противоречит канону, а, наоборот, скорее подкрепляет его — но как бы с другой стороны радуги; то есть толкалинский Гагарин матерится, носит при себе нож (и пускает его в ход), очевидно, ведет добрачную половую жизнь — однако умудряется оставаться тем же самым Гагариным, который известен нам по «советским» источникам.

Толкалинское свидетельство (которое, правда, тоже записано сильно задним числом, поэтому когда читаешь про то, как перед важным поединком Гагарин снимает ботинки, подозреваешь, что снимает он их тут потому, что Толкалин знает, что перед тем как впервые усесться, по предложению Королева, в макет «Востока», его друг тоже снял ботинки), казалось бы, десакрализует юного Гагарина, но одновременно — категорически подтверждает наличие качеств, которые приписывали ему уже после канонизации. То есть он был с самого начала «альфа-самцом». То есть он правда обладал ярко выраженными лидерскими качествами. То есть он правда мог вести себя как «пионер-герой» во время оккупации. То

есть он часто проявлял способность к физическому столкновению с применением холодного оружия. Выражаясь вульгарно, главное ощущение от толкалинского текста вот какое: Гагарин правда был таким, как про него рассказывали, и даже еще круче.

Ни разу не упомянутый в гагаринской «Дороге в космос», Толкалин осознает — и дает понять, — что не был ЛУЧШИМ другом Гагарина (лучшим был Валька Петров, он уже умер), однако знал его хорошо, два года учился с ним в параллельных классах и еще два — в одном и много раз общался с ним один на один. Он трезво оценивает свою способность составить о Гагарине объективное мнение — и кажется рассказчиком, которому можно доверять; вообще, он то, что называется «абсолютно вменяемый», и производит впечатление человека если и не остроумного, то скептического, способного иронизировать и над собой, и над собеседником. Он сознательно старается избегать речевых клише и приводить живые примеры.

Зачем он их написал, эти свои мемуары? Во всяком случае не для того, чтобы выполнить чей-то заказ или с намерением подновить иконный образ и «напугать молодежь»; более того, в оригинале, не в журнале, подзаголовок книги — очень неожиданный: «Смешные истории о Гагарине». Словом, Толкалин явно не из тех, кто сделал воспоминания о знаменитом однокласснике своим бизнесом. Более того, он даже готов издать мемуары бесплатно. Почему бы тогда ему просто не выложить их в Интернет, чтобы все могли прочесть? Украдут и станут приписывать его оригинальные истории себе. Но ведь эти мемуары написаны от «я», он там полноправный персонаж? Все равно, в Интернете всё крадут. Резонное замечание.

Лев Николаевич позиционирует себя как литератора-любителя — и, надо сказать, эта скромность настолько же достойная, насколько неуместная: его «истории» — это не просто обрывочные воспоминания, как у большинства окологагаринских мемуаристов, а вполне четко организованные, вписанные в рамочную конструкцию, выстроенные на контрасте двух эпох — сегодняшней и тогдашней — рассказы. «Рамка» состоит в том, что рассказчик как бы осуществляет ревизию мест, где провел детство («и вновь я посетил»), и предается воспоминаниям. У него прекрасно получается писать сценарии, менять ритм, то есть это мемуары замечательные не только по фактуре и по тому, как воспроизведен антураж эпохи, но и «по литературе».

Мы склонны крайне скептически воспринимать «рассказни» про то, каким ангелом был юный Гагарин: как он всю дорогу в космос был старостой класса, разинув рот, слушал учи-

теля физики, конструировал авиамодели с бензиновым моторчиком, а на школьных вечерах проникновенно читал отрывки из романа «Молодая гвардия». Да, все это сейчас режет слух чрезвычайно — однако не стоит экстраполировать сегодняшние представления о жизни на людей 1940-х годов. У них был совсем другой опыт, радикально отличающийся от нынешнего.

В 1945 году в Гжатске открылось педагогическое училище, которое должно было готовить учителей; и тренировались они как раз на третьем — гагаринском — классе базовой четырехлетки. Завучем здесь была «Ираида Дмитриевна Троицкая, в те годы депутат Верховного Совета СССР. Необходимо признать, не во всех районных городах завучи были депутатами Верховного Совета» (11).

«Какое это было здание! Большие, частично застекленные окна, высоченные потолки, паркетные полы. Все это отдавало давней, вековой постройкой. Конечно, пол и потолки изрядно потерты и закопчены. Но в наших глазах это был настоящий дворец!» (10).

Н. В. Кондратьева, учительница Гагарина в 3-м классе, вспоминает (12), что «окна школы были наполовину заколочены досками», а ученики были постоянно полуголодными; на большой перемене она «шла с фанеркой в учительскую, где на каждого ребенка выделялся 50-граммовый кусочек хлеба, посыпанный сахаром, а потом с этой фанеркой обходила всех ребят, и каждый брал свой кусочек».

«Условия, в которых мы учили ребят, были очень плохими. Помещения-то были жилыми и совсем не приспособленными для учебы: комнатки небольшие, парт почти не было, за исключением тех, что остались после войны. Вместо них стояли длинные столы, окрашенные в черный цвет. Вместо стульев — скамейки. И вот за этими столами сидело по несколько человек. Бывало, вызываешь кого-нибудь к доске, а обходить-то было тесно — и они раз — под стол, пролезали там и выпрыгивали к доске... Как мне помнится, в классах учились порядка 25—30 человек. Многие из них пережили здесь оккупацию и поэтому переросли на год-два» (13).

При всем этом тотальном дефиците тепла, канцпринадлежностей и пространства здесь творились удивительные вещи. Учитель физики, отвоевавший всю войну штурманом на бомбардировщике, в 1947—1948 годах, увидев, что парни интересуются авиацией, умудрился притащить для них списанный самолет По-2, а когда пришло время объяснить феномен радиации и рассказывать, как устроена атомная бомба, — сыскать в разрушенном войной городке для лаборатории физики

чуть ли не радиоактивное оборудование; неудивительно, что находились подростки, которые, вместо того чтобы думать, как заработать на карманные расходы, все свободное время проводили в таких кружках.

В школе было много харизматичных учителей-мужчин, учителя всерьез воспринимали свои обязанности и, странным образом, работали не за зарплату, а за идею; дети хорошо представляли, как выглядит меритократическая иерархическая пирамида в Советском Союзе, и, соответственно, всерьез интересовались учебными предметами и не считали их априори ненужной обязаловкой.

Правда ли, что Гагарин был активнее, чем среднестатистический школьник? «Правда; когда он видел, что какое-то новое дело начиналось — ему обязательно нужно было туда влезть. Или по учебе у него что-то не получалось — он второй или третий за четверть — он нажимал, нажимал, нажимал». «Он рос, рос. Ему дают задачу — он выполняет». На что он был ориентирован — на карьеру, на результат, на отъезд из Гжатска? Какие у него были мотивировки для того, чтобы учиться лучше других? «Никто из нас так далеко глубоко не заглядывал. Просто у каждого был свой статус-кво. Были троечники, которым было все по барабану, были четверчники, а этот все хотел быть лучше других, постоянно. Если хватал трояк — он страшно переживал» (5).

«Много выпало на долю детей и общественно полезного труда: разбирали разрушенные войной здания средней школы, библиотеки, бани. Собирали урожай в пригородных колхозах: дергали лен, копали лопатами картофель. Убирали свеклу, морковь, расстилали лен, а сами были всегда голодными, плохо одетыми, в плохой обуви. Юра — светловолосый, худенький, стройный мальчик, у него было продолговатое личико с серыми зоркими глазами. Этими широко открытыми, пронизательными глазами он всегда смотрел в лицо человека, с которым разговаривал, — и его взгляд запоминался надолго. В школу он обыкновенно ходил в черных брюках, в белой, всегда чистой рубашке и аккуратно выглаженном пионерском галстуке. На голове его была пилотка (как у многих мальчиков в то время), а книги он носил в потертой полевой сумке, вероятно, прошедшей трудный путь войны. Это был его парадный костюм. А возвращаясь из школы, он надевал обычно полосатую ситцевую рубашку, старые штанишки и босиком бегал с ребятами, как в то время делали все» (15).

«У Гагариных был приличный огород, соток 15. Надо было кормить большую семью. Вскопать такую площадь было нелегко, да и убрать огород — тоже. Поэтому сажали картошку

часто под плуг, плугом и копали. Если хороший плуг достать не удавалось, управлялись сохой. Алексей Иванович брал лошадь у знакомого конюха, что жил на краю города. За лошадью обычно посылали Юрку. А тот любил лошадей и мог взять лошадь с поля, поездить верхом без сбруи, да и без ошибок запрячь в телегу» (10).

«...мы своей ватагой ходили на станцию Гжатск и собирали рассыпавшуюся при разгрузке картошку или сметали соль, а потом, разделив добычу поровну на всех, несли домой... Ловили в Гжати и продавали на станции раков... На рубль десять штук! В 1946-м через Гжатск шли составы с солдатами. Мы приносили в бидончиках и ведерках воду и на коротких остановках поили бойцов, за что в награду получали — кто звездочку, а кто пилотку или ремень...» (14).

Ну или — «мать даст рупь на кино. А идешь, там — отбирают: шаечки были. Развлечений не было — кинотеатр только, очередь огромная, мест не хватало, огромная очередь в кинотеатр. Кто-то в очередь, кто-то по головам» (5). Отсюда сцена: «В кассу <кинотеатра> — маленькое окошечко в пристроенной будке — стояли сотни людей, в основном пацанов со всей округи. Очередь была настолько тесной, что нахалы свободно лезли по головам и просовывали рубли в оконце. Пришел и наш класс. Но нахалов среди нас не было. Поотиравшись, вышли на улицу. Но здесь уже шуровала банда парня по кличке “Шамай”. Шамай осклабился.

— Что, Гагара, не солоно хлебавши? Примыкай к нам, сейчас у кого-нибудь отнимем.

— Нехорошо отнимать.

— А ты сходи купи, а мы у тебя и возьмем.

Юра ничего не ответил, а Шамай зачем-то полез по выбитой снарядами и пулями отвесной церковной стене. Он явно бахвалился своей ловкостью и бесстрашием.

— Что, Гагара, слабо, как я! Или жила не та?

— Да нет, та, только в дурь я не играю.

— Давай в очко сыграем. Деньги есть?

— Откуда?

— Тогда давай померимся, кто выше заберется.

Чувствовалось, хулиган не шутит. Его прихлебатели загоготали. Видно, ему не впервой лазать по стене.

— Что, уже наложил в штаны? — не унимался Шамай.

У Гагарина заходили желваки на скулах.

— Пошли отсюда, — посоветовали Толкач и Славка Нижник.

Между тем начинали собираться одноклассники. Так, на всякий случай.

— А Гагара-то ваш того, слабоват, — обратился к ним “бугор”. Гагарин, между тем, начал снимать ботинки.

— Ты что, совсем рехнулся? — удивился Валя Петров. — И не думай! Сорвешься!

— Ну, если уж я “в штаны наложил”, посмотрим, чья возьмет! Сорвусь так сорвусь. Иногда надо и рисковать.

Несмотря на протесты своих, Юрка уже примеривался, нащупывая дыры от вывалившихся от пуль и осколков кирпичей. Метров шесть они лезли вровень. Шамай громко сопел и ругался матерно, если соскальзывала нога. Ботинки он снят поленился, так как был самоуверен. Наконец Юрка вышел вперед на метр.

— Хватит! — орали ребята Гагарину. — Разобьешься!

Метрах на десяти Шамай остановился, и у него сорвалась нога. Но он удержался на руках, ругаясь и ища опоры. Начал слезать и Юра. Слезать было куда труднее, чем лезть вверх. Стоящие внизу ребята притихли, глядя на придурков. Ботинки у Шамае то и дело соскальзывали. Наконец он выбился из сил и стал трехэтажным матом орать на своих.

— Сделай чо-нибудь, Черный.

Черный, нагловатый малый, смотрел, задрав голову.

— А чо я сделаю? Как залез, так и слезай.

— Ну, сучара, дай только слезть, я те врежу!

— А ты сперва слезь! — гоготнул Черный.

Гагарин прислушивался к перебранке и, наконец, понял, что шутки плохи.

— Левка, дуй, звони пожарным! <...>

— Зря рисковал, — вполголоса прогудел Валя Петров. — Шамай того не стоит.

Гагарин же ничего не ответил. Но видно было, что о риске он не жалеет. Надо было проучить хама. А рисковать, конечно, иногда приходится, даже жизнью» (10).

Гагарин постоянно проявляет именно те качества, которые и должны быть у человека, 12 апреля 1961 года оказавшегося внутри капсулы на верхушке гигантской ракеты.

Толкалинская книга — ценнейшее свидетельство, поскольку документирует тот факт, что все эти качества не были приписаны Гагарину задним числом, что он был таким, каким хотела его представить советская пропаганда, с самого начала; что при всем своем везении вовсе не случайно там, в капсуле, оказался именно он — потому что он обозначил свои претензии на место в этой капсуле с детства.

Здесь все постоянно оглядываются на Гагарина, ставят его

в пример, равняются на него, прибегают к его помощи и заступничеству, апеллируют к нему в качестве неопровержимого аргумента для разрешения любого спора. Он признанный эксперт во всех мыслимых сферах подростковой жизни: саперное дело, сапожное дело, ловля раков, тушение пожаров, драка с применением «приемчиков». Он «и столяр, и плотник, и на все руки работник». Он лучший лыжник класса и даже школы. Он прекрасно проявляет себя в строевой подготовке и упражнениях с оружием. Он дока в трофейном оружии. Он в состоянии победить сразу двоих одноклассников в армрестлинге. Он, еще не научившись играть на инструменте, становится «начальником оркестра» — «первой трубой».

Он вообще все время командует — причем так, что все признают за ним право распоряжаться как естественное. Он постоянно в движении: то едет в Москву, то в лес за детонаторами, то на велосипеде за орехами. Он постоянно учится каким-то дополнительным умениям, которые авось пригодятся в жизни — механика, фотодело, игра на трубе. Его конек — действия в экстремальных, стрессовых ситуациях, когда требуется не только смелость, но и рассудительность, уравновешенность: пока все его приятели телятся, он моментально придумывает единственно верную стратегию тушения пожара, понимает, что делать, когда бомба вот-вот взорвется; он дерется, сознательно и расчетливо выбирая победную стратегию.

Несколько раз он проявляет себя как «воин-поединщик» — за счет победы которого его «ватага» получает возможность беспрепятственно продвинуться через территорию, занятую бандой противника, — ступить на важный мост, проникнуть в кинотеатр. Очень любопытная особенность, учитываемая то, что и космонавты, как давно подмечено (16), не кто иные, как воины-поединщики XX века.

При всех своих экстраординарных, почти суперменских достоинствах Гагарин вовсе не лишен черт, присущих нормальному подростку. В круг его интересов входят не только учеба, спорт, музыка, литература, театр и техника, но и секс; в его речи часто встречаются вульгаризмы в самом широком диапазоне; он способен приврать, повести себя неуважительно по отношению к взрослым — какой бы «отцовской» ни была для него фигура школьного учителя физики Беспалова, увидев его в обществе другой школьной учительницы, он может подтрунивать над его внеклассной сексуальной жизнью.

«Потом в Гагарина вселился бес. Он вдруг встал на телеге во весь рост, повернулся к преподавателям и заорал:

— Лев Михайлович, как Олимпиада Петровна? А?» (10).

Толкалин описывает его сверхчеловеком, идеальным альфа-самцом. А у него были какие-то слабости? Он заплакать мог, например, из-за чего-то? «Да, бывало. В шестом-пятом ни разу не видел, а в третьем было». И из-за чего? «Ну, сперли у него, я помню, куртку хорошую. У отца-то нет другой куртки. Всплакнул, было дело. Мы искали — не нашли. Был обычный человек». А еще? «Проиграл как-то в футбол, его команда — тоже после разочек всплакнул. Но плакал зло. В следующий раз выиграл» (5).

А вот в Гжатском музее хранятся его письма из Саратова однокласснице Аиде Лукиной — крайне сдержанные, но понятно, что между ними были какие-то отношения. Известно какие? «Они там любовь крутили. Она чуть не вышла замуж за него. Понимаете, он физически, как парень, очень рано повзрослел. Мы еще были пацаны, а он — в шестом классе это был уже парень, который интересовался девочками». Нравы отличались от нынешних? «Ходили, за пальчики держались, звезды считали. Хамства не было» (5).

«Парочка присела на скамеечку, и Гагарин обнял Аиду, а та прижалась к его щеке. Кавалер же опустил руку на талию» (10).

Мы склонны воспринимать Гагарина как крайне застенчивого — в характерной советской манере: несветского, неартистичного, увальнеподобного — молодого человека, который, когда его целует Джина Лоллобриджида, держит руки по швам и подставляет ей щеку, не делая ни малейших попыток самому прикоснуться к ней губами; образ этот, судя по всему, совершенно не соответствует действительности; Гагарин имел большой опыт публичного флирта, вовсе не чувствовал себя в такого рода ситуациях «некомфортно» или «скованно» — просто, по-видимому, понимал правила игры и знал, что советскому офицеру лучше вести себя на публике не так, как рок-звезде.

Подробно расспрашивать Л. Н. Толкалина о юношеских увлечениях Гагарина бессмысленно — он и так пристально наблюдал за своим рано развившимся физически одноклассником и написал об этом все, что знал; поэтому мы возвращаемся к «прочим увлечениям». Толкалин все время описывает банды противников. А у них была шайка? «Шайки не было, но мы вокруг Юры компоновались». Он настаивает — именно вокруг него? «Он вообще такой плотный был малый, и братан пришел — он подучил его хорошо; он воевал в танковой разведке — там все было; и он знал приемчики. Нам-то неоткуда было знать, а он иногда помогал; сам не лез драться никогда, но сдачи давал хорошо». Ну а всё же, на чем еще, кроме Гагарина, базировалась их группировка? «Наша группировка ба-

зировалась на оркестре духовом. Кто ходил туда — в основном наши одноклассники — носили с собой мундштуки». Мундштуки? «Да, знали, что мундштуками в случае чего можно отбиться. У музыканта мундштук первое оружие — как кастет; поэтому мундштуки у нас всегда были в карманах».

Мундштуки — и оружие: настоящее. «Не пользовались спросом немецкие автоматы “Шмайсеры” и наши “ППШ”. Другое дело пистолеты. Были и офицерские “Парабеллумы”, и «Вальтеры», и даже маленькие генеральские браунинги. В русских окопах находили наганы и пистолеты “ТТ”. Оружием менялись по принципу: махнем не глядя. Обмененное оружие принято было чистить, смазывать и доводить до кондиции. Ржавые стволы оттирали до блеска, а потом воронили примитивным способом, разогревая в смеси льняного масла с углем. На этом частенько и попадались родителям. Они драли за оружие нещадно. Но это мало помогало. Прятали от родителей и милиционеров с одной целью: в нужное время пострелять. Юра, если видел новую систему, обязательно обменивался. Умел заряжать и стрелять из любого исправного образца, а неисправный — ремонтировал. За домом, в огороде, был крытый окоп, где прятались запчасти, патроны, инструменты. Там Юрку частенько и заставал отец Алексей Иванович и, бывало, журил, да так, что тот с полчаса незаметно почесывал свою заднюю часть».

Окоп? Оказывается, еще до прихода немцев за каждым домом в Гжатске, в огородах, по распоряжению военного начальства, были вырыты окопы — в которых были и настоящие блиндажи, с настилами. После войны они использовались мальчишками — и Гагариным тоже — как склады оружия.

По правде говоря, в описании Толкалина послевоенный Гжатск напоминает русскую версию Дикого Запада. Здесь у каждого мужчины есть оружие, а мальчишки играют в войну с настоящими, заряженными боевыми патронами пистолетами. «В войну играли — улица на улицу, мы в наших окопах, а они — в своих. У нас у Петрова был “дегтярев”. Ходили в атаку. Как дашь — не в людей, конечно, поверху, трассирующими, — цепь залегала. Ну и немецкие гранаты, толкушки бросали, они же такие, для атаки, метров на 25, не поражают — бросишь куда-нибудь...» (5).

Вообще, существует много свидетельств — и клушинских, и гжатских — того, что Гагарин в детстве постоянно имел дело с неразорвавшимися снарядами. У самых разных мемуаристов повторяется одна и та же мизансцена: он сидит верхом на снаряде и лупит по нему молотком, пытаясь снять взрыватель и

добраться до пороха. Не будет натяжкой заметить, что, очевидно, эксперименты с неразорвавшимися снарядами в детстве способствуют тому, что в молодости человек без видимых проблем поднимается на лифте на верхушку заправленной тоннами горючего космической ракеты.

Общее впечатление от знакомства с толкалинской книгой и другими источниками можно резюмировать так: Гагарин рад был переехать из деревни в город, поменять крестьянскую атмосферу на мешанско-рабочую. Гжатск был для Гагарина комфортной средой, которая могла удовлетворить самые разные его запросы. Тем удивительнее: ни с того ни с сего Гагарин решает, не доучившись в семилетке, бросить школу после шестого класса и уехать в московскую «ремеслуху». Это неожиданное решение дает повод подозревать, не было ли оно следствием некоего не известного биографам происшествия: не совершил ли Гагарин нечто такое, из-за чего ему пришлось спешно эвакуироваться из Гжатска?

Нет смысла утаивать — такие вещи лучше проговаривать: краем уха, с чужих слов, автор слышал, что молодой Гагарин якобы принимал участие в чем-то вроде ограбления магазина: это называлось «надломить ларек» — и якобы именно чтобы избежать наказания, он покинул Гжатск. Беседы с гагаринскими знакомыми показывают, что все эти слухи следует квалифицировать как беспочвенные; во всяком случае, у нас нет ни одного свидетельства, позволяющего всерьез принять эту версию. Если Гагарин в самом деле вынужден был сорваться в Москву, чтобы не угодить под арест, — почему в дальнейшем он не избегал Гжатска и всегда приезжал туда на каникулы? Затем, Гагарин уехал в Москву вовсе не «вдруг» — а лишь со второй попытки (об этом ниже). И самое главное — у него были поводы, гораздо более прозаичные, для того, чтобы уйти из школы раньше, чем следует.

«Семья Гагарина, потерявшая в войну всё, жила в первые послевоенные годы бедно. Не было ни хорошей обстановки, ни приличной одежды. Отцу с больными ногами приходилось работать плотником. На матери лежал огород и работа по дому. В то время была (любопытная деталь. — *Л. Д.*) введена плата за обучение в 8—10-х классах и в высших учебных заведениях. И Юра задумал сам пробивать себе дорогу в жизни» (15). Толкалин также категорически отрицает «криминальную версию» — не тот характер — и подтверждает, что Гагарин был далеко не единственным из их класса, на кого давили отцы и требовали как можно скорее получать профессиональное образование — рабочую то есть специальность. Сам он склонял

Гагарина к тому, чтобы доучиться, — но на того не подействовали дружеские увещания. «Он увидел: этот ушел, тот ушел, Петров ушел, Васильев, полкласса ушло, я могу перечислить...»

В седьмом классе учатся тринадцатилетние дети, а Юра Гагарин был пятнадцатилетним юношей; возраст, когда способные к самоанализу и ориентированные на большую карьеру молодые люди уже становятся главными героями романов. И если уж не «Красное и черное», то «Пятнадцатилетнего капитана» Гагарин читал к тому времени наверняка.

Летом 1949-го Гагарины начинают готовить экспедицию на восток — в Москву.

Глава третья

ГАГАРИН И ОГНЕННЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Разумеется, гагаринское ПТУ теперь называется «лицей», так что еще через 50 лет фраза «Гагарин, как и Пушкин, учился в лицее» наверняка не будет казаться такой нелепой, как сейчас. Так же эволюционирует и понятие «черт знает где»: в 1949-м Люберцы для москвича, живущего в центре, были то же самое, что Камчатка, сейчас это город, граница которого с Москвой — условность; скоро мы и вовсе перестанем понимать, почему биографы говорят, что Гагарин уехал из Гжатска учиться в Люберцы, а не — попросту — в Москву.

Если цены на квадратный метр жилья как-то отражают рейтинг благополучия районов, то Люберцы — промышленный пригород на востоке Москвы, который в конце 1980-х благодаря субкультуре «люберов» пользовался едва ли не самой зловещей репутацией в стране, — не самое уютное место на свете.

В 1949 году Люберцы представляли собой железнодорожную станцию и россыпь рабочих поселков вокруг одного большого завода и множества маленьких. Жизнь была, как нетрудно догадаться, не сахар. Карточки отменили в 1947-м, но провизия и товары по-прежнему в дефиците, промышленность только-только перестала работать на войну, и конверсия происходила медленно. Всюду были «толкучки», где дороже всего стоил трофейный ширпотреб. Огромное количество инвалидов и нищих, часто одновременно.

Люберецкий краевед так описывает тогдашний центр города — привокзальную площадь с распивочным заведением «Голубой Дунай», где собирались молодые ветераны войны. «Рабочие с ГЛЗ (государственный люберецкий завод) приносили для продажи дрова (обрезки досок и чурбачки). Целый ряд торговков предлагали “кофе” (из желудей) и “какао” (из шелухи от очистки зерен). Бабушки варили дома “питье”. Заливали в утепленные чайники и приносили на площадь. Зывали покупателей: “Кому горячий кофий!”, “Покупайте сладкая

какава!” Тут же можно было купить вареную картошку с укропом, лепешки. Девчонки и мальчишки жевали жмых (остатки семян масличных растений после выжимания из них масла), чаще из подсолнечника» (3).

После 1991 года малопрестижные профтехучилища часто выдавливали на окраины городов, однако Люберцы — исключение: лицей, приятное глазу здание казенной архитектуры, стоит посреди здешней хай-стрит, Октябрьского проспекта, — на случай если вы соберетесь туда — справа от большого, напоминающего мексиканскую гасиенду, Макдоналдса; примерно на месте его парковки находилось общежитие ремесленного училища при заводе сельскохозяйственных машин имени Ухтомского.

Вымощенную площадку перед зданием лицея украшает постамент со скульптурой Гагарина. Судя по некоторой разбалансированности членов, космонавт изображен в состоянии не то невесомости, не то эйфории от успеха советской космической программы. Между пьедесталом и ногами — шар и некая железная лента, наверное, «орбита». Памятник несколько лубочный, кто-то даже мог бы назвать его китчевым, однако это тот случай, когда примитивистская форма удачно отражает не «психологию» и «внутренний мир» персонажа, а коллективные представления о нем: над Люберцами парит трогательный человек будущего, ставший со временем добрым духом города, гением места. В 2010 году англичане, планируя праздновать пятидесятилетие первого полета в Лондоне, купили право сделать копию именно с этого памятника.

«Летом 1949 года Юрий окончил шестой класс. Ничего радостного в этом окончании не было. Беззаботные школьные годы прерывались почти на половине. Он все больше понимал, что не суждено уже будет ему первого сентября пойти в седьмой класс и сесть за парту... Семья Гагариных бедствовала. Деревенский домик, который в Клушине разобрали, а на окраине Гжатска поставили своими силами, состоял из кухни и двух тесных комнат; вторая была скорее боковушкой, чем отдельным помещением. А жило здесь восемь душ. Вернулись под родительский кров Валентин и Зоя. Зоя вышла замуж и родила дочь Тамару. Заработки у взрослых членов семьи были мизерными. Отец плотничал по найму в окрестных колхозах, часто с ним вместе надолго уходил и зять. Валентин работал монтером, но сорвался со столба и долго лежал в больнице с угрозой ампутации ноги» (2). Тот же источник утверждает, что это отец, по сути, вытолкнул Гагарина в Москву: «И Юре после шестого класса твердил: иди да иди в ремесленное» (10). В конце концов многие бросали школу сразу после четвертого

класса — обязательным тогда в СССР было лишь четырехлетнее начальное образование; дальше всё решали родители.

Так или иначе, летом 1949-го Юрий — очень странно, что без предварительного письма или телеграммы — «прикатил к нам в Москву с деревянным сундучком в руках» (11). К кому «к нам»? «Зацепка у меня была насчет Москвы. Там жил брат отца — Савелий Иванович, работавший в строительной конторе» (8). Разумеется, это было рискованно — рассчитывать на жилплощадь и тем более помощь родственников. По-видимому, Гагарины надеялись на возможности дяди Савелия — который не то «работал на заводе имени Войкова» (14), не то был директором завода «Красный радиатор» (12). Хотя дочь дяди Савелия скромничает — «работал в строительной конторе, заработки маленькие» (11); возможно, «Красный радиатор» возник в сознании Валентина Гагарина потому, что адрес дяди был 2-я Радиаторская улица, дом 2, квартира 4 (слишком много радиаторов для одного эпизода).

Так или иначе, встретили Юрия хорошо, сводили в Третьяковку и в цирк (11) — «показывали столицу со всеми ее красотами» (8), однако когда стали выяснять, куда поступать, оказалось, что «сделать уже ничего невозможно: в Москве экзамены повсюду прошли» (10).

«Но он не может снова вернуться в Гжатск! — горестным шепотом сказала жена» (10).

Почему не может? Темная история.

Тут и возникли эти самые Люберцы:

«— Тогда остается ремесленное училище в Люберцах» (10).

«А затем я отвезла его в Люберцы...» (11).

По правде говоря, весь этот эпизод не выдерживает никакой критики: свалился как снег на голову, неделю развлекались, потом спохватились, прослезились, но вспомнили про Люберцы — и утешились; Гагарины ведут себя так, словно они персонажи «Семейки Адамсов», очень странно.

Есть, однако, альтернативная версия лета 1949-го — которая изложена никак не засвеченным в «Дороге в космос» — и поэтому мало известным каноническим биографам — двоюродным братом Гагарина по материнской линии Владимиром Дюковым, который и тогда жил, и теперь живет в Клязьме. Он утверждает, что летом 1949-го Юрий приехал к ним в Клязьму с братом Валентином: «Тот привез младшего устраивать в столице в ремесленное училище. Но Юру не приняли. Уехали братья домой ни с чем. Юра пошел в 7-й класс в Гжатске. А в последних числах сентября родной брат отца Алексея Ивано-

вича, живший в Москве, прислал телеграмму: “Срочно привози Юру!” В Люберецком ремесленном училище № 10 при заводе сельхозмашин им. Ухтомского был недобор, и Юрин дядя уговорил директора принять племянника с условием: паренек пойдет в 7-й класс школы рабочей молодежи» (5).

Эта версия гораздо более понятная. Летом, в июне, Гагарин со старшим братом Валентином приезжает поступать в Москву. Его никуда не берут — скорее всего потому, что у него закончено всего шесть классов, а берут после седьмого. Раз уж выбрались из дома, братья заезжают в Клязьму к родственникам — а потом возвращаются в Гжатск, не в самом лучшем, надо полагать, настроении. Но затем появляется информация о том, что в Люберцах могут взять и с шестью классами — Гагарин срывается с места, мчится в мир радиаторов — там его подхватывает двоюродная сестра Антонина — и так поступает. Подтверждается и датировка — в «Поименной книге ремесленного училища № 10», выписка из которой экспонируется в Люберецком музее, написано, что Гагарин зачислен в училище согласно приказу № 140 от 30 сентября 1949 года. Все правильно: «в последних числах сентября прислал телеграмму».

Получается, правда, что Гагарин закрепился в Москве со второй попытки; эта информация показалась неуместной авторам официальной биографии — и они подправили даты своему подопечному.

«Шел август 1949 года. Люберецкое ремесленное училище № 10 осаждали толпы подростков, съехавшиеся из Подмосквы, Смоленской, Калужской и других близлежащих областей» (4). Осаждали; однако, надо сказать, любви с первого взгляда не возникло ни с той стороны, ни с другой. «Юра показался мне поначалу, — рассказывал он <завуч ремесленного училища>, — слишком хлипким, тщедушным. А вакансия оставалась единственно в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжести... Вроде бы ему не по силам. Да и образование недостаточное: шесть классов» (10). Гагарин, со своей стороны, также не горел желанием посвящать два года обучения странной специальности, с которой не понимал, что ему делать дальше; если уж на то пошло, он «рассчитывал выучиться на токаря» (4), ну или хотя бы на слесаря, «но учеба на этих отделениях, как говорится, не светила» (4).

Директора уболтала Антонина; самого Гагарина — директор училища Иван Степанович Тихонов, «фронтовик, офицер, очень авторитетный среди нас, подростков, человек, — вспоминает Т. А. Чугунов. — Ребятки, говорит, на эти специальности мы вас принять никак не можем, у вас же всего по шесть классов образования. Поступайте на литейщиков-фор-

мовщиков, туда возьмем. Мы, конечно, начали протестовать: мол, такие специальности-то не знаем, не нужны они нам. Директор поглядел на нас внимательно и спрашивает: “В Москве памятники стоят, видели? Так это же формовщики и литейщики их отливали. Огненные специальности, очень нужные, и вы будете ими владеть!” И мы согласились» (13).

Небольшое свидетельство о процедуре приема оставил однокурсник Гагарина Юрий Колыванов. Рукопись хранится в музее Люберецкого лицея № 10 в папке с не сулящим ничего хорошего названием: «Начало пути». «Ребят вызывали по списку. Они выходили и останавливались напротив комиссии за столом. В комиссии зачитывали их заявления с просьбой о приеме, справки об образовании и принималось решение о зачислении в группу. Выбор специальностей был невелик, токари, электрики, слесари и формовщики-литейщики. Вскоре мы, поступающие, поняли принцип распределения по специальностям, которым руководствовалась комиссия, — это образование и физические данные поступающих. Ребят с семилетним образованием распределяли в группы токарей и электриков, а тех, кто был с начальным образованием, — в группы слесарей и формовщиков-литейщиков, последних подбирали еще и по физическим параметрам.

...В конце работы приемной комиссии слово было предоставлено старшему мастеру училища. Он сообщил присутствующим в зале родителям тех ребят, которых приняли в группы токарей и слесарей, что на всех в училище не хватает штангенциркулей, и показал его. В то время этот прибор можно было купить на рынках-толкучках».

В тот момент, когда Гагарина со скрипом принимали в самую непрестижную группу во всем училище, мало кто понимал, до какой степени существенным окажется для города решение человека, отвечавшего за работу с абитуриентами. Двоюродная сестра Антонина потерпела неудачу в попытках уговорить завуча — не в смысле чтобы натянуть экзаменационную отметку до троечки (Гагарин все вступительные сдал на «отлично»), а чтобы дали общежитие. Ей было ясно сказано — идите ищите съемную квартиру, мест в общежитии нет.

«Попробуйте устроиться у местных жителей. В прошлом году наши ученики снимали там углы. Антонина и Юрий перешли железнодорожную линию, постучались в самый первый дом. Открыла старуха. Да, конечно, у нее жил ремесленник. И занимался тут, и спал. Тихий прилежный постоялец (она испытующе скользнула глазами по пришедшим). У нее очень хорошие условия, почти что отдельная комната. Берет недорого: всего двадцать пять рублей в месяц. “Почти отдель-

ная комната” оказалась тесным чуланом без окна, отгороженным грязной ситцевой занавеской. В чулан вмещались только раскладные козлы с соломенным тюфяком да больничная тумбочка, заменявшая и стол, и шкаф. Лампочка малого накала болталась на шнуре. Антонина оглядела этот затхлый закуток и за руку вывела брата на вольный воздух. После нескольких неудачных попыток они вернулись в училище. Третий раз за день Антонина постучалась к завучу.

— Ведь он не сможет платить даже одного рубля, поймите. Как-нибудь, хоть в коридор, поставьте кровать.

— Некуда. Не могу!

— Тогда... все равно зачисляйте! Будет у меня в Москве жить» (10).

По косвенным намекам в книжке Л. Обуховой «Любимец века» можно, однако, догадаться, каким образом Гагарины всё же решили эту проблему. Антонина — с которой Обухова подробно разговаривала, но, по-видимому, не всё могла прямо написать, поэтому изъяснялась экивоками — просто разжалобила завуча Горинштейна, задействовав свое женское обаяние. Так или иначе, весы склонились на правильную сторону — Горинштейн отошел на заранее подготовленные позиции и нашел лишнее койко-место. Так что теперь, обнаружив на гербе Люберец взмывающую в космические дали ракету, мы не думаем, что это ошибка и герб принадлежит, допустим, Звездному городку или Королеву. Нет, именно Люберцам: и ракета потому — что сюда взяли учиться Гагарина.

Свидетельства о двух люберецких годах в жизни Гагарина скудны и неразнообразны. Нам не известен ни один мемуарист, который сообщил бы об этом периоде что-нибудь не то что пикантное, а хотя бы не слишком пресное. Фактическим монополистом в этой сфере является один человек, Тимофей Андреевич Чугунов, который учился с Гагариным в одной группе и в Люберцах, и в Саратове (правда, в Саратове всего год: его забрали в армию). Как и Гагарин, этот достойный джентльмен был в оккупации, поступил в «ремесло» после 6-го класса — и затем доучивался (опять же с другом Юрой) за 7-й класс в вечерней школе. Он автор расплывчато озаглавленных мемуаров «С юности на всю жизнь». И тогда как все остальные их одноклассники по ремесленному либо умерли, либо используют технологию «стелс»* и никак не проявляются на радарх, Тимофей Андреевич, напротив, жив, здравствует и не делает вид, что автор книги о его однокашнике для се-

* Технология, позволяющая летательному аппарату оставаться невидимым для радаров противника. — *Прим. ред.*

рии «ЖЗЛ» — всего лишь еще одно докучливое насекомое, бьющееся к нему в окно.

Как часто бывает в мире, у всех этих удачных обстоятельств обнаруживается оборотная сторона. Чугунов, ставший-таки профессиональным литейщиком, в 1960—1970-х сам работал на Урале директором училища, похожего на люберецкое, поэтому склонен педалировать «воспитательный момент» — и не акцентировать какие-либо «темные стороны» гагаринской личности — ну или, по крайней мере, какие-то любопытные эпизоды, которые, несомненно, должны были случаться, учитывая тогдашний возраст героя этой книги и его склонность к авантюрным поступкам. Нет: «мы чувствовали ответственность, стремление учиться, получить специальность и побыстрее начать работать». Ясно. А было ли что-то «такое»? (Автор вопроса при помощи интонации дает понять, что в идеале ему бы хотелось услышать о причастности юного Гагарина к серии ритуальных убийств.) «Наша лично группа — таких никаких нарушений не было. Приключений особых не было».

«Юра очень любил цветы... поливал цветы и вытирал пыль с горшков. Рассказывал, что у них дома в Гжатске всегда было много цветов» (4). «Был очень способным парнем. Учился исключительно на пятерки, а на экзаменах всегда помогал более слабым товарищам» (4), инициировал культпоходы в зоопарк («На волков и лис обратили особое внимание» (4)), в Горки Ленинские, в парк Сокольники на встречу с турецким поэтом Назымом Хикметом, Пушкинский музей, театры; Тимофей Андреевич неисчерпаемый кладезь сведений.

Были ли у него какие-то способности, о которых никто не знает? Может быть, он показывал фокусы, курил сигары, умел шевелить ушами? Нет, не курил; а что же? всё то же: фотографировал и играл в духовом оркестре. «Другой раз такую шуточку сотворит с этой трубой!» Многообещающая пауза. «Как начнет реветь — все смеются и закрывают уши от его дудения».

Какое-то юношеское прозвище? (В одном из воспоминаний приведено подозрительное свидетельство о том, что «в шутку прозвали друга Юрия “Гусь-гагара”» — подозрительное потому, что фамилия мемуариста — тоже Гусев(9).) «Да нет. Для девочек он был “Юрочка” — настолько он привлекательный был, настолько добрый, никогда никого не обидит; улыбка, сам весь как мяч-попрыгун. У него очень память хорошая была, все схватывал на лету. Знал наизусть много стихотворений. В литейной группе ни одной девочки не было, но в других были — мы вечера проводили, танцы, кружки всякие» (1).

Гагарин в люберецком лицее — определяющий простран-ство элемент внутреннего убранства; цветные панно, бюсты, еще панно — что объяснимо: вам не нужно нанимать дополнительных вербовщиков, когда у вас есть выпускник, по которому ясно, что, если вы хотите попасть на обложку журнала «Тайм», вам вовсе не обязательно проводить юность в местах вроде Итона. Кстати, именно в Люберцах — а вовсе не в Саратове, как считается, — фамилия Гагарина впервые попала в газеты. Гагарину доведется оказываться много на каких обложках, о нем будут писать на первых полосах «Нью-Йорк таймс», «Дейли телеграф» и «Фигаро» — но первой им заинтересовалась «Заводская правда», многотиражка завода имени Ухтомского. 6 июня 1951 года здесь опубликована заметка М. Гурьевой «Экзамены в заводской школе рабочей молодежи». Она выполнена в лаконичной манере, напоминающей твиттер-послания президента Медведева. «В 7-м классе сдают экзамены 32 учащихся. Все они хорошо написали изложение и выполнили письменную работу по алгебре. Первыми до установленного времени сдали работы по алгебре Гагарин, Чугунов, Черножуков, Золотов, Напольская и другие. По этим предметам и по геометрии они получили “пятерки”».

Среди прочих меморабилий* в музее демонстрируется реальная парта, за которой сидел Гагарин. Деревянная конструкция выглядит убедительно; было бы здорово, если бы на ней оказалось еще вырезано что-нибудь, что позволило бы получить ответы на вопросы, которые роятся в голове у любого биографа: секс, конфликты, происхождение капитала — что там происходило в голове пятнадцатилетнего Гагарина, угодившего в чужую, наверняка враждебную, небезопасную среду? Но нет, приходится зачехлить лупу не солоно хлебавши.

Как он вообще смог выжить в этом криминальном аду, на окраине послевоенного мегаполиса? Да нет же; Чугунов, учившийся с Гагариным и в люберецком ремесленном, и в саратовском индустриальном, утверждает, что в Люберцах было даже «поспокойнее» — и вообще склонен описывать училище как своего рода тихую гавань. Хорошие преподаватели, забота государства («были на полном государственном обеспечении: нас учили бесплатно, одели в красивую форму молодого рабочего, предоставили места в общежитии, в столовой вкусно кормили три раза в день, а нам, литейщикам, дополнительно выдавали ежедневно 15—20 граммов сливочного масла и по стакану молока» (4)). Общежитие было одноэтажным, барачного типа, домом, где квартировали и учащиеся, и преподава-

* Памятных предметов. — *Прим. ред.*

тели. В комнатах жили по 15—16 человек; кровати обычные, пружинные, не двухъярусные; матрацы набиты морской травой; стол, табуретки, тумбочки. Это открывает Т. А. Чугунов; Л. Обухова, с чьих-то еще слов, сообщает и другие подробности: комната здесь часто шла на комнату, а группы «превращались в ватаги» (2). «И в первый же год было у них генеральное сражение с парнями по второму году обучения. Второгодники хотели главенствовать и добивались этого методами откровенного насилия: они становились цепью в узком проходе и ловкими движениями срывали пояса у новичков. Пояса были на защелке под крупной металлической бляхой; раздавался быстрый лязгающий звук — и противник оказывался распояской, в виде, абсолютно унижительном для мужского достоинства!» (2). И вообще, «случалось всякое, особенно в первый год. Даже скоропалительная “забастовка” из-за невыданных спецовок. Заупрямившиеся ребята решили не выходить из спальни и для этого... залезли под кровати» (2).

«Всем учащимся выдали шинели, девушкам коричневые платья из полушерсти. Обедать ходили группами в столовую соседнего весового завода. После голодных лет войны каша с маслом, мясные щи казались <...> царской едой» (6). Да, все это несколько напоминает антураж викторианского рабочего дома из «Джейн Эйр», но, с другой стороны, то был мир, где дефицит товаров первой необходимости компенсировался государственной поддержкой, а суровость условий и ранний отрыв от родительской заботы — коллективизмом: если ты детдомовский сирота — а таких в их группе было двое — то все демонстрировали тебе сочувствие и старались как-то тебя обогреть; когда кто-то ездил к родственникам и привозил продукты — сирот кормили в первую очередь (1); если ты заболел малярией и денег на лекарства не было, то можно было рассчитывать на то, что приятели укроют тебя всеми своими матрацами, а сами пока будут спать на голых досках (7).

Сам Чугунов, правда, говорит, что, возможно, необъективен: всё ведь относительно, смотря с чем сравнивать. Для него — после войны, когда немцы пытались угнать его с матерью в Германию, — да, люберецкое училище казалось очень и очень спокойным местом. Надо полагать, для Гагарина — подростка, все имущество которого было кепка, китель со значком за спортивные отличия, часы-луковица и подержанный фотоаппарат «Любитель», — тоже.

У Обуховой есть история о том, как однажды, получив на руки заработанные деньги, молодые литейщики отправились на Перовский рынок «покупать чемоданы». Чемоданы? «Нам ведь выдавали обмундирование, и хотелось держать его в по-

рядке. Рынок был огромный, шумный, мы в нем чуть не потерялись, но чемоданы купили: большие, неуклюжие, фанерные. Изнутри оклеили их картинками — и остались очень довольны» (2).

Что это за чемоданы с Перовского рынка? Оказывается — Тимофей Андреевич оживляется — у этого случая была предыстория. «Родители нашего одноклассника Миши Седова купили ему там костюм — который им упаковали. Уже в Люберцах, когда развернули, выяснилось, что костюм подменили ворохом тряпок. Юра Гагарин и мы возмутились — и поехали на рынок искать обманщиков. Никого не нашли — но зато сами сделали некоторые приобретения». Чугунов — военный китель, Гагарин — фанерный чемодан. Какими именно картинками имел обыкновение обклеивать Гагарин свою мебель с внутренней стороны, Чугунов не помнит.

Что касается преступности — опасно ли было перемещаться по улицам с модным чемоданом? — то Чугунову вспоминается, скорее, как они ходили на дежурства вместе с милицией, которая использовала подростков из ремесленного в качестве кого-то вроде юных дружинников; «ходили с удовольствием».

Анна Тимофеевна, часто навещавшая сына в первые месяцы (14), понимала ведь, что ремесленное училище при заводе — училище, где даже при дефиците учебных мест в сентябре оказывается недобор, — не самое благополучное место на свете, — не знала, разумеется, что им еще повезло. В середине нулевых годов среда деградирует даже по сравнению с послевоенными годами: здесь будет убит директор училища.

Повезло и с товарищами, из которых общеизвестны Александр Петушков и Чугунов, но был и еще один важный человек, от которого Гагарин, по словам Чугунова, много взял — «и как спортсмен, и как человек». Виктор Лыков, тоже учившийся в их группе, был «отличный спортсмен». «Юра с завистью смотрел на его красивую спортивную фигуру, они подружались и вместе стали заниматься спортом. Между Виктором и Юрой шла “борьба” на спортивных снарядах. К концу 1949 года Гагарин начал крутить солнце на турнике». Лыков больше занимался спортом, чем учебой; Гагарин — и тем и тем. Вместе с Чугуновым и Петушковым, которые тоже пообещали, что закончат 7-й класс в вечерней школе, они поступили, уже в 1950-м, в школу рабочей молодежи. «Решили, вот получим среднее образование и втроем поступим в институт» (4).

Любопытное свидетельство, касающееся этого периода, удалось записать корреспондентке газеты «Люберецкая пано-

рама» Т. Савиной, которая обнаружила одноклассницу Гагарина по школе рабочей молодежи Веру Фетисову:

«Школа размещалась в подвале цеха ГЛЗ (как назывался завод в народе), где производились моторы, неподалеку от его 2-й проходной. В этой вечерней школе было несколько классов, где обучались не только молодые заводчане и учащиеся ремесленного училища, но и работники других предприятий города. Юрий Гагарин выделялся среди 20 учеников в классе своим очень серьезным отношением к учебе и самостоятельностью. Особенно любил литературу, физику, математику, был редактором классной стенгазеты. Среднего роста, улыбчивый, всегда подтянутый и аккуратный, он, в пример многим, ходил в тщательно отутюженных брюках, начищенных ботинках. И даже привычная форма учащегося ремесленного училища, где он учился одновременно со школой, выглядела на нем как элегантный костюм. По выходным ходили в заводской клуб на танцы, играли в волейбол, готовились к экзаменам на трибунах стадиона “Торпедо”, если там не было соревнований, влюблялись.

Юре Гагарину нравилась одноклассница Лида Тимченко, красивая девушка среднего роста с пышными темными волосами. Он ухаживал за ней, уговаривал продолжать учебу в техникуме. Лида работала в табельной деревоотделочного цеха. Позднее она вышла замуж за пожарного и уехала куда-то к нему на родину...» (6). (Чугунов тоже припоминает: «В классе — в школе рабочей молодежи — было много девочек. Лида Тимченко — единственная девушка, которая нравилась ему. Она работала на заводе. Симпатия была» (1).)

Еще в музее есть черная — в пандан к парте — форменная фуражка Гагарина, переданная для экспонирования матерью. Странное обилие черного цвета наводит на мысль о каком-нибудь колледже гробовщиков, однако для дизайнеров 1940-х черный, по-видимому, ассоциировался не столько с трауром, сколько с элегантностью — в той степени, в какой следует быть элегантными квалифицированным советским рабочим.

Училище было, по существу, юношеским колледжем при заводе сельскохозяйственных машин имени Ухтомского. Любопытно, что до революции завод принадлежал американскому гражданину, назывался, соответственно, «Нью-Йорк» — и, если википедия не врет хотя бы на этот раз, был одним из крупнейших машиностроительных предприятий в Европе.

Что значит литейщик-формовщик, специальность Гагарина? Принадлежащее самому Гагарину (в «Дороге в космос»)

описание того, чем занимаются литейщики, производит впечатление энигматического: «Мы делаем формы, ставим стержни, накрываем верхнюю опоку и ставим на конвейер». Ничего, кроме глупого вопроса «И что?», в голову не приходит.

В музее демонстрируется длинная, метра под два, металлическая кочерга, к которой приварено нечто вроде металлического же ковшика, — предмет, который, пожалуй, мог бы послужить иллюстрацией к старой итальянской поговорке «садишься есть с дьяволом — запасайся длинной ложкой»; это инструмент литейщика — по-видимому, чтобы зачерпывать в вагранке расплавленный чугун и переливать его в форму для заливки.

Вообще, когда говорят, что Гагарин был рабочим-литейщиком, услужливое воображение моментально помещает его с этой самой кочергой куда-то вроде гигантского *мартеновского* цеха, суетящимся вокруг *домны*, среди других *сталеваров* или по крайней мере просто *металлургов* (в духе любимого гагаринского соцреалистического романа В. Попова «Сталь и шлак»). Судя по всему, Гагарин-литейщик — в Люберцах по крайней мере — специализировался именно по чугуну, то есть он не был сталеваром и к мартеновским печам отношения не имел, а работал с вагранкой, не слишком большой печью с относительно небольшими температурами плавления. Проконсультироваться относительно терминологии и технических деталей процесса проще в Гугле, чем в люберецком училище — там теперь можно стать квалифицированным поваром или автослесарем, а вот если вы хотите «отлить лучший мир» (именно это пожелала Гагарину в Англии его тамошние коллеги по первой специальности), то ехать придется куда-то подальше: на литейщиков здесь уже давно не учат.

В общем, сколько можно понять, основной практикой начинающих литейщиков был отлив первичных металлических болванок, которые затем другие рабочие — токари, фрезеровщики — обтачивали на станках таким образом, что из них получались детали машин нужной формы. Модели для литья изготавливались вручную, вручную же — при помощи тяжелой трамбовки — уплотнялась формовочная земля; хилым и неуклюжим на такой работе делать нечего; ну и расти есть куда: набравшись опыта, можно было отливать готовые детали — шкивы, сложные шестерни, лопасти для лодок, а затем и... Теоретически, Гагарин смог бы сам отлить памятник первому космонавту, украшающий площадку перед лицеем № 10.

До этого, впрочем, не дошло, однако на втором году обучения группа Гагарина и Чугунова проходила практику на некоем заводе (адрес которого, к сожалению, не удержался в памя-

ти Тимофея Андреевича: где-то в Подмосковье). В маленьком литейном цеху молодые люди должны были произвести в высшей степени ответственное «архитектурное литье для украшения новых зданий Московского государственного университета»: решетки ограды и некие «ажурные колпаки» (*don't ask*). «Формовочных машин здесь не было. Все работы выполнялись вручную». Ездить сюда пришлось несколько недель подряд. В какой-то момент, вспоминает Чугунов, «в цех зашли представители от заказчика литья. <...> Один из представителей университета пригласил нашу группу на экскурсию в их городок. Юра Гагарин сразу засиял своей доброй улыбкой и произнес довольно громко: “На экскурсии я люблю ездить, но лучше бы поучиться в этом университете. Жаль, что только в этом году заканчиваю семилетку, но уже поставил задачу получить среднее образование, а потом и высшее”» (4). (Очень гагаринская, кстати, отлично сочетающаяся с его доброжелательной улыбкой, развернутая, демонстрирующая расположение к собеседнику, двухчленная речевая конструкция: «хорошо, что А, но есть еще лучше Б»; в дальнейшем он очень часто будет пользоваться ею на своих пресс-конференциях.)

Не бог весть какая занимательная история про этот заводик; однако в том факте, что Гагарин самолично выплавлял решетку для МГУ, можно при желании услышать символические обертоны: будущий космонавт уже тогда делает решетки — декоративные, что характерно — для своего государства.

Глава четвертая

ГАГАРИН И СЕРЫЕ ЧУГУНЫ

МГУ, обнесенный гагаринскими решетками, стал ощутимо величественнее, чем раньше, однако никому так и не пришлось в голову отблагодарить семнадцатилетнего литейщика, предоставив ему возможность пройти курс обучения на каком-либо из факультетов. Жаль: стрелки часов неумолимо приближались к двенадцати, а никаких идей о том, как именно должна выглядеть его дальнейшая карьера, у Гагарина не было. Теоретически, можно было сразу включить заднюю передачу и приступить к работе на каком-либо гжатском предприятии, однако насмотревшийся на Москву Гагарин счел такой сценарий малоперспективным.

Физрук, обративший внимание на его акробатические способности, посоветовал ему поступить в институт, где готовят преподавателей физкультуры. Л. Обухова утверждает, что Гагарин хотел попасть в физкультурный вуз города Риги (любопытно, что если бы он зашел в дверь, любезно приоткрытую для него биографом, то учился бы там более-менее одновременно с великим баскетбольным тренером Евгением Гомельским — многообещающее совпадение, учитывая гагаринскую одержимость баскетболом). Мать, Анна Тимофеевна, настаивает: то был Ленинград. Т. Чугунов уверен, что Гагарин поехал поступать в Мытищи, где якобы — смелое, но маловероятное предположение — находился филиал Ленинградского техникума физической культуры.

Скорее всего, Гагарин, будучи юношей практичным и сметливым, просто сел в Люберцах на пригородный поезд и проехал несколько станций до Малаховки — где находился Московский областной техникум физической культуры. Так или иначе, куда-то ведь он сдавал экзамены, раз Б. Столярж — отдавший свой голос за мытищинскую версию — приводит их результаты: «Пробежал стометровку за 12,6 секунды, километровую дистанцию преодолел за 2 минуты 46 секунд, прыгнул в длину на 5 метров 11 сантиметров, 26 раз отжался от земли,

получил наивысшую оценку при выполнении специального гимнастического комплекса» (20)*.

Отчаянное сопротивление идее стать инструктором по фитнесу неожиданно оказал отец — Алексей Иванович. Узнав из письма о намерениях сына, он «помрачнел» и задал довольно резонный вопрос: «Что же это за работа — бегать?» — после чего потребовал от жены: «Ты ему напиши, Нюра, что мужчины такое не к лицу». Та было заступилась за сына, но «муж уперся: «Напиши, Нюра. Если он в моем совете нуждается, слова моего ждет, так вот оно: я не согласен! Пусть бегают или там во что хочет играет, если останется свободное время от нужных дел»» (26).

Под «нужными делами» явно подразумевалась высокооплачиваемая должность квалифицированного рабочего — и что тут было возразить?

Закоперщиками поездки в Саратов выступили Чугунов и Петушков — во всяком случае, они приписывают себе эту заслугу. Почему именно Саратов, а не та же Москва; где Люберцы, а где Саратов? Дело в том, что еще в 1949 году Гагарин умудрился выбрать специальность, позволяющую прибиться к «нужным делам», — но крайне неудачную в плане возможности повысить свою профессиональную квалификацию.

Отсюда и Саратов — там был уникальный в своем роде техникум, где готовили мастеров по литейному делу. Важным фактором было то, что саратовский индустриальный входил в ту же оргструктуру, что и люберецкое училище: «Трудовые резервы». «Резервы», напомним, были оригинальной, разработанной в СССР глубоко эшелонированной системой подготовки рабочих кадров, позволявшей молодежи не просто получить специальность, но и развиваться в профессиональном отношении: фабрично-заводское училище — ремесленное училище — техникум. (Именно такой — отлаженной и демократичной — системе образования после 1961 года завидовали американцы и европейцы, с горечью осознавшие, что во многом именно благодаря ей Советский Союз смог выиграть битву за космос.) Да, опять отливки, опоки, вагранки — зато полное гособеспечение: жилье, униформа, питание.

В эпоху, когда нефть стоит 100 долларов за баррель и при этом государство всерьез подумывает отказаться от идеи платить студентам стипендии, это кажется невероятным, однако факт: нищее, пережившее шесть лет назад страшную войну

* Настораживает число 26 раз — как же можно с такими результатами стать тренером? Автор этих строк, отродясь не имевший по физкультуре ничего выше тройки, и тот в состоянии отжаться вдвое больше; нет, тут что-то не то.

государство — в лице директора люберецкого училища — выдало троим выпускникам-отличникам деньги на дорогу и даже прикомандировало к ним эскорт — воспитателя, чтобы тот поехал с подростками в Саратов и присмотрел за ними, мало ли что случится в дороге.

Несмотря на стелющийся за ним еще со времен Грибоедова шлейф убогой провинциальности, Саратов мог похвастаться далеко не заштатным индустриальным техникумом. Там давали среднее — формально, и очень хорошее — по сути, по любым меркам — образование. До революции заведение называлось Александровским ремесленным училищем, и еще в конце XIX века здесь возникло собственное литейное производство — плюс, на счастье Гагарина, соответствующий факультет. Учили там не просто на квалифицированного рабочего, а на литейщика-технолога, способного руководить литейным цехом на каком-либо предприятии — ну или, на худой конец, преподавать литейное дело в ремесленном училище, хоть в тех же Люберцах. Здесь была солидная учебная база — «лаборатории, библиотека, кабинеты по различным специальностям» (1). В целом, со стороны Гагарина поездка в Саратов была разумным шагом — там можно было и развить полученные навыки, и получить новые знания, и не забрасывать спорт.

В пункт назначения подростки — кстати, вы знаете, что Гагарин — ровесник сэлинджеровского Холдена Колфилда? В 1951-м, во время публикации романа «Над пропастью во ржи», обоим по 17 лет; это к тому, что на самом деле могло быть в голове у Гагарина и чего мы никогда не увидим за всеми этими анкетными данными из серии «приехал», «поступил», — прибыли 15 августа 1951 года. Им сразу выделили общежитие, а наутро они пошли в приемную комиссию.

Директор А. Коваль, принявший их в кабинете, где «за стеклами шкафов были круглые манометры, квадратные амперметры, стеклянная электрофорная машина и собрания сочинений Ленина и Сталина» (1), предложил отличникам, имевшим право быть зачисленными без экзаменов, в качестве теста отлить — вы не поверите — опять решетки, чугунные ажурные решетки, на этот раз для ГПКиО (Парка культуры и отдыха). Преподаватели и мастера «искренне удивлялись, глядя на Гагарина: маленький, сноровистый и сильный, с отлитыми решетками челноком сновал» (19). «Ограда с этими решетками и поныне стоит в Саратове» (19). Но где конкретно в Саратове? И интересовался ли Гагарин, куда деваются утки, когда пруд в парке замерзает? Вряд ли кто-нибудь сможет ответить на эти вопросы.

К моменту поступления относится и один из тех эпизодов

в жизни Гагарина, что заставляют поднять бровь: помимо заявления о приеме нужно было предоставить и автобиографию — и Гагарин ее предоставил, только вот там, где описывались другие члены семьи, было упомянуто лишь о родителях и младшем брате Борисе, тогда как о Валентине и Зое не было сказано ни слова. Что это означало в 1951 году, догадаться нетрудно: при побывавших в плену родственниках Гагарина могли не взять учиться. То был шаг не вполне благовидный, однако предусмотрительный.

Восемнадцатого августа, после окончания решеточной эпопеи, Гагарину и его друзьям объявляют, что они зачислены — и моментально бросают на другой трудовой фронт: в колхоз в 200 километрах от Саратова. Многие почитают Гагарина как святого — но как поведет себя святой, если отправить его в 17 лет за 200 километров от города помогать колхозницам вывозить хлеб на элеватор? Определенно, этот культ не всегда сообразуется с его биографией.

В учебной группе, куда попали москвичи, было 35 человек — все старше семнадцатилетних Гагарина, Чугунова и Петушкова; были и повоевавшие, были семейные; все, как и они, только что окончили ремесленные училища, все стремились получить более высокую квалификацию и практически все были иногородними, то есть квартировали в общежитии и, хорошо заметные на улице, представляли собой желанную добычу для аборигенов.

Желанную — но не легкодоступную.

«Городские ребята пытались нас по одиночке ловить и побить. Девочек наших кто-то обидел, парня ножом чуть не зарезали. И когда это случалось — весь техникум вставал на дыбы. Хулиганов находили даже в их домах. Вытаскивали — и лупили по-настоящему. Нас побаивались в Саратове. Да, и Гагарин в том числе» (6). «В Саратове и даже за его пределами индустрики славились драками. <...> когда начиналась драка где-то, из общежития выбегали все индустрики на выручку, в том числе и Гагарин. Если кто-то из них не придет, то ему не только не жить в общежитии, но и учиться в техникуме будет невозможным. Таков был неписанный закон среди них» (7). «Причем наши драки были целенаправленные: если мы знали, кто именно являлся обидчиком, то ему несдобровать... Помню один случай. Как-то раз нашего тронули, а тот, кто обидел парня, жил рядом с кинотеатром. И в кинотеатре было вот как: вход с улицы, а выход — на переулок. Мы, значит, зашли с выхода, вытащили забияку из дома — и там такое “заварилось”... Наших было человек 100, представьте! И “ихние” тоже подоспели... Пока не пришла милиция — очень “горячо” было у кинотеатра» (8).

«Еще один похожий эпизод. В 1954 году у нас была драка, и было это, если память не изменяет, на праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией. На площадь Революции в Саратове (сейчас она называется по-другому) приехала машина, на которую установили фортепиано. Выступали артисты, пели — в общем, был праздничный день... А мы тогда гуляли группой: у нас была привычка ходить всем вместе — с одной стороны, нас боялись, с другой — мстили за то, что мы сильные. И вот на той площади разгорелась большая драка... <...> когда мы продвинулись дальше в толпу, то перевернули это несчастное пианино, потому что за ним прятались зачинщики драки... А одеты-то мы были в форму, такие вот внешне приличные ребята... Все в шинелях, костюмах, сорочках... А “оружием” нашим был ремень с пряжкой — наматывали на руку — и вперед...» (2). Существует (5) «шуточная» — явно постановочная — фотография, на которой Гагарин, коротко стриженный, в костюме с чужого плеча и кепке, с агрессивно выпяченной нижней челюстью, держит какого-то типа за плечо и пытается ударить его ножом; тем убедительнее звучит заявление В. Порохни о том, что в ходе массовых побоищ «Юра в стороне не стоял — если был клич, то он “срывался” вместе со всеми» (2).

Новоиспеченным «индустрикам» выдали бесплатный комплект гражданской одежды (свитера, валенки, туфли с галошами) и униформу — «красивую» черную фуражку, тужурку, темные брюки; Гагарин часто позировал фотографам в этом костюме супергероя. Их поставили на довольствие (питание было не слишком калорийным, однако это было настоящее бесплатное питание — что по тем временам то же самое, что сейчас открытый корпоративный счет в ресторане «Пушкинь»: существенная привилегия), стали платить стипендию и выделили общежитие — недалеко от техникума — на Мичурина, 85. Опять одна комната казарменного типа, теперь уже на 30 человек, опять много молодых мужчин, сконцентрированных в одном месте. «Не обходилось и без шалостей. Те, кто поздно возвращался домой и включал свет, могли быть разрисованы тушью, зашиты в постель, вынесены с кроватью в коридор, а то и покрутить “велосипед” — когда горящая бумага, вставленная меж пальцев, давала о себе знать» (2). Как часто Гагарина зашивали в постель, мы не знаем, но факт, что ему не хватало, конечно, ни просто одиночества, ни собственно пространства — места, где можно спокойно почитать и сделать домашние задания. А между тем он «буквально глотал книгу за книгой: Диккенса, Gladкова, Толстого, Гюго, Федина, Лациса... Гагарина в техникуме знали все и, главное, уважали. Его неутомонная натура постоянно искала что-то новое. Об-

щежитие он изучил от подвалов до чердака и крыши, которую нередко тоже использовали в качестве читального зала» (3).

Общежитие напоминало казарму — однако жизнь там была вовсе не такая депрессивная, как армейская. Преподаватель химии Дзякович, узнавший, что студенты ходят в кинотеатры слушать эстрадные концерты (раньше играли перед сеансами), притащил в общежитие патефон с пластинками, и «отныне каждый вечер в старинном общежитии играл патефон и парни танцевали парами вальсы, танго и фокстроты. Случалось, Гагарин подыгрывал им на трубе, а порой и сам вальсировал с кем-нибудь из ребят» (3). Да-да, на трубе — Гагарин не бросил начатое в Люберцах музыкальное образование и три дня в неделю, на протяжении двух лет, добросовестно «дудел» в оркестре.

В «Дороге в космос» Гагарин рассказывает об особенностях учебного процесса в саратовском индустриальном с обстоятельностью Джоан Ролинг, описывающей занятия в Хогвартсе; сегодня эти страницы не вызывают ничего, кроме приступов зевоты, однако надо уяснить вот что.

Именно в Саратове Гагарин, до того увлекавшийся исключительно авиацией, узнает о российской традиции ракетной мысли — пока еще не о Королеве (сам Королев тем временем отработывает на стендах ракету Р-5; «будущая “космическая” Р-7 существовала еще только в чертежах», однако в отчете за 1954 год Королев замечает, что «в настоящее время все более близким и реальным кажется создание искусственного спутника Земли и ракетного корабля для полета человека на большие высоты и для исследования межпланетного пространства» (9)) и Цандере, а о кое-каких других ключевых фигурах. О Кибальчиче — террористе-динамитчике из «Народной воли», который умудрился не только сделать снаряды, которыми убили Александра II, но и, за несколько дней до казни, в тюрьме, разработать проект летательного аппарата на реактивной тяге, способного совершать полеты в космос. О Яблочкове — изобретателе и бизнесмене, который, по существу, дал Европе электрический свет — «Русский свет»; интересно, что, будучи масоном, Яблочков основал в Париже особую эмигрантскую ложу с характерным названием «Космос» — знал ли Гагарин об этом? О Петре Лебедеве — русском ученом, который, столкнувшись с «идеалистическим представлением о свете, открыл, что свет — это вещество, так как обладает массой и энергией и оказывает давление на другие вещества» (4).

По всем этим темам Гагарин — записавшийся в физико-технический кружок к семидесятилетнему чудаковатому Н. И. Москвину, «педагогу-физику европейской ориентации»

(1), автору брошюры «Электрический трамвай в общедоступном изложении» (1916) и бывшему ссыльному — делает доклады, к которым усердно готовится. Жемчужиной в короне гагаринского образовательного курса стал доклад «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях», прочитанный им 17 сентября 1952 года, к 95-летию со дня рождения автора учения.

Разумеется, важно не содержание доклада, а факт первого контакта; ведь в дальнейшем Гагарин — стараниями Королева и советской пропаганды — будет прочно связан с Циолковским. Если сам Королев позиционировался как духовный отец икононого Гагарина, то гениальный ракетчик Циолковский — к учению которого Гагарин настоящий, очень кстати, причастился задолго до попадания в отряд космонавтов — как «дед». Было бы удивительно, если бы пропаганда упустила возможность связать этих двоих — Циолковского и Гагарина — прочными узами и продемонстрировать их как пару, рекламирующую СССР в качестве страны, где идея интеллектуального наследования воплотилась в жизнь наиболее совершенным образом. Глухой школьный учитель — и реализовавший его идеи звонкоголосый ученик деревенской школы; талантливый самоучка — и идеальный продукт советской образовательной системы; смелый визионер, прозорливый теоретик космических полетов — и отважный экспериментатор, осуществивший его мечтания.

Следует также понимать, что через посредничество Циолковского — а, надо сказать, чтение этого автора в оригинале, не в выдернутых из контекста цитатах, до сих пор производит невероятно освежающее впечатление — Гагарин соприкасался не только с технической, но и с философской традицией. Учителем Циолковского был оригинальный философ Николай Федоров, автор проекта воскрешения отцов под названием «Общее дело». Интерес Федорова к космосу возник потому, что многие поколения воскрешенных «отцов» надо же куда-то расселять — и раз так, следовало подумать о практических шагах в этом направлении.

Может быть, в 1952 году Гагарин и не осознавал в полном объеме масштаб своей будущей миссии — но знакомство с работами Циолковского должно было радикально расширить его сознание; он должен был понять, что покорение космоса вовсе не сводится к отдалению на рекордное расстояние от Земли, что космос — это главный в истории проект человечества, а не просто упражнение в способности высоко подпрыгивать.

Текст доклада не сохранился, однако на все эти мысли может навести хранящийся в гагаринском музее в Саратове «физический прибор “Реактивная тележка”, с помощью которой

староста физкружка демонстрировал принцип реактивного движения» (1).

Кстати, в Саратове же Гагарин — староста физкружка тоже он — становится завсегдаем местного планетария, который располагался совсем близко от техникума, в имитирующей московский собор Василия Блаженного церкви «Утоли моя печали». Здесь читали лекции. «Как в театре, действие сопровождалось радиомузыкой из электропатефона за кулисами, показом на декоративном куполе созвездий и планет немецким аппаратом “Цейс”, а также демонстрацией их с помощью аппарата под названием “эпидиаскоп”. Еще в планетарии имелся киноаппарат, через который раз в неделю, когда дежурил кинолаборант, крутили специальные научные фильмы» (1). «Первая лекция, на которую попали “московские” из индустриального техникума, как раз сопровождалась показом учебного кинофильма. Лекция была посвящена 410-летию со дня смерти великого космиста Николая Коперника» (1). «В Саратовском планетарии подготовили воодушевительную лекцию о вкладе Коперника в человеческий разум, которую начали читать с осени 1952 года, когда отмечалось 95-летие со дня рождения великого русского ученого, основоположника теории звездоплавания К. Э. Циолковского» (1).

«Вообще вся атмосфера саратовской жизни была ему по душе. Единственное, чего всегда не хватало, так это еды. Так сказать, в качестве дополнительного питания ребята нередко использовали продукцию завода комбикормов. Там производили колоб, и эти пресованные куски подсолнечного жмыха часто заменяли ребятам лакомства» (3). «В месяц нам выдавали около 50 руб, а отличники, в зависимости от курса, получали где-то от 60 до 100 руб. В целом же, нас в техникуме одевали, неплохо кормили, и в этом плане у нас не было особых проблем. Сначала этих денег хватало, но потом запросы выросли: хотелось с девушкой в театр или кино, купить часы, покататься на пароходе по Волге. Поэтому приходилось искать заработок» (2).

В официальной автобиографии Гагарин охотно рассказывает, как заработал себе на новый костюм, устроившись в 1954 году на три месяца физруком в детдомовский лагерь — где действительно оказался хорошим организатором и даже умудрился провести мини-олимпиаду, травестирующую одновременно проходившую хельсинкскую. Кроме таких «легальных» заработков были и более «серые»; некоторые могут показаться сегодняшнему читателю довольно экзотическими. «С наступлением арбузного сезона у индустриков появлялись новые заботы. Арбузные эпопеи, наверное, по сей день памятны всем,

кто в них участвовал. Бригады сколачивал спец по этой части Колесниченко. Знающие люди утверждали, что работал Колесниченко ровно два месяца в году, а остальные десять проводил на Черноморском побережье — денег хватало. Чуть свет Колесниченко появлялся у индустриков. Заскочит в общежитие, крикнет: «Есть баржа! Надо десять человек!» Погрузо-разгрузочные работы Гагарин освоил не хуже профессионального грузчика. Работа сильно отличалась от тех радужных сцен в кинофильмах, когда с веселой песней арбузы по цепочке перебрасывают в руки и складывают на берегу» (3). Алексей Вологин, однокурсник по Саратову, называет тариф — 100 рублей за ночь — и сообщает детали: «Но и уставали мы здорово. Как-то, помнится, мы с Юркой всю ночь разгружали арбузы, а с утра пошли на экзамен по механике. Взяли билеты и... заснули. Проснулись от голоса преподавателя: «Что с вами? Вы не заболели?» Мы помялись и объяснили, в чем дело. Тогда он сказал: «Вот вам три рубля, сходите в буфет, купите мне пирожков». Мы сходили, а когда вернулись, преподаватель поставил нам по «пятерке»» (10). Григорий Фирсов, тоже разгружавший по ночам в обществе Гагарина на Волге баржи с фруктами, зерном, цементом, алебастром и дровами, тариф за смену подтверждает, но уточняет «и еще арбуз давали в придачу» (11).

Другой гагаринский однокурсник, Л. Романов, описывает трагический случай: «Помню: однажды отправился Юрий с друзьями на Волгу разгружать баржи с цементом. А когда вечером заявился, мы ахнули — вся спина у него была в запекшейся крови. И у других ребят, работавших с ним, тоже не лучше. Грузчицкому-то делу тоже учиться надо, а у Юры опыта не было. На улице лето, жара — он и снял рубашку, чтобы легче мешки таскать. Да вышло наоборот: их грубая ткань расцарапала кожу, ссадины разъело потом, и в итоге на Юрину спину было страшно смотреть. Позже опытные грузчики посоветовали для защиты накрывать спину мешковиной» (12). Изуродованную спину Гагарина нашлось, однако, чем прикрыть: приятели на заработанные деньги приобрели костюм — «один на всех. Мы были все примерно одинакового роста, ну кто-то пониже, кто-то повыше, и когда вставал вопрос — выйти куда-то, побежать к девчонке, то мы одевали парня «будь здоров!», с иголки. Парень был «гол как сокол», но в костюме выглядел вполне прилично» (2).

Костюм этот, несомненно, оказался очень кстати в марте 1953 года — в момент, когда эпоха переломилась. Любопытно — как Гагарин встретил смерть Сталина? Общая атмосфера тех дней вырисовывается по рассказу В. Порохни, который отзывается о Сталине без какой-либо иронии: «С его именем

в наших молодых умах увязывалось многое. Поэтому его смерть, казалось, вырвала у каждого из нас кусочек сердца. Когда с первым утренним боем Кремлевских курантов ворвалось в нашу комнату общежития известие о том, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров СССР, Секретарь ЦК КПСС И. В. Сталин, Евгений Штешин зарыдал так, что все мгновенно оказались на ногах. Узнав день похорон, мы втроем решили...» — кстати, на день похорон Сталина, 9 марта 1953 года, пришелся гагаринский день рождения: 19 лет — «...выехать в Москву, но наши намерения группа не одобрила. Несколько поостыв, мы и сами поняли, что поступаем неправильно, так как из-за этой поездки пропустили бы много занятий. Но сам факт порыва еще больше скрепил нашу дружбу. Мы вместе стали мечтать о будущем, об авиации, строить перспективы» (2).

Про то, рыдал ли сам Гагарин по своему будущему соседу по Кремлевской стене, ничего не сказано; понимал ли, что внутри сталинской системы у человека, чьи родственники были угнаны в Германию, шансы поступить в летное училище и уж тем более попасть в отряд космонавтов были невелики? Догадываться об отношении Гагарина к этой фигуре можно лишь по совсем косвенным признакам, вроде «сталинского» зачеса вверх на знаменитом саратовском фотопортрете. Ответы Гагарина на иностранных пресс-конференциях — где его часто спрашивали об отношении к культуре личности и о том, оценили бы его полет при Сталине — в высшей степени уклончивы. Гагарин предпочитает держаться в стороне от хрущевской разоблачительной риторики и отбивает такого рода «крученые» подачи очень сдержанно. «В нашей стране, — сказал он, — результаты, достижения науки, техники, культуры, как тому учил Владимир Ильич Ленин, оцениваются не кем-либо одним, а коллективно. Советский народ — вот кто главный ценитель всех достижений, которые прославляют доброе имя нашей Родины» (21). «Юрий Алексеевич, — с удовлетворением замечает корреспондент, — не стал много говорить на эту тему, достаточно ясную каждому советскому человеку» (21).

Годы «метаморфозы» — в течение которых Гагарин-«куколка» превратился в Гагарина-«имаго» — пришлось на любопытные времена: самый излет сталинской эпохи — и раннехрущевская полусмута, еще до XX съезда. Потихоньку возвращаются люди из лагерей; в общество вбрасывается новая информация; старый уклад поскрипывает. Мы не нашли данных о том, как все эти процессы проникали в сознание Гагарина;

факт, однако, тот, что ни при Сталине, ни после никто особых препятствий его карьере — ни литейщицкой, ни спортивной, ни военно-воздушной — не чинил.

В Саратове функционировал аэроклуб — и каждый сентябрь в газете «Коммунист» выходило объявление такого примерно характера: «Саратовский аэроклуб производит набор курсантов на 1951/52 учебный год. Принимаются юноши для обучения без отрыва от производства на отделения пилотов, планеристов и авиационных механиков. Курсанты, зачисленные в аэроклуб, обеспечиваются бесплатным летным обмундированием, горячими завтраками и доставкой на аэродром. Начало занятий 1 октября. Подробные условия о приеме по адресу: улица Рабочая, 22» (3). Как и всегда в жизни, важнее всего оказалось то, что напечатано мелким шрифтом: моментально выяснилось, что одно из «условий» состояло в том, чтобы не быть студентом техникума; авиации запрещалось «воровать» кадры из менее престижных секторов образования.

Первую попытку прибиться к авиации Гагарин предпринимает в 18 лет, студентом второго курса: прямо у них в техникуме открывается филиал отделения пилотов Аткарского учебного центра ДОСААФ. Гагарин становится «слушателем», однако дальше азов теории дело не продвинулось — через несколько месяцев, зимой 1953 года, филиал прикрывают. Затем он узнает, что в Саратовской области, в Красном Куте (примерно там, кстати, приземлится потом Герман Титов), в летном училище гражданского воздушного флота набирают курсантов. Гагарин зондирует почву — однако получает от ворот поворот: выяснилось, что туда берут только с законченным средним образованием.

Компенсируя чувство неудовлетворенности из-за несостоявшейся воздушной карьеры, Гагарин много читает летчиков и о летчиках: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Записки штурмана» М. Расковой, а также М. Водопьянова, В. Чкалова, Дж. Коллинза — автобиографию знаменитого не менее, чем Линдберг, американского летчика, написавшего откровенные мемуары о том, как он вынужден был, чтобы прокормить себя, соглашаться на самую рискованную работу; книга была на ура принята в СССР и вызвала шквал сочувственных комментариев, в том числе самого Гагарина («Коллинза, — сказал я, — по-моему, преследовала обреченность одиночества... Главное, что занимало его мысли, были доллары. Любой ценой, но только заработать...») «Юрий прав, — поддерживал меня Дмитрий Павлович. — Капиталистическая дей-

ствительность создавала для автора книги именно ту обстановку азартной игры со смертью, когда в погоне авиационных компаний за прибылями жизнь летчика могла оборваться в любом полете» (13)). Читает исключительно «для себя» — без надежды стать кем-либо, кроме синего воротничка, специализирующегося по серому чугуну; ну да, в конце концов, нет ведь ничего дурного в том, чтобы скоротать жизнь, отливая сегодня каретки, завтра отопительные радиаторы, а послезавтра, глядишь, так даже и тубинги для метрополитена.

Осенью 1954 года, однако ж, биржа оживилась: пришли новости о том, что в аэроклуб принимают студентов четвертых курсов техникумов. Удивительным образом, именно на четвертом курсе Гагарин в тот момент и учился; странно было не воспользоваться этим шансом — и он воспользовался.

Сейчас читатели вряд ли понимают, чего уж такого привлекательного было в этом самом аэроклубе — ну, научился летать, и что? Однако для поколения молодежи 1950-х годов авиация была если не заветной мечтой, то, во всяком случае, крайне престижной специальностью (наверное, это то же самое, как если бы в Саратове сейчас открылся филиал *Google*). Летчики, гоняющиеся за американцами на только-только появившихся реактивных истребителях, были героями войны в Корее — информация о том, что там воевали не только сами корейцы, но и советские летчики, была засекреченной, но по тону радиосообщений можно было понять, что это — «наша» война. «Конкурс в летные училища был огромен, бывало до двадцати человек на одно место» (14). И самым верным способом поступить туда было окончить аэроклуб, своего рода пилотские курсы. Разумеется, все эти аэроклубы — огромная сеть, раскинутая по всей стране, — принадлежали государству, которое пропагандировало профессию летчика, предоставляло технику, оплачивало услуги преподавателей и обслуживающего персонала — а взамен получало корпус летчиков-любителей, которые либо продолжали учебу в качестве профессионалов, либо служили резервом в случае внезапной необходимости увеличить состав военных летчиков. Аэроклуб в СССР был не обязательной, но желательной инстанцией в цепочке отбора и подготовки кадров для авиации; попасть туда означало оказаться в обойме; собственно, карьера Гагарина как раз и демонстрирует, насколько недалек мог оказаться путь от простого члена аэроклуба до профессионального космонавта.

Биографы обычно пытаются мотивировать желание Гагарина сменить термостойкий шлем сталевара на летчицкую фуражку разного рода романтическими устремлениями («нам понравился фильм “Истребители”». И я и Юрий в разное время

смотрели его. Он произвел тогда очень сильное впечатление» (22), цитирует Лидия Обухова гагаринского товарища по аэроклубу Ю. Гундарева); на самом деле, никаких объяснений, с какой стати Гагарин вдруг записался в аэроклуб, не требуется. Каким бы ни было соотношение романтического и прагматического в голове молодого Гагарина, глупо было не воспользоваться так удачно открывшимся «окном возможностей».

«Парень научился реально оценивать обстановку, видеть жизнь такой, как она есть. Окончив техникум, он получит назначение на предприятие. Может быть, его направят мастером в одно из учебных заведений системы “Трудовые резервы”. Военкомат даст возможность поработать два года и призовет в ряды Вооруженных Сил. Снова мундиры, шинели, передвижение в строю, каша три раза в день. Он уже всем этим по горло сыт. Другого ничего пока не видел и не имел. Иное дело офицер. Тем более летчик. И сам будешь обеспечен, и близким сумеешь помогать. К тому времени пора будет обзаводиться семьей. Любой ценой нужно пробиваться в аэроклуб» (3).

В заявлении о приеме Гагарину пришлось указать, что во время войны он был в оккупации; это было минусом — но, к счастью, в аэроклубе нашелся знакомый: В. Каштанов был одним из партнеров Гагарина по игре в волейбол и «замолвил за него словечко». Так или иначе, в конце октября 1954 года Гагарина зачислили на отделение пилотов — пока еще только на теорию, но Гагарин с другом Калашниковым тут же отправились в местный Военторг и приобрели себе шикарные, по их понятиям, летчицкие фуражки (7), в которых и щеголяли не только в клубе, но и в городе, и на танцах, выделяясь среди знакомых, которые довольствовались плебейскими кепками.

«Перед формой воина Советской Армии мы просто преклонялись. Доходило до того, что в фотоателье первой просьбой было надеть китель авиатора или морскую робу и сфотографироваться в них. Ничего удивительного нет в том, что юношество тянулось к армейской службе, особенно — авиационной» (2).

Студенты — то есть теперь уже «курсанты» — по четыре часа в день «изучали конструкцию самолета, слушали лекции по самолетовождению, осваивали материальную часть». Поскольку Гагарин «аккуратно посещал занятия, был активным, сообразительным» и старше большинства курсантов — «основная масса курсантов была десятиклассники» (15), инструктор Д. П. Мартьянов назначил его старшим группы. Этот Мартьянов — который так и не написал мемуаров, но постоянно интервьюировался корреспондентами газет, радио и телевидения — был «молодой... плотно сбитый, невысокого

роста человек. В аэроклуб он прибыл из истребительного полка» (13). Похоже, вскоре у них с Гагариным возникли не только деловые, но и приятельские отношения — Мартъянов, 1931 года рождения, был всего на два с половиной года старше своего ученика*.

Первая проблема с аэроклубом — или, точнее, с промышленным техникумом — обозначилась в начале декабря. Гагарин заканчивал курс, и ему нужно было пройти преддипломную и педагогическую практику — три с половиной месяца; теоретически, ее тоже можно было бы совмещать с аэроклубом, но в действительности оказалось, что в самом Саратове проходить ее негде: в Саратове не было ремесленного училища с обучением литейному делу — и, соответственно, возможности проявить свои педагогические таланты. Три с половиной месяца ему предстояло быть где-то в другом месте, и это означало, что все это время он не сможет посещать занятия в аэроклубе.

В канун нового, 1955 года Гагарин выезжает в Москву — на завод имени Войкова, куда его пристроил брат отца, Савелий Иванович, там работавший. «Уезжая в Москву, Юра Гагарин взял с собой “Пособие летчику по эксплуатации и технике пилотирования самолета Як-18 с двигателем М-11ФР”. Он не хотел отставать от курсантов аэроклуба и решил самостоятельно освоить этот предмет» (4).

Затем он переехал в Ленинград — где «поселился в общежитии в доме номер 37 по Большому проспекту» (22) — и преподавал в ремесленном училище. «Юра Гагарин, — как вспоминают старший мастер А. Д. Макаров и преподаватель физкультуры И. П. Григорьев, — сразу нашел подход к ребятам, даже “трудным”, вовлек их в игру баскетбол. Библиотекарь С. М. Фиш помог провести читательскую конференцию и прочитал доклад о Циолковском» (4) и водил своих учеников работать на завод «Вулкан», «который изготавливал чесальные машины и славился передовыми методами литья, позволяющими значительно экономить металл» (4). Педагогическая практика совмещалась с обучением основам управления: Гагарин «возглавил участок (27 рабочих)» — и заслужил отличный отзыв. «Его зовут после окончания учебы приехать на завод мастером. Юра ответил: “Я подумаю”. О каждом дне своего пребывания в Ленинграде юноша подробно сообщает матери. Он очень скрупулезно описывает (послания сохранились)

* Любопытно, что Д. П. Мартъянов дожил аж до 2008 года — и умер вовсе не в постели: «Он трагически погиб в Москве — какой-то негодяй угнал машину и, убегая, сбил его» (23).

экскурсию на Кировский завод, на “Аврору”, в Эрмитаж, где его буквально потрясает Военная галерея 1812 года» (4).

Гораздо больше, однако, потрясением стало для него извешение об отчислении из аэроклуба за пропуск занятий. В марте 1955-го, подключив все свои знакомства и возможности, размахивая заполненной «пятерками» зачетной книжкой из техникума, Гагарин добивается приема у руководителя клуба Г. Денисенко (что любопытно, во время войны служившего в корпусе, которым командовал будущий начальник Гагарина генерал Каманин) и уламывает того восстановить его — с обещанием сдать всю пропущенную теорию на «отлично» и при этом не запустить основную учебу в СИТе: условием допуска к полетам Денисенко поставил предоставление красного диплома. Гагарин на все согласился — и на экзаменовку, и на тему дипломной работы, которую ему выдали в техникуме: «Проект литейного цеха серого чугуна с разработкой конвейера с годовым выпуском восемь тысяч тонн литья, разработка технологического процесса изготовления детали “Каретка” по чертежам А27-61-12 и урока производственного обучения учащихся РУ 2-го года обучения по теме “Формовка в 2-х опоках”» (4).

Утром Гагарин готовится к зачетному прыжку с парашютом, днем изучает теорию авиадвигателя и забегает в спортзал, вечером пытается «определить режим работы литейного цеха серого чугуна, рассчитать фонд времени, дать анализ программного задания, разработать технологический процесс изготовления детали “Каретка” и техническую документацию». Ночью — разгружает баржи на Волге. Такого рода образ жизни не слишком хорошо сказывался на перспективах получить красный диплом. «Он значительно отставал от графика выполнения дипломного проекта. По свидетельству А. П. Акуловой и В. Г. Филиппова, с Гагариным произошел тогда серьезный разговор. Вадим Георгиевич сказал ему:

— Если не войдешь в график, то отзовем тебя из аэроклуба. <...>

Юра заметно похудел, осунулся. Некоторые подшучивали над ним: “И гагары тоже стонут...”» (4).

Двадцатого мая 1955 года Гагарин — чья голова превратилась в компьютер по расчету «плавильного, формовочного и стержневого отделений, заливки и выбивки, сушки для форм и стержней, землеприготовительного отделения, очистки и обрубки литья, склада шихты и земли, вспомогательных отделений» (4) — отдает на отзыв свой дипломный проект литейного цеха Г. Ф. Цукерману, консультанту, начальнику литейного цеха завода «Серп и Молот». В этот же день в аэроклубе

вышел приказ о допуске курсантов-пилотов к учебным полетам на самолете Як-18. Гагарин допускается к полетам, которые должны начаться 30 мая на учебном аэродроме в Дубках. Туда должны выехать все курсанты, жить в палатках и готовить технику к полетам. Но 23 июня у него — защита диплома, и это мероприятие, перед которым надо все время общаться с научным руководителем и оппонентами. Как оказаться в двух местах одновременно? Мартьянов, инструктор, разрешает ему приезжать на аэродром — и учиться летать — когда ему удобно.

Синхронно Гагарин — раз уж 23 июня он все же защитился, получил диплом с отличием и вошел в пять процентов лучших выпускников СИТа за 1955 год — пробует совершить еще один радикальный маневр: поступить в Московский институт стали и сплавов. С одной стороны, таким образом он не терял специальность (и потраченные на ее изучение годы), как в случае переквалификации на летчика, и даже наоборот, перепрыгивал на следующую социальную ступень — из квалифицированного рабочего становился инженером или научным работником. С другой — избегал попадания в коридор, ни к каким особым карьерным высотам его не приводивший: мастер производственного обучения по литейному делу, место распределения — Сибирь, город Томск.

Теоретически он мог поступить в Институт стали и сплавов: «в то время технические вузы принимали вне конкурса выпускников техникумов своего профиля (так называемые пять процентов) и присылали в техникумы соответствующие разнарядки» (24). И Гагарин пытался получить направление — обращался, во всяком случае, за рекомендациями в комитет комсомола. Однако то ли в этот год разнарядка не пришла, то ли томскому ремесленному училищу позарез нужен был мастер производственного обучения по литейному делу — но, так или иначе, ход в Институт стали и сплавов был для Гагарина заблокирован.

Надо было либо спокойно собирать чемоданы и переезжать в Томск, либо уламывать директора выдать «свободный диплом», чтобы вернуться от распределения и поступить либо в институт, либо в училище гражданской авиации, либо как-то разыгрывать карту аэроклуба: окончить его, получить направление от военкомата и поступить в военное летное училище — с тем чтобы делать офицерскую карьеру. Это было простое, но далеко не идеальное решение — фактически оно означало самому явиться на призывной пункт с просьбой забрать тебя в солдаты — притом что с армией отношения у Гагарина на тот момент были улажены. В СИТе с 1953 года открылась — крайне редкая вещь для тогдашних технику-

мов — военная кафедра, студенты получали военную специальность «Эксплуатация и ремонт автомобилей и гусеничных машин» и, соответственно, отсрочку от призыва в армию (феноменальное везение: Тимофей Чугунов и Александр Петушков, которым 19 лет исполнилось чуть раньше, чем Гагарину, ушли служить; Гагарин подпадал под следующий призыв — но ровно в этот момент СИТ, обеспокоенный срывом «подготовки мастеров производственного обучения для ремесленных училищ» (19), открывает у себя военное отделение).

Гагарин бьется за любую возможность проскользнуть между Сциллой Томска и Харибдой армии. Он записывается на прием к директору училища, но тот отправляет его восвояси: сначала отработай положенные три года, а затем делай все что душе угодно (4). «Родионова можно было понять: он отвечал перед министерством за каждого выпускника, не прибывшего на место назначения. Тогда с этим было строго» (4).

Тем временем в Дубках — учебном лагере аэроклуба, куда уехал, вместо того чтобы сесть на поезд Саратов — Томск, Гагарин, оставшийся после защиты диплома без жилья (из общежития его уже выставили), — всю готовились выпустить курсантов в первый самостоятельный полет. «Началась активная подготовка к полетам. Она начиналась на земле. В специально оборудованных классах имелись макеты аэродрома, служб, самолетов, щиты с оборудованием зон полета. Здесь преподаватели и инструкторы отрабатывали детали полета, начиная с посадки в самолет и кончая приземлением и стоянкой. Казалось, чего проще — сесть в самолет, но и это оказалось для курсантов делом непростым» (4). «За каждым отделением звена закреплялся один самолет, летчик-инструктор и техник. За гагаринским отделением закрепили самолет Як-18» (6). Их наставниками в летном деле были летчик-инструктор Д. П. Мартыанов и техник С. Е. Фомин. Самолет был совсем новый, надежный и легкоуправляемый. Для обслуживания самолета техник привлек курсантов.

На многих фотографиях, сделанных курсантом В. Калашниковым, Юра Гагарин изображен в тот момент, когда он обслуживает самолет. «Прежде чем подняться в воздух, — писал Ю. А. Гагарин, — мы основательно изучили самолет Як-18, немало потрудились на аэродроме. Нам пришлось мыть машины, таскать баллоны, работать под руководством инструкторов и техников. Возвращались с аэродрома усталые, пропахшие бензином и маслом, в комбинезонах, на которых темнели масляные пятна» (4). «Вскоре курсантам выдали летное обмундирование, шлемофоны. Все с нетерпением ожидали самостоятельных полетов» (4).

Первый самостоятельный полет — взлет, простой круг, посадка — Гагарин выполнил 1 июля. «Я вырулил самолет на линию старта, дал газ, поднял хвост машины, и она плавно оторвалась от земли. Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу! Лечу сам!» (13).

Поскольку 1 июля совпало с советским праздником — Днем Воздушного флота, в лагерь явился Е. Иванов, корреспондент саратовской газеты с характерным названием «Молодой сталинец»; почему-то он обратил внимание именно на Гагарина — и стал первым журналистом, подробно описавшим того, кому суждено будет стать «символом идеала ЮНЕСКО и веры в человека»: «Юноша немного волнуется, но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивая разрешение на взлет». Если верить преподавателю С. И. Сафронову, то выбрал журналист его сам: «Он не ходил в отличниках, и в то же время у него не было плохих оценок. Были ребята, которые летали лучше его, но он быстро их догонял. Корреспондентам молодежной газеты мы давали совсем другие кандидатуры, а они снимали и писали о Гагарине. Как вот это получается, не знаю. Он всегда чем-то притягивал. Он даже замечания выслушивал с радостью» (17).

Е. Иванов не акцентировал внимание читателей своей газеты на том, что после удачного полета Гагарин подарил Мартыянову — была такая традиция, подношение принимали даже некурящие инструкторы — хорошие сигареты «Тройка». Вторая извлеченная из планшетки пачка была раскурена вместе с другими курсантами; тоже «заведенная на заре авиации» (25) традиция, не подлежащая нарушению.

В день летали по четыре-пять раз — лишь бы погода позволяла. Лагерь находился в рабочем состоянии с понедельника по пятницу — а вот на выходные приходилось обеспечивать себя едой и теплом самостоятельно. Иногда Гагарин оставался в пустом лагере и подкармливался на кухне у руководителя клуба Денисенко (18), иногда уезжал в Саратов — там его пригласил пожить к себе товарищ по аэроклубу Михаил Соколов, чересчур жизнерадостный молодой человек, чья летная судьба сложилась не лучшим образом именно из-за этой его особенности: «После удачного полета с радости позволил себе лишний раз крутануть самолет. Плакал парень, просил простить... Мы были неумолимы» (17). Его отчислили из аэроклуба за «воздушное хулиганство». Иногда Гагарин ночевал у него, иногда отправлялся в более далекие экспедиции.

Одна из них описана сразу несколькими свидетелями. Гагарин и его друг Виктор Калашников поехали к его сестре Рите, которая в тот момент жила в спортлагере на Волге. «И вот фактически в одной палатке мы провели несколько дней вчетвером... Свободных палаток не было, ну, у нас там были лишние койки. Поместились вместе. Вечером у костра Юра рассказывал о своей жизни» (16). У Риты была подруга, которая жила с ней в одной палатке. Она запомнила Гагарина как юношу, у которого «был фотоаппарат. Они стали нас фотографировать, а мне это не понравилось, одеты были не очень, в одних трусах и майках. Я стеснялась, а этот парень стал приставать, чтобы вместе сфотографироваться. Его настойчивость мне не понравилась. Я его еще раньше запомнила по одному вечеру танцев, который индустрики проводили в Доме учителя. Он тогда подошел ко мне и пригласил на танец. Я — маленькая, а он вроде бы еще меньше. Маленьких я не любила. И отказала ему. Ко мне потом подходит Калашников и говорит, чтобы я ушла с вечера, так как мой отказ — это оскорбление индустрикам. Я обиделась и ушла. И вот он снова здесь!.. Потом Рита говорит мне, что они остаются ночевать. Я возмутилась, но Рита говорит, а куда ж мы их денем. Мы с Ритой спали вместе, а они — на Ритиной койке. Наутро я говорю: “Дайте мне пленку, я проявлю ее и сделаю фото”. Ребята переглянулись и отдали. Я сама проявила ее и сделала снимки, какие мне понравились, а пленку сожгла» (7).

Трудно сказать, было ли предложение сфотографироваться просто предложением дружеских намерений — или завуалированным предложением вступить на скользкую тропу *sex & relations*, но мемуаристки часто описывают Гагарина как молодого человека с фотоаппаратом, хорошо освоившего как репортажную, так и постановочную съемку. Некоторые сохранившиеся фотографии, особенно из коллекции В. Калашникова, достаточно красноречивы.

Раз уж обо всем этом зашла речь, заметим, что женская фамилия, чаще всего всплывающая в связи с саратовским периодом Гагарина — Миронычева, Римма Миронычева. Наверняка были и другие, но об отношениях с Риммой внятно рассказывали гагаринские друзья, а в нулевые годы она сама — тогда уже Римма Гаврилина — дала одно-два интервью русским таблоидам. Настаивающая, что «никакой любви у нас не было», она тем не менее припоминает несколько ярких эпизодов из истории их отношений — в том числе, как Гагарин при пособничестве будущего завкафедрой истории Московского авиационного института В. Порохни затащил ее к себе на урок немецкого языка и, крепко держа за руки, не отпускал,

пока не прозвенел звонок. В другой раз те же двое «вообще испугали меня в фонтане возле техникума. Я сопротивлялась, как могла, отбрыкивалась. Но все равно оказалась в воде. Выбралась оттуда вся мокрая, рабочая форма прилипла к телу. Показаться в таком виде в аудитории было невозможно. Пришлось, погрозив ребятам кулаком, идти домой переодеться» (4).

Лагерная жизнь местами по степени пикантности не уступала гражданской. Мартьянов описывает пир, состоявшийся сразу по двум поводам: Денисенко получил звание подполковника, а начальник штаба, бывший военный штурман П. Соколов — выиграл десять тысяч (немалая, даже на старые деньги, сумма). «Они поставили бочку пива на аэроклуб с этих денег. Ну а буфет обслуживал наш именно состав летный аэроклуба, после полетов, конечно, слетали, показали полет строем» (15). Гагарин с Соколовым установили на бочку качок — и разливали пиво по кружкам (3), после чего помогли Мартьянову разобрать буфет «и отвезти его в Сельскохозяйственный институт, откуда он был» (15).

В июле Гагарин с трудом отработывал посадку, в августе — летал уже более-менее свободно, а в сентябре пришла пора выпускных экзаменов.

Двадцать седьмого сентября курс в аэроклубе завершился, и надо было решаться — что дальше?

Гагарин узнал, можно ли призваться таким образом, чтобы его — как обладателя диплома аэроклуба: налет 42 с половиной часа, 81 самостоятельный вылет, вся теория и практика на «отлично» — направили не абы куда, а в военно-летное училище. Оказалось — можно. «Октябрьский райвоенкомат сделал запрос в 1-е Чкаловское авиационное училище имени К. Е. Ворошилова на нескольких выпускников Саратовского аэроклуба, в том числе и на Юрия Алексеевича Гагарина. Вызов пришлось долго ждать. Там тоже шли затяжные дожди, и очередной выпуск задерживался. Наконец, 17 октября, пришел вызов» (4). Саратовская — да и, похоже, металлургическая — эпопея заканчивалась. С одной стороны, получалось, что он потерял семь лет, изучая профессию, которая ему не пригодилась. С другой — по ходу ему удалось найти нечто более перспективное, такое, ради чего можно было запрыгнуть в поезд, идущий в противоположном направлении. Директор СИТа написал на папке «Личного дела» Гагарина «Призван в ряды Советской Армии» (4), а сотрудники Октябрьского райвоенкомата сделали в личном деле Ю. А. Гагарина запись: «Призван на действительную воинскую службу и по его просьбе направлен для поступления в военное авиационное училище летчиков» (3).

Глава пятая

ГАГАРИН И НЕВИДИМАЯ ЛЕСТНИЦА

Счастливо избежавший депортации в Томск, Юрий Гагарин был призван в ряды Советской армии 27 октября 1955 года Октябрьским райвоенкоматом города Саратова и направлен на учебу в Первое Чкаловское военно-авиационное училище летчиков имени К. Е. Ворошилова. То есть он все-таки поступил в училище — или 21-летнего молодого человека попросту забрали в армию после окончания техникума? Скорее поступил, хотя и без экзаменов; и поскольку он сам проявил инициативу и декларировал желание продолжить службу в качестве офицера, то смог выбрать место ее прохождения сам; в принципе, обучение в училище приравнивалось к прохождению армейской службы. Хорошо; но зачем же он по второму разу пошел учиться на летчика, если уже стал летчиком в Саратовском аэроклубе? Затем, что в аэроклубах обучали летчиков-любителей, а вот профессионалов — в училищах.

Путаница не заканчивается и на этом: так, Гагарин поступил в Чкаловское училище — а закончил Оренбургское. Как так? Дело в том, что город Оренбург с 1938 по 1957 год носил имя летчика Чкалова, а затем по загадочным причинам (возможно, кому-то пришлось в голову, что странно называть город по имени человека, который никогда в нем не был) переименовался обратно; соответственно, пришлось переименовывать и училище.

Из Оренбургского летного вышли более двухсот летчиков-асов, героев Советского Союза — в том числе Чкалов (еще когда училище находилось в Серпухове; из Серпухова его перевели потому, что в Оренбурге более солнечно — что важно для летчиков, — чем в Подмосковье), Бахчиванджи, Полбин, Грицевец, Юмашев — это было то советское офицерское учебное заведение, которое могло быть и мечтой стремящегося к небесной романтике юноши, и прототипом для описанного Виктором Пелевиным в повести «Омон-Ра» Зарайского Краснознаменного училища имени Маресьева, где курсантам принудительно ампутируют ноги.

«Здание военного училища, в которое мы приехали, стояло на высоком берегу Урала, сливалось с пейзажем, вписывалось в необозримый простор» (1). До революции в монументальном строении с производящим впечатлением помпезного фасада (плюс фонтан перед входом) был кадетский корпус. Глядя на это архитектурное сооружение, легко вообразить, что Гагарин на протяжении двух лет вел жизнь блестящего гвардейского прапорщика, курсирующего между манежем и самыми блестящими из салонов города.

В действительности в городе было больше верблюдов, чем лошадей, место светских салонов занимали танцплощадки, да и в самом здании училища курсанты проводили не так уж много времени. Собственно дом на Советской, 48, был лишь витриной армейской жизни; большую часть времени обучения курсанты базировались в гарнизоне и в летних лагерях, где условия были сильно попроще (так, один из командиров Гагарина, имея намерение «вспомнить те времена и условия, в которых жил и работал коллектив подразделения, а в его среде воспитывался Юрий Алексеевич Гагарин», посвятил в своих мемуарах несколько больших абзацев диковинному обилию мух и, в частности, досадному эпизоду, когда некий инспектировавший лагерь генерал обнаружил насекомое у себя в тарелке: «Дело в том, что наша столовая была расположена около большой навозной кучи, и мухи буквально одолевали нас. Фельдшер М. Павлюк вел решительную борьбу с мухами, он на ночь на столах рассыпал какую-то мушиную отраву и официантки буквально мушиное стадо сметали со столов кучами, а к вечеру в столовой их было видимо-невидимо» (4)).

С октября 1955 года по 8 января 1956 года (дата принятия присяги) Гагарин проходит курс молодого бойца — это означает, что его вводили в строй как солдата: он должен был ознакомиться с основами строевой подготовки, приобрести навыки стрельбы, выучить устав — словом, новобранцев вымуштровывали, давали почувствовать вкус армейской жизни. Чтобы читатель получил более живое представление об этих месяцах, процитируем два известных нам источника.

Первый — письмо Гагарина и его сослуживца их саратовскому авиаинструктору: «У нас с Толяном все нормально. Учебка проходит неплохо. Занимаемся в одном классном отделении, спим через несколько коек друг от друга. В увольнение пока мы еще не ходили. Присягу еще не приняли, но думаем, что скоро будем принимать. Все дни заняты учебой. Преподаватели здесь хорошие, но строгие, а командиры тоже. Шприца дают часто. Бываем в Зауральской роще на занятиях. Здесь

часто бывают морозы. Сегодня, например, мороз — 29. Кроме того, дуют сильные ветры. Но мы привыкаем. Привыкаем к солдатской жизни. Нам это не очень трудно. <...> Часто только приходится, как у нас говорят, рулить, то есть драить пол. <...> Время свободное проводим хорошо. В клубе смотрим в неделю два раза кино. Кроме того, каждую неделю бывают в клубе танцы. На танцах много городских девчат. Мы с Толяном танцуем вовсю...» (5). Удивительным образом танцплощадка находилась на территории училища, и девушки сами приходили знакомиться с курсантами, которым даже не надо было получать увольнение.

Второй — анекдот от А. Дихтяря (10):

«В октябре 1955 года Гагарин был зачислен на 1 курс летного училища. Молодцеватый капитан с улыбочкой окинул взглядом шеренгу одетых во что попало юнцов.

— Полагаете, что вы уже курсанты? Ошибаетесь! Курсант — это человек, а вы?.. Даже на человекообразных пока что не похожи. Вот вытрясем из вас гражданскую пыль, тогда и поставим диагноз — кому летать, а кому так и ходить на четвереньках. Словом, штафирки вы мои волосатенькие. В порядке живой очереди — к парикма-аа-херу!

Первым лишился своей любовно взращенной шевелюры тезка Гагарина — Юрий Дергунов. Минуту-другую Дергунов разглядывал в зеркале собственное неузнаваемо-лопоухое отображение. Потом пропел:

— Удивительный вопрос:
Почему я без волос?

— Чтобы каждый диверсант
распознал, что ты курсант! —

с лету продолжил Гагарин, опустив ладонь на оболваненную под нуль голову».

Затем, после принятия присяги, оболваненный солдат становится курсантом-специалистом — и элементом соответствующей структуры (экипаж, звено, эскадрилья); у него начинались теория, история и тактика полетов (причем тактика не только советских вооруженных сил, но и армий предполагаемых врагов — США, Великобритании, Франции), радиообмен (ежедневно 30-минутный тренаж на прием и передачу азбуки Морзе). Курсантов обучали искусству распознавать марки иностранных военных самолетов по силуэтам — и не только марки, но и «тактико-технические данные, слабые и сильные стороны, авиабазы, где подобные самолеты базируются, какие на этих авиабазах средства противовоздушной обороны и т. д.» (27). Затем начиналась собственно летная

подготовка — основы газовой динамики, матчасть самолета, устройство двигателя, взлеты, посадки, полеты провозные, полеты вывозные, полеты контрольные, полеты по маршруту, полеты строем, высший пилотаж; результаты заносились в летную книжку, и на основании этих сведений присваивалось звание военного летчика такого-то класса.

Сразу же по прибытии в училище Гагарина — довольно взрослого, 21-летнего, окончившего с отличием школу, ремесленное училище и техникум, с относительно большим, как у «стариков», налетом, пользующегося авторитетом у однокурсников, — делают помкомвзвода и присваивают ему сержантское звание. Начальство оценило биографию Гагарина и с самого начала рассматривало его как перспективного командира. Он становится старшим в своем экипаже (из восьми человек). Однако в какой-то момент это благоволение начальства обернулось против него.

Второй год своей училищной жизни Гагарин проводит уже не в самом Оренбурге, а в гарнизоне у разъезда Ветелки, 9 километров от станции Меновой двор, 18 километров от облцентра. Он приехал сюда в конце октября 1956 года (23). Это был учебный полк, в котором служили и курсанты, и солдаты-срочники. Зимой жили в казарме (двухэтажное здание; на первом этаже — солдатская казарма с двухъярусными койками, на втором — курсантское общежитие с одноярусными; зимы были снежные, и снега наметало столько, что курсанты скатывались с горки, на чем придется, прямо из окна второго этажа (6)), летом — в лагере в больших шестиместных палатках.

Если на первом году обучения курсанты осваивали и так знакомый Гагарину по Саратовскому аэроклубу Як-18 (правда, модифицированный — посадка осуществлялась не на хвостовое, а на носовое колесо, соответственно, невысокому пилоту было легче контролировать профиль посадки, а сам самолет не «козлил»), то на втором — реактивный самолет МиГ-15: быстрее, легче, маневреннее и, теоретически, более послушный в управлении. МиГи лучше подходили для выполнения фигур высшего пилотажа, однако это была новая техника, освоение которой было связано с немалым риском. Именно на этом МиГе, по злой иронии судьбы, через 11 лет Гагарин и погибнет; для 1960-х это было уже экстраординарным происшествием. Однако тогда в МиГах-15 было еще много неустраненных дефектов конструкции (в частности, он легко входил в штопор — то есть начинал вращаться вокруг своей продольной оси с одновременным снижением — и с большим трудом из него выходил), и запах одеколona «Шипр», которым заливали мешочки с останками погибших на МиГе пилотов, врезался в память многих летчиков 1950-х годов (8).

Судя по очень подробному — и запутанному: такое ощущение, что из одних гагаринских инструкторов можно было сформировать целую эскадрилью — рассказу гагаринского преподавателя Акбулатова (22), МиГ-15 попортил Гагарину много крови. Его коллеги по экипажу уже давно летали самостоятельно, а он все оставался на вывозной программе. Гагарин совершал одну и ту же ошибку в технике пилотирования — высокое выравнивание профиля посадки.

«Проверял его Иван Михеевич Полшков, и тот отстраняет Гагарина от дальнейших самостоятельных полетов. Не допускает. Конечно, такой удар трудно переносится инструкторами, тем более таким молодым, как Анатолий Григорьевич Колосов. И Гагарин, тоже видя, что его не выпускают, значит, недоработок много еще, тоже опускает плечи, ходит ниже травы, тише воды, как-то забитый такой. Конечно, это очень неприятно. Не один раз отдавали на проверку Гагарина — и все получалось на оценку “удовлетворительно”. А чтобы лететь самостоятельно, надо иметь твердую четверку или пятерку. Бились долго над Юрием Гагариным. Вот как Иван Михеич пишет в письме: “Было указано раньше о том, что Юрий Гагарин по теоретическим дисциплинам учился только на пятерки, что касается полетов на МиГ-15Бис, были серьезные затруднения. Мне приходилось трижды летать с ним на предмет выпуска его самостоятельно. И трижды я отклонял выпуск по неподготовленности. Частично малой успеваемости в полетах способствовал малый рост Юрия, 1 метр 62 сантиметра, что затрудняло определение расстояния до земли при посадке. Были и другие причины, связанные с его способностями. Качество полетов и после выпуска летать самостоятельно было посредственным. Стоял вопрос об отчислении его из училища. Был оформлен материал об отчислении. Но когда инструктор Колосов прилетел с полевого аэродрома и попросил меня продолжить обучение Гагарина, мотивируя тем, что Гагарин слезно просит разрешить ему летать, я оставил его для продолжения обучения”.

Я немного расшифрую написанное. Дело в том, что Юрию Гагарину трудно давались полеты. И как на учебном самолете, так и на боевом самолете у Колосова. Самое страшное — это высокий профиль посадки. А посадка — это основной элемент для летчика. Вот здесь Иван Михеич пишет, что причиной этого является малый рост Юрия. Да вы знаете, я скажу не совсем так. Я еще меньше ростом Юрия Гагарина на два-три сантиметра, может, я уже имел опыт какой-то: у меня полеты были с хорошим и отличным качеством, особенно посадка. Здесь дело в другом. Гагарин имел налет по сравнению с дру-

гими курсантами в два раза меньше на учебных самолетах. Поэтому опыта было меньше и труднее давались полеты и особенно основные элементы: взлет, расчет, посадка. Со временем он придет к успеху, когда дальше будет летать, когда будет больше опыта, практики. И второе, Иван Михеич подчеркивает, что трижды проверял его и был материал предоставлен на отчисление. Я беседовал с командиром полка, с бывшим заместителем командира полка недавно, будучи в Оренбурге. И вот сейчас я могу обобщить все данные. ...Гагарин уже больше полумесяца ходил на старт и каждый раз хотел вылететь самостоятельно. Желание огромное, а не получается. И Колосов бьется над этим. Командира звена в то время не было. Был временный майор Пикулев, который также летал со своим экипажем и замещал временно должность командира звена. И вот Колосов был почти предоставлен сам себе. И тогда майор Беликов, видя, что Гагарин уже отстал от остальных курсантов — те уже летают в зону самостоятельно, а он еще не вылетел, — приказывает Колосову написать представление об отчислении Юрия Гагарина от дальнейшего обучения, как не справившегося с летной программой — по нелетной успеваемости. Колосов пишет и предоставляет этот материал Беликову, тот подписывает и передает этот материал командиру полка. Командир полка завертелся, как всегда, у командира много работы, и он не подписал сразу этот документ, все некогда было. А Гагарин уже был отстранен от полетов — всё. Раз уж написано представление об отчислении. Ну и ходит, конечно, в тяжелом, тяжелом положении: и глаз не поднимает, и голова опущена. Подходил он к инструктору Колосову, к Беликову с просьбой оставить его. “Я хочу, я должен быть летчиком”. Но материал уже был отправлен.

Когда Колосов перегнал самолет на основной аэродром, он встретил там командира полка и просил Ивана Михеича Полшкова, чтобы тот не подписывал документ, а оставил дальше учить курсанта Гагарина... желание огромное у этого молодого человека стать летчиком. Он так поставил вопрос, что поможем всеми силами, чтобы он стал летчиком. Тогда Полшков дал добро и добавил несколько дополнительных полетов к тому, что он отлетал и чтобы дальше продолжали учить Гагарина. И плюс ко всему он пригласил заместителя Григория Константиновича Серкова, с тем чтобы помочь лейтенанту Колосову, чтобы все было нормально в экипаже, чтобы выпустили отстающего курсанта Гагарина. И подполковник Серков включился в это дело вместе с Колосовым. Он сам несколько дней летал с Гагариным по кругу — контрольные полеты на спарке и каждый раз делал замечания ему, что вот то

не так, это не так — ну и основное посадка. Гагарин видел это, исправлял и производил в дальнейшем нормальную посадку. Уж настолько он желал самостоятельно вылететь, что <знал:> летчики по традиции после самостоятельного вылета угощают всех так называемыми вылетными папиросами. У него в планшете имелось штук шесть этих коробок, они все уже за это время истерлись. Конечно, у молодого человека было настроение крайне низкое. И вот полетав не один, а два-три дня с Гагариным, убедившись, что он может увидеть ошибку, исправить ее и нормально произвести посадку, подполковник Серков решает выпустить Гагарина самостоятельно. Поговорили с ним предварительно: “Замечаешь ты ошибку?” — “Замечаю”. — “Вот я сейчас слетаю с тобой — все делаешь сам, если увидишь отклонение самолета от нормы, значит, сам исправляешь это отклонение и производишь нормальную посадку”. Что он и сделал. И после этого Серков говорит: “Видишь боевой самолет, садись и лети самостоятельно”. Гагарин от радости побежал к этому самолету, Серков его вернул, говорит: “Нет, ты отдохни, посиди. И пешочком не спеша иди к боевому самолету. Бегать не надо, и так у тебя нервы напряжены, волнуешься, а пробежишь — пульс вообще будет 200. Надо все делать нормально”. После этого Серков отправил его пешочком к самолету. Гагарин садится в кабину, приняв предварительно самолет у техника. Подходит Серков, лейтенант Колосов, проверяют, как он сел, все ли включил. И Гагарин спрашивает: “Я 210-й — запуск”. Беликов отвечает: “Запускай, 210-й”. Он даже не знал, что выпускает самостоятельно Гагарина. И когда запустил двигатель Гагарин, вырулил 210-й, Беликов передает Серкову: “Вы что, выпускаете 210-го?” — “Да, пусть летит, все нормально”. 210-й вырубивает, взлетает. Прекрасно взлетел, построил маршрут, заходит на посадку, подходит к земле, чуть высокий профиль, исправил это высокое выравнивание и произвел посадку. Первый полет он сделал, значит, он вылетел самостоятельно. Вылетел самостоятельно — он уже является летчиком».

Сам Гагарин упоминает о том, что Акбулатов, инструктор по воздушному бою, разрешил ему подкладывать на сиденье подушечку — чтобы таким образом, не привставая, увеличить пространство обзора. Трудно сказать, насколько эффективной на самом деле была эта подушечка; в конце концов, именно на этом самом «высоком профиле» горели многие курсанты, независимо от роста, — и безжалостно отчислялись. Гагарину повезло.

Еще больше Гагарину повезло в другом отношении: по каким-то причинам (возможно, потому, что многих курсантов

со старшего курса отчислили за неуспеваемость, нарушения дисциплины и по состоянию здоровья; возможно, в связи с тем, что Хрущеву уже тогда начало казаться, что при наличии ракетных войск роль авиации в современной войне уменьшается — и лучше потратить бюджеты на изготовление ракет, чем на лишний год обучения курсантов) «командование училища получило задание досрочно выпустить дополнительную эскадрилью летчиков» (28), но так или иначе, его — одного из троих курсантов, кто уже и так умел летать и имел свидетельство летчика аэроклуба, — досрочно перевели со второго курса на выпускной третий. Это, конечно, было ему очень на руку: он выигрывал целый год — сокращалась его казарменная жизнь, он получал офицерское звание, возможность строить карьеру, зарабатывать деньги; мало того, именно благодаря ускоренному выпуску Гагарин и попал в конечном счете под программу набора космонавтов. Обратной стороной везения была необходимость догонять своих однокурсников — что в случае теории можно было взять за счет усидчивости; но вот летную практику форсировать было сложнее. Кроме того, он, «салага», оказывался в коллективе «стариков», что также не добавляло психического комфорта.

О том, что курсантская жизнь Гагарина складывалась не так гладко, как он сам описывал в «Дороге в космос», можно понять уже по намекам в книге Лидии Обуховой (25). «Длинная казарма с двухэтажными кроватями — их новый дом — вписывалась в определенные строгие правила. Но кроме распорядка дня, утвержденного начальником ЧВАУЛ, неизбежно должен был возникнуть, наладиться и устояться сложный мир взаимоотношений между вновь приехавшими и “старичками”. Невидимая лестница главенств и авторитетов ...игра самолюбий принимала порой жестокие формы. В глухой ночной час раздался осторожный шелест босых ног, чирканье спички о коробок. Воскрешая стародавние проделки бурсаков, клочок подоженной бумаги вспыхнул у босых пяток спящего: только что назначенного помкомвзвода Гагарина... Злая забава оборвалась в самом начале. Ночные проказники не могли предвидеть молниеносную реакцию. Газетный ком только порхнул огненным голубком у верхней нары, а Гагарин уже стоял обеими ногами на полу. Завязалась молчаливая потасовка. Юра Гундарев — второй помкомвзвода из новичков — выскочил из сна несколькими секундами позже и нырнул в ночную свалку немедля, точным, как у сильной рыбы, движением».

Несколько десятилетий спустя писательница Татьяна Копылова — соавтор Анны Тимофеевны Гагариной по «Слову о

сыне» — публикует нечто гораздо более откровенное. «В 1984-м из Оренбурга пришло письмо, заинтриговавшее нас с Анной Тимофеевной. Было оно от полковника в отставке Ивана Михеевича Полшкова, бывшего командира полка боевого применения (полка реактивных истребителей), приданного Чкаловскому летному училищу. В этом полку проходили последнюю перед выпуском практику будущие военные летчики. Иван Михеевич писал, что у него есть документ, который нигде не опубликован и даже не упоминается. Когда мы встретились, он пододвинул ко мне пожелтевшие листки. Бросилась в глаза дата — 4 марта 1957 г., выделенные жирным шрифтом фамилии и фраза: “Объявляется приговор Военного трибунала Южно-Уральского военного округа от 28 февраля 1957 года об осуждении курсантов 1-го ЧВАУЛ Бушнев И. Л., Шпанько Б. Г., Ошуркова Е. Н. за нанесение побоев помощнику командира взвода сержанту Гагарину за его требовательность по службе”. Подсудимый Бушнев, будучи недоволен требовательностью по службе пом. командира взвода сержанта Гагарина, склонил подсудимых Шпанько и Ошуркова на избивание Гагарина, на что они ему дали свое согласие. В осуществление этого намерения — при активном участии Шпанько — в ночь на 30 января 1957 года, когда после отбоя весь личный состав лег спать, в том числе и Гагарин, Ошурков и другие курсанты напали на Гагарина и подвергли его избиванию, при этом Шпанько и Ошурков завязали себе головы полотенцами, чтобы их не узнали, а Бушнев в это время стоял у входа в казарму с целью предупреждения исполнителей в избивании Гагарина, в случае появления кого-либо из командования. В результате преступных действий Бушнева, Шпанько и Ошуркова сержант Гагарин был избит» (24).

Несмотря на хитроумный маневр с завязанными полотенцами (страшно подумать, на кого были похожи в этот момент Шпанько и Ошурков), злоумышленников удалось вычислить; с ними не стали церемониться и отдали их под суд. «В судебном заседании подсудимые в изложенных преступных действиях виновными себя признали и дали подробные объяснения... На основании изложенного Военный трибунал признал Бушнева, Шпанько и Ошуркова виновными в принуждении группой лиц к нарушению обязанностей по военной службе, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 193-4 п. ‘б’ УК РСФСР”... Далее в приговоре указывались меры наказания: Бушнева и Шпанько на 3 года каждого с отбыванием в исправительно-трудовом лагере, а Ошуркова на 2 года с отбыванием этого наказания в дисциплинарном батальоне, всех троих без поражения в правах. ...Потом Иван Михеевич давал пояс-

нения к событиям 1957 года. На помощниках командиров взводов лежала малоприятная обязанность — обеспечение внутреннего распорядка подразделения: подъем, зарядка, посещение занятий... И Гагарин всегда исполнял эту обязанность, не делая исключений ни для себя, ни для других. Его требовательность пришлась не по вкусу трем друзьям. Особенно их раздражал ранний подъем на утреннюю зарядку. Вот и предупредили сержанта: что подчиняться ему не будут. Но и тот ответил категорично: “Распорядку в казарме будут следовать все”. Троица повторила угрозу. Помкомвзвода вновь подтвердил: “Никаких исключений!” Тогда угрозу привели в исполнение. Избит Гагарин был жестоко, до потери сознания — на несколько дней его поместили в госпиталь. Остальные курсанты настояли, чтобы хулиганы пошли к командованию. Заседание трибунала состоялось через месяц. К этому времени Гагарин был уже здоров и по-прежнему исполнял свои обязанности младшего командира» (24).

Несколько иная — и, вполне вероятно, более правдоподобная, чем конфликт из-за подъема на зарядку — версия событий изложена однокурсником Гагарина: «Гагарин был службист. <...> Он был старшиной эскадрильи и докладывал начальству о всех нарушениях курсантов, даже о тех, кто опаздывал с увольнения. Сами понимаете, молодые люди, неохота расставаться с девчонкой, ну и опаздывали. А Гагарин докладывал о них. Однажды ребята устроили ему “темную”, дали понять Гагарину, что делать так нельзя» (28).

О том, что Гагарин был из тех, кому «больше всех надо», вспоминает и один из преподавателей, И. Скутин, — по его словам, сознательный Гагарин отчитал однажды своего однокурсника, завалившего экзамен по истории КПСС: «Ты что, собираешься стать воздушным извозчиком, а не летчиком-офицером Советской Армии?» (29).

Историю с устроенной Гагарину «темной» подтвердил в личном интервью автору этой книги и В. С. Кислов, бывший в 1957 году замом старшего инженера авиационного полка, в котором служил Гагарин.

Этот эпизод, однако, не отбил у Гагарина охоты продолжать службу в армии; армия была структура, которая по разным параметрам соответствовала его характеру — и он пробыл внутри нее до самого конца жизни. «С детства я любил армию». В «Дороге в космос» есть несколько коробящих гражданского человека абзацев — где Гагарин несколько напоминает боевого робота.

«Мне не надо было привыкать к портянкам и сапогам, к шинели и гимнастерке. В казарме всегда было чисто, свет-

ло, тепло и красиво, все блестело — от бачков с водой до табуреток.

Я тоже становился солдатом, и мне по душе были и артельный уют взвода, и строй, и порядок, и рапорты в положении “смирно”, солдатские песни, и резкий протяжный голос дневального:

— Подъ-е-ом!

Нравились мне физическая зарядка, умывание холодной водой, заправка постелей и выходы из казармы в столовую на завтрак. За время службы в армии я не имел ни одного взыскания, строго соблюдал внутренний распорядок. Меня радовало, что всё в части происходит по расписанию, в точно установленное время: и работа, и еда, и отдых, и сон. Меня ни чуточки не тяготило, что это повторялось изо дня в день. В армии я привык жить и учиться по уставам. Уставы отвечали на все вопросы, связанные с жизнью, учебой и службой, ясно указывали, как служить, изучать военное дело, овладевать оружием и боевой техникой, повседневно повышать политическую сознательность. Как только мне удавалось выкроить свободную минуту, я заглядывал в устав. Он стал законом моей жизни» (1).

Проще всего списать подобного рода пассажи на фантазии «правдивостов»-литобработчиков (официальные биографы вообще не знают меры: «любил воинский порядок, строевой шаг и солдатские песни» (29)) или, если угодно, на то, что неглупый Гагарин любил армию потому, что армия была для него, юноши из социальных низов, из провинции, без жилья и без каких-то особых связей, идеальным карьерным лифтом.

Однако несмотря на муштру, несмотря на крайне неприятный эпизод с устроенной ему «темной», Гагарину несомненно нравилось в армии, которая не была демонизирована внутренними наблюдателями и действительно сильно отличалась от нынешней. На тот момент это была, возможно, самая сильная армия в мире — сталинская армия, которая десять лет назад бомбила Берлин, которая оккупировала пол-Европы и стерла в пыль немецкую военную машину. Это была армия, которая даже в мирное время проводила немыслимые по сегодняшним меркам учения — и по-настоящему, всерьез готовилась к третьей мировой — настолько, что отрабатывала на своих солдатах действия в условиях использования ядерного оружия. Собственно всего за год до прибытия Гагарина в Оренбург, очень недалеко оттуда, в Оренбургской области, на Тоцком полигоне, маршал Жуков проводит учения с 45 тысячами солдат и офицеров — и взрывает над ними настоящую атомную бомбу: просто чтобы изучить возможность прорыва

обороны противника с использованием нового оружия. Некоторые из гагаринских пилотов-инструкторов участвовали в испытаниях — им было дано задание пролететь через радиоактивное облако (на самолетах Ил-10 с негерметичными кабинами). Все это очень похоже на еще одну главу из отчета о преступлениях советского режима против своих граждан — однако учения были хорошо организованы; теоретически, могли быть страшные жертвы — однако обошлось (хотя свои дозы радиации, конечно, получили все участники).

Мы упоминаем обо всем этом для того, что было понятнее, кто именно сидел 12 апреля 1961 года в раскрашенной в зеленый цвет ракете — а затем разъезжал по миру с проповедями о мирном космосе и фотографировался с белым голубем в руках. Преподавателями Гагарина были фронтовики, обучавшие его вовсе не мирным полетам, а именно тому, что необходимо на войне. На протяжении двух лет Гагарина готовили не просто к службе в гарнизоне и выполнению фигур высшего пилотажа, цирковым фокусам, а натаскивали для участия в третьей мировой войне — которую ждали, которой опасались — и ответом на угрозу которой и стал запущенный ровно в тот момент, когда Гагарин получал лейтенантские погоны, спутник.

Кстати, если уж на то пошло, «почему советский спутник оказался первым в космосе? Да потому что у американцев были базы в Европе для военно-воздушных сил. Они могли бомбить Москву с европейских баз обычными самолетами. А мы не могли ответить Америке никак... У нас был огромный стимул. Единственная возможность ответить американцам на удар по Москве — это ответный удар по Вашингтону и Нью-Йорку. Это все у нас понимали... И запуск первого спутника, который мы провели в спешном порядке, имел целью вовсе не изучение космоса. Главное было — показать американцам, что мы их можем накрыть. И они это поняли. Раз мы можем запускать спутники, значит, любой город Америки может быть, увы, поражен... Я считаю, что это — очень сильно способствовало сохранению мира» (7).

О том, что мысли Гагарина в Оренбурге были заняты не только строевой подготовкой и «высоким профилем посадки», свидетельствует следующий анекдот, приведенный А. Дихтярем:

«Капитан Федоров прохаживался туда-сюда перед шеренгой вытянувшихся по ранжиру курсантов. Гагарин, как самый мелкокалиберный, на левом фланге.

— Что есть погоны? — спрашивал сам себя и сам же себе

отвечал: — Погоны — это не только деталь одежды. Это прежде всего символ мужественности, и носить погоны должно с достоинством!

После занятий курсант Гагарин подошел к курсанту Репину: — Что есть бюстгальтер? Отвечайте, курсант!

И, не дождавшись ответа, выдал собственный вариант:

— Бюстгальтер — это тебе не только деталь одежды. Это прежде всего символ женственности, и носить его должно с достоинством! Так и напиши своей девушке, Репин» (10).

Тут самое время упомянуть, что именно к оренбургскому периоду относится наибольшее количество признаний женщин, с которыми Гагарин якобы имел какие-то отношения. Какими бы ненадежными ни были эти свидетельства, ясно, что Валентина Горячева была далеко не первой попавшей в его поле зрения женщиной; у летчика Гагарина был если не большой опыт (об этом трудно судить), то, по крайней мере, широкий диапазон выбора — и вот тут он прекрасно обходился без всякой подушки.

Вообще, мемуары женщин, живописующих свои отношения с Гагариным (в диапазоне от «спала-с-ним» до «пожирал-меня-глазами»), представляют особый интерес, особенно если зачитывать их бивис-и-баттхедовским голосом. Несостоявшиеся леди Гага охотно рассказывают, как отказали ему, как он предлагал на них жениться, некоторые даже транслируют сны, в которых они снились Гагарину («...рассказала свой сон: будто он готовил меня в космос. Гагарин уговаривал, а я отнекивалась: “Юр, ты же прекрасно знаешь, сын у меня, муж. Вдруг разобьюсь, у меня же семья...” В итоге согласилась: “Где ракета?” А он в ответ: “Да вон же — в огороде”» (14). Удивительнее всего даже не сам сон про «готовил в космос» — «где ракета?» — «да вон же, в огороде», а то, что о таких снах можно было рассказывать по радио; вот уж правда эпоха невинности). Проблема в том, что чем больше подробностей в этих мемуарах, тем менее достоверными они кажутся.

Алмазом, кохинором этой коллекции является опубликованный в таблоиде (однако никем не опровергнутый) рассказ некоей К. Шерстневой, позиционирующей себя как подругу и, в молодости, соседку будущей вдовы экс-президента РФ Нainya Ельциной — в девичестве Гириной. «И еще один случай припомнила Клавдия Шерстнева: прибегает ко мне Найка и кричит с порога: “Клава, быстрее телевизор включай!” Это был день, когда Гагарин в космос полетел. “Мне кажется, это тот самый Юрка!” — выпалила Ная. А тогда прошла только первая информация о полете. Купили мы с ней бутылочку (все-таки вся страна отмечала!) и стали ждать вечера. На экра-

не телевизора она его точно узнала. Оказывается, они в Оренбурге на танцплощадке познакомились, дружили долго, она и родителей его хорошо знала. Вздохнули мы тогда. “Вот за кого нужно было замуж-то выходить! — посочувствовала я ей. — Сейчас была бы женой первого человека, а то сидишь тут со строителем...”» (12).

Разумеется, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, правда ли Юрий Гагарин был женихом будущей жены президента Бориса Ельцина, однако сама возможность этого кажется настолько курьезной, что биограф не находит в себе сил не упомянуть о ней; однако на этом мы перестаем тасовать колоду не вполне приличных карт из несостоявшихся невест Гагарина.

О том, что Гагарин всерьез задумывается в Оренбурге о женитьбе, рассказывают вовсе не только претендентки на его руку, сердце и фамилию. Так, лейтенант Акбулатов запомнил не только высокий профиль посадки Гагарина, но и ряд других подробностей. «Вот такой еще штрих, он обращался ко мне: “Товарищ капитан, мне бы вот в город”. Не раз обращались ко мне с такой просьбой. Время было напряженное. Я говорил, ребята, вот закончите, потом будете отдыхать, сейчас главное учеба, финал — к финишу пришли. Какой тут отдых. “Да вот я жениться хочу”. Я говорю: “Жениться я всем запрещаю, пока вы не закончите военное училище. И даже не подходите ко мне насчет женитьбы. Запрещаю жениться каждому. Успеете — это никуда не денется”»* (2).

Что касается женитьбы курсанта Юрия Гагарина на работнице оренбургского телеграфа, а впоследствии студентке медучилища Валентине Горячевой, которую сам он называл смешным словом «Валюта», то по понятным причинам мы не можем обсуждать его выбор — равно как и в целом тему того, была ли она «идеальной Гагариной». Она, безусловно, была — в смысле: была при живом муже — женщиной не свет-

* Любопытно, что лейтенант Акбулатов не только запрещал своим курсантам жениться, но и сам являл собой наглядный пример негативных последствий изменения матримониального статуса, о чем свидетельствует следующий анекдот: «Гагарин побывал у старшего лейтенанта Акбулатова. Не в гостях, разумеется, а выполняя приказание командира эскадрильи: доставить Акбулатову на дом срочный пакет. По возвращении в училище любопытные курсанты засыпали Гагарина вопросами: как там, что там у Акбулатова дома? Гагарин ответил песней:

Акбулат удалой,
Бедна сакля твоя,
Кроме койки с женой,
Больше нет... ничего!» (10).

ской; держалась напряженно, скованно; ни на секунду не забывала о том, что ей следует быть осмотрительной; встречала журналистов с плотно сжатыми губами — и дочерей своих научила тому же.

Есть свидетельства, что она хорошо готовит; неудивительно при профессии отца: «Иван Степанович был большой мастер кулинарии, но особенно удавались ему беляши — любимое кушанье уральских казаков» (1).

Для нас важно, что ее мемуары — «108 минут и вся жизнь» (в соавторстве с прикомандированным журналистом из «Красной звезды» Михаилом Ребровым), которые, теоретически, могли бы стать откровением, — на самом деле можно читать разве что со спичками между век. Тем не менее в этой по-настоящему пуританской книге не без живости описана сцена их знакомства, состоявшегося на танцплощадке (дотошный писатель Нагибин в своих «Рассказах о Гагарине» шеголяет знанием деталей: «Во время танца запрещалось курить, толкаться, произносить вслух нецензурные слова; полагалось уступать дамам место на скамейке и приглашать к танцам не свистом или пощелком пальцев, а по всем правилам вежливости. Возле площадки продавалось мороженое, морс, ситро, а крепкие напитки были оттеснены к детскому городку» (11)). «Он пригласил меня танцевать. Вел легко, уверенно сыпал бесконечными вопросами: “Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго?..” Если откровенно, то первое впечатление от знакомства с Юрой складывалось как-то не в его пользу. Невысокий, худощавый. Голова большая, короткий ежик волос, торчащие уши. Говорит быстро, после каждой фразы как-то двигает припухшими губами, будто припечатывает слова. Сказать о нем подвижен — значит ничего не сказать. Кажется, будто он одновременно находится в разных местах» (13).

Существует, кстати, и менее каноническая версия той же сцены.

«... Девушка с сомнением посмотрела на очень уж невидного кавалера.

— Позвольте представиться, — курсант “Лысенский”, рост метр пятьдесят шесть. Впрочем, через год, даю вам слово, будет метр пятьдесят семь, а может, даже метр пятьдесят восемь.

— Откуда же вы уверены, что подрастете? — рассмеялась девушка.

— Разве я говорил, что подрасту? — с веселым удивлением глядел на нее Гагарин. — Волосы за год отрастут на сантиметр, а то и на два. Вот и выйдет метр пятьдесят восемь!

Девушка снова засмеялась и приглашение приняла» (10).

Как бы то ни было:

«Потом был другой танец, третий...

В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода (выходить за проходную училища им тогда не разрешали) и, словно мы уже обо всем договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем на лыжах.

Я промолчала: на лыжах так на лыжах. Уже дома подумала: «А почему я должна идти с этим 'лысым' (как выглядит «лысый» Гагарин, можно узнать, заглянув в его комсомольский билет, датированный 20 января 1956 года; надо сказать, короткая стрижка ему ужасно не идет. — *Л. Д.*) на лыжах? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день...»

На лыжах мы не пошли. Не было самих лыж, не было и погоды. Пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но в отношении к нему наши взгляды разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения. К единству суждений так и не пришли. Потом разговор стал совсем скучным. Долго шли молча, и около моего дома он так же, как и в тот первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем... — Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил: — Пойдем в гости.

— Это к кому же? — удивилась я. — К нам, что ли?

— К вам» (13).

В доме 35 по улице Чичерина в Оренбурге сейчас находится мемориальный музей-квартира Юрия и Валентины Гагариных, хотя на самом деле это квартира семьи Горячевых, а Гагарин прожил здесь после свадьбы всего лишь неделю. Сам Гагарин называет в мемуарах две комнаты в коммуналке на втором этаже бывшего купеческого особняка «просторной жактовской квартирой», то есть квартирой, входящей в жилищно-арендное кооперативное товарищество. Здесь демонстрируются чайный свадебный сервиз, вышитые В. И. Горячевой салфетки, лыжный костюм, туфли, охотничьи и рыболовные принадлежности, пикейное покрывало, кружка, из которой Гагарин пил кумыс, и деревянные лыжи — на которых они не пошли в тот раз, однако все-таки пошли в другой.

Именно здесь... Впрочем нет, мы должны воспроизвести еще один характерный армейский анекдот оренбургского периода:

«Гагарин, без пяти минут молодожен, спрашивает однокурсников:

— Братцы, два вопроса на засыпку! Вопрос первый: может ли сестра стать женой?

— Да ты что! Это ж кровосмешительство, уголовно наказуемое! — возмущается самый морально стойкий — Захаров.

— Молодец, курсант Захаров! Отличный ответ! — хвалит товарища Гагарин. — Теперь вопрос второй: может ли жена стать сестрой?

Этот вопрос ставит всех в тупик.

— Чепуха какая-то, а не вопрос, — высказал общую точку зрения Захаров.

— Ты меня разочаровал, курсант Захаров, — сокрушенно вздохнул Гагарин. — Даю правильный ответ: жена сестрой стать может. Доказываю: моя будущая жена учится в медицинском училище и по окончании — кем станет? Совершенно правильно: сестрой. И не просто сестрой, а сестрой медицинской.

— Ишь, куда вывернул! — решил взять реванш Захаров. — Но если так, тогда ведь и сестра стать женой может!

Гагарин задумчиво посмотрел на Захарова.

— И станет, — сказал он. — Только не твоей, курсант, не твоей!» (10).

...Так вот, именно здесь, на Чичерина, они и гуляли свадьбу 7 ноября 1957 года.

В конце октября Гагарин, научившийся летать на Як-18 и МиГ-15Бис, имеющий налет 116 часов 41 минуту, в том числе 586 посадок (17), закончил училище по первому разряду. Две недели, пока аттестации рассматривались в Москве, в Министерстве обороны, курсанты «пребывали в так называемом “голубом карантине”». Кстати, именно в «голубом карантине» (то есть «в нетерпеливом ожидании офицерских званий» (1)). Гагарин узнает об успешном запуске спутника с собакой Лайкой (если можно считать успешным полет живого существа в один конец).

Наконец 5 ноября ему присваивают звание «лейтенант», вручают диплом, значок «Военный летчик 3 класса» и часы «Штурманские» (которые производились специально для выпускников Оренбургского училища (26); именно они, что любопытно, были на Гагарине 12 апреля 1961 года). На свадьбу он явится в парадной офицерской форме: синяя фуражка с голубым околышем, синий же двубортный мундир с галунными погонями; черные ботинки, шитый золотом пояс (30).

Иван Степанович, отец Валентины, был поваром в санатории «Красная Поляна» (по версии Гагарина (1); по другой — в ресторане «Астория» (16)), так что, надо думать, в списке праздничных блюд значились вовсе не только беляши. Известно, что Гагарины — Горячевы пригласили на свадьбу слепого бая-

ниста — и он сыграл им «Вальс цветов», «Березку», «Амурские волны», а также польку, танго и популярные в те время песни — «Подмосковные вечера», «Катюша», «Огонек», «Земля целинников» (3). Поскольку дело происходило 7 ноября, в главный советский праздник, — а в тот год к тому же отмечалась круглая, сорокалетняя годовщина революции, — то по радио передавали выступление Хрущева на юбилейной сессии Верховного Совета СССР. Узнавшая «близкий и родной голос» Валентина простодушно пошутила: «Вот и побывал у нас на свадьбе Никита Сергеевич» (1).

В какой-то момент во время гулянья погас свет — вылетели пробки, и молодые, словно персонажи кинофильма, режиссер которого не имеет понятия, что ему делать с постельными сценами, остались в темноте.

Что, пожалуй, и к лучшему; дальнейшее обсуждение гагаринского брака невозможно; ограничимся лишь упоминанием о том, что журналисты Борзенко и Денисов, на протяжении многих лет шлифовавшие вместе с Гагариным свой вечнозеленый бестселлер «Дорога в космос», вспомнили, что незадолго до своей гибели Гагарин специально позвонил им и попросил вставить в книгу, в ту главу, где говорилось о его жене Валентине Ивановне, шикарную фразу: «Моя любовь, как перстень, не имеет конца»* (19).

Почему Гагарин не зажился на жениной квартире? У новобрачного, закончившего училище по первому разряду, было достаточно причин остаться в Оренбурге — ему предлагали работать инструктором, предоставляли квартиру, его молодая жена продолжала учебу и не могла уехать. Однако все равно он отказывается от самого очевидного жизненного сценария — и уезжает служить в Заполярье.

Впрочем, сначала Юрий Алексеевич и Валентина Ивановна наносят блицвизит в Гжатск — чтобы, по просьбе не терпевшего ущемления его отцовских прав на сына Алексея Ивановича, продублировать свадьбу.

«Ноябрь 1957. Купейный вагон скорого поезда Чкалов — Москва. Молодой летчик в новеньком, с иголки, мундире военного летчика, свесив голову с верхней полки, заводит разговор с попутчиком, расположившимся внизу:

— Обратите внимание на симпатичную гражданку напро-

* Кстати, о перстнях: «При посещении <Гагариным> цеха ювелирных изделий <речь идет о смоленском заводе «Кристалл»> ему предложили приобрести для подарка жене золотое кольцо с бриллиантом стоимостью шесть тысяч рублей. На что Юрий ответил шуткой:

— Моя жена и без того красива. — А немного погода серьезно добавил: — И не по карману это мне» (18).

тив. По странному совпадению мы с ней изменили свое гражданское состояние в один и тот же день, в одном и том же загсе, и нам выдали свидетельство с одним и тем же номером...» — судя по очередному анекдоту от А. Дихтяря (10), настроение у молодых было неплохое; да и с какой стати было им печалиться? В Гжатске к их приему готовились, и вторая свадьба удалась не хуже первой. Сестра «Зоя приурочила к этому событию угощение: забила большую крольчиху. А Алексей Иванович играл на гармонии» (20). По словам Т. Д. Филатовой, Гагарины могли себе позволить и еще более роскошное меню: «Мы держали большое хозяйство: корову, поросят, кроликов, кур. Молоко продавали, излишки из сада и огорода дарили, урожай были хорошие, мы не нуждались. По большим праздникам бабушка Анна Тимофеевна запекала свиной окорок в ржаном тесте. К свадьбе Юры и Вали забили кабанчика, сварили холодец, приготовили домашние колбасы» (21).

Однако ж и в Гжатске молодые люди пробыли всего ничего — лейтенанту Гагарину надо было ехать на Север, в полк, а студентке Гагариной — возвращаться в Оренбург, в медучилище. Расставались они — почти на девять месяцев — в Москве, на Казанском вокзале, откуда уходили поезда на юго-восток. Последние слова перед расставанием? «Не грусти, Валюта» (1).

Глава шестая

ГАГАРИН И ЛАПЛАНДИЯ

Тот, кто захочет описать службу Гагарина в Заполярье, столкнется с той же трудностью, что летающие в тех местах истребители: отсутствие ориентиров, слишком однообразный ландшафт, не за что зацепиться глазу. Одинаковые озера, одинаковые сопки, одинаковая тундра; зимой просто все белое, море и берег сливаются; опытный авиатор может летать здесь по приборам — а вот на какие стрелки смотреть биографу?

Не то чтобы среди гарнизонных сослуживцев по 769 ИАП 122 ИАД ВВС СФ не оказалось ни одного сколько-нибудь ответственного мемуариста, позаботившегося о будущих автограх серии «ЖЗЛ». Кое-кто проявил сознательность; однако все доступные свидетельства (есть и недоступные: наверняка у вдовы, В. И. Гагариной, хранятся письма, которых должно быть очень много — они ведь только что поженились и тут же расстались на девять месяцев; логика подсказывает, что Юрий писал Валентине каждый день) крайне пресны — словно холод и тьма вызывали не только депрессию и авитаминоз, но еще и атрофию памяти и неспособность к творчеству. Приехал, стойчески переносил погодные условия, летал хорошо, потом уехал; мемуаристы оживляются, лишь когда речь заходит о разнообразии плодово-ягодного ассортимента в тамошних лесах и рыбного — в водоемах.

Заполнить эту лакуну в хронике гагаринской жизни цитатами из никоим образом не противоречащих друг другу рассказчиков означало бы погубить эту книгу на корню; простой список сослуживцев с инициалами и указанием должностей был бы более увлекательным.

Первое, что вызывает вопросы, — причина: почему все-таки после окончания Оренбургского летного училища Гагарин выбирает в качестве места службы чудовишно некомфортную Арктику — а не Оренбург и не Украину, которую ему вроде бы тоже предлагали. Официальный ответ на вопрос: «Потому что там всегда трудно» (более развернутая версия: «чувствовал себя сы-

ном могучего комсомольского племени и не считал себя вправе искать тихих гаваней и бросать якорь у первой пристани»).

Сейчас, когда наиболее естественной моделью для жизнестроительства представляется консюмеристская, выбор этот кажется непостижимым. Между тем следует осознать, что и официальная, и массовая культура навязывала людям тогдашней эпохи совсем другой стереотип. Быть полярным летчиком считалось, как бы это понятнее выразиться, верхом крутизны; круче было работать разве что летчиком-испытателем. Не просто летчик — а Полярный Летчик. Может летать зимой, ночью, в пургу, исключительно по приборам; и никогда не сдается. Как Саня-«Бороться и искать, найти и не сдаваться»-Григорьев в «Двух капитанах». Каверинский роман, кстати, вышел, когда Гагарин был еще подростком, а вот экранизация — в 1955 году, как раз примерно в тот момент, когда он совершает первые свои полеты. Таким образом, «неофициальный» ответ не так уж отличается от официального: романтика; даже если нет войны — это не значит, что нет места подвигу; летать — так там, где сложнее всего.

Гагарин поехал служить туда из Оренбурга не один, а еще с несколькими приятелями-выпускниками — Дергуновым, Злобиным, Репиным, Дорониным, Ильиным и Киселевым; и даже если в их выборе, помимо желания научиться летать в самых сложных условиях, было еще и желание получать «северную надбавку» к жалованью и побыстрее сделать карьеру в условиях, максимально приближенных к боевым (рядом граница с Норвегией, базы НАТО, американцы нарушают воздушное пространство — есть возможность отличиться), — в этом нет ничего криминального.

По существу, Гагарин провел два года в Лапландии; да-да, примерно оттуда — если верить рекламе «Кока-колы» — каждый год вывозит на оленьих упряжках мешки с подарками Санта-Клаус. Места были сначала лопарские, однако колонизированные русскими монахами еще в XVI веке. Это была территория идеальная для того, чтобы основать там какой-нибудь монастырь (его и основали — Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский, самый северный православный монастырь), ну или на худой конец разместить там пограничный авиаполк.

В 1920 году по Тартускому договору российская часть Лапландии была передана Финляндии — и четверть века, до 1944-го, здесь не было русских. Во время войны тут хозяйничали немцы — которые сделали эти места своим северным плацдармом, построили аэродром — и летали с него бомбить Мурманск. В 1941—1942 годах тут шли тяжелейшие бои и на земле, и в воздухе. Одно из мемориальных мест называется

Долина Смерти; о боях здесь в гагаринские времена ходило много историй — про то, как один советский летчик протаранил «мессершмитт», оба поврежденных самолета сели на лед озера — и затем русский летчик дрался с двумя немецкими, убил их и с обмороженными ногами шесть дней полз к своим; выжил — и воевал дальше. Про то, как другой летчик выпрыгнул из горящего самолета без парашюта, упал с трехкилометровой (!) высоты — и тоже остался жив: удачно упал в сугроб. Все это были не абстрактные персонажи военной мифологии, а живые люди, офицеры, которые, выбравшись из этих своих сугробов и отряхнув снег, стали учить искусству войны новое поколение летчиков, Гагарина в частности.

Луостари — поселок на северо-востоке от Мурманска, в 13 километрах от норвежской границы и в 30 от финской. Бывший оплот православия, превратившийся в северный форпост СССР. Что значит это «на северо-востоке от Мурманска»? Значит, что очень далеко, и не то что жить, а даже добраться туда было непросто. Поезд Москва — Мурманск. Декабрь: «Мурманск встретил его сильным ветром и метелью. Маленькие деревянные дома, очень скользкие деревянные тротуары и только на “пяти углах” были видны многоэтажки. Получив в штабе авиации направление в далекий военный городок, Юра поехал в Печенгу. Железная дорога была проложена по болоту, и поезд шел очень медленно. Часто проверяли пограничники. За окном мелькали заснеженные сопки, карликовые березки, вцепившиеся корнями в громадные камни. В Печенге его встретили на машине, и снова дорога — уже до места службы» (8).

При аэродроме размещались три полка морской авиации, два боевых, один учебный, в котором осваивались новички, а затем их переводили в боевой полк. Летать было сложно — слишком мало ориентиров (главный — Генеральская сопка рядом с поселком; раньше она называлась Спасительной, потому что якобы Трифон Печенгский скрывался в ее пещерах от язычников-лопарей; а Генеральская — потому что там погиб летчик, Герой Советского Союза Алексей Генералов). «Местность вокруг аэродрома гористая, и это, конечно, затрудняло полеты, особенно в пасмурную погоду. При взлете сразу по курсу возникали две полукилометровые сопки. Нужно было быстро набирать высоту и уходить в сторону. При посадке также нельзя было допускать малейшей оплошности — четвертый разворот между сопки приходилось делать, снижаясь до высоты 400 метров. Еще одна опасность подстерегала летчика недалеко от торца взлетно-посадочной полосы. Воздушные потоки могли затянуть самолет в каменистый ов-

раг, по дну которого текла речка. Поэтому надо было строго выдерживать глиссаду и во время выпуска шасси» (10). Главный ужас — полгода полярная ночь. Что это значит? Что примерно в полдень на полчаса наступают сумерки — а затем опять, на 23 с половиной часа, тьма. Плюс частые бураны. Новички зимой не летали, осваивали теорию и занимались на тренажерах (каких конкретно, не указано, но один мемуарист упоминает о том, что «здоровые парни стояли у стола и игрушечными самолетиками выводили в воздухе замысловатые кривые» (21)).

Впервые ему дали самому полетать не то в конце марта, не то в начале апреля 1958 года — в общем, через три месяца. А дальше: «усердно учился летному мастерству», много времени отдавал общественной деятельности, занимался спортом. Как ни странно, самое простое и адекватное свидетельство — вот это: «На втором году службы в части Юрий Гагарин стал отличным летчиком, уверенно летал в заполярном небе, в сложных метеоусловиях. Он быстро понимал и осваивал самые трудные элементы воздушного боя... Здесь, на Севере, он приобрел свою небесную “походку” и свой “почерк” в воздухе, постигал различные науки истребительной авиации» (9).

Да-да, дело было не только в «сложных метеоусловиях»; его натаскивали именно на ведение боя, на истребление других самолетов; «И» в «ИАП» и «ИАД» означает именно «истребительный». Главным источником тревоги — боевой тревоги — были американские самолеты-разведчики типа U2, нарушавшие границу — слишком высоко и быстро, чтобы угнаться за ними на МиГах. Пауэрс, взлетевший в Афганистане, должен был приземлиться именно на территории Норвегии, пролетев над территорией гагаринского полка. Такого рода инциденты случались не часто — но к ним готовились и их опасались. С самим Гагариным ничего такого не происходило, но он много раз слышал о них. За нарушителями надо было гнаться — на том самолете, который быстрее всего удавалось поднять, — и атаковать; близко, очень близко, подвергая себя смертельному риску, подлетать к ним — и стрелять, даже если технические возможности машин и оружия оказывались очевидно неравными.

Он научился взлетать в пургу, садиться на обледеневшую полосу, летать в полярную ночь, ориентируясь исключительно по приборам. На октябрь 1959 года у Гагарина была должность старшего летчика и налет 265 часов.

Чем он занимался остальные 16 тысяч часов? Смотрел на северные сияния; играл в баскетбол; ходил в походы по местам боевой славы; читал Циолковского и Беляева — которые

обещали ему, что скоро не нужно будет с вечера загружать дровами печку и засыпать в жару, а утром обнаруживать в графине замерзшую воду: приполярные области будут отапливаться с помощью подвешенных в космосе искусственных солнц; мечтал — какими бы надуманными ни казались сейчас эти предположения — о космосе. «Я настолько “болен”, что в одном письме передать свои страдания не могу, о своих переживаниях не могу никому сказать. Мне даже снятся корабли, ракеты, темное безмерное пространство космоса, астероиды и Маленький принц...» (1), — пишет он брату, и мы тоже очень надеемся, что это не чье-либо позднейшее, задним числом, сфабрикованное сочинение.

«Горы хлеба и бездны могущества» — формула Циолковского, объясняющего обывателю, зачем нужно покорять космос, завораживает даже сейчас, даже самого твердолобого обывателя; можно себе представить, как эта мантра действовала на Гагарина. Мало того: по сути, ведь именно с осени 1957-го реально началась новая эпоха: только что запущен спутник, и советская пропаганда, воодушевленная невиданным интернациональным резонансом этого события, изо всех сил раздувает «космическую истерию» (в хорошем смысле; людям действительно нравилось; «Правда» сообщила, что в адрес «Москва... Спутник» поступило 60 396 телеграмм и писем). Все медиа только и твердят о том, что «космическая целина» вот-вот будет «вспахана», причем прорыв человека за пределы атмосферы даже не рассматривается в качестве существенного события: «покорение» Луны, Марса, Венеры, полет вокруг Солнца — вот чего ждут, на самом деле.

Второй «психической бомбой», накрывшей население СССР в целом и Гагарина в частности, был фантастический, и в жанровом, и в оценочном смысле, роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» — который тоже напечатан именно в 1957 году (в журнале «Техника — молодежи», а затем книгой в «Молодой гвардии»). Будущее — впервые с 1920-х годов — перестало быть абстрактным, у него появился четкий формат: не просто коммунизм, а коммунизм, связанный с мирной космической экспансией, коммунизм, включающий в себя не «советскую власть плюс электрификацию всей страны», а установление контакта с другими цивилизациями, утилизацию их знаний и опыта, доступ к колоссальным ресурсам интеллектуальной энергии, радикальное изменение мира в лучшую сторону, максимально полная реализация возможностей разума, постоянный рост — экономический, эмоциональный и интеллектуальный; наконец достижение личного бессмертия — когда-нибудь.

«Космос стал в повестку дня, как целина, — пишет Гагарин брату. — Система нашей жизни замкнута, не может же существовать космос без выполнения какой-либо функции... Циолковский пишет, — а я его читаю почти ежедневно (старая, еще техникумовская привязанность), — что в космосе царствует гармонический разум. Это, конечно, не мистика, а хорошо организованная функция космоса, работающая на отлаженном механизме физических законов» (1). Самым захватывающим для читателей «Туманности Андромеды» из социального круга Гагарина было то, что и в обществе будущего элитой останутся летчики, пилоты — именно они будут осуществлять экспедиции к планетам Великого Кольца, ради них будет добываться анамезон, они будут бороться с притяжением железной звезды и сражаться с бесплотными космическими тварями. Словом, интересное будущее ожидало всех, но летчиков — в особенности. И если уж люди будущего могли провести несколько лет в плену у железной звезды — то и нынешним летчикам можно было побыть несколько лет пленниками Заполярья.

Можно было просто ждать чего-то такого — а можно было предлагать свои услуги. «После запуска третьей космической ракеты, которая обогнула Луну, сфотографировала ее невидимую с Земли часть и передала фотографии на Землю, Гагарин, услышав эту новость по радио, как того требует военный устав, подал рапорт по команде с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты» (11). «Рапорт был лаконичен и ясен: “В связи с расширением космических исследований, которые проводятся в Советском Союзе, могут понадобиться люди для научных полетов в космос. Прошу учесть мое горячее желание и, если будет возможность, направить меня для специальной подготовки» (12). Надо ли говорить, что рассчитывать на то, что кто-либо откликнется на подобного рода предложение, было безумием.

Конечно, самым неприятным по месту службы был климат (вообще нет солнца зимой и слишком много света летом); однако на солнце список бытовых неудобств не заканчивался. Несколько месяцев Гагарин, есть свидетельство, прожил вместе с двумя сослуживцами в маленькой комнате на двоих — и поскольку кроватей не хватало, им пришлось сдвинуть две кровати и спать втроем поперек них (об этом рассказал Л. Обуховой С. Казаков (13)). Мы упоминаем об этом не для того, чтобы разжалобить читателя (в конце концов, Гагарин был офицер и выбрал себе эту карьеру добровольно) или намекнуть на гомосексуальный менаж-а-трау — нет, это все чушь; важно то, что такого рода быт определяет сознание:

коллективистское. К концу жизни Гагарин придет к выводу, что это очень важная психологическая особенность; в своей книге «Психология и космос» он замечает, что в СССР «формировать экипажи для длительных космических полетов несравненно легче, чем в капиталистических государствах. Советские люди — коллективисты по своему духу» (22).

Все эти Дергуновы, Злобины, Казаковы были настоящими друзьями, и коллектив тоже был настоящий, с очень понятными общими проблемами и задачами, ничего выморочного и виртуального. «Главное, что отличало этот гарнизон от “асфальтированных”, — дух товарищества воинов, чувство сплоченности, единой семьи, долга и ощущение собственной значимости. Каждый знал, что он стоит на страже рубежей Родины. “Не нить вопреки трудностям” — таков девиз всех» (14). Это была жизнь, за которую постоянно можно было себя уважать; идеальный климат для существа рахметовского типа, склонного прибегать к радикальным самоограничениям, чтобы протестировать свои возможности в качестве потенциального гражданина общества будущего.

Как и во всяком оторванном от Большой земли коллективе, здесь возникают своя субкультура, свой отчасти идиолект, свои дурацкие шутки. В мемуарах Семена Казакова, служившего с Гагариным на Севере и затем часто встречавшегося с ним в Гжатске, есть такой эпизод: Гагарин, только что прокативший друга на новенькой французской «матре» со скоростью 190 км/час, спрашивает его: «“Ну как?” — “Пятьсот”. Юрий Алексеевич схватился за живот и, буквально сотрясаемый смехом, покатился по траве... В этой ситуации он явно не ожидал такого ответа. В гарнизоне, где мы жили, был один добросовестный и очень исполнительный штабной работник, которого, однако, все звали не иначе как “начальник паники”: была у него какая-то суетливость в характере, всегда случалось что-то экстренное, чрезвычайное, хотя на самом деле ничего особенного никогда не происходило. И поэтому он попадал иногда в смешное положение, а потом делал вид, что это так и нужно, и вот этот “начальник паники” во время полетов подошел к технику, который готовил самолет к очередному вылету, и спросил: “Ну как?” Техник, скрывая улыбку, ответил: “Пятьсот”. — “Что такое ‘пятьсот’?” — “А что такое ‘ну как’?” С тех пор гарнизонные остряки на подобные вопросы всегда отвечали “пятьсот”, и каждый вкладывал в этот ответ свой смысл» (15).

Гарнизон располагался на бывших монастырских землях, но монастырем не был: здесь жили чужие жены, женщины, работавшие в общепите, библиотекари, медсестры. Ни одна

из этих прекрасных дам не вошла ни в какую известную нам историю. Впрочем, в музее ВВС Северного флота в Сафронове демонстрируется фотография: «Ю. Гагарин — дежурный по летной столовой в пос. Луостари». Тут же приводится и «история снимка»: «В декабре 1958 года в столовую с фотоаппаратом пришел штурман эскадрильи Игорь Кириллов. Работницы попросили их сфотографировать. В компанию напросился Юрий Гагарин. Кириллов разрешил со словами: “Ладно, становись, салага, только фото не испорть”». На фотографии изображен Гагарин в каком-то рабочем, что ли, халате в окружении шести женщин, из которых три выглядят довольно молодо. Группировка персонажей на снимке напоминает композиции, в которых обычно снимался основатель журнала «Playboy» Хью Хефнер — только вот халат на Гагарине совсем не флоридского покроя, да и женщины одеты таким образом, что понятно — снимаются они не на фоне бассейна, за стенкой — Северный Ледовитый океан.

В августе 1958 года к мужу приехала Валентина — и им отвела комнатку у себя в доме местная учительница; затем они переехали в выделенную им начальством гарнизона свою, с отдельным входом. В Сафронове, в музее ВВС, есть «Дом, где жил Гагарин» — в смысле тот, где поселился уже с женой; это финского типа небольшой коттедж на две семьи; внутри — экспозиция: кухня с печкой, дровяник/туалет, гостиная — радиола, тумбочка с тюлевым покрывалом, настенный коврик с оленями; обстановка реконструирована по фотографиям.

Может быть, по искреннему порыву, может быть, от скуки, может быть, от этого было не отвертеться, может быть, для того, чтобы получить пространство для карьерного маневра, — Гагарин заканчивает в Луостари Университет марксизма-ленинизма и подает заявление о вступлении в партию. Представление о характере вовлеченности Гагарина в работу идеологических органов дает «План работы комсомольского комитета полка за 1959 год» (16). «Вот первое задание, которое комитет комсомола поручил Гагарину: провести комсомольско-молодежный вечер на тему “Мы к коммунизму держим путь” 25 января 1959 года. В феврале он проводит беседу с личным составом своей третьей эскадрильи: “Карта Родины в семилетнем плане развития народного хозяйства СССР”. В марте Юрий организует вечер вопросов и ответов по материалам 21 съезда КПСС. Последнее комсомольское поручение: Гагарин проводит ленинское чтение по теме: “Речь Ленина на заседании Моссовета рабочих и крестьянских депутатов 6 марта 1920 года”».

Разумеется, изучение истории и теории марксизма было не единственным развлечением Гагарина. Чтобы офицеры, особенно не летающие в зимних условиях, не разбалтывались, командиры придумывали им самые разные задания и развлечения. Помимо спорта (ежеутренняя зарядка с последующим обтиранием снегом) молодым офицерам предписывалось дежурить в столовой, изготавливать стенгазеты, не возбранялось ходить в кино, на танцплощадку и участвовать в художественной самодеятельности. Гагарин пел в хоровом кружке в Доме офицеров — «в хоре, который не раз занимал призовые места на Флотских смотрах» (17).

Чтобы не опускаться до описания рыбалки и походов в лес за морошкой, голубикой и грибами, передадим слово Тому Вулфу* — которому принадлежит, по-видимому, лучшее из имеющихся описаний повседневной жизни Гагарина и его сослуживцев. В конце концов, контингент, из которого набирались будущие космонавты, был более-менее одним и тем же в СССР и США, а определенной разницей в имущественном положении американского и русского летчиков можно пренебречь:

«Каждый вечер <...> военные летчики собирались в офицерских клубах и ревностно нарезали нужную вещь на правильные дольки, чтобы о ней можно было поговорить. Была ли на свете более захватывающая тема для разговоров? Беседы начинались за пивом, потом парни делали перерыв на обед, снова возвращались к разговору, становились всё расточительнее и все болтливее. Они пили хорошие и дешевые напитки из гарнизонной лавки до двух ночи. Еще не поздно! Почему бы не сесть по машинам и не устроить небольшие гонки? Похоже, каждый летчик считал себя непрезойденным водителем. Он был готов на всё, чтобы добыть новейшую модель, особенно спортивного автомобиля. И чем пьянее он был, тем больше уверялся в своих водительских навыках и в том, что нужная вещь выведет его из любых передряг. Небольшая гонка, парни! (Ведь был лишь один способ выяснить это!) Пилоты гораздо чаще разбивались в автомобилях, чем в самолетах. К счастью, среди начальства всегда находилась добрая душа, которая констатировала “смерть при исполнении служебных обязанностей”, чтобы вдове было легче получить страховку. И это был единственно правильный выход, потому что сама система уже давно негласно одобрила цикл “полет-и-выпивка, выпивка-и-автомобиль”. Каждому летучему жокею было знакомо чувство, когда ты встаешь в полшестого утра после двух-трех часов сна,

* Автор «Нужной вещи» — самой знаменитой книги об истории американского космического проекта.

выпиваешь несколько чашек кофе, выкуриваешь несколько сигарет, а затем, содрогаясь, идешь на летное поле» (18).

В один из дней погибает — прямо рядом с поселком врезается на мотоцикле в грузовик — ближайший гагаринский друг и конфиденгент того времени, сокурсник по Оренбургу Юрий Дергунов; судя по доступным источникам, Гагарин чувствует себя осиротевшим, у него случается приступ депрессии.

Семнадцатого апреля 1959 года у Гагарина рождается первый ребенок — дочь Елена; и вряд ли климат и условия жизни в Заполярье были особенно хороши для младенца и его матери.

Жизнь в закрытом коллективе, где «ничего особенного никогда не происходит», тем временем продолжается. *Private-jokes**. Много рыбы. Много ягод. Много марксизма-ленинизма. У нас нет данных, что Гагарин жаловался кому-то на жизнь, но, конечно, он чувствовал себя лишенным много чего — света, тепла, родителей, «культуры», личного пространства. По старшим коллегам было понятно, как он сам будет выглядеть через десять и двадцать лет соответственно; перспектива слишком очевидна: есть определенный потолок, выше которого не прыгнешь. Асом, лучшим летчиком полка он вряд ли станет — а просто тянуть офицерскую ляжку, медленно и наверняка? И пусть даже, с его коммуникабельностью и склонностью поюморить, он чувствовал себя в этом коллективе замечательно — но характер у него был более моторный, чем у окружающих («мяч-попрыгун» (19)); и он не просто «интересовался космосом».

У Гагарина, несомненно, было историческое чутье — он понимал, что наступил важный момент, страна владеет космической инициативой и готовится к решающему прорыву. Почему бы не предположить, что в какой-то момент перспектива провести жизнь полярным летчиком перестает увлекать Гагарина; как и в случае с литейным делом, он осознает, что если есть шанс пересесть в поезд, идущий в другом направлении, то стоит попробовать. Он начинает писать рапорты: возьмите в летчики-испытатели, возьмите для исследований космоса, возьмите в гражданскую авиацию.

Сразу скажем, что самое пикантное из того, что удалось обнаружить, — это рассказ бывшего приятеля Гагарина по Саратовскому аэроклубу В. А. Калашникова о том, как уже в 1960-м летом он встретил в Саратове Гагарина, оба были в отпуске, и тот рассказал, что, оказавшись на Севере, в какой-то момент хотел уйти работать в «Аэрофлот» — «Ему в Ленинграде предложили переучиваться на Ту-104 вторым пилотом. Собирался уже, говорит, вернувшись из отпуска, написать рапорт на демобилизацию. Но тут по возвращении...» (6).

* Шутка для внутреннего пользования. — Прим. ред.

К счастью для Гагарина — хотя сам он и не знал об этом — кое-кто уже шел ему навстречу с другой стороны радуги.

«В начале 1959 года у Келдыша состоялось совещание, на котором вопрос о полете человека в космос обсуждался уже вполне конкретно, вплоть до того, “а кому лететь?”».

— Для такого дела, — сказал Королев, — лучше всего подготовлены летчики. И в первую очередь летчики реактивной истребительной авиации. Летчик-истребитель — это и есть требуемый универсал. Он летает в стратосфере на одноместном скоростном самолете. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер...

Большинство поддержало Сергея Павловича. Было решено поручить отбор кандидатов в космонавты авиационным врачам и врачебно-летным комиссиям, которые контролируют здоровье летчиков в частях ВВС» (3).

И вот осенью 1959-го в Луостари приехала группа врачей; летчиков стали дергать на собеседования.

* * *

Шли полеты. Дело было к осени, летчики были уже тепло одеты, в теплых куртках, шлемофонах. Из-за непростых метеоусловий мы прикрыли полеты. Командир полка в это время сказал, что куда-то наши медицинские работники отобрали молодых летчиков. Ребята здоровые — но почему их пригласили на очередной медосмотр — непонятно.

Никто совершенно не знал и не представлял, куда идут эти люди (7).

Наши полномочия касались всей полноты отбора. Мы должны были отобрать кандидатов не только по медицинским показаниям, а с учетом профессиональной подготовки, морально-политических качеств, психологических особенностей отбираемых. Мы с А. П. Пчелкиным разработали для выполнения этой задачи четкий план. Вероятно, другие группы разработали примерно такой же план действий. После доклада командиру части (соединения) о цели нашей командировки мы по данным медицинских документов (медицинской книжки) проводили предварительный ориентировочный отбор по состоянию здоровья и роста-весовых показателей (нам дали данные по максимальному росту и весу и возможных отклонениях). После этого отобранные кандидаты нами обсуждались с командованием и политработником... нам предоставлялась подробная характеристика профессиональной работы,

моральных качеств, особенностей характера, в частности коммуникабельность этих лиц, вредные привычки и пр.

При отрицательной или неопределенной оценке указанных качеств отобранные по медицинским книжкам летчики отбраковывались (5).

Кроме обычных вопросов — даты и места рождения, семейного положения — в конце беседы задавали в основном три вопроса. Первый — «Желаете ли Вы летать на более современных типах самолетов, на новой технике?» Как правило, на этот вопрос все летчики давали положительный ответ. Второй — «Хотели бы Вы летать на новых типах самолетов и работать летчиком-испытателем?» Большинство летчиков давали свое согласие и интересовались, когда это будет. А когда задавали третий вопрос — «Хотели бы Вы полететь на ракетах вокруг Земли?» — то по мимике лица, по взгляду сразу можно было определить, желает ли этот человек полететь или нет (4).

90 процентов наших собеседников первым делом спрашивали: «А летать на обычных машинах мы будем?» Это были ребята, действительно влюбленные в свою профессию, гордящиеся званием военного летчика. Примерно трое из десяти отказывались сразу. Отнюдь не от страха. Просто им нравилась их служба, коллектив, друзья, ясны были перспективы профессионального и служебного роста, налажен семейный быт и ломать все это из-за дела туманного, неизвестно что обещающего, они не хотели (3).

Из десяти прошли трое. Это были Гагарин <...> Вязовкин и Георгий Шонин, который потом тоже стал космонавтом. Когда они вернулись в полк, пришла бумага из Москвы с приказом дать им максимальный налет (20).

Всё совершается в свое время, тогда, когда должно совершиться: человек подсознательно был уже готов и хотел встретиться с космосом, и кто-то начал думать о том, чтобы использовать для этой цели ракету, кто-то — взять на себя ответственность за всё, что случится, а те, кому предначертано было лететь, готовы были ради этого рискнуть головой (2).

Глава седьмая

ГАГАРИН И КРЕСЛО БАРАНИ

О серьезности намерений командования отобранные в первый отряд летчики могли судить по двум признакам: во-первых, их начальником стал генерал Каманин, очень крупная фигура из советского героического пантеона; во-вторых, в начале марта 1960 года их, простых лейтенантов, повели знакомиться к маршалу ВВС Вершинину. Затевалось что-то **ОЧЕНЬ КРУПНОЕ** — и настолько секретное, что лучше всего было просто прикусить язык и не задавать лишних вопросов: в космос так в космос, по ходу тренировок всё объяснят.

В массовом сознании предполетная подготовка космонавтов обычно ассоциируется с вращением на центрифуге; недаром даже Джеймс Бонд в одной из серий едва не гибнет внутри этого аппарата — умение справляться с космическими перегрузками считалось *sine qua non** для джентльмена 1960-х годов. Гагарина, естественно, тоже крутили; однако по яркости негативных впечатлений моделирование перегрузок далеко уступало другим испытаниям. Два, судя по величинам информационных всплесков, главных и наиболее длительных стресса — это месячная парашютная подготовка и десятидневное пребывание в сурдокамере. Это только кажется, что раз Гагарин и так был летчиком, то несколько лишних прыжков с парашютом стали для него лишь дополнительным удовольствием.

На самом деле общеизвестно, что летчики — которым иногда приходится катапультироваться и, чтобы не терять форму, совершать раз в год тренировочные прыжки — прыгают крайне неохотно (если вы когда-нибудь прыгали хотя бы с 800 метров, то поймете, что шагнуть из самолета в небо вообще обходится психике не так уж дешево). И уж конечно в тот момент, когда они соглашались стать потенциальными космонавтами, их никто не предупреждал, что придется совершить 40 сложных прыжков — в том числе затяжных, ночных и с

* Необходимым условием (*лат.*). — *Прим. ред.*

приводнением; что будут и нераскрывшиеся основные парашюты, и чудом не совершившиеся приземления на ЛЭП, и сломанные ноги, и затенения куполов... Разумеется, однажды подписавшись на участие в парашютной программе, дальше соскочить было невозможно — не струсил же перед товарищами. Приходилось преодолевать себя, и бог знает, каких сил это стоило Гагарину.

Крайне изматывающей, и психологически, и физиологически, — несмотря на бодрые доклады в автобиографии — была отсидка в сурдокамере. Зачем их туда законопачивали? Затем, что, если корабль выйдет на нерасчетную траекторию и не удастся затормозить его, пилоту придется летать 10—15 суток внутри, по сути, консервной банки — и надо было хоть как-то подготовить его к этой, далеко не чисто гипотетической, проблеме. Сурдокамера была не только трудным аттракционом; отделенная от внешнего мира посредством сложных механизмов и, в случае экстремальных ситуаций, трудноразблокируемая, она представляла собой еще и опасное предприятие — хотя бы потому, что вероятность погибнуть в ней, как оказалось, составляла 1 к 20 (по состоянию на 2010 год смертельный риск совершения самого космического полета оценивается как 1:62).

По существу, сурдокамера была не чем иным, как психологической пыткой.

Непонятно, невероятно, с какой стати взрослый, 26-летний, уже сформировавшийся, семейный человек без принуждения позволяет истязать себя на протяжении многих месяцев, больше года. Есть простое объяснение: во-первых, Гагарин был мужчиной, и ему предлагали пройти интересный обряд инициации; во-вторых, его брали «на слабо». Это достойное объяснение — однако, каким бы мачо вы ни были, если вам предложат просто «на слабо» выдержать перегрузку 12 g, совершить ночной затяжной прыжок с высоты 11 километров и просидеть пару недель в помещении размером с ящик из-под холодильника, вы, скорее всего, откажетесь.

Почему же он согласился? Чтобы понять, что происходило в голове у Гагарина после того, как его выдернули из Луостари, попытаемся очертить горизонт ожиданий его и других молодых людей, которых отобрали «на опыты». Сейчас, когда границы космоса вот уже 50 лет как пройдены человеком, можно прибегнуть к такому аналогу. Представьте, что вас отобрали в группу людей, которым предстоит осуществить первое в истории человечества путешествие во времени. Перспектива очень странная; ясно, что никакой гарантии — ни успешного протекания эксперимента, ни возвращения — никто вам дать

не может. Тем не менее вы, скорее всего, во-первых, представляете, что вас ждет в случае успеха (и обложка журнала «Time» — это самое скромное предположение); во-вторых, вам чертовски интересно — вы читали про это множество книг, видели кучу фильмов, вы смотрели в детстве «Гостью из будущего» — так неужели вы откажетесь залезть в машину времени? Да нет, конечно. Как бы счастливо ни складывалась ваша жизнь, какими бы мизерными ни были шансы на успех, каким бы благоразумным, рассудительным и даже трусливым вы ни были, есть такие вещи, от которых глупо отказываться — даже если они смертельно опасны.

Так что Гагарин, несомненно, осознавал, что он выиграл в лотерею — и несмотря на то, что у него была семья, которую он подвергал риску остаться без кормильца; что, простаивая без полетов, он терял с таким трудом добытую летчицкую квалификацию; что очень велика была вероятность отчисления из отряда за малейшую провинность или «отсева» из-за внезапно проявившегося несоответствия по медицинским параметрам; несмотря на крайне непрочный социальный статус (никакой страховки, ни психологической, ни финансовой, не предусматривалось — в случае чего ему просто пришлось бы отправиться обратно за полярный круг дослуживать в полк, где за время его отсутствия коллеги продолжали делать карьеру, а он потратил время зря); несмотря на новую беременность жены; несмотря на чередование воодушевляющих и нервнующих известий о запусках ракет, которые то летят хорошо и куда надо, то летят плохо и взрываются; несмотря на все это — игра стоила свеч.

Это была скорее беготня вокруг стульев под музыку, длившаяся целый год; и то, что стулья иногда убирали, а иногда нет, без поддающейся прогнозированию закономерности, вряд ли могло служить утешением. Сами будущие космонавты потеряли за этот год много сил и нервов*, но из них сделали — и сделали — настоящую элиту. Их осознанно, намерен-

* А. А. Леонов в личном интервью автору очень точно заметил: никто из нынешних космонавтов, скорее всего, просто не прошел бы испытания, которые выпали на долю первого отряда. Дело в том, что тогда, в 1959—1960-м, медики перестраховывались — и отбраковывали организмы даже с самыми незначительными отклонениями, которые легко корректировались, особенно по нынешним временам. Условно говоря, если у человека обнаруживался кариес — его спроваживали восвояси. В результате космонавты второго и других наборов уходили из отряда по состоянию здоровья, тогда как из первого — только по возрасту. О чем еще, кстати, это свидетельствует? О том, что не погибни Гагарин в 1968-м, он праздновал бы пятидесятилетний юбилей своего первого полета работоспособным моторным мужчиной.

но не только тестировали и «объезжали», но еще и «гуртовали» — и, скрепив их совместно пройденными испытаниями, сколотили из них уникальную социальную ячейку — первый отряд, который, как ни крути, был аналогом самых славных институций.

По сути они были советские рыцари Круглого стола — ну или королевские мушкетеры — или джедаи из «Звездных войн»; суть аналогии ясна. Соответственно, они имели право пользоваться, абсолютно заслуженно, преимуществами и благами этого статуса. Если СССР был хоть сколько-нибудь патерналистским государством — то окончательно отобранном членам первого отряда удалось ощутить на себе эту отеческую заботу на 200 процентов. Они испытывали много приятных чувств: социальной защищенности, причастности к братству, причастности к государственной военной тайне, к армейской элите. Уже в 1960-м, до полета, их позвали на трибуну мавзолея в праздник 7 Ноября: знак уважения. После того как инициация была пройдена, можно было не сомневаться, что если они будут соблюдать условия контракта, то и государство обойдется с ними по-честному.

События неполных двух лет — начиная с осени 1959 года и до весны 1961-го — описаны полнее, чем какие-либо другие в жизни Гагарина (разумеется, тоже с гигантскими лакунами). Ничего удивительного: хотя Гагарин еще не был тогда поп-идолом, он все время находился не просто на виду, но под контролем — обвешанный датчиками, иногда почти сюрреалистическими; говорят, что под койками, на которых они с Титовыми спали в ночь на 12 апреля, стояли приборы, фиксировавшие количество поворотов во сне; это тоже входило в правила игры, и он не возражал против такой абсолютной прозрачности. По существу, это была жизнь-за-стеклом; за ним наблюдают: начальство отряда космонавтов, врачи, лаборанты, жена, инженеры-коллеги Королева, ракетчики, конкуренты/товарищи по отряду — уцелевшие и сошедшие с дистанции, отдельные инструкторы, журналисты (в этом смысле очень ценен опубликованный недавно дневник журналистки Т. Апенченко, которой позволено было присутствовать во время испытаний первого отряда — чтобы потом написать «повесть»; повесть вышла, однако шанс свой она не использовала, советским Томом Вулфом не стала, но некоторые нюансы происходящего ухватила очень живо), инструкторы по специальным дисциплинам, обслуживающий персонал, случайные знакомые.

Однако вся эта информация до поры до времени была доступна лишь для внутреннего использования. Задним числом американские источники подтрунивают над завесой секрет-

ности, которая якобы очевидным образом свидетельствует о низменном, неспортивном характере советской программы и открыто-соревновательном, высоко-романтическом — американской. Да, НАСА еще в 1959 году, осознав, что космонавтика — это запасной театр военных действий, а астронавты — группа воинов-поединщиков эпохи холодной войны (40), показало «международной общественности группу из семи отобранных опытных летчиков-испытателей» (11) и развернуло широкую информационную кампанию, представляя «“великолепную семерку” как “right stuff” — лучшее американской нации, сияющих знаменосцев американской цивилизации. На устремленных к победе космических парней (Space-Boys) был возложен нибб прототипов нового человеческого вида и создателей будущего» (11).

У СССР тоже были парни, которые собирались «искать путь во Вселенную», — но ни в какой «Огонек», «Лайф» или «Пари матч» их не сдавали. СССР приходилось отказываться от свободного рынка информации и принимать протекционистские меры — но не потому, что это был Мордор, населенный подлыми орками, а потому, что денег было много меньше, а задачу требовалось выполнить ту же самую. И если бы имена будущих космонавтов и тех, кто готовил их полеты — Королева, Келдыша, Глушко, Тихонравова, Чертока, Пилюгина, Феоктистова и т. д., — широко рекламировались в печати — то где гарантия, что ЦРУ, чьи финансовые возможности были практически безграничны, не пошло бы по кратчайшему пути достижения цели?

Осознавая, что обладают колоссальным потенциалом популярности — они ведь знали о том, что творится в Америке с их коллегами из конкурирующей фирмы, участниками проекта «Меркурий», — члены первого отряда испытывали странное, труднопередаваемое ощущение: их распирало от внутреннего превосходства. Они (и особенно Гагарин, выигравший поулпозишн) понимали, что они не такие, как все, что еще чуть-чуть — и плотина прорвется; по-видимому, это наполняло их жизнь особенной силой. Гагарин в конце 1960-го сам был как ракета, заправленная топливом и готовая лететь: и даже не важно, как там она полетит, — уже сам вид ее был невероятно величественным. Оставалось только показать ее по телевизору.

Или не по телевизору. На *youtube* есть запись — трехминутный документальный фильм под названием «Аварийная работа с изделием 8 К 64. 24 октября 1960 г.». Там показан взрыв этого самого изделия — ракеты — на старте, взрыв, случившийся меньше чем за полгода до 12 апреля, взрыв, при котором погиб 74 человека, в том числе один маршал, Неделин. Гагарин

этот фильм видел и прекрасно понимал: где 74, там и еще один — никто и не заметит; информация о неудаче будет скрыта — и никто даже не узнает о подвиге, разве что через полвека на *youtube* вывесят еще один ролик. Посмотрите и подумайте, хватило бы у вас смелости дать согласие оказаться даже не рядом с точно такой же ракетой — а, по существу, внутри нее.

Можно сколько угодно сегодня скептически пожимать плечами — а что такого, ну подумаешь, «космонавт», тоже мне, — но надо понимать, что Гагарин был как минимум одним из самых смелых людей в своем поколении. Члены первого отряда космонавтов, даже неслетавшие, — как пилоты, выступающие в «Формуле-1»: среди них есть такие, которые годами не поднимаются на подиум, которых вечно все обгоняют на круг, однако надо осознавать, что при всем при том эти «плохие» гонщики — реально самые быстрые люди на планете, прошедшие, чтобы попасть в эти соревнования, колоссальный отбор.

Гагарин прошел — добровольно, и показал себя первым номером — в 1960 году такие испытания, что говорить, будто он всего лишь более сложный по сравнению с собакой или крысой организм, который, ну да, слетал, запихнули в капсулу, куда ж деваться, — нечестно. Каким бы деревенским простаком он кому-то ни казался, он был — при этом или вопреки этому — сообразительнее, выносливее, храбрее многих, многих и многих; да что там многих — всех. И именно поэтому он оказался внутри «Востока» — а не «случайно».

На случайность можно списать то, что Гагарин оказался в нужном году в том полку, куда медики приехали отбирать кандидатов; но дальше случайность заканчивается — он на протяжении тринадцати месяцев доказывает, что он правда — номер один.

* * *

В 1959 году наши медики отобрали в частях ВВС около двухсот кандидатов. Теперь их надо было вызывать в Москву на медицинскую комиссию. Центральный госпиталь ВВС в Сокольниках сразу обследовать, причем тщательно обследовать, такую массу народа не мог, поэтому летчиков вызывали партиями по 20 человек (10).

Николай Каманин:

В ноябре прошлого <1959> года я фактически возглавил всю работу по освоению космоса, проводимую в ВВС (9).

Клаус Гества, немецкий историк космоса:

Снова и снова перевозносимый советской пропагандой континуитет истории воздухоплавания и космонавтики, мост между героическими деяниями Великой Отечественной и триумфальными достижениями холодной войны олицетворял генерал Н. П. Каманин, известный летчик-герой 1930-х годов и увенчанный наградами военный командир. С начала 1960-х он был ответствен за отбор и подготовку космонавтов и в этой должности превратился в публичную фигуру (11).

...они прибывали в госпиталь с октября до конца декабря 1959 г. (например, Г. С. Титов появился здесь 3 октября, Ю. А. Гагарин — 24 октября, а, скажем, Г. С. Шонин — только 30 декабря). Поэтому комиссия завершила свою работу и подвела окончательные итоги лишь в начале 1960 г. В итоге этого отбора был сформирован первый отряд советских космонавтов в составе 20 человек (2).

Павел Попович:

В отдельном флигельке, на первом этаже была палата, мы еще называли ее палата лордов (3).

Герман Титов:

— Будем знакомы, Юра! — И он протянул мне руку. Чуть сдвинутая фуражка придавала его юному лицу выражение какого-то озорного мальчишества.

— Герман, — отвечаю я и крепко пожимаю руку своему новому товарищу. «Станем ли мы друзьями?» — мелькает в сознании.

А Юра сдвигает фуражку на затылок, — я вижу чистый без единой морщинки лоб, — таинственно озирается по сторонам и, сощурившись, говорит полупшепотом:

— Есть идея...

Не понимая его толком, я удивленно взглянул на Юру, а он, наклоняясь ко мне, прошептал: «Бросаем авиацию и подаемся в писатели. — А потом добавил: — Псевдоним я уже придумал... — И тут он громко и весело воскликнул: — Юрий Герман...» (77).

Сценарий игрового фильма «Гагарин — первый человек в космосе»:

Сцена 14. Унылая советская действительность.

Осень 1959 года. Валя стоит в длинной очереди женщин в

мешковатых одеждах с пустыми сетками в руках. Рядом в коляске лежит закутанная шестимесячная Лена. Эта часть города лишена ярких красок, здесь уныло и аскетично. Задыхаясь от волнения, к очереди спешит офицер ВВС Юрий.

Юрий: «Валя! Валя! У меня потрясающие новости!»

Юрий от восторга не контролирует себя, он вытаскивает Валю из очереди.

Валя: «Юра! Я потеряю свою очередь!»

Юрий пытается жестами объяснить, что он не может говорить в присутствии других людей.

Юрий: «Это очень важно!»

Валя неохотно позволяет ему отвести ее в сторону.

Юрий (понижив голос): «Я подошел им!»

Валя: «Правда? Но для чего?!»

Юрий: «Это... Я не могу тебе сказать!» (5).

11 января 1960 года в Министерстве обороны СССР вышла совершенно секретная директива ГШ ВВС № 321141 «О формировании в/ч 26266 и группы ВВС № 1». Так были зашифрованы будущий Центр подготовки космонавтов (ЦПК ВВС) и первый отряд космонавтов (6).

Весной в жизни молодых летчиков произошло событие чрезвычайной важности: 7 марта их принял сам главнокомандующий ВВС, Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин. Надо быть молодым военным летчиком, который считает своего комэска наместником Бога на земле, чтобы понять, что это для них значило: беседовать с главкомом! Сидели, как зайчики, прижав ушки и поедая начальство глазами. Вершинин был ласков, приветлив, поздравил с новым назначением, пожелал успехов (10).

Николай Каманин:

...и об отважной шестерке космонавтов. Я познакомился с ними месяцев десять тому назад в кабинете Вершинина, когда Главком впервые принимал группу космонавтов (9).

Утром 11 марта <1960> Гагарины и Шонин улетали к новому месту службы, в Москву. Хотя Валя плохо переносила воздушные путешествия, но на этот раз и она согласилась на полет, понимая, что всякие опоздания для Юрия исключены.

Столица встретила будущих покорителей космоса сдержанно, даже буднично, в спешке. Временно их разместили в небольшом двухэтажном особняке армейской спортивной базы на территории Центрального аэродрома имени Фрунзе. Первой, 10 марта, в нем поселилась семья Поповичей, Павел и Марина с дочкой Наташей (8).

Павел Попович:

Не было никаких удобств, стульев. Только солдатские койки. А на полу расстелены газеты с надписями: стол, стул, ногами не вставать. Позже генерал-лейтенанту Василию Яковлевичу Клокову, замполиту начальника Института авиационно-космической медицины, удалось убедить чиновников в Моссовете, что мы — будущие космонавты и нуждаемся в более достойном жилье, нежели полуразрушенные бараки. И нам выделили каждому по комнате (3).

Гагарины получили маленькую комнатку на первом этаже, почти без мебели. Две кровати, стол, два стула, солдатская тумбочка, бывалый шкаф для одежды. Женатые, но без детей, и холостяки разместились на втором этаже. Размещение получилось, как у новобранцев. Но всё же женщины и тут сказали свое веское слово. Вскоре на коммунальной кухне уже что-то варилось и жарилось для вечернего коллективного обеда... Так начала складываться «космическая команда» на Ленинградском проспекте в столице.

Утром 14 марта, в воскресенье, на небольшом автобусе приехал полковник Карпов и разом увез всю мужскую половину. Для космических новобранцев в это воскресенье началась новая жизнь. По Ярославскому шоссе автобус доставил их на территорию будущего Центра подготовки, где в двухэтажном особняке обосновались его управление, учебные аудитории и столовая. Полковник Карпов объявил о порядке занятий на первую неделю и предоставил слово генерал-лейтенанту Каманину (8).

Он <Каманин> так и сказал:

— Не за горами то время, когда люди полетят на Марс и на Венеру, и на многие другие планеты. Мы должны сейчас уже начинать готовить этих людей!

На Марс и на Венеру! Уже сейчас готовить!

Я слышала такие разговоры от ребят. Кто-то из начальства

рассказывал об их дальнейшей роли: якобы они будут готовить к<осмонав>тов в ближайшем будущем, учить их. И когда начнется новый отбор, их тоже возьмут в полки для отбора. Вот слетает кто-нибудь из них, затем еще кого-либо пошлют, а уж потом они будут учить других. А чтобы учить других, надо самому быть высокообразованным. Ребята это тоже понимают, и все собираются будущей осенью поступать в институт, кажется авиационный. Туда, потому что по специальности и там их знают — вероятно, кто-то из института преподавал у них (14).

Николай Каманин:

Мои встречи с космонавтами стали более частыми; я был председателем экзаменационной комиссии, знал их подготовленность к полету, их анкетные данные, но я почти не замечал их различий между собой — все они были для меня космонавтами и только. Вот уже пятые сутки мы все время вместе. Я провожу с ними занятия, мы вместе занимаемся спортом, едим за одним столом, играем в шахматы, смотрим кино. Все они доверчиво и с уважением относятся ко мне, а я начинаю подмечать их сугубо индивидуальные черты и интересы. Вчера, например, когда мы все после ужина пошли в кино, Титов попросил разрешения не идти с нами, а почитать Пушкина — оказывается, он увлекается поэзией и много читает. Попович, Николаев, Быковский и Нелюбов прилично играют в шахматы, иногда садятся и за преферанс. Юра Гагарин безразличен к картам и шахматам, но увлекается спортом, не оставляет без внимания остроумного анекдота или веселой шутки (9).

Часть субботы и воскресенье начальство предоставило «учебному контингенту» посвятить устройству быта. Холостяки получили места в офицерской гостинице, а семейные — благоустроенные квартиры на Ленинском проспекте в столице. Тут же полковник Карпов предупредил подопечных, что со следующей недели вводится новое расписание: три дня будут посвящены теоретическим занятиям, а три — спорту (8).

Объем тренировок будущих космонавтов... так, например, за одну тренировку по тяжелой атлетике каждый из моей группы поднимал в среднем от 5 до 8 тонн. Годовая кроссовая подготовка составляла в сумме 300—400 километров плюс 500 километров лыжной. За одно занятие по плаванию ребята

преодолевали 1500—2000 метров. Количество прыжков в воду на одном уроке колебалось от 50 до 70, в зависимости от того, с чего они выполнялись — с трамплина или вышки. ...Когда мне впервые довелось увидеть Юрия Алексеевича в спортивном зале, то я, откровенно, по-доброму позавидовал ему. Небольшого роста, коренастый, быстрый и отлично координированный, он бросался в глаза (15).

— Фигура атлета.

Гагарин смеялся в ответ, отшучивался:

— Стараемся, действуем, как умеем (16).

Как ни странно, но занятия боксом скорее вредны для будущего пилота. Наблюдения показали, что у курсантов авиационных училищ, начавших заниматься боксом, появляются на первых порах обучения серьезные недостатки в управлении самолетом из-за излишней резкости движений. Дело в том, что во время занятий боксом спортсмен, хотя и должен реагировать быстро, само движение всегда совершает в полную силу. И конечно, если пилот будет дергать рычаги управления тоже на «всю мощь», то из этого ничего хорошего не получится. В спортивных же играх, особенно в коллективных, воспитывается точное взаимодействие с партнером, развивается чувство соразмерности движений (17).

Марина Попович:

Слово «космонавт» тогда вслух еще не произносилось. Мы, жены, знали лишь о том, что наши мужья летчики-испытатели (18).

В апреле 1960 года в Энгельсскую дивизию дальней авиации, где находилось подразделение НИИ ВВС имени Чкалова, прибыла необычная группа курсантов. Очень скоро лица большинства из них стали известны всему миру. Но вряд ли сейчас знали бы мы многое об этом периоде жизни первого отряда космонавтов, если бы не начальник парашютно-десантной службы военной части в Энгельсе майор Максимов. Очень скоро «секрет» пребывания в Энгельсе первого отряда космонавтов был раскрыт. В летном городке новых курсантов окрестили «лунатиками». Ходили слухи, что таинственную группу готовят к полету на Луну. Постоянно закрепленного за

отрядом космонавтов самолета не было. Использовали то старенький Ли-2, то вертолет Ми-4. А чаще всего летали на «аннушке» — Ан-2 (20).

Все космонавты знали, как воспользоваться парашютом в случае чего. Ю. А. Гагарин, например, имел до этого пять парашютных прыжков. Зачем им нужны еще прыжки? Но когда главный тренер познакомил их с программой парашютной подготовки, все летчики ахнули. Оказывается, это будут не просто парашютные прыжки, а настоящие парашютные полеты с различной высоты, при различном направлении и силе ветра, с посадками не только на землю, но и на воду... Будут прыжки с задержкой раскрытия парашюта от 10 до 50 секунд. Это же мастерская норма! Никто не собирался готовить их в мастера спорта СССР, но чтобы научиться скользить в воздухе, делать виражи, управлять парашютом, приземляться на выгодном участке земли, уметь держаться на воде, надо каждому получить звание инструктора парашютного спорта (21).

Алексей Леонов:

В эти работы с парашютом мы вкладывали уже несколько другой смысл: а именно как тренировка человека к действиям в экстремальных условиях, вот как это нами толковалось (22).

Дело в том, что психологи (в особенности те, которые сами любят прыгать с парашютом) считают, что парашютная подготовка развивает многие необходимые космонавту качества — мужество, способность действовать в состоянии стресса и многие другие.

Тренировались с трамплинов и двух вышек разной высоты. Парашютные рамки были закреплены на тросах — космонавт катился на них до самой земли, ноги вместе, носки чуть вогнуты.

— Бывало, орешь через электромегафон: ноги! Чтоб не болтал ими, а держал как надо (23).

Он <инструктор Никитин> учил их приземляться и приводняться, приговаривая при этом вполне серьезно: «Желающих могу проинструктировать, как прилуняться и примарсианиваться». Какой-нибудь остряк тут же подхватывал:

— А привенериваться можете научить?

— Это вы отлично умеете и без меня, — отвечал Никитин (24).

— Первые дни ребята ходили подавленные, чувствовалось: прыжки в их душах эйфории не вызывают, — вспоминал Максимов. — И Гагарин стал шутить реже. Поначалу он мне не понравился — раздражал его постоянные шуточки, подначки*. Я думал: посмотрим, как ты будешь хохмить в воздухе,

* Едва ли не перманентную, форсированную, бросающуюся в глаза шутливость Гагарина считают нужным отметить почти все мемуаристы. В один голос знакомые описывают его как хохмача, шутника, юмориста. Он обожал наряжаться на Новый год в карнавальные костюмы — и с удовольствием играл в шутейных любительских спектаклях. Он дарил знакомым тюбики с космической пищей — причем, ради пушего эффекта, не ленился переклеивать этикетки («Как-то раз вручил мне тюбик с этикеткой водки “Столичная”, я обрадовался (их борщи и каши не очень вкусные), приехал домой и решил отпраздновать успешный старт. Поставил стопку и налил из тюбика... борш!» (84)).

«Юраша был очень веселый! Редко злился и не любил ссор. Наоборот, шуткой и смехом всех мирил» (85). «Хороший парень был, всегда улыбался, смеялся». Был заядлым анекдотчиком. «Он же был большой хохмач». «Речь его была легкой, с блестящими юмора» (23). Поражала его способность шутить даже в тех ситуациях, когда явно было не до смеха; очевидно, что юмор у Гагарина был не только массажем для ума, но и чем-то вроде защитной реакции организма.

Он был мастером разряжать в обществе напряженную атмосферу; тем человеком, который в состоянии поддержать угасающий разговор, заполнить паузу или перевести беседу в более подходящее русло — для этого в его арсенале имелся широкий выбор анекдотов и просто «шуток». Он мог ни с того ни с сего вдруг осведомиться: ну-ка, кто был самым первым штурманом в России? Кто-кто: матрос Железняк: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону» (82). Мог вдруг обратиться к вам с вопросом: «Всё хотел спросить — что, до сих пор так и не нашли?» Если вы знали, что последует дальше, то надо было подыграть: «У нас пока нет. Разве здесь обнаружили...» Не понимаете, о чем идет речь? «Что-что, Юрий Алексеевич?» Видя, что интерес публики достиг своего апогея, он раскрывал карты: «Вы же знаете, что во всех армиях мира до сих пор ищут солдата, который старшину “рашпилем” назвал... У вас тут случайно не нашли?» Мемуаристы уверяют, что публика — даже и далекая от армии — принимала его бенефисы такого рода с большим энтузиазмом. «Буквально грянул смех, и стало проще» (83).

Ему нравилось разговаривать двусмысленностями, не избегал он и вульгаризмов. В. Шаталов в «Космических буднях» вспоминает про то, как Гагарин, увидев, что космонавты второго отряда, которым недавно дали ордера на новые квартиры в Звездном, живут практически без мебели, спят на полу, в лучшем случае на раскладушках, подмигнул ему: «Ну что, живете половой жизнью?» Из той же серии его знаменитый вопрос к женщинам из отряда космонавток: «Ну что, девчонки, без платьев ходите?»

Гагарин был душа компании; из тех джентльменов, кого описывают формулой «ценитель женской красоты и знаток мужских характеров»; можно презрительно отфырнуться от его солдафонских шуточек — а можно поразмышлять, что дала ему эта инфантильность.

Например, можно предположить, что одним из факторов, благодаря которым Гагарин смог стать зачинщиком социальной эпидемии, была его неотенность. Он был взрослый, после тридцати так даже и заматеревший человек, — но при этом сохранил способность быть похожим на подростка,

когда прыжки начнутся. Последнюю свою шуточку он выдал еще до начала прыжков. Занятия проходили на парашютной вышке. Прыгать с нее — одно расстройство. По правилам прыгаешь солдатиком: сгибаешь ноги в коленях, отталкиваешься — и вниз. Но вся штука в том, что оттолкнуться нет сил. Юра по этому поводу рассказал юмористическую историю, услышанную от Сафронова — командира своего звена в Саратовском аэроклубе. Тот мальчишкой оказался однажды в Горьком в городском парке, куда пришел легендарный летчик Чкалов, гостивший у родственников. Дружок Сафронова, племянник Чкалова, тянул дядюшку на популярный в те годы аттракцион — парашютную вышку. Чкалову, видно, было неловко отказываться, и он вместе с подростками взобрался на площадку, подошел к перилам. Ребята смотрели на него, разинув рот, ждали, что первый летчик страны покажет класс. Чкалов же вместо этого оборачивается к ним и заявляет: «Ну что, братцы, вы тут попрыгайте, а я пока вниз пойду, пивка попить».

— Вот и я предлагаю последовать примеру Валерия Павловича, — с серьезной миной заявил Гагарин.

Тем не менее на следующий день он первым забрался на вышку (20).

Запомнил Максимов одно из первых занятий. Он объяснял тогда устройство и укладку совершенно нового парашюта. Минут через 20 к нему подходит старший лейтенант Гагарин и

юношу, ребенка: его улыбка, голос, манеры, юмор — все это сигнализировало о его «детскости». Именно поэтому он — идеальный космонавт; неотеничность есть востребованное космосом качество/состояние. Несомненно, в сознании людей космос и детство были некоторым образом связаны: «Будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное». Космос — это ведь, в сущности, и есть Царствие Небесное, рай; соответственно, покорение космоса есть не что иное, как крестовый поход детей. У «малых сих» получится сделать то, что не выходит у взрослых (отсюда популярные в СССР фильмы про детей, летящих в космос, — «Москва — Кассиопея», «Большое космическое путешествие» — где идея о том, что космос завоеуют дети, дается научное объяснение: далеко лететь, уже-взрослые просто умрут по дороге, а дети — успеют вернуться). Следующими после Гагарина — псевдорбенка — должны были полететь дети настоящие. Любопытно, что в старости Гагарин собирался — хотя, разумеется, это опять одна из его шуточек — стать начальником детского Байконура.

«А в шестьдесят лет перенесу вторичное, а может, третичное заболевание свинкой и стану заведовать стартовой площадкой Байконур. Тогда Байконур будет пионерским космодромом, как есть сейчас пионерская железная дорога, пионерское пароходство... Я буду строго следить, чтобы ваши внуки не катались на ракетах без очереди... И пусть они только не послушаются пионера освоения космоса... Вот так, в таком плане, в таком разрезе, как говорит Райкин» (34).

просит самостоятельно уложить парашют на завтрашний прыжок. Следом за ним подходит старший лейтенант Леонов и тоже просит самостоятельно уложить парашют. Максимов рассердился: только что объяснил, а они уже все поняли. Позвал укладчика и сказал ему, чтобы он «погонял» этих двух храбрецов, а если не справятся, то назавтра отстранить их от прыжков. Через некоторое время укладчик доложил, что парашюты они уложили правильно (21).

Антонина Васильевна Булавина (бывшая старшая медсестра профилактория летчиков):

Звали мы их лунатиками, потому что у них был особый распорядок дня. Днем учились, ночью иногда отрабатывали высотные прыжки, спали не вовремя. Когда шли интенсивные полеты на аэродроме, они не прыгали (25).

Прыжки производились днем и ночью с самолетов Ан-2, Ли-2 и Ил-14 и с вертолета Ми-4 в/ч 62648 на летное поле № 1 или полигон «Гурьяново». По информации директора Энгельсского музея дальней авиации С. А. Воронова, Гагарин был единственным из отряда, кто совершил ночной затяжной прыжок с высоты 11 километров с самолета Ту-16 (25).

Валентина Васильевна Платонова (работала официанткой в летной столовой):

Из-за прыжков они иногда приходили ужинать очень поздно, порой еле волочили ноги. Были как выжатый лимон. Ели, как правило, молча. Иногда позволяли себе по чуть-чуть коньяку. ...Гагарин был хороший, простой, но какой-то слишком правильный, даже закрепошенный. Как будто знал, что первым полетит в космос, и боялся сделать малейшую ошибку (25).

Быковский, первый прошедший одиночество в барокамере, победительно похлопал себя по карману:

— Две сотни. Хватит на всех?

Наутро после потаенной пирушки Максимов наметанным взглядом окинул Юрия. Замотал головой: «Прыгать не разрешу». — «Макс! — взмолился тот. — Никитичу только не говори». — «Сказать не скажу. А будешь за это подбирать чехлы». Подбирать чехлы, которые срываются с парашютов гораздо

раньше приземления и разносятся ветром в радиусе нескольких километров, дело долгое и хлопотное — останешься без ног. «Но зато хороший вентилятор мозгам», — ворчал Максимов (79).

Есть сведения, будто Никитин настоял, чтобы в программу парашютной подготовки первого отряда космонавтов не включали катапультирование. Они пока что не были к этому подготовлены, в том числе психологически (26).

Никитин выделял еще Гагарина, Леонова и Шонина, но и у всех других за эти полтора месяца набралось несколько десятков прыжков разной сложности. Они уже освоились в небе и научились подчинять себе парашют, если попадали в критические ситуации. Так, Аникеев победил глубокий штопор, Заикин не испугался длительного затенения купола, Титов не сробел, когда у него не раскрылся основной парашют. Никитин оказался прав: ребята действительно сплотились в один дружный коллектив. Вчера еще незнакомые, там, в степи под Энгельсом, они объединились единым делом, открыли в себе естественное желание помогать друг другу, научились соперничать, — подружились. Тогда космонавты не знали еще, что сам факт полета в космос очень скоро разделит их маленький мир и, даже оставаясь друзьями, они будут жить как бы в разных измерениях, не знали, что час этого раздела стремительно приближается (10).

Как ни суровы были испытания и тренировки, космонавты чувствовали себя отлично, жили дружно и весело, и если что и волновало их, то только мысль: а когда же старт? И естественным было желание увидеть тех, кто создавал ракету-носитель, двигатели, сам корабль, систему управления. Космонавты то и дело слышали: «Главный приказал», «СП требует», «Глушко ждет...», «Глушко говорит...» Но кто они? Как бы узнать тех, кто руководил созданием ракетно-космической системы и мощных двигателей? (27).

Космонавты вернулись с парашютных тренировок. Прошло буквально несколько дней, а на занятия, которые возобновились в здании Института авиационной медицины, приехал невысокий плотный человек лет пятидесяти (10).

По тому, как все забегали вокруг него, как «сопровождали», космонавты сразу поняли, что это большой начальник. Но почему он в штатском?! <...>Расспрашивал мало, но очень внимательно разглядывал. Потом быстро уехал. «Это Король!» — сказал вечером Карпов «по секрету». Так состоялась их первая встреча (10).

Полковник Кириллов:

Меня действительно поразила вся его фигура: мощная, сильная. Крупная голова, широкие надвисшие плечи, из-за чего руки казались длиннее обыкновенного. Слегка кривоватые ноги с узким тазом и почти шарообразная голова с залысинами, крючковатый нос. В общем, он бросался в глаза сразу, как говорят криминалисты, был создан из особых примет. Я подумал, черт побери, это — Король, самый настоящий Король (29).

Не только по своей манере, но и внешне Король походил на Жукова — <...>— такой же невысокий, крепко сбитый, безжалостно-бескомпромиссный в достижении поставленной цели (30).

1 мая 1960 года космонавты услышали о полете над территорией Советского Союза американского летчика-шпиона Пауэрса, которого сбили советской ракетой (21).

Соединенные Штаты подозревали, что в районе Байконура Советы построили огромный ракетный полигон... Летом 1957 года самолеты-шпионы У-2 доставили первые высотные фотографии развивающегося космодрома... Летевший в мае 1960 года над советской территорией на самолете-шпионе У-2 Фрэнк Пауэрс был сбит во время попытки получить фотографии комплекса Байконур (30).

Для полета 1 мая (это был двадцать четвертый шпионский рейд У-2 над советской территорией) выбрали маршрут, уже опробованный в мае 1957 года. Из Пешавара (в Пакистане) У-2 направлялся в Тюра-Там. Отсюда путь лежал к Свердловску, точнее, к Челябинску-40 (комбинат «Маяк»), центру

атомной промышленности. По дороге надлежало сфотографировать несколько военных аэродромов. Следующей и главной целью считался Плесецк. Там, по данным ЦРУ, сооружалась стартовая площадка межконтинентальной ракеты (напомню: два старта «семерки» в Плесецке заступили на боевое дежурство в декабре 1959 года, еще два предполагалось сдать в следующем, 1961 году). После Плесецка У-2 предстояло пролететь над Северодвинском, сфотографировать судоверфи, на которых строили атомные подводные лодки. Следующая цель — Североморск, главная база Северного флота. Оттуда уже рукой подать до Норвегии, до аэродрома в Бодо. Самолет пилотировал опытный пилот Фрэнсис Гарри Пауэрс, ему уже приходилось летать над Советским Союзом. Тогда все закончилось благополучно, он не сомневался, что и сейчас его миссия пройдет успешно (30).

В мае 1960 года в один из ангаров аэродрома привезли остатки сбитого американского самолета-разведчика, пилотируемого Ф. Пауэрсом. Аппаратуру, которая более или менее сохранилась, выставили в Колонном зале Дома союзов в Москве, где проходила пресс-конференция, связанная с этим полетом (31).

Американцы окружили нашу страну военными базами, на которых стояли в боевой готовности бомбардировщики с атомными бомбами, а сами за океаном были недосыгаемы. У нас в качестве ответного оружия в спешном порядке создавались межконтинентальные баллистические ракеты (23).

Константин Феоктистов:

К весне 1960 года космический корабль стал реальностью. Конечно, пока он был беспилотным, без системы обеспечения жизнедеятельности. Первый запуск состоялся 15 мая. Сажать на Землю этот корабль задачей не ставилось, на нем и защиты тепловой не было. Но программу спуска предполагалось отработать вплоть до сгорания его в плотных слоях атмосферы. Вышел корабль на орбиту отлично и летал хорошо, передавая на Землю нужную телеметрию в течение четырех дней. Запустили по радио программу спуска, включился тормозной двигатель, но корабль, вместо того чтобы пойти на снижение, ушел на более высокую орбиту (32).

Предстояли испытания в невесомости. В мае 1960 года начались ознакомительно-тренировочные полеты на самолете УТИ-МиГ-15 (воспроизводилась кратковременная невесомость). <...> Космонавтам нужно было выполнить три полета по параболическим траекториям. В первом полете они знакомились с состоянием невесомости, отрабатывали ведение радиопереговоров. Во втором — изучались координация движений, острота зрения, возможность приема пищи. В третьем — регистрировались физиологические параметры. Результаты каждого полета тщательно анализировали медики. Для изучения заданных усилий в условиях невесомости использовался специальный дозиметр. Левой рукой Гагарин держал его на уровне глаз, а большим пальцем правой руки нажимал на рычаг, создавая мышечное усилие в 750 г. Результаты фиксировала специальная кинокамера. Проводились и пробы письма. Гагарин писал имя, фамилию, дату полета, показывающие, что кратковременное пребывание в состоянии невесомости не влияет на почерк космонавта, закрепленного в кресле. За три параболических полета Гагарин получил оценку «отлично» (33).

А за Борисом Волыновым, от усердия едва не сломавшим динамометр, — <закрепилась> кличка Слон (34).

«Отдадим еще порцию кровяных телец на алтарь медицинской науки!» — шутил он во время проведения над ним очередной «экзекуции».

Зная о напряжении прошедшего дня, врач с сомнением покачал головой. Гагарин по пояс разделся и смиренно подставил свое тело и голову под датчики, которые наклеивали с применением спирта.

— Ох! С устатку граммов пятьдесят бы этой жидкости для полнокровного сна, — проговорил Юрий, с иронией глядя на врача.

А тот отрицательно закачал головой.

Когда процедура наклейки датчиков закончилась, Гагарин, взглянув на медсестер и лаборанток, сочувственно сказал:

— Эх, девчонки, мне-то спать, а вам дежурить! (36).

Герман Титов однажды рассказал мне такой случай. Когда первую группу космонавтов готовили на «Соколе» в Москве, врачи в качестве эксперимента тайно подбросили вечером в пищу препарат, от которого у группы (20 человек) головы раз-

болелись. И утром стали ждать: кто признается в недомогании? Ни один не рискнул, боясь дисквалификации по здоровью. И вдруг... «Сегодня работать не могу, плохо себя чувствую» — это был Гагарин. Медики переглянулись, оценив поступок Юры. В тот день всех освободили от занятий... (80).

Мне рассказывал один из кандидатов в космонавты, что главным пугалом считался КУК — концентратор ускорения кориолиса; проверка вестибулярного аппарата. Как и в той, первоначальной, гагаринской группе, отсев был сразу чрезвычайно велик — из двенадцати остались... двое. Но уж у этих-то вестибулярный аппарат оказался первоклассным, особенно у моего рассказчика. И если его товарищ все-таки иногда «выдавал харч» после положенного кружения, то он держался бойко (37).

И все эти испытания ужасно противные. Но противнейшее из противных — вращение на кресле Барани (в просторечии «кориолис»). Это кресло изобрел Роберт Барани, выдающийся отоларинголог XIX века. С виду совершенно безобидно: небольшое такое кресло (скорее стул), только железное, покрашенное белой краской. И стоит не на четырех ножках на полу, а на одной массивной ноге, на которой и вращается. Сзади прикреплена штанга, за которую доктор вращает кресло. Тебя сажают в кресло, подлокотники «застегивают» железной рейкой (не вывалившись, если что) и — поехали!

Исследование проводилось по такой схеме: минута вращения — минута отдыха, во время вращения испытуемый медленно опускает и поднимает голову, и в соответствии с теоремой Кориолиса от сложения поступательного и вращательного движений возникает кориолисово ускорение (которое и выводит тебя из строя). Нужно выдержать пятнадцать вращений, а тошнота возникает уже на пятом, да еще какая-то особенно противная. Невзирая на это, доктору, проводящему исследования, нужно отвечать, что чувствуешь себя хорошо. Эти исследования проводил отоларинголог Иван Иванович Брянов. Он очень жалел своих подопытных. До сих пор помню его негромкий ласковый голос с характерной интонацией: «Начали» — медленно опускаешь голову; «Начали» — поднимаешь. После восьмого вращения он говорил: «Полскотинки переехали», — и становилось легче, появлялась надежда, что доживешь. «Доживали» не все... А тот, кто доживал, не сразу обретал нормальное состояние тела и духа.

Были и такие испытания, которые поначалу вызывали у нас усмешку и к которым мы относились с некоторым пренебрежением. Заходишь в кабинет — висят качели, симпатичная медсестра предлагает сесть и начинает тебя раскачивать. Тебе приятно, ты смеешься, шутишь, кокетничаешь с сестрой. Проходят 10, 15, 20 минут — тебе уже не до смеха, какие там комплименты! Начинаешь глазами искать то ведро, которое скромненько стоит в углу и ждет своего «звездного часа». <...> Ну и еще одно испытание, которое тоже начинается с ухмылочки, но завершается, как правило, уползанием на четвереньках в прямом и переносном смысле этого слова. Заходишь в кабинет, и симпатичная сестра нежно привязывает тебя к столу. Молча лежишь 20, 30, 40 минут, час, и потом вдруг стол опрокидывается на 45 градусов и ты оказываешься вниз головой и продолжаешь лежать еще долго-долго! Почему-то считалось: пройти эти испытания — значит побывать в «гестапо» (38).

Казалось бы, что особенного может пилот почувствовать на вибростенде?! Садись в кресло, которое начинает вибрировать — почти как в самолете в минуты перед стартом, когда уже заработал двигатель. Но у некоторых начинались боль и тошнота. А вибростенд неистово дребезжал, дрожал. И так сильно, что у Юры зуб на зуб не попадал. Казалось, вот-вот мясо начнет отслаиваться от костей (34).

Был еще один стенд — оптокинетический раздражитель, в просторечии барабан — круглая такая палаточка, внутри кресло на неустойчивой опоре (на трех резиновых подушках, надутых воздухом), стенки внутри расчерчены наклонными черно-белыми полосами. Тебя сажают в кресло, дверь закрывают, и барабан начинает вращаться. Возникает иллюзия, что барабан стоит на месте, а вращаешься ты, и твоя задача сохранить равновесие — не качаться слишком сильно и тем более не упасть (вместе с креслом!). Испытания идут с записью физиологических функций, тренировки — без записи.

Как любил говаривать Герман Титов, хочешь жить — умей вертеться! (23).

Перед вращением <на центрифуге> надо настроиться на ритм дыхания, рекомендованный врачами. Начинает работать карусель. Перегрузки вдавливают тело в кресло. Дышать ста-

новится все тяжелее. Перегрузка шесть, это значит вес тела возрос в шесть раз. Ни ноги, ни руки не поднять. Перегрузка растет, начинают слезиться глаза. Чугунная тяжесть наваливается на грудь, на голову, на все тело. Следить надо и за крестом, который расположен прямо перед глазами... Толстые пересекающиеся линии, как только они начнут расплываться, следует немедленно сообщить врачу, и перегрузку снимут (18).

13 декабря 1960 года.

...Первым на двенадцать «же»* пошел Юрка. Я волновалась, когда его вращали, и все тоже волновались. Гера в шутку прятался за вибростенд. Когда закончили вращение, все бросились к креслу. Юрка был такой же, как после предыдущих испытаний. Но когда он встал с кресла, мне показалось, что чувствует Юрка себя неважно. Был какой-то неразговорчивый и быстро ушел. Гера после вращения был веселее. Это заметил и Григорий Федулович, который так и считает, что Гера в этот раз перенес испытание лучше. Можно, конечно, объяснить почему: все-таки Юрка шел на неизвестное, а Гера шел по проторенной дорожке. Когда Ада спрашивала Юрку после вращения о самочувствии и впечатлениях, то он пожаловался, во-первых, что задувало под очки и поэтому он не мог точно реагировать на огни. И еще, что крест на двенадцати чуть-чуть серел (он белый на черном. — *Ред.*) (14).

Но все же режим физических тренировок на перегрузки при старте и возвращении был крайне избыточен и беспощаден. Живых людей сознательно подводили к границе между жизнью и смертью (6).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Тут до Конрада стало доходить. Сначала это было лишь чувство, но затем оно сформировалось в мысль: «Подопытные кролики» (40).

А врачи в перерывах между испытаниями пытливо заглядывали в глаза и участливо спрашивали: «Как здоровье? На что жалуетесь? Не жмет ли сердечко?» Да если бы и жало, то разве нашелся хотя бы один, кто поверил в искренность врачей? Не зря Юрий Гагарин, Алексей Леонов и Виктор Горбат-

* G[же] — единица измерения силы тяжести.

ко подняли бунт на корабле во время проведения бесконечных проверок состояния их здоровья: им не нравились неизвестность и длительность повторяющихся без конца самых трудных и мучительно переносимых тестов, особенно постепенно повышающиеся нагрузки на центрифуге, которую они люто возненавидели. Летчики не любили как центрифугу, так и врачей, но притворялись, что любят их. Сами врачи по прошествии многих десятков лет признались в этом, в частности, врач Иван Бряннов говорит так: «Если бы космонавты во время прохождения комиссии сфокусировали на нас свою нелюбовь за придирчивость, то смерть наша была бы легкой и мгновенной». Бунт кандидатов в космонавты как тихо начался, так тихо и закончился, и начальство о нем не узнало. И это было в общих интересах всех (12).

Том Вулф «Нужная вещь»:

В результате все летучие жокеи начинали считать врачей своими естественными врагами. Отправиться на прием к врачу было невыгодным делом. Пилот мог либо сам справиться со своей бедой, либо капитулировать в приемной доктора. Выйти из строя по медицинским причинам не было унижительным. И, тем не менее, это было унижение — ведь это значило, что у тебя больше нет одного не поддающегося определению и очень существенного качества, которое могло утратиться в любой момент (40).

16 июня <1960>. В этот день первичная партийная организация рассмотрела заявление Юрия Алексеевича Гагарина, в котором он просил принять его в члены КПСС... Хочу быть активным членом КПСС! (41).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Да, именно так. Белые халаты вручили каждому по пробирке для анализа спермы. Что? Ничего особенного: поместите свою сперму в пробирку. Как? Посредством эякуляции. Что вы хотите этим сказать? Мастурбация, обычная процедура. Лучшие результаты достигаются с помощью фантазий, сопровождаемых мастурбацией с последующей эякуляцией. И где, черт побери? В ванной. Двое парней заявили, что согласятся, если с ними пошлют медсестру — помочь, вдруг заклинит? Белые халаты посмотрели на них так, как будто они школьники, ляпнувшие непристойность (40).

Юрий Гагарин:

Домой приходил усталый, ног под собой не чувал. Понянусь с дочкой, присяду и начинаю клевать носом. Жена беспокоится, допытывается: что, мол, с тобой? И вынудила-таки сказать:

— Собираюсь в космос... Готовь чемодан с бельишком...

Валя восприняла это как шутку, но вопросов больше не задавала (42).

Эта группа приехала и была в распоряжении медиков, ну что медики могут предложить для занятий? Это — авиационная медицина, это — физиология человека, это — оказание первой помощи. Кроме того, конечно, различные тренировки физические — и всё! Проходит неделя. Расписание составляется из расчета 8 часов занятий. А на следующую неделю? Опять сначала? Ну, здесь уже мне пришлось поехать к Сергею Павловичу и сказать, что космонавты находятся в распоряжении медиков. Мы проводим такие-то занятия, но, наверное, нужно, чтобы были и другие дисциплины включены в расписание. И вот тут я увидел, как Сергей Павлович вызвал к себе своих замов и с гневом заявил о том, что они упускают подготовку космонавтов, о том, что нельзя рассчитывать <на то>, что только медики должны готовить этих людей. Но те слова, которые он употреблял, неудобно произносить перед микрофоном, но вы понимаете, что это было очень резкое суждение. Королев был человек резкий, и для достижения своей цели, для достижения задач, которые он ставил, он очень резко ставил вопросы и, не стесняясь, их обнажал. И, уж конечно, очень быстро, буквально на следующий день появились и связисты, и специалисты по космической технике. Космонавты стали ездить на основную техническую базу, где готовились аппараты (43).

28 июля <1960> — новый старт. На борту корабля собачки Чайка и Лисичка. Через 30 секунд полета взорвалась камера сгорания двигателя. Ракета упала в степи. Животные погибли (44).

28 июля. Подошла очередь Гагарина на эксперимент в сурдокамере (41).

В полной изоляции от внешнего мира находится будущий космонавт. Десять суток предстоит ему пробыть одному (45).

Место проведения — барокамера, которая находилась в старом здании, которое сотрудники ГНИИИ АиКМ называли «Мавританией». В этом здании была гостиница «Мавритания», в которой, как описано в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», Катюша Маслова как будто отравила купца. Здание действительно было старинной постройки, барокамера установлена в большом помещении (возможно, это была «зала») с высокими сводчатыми потолками (46).

Сурдокамера — довольно большое и сложное сооружение, с очень толстыми звуконепроницаемыми стенами... По своему оборудованию и назначению сурдокамера очень похожа на «башни молчания», которые в свое время были построены в Колтушах по идее И. П. Павлова... «Башни молчания» широко использовались для исследований слуха и органов чувств, а затем и для исследований высшей нервной деятельности человека (17).

Для наблюдения за будущим космонавтом установлены специальные телевизионные и киносъёмочные камеры, кроме того, обслуживающий персонал и научные работники могут видеть испытуемого через специальные смотровые люки. <...>

Чего только в этой толщине не заложено, чтобы в камеру не проник звук! В стенках спрятана целая лаборатория. Она будет стеречь тишину. Снаружи камера похожа на рубку корабля, который готовится к отплытию. Здесь даже иллюминаторы. Но они не пропускают дневного света. Освещение там только внутреннее. Камера изолирована от всего: от звука, от света, от внешнего мира. Даже атмосфера у нее будет своя (47).

Почти две недели находился он в абсолютной изоляции. Для Валюши это была его очередная «служебная командировка». Юрий составил для себя четкий распорядок, в котором главным была работа. Он читал Ефремова, рисовал звездное небо, записывал свои размышления о характере предстоящего полета (8).

Иван Ефремов «Туманность Андромеды»:

— Романтика! — громко и презрительно сказал Пур Хисс и тут же съезжился, заметив неодобрение зрителей.

— Да, настоящая романтика! — радостно воскликнул Дар Ветер. — Романтика — роскошь природы, но необходимая в

хорошо устроенном обществе! От избытка телесных и душевных сил в каждом человеке быстрее возрождается жажда нового, частых перемен. Появляется особое отношение к жизненным явлениям — попытка увидеть больше, чем ровную поступь повседневности, ждать от жизни высшую норму испытаний и впечатлений (48).

Борис Воинов:

Представьте: небольшая металлическая барокамера. Все заставлено банками, склянками, едой... Стоит кресло авиационное. Спинку отбрасываешь для сна — и встать уже невозможно, нет места для ног. Когда спинка вертикально, можно «развлекаться» — зарядку делать, бегать, прыгать. Но на одном месте (49).

Виктор Горбатко:

Особенность тут в том, что меня слышат, а я — совершенно нет. То есть мы готовились на случай, когда в полете нет связи с Землей, на случай одиночества. В первых полетах, когда летали по одному, было очень важно знать, насколько человек готов к этому моменту, когда связь с Землей прервется и, кроме молчаливого космоса, рядом никого нет (1).

Юрий Гагарин:

Отрезан от всего мира. Ни звука, ни шороха. Никакого движения воздуха. Ничего. Никто с тобой не говорит. Время от времени, по определенному расписанию, ты должен производить радиопередачу. Но связь эта — односторонняя. Передаешь радиограмму — и не знаешь, принята она или нет. Никто тебе не отвечает ни слова. И что бы с тобой ни случилось, никто не придет на помощь. Ты один. Совершенно один, и во всем можешь полагаться только на самого себя (42).

По сигналу ведущего врача в сурдокамере погас свет. И тотчас послышался не то шелест, похожий на движение змеи, не то скребущие звуки, словно что-то грызла крыса. Потом глухо и страшно что-то ухнуло. Раздались стоны и вопли, от которых даже у меня, человека, сидевшего в светлой лаборатории и знавшего, что идет эксперимент, побежали мурашки по спине. В то же мгновение врачи включили зычные ревуны, способные оглушить и разъярить любого человека. В камере

забегали алые, синие и зеленые лучи. Огненные вспышки, слепящие молнии в сочетании с ревом и шипением могли свети с ума любого (27).

...вырабатывается способность плодотворно работать и не прерывать свою деятельность даже при помехах. В качестве помех используются музыкальные ритмы, внезапные слуховые раздражения (сирена, джаз, трещотки и т. п.), световые воздействия (яркие вспышки). Это напоминает испытания героев народных сказок и мифов, идущих к заветной цели. На своем пути они встречают всевозможные преграды и препятствия, слышат голоса, видят вспышки огней, узнают образы близких людей, пытающихся отклонить их от верного пути. Человек в сурдокамере, как герой сказок, не дает отвлечь себя от стоящей перед ним задачи, выполняет ее несмотря ни на что (17).

С Поповичем повторили тот же эксперимент: погас свет, в сурдокамере что-то зашипело, захрюкало и засвистело. Потом заметались жуткие лучи, ударили в набат невидимые колокола. В те секунды, когда слепящие лучи металась по камере, высвечивая то лицо космонавта, то приборы, то кресло, то стены, мы увидели широко раскрытые глаза Поповича — он хохотал, от удовольствия размахивая руками, и даже прыгал. «Во дают! — кричал он. — Во дают!» (27).

Гагарину «в полете» был задан «перевернутый» распорядок дня: днем он должен был спать, а ночью нести вахту. Юрий быстро перестроился: он без труда освоил новый рабочий ритм. Надо работать — он четко проводил методики, был организован и дисциплинирован. Наступал отдых — Юрий ложился, быстро засыпал, сон был глубоким, спокойным. Просыпался в точно назначенное время и сразу приступал к делу. Во время пребывания в СБК-48 он ежедневно вел дневник и вносил в него необходимые записи: параметры микроклимата объекта (температура, влажность), показатели межэлектродного сопротивления перед регистрацией электрофизиологических параметров; личные впечатления, оценку своего самочувствия, настроения (например: «...самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Все идет нормально»), а также рационов питания (см. отрывки из его дневника) и пр. (50).

В вынужденном одиночестве он читал Пушкина, Маяковского, пользовался библиотекой, подаренной будущим космонавтам издательством «Молодая гвардия». Увлеченно мастерил, напевая свою любимую «Я люблю тебя, жизнь» (33).

Он взял инструменты, чтобы мастерить. Прошел последние приготовления. Лаборантка укрепила датчики и электроды для регистрации частоты дыхания, биотоков мозга и электрокардиограммы. Тяжелая плотная дверь закрылась за ним, отделив от привычного дорогого мира. На каждый день было составлено расписание. С утра физзарядка, велоэргометр, ходьба и бег на месте, проведение анализов, а также наблюдения и отчеты о температуре, давлении в сурдокамере, ведение рабочего дневника и многое другое. Дежурные на связь не выходили, хотя и смеялись над шутками неистощимого на выдумки обследуемого. Чтобы не скучать, Гагарин загрузил себя дополнительной работой с астронавигационными приборами.

Меню Гагарина состояло из содержимого туб с супами, копченой колбасы, плавленого сыра, хлеба (45).

Фаина Казецкая, повар:

Когда будущие космонавты сидели подолгу в барокамере (бывало, не одну неделю, практически без движения), то мы больше готовили овощных блюд. Морковные, капустные котлеты, омлеты (51).

С каждым днем увеличивалось количество записей в журнале дежурных врачей — хронометрировалась вся деятельность и самочувствие космонавта в течение суток. В первых числах августа зашел я в помещение, где сидел Ф. Д. Горбов, ведущий наблюдения за находящимся в сурдокамере Гагариным. «Ну, как там обследуемый одиночеством?» — поинтересовался я. «Он-то, пожалуй, лучше всех», — улыбнулся Горбов. Подойдя к сурдокамере, я заглянул в иллюминатор. Юрий с подтянутыми ногами и склоненной на грудь головой дремал в кресле. У него было лицо спокойного и счастливого человека. Эта его способность к естественному быстрому переключению от активной работы к полному расслаблению всегда поражала врачей (45).

Ю. Гагарин, В. Лебедев «Психология и космос»:

Во время опытов в сурдокамере космонавтам и испытателям давалась определенная программа деятельности, занимавшая 4 часа в сутки. В остальное время они были предоставлены самим себе. Но если первым космонавтам (Гагарину, Титову, Николаеву и Поповичу) разрешалось воспользоваться книгами, другие космонавты этого были лишены. В их распоряжении находились лишь набор цветных карандашей, бумага, деревянные чурбачки и нож (52).

Вдруг послышалась странная песня:

— Вот порвались шнурыки...
На Земле включили телевизор...
Пора готовиться к записи...
Сколько мне дали электродов...
Один электрод с желтым шнурком...
Другой электрод с зеленым шнурком...
Третий с красным...

Голос у певца был такой, будто он пел в банку. А он продолжал:

— Скоро пора обе-е-дать...
На первое суп-пюре...
На второе плавленый сыр...
На третье плавленая колбаса!

— Ну уж это ты врешь, — засмеялась лаборантка из отдела питания.

— Ночью мне приснились беляши... — продолжалось пение.

Мне было непонятно все это, и Федор Дмитриевич просто объяснил:

— Иссажкли впечатления в камере. Вот он и ищет новых впечатлений. Поет, как казах, обо всем, что видит... (47).

Юрий Гагарин:

Трудновато было порой в этой «одиночке». Тем более что, входя в нее, не знали, сколько времени придется пробыть наедине с самим собой, со своими мыслями. Несколько часов? День и ночь? Несколько суток? (42).

— Юрий Гагарин в заточении любил поюморить, — вспоминает кандидат биологических наук Ирина Пономарева, работавшая когда-то лаборанткой в отделе отбора и подготовки

Института авиационной и космической медицины. — Представляете? Вечер. И вдруг вместо кодового штатного сообщения Юра неожиданно четко докладывает: «Пройдено сорок миллионов километров! Приближаемся к планете Венера! Подготовить посадочную площадку! Лаборант, вы готовы?» В каком-то замешательстве я что-то ответила и тут же, спохватившись, отключила обратную связь, ругая себя за нарушение режима и условий эксперимента (53).

От Юрки отдает только спокойствием, но не больше. У него есть круг заученных стереотипных фраз, которыми он может ограничиться в разговоре, иногда он так и делает. На любую похвалу Юрка отвечает всегда одной фразой: «Как учили!» На вопрос: «Какую книжку или музыку тебе передать?» — тоже есть свой неизменный ответ: «Про любоф». Сидя в камере, он часто повторял это слово, даже тогда, когда его никто ни о чем не спрашивал, просто замолкает музыка — и сейчас же из динамика слышится Юркин голос:

— Про любоф! Давай про любоф!

Как-нибудь подшучу над Юркой, спрошу у ребят: «Хотите, Юрка сейчас скажет одну фразу, а мы его и просить об этом не станем?.. Достаточно будет похвалить: “Юр, молодец ты какой... здорово сидел сутки!” — и вы услышите ответ: “Как учили!”» (14).

Гагарин смеялся в ответ, отшучивался:

— Стараемся, действуем, как умеем (16).

— Страшной силы, — применяя свое излюбленное выражение, пошутил Юрий Алексеевич (55).

У Юрия было очень подвижное лицо. Малейшие оттенки настроения отражались на нем, как у всякого горячего по натуре человека (4).

Ю. Гагарин, В. Лебедев «Психология и космос»:

Сильному, уравновешенному типу высшей нервной деятельности с хорошо сбалансированными и подвижными нервными процессами соответствует сангвиник; <...> к представителям этого типа отнесли и одного из авторов этой книги.

Сангвиник, по характеристике Павлова, «горячий, очень продуктивный деятель, но лишь тогда, когда у него много есть интересного дела, то есть постоянное возбуждение». Сангвиник подвижен, легко приспосабливается к изменяющимся условиям жизни; он быстро находит контакты с окружающими, а потому общителен, не чувствует скованности с новыми для него людьми. В коллективе сангвиник весел, жизнерадостен, с охотой берется за новое живое дело, способен сильно увлекаться. Чувства у него легко возникают и легко сменяются, поэтому он без труда может преодолеть гнетущее настроение, если оно возникает в опасных ситуациях; обычное же его состояние — оптимистическое. Большая подвижность нервных процессов сангвиника способствует гибкости ума сангвиника, она помогает ему легко переключать внимание и схватывать новое (52).

Кончились десятые сутки. В помещении, где находилась сурдокамера, собрались медики В. И. Яздовский, О. Г. Газенко, Н. Н. Гуровский, кинооператоры, журналисты. Открылась массивная дверь, и появился Гагарин... такой же, как всегда, здоровый, веселый, но только страшно соскучившийся по людям и живой человеческой речи. Обследование подтвердило: реакция на изоляцию была адекватной, отмечались быстрая ориентация в окружающем пространстве, умение владеть собой, эмоциональная устойчивость, чувство юмора, доброжелательное отношение к людям (46).

По результатам выполнения заданий при необычном, перевернутом распорядке: ночью — деятельность, днем — отдых. Одиночество перенес легко. Отклонений от нормы не обнаружил (41).

Иван Ефремов «Туманность Андромеды»:

Теперь я знаю, что такое космос для одинокого человека, и еще больше склоняюсь перед памятью первых героев звездоплавания! (48).

Весь август и часть сентября 1960 года прыгали на большое лесное озеро. С разной высоты, в разную погоду, выполняя самые различные задания. Прыгать на воду не простое дело. Одно из заданий состояло в следующем. Космонавт делает затяж-

ной прыжок. Но когда до воды остается всего несколько метров, нужно было освободиться от подвесной системы и приводниться без парашюта. За время спуска тело набирает большую скорость, и пилот, одетый в комбинезон, погружается в воду. Требовалось не только научиться умело управлять своим телом, но и с точностью до секунды отсчитать время, умело регулировать дыхание. А потом вплавь добраться до лодки (34).

Полюбилось им и не знакомое никому раньше занятие — прыжки на батуте, которые они до этого видели только в цирке. Как-то, уже поздней осенью, ребята пошли к сетке, чтоб «покрутить сальто». На брезенте, которым был покрыт батут, лежал слой снега. Федор Михайлович стоял, раздумывая. А космонавты, недолго думая, подняли брезент вместе со снегом, стряхнули и начали «крутить сальто». Не у всех это ловко получалось. Юрий для такого занятия так просто тяжеловат (47).

19 августа — старт прошел благополучно. Белка и Стрелка вернулись на Землю. В корабле вместе с собачками находились 12 мышей, насекомые, растения, грибковые культуры, семена кукурузы, пшеницы, гороха, некоторые виды микробов и другие биологические объекты (44).

...а также растения — традесканция и хлорелла (27).

Хорошо перенес пребывание в космосе и цветок. Он начал распускаться перед полетом и продолжал цвести после приземления (57).

Космический полет собак Белки и Стрелки, продолжавшийся более 25 часов, в течение которых корабль-спутник совершил 17 полных оборотов вокруг Земли.

...пришли к однозначному заключению, что только суточный полет вызывал реакцию типа «стресс»... Одновитковый полет вообще не вызывал заметных сдвигов в обмене веществ... Настораживали некоторые итоги полета второго космического корабля-спутника, в частности, некоторые особенности физиологического состояния собаки Белки. Животное было крайне беспокойным, билось, старалось освободиться от крепежных элементов. Собака лаяла, и по всему было вид-

Гарин

Юра Гагарин
(сидит)
с братьями
Валентином,
Борисом
и сестрой Зоей.
Клушино

Гагарин-подросток.
Гжатск.
Вторая половина
1940-х гг.

Семья Гагариных: отец Алексей Иванович, мать Анна Тимофеевна и повзрослевшие дети – Борис, Валентин, Зоя, Юрий

Гагарин (первый слева) — капитан баскетбольной команды

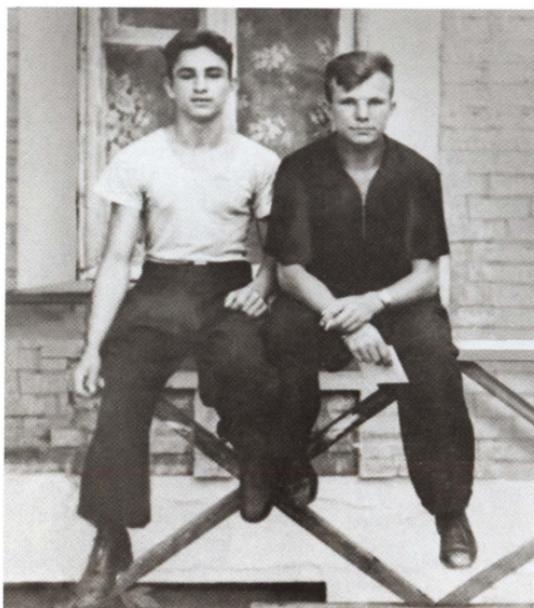

Памятник
первому космонавту
у ремесленного
училища,
где он учился.
Люберцы

Гагарин
осваивает ремесло
литейщика.
Люберцы.
1950 г.

Гагарин с другом

Студент
Саратовского
индустриального
техникума.
*Первая половина
1950-х гг.*

Юрий Гагарин (третий справа) с товарищами по техникуму. *Саратов*

Занятия в аэроклубе. *Саратов. 1955 г.*

Гагарин
(первый слева)
в Оренбургском
летном училище.
Около 1956 г.

Курсант Гагарин
на стрельбище.
1956 г.

В кругу родных

С женой Валентиной и дочерью Галиной. 1961 г.

Главный конструктор
Сергей Королев
(в центре)
с первым отрядом
космонавтов

Генерал
Николай Каманин,
«дядька»
космонавтов

Космонавт № 2
Герман Титов

Космонавт
Павел Попович

Космонавт
Андрян Николаев

Космонавт
Павел Беляев

Космонавт Алексей Леонов —
первый человек,
вышедший в открытый космос

Космонавт
Виктор Горбатко

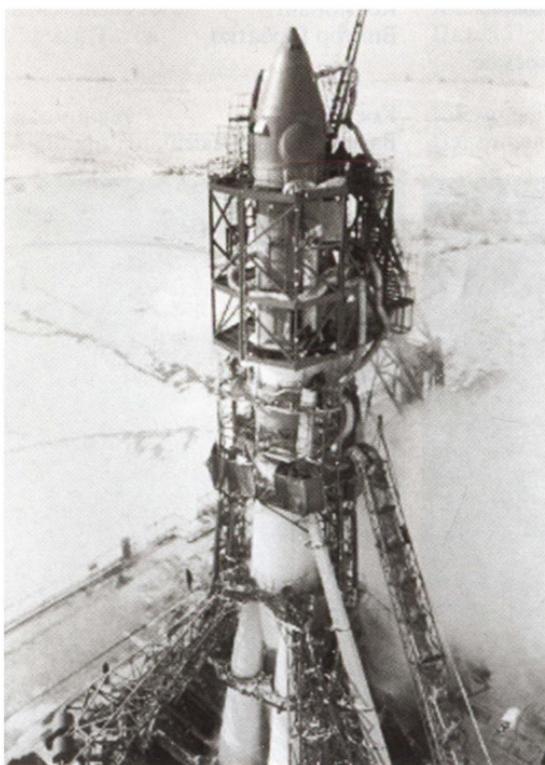
Космонавт
Владимир Комаров

Космонавт
Валерий Быковский

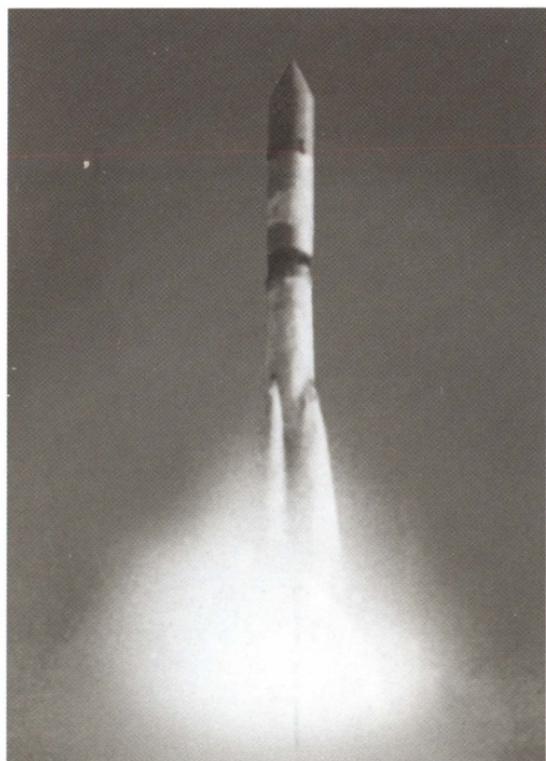
Подготовка
к космическому
полету

«Восток»
перед стартом

12 апреля 1961 года.
Дорога на космодром

«Поехали!»

Спускаемый аппарат приземлился. *12 апреля 1961 г.*

Первый человек в космосе

Юрий Гагарин сразу после приземления

Встреча Гагарина в Куйбышеве

Первый космонавт и главный конструктор. 1961 г.

но, что она плохо себя чувствует. Особенно бурно вся эта симптоматика стала проявляться после четвертого витка полета. Сказанное приводило к выводу о необходимости осторожного подхода и планирования предстоящего полета человека вокруг Земли на корабле «Восток» только на один виток, то есть минимально возможной продолжительности (58).

Но самая страшная новость приходит к Королеву от члена-корреспондента АН Олега Газенко из Института медико-биологических проблем: тамошние светила зарождающейся космической медицины сообщили, что «полеты собак проходят с некоторыми сдвигами в их физиологическом состоянии!».

Королев, прочитав в полученном оттуда секретном отчете такое заключение, закатывает медикам дикую истерику:

— Что значит «некоторые»?! Я вас спрашиваю! Насколько именно: на один процент, наполовину или же у собак полностью слетает крыша, и они вместо того, чтобы лаять, начинают мяукать?! (59).

Всего в догагаринских полетах участвовали сорок восемь собак. Двадцать из них погибли (60).

Полигон, 1960 год. Работаем для запуска человека в космос. Известно, что американцы форсируют свои «прыжки» на ракете. Сергею Павловичу это не нравится: «Что же, они “прыгнут” и будут первыми?! Надо подумать и дать точное определение, что такое пилотируемый космический полет». Георгий Михайлович Гречко (будущий космонавт, а тогда молодой инженер, работавший в ОКБ Королева. — Л. Д.) реагирует быстро: «Пилотируемый космический полет — это такой полет в космосе, который совершали, совершают и будут совершать только русские!» (23).

Начало сентября выдалось радостным для семейных космонавтов — они получили в Звездном новые квартиры (8).

В 1960-м первые космонавты и немногочисленные сотрудники центра были расквартированы около подмосковной станции Чкаловская. Рядом с ней и вырос будущий Звездный.

В советское время Звездный (до конца 60-х годов — Зеле-

ный) городок был засекречен и изолирован. На картах и указателях он не значился, въезд был только по пропускам. Из Москвы до него можно было добраться на автобусе, которого не было в официальных списках маршрутов (54).

Полковник Анатолий Карташов, летчик-испытатель первого класса, отчислен из первого отряда по состоянию здоровья:

По тропинке через лес, весь изрытый траншеями тепло-трасс, фундаментов, телефона, он проводил меня в класс, где стояли обычные школьные деревянные парты, на стене висела доска.

И городок тогда еще не был Звездным, а назывался «41-й километр».

Валентин Бондаренко жил выше всех, на пятом этаже офицерской хрущевки. Он спускался с криками «Подъем!», всех будил, нажимая по очереди кнопку звонка. Я жил на четвертом. Ниже — Горбатко, Хрунов, Волынов, Варламов... Гагарин жил в другом подъезде, за стенкой нашей кухни.

Помню, мы получили квартиры. Их надо было обставить. А в те годы хорошую мебель, холодильник, черно-белый телевизор и прочие хорошие вещи купить без блата было невозможно. Наш замполит майор Никирясов (хороший, кстати, был замполит, умел разговаривать с людьми, заботился о личном составе) договорился с руководством базы военторга. Приехали мы туда, Никирясов ведет всю ораву мимо группы людей. «И куда эти старшие лейтенанты прутся! Я — жена подполковника, стою в очереди!» — поджала губы расфуфыренная молодая дамочка. «Надо было за старлея замуж выходить!» — весело обернулся к подполковничихе Гагарин, и мы пошли дальше (61).

Фаина Казецкая, повар:

А где-то году в 1960-м мне предложили ехать работать на так называемый 41-й километр, там в лесу формировалась новая воинская часть. Место, скажу я вам, было очень красивое. Возле штаба — березовая роща, большие поляны, поле. На этом поле начиналось строительство военного городка, который позже назвали Звездным. Столовая для будущих космонавтов размещалась в небольшом щитовом домике. Плиту на кухне топили дровами. Это чуть позже мы получили современный пищеблок, когда вошел в строй учебный корпус... уже когда меня взяли на 41-й километр, то нас пару раз посылали на курсы повышения квалификации при ресторане «Метро-

поль». Но наши космонавты — выходцы из простых семей, предпочитали домашнюю пищу, ели с аппетитом все, что приготовим. В части было небольшое подсобное хозяйство, держали поросят, курочек, коров. Мы разбили грядки. И, начиная с весны, все время подавали ребятам салаты из зеленого лучка, петрушечки, капусты, морковки, других свежих овощей. Миски с салатами стояли в зале всегда: подходи, набирай, сколько хочешь. А из основных блюд... борщи, рассольники, солянки, щи, отбивные, котлеты, пельмени. Бывало, уезжали из части на тренировки, потом возвращались и — с ходу: маманя, давай картошечку, хоть и вчерашнюю, но свою. Помню, Юра Гагарин очень любил молоко, причем сырое, некипяченое. А такое запрещалось давать космонавтам. Ну, не дай Бог... Вот и приходилось обманывать: мы пастеризовали молоко так, что по вкусу оно почти не отличалось от свежего, и хранили его в специальных запечатанных бутылках в холодильниках (51).

24 октября 1960 года на старте взорвалась ракета Р-16 — межконтинентальная стратегическая. На запуске присутствовал главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения маршал М. И. Неделин. Система защиты неожиданно заблокировала старт, ракетчики хотели его отложить, но маршал настоял. Взяв стул, он сел рядом с ракетой в ожидании пуска. Пуск не состоялся, но сама собой вдруг заработала вторая ступень, произошел страшный взрыв. На фермах находились люди. Я видел кинокадры, как они прыгали с большой высоты и разбивались. А те, кто стоял рядом, были охвачены огненным смерчем. Погибли много солдат, офицеров и гражданских специалистов. Погиб и маршал Неделин. Всего пострадали 125 человек. Мне пришлось быть на кладбище, где похоронены жертвы этой катастрофы. На могильных памятниках фотографии, в основном — молодых людей (21).

...Пошли действия и операции, которые в нормальных условиях никто бы не санкционировал. Главная заповедь испытателей — около заправленной ракеты никто не должен находиться — здесь была проигнорирована полностью! Заправленная ракета, как виноградная гроздь, была вся «обвешана» номерами расчетов и испытателями. В какой-то момент прошла несанкционированная команда на разблокировку запуска ракеты. Запустились двигатели второй ступени, прожгли

топливные баки первой ступени и — взрыв! По рассказам многочисленных оставшихся в живых очевидцев — опустошительная картина (38).

Николай Каманин:

Вторая попытка <14 октября 1960 года> запуска ракеты на Марс также оказалась неудачной. Кроме того, попытка пуска <24 октября 1960 года> новой ракеты Р-16 закончилась ее взрывом на старте и гибелью 74 человек, в том числе маршала Неделина. Причины этих неудач точно не установлены, и их никто не рискнет установить. Дело в том, что пуски приурочивались к выступлению Хрущева в ООН в Нью-Йорке, и поэтому была допущена преступная спешка и неорганизованность. Начальство «давило на всех и вся» и «выдавило» грандиозные провалы (9).

Как повлияет на подготовку будущих космонавтов 24 октября? (4).

Королев мгновенно среагировал и пригласил к себе на встречу будущих космонавтов. Разговор был длительным. Сергей Павлович ничего не скрывал (4).

Он стоит на кремлевской трибуне. Мимо проходит праздничная демонстрация. Взрослые высоко поднимают детей. Плывут над головами транспаранты. Пронесут макеты космических кораблей. Несут портреты людей, известных всей стране. Но никто еще не знает названия корабля «Восток», не улыбается с портрета лицо Гагарина. 7 ноября 1960 года Юрий был со своими друзьями-космонавтами на трибуне среди других гостей. Он пришел сюда пешком, пробираясь сквозь праздничные толпы, сквозь смех и гомон москвичей. Неизвестный гость Октябрьского праздника. Дежурные смотрели на его пригласительный билет, вежливо козыряли, прочитав: «Гагарин Юрий Алексеевич». Вслед не оборачивались: дежурные не знали, кто такой Юрий Алексеевич Гагарин (47).

Вчера был первый выпускной экзамен, да, именно выпускной, у <космонав>тов. И кое-кто открылся с новой стороны. Последним отвечал Юрка. Он-то уж блеснул перед комисси-

ей: обилие формул и формулировок, фундаментальное знание вопросов ошеломили даже инженеров. Ну еще бы — Юрка окончил индустриальный техникум с отличием! (14).

Константин Феоктистов:

Потом они <будущие космонавты> сдавали экзамены. Уже тогда и на занятиях, и на экзаменах среди отобранных ребят был замечен молоденький старший лейтенант Юрий Гагарин. На экзаменах и зачетах набирал хорошие баллы, начальству нравился, особенно Н. П. Каманину. Отряд космонавтов тоже, кажется, воспринимал его как подходящего парня. Выделялся Гагарин внешним добродушием и обаянием. Был, что называется, мужичком себе на уме. Как-то на одной из лекций я произнес перед шестью отобранными для первых полетов парнями речь о том, что они ничего не знают и что для того, чтобы хоть в минимальной степени приблизиться к уровню работы, в которую они входят, им нужно не только пройти курс подготовки, но как минимум получить высшее образование. И вот в перерыве ко мне подходит Гагарин и, изображая простодушную любознательность и желание немедленно рыть землю, спрашивает совета, дескать, собирается он поступить в институт, но не знает, в какой лучше, «может быть, вы посоветуете?». Ну я, конечно, развесил уши и начал с пылом убеждать, что тут никакого сомнения и быть не может — МВТУ, и только МВТУ! А он поддакивал и соглашался. Потом я, конечно, понял, что к чему, но его наивное лукавство осталось в памяти чем-то симпатичным (75).

Смиренье, как известно,
Лишь лестница для юных честолюбий (64).

Интересно представить, что будет с каждым из них, если он станет первым? Какие качества в каждом усилятся прежде всего?..

Юрка, мне кажется, останется самим собой, может быть, прибавится в нем «начальника» (14).

ПОЛОЖЕНИЕ о космонавтах Союза ССР за 1960 г.

Должностные оклады выплачиваются космонавтам в следующем размере (в месяц): слушатель-космонавт 3000 рублей, космонавт — 3500 рублей, инструктор-космонавт — 4000 рублей, старший инструктор-космонавт — 4500 рублей (62).

1 декабря 1960 года на орбиту вышел корабль с Пчелкой и Мушкой. Программа полета была выполнена полностью. Однако при спуске тормозная двигательная установка вышла из-под контроля. Корабль пошел по нерасчетной траектории, а потому была выдана команда на подрыв спускаемого аппарата (44).

Евгений Карпов, руководитель Центра подготовки космонавтов:

Случилось непредвиденное: снижаясь по очень крутой траектории, при входе в плотные слои атмосферы аппарат прекратил свое существование. Это прискорбное известие всех нас очень огорчило, потому что сгоревший спутник был из серии запусков на ту самую космическую орбиту, которая подготавливалась для полета человека (63).

Том Вулф «Нужная вещь»:

...в пустынях Нью-Мексико, примерно в восьмидесяти милях к северу от Эль-Пасо и мексиканской границы, на военно-воздушной базе Холлоумэн, являвшейся частью ракетного комплекса «Белые пески», НАСА была организована колония шимпанзе для проекта «Меркурий». Этот факт не скрывали, но о нем мало кто знал (40).

Команда Байконура читала и обсуждала американские методы, сравнивая их со своими. Одна вещь озадачила их — впрочем, это была не столько озабоченность, сколько удивление: почему американские медики предпочли шимпанзе собакам в качестве дублеров людей? Общее мнение: «Они лучше выглядят на фотографиях». И Гагарин снова расхохотался (65).

С первых же дней пребывания в отряде мы внимательно следили за подготовкой американских астронавтов. Мы заочно знали каждого из семи отважных парней, отобранных для полетов на космических кораблях «Меркурий» (78).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Именно Джон Glenn сразу понял: проект «Меркурий» — это что-то вроде нового рода войск, несмотря на его гражданскую окраску. Было бы значительно проще, если бы люди из НАСА присвоили всем формальные звания. Тогда бы такие, как

Уэбб, наконец поняли, где их место. У семерых астронавтов могло быть звание Генерала поединка — с почестями и привилегиями «пятизвездочного» генерала, но без обязанностей по части командования. А его самого, считал Гленн, после первого орбитального полета стоило бы повысить в звании до Генерала галактического поединка, что немного выше начальника штаба Вооруженных сил и чуть ниже главнокомандующего (40).

Первого космонавта в мире интересовало, что делается в США. Зная английский язык, Юрий Алексеевич регулярно просматривал американскую прессу, интересовался биографиями американских исследователей космоса, был в курсе всего, что делалось там в этой области (81).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Поединок был обычным делом во всем мире в дохристианскую эпоху, а в некоторых местах сохранился и в Средневековье. Самый сильный солдат одной армии сражался с самым сильным солдатом другой, и это заменяло битву между целыми армиями. В некоторых случаях в поединке сходились небольшие отряды воинов.

Астронавт, воин поединка, теперь имел гораздо большее политическое значение, чем любой другой вид пилотов за всю историю... (40).

22 декабря — новый запуск. Авария случилась на 425-й секунде полета. Спускаемый аппарат отделился от ракеты. Он приземлился в сибирской тайге. Собаки Комета и Шутка остались живы, так как не сработала катапульта, и они приземлились в аппарате, а не на парашюте. Там они и дождались спасателей (44).

Помню, на одном из праздничных вечеров в клубе он <Гагарин> отобрал у товарища, продававшего лотерейные билеты, всю пачку билетов и выигрывал всё подряд.

— Сто сорок пятый! Кто сто сорок пятый? Детская прыспка!

— Давай сюда! — весело кричал Юрий, протягивал билет и складывал Вале пятнадцатый по счету выигрыш: — Пригодится!

— Восемьдесят седьмой! Губная помада. Помада? Ни у кого?!

— Гагарин! — кричала праздничная толпа.

И Юрий, под общий хохот, снова протягивал билет. Его Валя — она от души смеялась вместе со всеми, едва удерживала в обеих руках выигрыши, а муж все выигрывал и выигрывал.

— Двести двадцатый! Кто двести двадцатый, шампанское!

— Э-э... Это вещь. Мы сейчас пустим по кругу! — говорит Юрий.

И бутылка шампанского пошла по кругу... (47).

Николай Каманин:

Все шестеро космонавтов — отличные парни. О Гагарине, Титове и Нелюбове сказать нечего — они не имеют отклонений от эталона космонавта (9).

К 1 января 1960 года первая шестерка была подготовлена к полету в космос весьма неплохо, разве что Москву и своих близких редко видели, дети росли (у кого они были) на глазах у матерей, отцы их практически не видели. Психологи, работающие с космонавтами, были убеждены, что человек не выдержит негативного воздействия агрессивных факторов космоса в виде радиации, невесомости, огромного разброса температур в большом диапазоне — от температуры плюс 120—130 до минус 130—150 по Цельсию в открытом космосе. Причем в первую очередь космонавт должен был, по их мнению, сойти с ума, хотя бы потому, что бездонный космос не имел ориентиров — глазу было не за что зацепиться (12).

Том Вулф «Нужная вещь»:

30 января, накануне полета, был сделан окончательный отбор. В это же время по первоначальному плану должны были выбрать и первого астронавта (40).

Николай Каманин:

Все последнее время и сейчас, когда я пишу эти строки, меня неотступно преследует одна и та же мысль — кого послать в первый полет, Гагарина или Титова? И тот и другой — отличные кандидаты, но в последние дни я все больше слышу высказываний в пользу Титова, и у меня самого возрастает вера в него. Титов все упражнения и тренировки выполняет более четко, отточено и никогда не говорит лишних слов. А вот Гагарин высказывал сомнение в необходимости автоматического раскрытия запасного парашюта, во время об-

лета района посадки, наблюдая оголенную, обледенелую землю, он со вздохом сказал: «Да, здесь можно крепко приложиться». Во время одной из бесед с космонавтами, когда я рекомендовал им пройти катапультирование с самолета, Гагарин отнесся к этому предложению довольно неохотно. Титов обладает более сильным характером. Единственное, что меня удерживает от решения в пользу Титова, — это необходимость иметь более сильного космонавта на суточный полет. Второй полет на шестнадцать витков будет бесспорно труднее первого одновиткового полета. Но новый полет и имя первого космонавта человечество не забудет никогда, а второй и последующие забудутся так же легко, как забываются очередные рекорды.

Итак, кто же — Гагарин или Титов? У меня есть еще несколько дней, чтобы окончательно решить этот вопрос. Трудно решать, кого посылать на верную смерть, и столь же трудно решить, кого из двух-трех достойных сделать мировой известностью и навеки сохранить его имя в истории человечества (9).

Том Вулф «Нужная вещь»:

На роль шимпанзе-астронавта был выбран самец, а в качестве дублера — самка. Этого самца военно-воздушные силы купили в Камеруне, в Западной Африке, восемнадцать месяцев назад — тогда ему было примерно два года. Все это время каждое животное имело свой номер. Этот самец был объектом испытаний номер шестьдесят один. Но в день полета прессе объявили, что его зовут Хэм. Это слово было сокращением от Holloman Aerospace Medical Center* (40).

Mary Roach «Packing for Mars»:

Диспенсер, из которого по мере надобности выкатываются банановые шарики, убрали перед тем, как Шепард и Glenn взошли на борт корабля, но отпечаток от него остался. Как отчеканил однажды летучий жокей Чак Игер — у которого «нужной вещи» было побольше, чем у кого-либо еще: «Не хотел бы я убирать с сиденья обезьянье дерьмо перед тем, как усесться в капсулу» (74).

31 января 1961 года в США на баллистическую траекторию высотой 250 километров и дальностью 675 километров выводится пилотируемая капсула с обезьяной Хэмом. Ее обнару-

* Центр космической медицины Холлоумэн.

жат через четыре часа в Атлантическом океане после приведения. Сергей Королев, узнав эту важнейшую новость из Кремля, с досадой выговаривает своему верному соратнику Сергею Охапкину:

— И слепому видно, что запуски маргышек американцами — это не самоцель! У них там уже человек 15 астронавтов готовы лететь хоть сегодня! Но если они свою обезьяну Хэма, слетавшую вчера, запустят в настоящий космос раньше нашего космонавта — я этого позора не переживу! (59).

Николай Каманин:

20 марта.

Все время меня преследует мысль, что мы действуем медленно и растопыренными пальцами. На каждый наш спутник США запускают три-четыре своих спутника; сейчас в космосе летает более 15 американских спутников, причем их спутники в четыре-пять раз легче наших. Они запустили 22 спутника «Дискаверер» для отработки разведывательной аппаратуры, а запуск спутника «Эхо-1» (надувной шар диаметром 30 метров) является отличным экспериментом по усовершенствованию средств связи. Американцы непрерывным потоком получают обширную информацию из космоса и настойчиво совершенствуют аппаратуру для своих будущих космических кораблей. Нам необходимо признать, что американцы, отставая от нас в весе спутников и в мощности ракетных двигателей, в то же время опережают нас по средствам связи, телеметрии и электронике. Мы потеряли связь с АМС, летящей к Венере, на удалении в два миллиона километров, а американцы уже имеют опыт связи на расстоянии 37 миллионов километров (9).

Mary Roach «Packing for Mars»:

Директор стартовой площадки ракеты «Меркурий» Гюнтер Вендт однажды сделал выговор <Алану> Шепарду, пригрозив, что заменит его одним из тех парней, которые работают за бананы. Шепард, как гласит история, запустил ему в голову пельницей (74).

Николай Каманин:

Во время нашего разговора я спросил его: «Правда ли, что в феврале этого года ты по карнизу пятого этажа перебирался из своей квартиры в квартиру Титова?» — «Николай Петрович, так ведь это было давно, там и опасности-то никакой не было», — ответил Юрий (9).

Я читал его письмо к матери от 13 февраля 1961 года. Он переживает за Валю, которой скоро рожать, просит привезти кое-что по хозяйству и две подушки, а то им с Валею не на чем спать, а главное, скорее самой приехать, — возможно, впереди у него будут такие дела, что свидеться больше не придется... (76).

Сценарий игрового фильма «Гагарин — первый человек в космосе»:

Сцена 63. Героя часто не понимают даже самые близкие люди.

Дом родителей Юрия.

Отец: «Сынок, давай выпьем за твой приезд».

Юрий качает головой, отодвигая стопку.

Юрий: «Мне нельзя, папа, я тренируюсь».

Отец: «Ты можешь хоть на секунду об этом забыть?! Что для тебя более важно — эти тренировки или чувства твоего отца?»

Юрий сдаётся и делает небольшой глоток.

Отец: «Ну давай, Юра, скажи нам наконец, для чего они там тебя готовят».

Юрий: «Папа, я не имею права. Это государственная тайна».

Отец (теряя терпение): «Пф!.. Подумаешь, какой он стал таинственный! С каких это пор в нашей семье появились тайны друг от друга?!»

Юрий: «Я могу только сказать, что это связано с полетами».

Брат Борис: «Тебя пошлют бомбить Вашингтон?» (5).

Я спрашивал у его брата Бориса, знал ли кто из родственников, что Юра полетит в космос.

— Никто не знал. А я знал!

— Откуда?

— Он прислал матери письмо, просил приехать к нему. Мы были у него в марте 1961 года. Приехали в Москву в «Детский мир» купить костюм моей дочке. Вышли из магазина, у тротуара стоит черная «Волга». Я спрашиваю: «Юра, а у тебя скоро такая будет?» — «Скоро», — сказал он и посмотрел на небо. «А денег где возьмешь?» — спрашиваю. «Тут одно дело предстоит, — отвечает он, — если все удачно обойдется, отломится мне на “москвича”, будем на рыбалку ездить!» (76).

ПОЛОЖЕНИЕ о космонавтах Союза ССР за 1960 г.

За каждый выполненный полет в космическое пространство на ракетном летательном аппарате космонавтам выплачива-

ется единовременное денежное вознаграждение в размере от 50 до 150 тысяч рублей. Конкретная сумма вознаграждения за каждый совершенный полет устанавливается решением Совета Министров СССР по представлению Межведомственного научно-технического совета по космическим исследованиям при Академии наук СССР и Министерства обороны (62).

Вопрос: Много ли вы зарабатываете? Стоит ли быть космонавтом?

Ответ <Гагарин>: Если ради денег, то настоятельно советую: не стоит (21).

7 марта.

Родилась вторая дочь Гагарина — Галина (41).

— После того как появилась вторая дочка, Юра сказал жене: «Будем... до победного». Валя тогда огрызнулась: «Еще чего захотел». И больше рожать не стала, — рассказывает Зоя Алексеевна (73).

А тут однокурсник Саша Шикин орет: «Ты, Юрка, бракодел! У меня два сына, у тебя — девчонки...» — «А мы на этом не остановились», — парирует Юрий Алексеевич (71).

Вчера у Юры родилась дочь, вторая дочь! Назовут ее, кажется, Олей. Юрка молодец — он всем говорил, что хочет девчонку, что девчонки лучше — на Валю это хорошо действовало. Она, бедная, наверное, переживает. Ребята над Юркой подшучивают... Я увидела его утром, он такой веселый, как всегда, улыбка до ушей, меня поздравляет, а о своем молчит... От Владимира Васильевича только и узнала. Скорее побежала его поздравлять, а он уже — в больницу к Вале. Надо ее навестить, встретить из роддома — это уж обязательно. Числа 14-го это будет. Интересно, какой день был вчера у Юрки на работе? (14).

Виктор Горбатко:

В тот день, 9 марта 1961 года, он ходил по квартирам с дипломатом, получал поздравления и наливал всем нам по рюмке

водки. Сам Юрий не пил, поскольку в ближайшем будущем должен был отправиться на Байконур (72).

9 марта, когда у Гагариных собрались друзья, чтобы отметить 27-летие Юры, Сергей Павлович преподносит ему поистине «королевский» подарок: новый корабль уходит на орбиту с собакой Чернушкой и антропометрическим манекеном, в груди, животе и ногах которого были закреплены клетки с крысами, мышами, препараты с культурой тканей и микроорганизмов (10).

Всем известно, что Юрий Алексеевич с малых лет любил животных, птиц и все живое на Земле. Я был свидетелем, когда Юрий Алексеевич был страшно огорчен и недоволен работой медиков. Врач-хирург Гелиос Лукич Ярошенко решил сделать хирургическую операцию на кролике с целью определения возможности проведения хирургического вмешательства в условиях невесомости. Были подготовлены плексигласовый контейнер, специальные хирургические инструменты и кролик. Юрий Алексеевич зашел в медицинскую комнату, все это увидел и рассердился. Потом он попросил, чтобы в те дни, когда тренируются космонавты, никаких экспериментов с животными не проводилось, так как многие космонавты не переносят вида крови, что может снизить переносимость невесомости (7).

Американцы в газетах называли этот спутник «новым ковчегом». Полет прошел без замечаний, корабль благополучно приземлился через 115 минут (10).

Чернушка, мыши и морские свинки перенесли полет великолепно (9).

Евгений Карпов:

В марте ведь сгорели собачки. Гагарин мне говорит — давайте поедem к Сергею Палычу — говорят, у него настроение — успокоим его. Поехали к нему в Подлипки. Гагарин ему — ну что собачки — вот были б мы, включили бы ТДУ, сориентировались бы (63).

Николай Каманин

16 марта.

На отдых разместились в санатории Приволжского военного округа ВВС на берегу Волги, играли в пинг-понг, шахматы и бильярд. Космонавты, я, Яздовский и Карпов спали в одной большой комнате. Космонавты чувствуют себя хорошо, бодры, веселы и как всегда очень жизнерадостны. Юрий Гагарин — первый кандидат на полет — почему-то бледнее и молчаливее других. Его не совсем обычное состояние, по-видимому, можно объяснить тем, что 7 марта у него родилась вторая дочь, и только вчера он привез жену домой из больницы. Наверное, прощание с семьей было нелегким, и это тяготит его <...>

23 марта.

Вечером получили неприятное сообщение из Москвы: погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В. В. Бондаренко. Нелепая первая жертва среди космонавтов. Он погиб от пожара в барокамере на десятые сутки 15-суточного эксперимента, проводившегося в Институте авиационной и космической медицины (9).

...Валентин Васильевич Бондаренко. В то время отрабатывался американский вариант чисто кислородной среды в корабле, и нелепая случайность привела к трагедии: ватка, смоченная в спирте, попала на включенную в сеть электроплитку, вспыхнула и... пока открывали двойную дверь шлюза, человек обгорел (46).

... друг Валя с веселым прозвищем «Звоночек» (69).

...он каждое утро сбегал по лестнице, стучал во все квартиры и звал всех на утреннюю зарядку (70).

...за 20 дней до полета Гагарина (69).

...Вернемся к барокамере. На ее стене, ближе к окну, шит, на котором четыре вентиля — четыре светлых металлических колеса диаметром сантиметров двадцать. На одном из них повешена бумажка с надписью «Вентиля не трогать». <...> И еще одно объявление: «Не курить!» Петр Иванович здесь блюститель техники безопасности. Он прав, потому что стоит только

повернуть один из вентилях, как в камере не останется воздуха — он весь уйдет в ту цистерну, которая стоит с левой стороны. И испытатель может погибнуть. Был уже здесь один несчастный случай, правда, не с испытателем, а с двумя механиками, которые работали в камере, а в это время включили емкость, то есть ту самую цистерну. Дверь сразу присосало, они как ни пытались ее открыть — ничего не вышло. Рядом никого не было, они кричали, но никто не пришел. Выбили стекла, но воздух отсасывался быстрее, чем входил через маленькие оконца. Так и погибли те двое... (14).

Американский радиокomentатор Франк Эдвард решил переплюнуть Пирсона. В эфир были переданы имена «пяти несчастных жертв космоса». «Русские» имена выглядели так: Терентий (!) Щиборин, Петр Долгов, Вассикевич (!) Заводский, Геннадий Кихайлов (!) и Алекс (!) Белоконов. Оказывается даже, что «двое из них должны были лететь к Луне» (67).

Пресс-конференция Юрия Гагарина в ООН 16 октября 1963 года:

— Подполковник Гагарин, были ли человеческие жертвы в СССР при осуществлении программы космических полетов?

— По этому поводу существует много разговоров и, я бы сказал, клеветы. И наша газета, в частности «Известия», подробно отвечала на эти вопросы. Я вам могу заявить со всей ответственностью, что у нас — в течение вот, в процессе всего исследования космического пространства — при полетах и подготовке к ним — никаких человеческих жертв не было (68).

Виктор Пелевин «Омон-Ра»:

Между тем наш небольшой отряд, как бы не заметивший потери бойца, уже допевал свое «Яблочко». Прямо об этом никто не говорил, но ясно было: скоро лететь (66).

Глава восьмая

ГАГАРИН И «КАРДИБАЛЕТ»

Услышав 12 апреля 1961 года по радио сообщение диктора Левитана о запуске советского космического корабля с человеком на борту, Аркадий Штерн, бывший летчик-испытатель, чья профессиональная карьера была прервана после того, как его арестовали и на полтора десятка лет бросили в сталинские лагеря, испытал нечто среднее между «бешенством и отчаянием. Однажды узаконенная ложь разрослась, перешагнула все видимые и невидимые барьеры и стала претендовать на звание правды».

Дело в том, что в 1930-е годы он был участником отряда, занимавшегося исследованиями стратосферы на аэростатах; и во время рекордного подъема их группа обнаружила, что небо — твердое: вместо космоса там — обледеневший купол. Всё как в Библии: действительно, небесная твердь, действительно, ангелы, действительно, звезды-светильники. «Минтеев со Штерном сами увидели гигантские многокилометровые сосульки льда, свисающие с радужного небесного свода, туннель, по которому двигалось, шевеля длинными извилистыми щупальцами протуберанцев, Солнце, странных крылатых существ, очищающих небесный свод от наледи, а однажды, когда Штерн, Минтеев и Урядченко поднялись на рекордную высоту, хрустящая чистота дня позволила им наблюдать фантастическую и чудовищную картину — гигантские плоские хвосты Левиафанов, на которых в первичном Праокеане покоился диск Земли». Затем результаты засекретили, летчиков пересажали, но Штерн выжил — и умудрился сохранить доказательство того, что он не сумасшедший и в самом деле знает правду: в спичечном коробке он держит частицу светящегося вещества, доставленного оттуда, куда до него никто не поднимался. Гагарин полетел в космос — аллилуйя? «Аркадию Наумовичу было искренне жаль обаятельного молодого человека, смотревшего сейчас на читателей с газетных полос всего мира. Ясное дело, что свою новую роль этот молодой человек

играл не для собственного удовольствия и не по своей прихоти. Это был приказ партии, а приказы партии всегда выполняются, даже если для их осуществления надо положить жизнь».

События 12 апреля вызвали не только цунами ликования, но и множество конспирологических «подлинных версий происшедшего». Интернет ломится от «фактов» на тему «Гагарин не летал в космос» — однако ни одно из сообщений такого рода и близко не подошло по степени художественной убедительности к невероятно дерзкой повести малоизвестного писателя-фантаста, нашего современника Сергея Синякина «Монах на краю земли». Так что если вы в самом деле верите в то, что 12 апреля есть не что иное, как «космический блеф Советов», то имеет смысл поверить и в небесную твердь, и в «диск Земли», и в ангелов со светильниками; потому что прислушиваться к тем, кто выстраивает «разоблачения» на «неопровержимых фактах» (в «Советской России» написали, что у Гагарина был синий скафандр, а сам Гагарин в мемуарах говорит, что оранжевый; а на пресс-конференции он заявил, что никаких проблем с невесомостью не испытывал — ну ясно ведь, что врет), означает обкрадывать себя самого: променять ГАГАРИНА на какого-то венгерского журналиста (109); не слишком ли дешево?

Есть две крайности. Советская пропаганда преподносила полет Гагарина как образцово-показательный, полностью соответствовавший заданию и расчетной траектории; момент идеального синтеза Человека и Машины, природного интеллекта и искусственного автомата. Антисоветская, и до 12 апреля позволявшая себе злобные пророчества в духе «ага, полетите вы, с крыши на чердак!», имела наглость утверждать, что Гагарин вообще не летал. Истина находится не «где-то посередине», а гораздо ближе к официальной советской версии — хотя и не полностью совпадает с ней.

Запуск 12 апреля был на самом деле третьим в серии удачных запусков. Эта серия, целиком посвященная испытаниям возможности пилотируемого полета, началась 9 марта 1961 года, продолжилась 25 марта — и триумфально увенчалась 12 апреля. Только в первые два раза летал манекен, а на третий — живой человек, чье имя вы знаете.

Полет неплохо документирован; факт его осуществления подтверждается несчетным количеством разномастных — и гораздо более надежных, чем журналистский околокосмический гнус — свидетелей. Если что и непонятно — то события,

предшествовавшие полету, точнее — что все-таки происходило в первые пять дней апреля 1961-го, когда Гагарин вдруг пропадает с радаров. Известно лишь, что 5-го, накануне отлета в Казахстан, он (якобы) побывал на Красной площади; не слишком много. Тянул ли он в каком-нибудь московском ресторане лимонад? или вскакивал по ночам укачивать ребенка? или убивал дни у бильярдного стола? И как именно он проводил следующую неделю, в Тюра-Таме, готовясь к полету? Почему об этом никто не распространяется? Слонялся ли он эту неделю вокруг ракеты, как жених вокруг церкви? О чем они разговаривали в эти дни с Титовым?

Так или иначе, нам кажется, что несмотря на множество лакун, если внимательно читать приведенные ниже документы и сопоставлять свидетельства, в целом можно составить мнение о том, что там происходило на самом деле.

Так что же?

Основные обстоятельства полета общеизвестны; у всякого советского человека была в голове каноническая версия — «Поехали!», «Какая же она красивая!» и т. д. — однако со временем даже эти детали изглаживаются из коллективной памяти. Сейчас обывательское представление о событиях, происходивших 12 апреля 1961 года, можно суммировать примерно следующим образом: ну, слетал, ну, вернулся. Курьез в том, что отчеканил эту формулу не кто иной, как сам Гагарин, произнесший ровно эту фразу — «Думал, ну, летаю, ну, вернусь; а чтобы вот так...» — вечером 14 апреля после торжественного приема в Кремле.

Чтобы понять, что на самом деле произошло 12 апреля 1961 года, попробуем смоделировать — как обстояли бы дела, если бы полет закончился катастрофой, причем не сразу же, а уже после того, как о нем раструбили по всему свету. Во-первых, диктор Левитан, который, как известно, к вечеру этого дня охрип — новостей вдруг стало столько, что пора было изобретать вакцину — сохранил бы свои голосовые связки в целости и сохранности: в какой-то момент сообщения о том, над каким континентом пролетает сейчас майор Гагарин, прекратились бы. Одновременно изменилась бы и тональность эфирной музыки — в жесткую ротацию вместо бравурных маршей попал бы моцартовский «Реквием».

Был бы объявлен траур? Вряд ли; однако неудачи такого рода не проходят для массового сознания бесследно. Массовый порыв энтузиазма сменился бы коллективной депрессией. Полеты в космос «с человеком на борту», конечно, не были бы

прекращены — но, несомненно, заморожены по крайней мере на месяц: еще не хватало сразу после Гагарина угробить Титова. Первым полетел бы в космос американец Шепард — да, всё по той же баллистической траектории, не «облетел», а «побывал», но американские СМИ объявили бы этот «прыжок» величайшим достижением человечества — и именно Шепарда встречали бы ревом вувузел на всех континентах.

Инициатива в космосе, которую СССР удерживал начиная с 1957 года, с запуска спутника, была бы перехвачена американцами. В распоряжении СССР не оказалось бы колоссального кредитного плеча — за счет которого ему удалось успешно и безнаказанно выстроить Берлинскую стену и помогать кубинской революции. Кеннеди не нуждался бы в реванше — и не стал бы просить у конгресса деньги на лунную программу — и потратил бы их, например, на декоммунизацию Кубы (мало кто знает, что один из двух наших кораблей, доставлявших в октябре 1962 года на Кубу оборудование для ядерных ракет, назывался «Юрий Гагарин». Тогда «Гагарин» развернулся в 500 милях перед линией американского блокадного карантина. Как бы повело себя это судно в альтернативном 1962-м — и не началась бы с гибели этого «Гагарина» третья мировая война? Большой вопрос). Никакой высадки на Луну в 1969 году не было бы. Имя «Гагарин» стало бы синонимом чрезвычайно обидного неудачного стечения обстоятельств; смелый парень, но родившийся чересчур рано — техника пока еще не доросла. Население СССР лишилось бы второй по значимости за все 70 лет существования СССР победы, колоссального антидепрессанта, позволяющего преодолевать житейские трудности, — 12 апреля.

Словом, это важный день; к тому, как он складывался, следует отнестись внимательно.

Как почти и везде, мы, конечно, никогда уже не узнаем окончательной правды. Даже не о том, был ли спуск с пресловутым «кардибалетом» — когда он в течение десяти минут в спускаемом аппарате ощущал примерно то же самое, что белье в стиральной машине, работающей в режиме «отжим», — аварийным или плановым. Интересны ведь не только сбои техники, но и «психология»: когда он входил в ракету, о чем он думал? О вечности? О коммунизме (влепил ведь про коммунизм в частном предполетном письме жене, когда писал о детях, — «вырасти людей достойных нового общества — коммунизма», никто его за язык не тянул)? О том, что случится с дочерьми, если он не вернется? О том, что уже завтра сможет купить себе «Волгу»? О том, как будет развлекаться на двенадцатый, например, день полета — если тормозная установка не

сработает, за атмосферу корабль так и не зацепится, а запас еды, воды и кислорода — закончится? Или он был такой человек, что ни о чем особенном даже и не задумывался: приказали — надо выполнять: «как учили»? Или же просто, как гоголевский Селифан, долго почесывал у себя рукою в затылке? «Бог весть, не угадаешь. Многое разное значит у русского народа почесыванье в затылке». Скорее всего, ему просто было ужасно страшно. Представьте себе, что вас через полтора часа временно аннигилируют, чтобы переправить в будущее на машине времени. Да, с собачками такое уже делали, и вроде вернулись они такими же, как были — вроде; но ведь у них не спросишь. А вот маршал Неделин решил посидеть на табуретке *недалеко* от ракеты, точно такой же, — и что с ним произошло? Гагарин должен был улечься *внутри* ракеты.

В мультфильме «Белка и Стрелка» (где Гагарина нет — но, говорят, был: Белка и Стрелка встречают коллегу на Внуковском аэродроме и — снизу, со своего уровня — видят, как по дороге у него развязывается шнурок; затем эту сцену якобы вырезали по цензурным соображениям, чтобы не очернять светлую память о Юрии Алексеевиче), оказавшись в космосе, «звездные собаки» сначала встречают первый, запущенный за три года до них спутник (и меняют в нем батарейку, как в карманном фонарике: очень трогательно, на нем тут же начинает пульсировать красная пятиконечная звезда), а затем, после ряда необдуманных действий Стрелки, тушат пожар на борту, попадають в пояс астероидов и обнаруживают в дальнем отсеке таинственного незнакомца. Сценаристов можно понять — полет оказывался кульминацией истории об отважных существах, и просто показать то, что было на самом деле — лежат себе привязанные к креслицам подопытные животные, которых подташнивает от ужаса, — значило напрочь убить всякий драматизм. Собственно, встреча со спутником или (вариация) с кораблем Лайки — общее место всех наивно-лубочных историй про космическое путешествие выдуманных персонажей. Корабль с Лайкой встречают герои польского мультипликационного сериала «Лёлек и Болек». На спутник натывается персонаж шведского писателя Свена Нурдквиста кот («котонавт») Финдус. Детям нравится, что они обнаруживают в космосе не просто бесконечную пустоту, а нечто такое, о чем уже слышали — например, ранее запущенные аппараты.

Было ли что-то подобное у Гагарина? Не повезло ли ему — как Лёлеку, Болеку и Финдусу — наткнуться на первый королевский спутник? Конечно, нет. На самом деле, на не слишком высоких орбитах аппарат не летает в космосе вечно, а в какой-то момент цепляется за земную атмосферу, притор-

маживает, опускается еще ниже — пока, наконец, притянутый земной гравитацией, не обрушивается на землю (сгорая, опять же, в атмосфере, если у него нет защитной термооболочки).

Таким образом, он не встретил там никого и ничего; потому что полетел туда, где не было никого и ничего; в никуда.

Произошло ли с ним — там — нечто драматическое?

Вплоть до самого спуска — нет; ну, упустил карандаш, ну, пленка в магнитофоне кончилась, перемотал не до конца, подумай; но каждую секунду *могло* произойти такое, что хватило бы на три сценария. Оставим сейчас на минуту в покое основную тему (знаете-каким-он-парнем-был) и подумаем про другое: знаете-что-этому-парню-там-грозило?

Мы даже не станем рассматривать пресловутый «кирпич на голову» (притом что в космосе никакого кирпича не надо — в корабль, летящий на скорости 28 тысяч км/час, врежется однограммовый метеорит — который тоже не просто болтается посреди нигде, а движется, например, еще быстрее, происходит микровзрыв — и возникает дыра метр в диаметре; это если однограммовый; и в этом сценарии нет ничего слишком невероятного).

Ну вот, например, пожар на борту. Многим это предположение покажется нелепостью (ну с какой стати вдруг пожар: что он, с сигаретой в руке там, что ли, заснет?), однако тут надо понимать, что никто ведь не знал, как именно поведут себя электроприборы в невесомости, не начнут ли искрить — а учитывая размеры помещения и возможную закислороженность среды — это означало взрыв и, по сути, переход тела в молекулярное состояние.

Могла произойти разгерметизация корабля. Могла не произойти — но сработал бы датчик и автоматически начал бы менять условия среды — и тоже все пошло бы кувырком. Разумеется, и в открытом космосе человек может находиться, вон Леонов же ничего, выходил. Ну так у Леонова был специальный скафандр, защищающий тело от всевозможных негативных факторов среды. Кстати, что там были за метеоусловия? Бывает лучше: на солнечной стороне плюс 150, в тени минус 140; как-то так.

Еще он мог погибнуть при прописанной ему по протоколу попытке произвести прием пищи — опять же, никто не знал, сработают ли глотательные рефлексy, будет ли пища проходить по пищеводу и т. д. Да просто мог подавиться хлебным шариком — мало ли, с непривычки, в невесомости; а если бы Гагарина стошнило внутри гермошлема? Это тоже может показаться нелепостью — что значит «стошнило», с какой стати? Однако в невесомости — тошнит, просто у человека с натре-

нированным вестибулярным аппаратом это начинается не сразу, и Гагарину (в этом смысле) повезло, что его полет был не слишком продолжительным. А Титова — тошнило. Терешкову — тоже. И так далее. Захлебнуться рвотой внутри шлема — дело тридцати секунд; отсылаем читателя к книге Мэри Роуч «Packing for Mars»(3), где такого рода перспективы описаны с подобающей серьезностью.

И если бы он приземлился не так, как на самом деле — не совсем там, а *совсем не там*? Плюхнулся бы в трудноснимаемом скафандре, с необрезанными стропами, еле-еле избежав гибели от удушения, потеряв по дороге лодку из аварийного запаса, куда-нибудь в холодную воду, в шторм, около мыса Горн? Теоретически, скафандр с теплоизоляцией должен был поддерживать нормальную температуру в течение суток — но если бы за сутки его не нашли? А если бы приземлился где-нибудь на границе Конго и Уганды, как барон Мюнхгаузен, между львом и крокодилем? Смех смехом — а вот что бы тогда было?

А психотравма от соприкосновения с бесконечностью? Ведь правда: впервые за всю историю человек вошел в бессмысленное, неупорядоченное, бесконечное пространство — и какое же страшное одиночество он должен был там чувствовать; какую чудовищную «заброшенность». А сумасшествие? Ведь даже в состоянии искусственно спровоцированной невесомости, всего-то секунд на сорок, люди вели себя не вполне адекватно — а смогут ли функционировать в нормальном режиме нейроны мозга через 40 МИНУТ невесомости? Непонятно; у собак-то про это не спросить.

Вопрос в том, был ли это триумфальный, экстатический, опьяняющий полет — условно говоря, под Первый концерт Чайковского или «Полет валькирии», — или мрачный, гротескный, сводящийся к переживанию зомбированным старшим лейтенантом ограниченности своих возможностей, как в повести «Омон-Ра»? Какой он там был? Скрючившееся в три погибели существо, переживающее свою абсолютную незащищенность, — или распрямившийся, наконец, во весь рост Человек, наслаждающийся абсолютной свободой, ощущением рухнувших границ, наполненный гордостью за страну, народ, себя, — едва удерживающийся от того, чтобы прямо там, в корабле, не запеть «Родина слышит, родина знает, где в облаках ее сын пролетает...» — как он запел при спуске, если верить его каноническому отчету?

Кстати — что он там, собственно, видел? Видел звезды — в космосе черное, вроде фона на лакированном палехском подносе, небо. Не видел Луну, не попадалась ему. Видел Землю — впоследствии у Гагарина появилась манера фамильярно

называть ее «шариком» («облетел вокруг шарика»); но не так чтоб размером с апельсин или даже глобус; нет, с 300 километров она все равно широкоформатная плоская громадина — хотя и видно, что по бокам закругляющаяся. Ведь Земля и с Луны-то кажется огромной — а оттуда до Земли 380 тысяч километров, тогда как Гагарин наблюдал Землю примерно с 300.

Примерно с 300 — или все-таки можно презрительно махнуть рукой: «всего с трехсот»?

Странно, конечно, — и промыслительно — что именно советский и русский человек первым оказался в космосе. Можно сколько угодно говорить об «элементарном везении», о том, что русские просто оказались в нужном месте в нужное время, но очевидно, что это не было тривиальным совпадением. Кибальчич разработал проект летательного аппарата на реактивной тяге, Циолковский придумал строить ступенчатые ракеты и объяснил смысл этих дорогостоящих мероприятий, Королев построил и смог взять на себя ответственность за риск; да, на месте Гагарина мог быть любой, но он их продукт. Что это значит? Что, по-видимому, космос русского/советского человека — космос в широком смысле, космос как мир идей и явлений — все-таки как-то соответствовал Космосу тому, большому.

* * *

Королев расцвел, заулыбался и уверенно сказал: «Теперь запустим деревянного человека, нашего Буратино, и все будет в порядке» (1).

24 марта <1961>. Решили, что пуск корабля «Восток-3А» с манекеном проведем 25 марта в 8:54 по московскому времени. В 13:00 ракету вывезли на старт. При вывозе и установке ракеты на старте присутствовали космонавты. В 18:00 Гагарин и Титов надели скафандры и в специальном автобусе отправились на старт. Здесь они провели тренировку по подъему на лифте к люку космического корабля. Космонавты в скафандрах чувствуют себя уверенно и укладываются в интервалы времени, предусмотренные инструкцией (9).

Во время подготовки к запуску четвертого корабля-спутника в углу испытательной станции появилась одетая в белый халат странная неподвижная фигура человека. Это был «дере-

вянный пассажир» — «Иван Иванович», подготовленный к полету на борту космического корабля. Местные шутники надели ему на голову шлем, а в рот вставили репродуктор и в минуту, когда все устали, манекен неожиданно... запел хором! Изо рта манекена зазвучала хоровая песня (1).

Антропометрическая модель астронавта — традиция, уходящая корнями в спутниковую эру, когда Советы запускали тестовые корабли с манекенами на борту — которых они называли «Иван Иванович»; иногда также вместе с манекеном отправлялся ретранслирующий запись магнитофон — чтобы протестировать возможность передачи голоса. Сначала это была пленка с записью голоса поющего человека, — чтобы западным прослушивающим станциям ясно было, что это не шпион. Кто-то, однако ж, сообразил, что таким образом появляется почва для возникновения слухов о сошедшем с ума космонавте. Тогда запись заменили — на хоровое пение: ведь даже у самого доверчивого представителя западных спецслужб хватило бы ума понять, что вряд ли русским удалось запихнуть в корабль-спутник целый хор. Также — чтобы получить как можно больше данных о качестве звука — в репертуар был добавлен голос, зачитывающий рецепт русского супа. Астронавт-модель <американский> по имени Энос был запущен на орбиту с тестовой кассетой, на которой был записан голос, произносящий следующее: «Кэп, как слышите, это астро. Я у окна, все видно хорошо» — чем спровоцировал президента Кеннеди заявить на весь мир: «Шимпанзе стартовал в 10:08. Он доложил, что все идет прекрасно и оборудование работает исправно». Чем, несомненно, дал КГБ почву для слухов о том, что сошел с ума американский президент (3).

После пуска ракеты на Венеру 4 февраля многие на Западе считают, что мы неудачно запустили в космос человека; итальянцы даже будто бы «слышали» стоны и прерывистую русскую речь. Все это совершенно беспочвенные выдумки (9).

Пуск 25 марта прошел блестяще, собака Звездочка и очередной «Иван Иванович» с задачей справились. Космонавты наблюдали пуск со смотровой веранды первого измерительного пункта с расстояния чуть меньше одного километра. Впечатлений у них было много, особенно в начальные моменты, когда рев ракетных двигателей рвет воздух в клочья (4).

27 марта. Москва. Корабль приземлился в 45 километрах юго-восточнее Воткинска. Манекен приземлился нормально, животные чувствуют себя хорошо. Собака Звездочка перенесла полет благополучно и сегодня весь день будет «выступать» перед журналистами и корреспондентами. Идут непрерывные звонки, все хотят побыстрее заснять знаменитую «космонавтку». Между прочим, Звездочкой ее окрестил накануне полета Юрий Гагарин. Остальные космонавты его дружно поддержали, я «утвердил» их предложение, и собака Удача стала Звездочкой. Теперь у нас уже четыре собаки совершили космический полет (9).

8 апреля. Состоялось заседание Государственной комиссии. <...> Было рассмотрено и утверждено полетное задание. Суть задания: «Одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180—230 километров продолжительностью 1 час 30 минут с посадкой в заданном районе. Цель полета — проверить возможность пребывания человека в космосе на специально оборудованном корабле, проверить оборудование корабля в полете...» (5).

Николай Каманин:

10 апреля. На утренней зарядке я в паре с Гагариным играл в бадминтон против Титова и Нелюбова. Мы выиграли со счетом 16:5. Вчера вызвал Гагарина и Титова и объявил им, что по моему представлению Государственная комиссия приняла решение в первый полет отправить Гагарина, а запасным готовить Титова. Хотя для них это решение, зафиксированное еще в январе выпускной экзаменационной комиссией, не составляло секрета, тем не менее была заметна радость Гагарина и небольшая досада Титова. Я предупредил их, что завтра состоится заседание комиссии с их присутствием, где им официально объявят о принятом решении (9).

Спросил его однажды: «Юрий Алексеевич, как получилось что ты первый, а не Герман Титов?» Гагарин улыбнулся: «У нас с Германом одинаковая подготовка была, и состояние здоровья отменное, и параметры схожие. Нервы подвели товарища!» (6).

Оба космонавта были русскими. Но Гагарин из Гжатска, со Смоленщины — исконной российской земли, а Титов — с Алтая. Алтай тоже, конечно, не Никарагуа, но все же нет в

нем тех исторических корней, которые есть в Смоленщине. И почему у первого космонавта, русского человека, нерусское имя: Герман? Отец любил Пушкина и назвал сына в честь героя «Пиковой дамы»? То, что любил Пушкина, это хорошо, но ведь не станешь всем объяснять, кто такой был Герман, а если человек вообще не читал «Пиковую даму»? Юрий — лучше. Понятнее. Оба паренька деревенские. Но то, что Гагарин учился в ремесленном училище на формовщика-литейщика и закончил школу рабочей молодежи, как бы приобщало его к рабочему классу. Гагарин олицетворял союз серпа и молота. Даже то обстоятельство, что у Юры были две дочки, а маленький сынок Германа умер вскоре после рождения и детей тогда у него не было, тоже было отмечено мандатной комиссией (7).

Николай Каманин:

Пройдут века, человечество прочно обживет околосолнечное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой (9).

Симпатии и антипатии могли объясняться и темпераментом, и увлечениями, и приверженностью к какому-то виду спорта, и представлениями о разумном досуге и т. д. Были любители выпить, равно как были и такие, которые относились к этому времяпрепровождению не то чтобы с активным осуждением, но с должным равнодушием. Короче, это были очень разные, самолюбивые, горячие, полные сил и желания эти силы проявить молодые мужчины. Карпов говорил мне, что управлять этой компанией было очень трудно, а определить в ней абсолютного лидера — еще труднее. Поэтому вопрос, а почему же все-таки именно Юрий Гагарин стал космонавтом № 1, — совсем не простой вопрос (7).

Модель внешнего поведения многих космонавтов никак не раскрывала их индивидуальности и того, чем они жили. Что между ними было общего? Все они выросли в пятидесятые годы: жизнь тяжелая, скудная, благополучие воспринималось как временное и сопровождалось четким пониманием необходимости определенного алгоритма поведения — «не

чирикай». Второе сходство — осознание, что о тебе никто не позаботится, конкуренция большая, а ставки высоки. Обойти конкурента, вытолкнуть его из «гнезда», для этого могли заключаться временные союзы и объединения, особенно если один из конкурентов проявлял какую-то слабину, вроде «недержания речи», хотя бы в застолье, или еще что-нибудь в этом роде (8).

Анализируя свои беседы с его товарищами по отряду и людьми, которые готовили его к полету, я пришел к выводу, для себя неожиданному: Гагарин не являлся ярко выраженным лидером. Воынов был ведущим парашютистом, Быковский лучше других перенес испытания в сурдобарокамере, Николаев — на центрифуге, Шонин — в термокамере. Отмечались успехи Комарова в изучении техники, Варламова в точных науках. Беляев являл собой пример опытного и справедливого командира. Карташов был отличным охотником, Леонов лучше всех рисовал, Попович — пел, Варламов — играл на гитаре, Рафиков — жарил шашлыки. Что делал лучше всех Гагарин? Этот вопрос заставлял моих собеседников задуматься. Хорошо играл в баскетбол. Но и Филатьев хорошо играл в баскетбол. Отсутствие некоего главенствующего преимущества может показаться недостатком, но оно было как раз огромным достоинством Гагарина. Очень точно об этом сказал Алексей Леонов: «Он никогда и никому не бросался в глаза, но не заметить его было нельзя». Дело не в том, что он не был первым, а в том, что он никогда не был последним, а чаще всего — второй. Когда знаменитого скрипача Иегуди Менухина называли первым скрипачом мира, он возрадил:

— Ну что вы! Я не первый, я второй...

— А кто же первый?

— О! Первых много...

Да, первых всегда много. Лидерство же Гагарина определилось так, как определяется лидерство конькобежца, который может не быть первым ни на одной дистанции, а в итоге стать чемпионом мира (7).

Он — конечно, слово нехорошее — «серенький», в общем, то, что он действительно еще «серенький» был. Ну что тут сказать, это провинциальный мальчишка, в общем, хоть он летчик и так далее. Особого интеллекта-то у него не было на тот момент (10).

Ярослав Голованов:

Однако было бы неправильно представлять Гагарина как какого-то «средняка». «Средняки» в отряде были, и космонавтом № 1 они не стали. Гагарин обладал целым рядом качеств, которые по праву определили его место в «шестерке».

Я встречался с ним несколько лет, наблюдал его в разных ситуациях и считаю, что главным его достоинством был ум. Именно ум, а не образованность — эти понятия часто путают. Гагарин был от природы умным человеком. Приходилось читать о нем как об этаким рубахе-парне: что в голове, то и на языке, — искренность которого почти граничит с инфантильностью. Это неправда. Если хотите, Гагарин был совсем не так прост, как кажется. Когда надо, он скажет, а когда надо — промолчит. Однако не было случая, чтобы его молчание могло принести какой-то вред другим, поставить человека не то что под удар, а просто в невыгодное положение. Быковский сказал как-то, пусть грубовато, но точно: «Юра был себе на уме, но без подлянки». Это был высокопорядочный, честный человек, обладавший особой природной интеллигентностью, которая, кстати, не столь уж редко встречается у простых и даже вовсе не образованных людей, особенно в русских деревнях (7).

Иван Борисенко, спортивный комиссар отряда космонавтов:

Мы его ознакомили с кодексом ФАИ — Международной авиационной федерации (я тогда работал в Федерации авиационного спорта), объяснили суть нашей работы, рассказали, что требуется от него.

— А почему раньше не регистрировались космические рекорды? — заинтересовался Гагарин.

— Вы же первый, — объяснили ему.

— Наш спутник тоже был первый, — не отступал Юрий. — И лунная ракета, и фотографирование Луны...

— То были автоматы, — ответил я.

— А космический манекен «Иван Иванович»? — не унимался Гагарин.

— «Иван Иванович» тоже своего рода автомат, — заметил я. — Первым будете вы, Юрий Алексеевич.

— Всю эту документацию в Париж повезете? — спросил Юрий.

— Обязательно повезем.

— Счастливики. А я вот ни разу в Париже не бывал, — усмехнулся Гагарин и добавил: — А без меня все это утвердят? Может быть, с собой возьмете? (11).

После утверждения его командиром «Востока» Гагарин был совершенно счастлив, белозубая улыбка не сходила с его лица. Встретив его, Королев довольно хмуро спросил:

— А чему ты, собственно, улыбаешься?

— Не знаю, Сергей Павлович, — задорно ответил Гагарин, — наверное, человек я такой несерьезный...

Королев посмотрел на него строго и ничего не сказал (7).

Николай Каманин:

Полной гарантии успешного первого полета в космос не будет никогда, а некоторая доля риска оправдывается величием задачи (9).

В самом деле, теоретическая вероятность благополучного возвращения его на Землю составляла всего 60 процентов (да и то на бумаге) (12).

Дня за два до полета первого «Востока» Королев вдруг принялся, не помню уж, по какому поводу, подробно и развернуто разъяснять Гагарину, насколько предусмотрены меры безопасности для любых случаев, какие только можно себе представить в космическом полете. Гагарин в течение всего этого достаточно продолжительного монолога так активно поддакивал и так старательно добавлял аргументы, подтверждающие правоту оратора, что тот, оценив комическую сторону ситуации, вдруг на полуслове прервал свою лекцию и совсем другим, разговорным тоном сказал:

— Я хотел его подбодрить, а выходит — он меня подбадривает.

На что Гагарин философски заметил:

— Наверно, мы оба подбадриваем друг друга (13).

Письмо, написанное Юрием Гагариным 10 апреля 1961 года:

«Здравствуйте, мои милые, горячо любимые Лелечка, Леночка и Галочка! Решил вот вам написать несколько строк, чтобы поделиться с вами и разделить вместе ту радость и счастье, которые мне выпали сегодня. Сегодня правительственная комиссия решила послать меня в космос первым. Знаешь, дорогая Валюша, как я рад, хочу, чтобы и вы были рады вместе со мной. Простому человеку доверили такую большую государственную задачу — проложить первую дорогу в космос! Можно ли мечтать о большем? Ведь это история, это новая

эра. Через день я должен стартовать. Вы в это время уже будете заниматься своими делами. Очень большая задача легла на мои плечи» (14).

Взвешивание в МИКе показало, что «Восток» находится по весу почти у допустимого предела. Вес пяти беспилотных кораблей колебался от 4540 до 4700 килограммов, корабль Гагарина вместе с командиром весил 4725 килограммов. Вспомнили, что Титов немного легче Гагарина, и в связи с этим, может быть, следует запускать Титова, но Королев сказал, что менять ничего не надо, а если потребуется, можно снять некоторую контролируемую аппаратуру, которая в самом полете никакого участия не принимает (7).

Николай Каманин:

10 апреля. Я вместе с Юрой попробовал очень сытный, но не особенно вкусный обед космонавта в тубиках по 160 граммов каждый: на первое — пюре щавелевое с мясом, на второе — паштет мясной и на третье — шоколадный соус (9).

Королев: Там в укладке тубы — обед, ужин и завтрак.

Гагарин: Ясно.

Королев: Понял?

Гагарин: Понял.

Королев: Колбаса, драже там и варенье к чаю.

Гагарин: Ага.

Королев: Понял?

Гагарин: Понял.

Королев: Вот.

Гагарин: Понял.

Королев: 63 штуки, будешь толстый.

Гагарин: Хо-хо.

Королев: Сегодня прилетишь, сразу все съешь.

Гагарин: Не, главное — колбаска есть, чтобы самогон закусывать.

Все смеются.

Королев: Зараза, а ведь он записывает ведь всё, мерзавец. Хе-хе (15).

...Перед полетом в космос специалисты познакомили космонавтов с содержанием НАЗа (неприкосновенный аварийный запас). Гагарин заметил, что в нем не хватает спирта для

растирания, если космонавт приземлится туда, где холодно. Врачи серьезно задумались, но затем отказались от этой идеи Гагарина, объяснив ему, что пары спирта в кабине могут вызвать отравление организма космонавта или стать причиной пожара.

— Ну, тогда коньяк, — улыбнулся Гагарин. — Он не газит и пожар не вызывает (17).

Иван Касьян «Первые шаги в космос»:

...Мне пришлось проводить испытания приема армянского коньяка в условиях невесомости. Для этой цели был взят на самолет коньяк в маленькой подарочной бутылочке. В первой горке я успел отвинтить пробку и сделать два глотка. Во второй горке — три глотка. Все было нормально, как и на Земле — вкус сохранился, неприятных ощущений не было. Коньяк в условиях невесомости был приятен на вкус и запах. В орбитальном полете принимать его можно. Об испытаниях коньяка было доложено Ю. А. Гагарину, который ответил, что это необходимо учесть при комплектации пищевых продуктов на борт космического корабля (18).

Майор Ахмед Гассиев, встретивший Гагарина после приземления:

Небольшая деталь: кто-то украл одну вещь. У него был у сиденья <спускаемого аппарата> — коньяк армянский. Когда я посты передал начальнику ПДС — майору Сараеву, его подчиненный, сержант Александров такой, и вот он его украл. И не вернул.

— И так и не отдал?

— Нет. И он его выпил (19).

Из письма Юрия Гагарина 10 апреля 1961 года:

«Хотелось бы перед этим немного побыть с вами, поговорить с тобой. Но, увы, вы далеко. Тем не менее я всегда чувствую вас рядом с собой. В технику я верю полностью. Она подвести не должна. Но бывает ведь, что и на ровном месте человек падает и ломает себе шею. Здесь тоже может что-нибудь случиться. Но сам я пока в это не верю. Ну а если что случится, то прошу вас и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя. Ведь жизнь есть жизнь, и никто не гарантирован, что его завтра не задавит машина. Береги, пожалуйста, наших девочек, люби их, как люблю я. Вырасти из них не белоручек,

не маменьких дочек, а настоящих людей, которым ухабы жизни были бы не страшны. Вырасти людей достойных нового общества — коммунизма» (14).

James Oberg «Red star in orbit»:

...торжественный ритуал. Каждый космонавт составляет письмо, в котором он обязуется хранить верность заветам своих предшественников и сделать все, чтобы оправдать доверие, которое ему оказала родина и Коммунистическая партия. Затем он берет это письмо и относит его в тихую комнатку, где довольно долго сидит и молча медитирует. Перед тем как покинуть помещение, он оставляет письмо на столе и отдает честь пустому стулу (20).

Из письма Юрия Гагарина 10 апреля 1961 года:

«В этом тебе поможет государство. Ну а свою личную жизнь устраивай, как подскажет тебе совесть, как считаешь нужным. Никаких обязательств я на тебя не накладываю, да и не вправе это делать. Что-то слишком траурное письмо получается. Сам я в это не верю. Надеюсь, что это письмо ты никогда не увидишь. И мне будет стыдно перед самим собой за эту мимолетную слабость. Но если что-то случится, ты должна знать все до конца.

Я пока жил честно, правдиво, с пользой для людей, хотя она была и небольшая.

Когда-то еще в детстве прочитал слова В. П. Чкалова: “Если быть, то быть первым”. Вот я и стараюсь им быть и буду до конца. Хочу, Валечка, посвятить этот полет людям нового общества, коммунизма, в которое мы уже вступаем, нашей великой Родине, нашей науке.

Надеюсь, что через несколько дней мы опять будем вместе, будем счастливы. Валечка, ты, пожалуйста, не забывай моих родителей, если будет возможность, то помоги им в чем-нибудь. Передай им от меня большой привет, и пусть простят меня за то, что они об этом ничего не знали, да им и не положено было знать. Ну вот, кажется, и все. До свидания, мои родные. Крепко-накрепко вас обнимаю и целую, с приветом ваш папа и Юра.

10.4.61 г. Гагарин» (14).

Космонавты очень хорошо знают оборудование корабля и свои возможности управления им в случае вынужденного ручного спуска (после включения логического замка). Они будут

чувствовать себя увереннее, если лично убедятся в исправности аппаратуры. Кроме того, производя полную проверку оборудования перед стартом, наблюдая различные явления в полете, записывая свои впечатления и показания приборов в боржурнал и докладывая о них по радио, космонавт будет все время занят. Постоянная занятость космонавта будет отвлекать его от возможных отрицательных эмоций при перегрузках и в невесомости, к тому же мы сможем получить много ценной информации для подготовки последующих полетов (9).

Для первого полета, из-за опасения за разум космонавта, кто-то предложил ввести цифровой замок. Только набрав код «125», можно было включить питание на систему ручного управления. На первый полет этот код сообщался космонавту в запечатанном конверте. Если он достанет из папки-инструкции конверт, вскрыет его, прочтет и наберет код, следовательно, он в своем уме и ему можно доверить ручное управление (21).

Были опасения, что Гагарин может сойти с ума и саботировать историческую миссию. Опасения эти были настолько серьезны, что начальство заблокировало ручной контроль капсулы «Востока» перед отлетом. Вдруг что-нибудь пойдет наперекосяк, связь оборвется и пилот-космонавт номер 1 вынужден будет взять на себя управление капсулой? Всякое бывает, сообразило руководство, — и, похоже, обратилось за советом к ведущим игровых шоу на телевидении. Гагарину был вручен запечатанный конверт, в котором содержался секретный код для разблокирования системы управления (3).

После полета Ивановский и Галлай признались, что код «125» они по секрету сообщили Гагарину до посадки в корабль, чем нарушили решение Госкомиссии (21).

Неопределенность в оценке возможного поведения человека в космосе потребовала от разработчиков особого подхода к конструированию космического корабля. Предпочтение было отдано автоматическим системам, автоматизации практически всех мыслимых операций. Даже забрало скафандра закрывалось автоматически, автоматически подтягивались привязные ремни на кресле космонавта (22).

Правда, была предусмотрена система аварийного спасения: в случае неприятной неожиданности двое у перископа должны доложить Королеву: «Авария!» Главный, принимая решение, называет оператору пароль «Яхта», оператор нажимает кнопку, и из корабля выстреливается кресло с космонавтом, и если ветер будет менее шести метров в секунду, человека спасут. Специально тренированные люди бросаются ему на помощь. Но хорошо, что ничего подобного не случилось, ибо, как после просчитали, авария происходит за 0,3 секунды, а спасательная операция требует как минимум 4—5 секунд... (23).

При выбранной орбите корабля-спутника, в случае отказа системы посадки корабля на Землю, обеспечивается спуск корабля за счет естественного торможения в атмосфере в течение двух — семи суток, с приземлением между северной и южной широтами 65 градусов.

В случае вынужденной посадки на иностранной территории или спасения космонавта иностранным судном космонавт имеет соответствующие инструкции.

Кроме десятисуточного запаса пищи и воды в кабине космонавт снабжен носимым аварийным запасом пищи и воды, рассчитанным на трое суток, а также средствами радиосвязи и передатчиком системы «Пеленг», по сигналам которого будет определяться место приземления космонавта. На корабле-спутнике не предусматривается установка системы аварийного подрыва спускаемого аппарата (24).

Юра чувствует себя превосходно. Давление — 115/60, пульс — 64, температура — 36,8. Час назад ему наклеили датчики для регистрации физиологических функций в полете. Эта процедура продолжалась 1 час 20 минут, но никак не сказалась на его настроении. Он очень любит русские песни — магнитофон работает непрерывно. Юра сидит напротив меня и говорит: «Завтра лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию» (9).

Накануне первого полета Феокистов и Раушенбах дали Гагарину последний инструктаж и проверили готовность космонавта. Например, не раскрылись коротковолновые антенны, признак — нет связи по КВ, действия — вести связь по УКВ. Или: произошла разгерметизация корабля, падение давления в шаре ниже 0,8 атмосферы, действия — «доложить, по-

лет в течение четырех часов, посадка по команде с Земли или с помощью ручного управления». Если пожар — «доложить, при необходимости — немедленная посадка» (25).

Николай Каманин:

3 августа 1962.

...я один в маршалском домике на 2-й площадке, сижу в комнате космонавтов и пишу. Комната уже стала исторической, в ней провели предстартовую ночь Гагарин и Титов. <...> Маршалский домик — это дом, в котором любил останавливаться маршал Неделин (теперь его называют домиком космонавтов). Это деревянный финский домик из трех комнат, самая большая комната (около 22 квадратных метров) — комната космонавтов. Голубые обои, белый фанерный потолок с двумя небольшими люстрами. Два светлых окна, выходящие на юг, завешены тюлевыми занавесками. В левом ближнем (от входа) углу — кровать Гагарина, в правом — кровать Титова. Большие полутораспальные металлические кровати покрыты зелено-белыми шерстяными одеялами, сверху одеял лежат по две подушки. Над кроватями — большие фотопортреты космонавтов. Посреди комнаты — небольшой круглый стол, на нем — две вазы с цветами, фрукты и томик стихов Лермонтова; два мягких кресла, четыре стула. В левом углу — зеркало; на стене, противоположной окнам, в большой позолоченной раме — цветное фото Гагарина и Титова <...> под ним на небольшом столике — радиоприемник «Октава». От стола к двери на полу расстелена зеленая дорожка с красными полосами, около окон — столик с вентиляторами и тумбочка между зеркалом и кроватью Гагарина. Вот и все нехитрое убранство этой исторической комнаты... (9).

А вы бы видели кровать, на которой спал Гагарин и все первые космонавты! Это обычная железная армейская кровать (26).

Под обе кровати — они на панцирных сетках спали — были положены датчики, которые регистрировали количество поворотов во сне (27).

Юрий Гагарин:

Мы перекинулись двумя-тремя шутками. Вошел Евгений Анатольевич <Карпов>.

— Мальчики, может быть, вам помочь спать? — спросил он, опуская руки в карманы белоснежного халата.

В один голос мы отказались от снотворного. Да у него, наверное, и не было с собой таблеток: он был уверен, что мы откажемся их глотать. Хороший врач, он знал потребности своих пациентов. Ходили слухи, что, когда летчик, у которого болела голова, просил у него пирамидон, он давал порошок соды, пациент выпивал ее, и головную боль снимало как рукой (28).

Вспомнилась мама, как она в детстве целовала меня на сон грядущий в спину между лопаток (28).

Ядкар Акбулатов, летчик, учивший летать Гагарина в Оренбургском училище:

У него было много таких качеств, как нежность излишняя, не свойственная мужчинам. Женского много в характере. Конечно, бывают отклонения у каждого. Летчик должен летать, быть твердым и последовательным в своих действиях (29).

Юрий Гагарин:

Всё могло случиться. Достаточно было соринке попасть в глаз первому кандидату для полета в космос, или температуре у него повыситься на полградуса, или пульсу увеличиться на пять ударов — и его надо было заменить другим подготовленным человеком (28).

«Однажды Гагарин пришел на один из запусков, — продолжает Мирон. — А погода была плохая. Видно было, что Гагарин засорил глаз, постоянно тер его. Давай мы подбивать Меликова из санчасти: что ж ты ходишь на боевые дежурства, а если надо, помощь оказать боишься?» Он наконец решился, подошел к Гагарину. А тот ему отвечает: «Глаз не п... — и дальше матом — переморгает». Простым он был парнем. Если бы думал о вечности, подобрал бы более приличное слово (30).

Ранним утром 12 апреля 1961 года Александр Серяпин вместе с одним из руководителей полета находился на верхней площадке, рядом с кабиной корабля-носителя «Восток». Он вспоминает: «Мы там размещали питание, как раз перед посадкой космонавта. Всё осмотрели. Вместе с нами на этой же высоте

стоял солдат с автоматом. Вдруг телефонный звонок. Солдат взял трубку, потом говорит: “Кто из вас доктор? Вас к телефону!” Я беру трубку — Сергей Павлович: “Серяпин! Где космонавты? Почему они задерживаются? Что, я должен дозаправку делать? Топливо испаряется! Они уже опаздывают!”» (31).

Александр Серяпин:

Мы с Олегом <Ивановским, конструктором «Востока»> онемели от неожиданности:

— Как это «где»? Мы уверены, что они сейчас с вами! Больше им быть негде! Не в Америке же они, в самом деле!..

— У меня их тоже нет! Немедленно найти их и доставить на старт!..

Легко сказать «найти», «доставить»! А если их выкрала американская разведка и они уже вылетели за пределы Союза? Что тогда?..

Деваться некуда: я сваливаюсь вниз, вскакиваю в машину Королева и на бешеной скорости гоню к домику, в котором космонавты этой ночью отдыхали. И застаю их на выходе, в полном облачении. Оказывается, запуск едва не сорвал Герман Титов, наотрез отказавшийся надевать скафандр космонавта:

— Не понимаю, зачем он сейчас мне, если решено, что летит Юра?! (32).

Лицо задумчивое, тревожное, небритое.

— Летчики, уходя на полет, не бреются. Такова примета, — объясняют летчики (33).

Все ракетчики немного суеверны, иногда даже больше, чем немного. Уже впоследствии, будучи начальником группы заправки космических кораблей сжатыми газами и компонентами топлива, я просто был обязан после заправки корабля или межпланетного аппарата плюнуть три раза под задние колеса тепловоза, увозящего из заправочного зала специальную платформу с заправленным кораблем. Тогда все мы точно знали, что все будет в порядке. И машинист не трогался с места без моей команды и этих действий (4).

Космонавт Владислав Волков рассказывал, что есть в отряде традиция: когда космонавты едут на старт, автобус останавливается за полкилометра до ракеты и ребята тайком от врачей

закуривают. Начальство сначала пыталось возражать, но потом смирилось, ибо впервые на этом месте 12 апреля 1961 года остановился старший лейтенант Гагарин, чтобы через несколько минут занять место в космическом корабле (23).

Не раз уже отмечалось, что авиаторы — люди суеверные. Очевидно, вместе с другими замечательными традициями, это, безусловно негативное, «родимое пятно» перешло из авиации в ракетную технику. Королев верил в «счастливое» пальто, в кармане носил две копеечные монеты тоже «на счастье». Дань суевериям отдавал и другой малопочтенный ритуал, неукоснительно соблюдавшийся во времена Королева перед каждым космическим пуском. Для успеха дела техническому руководству, перед уходом со стартовой позиции, надлежало непременно пописать с козырька в газоотводный канал. И это было выполнено по 15-минутной готовности (7).

Один только Гагарин должен был полететь, но Титов также находился в автобусе.

Почему?

Никакие предосторожности и самое строгое соблюдение техники безопасности не могли исключить вероятность того, что произойдет какая-нибудь нелепая случайность. Космонавт мог впасть в депрессию; он мог схватить простуду ровно перед запуском; он мог бы подвернуть лодыжку по дороге к ракете; или ему в глаз могла попасть песчинка — всё это препятствия не смертельные, но времени на то, чтобы устранять их, не было — поэтому пришлось бы дисквалифицировать его и заменить другим (34).

Но не все знают и сейчас, что был и третий запасной, Григорий Нелюбов, подстраховались основательно. Есть кадры хроники, когда эта тройка едет в автобусе на старт, но Нелюбов в скафандр не одет, нет надобности пока. В автобусе Нелюбов вкладывает в рот Гагарину конфету — леденец (4).

К Гагарину подошел приятель, сунул ему в рот карамельку и пояснил: «При взлете и посадке стюардессы разносят леденцы». Гагарин благодарно кивнул белым гермошлемом и принялся сосать конфетку (1).

В космос Юрий Алексеевич отправился натошак (94).

Керим Керимов, член комиссии по запуску «Востока»:

Наконец бывает замечен автобус, выходит из автобуса Юрий Гагарин в сопровождении медицинских работников и следует к нам. Подходит строевым шагом, как разрешает ему скафандр, и докладывает о готовности к историческому полету: «Товарищ председатель Государственной комиссии...» Руднев и Королев обнимают и целуют Юру, тогда уже еще запрета касаться к астронавту перед полетом не было (35).

Приносят белый гермошлем с яркой красной надписью — СССР. Подключают переносной блок: он вентилирует скафандр. Гагарину вручают особое удостоверение личности... (36).

— Вот спустится в этом снаряжении Юра с неба где-нибудь в поле и пока достанет удостоверение космонавта, ему, не разобравшись, какой-нибудь колхозник в степи в лучшем случае надает тумачков, а в худшем ткнет вилами. Перспективка, прямо скажем, неважная. В первый момент эта мысль всех несколько ошарашила. Но решение пришло почти мгновенно. Реализацию его поручили Виктору Тиграновичу Давидьянцу — знали, что у него хороший почерк.

В зале запахло нитрокраской. С небольшой баночкой и кисточкой в руках Виктор подошел к Гагарину, полулежавшему в кресле:

— Сейчас, Юра, мы сделаем так, чтобы все еще издали увидели, что ты — гражданин Советского Союза.

Юрий улыбнулся:

— Давай, старина!

На белом шлеме космонавта стали появляться алые буквы — СССР. Виктор отклонился, чтобы со стороны оценить свою работу. Судя по всему, он остался доволен. Из-под сдвинутого лицевого остекления шлема на него смотрели задорные глаза Гагарина:

— Смотри, не капни краску на нос!

— Все будет в порядке, Юра! Как настроение?

— Отличное! Пока еще не верится!

Виктор еще подправил надпись. Алые буквы на шлеме, подсыхая, становились рубиновыми:

— Цвет прямо как у кремлевских звезд!

Гагарин посмотрел в зеркальце на правой руке скафандра:

— Отлично, старина! С таким почерком только великие документы выписывать! (37).

Перед тем как сесть в корабль, он прощался с товарищами, а перчатки у него болтались на веревочке, словно у школьника, позабывшего их надеть. Мы спросили, почему они на веревочках.

— А чтобы в невесомости не уплыли, если снимешь, — улыбнулся Гагарин (38).

Автобус подъехал к стартовой позиции. Из него вышли космонавты и направились к ракете. В руке у каждого чемоданчик. Очевидно, многие сочли, что там уложено самое необходимое для дальней дороги. Но если присмотреться внимательно, то можно заметить, что чемоданчик связан с космонавтом гибким шлангом. Скафандр ведь необходимо непрерывно вентилировать, чтобы удалять выделяемую космонавтом влагу. В чемоданчике находятся вентилятор с электроприводом и источник электроэнергии — аккумуляторная батарея. Вентилятор засасывает воздух из окружающей атмосферы и прогоняет его через вентилирующую систему скафандра (39).

Многих трудов стоило и решение проблемы, о которой не принято говорить вслух, а именно создание ассенизационных устройств (40).

Виктор Пелевин:

Один аксессуар экипировки космонавтов казался мне особенно загадочным.

Они несли с собой маленькие, пузатые чемоданчики, которые блестели на солнце сталью и титаном. Меня очень занимал вопрос, что же могло находиться внутри. Может быть, звездные карты? Кодовые таблицы? Секретное оружие? Неприкосновенный запас для чрезвычайных ситуаций? Я долго не решился спросить об этом взрослых — по опыту зная, что после их объяснений мир редко становился интереснее. Когда я все же не выдержал, ответ был ошеломляющим. «Чемодан? — переспросил один из сидящих у телевизора. — Так он для говна. Видишь, от него шланг к скафандру идет. Космонавты ведь тоже люди» ...это было очень точным символом, открывающим весь ужас: советский человек, построивший первые космические корабли и полетевший на них к звездам, навстречу обитателям других миров, не мог ничего предъявить им кроме чемодана, полного лагерного говна, тирании и темной нищеты. Чем больше я узнавал о мире, тем больше становился чемодан и тем тяжелее было космонавту тащить его к ракете (41).

Мариэтта Шагинян:

Но вот этот духовный багаж, с каким вылетел в космос советский майор Гагарин, — вот это ярче всяких слов говорит о нравственной силе советского строя... (42).

Погода благоприятствовала полету. <...> Миллион километров высоты, миллион километров видимости (28).

Тюра-Там — это все-таки не пустыня, это предпустынье, северный край песков Кызылкума, сползающих в Туранскую низменность, и весной здесь хорошо: чистое, высокое небо, пряный ветер гуляет по степи и радуются жизни птицы в небе, рыбы в Сырдарье, все твари земные от верблюда до скорпиона. По обеим сторонам бетонки, бегущей из города к «площадке № 2», расстились красным ковром дикие тюльпаны, невысокие, крепенькие, выносливые: неделю простоят в вазочке, не чета тепличным... (7).

Досадно, что в тот солнечный апрельский день по строгим режимным законам была только одна «засекреченная» кинокамера оператора «Моснаучфильма» Володи Суворова (21).

Мы торопились, сроки поджимали. А когда он рапортовал о готовности к полету, невозможно было не заметить насильную улыбку, маску бодрости! Конечно, для первого раза это чувство оправданно (44).

Юрий Гагарин:

Перед тем как подняться на лифте в кабину корабля, я сделал заявление для печати и радио. Меня охватил небывалый подъем душевных сил. Всем существом своим слышал я музыку природы... (28).

Том Вулф «Нужная вещь»:

...что же на самом деле заставляет человека по собственной воле забираться на верхушку огромной свечи — ракеты «Редстоун», «Атлас», «Титан» или «Сатурн» — и ждать, пока зажгут запал? (2).

Валентина Пономарева:

...я вспоминала слова Гагарина — он сказал о торжественной музыке, гудевшей у него в крови. Это так, и лучше не скажешь — когда я стояла у подножия ракеты, перед глазами людей, которые ее сделали и поставили, в крови у меня гудела торжественная музыка — аккордами Первого концерта Чайковского... (16).

Незадолго до полета он вновь читал Сент-Экзюпери. И на космодроме и сейчас невольно вспоминал его слова: «Если я вернусь живым с этой “неблагодарной, но необходимой работы”, передо мной встанет только один вопрос: что можно, что необходимо сказать людям?» (33).

Предполетное заявление первого космонавта:

Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле. Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких! (45).

Андрей Николаев:

Я очень волновался, когда стартовал Юрий Гагарин. На космодроме я, как и все, волнуясь, обнял Юрия и ударился лицом об острый край его шлемофона. Как я жалею, что не осталось той маленькой метины на всю жизнь (42).

Юрий Гагарин:

Я знал, что корабль, на котором предстояло лететь, получил название «Восток». Видимо, нарекли его так, потому что на востоке восходит солнце и дневной свет теснит ночную тьму, двигаясь с востока (28).

А вот кто придумал ему имя «Восток», установить так и не удалось. Объявили что-то вроде конкурса, и откуда-то само собой всплыло — «Восток». И всем сразу это название понравилось. «Востоком» он стал не сразу, в технической документа-

ции значился поначалу скромно: ОД-2, потом корабли первой серии «Востоков» назывались «изделием-3-КА». Но «Восток» прочно вошел в жизнь, так и будем его называть... (7).

James Oberg:

То небольшое, о чем было известно, часто интерпретировалось неточно: например, название корабля — «Vostok» — перевели как «Восток», со всеми сопутствующими политическими и географическими коннотациями; слово это, однако ж, означает еще и «восход», как «восход солнца» — или в первоначальном значении слова «восток», «orient». Этот символизм был должным образом соединен с восходом, воспарением человечества в космос. Вне всякого сомнения, то была идея Королева (и наверняка он выбрал это название еще несколько десятилетий назад) (20).

...«Восток» местные секретчики из служб режима изобрели давным-давно. Так в документах проходили все космические «шарики» — как пилотируемые, так и «спутники-шпионы». Абстрактное название давалось для отвода любопытных вражеских глаз совершенно «с потолка». Могли назвать «Топор», могли «Петух» — разницы никакой. Вот тут и вспомнили: «Восток»! Вроде подходит. Его и вписали в «Сообщение ТАСС». Потом, после полета Гагарина, надо было изъять индекс «Восток» из всей документации по «спутникам-шпионам». Это была адская работа. В конце концов их переименовали в «Зениты» (7).

Предполетное заявление первого космонавта:

Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной (45).

Валентина Пономарева:

Мы поднялись в лифте к кораблю. Высота ужасная, а конструкция вокруг ракеты состоит, кажется, из одних дырок — смотреть страшно! Да и лифт показался мне весьма хлипким сооружением, и, если не смотреть на ракету, казалось, что он ползет вверх в пустоте, будто мы просто едем в небо (16).

Главный цвет советских космических ракет отражал их тесную связь с советской военной ракетной программой: они обычно были окрашены в армейский зеленый цвет. Отдельные белые пятна и участки незакрашенного металла появляются по-разному на более поздних советских ракетах без определенной строгой схемы, отражая в какой-то мере импровизаторский характер советского проектирования (46).

Валентина Гагарина:

12 апреля. О том, что было в этот день на Байконуре, я знаю со слов Павла Поповича. «Рядом со мной стоял особый красный телефон. Это была прямая связь с двумя товарищами, каждый из которых должен был при необходимости нажать на кнопку в случае какой-то аварии. Причем для уверенности в том, что команда не случайная, кнопку должны были нажать оба. И тогда Гагарин катапультировался бы.

— Паша,— сказал мне Королев,— ты меня к этому телефону не подпускай.

И вот я замечаю, что чем меньше времени до старта, тем ближе Сергей Павлович жмет к этому телефону» (47).

Отъехали опоры, поддерживающие башню. Напряжение нарастало, и, чтобы успокоить нервы, Королев принял транквилизатор (46).

Кстати, при любом пуске всех жителей площадки эвакуируют в безопасные зоны, при пуске Гагарина этого не было — как гарантия того, что аварий не будет и все будет нормально (43).

Николай Каманин:

Для того чтобы облететь земной шар, требуется всего полтора часа, а космонавту необходимо сесть в корабль за 2 часа до старта и ждать начала полета. Надо признать несовершенство подобной организации подготовки к старту. Этот вопрос занимал меня, Королева и врачей. Мы пытались сократить время ожидания полета космонавтом хотя бы до 1 часа 30 минут, но из этого ничего не вышло. Только на закрытие люка и на отвод установщика и ферм требуется больше часа. Проверка скафандра, связи и оборудования корабля занимает 20 минут. Мы все отлично понимаем, что бездеятельное ожидание

старта очень неприятная необходимость для космонавта, и поэтому я буду занимать Юру радиоразговорами и сообщать ему о ходе подготовки к полету (9).

Пауза около 10 секунд. Гагарин поет песню «о далеком кур-носом детстве» (15).

7.58. Заря 1 (Королев): Юрий Алексеевич, у нас так получилось: после закрытия люка вроде один контактик не показал, что он прижался, поэтому мы, наверное, сейчас будем снимать люк и потом его поставим снова. Как поняли меня?

Кедр: Понял вас правильно. Люк открыт, проверяют сигнализаторы (24).

Позывной Гагарина был «Кедр». А дальше пошла орнитологическая серия: «Орел» (Титов), «Сокол» (Николаев), «Беркут» (Попович), «Ястреб» (Быковский), «Чайка» (Терешкова). Позывной выбирался из двух условий: 1) слово должно быть четкое, звучное; 2) оно не должно входить в лексикон переговоров с Землей. Поэтому не может быть позывного «Пульт» или «Горизонт» (7).

Королев: Юра. Ты сейчас занят?

Гагарин: Да, есть тут работа. Но не очень занят. Что нужно?

Королев: Нашел продолжение «Ландышей», понял?

Гагарин смеется.

Гагарин: Понял, понял. В камышах?

Королев: Споем сегодня вечером (15).

Еще загодя Королев продумал весь этот символический церемониал. Он понимал, что старт Гагарина — это не завершение огромной работы последних лет, а лишь начало ее. И следом пойдут другие старты, и оглядываться будут на этот, первый, смотреть: «А как тогда было?» Он чувствовал, что в поисках этих торжественных форм проводов в космос никто его не поддерживает, а многие просто считают, что СП мудрует или блажит.

— Это очень важно, чтобы космонавт не чувствовал себя пассажиром, которого впопыхах впахнули в купе отходящего поезда, — горячо доказывал Королев.

Нет, церемониал необходим, чтобы все люди почувствовали значительность происходящего, оглянулись на работу, ко-

торуемую сделали. Он должен быть торжественным, как армейская присяга, и человечным, как та минута, когда надо приступить перед дальней дорогой (7).

Предполетное заявление первого космонавта:

Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытания, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем? (45).

Ярослав Голованов:

Заявления этого, которое многократно транслировалось по радио и было опубликовано во всех газетах, Гагарин тогда не делал. Все эти высокопарные и местами не совсем скромные слова Юрия заставили прочитать перед микрофоном еще в Москве, где их и записали на пленку. Ивановский рассказывал мне, что существовали дубли этого заявления, прочитанные Германом Титовым и Григорием Нелюбовым (7).

Павел Попович:

В нашей редакции один из куплетов звучал так:

Ты сегодня мне принес
Не букет из алых роз,
А бутылочку «Столичную».
Заберемся в камыши,
Надеремся от души.
И зачем нам эти ландыши? (102).

Алексей Леонов:

«Ландыши» — это как раз в 61-м году появилась эта песня. Мы ее переделали со своими словами — и договорились так. Поскольку радиоуправление шло с радиостанций, по всему СССР разбросанных, я когда выхожу на связь, я не на-

зываю себя «Заря-3», а называю ландыш — тогда он понимает, что с ним ведет разговор космонавт, его товарищ, и с ним можно откровенничать. Это техническая часть песни «Ландыши»...

— А культурная? Вот он так всю жизнь и слушал «Ландыши» — или что-то еще? «Битлз» он мог слушать, хотя бы теоретически?

— У него были записи — тогда еще только появились магнитофоны — песни времен войны 1812 года гусарские. Я запомнил — «Гренадерам у трактира сена подстели», такие какие-то.

— Казачьи?

— Да, казачьи песни. Вот это у него было. Кто ему дал?..

— А Элвиса Пресли он не мог слушать?

— Нет.

— Потому что не нравилось или потому что запрещено было?

— А мне до сих пор не нравится, педерастов этих, Элтона Джона...

— А то, что стилиаги слушали, — вы не слушали?

— Нет.

— Потому что вы были офицерами?

— Не поэтому. Ну не нравилось это (48).

Королев: Я «Заря». Юра, как дела? Прием.

Гагарин: Как учили. Все нормально, все хорошо (15).

Говорят, что Хрущев потребовал от Королева расписку с гарантией успешного исхода полета, и Королев такую расписку написал, а после полета она была уничтожена (16).

9.07. Заря 1 <Королев>: Дается зажигание...

Кедр: Понял: дается зажигание.

Заря 1 <Королев>: Предварительная ступень...

Промежуточная...

Главная... (15).

Летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов так говорил о полетах в космос: «Надежность полета Ю. А. Гагарина была 0,73. В первые 25 секунд полета спасения не было. Если бы была авария, то она привела бы к гибели космонавта. Ю. А. Гагарин знал об этом и сознательно шел на эту работу» (49).

Валентина Пономарева:

...Я часто думаю, как же решился на полет Гагарин? Ведь никто в целом мире не мог гарантировать, что он вернется. Более того — что он вернется таким, каким был... Следующим было легче: они знали хотя бы, что не столкнутся в космосе с чем-то неизвестным и ужасным, что заставит оцепенеть их мозг (16).

Заря 1: Подъем!

Кедр: Поехали!.. (15).

Поехали-и!

Сказал просто, но пульс у него в это время был 150 ударов в минуту (50).

Гагарин крикнул «Поехали!» самопроизвольно, ни о каком «историческом» восклицании он не задумывался, — просто вырвалось. Волновался? Да, конечно! И очень! Но страха, в вульгарном, обывательском значении этого слова, не было. Он напрягся, весь подобрался, как кот, готовый к прыжку (7).

...его знаменитое «Ну, поехали» на самом деле цитата. Гагарин процитировал диккенсовского попугая, сказавшего «ну, поехали» в момент, когда кошка тянула его из клетки (51).

Ядкар Акбулатов:

Спрашиваю: «Откуда ты взял слово — “поехали” все-таки, Юра?» — «Дак это ваше слово, товарищ капитан. Вы всегда, как летать в зону, на пилотаж, вы ж меня поднимали на большую высоту, на 12 тысяч метров, тоже ведь страшновато, вы всегда с такой простотой: “поехали”, как будто на телеге. Такое вдохновение дает, уверенность, что прекрасно все — ну я и сказал на старте перед пуском» (29).

Хочу отметить историю команды «Поехали». Эта команда применялась в полку (где Гагарин служил в Заполярье. — *Л. Д.*) при групповых полетах. При взлете пары ведущий запрашивает ведомого «готов?» и, получив от ведомого квитанцию о готовности, вместе с выводом двигателя на обороты подает ко-

манду «поехали», то есть «тронулись». Юрий Алексеевич очень точно применил эту команду при запуске космического корабля (108).

Не полетели, не стартовали, не взвились, не вперед! — Поехали! В этом чисто русском, пожалуй, крестьянском восклицании Гагарина проявились и его доброе, душевное отношение к ракете, как к умному, живому существу, и его открытое сердце. Поехали! Так в старину обращались к любимому коню (1).

Кедр: До свидания, до скорой встречи, дорогие друзья!
Заря 1 (Королев): До свидания, до скорой встречи! (24).

Минутная готовность и старт. До этого было слышно, как разводили фермы. Получаются какие-то мягкие удары по конструкции ракеты. Ракета как бы немножко покачивалась (24).

Силой газовой струи выметены гигантские клубы пыли и дыма. Как гриб, они вспучиваются в стороны и вверх, стремясь закрыть ракету, но не успевают. Сегодня старт ракеты идет не так, как обычно. И первый отблеск пламени поярче, и клубы дыма от сгоревшего топлива поднялись повыше, и звуковой удар посильнее. Мы почувствовали даже жар воздуха от ракетных двигателей (36).

Герман Титов:

После того как ракета умчалась ввысь и рев двигателей смолк, на космодроме стало как-то пусто. Нам, летчикам, это чувство также знакомо. Сколько раз на аэродроме рядом с тобой только что стоял твой товарищ, разговаривал — и вот он уже далеко от тебя (52).

...Ракета улетела — и нам пора в дорогу.
Пускай теперь потрудится товарищ Левитан (13).

И вот наконец — разделение с носителем, корабль выходит на околоземную орбиту. Теперь Гагарин летит со скоростью 8 километров в секунду (28 260 км/час) (53).

Рекорд скорости ФАИ не зарегистрировала, а между тем это главное в том полете, что поразило всех. 7884 м/сек была скорость «Востока»! Прежний рекорд продержался всего месяц — 7 марта 1961 года Р. Уайт разогнал X-15 до 1298 м/сек (4674 км/час). Именно в скорости, а не в высоте полета лежит понятие между авиацией и космонавтикой. Самые шустрые самолеты X-15 почти достигли высот, где летают спутники, но не достигли и трети скорости первого космического корабля (54).

Вопрос: Каковы технические данные космического корабля «Восток» и каков стартовый вес ракеты-носителя?

Ответ <Гагарина>: Господин корреспондент, я надеюсь, что вы достаточно образованный человек и знакомы с физикой и математикой. С помощью элементарных формул, подставив к ним суммарную мощность двигателей и скорость космического корабля «Восток», о которых уже сообщалось в печати, вы сможете решить уравнение, в котором из трех параметров два известны (103).

«Первый рейс к звездам», «Колумб Вселенной» и прочие справедливые и звонкие слова были придуманы потом. Фактически же 12 апреля 1961 года старший лейтенант Гагарин уходил в испытательный полет на обычной серийной военной межконтинентальной баллистической ракете с военного полигона НИИП-5 Министерства обороны СССР (55).

— Мистер Гагарин, на Западе охотно соглашаются с тем, что первые космические корабли Советского Союза системы «Восток» — отличные корабли. Вероятно, успех ваших полетов зависит и от топлива. Не можете ли вы назвать хотя бы некоторые компоненты, входящие в формулу топлива?

— Послушайте, — громко обратился он к иностранному корреспонденту. — Вот я вижу в вашем кармане яркую автоматическую ручку. Она, наверное, фирмы «Паркер»?

— О, да, о, да! — просиял иностранец. — Фирма «Паркер» — лучшая в мире.

— Согласен, хорошая фирма, — подтвердил Гагарин, — и авторучки выпускает хорошие. Так вот берите свою ручку фирмы «Паркер», открывайте блокнот и пишите. Я дам вам полную формулу нашего космического топлива. — И под аплодисменты всего зала Гагарин весело сказал: — Это энергия и мужество советского народа, воспитавшего меня и моих товарищей космонавтов (50).

При подготовке к полету Гагарина во время летных испытаний два корабля не выполнили программу из-за отказа ракет-носителей. Правительством было принято решение о запуске космических кораблей «Восток» и «Восход» на орбиту ракетоносителями Р7, взятыми из боезапаса Министерства обороны, то есть изготовленными на заводе в Куйбышеве по серийной технологии. Понимаете, это были первые корабли, фактически — копия разведывательного корабля «Зенит-2», из которого, чтобы поместить кресло космонавта, «выкинули» фото- и радиоаппаратуру и т. д. Навыков еще не было, оснащенность никудышная... (56).

Николай Каманин:

В момент перехода связи со старта на Колпашево было несколько неприятных секунд: космонавт не слышал нас, а мы не слышали его. Не знаю, как я выглядел в этот момент, но Королев, стоявший рядом со мной, волновался очень сильно: когда он брал микрофон, руки его дрожали, голос срывался, лицо перекашивалось и изменялось до неузнаваемости (9).

К счастью, ничего катастрофического при выводе на орбиту не случилось, однако и не всё было гладко: из-за отказа в системе радиоправления ракеты высота апогея оказалась примерно на 100 километров больше расчетной. А с точки зрения последствий это вовсе не безобидно: время существования такой орбиты 23—25 суток, а ресурс системы жизнеобеспечения рассчитан на 10. И если бы отказал тормозной двигатель, по исчерпанию запасов воздуха Гагарин погиб бы от удушья... (16).

Николай Каманин:

Она, в сущности, была экспериментальной. Эта машина, его космический корабль мог стать для космонавта и колесницей победы, и «летающим саркофагом», добавлю: в котором Гагарина вполне могла подстергать медленная и мучительнейшая смерть (42).

Не было резервной ТДУ <тормозной двигательной установки>, что было крайне опасно, так как отсутствовали серьезные наработки по ее отказам в космических полетах. Использование аэродинамического торможения через десять

суток полета практически ничего для космонавта не давало, поскольку посадка при этом происходила в случайном районе, и он мог погибнуть в океанских водах, в горах и пр. (12).

Кроме систем автоматической и ручной для гарантированного возвращения была предусмотрена и «баллистическая». На тот случай, если откажет тормозной двигатель, орбита выбиралась такой низкой, чтобы за счет аэродинамического торможения в верхней атмосфере постепенно снижалась скорость и не более чем через пять — семь суток корабль должен был «зарыться» и оказаться на Земле. Правда, в непредсказуемом районе: по теории вероятностей — в океане! (21).

...в самом полете возникла ситуация, едва не стоившая Королеву разрыва сердца. Информация о ходе полета поступала на обычные телетайпы, установленные в соседней с пусковой комнате бункера. И о том, что на борту корабля все нормально, говорили цифры «5» на лентах аппаратов по всем каналам. Так оно и было, пока вдруг (как это всегда бывает — страшно неожиданно!) по одному из каналов не выскочили «тройки» вместо «пятерок». А это уже означало не что-нибудь, а аварию ракеты-носителя!

Ясное дело, все присутствующие оцепенели от ужаса, не зная, как быть дальше. И тут в комнату ворвался, едва не сорвав металлическую дверь с петель, Королев, вид его был страшен: глаза сверкали, кулаки — сжаты, по щекам ходили желваки...

Незнакомым, сиплым голосом он выдал из себя сквозь зубы:

— В чем дело, я вас спрашиваю? Отказ двигателей?

Но что присутствующие могли ему ответить? Стояла гробовая тишина, все молчали. Лента с тихим шуршанием продолжала сползать с телетайпа, с бесконечной цепочкой «троек» посередине. Казалось: еще мгновение — и сердце Королева не выдержит. И тут оператор, не сводивший глаз с ленты, выкрикнул фальцетом:

— Канал восстановлен! Всё в норме...

Кулаки Королева разжались, и он в изнеможении опустил ся на стул... С ленты снова бежали успокоительные «пятерки»...

Позднее выяснится, что это был сбой на наземной линии связи, а не роковая поломка на борту корабля... Придя в себя, Королев в распахнутом белом халате выбегает в коридор; сле-

дом выскакивает его соратник Воскресенский, которого главный конструктор в одно мгновение хватает за шиворот:

— Ну?

Тот пытается освободиться от мертвой хватки шефа:

— Что значит «ну»?

Королев выдавливает сквозь зубы:

— Орбита, спрашиваю, какая? Параметры орбиты!..

Воскресенский вырывается и из соседней комнаты соединяется с баллистами. Через несколько минут возвращается к Королеву с паническим выражением на посеревшем лице:

— Сергей, это — конец! Триста двадцать на сто восемьдесят!

Королев снова хватает соратника за полы пиджака и цедит сквозь зубы:

— В каком смысле «конец»? Сколько он там будет теперь болтаться при отказе тормозного двигателя?

Воскресенский с готовностью выкрикивает:

— Недели три, не меньше! А может, и целый месяц! Они там и сами толком ни хрена не знают!.. (32).

Юрий Гагарин:

Когда ракета прошла плотные слои атмосферы, был сброшен головной обтекатель и стала видна в иллюминатор простым, невооруженным глазом наша матушка-Россия (57).

...погрузился в... Пилотский рай. Он летел быстрее любого человека за всю историю, и здесь была почти полная тишина, потому что ракетное топливо кончилось и он находился так высоко в безбрежном пространстве, что лишился ощущения движения. Он был хозяином неба. Это было одиночество короля, ничем не нарушаемое, над куполом мира (2).

Борис Черток, конструктор, заместитель Королева:

Просмотрев пленки, мы убедились, что все три ступени носителя работали «без замечаний», за исключением системы радиоуправления дальностью и интеграторов скорости, выдающих команду на выключение двигателя блока «А». ...Радисты Михаила Борисенко дали объяснение, что отказал преобразователь постоянного тока в переменный. Но любимые Пилюгиным электролитические интеграторы скорости на центральном блоке тоже отличились. Ошибка в 0,25 метра в секунду привела к увеличению высоты апогея относительно

расчетного значения на 40 километров. Если бы не сработала исаевская ТДУ, «Восток» просуществовал бы на орбите не 5—7 расчетных дней, а 15—20 (21).

Иван Ефремов «Туманность Андромеды»:

Глубочайшая тьма космоса наступила вместе с усилившимся холодом. Звезды светили неистово яркими голубыми иглами. Незримый и неслышный полет метеоритов ночью казался особенно пугающим (59).

Корабль медленно, сонно вращался — Земля уплывала из иллюминатора. И тут он увидел черное небо. Совершенно черное. Без звезд. Такого он не видел никогда — ни с Земли, ни из кабины истребителя. Легко придвинувшись поближе к иллюминатору, Юрий заглянул ниже и заметил, что горизонт изогнулся какой-то мутной дугой. Впервые человек не понял, не вычислил, а просто увидел, что Земля, оказывается, действительно шар!.. (7).

Летит, летит ракета, она стального цвета, а в ней сидит Гагарин — простой советский парень (61).

Сбылись слова К. Э. Циолковского: «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели» (62).

— Юрий Алексеевич, скажите, из космоса видно, что Земля имеет круглую форму?.. Или она вроде как блин? <...>

— Могу заверить, что Земля наша круглая, — засмеялся Гагарин. — Сам видел, собственными глазами (63).

Антуан де Сент-Экзюпери «Ночной полет»:

...тысячи темных рук выпустили их. С Фабьена сняли путы, как с пленника, которому позволено немного погулять в одиночестве среди цветов. «Чересчур красиво», — думает Фабьен. Он блуждает среди звезд, которые насыпаны густо, как золотые монеты клада; он блуждает в мире, где, кроме него, Фабьена, и его товарища, нет ни единого живого существа. Подобно ворам из древней легенды, они замурованы в сокровищнице,

из которой им никогда уже не выйти. Они блуждают среди холодных россыпей драгоценных камней — бесконечно богатые, но обреченные (64).

— Луны я не видел, — продолжал Юрий Гагарин. — Солнце в космосе светит в несколько десятков раз ярче, чем у нас на Земле. Звезды видны очень хорошо: они яркие, четкие (106).

Первая весточка о превосходном самочувствии Юры и обычной работе бортового оборудования пришла от него лишь в 9 часов 52 минуты, а старт был в 9 часов 7 минут. Напряжение было огромным (35).

Корабль был очень «умный», он все умел делать сам.

Если бы космонавт оказался недееспособен, бортовая автоматика проделала бы все необходимые операции для возвращения его на землю: в положенное время сориентировала бы корабль «по посадочному» и включила тормозную двигательную установку, чтобы перевести на траекторию спуска; на заданной высоте катапультировала кресло с космонавтом, потом отстрелила бы кресло и ввела парашютную систему. Другими словами, корабль «Восток» был полностью автоматический (16).

Но пилот мог взять управление на себя, то есть сориентировать корабль для включения тормозного двигателя. Для этого было решено установить ручку управления наподобие той, с которой имеют дело летчики-истребители. Но если в самолете ручка непосредственно (или через усилители) воздействует на управляющие органы крыла и оперения, то в космическом корабле от ручки идут сигналы на датчики угловых скоростей, которые, в свою очередь, выдают команды на управляющие органы — включают реактивные сопла (65).

Не раз приходилось слышать, что Гагарин в корабле ничего не делал и вообще вел себя, как подопытная морская свинка, у которой одна задача: выжить. Сам Гагарин в своей книге пишет: «С момента отрыва ракеты от стартового устройства управление всеми ее сложными механизмами приняли на себя разумные автоматические системы».

С другой стороны, у него же читаем: «Все время я работал...

Разрезая космос, я работал, жил жизнью своей страны». Есть даже такая смешная «саморазоблачительная» фраза: «Несмотря на сложную работу, я не мог не думать» (7).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Нужен был человек, главный талант которого заключался бы в том, чтобы ничего не делать при стрессе. Некоторые предлагали использовать новую породу военных летчиков — радарщиков: человека из стратегической команды военно-воздушных сил или флотского офицера радиоперехвата, то есть того, кто в боевых условиях летал на заднем сиденье высокотехнологичного самолета. Он не делал ничего, только считывал показания радара, предоставив весь контроль над машиной и свою жизнь другому человеку — пилоту («Я взглянул на Робинсона, а он молчит и таращится на радар, как зомби»). Опытный зомби — вот то, что нужно. Был еще план анестезировать или транквилизировать астронавтов — не с целью избавить их от паники, а чтобы они спокойно лежали, обвешанные датчиками, и не делали ничего, что могло нарушить ход полета (2).

— У всех непривычно высокостриженные затылки. Почему? Волынов:

— А здесь датчики для энцефалограммы стояли. Иначе пятки надо было вырезать (66).

Так работал или не работал? Гагарин ничего не включал, не выключал, никаких кнопок не нажимал, рычагов не двигал. Но Гагарин работал. Всякая работа — землю ли копаешь, стихи ли пишешь — всегда дает некий результат. Если мы ничего не получаем, никакой работы нет. Здесь мы получали информацию, которую давал Гагарин (7).

Вопрос: Вопрос в отношении ручного управления. Как вы, как пилот-космонавт, оцениваете: была бы у вас возможность вручную справиться, я имею в виду не моральный фактор, а приборы?

Ответ <Гагарина>: Я считаю, что справлюсь с ручным управлением и вполне мог бы произвести спуск. Исходя из чего? Самочувствие мое было очень хорошее, сознание хорошее, реакция хорошая, работоспособность организма в это

время была также хорошей, органы управления кораблем действовали хорошо, схемы отработаны хорошо и при управлении работали хорошо, ориентация по «взору» осуществляется, я считаю, что можно очень надежно осуществить эту ориентацию. Я говорил в докладе, что осуществить эту ориентацию можно и над морем, и над сушей. Даже в моем поле зрения, когда вписывается искаженный горизонт во внешнее кольцо «взора», видно хорошо. Ориентировать корабль можно хорошо по направлению движения земных ориентиров в системе «взор» (24).

Mary Roach «Packing for Mars»:

Оставляя в покое националистическую риторику, совершенный в 1961 году полет Гагарина был психологическим экспериментом. Задача его была проста — что, впрочем, не означает легка: забраться внутрь капсулы и дать подорвать себя, одного и с сопутствующим большим риском — с тем, чтобы пересечь границу космоса. А вот мы катапультируем тебя в безвоздушное, смертоносное ничто, где никогда еще не было человека. Мы запендюрим тебя вокруг планеты, и затем ты спустишься и расскажешь нам, как ты все это перенес (3).

Вопрос: А если бы у вас был фотоаппарат, вы бы смогли сфотографировать?

Ответ <Гагарина>: Вполне мог бы заснять, если бы цветная пленка была, вот этот голубой ореол вокруг Земли можно было заснять, потом при выходе из тени оранжевый цвет, очень красивый, поворот Земли, когда работала третья ступень и дальше, очень наглядные фотографии были бы. На Земле таких цветов не удавалось наблюдать.

Вопрос: А в отношении яркой окраски?

Ответ: Мне показалась только серой водная поверхность, а поверхность Земли обычная, лес видно зеленым, как тайга (24).

James Oberг «Red star in orbit»:

Он пролетел над Сибирью, Японией, потом на юго-восток по краешку Южной Америки, затем на северо-восток через Западную Африку. Эта траектория космического корабля впоследствии позволила Гагарину легализовать свои революционные приветствия, которые он рассылал многим странам третьего мира (20).

Голубем мира, вестником дружбы пролетел над планетой наш космический корабль (67).

Е. К. Федоров, главный научный секретарь Президиума АН СССР, академик:

Пролетая над Африкой, тов. Гагарин видел Конго, где совсем недавно был злодейски убит доблестный борец за счастье конголезского народа Лумумба (67).

Ходжа Ахмад Аббас, индийский писатель:

Поясняя, почему он не пролетал над Индией, Гагарин поискал глазами глобус и, не найдя его, взял из вазы апельсин. Вынув из кармана авторучку, он прочертил на нем экватор и нанес точный путь своего корабля. Это выглядело очень символично: сын простого колхозника, родившийся в деревянной сельской избе, в глухом уголке России, внук крепостного мужика, держал в руках земной шар (68).

Руководство считало, что в эфир сообщение о первом полете советского космонавта должно выйти через 25 минут после старта космического корабля и задолго до завершения одновиткового орбитального полета. Иначе зарубежный мир может дискредитировать результаты и истолковать их как подлог (69).

Американское ЦРУ и Агентство национальной безопасности с помощью электронной разведывательной станции, расположенной на Аляске, смогли перехватить радио- и телевизионную связь с «Востоком». Телевизионные изображения подтвердили, что на борту находится человек, а не манекен (46).

Борис Черток:

Прямо скажем, за телевизионные передачи Гагарина мы все немного покраснели (21).

Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан:

10:02. Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..

Сообщение ТАСС.

О первом в мире полете человека в космическое пространство.

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту (110).

А. Генис «Довлатов и окрестности»:

...анекдот. Сидит эстонец, ловит рыбу. Подходит к нему товарищ и говорит: «Слышал, Я-ан, русские в ко-осмос полетели?» — «Все?» — не оборачиваясь, спрашивает Ян (70).

Слова «с человеком на борту» он произнес торжественно, с особым нажимом, и было ясно, что они-то и есть самые главные. «Человек на борту» — это звучало гордо (16).

Диктор Юрий Левитан:

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич (110).

Он <Хрущев> начал с того, что позвонил министру обороны маршалу Малиновскому и сказал: «Он у вас старший лейтенант. Надо его срочно повысить в звании». Малиновский сказал, довольно неохотно, что даст Гагарину звание капитана. На что Никита Сергеевич рассердился: «Какого капитана? Вы ему хоть майора дайте»*. Малиновский долго не соглашался, но Хрущев настоял на своем, и в этот же день Гагарин стал майором (71).

Виктор Горбатко:

Внезапно меня вызвали в кабинет, который занимал член ЦК, маршал и будущий министр обороны СССР Дмитрий Устинов. Сообщение для ТАСС о первом полете человека в космос готовил именно он. Внезапно выяснилось, что в докумен-

* «Капитан Гагарин»? Сам Гагарин, отвечая на вопрос, было ли в его службе что-то такое, о чем ему пришлось пожалеть, не то шутя, не то всерьез, отвечал, что «жалеет, что не довелось походить в капитанах». «Мне это звание всегда казалось очень привлекательным. Оно объединяет и зрелость, и молодость» (113), ну и вообще — «самое красивое звание». Был ли гагаринский «скачок» уникальным? И да и нет. С Титовым, например,

тах нет отчества Юрия — только инициалы. Вот Устинов и спросил меня о том, какое у Гагарина отчество. Такой вопрос вызвал у меня ступор, вспомнить гагаринское отчество я не мог. Ведь для меня он всегда был просто Юрой, и по-другому я его никогда не называл! (72).

Диктор Юрий Левитан:

Старт космической многоступенчатой ракеты прошел успешно, и после набора первой космической скорости и отделения от последней ступени ракеты-носителя корабль-спутник начал свободный полет по орбите вокруг Земли (110).

— Я шабашить собирался, дом ставим за рекой.

Алексей Иванович был плотником и ставил в окрестностях Гжатска дома. По тем временам — шабашник. А по нынешним — предприниматель. И в то историческое утро, встав ни свет ни заря, он отправился к реке, чтобы на первом пароме переправиться на другой берег, где бригада таких же предпринимателей заканчивала дом.

— Подхожу я, значит, к пристани, как догоняет меня «газон» у переправы и мужик в шляпе спрашивает: «Вы отец великого героя майора Гагарина?» А какой Юрка, к матери, майор и герой, если он старший всего лейтенант, до майора ему еще летать и летать. «Да нет, — говорит, — это ваш сын только что преодолел земную... ну, в общем, хренотень какую-то, и поэтому позвольте вас обнять». И полез ко мне целоваться. «А вы садитесь в машину — и домой. Уже из Москвы звонили. Завтра там ждут». Куда — домой? Мне шабашить надо. А мужик опять ржет, меня под ручку — и в машину. «Кончилась твоя шабашка, Алексей Иванович. Вы теперь отец все-

ничего подобного не произошло — он сначала стал капитаном (разумеется, досрочно, в апреле 1961-го, за свои дублерские заслуги), а затем, перед полетом, тоже с невероятным опережением, но без каких-либо перепрыгиваний, получил «майора»; а вот Валентине Терешковой 16 июня 1963 года, приказом ГК ВВС № 0502, было присвоено воинское звание «лейтенант» и в тот же день приказом МО СССР № 149 — «капитан» (112). Кстати, раз уж речь зашла о квалификационных званиях: «Квалификацию и знак “Военный летчик 3-го класса” Юрий Гагарин получил по выходе из военного училища. После полета в космос, перескочив через квалификацию “Военный летчик 2-го класса”, он получает сразу 1-й. Подобные случаи были, но чаще всего у летчиков-испытателей или высококвалифицированных военных летчиков, получавших сразу 1-й класс, после введения приказом министра обороны этих квалификационных знаков» (112).

мирного героя». Что там Юрка натворил, я все-таки не понял, только понял: надо ставить. А в карманах — ноль. Занял я у мужика — хороший человек, секретарь горкома оказался, — заехали в магазин и вот с полудня празднуем. А чего — не понимаю (73).

Диктор Юрий Левитан:

По предварительным данным, период обращения корабля-спутника вокруг Земли составляет 89,1 минуты; минимальное удаление от поверхности Земли (в перигее) равно 175 километрам, а максимальное расстояние (в апогее) составляет 302 километра; угол наклона плоскости орбиты к экватору — 65 градусов 4 минуты (110).

Книга рекордов Гиннеса:

Первый пилотируемый космический полет, зарегистрированный Международной федерацией аэронавтики, совершил Юрий Гагарин на корабле «Восток-1» 12 апреля 1961 г. «Восток-1» пролетел 40 868,6 км с максимальной высотой полета 327 км и максимальной скоростью 28 260 км/ч (74).

France Soir, 13 апреля 1961 года:

За 1 час 30 минут можно проделать:

- пешком: 7 км 500 м;
- на велосипеде (скорость Ривьера, рекордное время за час): 72 км;
- на автомобиле (рекорд Джона Кобба): 950 км;
- на пассажирском лайнере *Caravelle*: 1210 км;
- на самолете с реактивным двигателем: 6255 км (107).

Антуан де Сент-Экзюпери «Планета людей»:

Ведь в чем смысл наших авиационных рекордов? Вот он, победитель, он летит всех выше, всех быстрее. Мы уже не помним, чего ради посылали его в полет. На время гонка сама по себе становится важнее цели. Так бывает всегда (75).

Алексей Иванович Гагарин:

Перигей я, конечно, понимаю. А что он еще в каком-то апогее был — не укладывается. И что Юрка за один час всю

Землю облетел, не верю. Не мог он всю Землю. Мне вон, чтобы на шабашку добратся, и то полтора часа надо. А она вон — рядом (73).

Гжатск (Смоленская область), 12 апреля (ТАСС). Огромное счастье пришло сегодня в домик, где живут родные Юрия Гагарина, первого советского человека, который совершил путешествие в космос.

— С большой радостью узнал я о полете моего сына в космос, — сказал корреспонденту ТАСС Алексей Иванович Гагарин — отец отважного космонавта. — Я от всей души благодарю Коммунистическую партию, наше Советское правительство, наш народ за то, что они воспитали Юрия достойным носить высокое звание советского гражданина.

Что я могу рассказать о сыне? Рос он трудолюбивым, скромным, хорошо учился, увлекался спортом, мастерил модели самолетов. Любил читать книги о летчиках Чкалове, Водопьянове, увлекался Жюль Верном, Циолковским, любил помечтать о будущих полетах к неведомым планетам. Сыну своему я хотел бы сказать одно: родительское спасибо тебе, сынок, от всей семьи нашей, от твоих земляков-гжатчан. Желаю тебе доброго здоровья и новых успехов в твоем деле. Продолжай и дальше высоко держать знамя Страны Советов, вырастившей и воспитавшей тебя (104).

Владислав Кац, биограф Юрия Гагарина:

Заявления такого рода воспринимались современниками на полном серьезе. Редко у кого возникало сомнение в способности сельского плотника лепить подобную чушь (76).

Со слов Юрия мы знали, что отец его — мастер на все руки. Он говорил образно и певуче:

— Не возьмешь топор в руки, избу не построишь... Не топор тешет, а человек... — Алексей Иванович знал, когда и что сказать, когда помолчать, послушать других (78).

А когда горожане поздравляли его <Алексея Ивановича> с тем, что Юре присвоили звание Героя Советского Союза, отвечал: «Да какой он герой? Вот собаку послали в космос, так почему ей героя не дадут? Обычный парень, как все...» (77).

К указанному пакету материалов о полете первого космонавта придавались еще два пакета — с проектами несчастливых сообщений. Короткое — на случай гибели космонавта при выводе его на орбиту или на старте. И второе — в случае невыхода на орбиту, но при нештатной посадке на какой-либо иностранной территории или в акваторию Мирового океана. В нем содержалось обращение ко всем государствам, в частности к тому государству, на территории которого мог приземлиться космонавт, с просьбой оказать содействие в его розыске и возвращении. Сообщались также координаты и возможный район приземления или приводнения. При посадке в океан содержалась просьба всем судам и самолетам оказать помощь в скорейшем обнаружении находящегося на плаву спускаемого аппарата космического корабля и давались частоты его радиомаяков в КВ- и УКВ-диапазонах. Последние два варианта, к великой радости, не реализовались, и пакеты были собраны нашим институтом нераспечатанными и уничтожены. Их даже не сохранили для истории, поскольку тогда считалось неприличным не верить в свои успехи (105).

На случай приземления космонавта за пределами СССР была разработана специальная инструкция, в которой перечислялось, чего нельзя делать: указывать место старта; сообщать данные, касающиеся носителя и других технических средств (можно рассказывать данные по оборудованию кабины в объеме, опубликованном в открытой печати); рассказывать о военных и гражданских руководителях; сообщать сведения об институтах, военных и гражданских учреждениях и т. д., а в качестве своего адреса давать «Москва, космос»; давать письменные объяснения устройства и выполнять какие-либо схемы корабля (16).

На всякий случай ему дали конверт с обращением от имени Правительства СССР с просьбой помочь гражданину Советского Союза вернуться домой (если он приземлится в какой-то другой стране). К креслу еще прикрепили кожух с пистолетом и коробкой НАЗ (носимый аварийный запас питания). Если он, например, приземлится в тайге. Для случая приземления в океане у него был набор того, что сейчас предусматривается для пассажиров во всех рейсовых лайнерах, включая порошок от акул (79).

Были отработаны все варианты его спасения, но был маловероятный сценарий, когда одна из ступеней недорабатывает против расчетного 1,5—2 секунды. В этом случае он мог приземлиться на воду, в районе мыса Горн, а там из-за сильного постоянного волнения не мог дежурить спасательный корабль. О теоретической возможности такого исхода Королев доложил на Госкомиссии (80).

Керим Керимов:

Эта нештатная обстановка ему мешала покоя (35).

Рассказывали, как нужно вести себя после приземления в разных местах планеты. Например, при приводнении в Тихом океане в случае нападения акул следовало отпугивать их, ударя по воде «плоскими предметами» (не могу сказать, какие именно предметы имелись в виду). На случай приземления в Заполярье просветили, что белого медведя можно есть всего, кроме печени — она ядовита. Правда, нам рекомендовали в него не стрелять, даже если захочется съесть, так как убить его из пистолета трудно, а раненый он опасен (16).

Носимый аварийный запас — НАЗ — сорокакилограммовый металлический контейнер, начиненный всем необходимым на случай посадки спускаемого аппарата с космонавтом в нерасчетном районе. В НАЗе была мощная радиостанция, с помощью которой космонавт мог установить двухстороннюю связь на расстоянии в несколько тысяч километров. Она включалась автоматически в момент раскрытия парашюта. После приземления космонавт мог определить свои координаты, используя секстант, а самолетам, пришедшим на помощь, подать сигнал ракетами и дымовыми патронами. Был в НАЗе и специальный порошок для окраски воды на случай приводнения в океане или снега — при посадке в Арктике. В НАЗ была уложена небольшая плитка с таблетками сухого горючего и спичками, не боявшимися ни воды, ни ветра. <...> После раскрытия парашюта НАЗ отстыковывался и повисал на 15-метровом фале (63).

...а на случай приземления в малонаселенной или безлюдной местности — пистолет и охотничий нож. Медведи и волки удостоверений не читают (36).

Надувная лодка с успехом также заменит кровать. Попад в зону жаркого климата, космонавт снимет тяжелый скафандр и переоденется в легкое белье, которое тоже есть в НАЗе. В любой аварийной обстановке для обогрева, сигнализации и для приготовления пищи необходим костер. Казалось бы, вещь не такая уж сложная, но все-таки нужно уметь разводить его при любой погоде. Тренировки показали, что лучше всего это делают те, кто занимался охотой или рыбной ловлей. Не случайно поэтому в круг занятий космонавтов входят охота и рыболовство. Председателем охотничьего коллектива является Алексей Леонов (82).

Доклад Ю. А. Гагарина на заседании Государственной комиссии после космического полета:

Вопрос: Как вы прикидываете, какие минимальные размеры предметов вы надежно можете различить своим глазом без прибора, без фотографий — смотришь и видишь: вот дорога идет, видно ее, а тропинку не видно, идет поезд, видно, а автомобиль, например, не видно?

Ответ: Ну, поездов я не видел, автомобилей тоже. Но вот реки и притоки рек видно. Обычные пашни, они видны как квадраты, вспаханные или неспаханные. Это видно было с высоты, когда работала третья ступень и конец третьей ступени.

Вопрос: Вот вы летите над городом, можно нарисовать схему улиц?

Ответ: Над городами я не пролетал, и таких, наверное, городов не было. Мне кажется, что предметы размером метров в сто можно наблюдать. Вот острова, потом притоки этих рек больших, они, по-моему, не такие большие эти притоки, а их видно хорошо (24).

Производил записи в бортжурнал, доклады, работал телеграфным ключом. Когда принимал пищу, пил воду, пустил планшет, и как-то он с карандашом тут плавал передо мной (24).

В запасниках Музея космонавтики (в Калуге) хранится реликвия — планшетка первого космонавта, на которой он во время космического полета делал записи карандашом. Почерк корявый, некоторые слова написаны неразборчиво, и это неудивительно, ведь Гагарин во время полета находился в скафандре. Мне удалось прочитать следующее: «9 часов 42 минуты. Взлетели. Самочувствие хорошее. Слышу “Амурские волны”. Связи с Землей нет» (83).

Да что планшет! Ноги я поднял и без всякого напряжения отпустил, а они... висят (84).

Я писал, находясь в скафандре, не снимая гермоперчаток, обыкновенным графическим карандашом (28).

Затем надо было мне записать очередной доклад. Взял планшет, а карандаша на месте не оказалось. Улетел куда-то. Ушко было привернуто к карандашу шурупчиком, но его, видимо, надо было или на клей поставить, или потуже завернуть. Этот шуруп вывернулся, и карандаш улетел. Свернул бортжурнал и вложил в карман: все равно не пригодится, писать же нечем (24).

Юрий Нагибин «Рассказы о Гагарине»:

Генерал-полковник поколдовал над сейфом, и тяжелая, толстая дверца распахнулась бесшумно-легко, как если бы обладала невесомостью. Его четкие, короткие движения приобрели такую бережность, словно он хотел пересадить бабочку с цветка на цветок и боялся повредить нежную расцветку крылышек. Он положил передо мной тетрадь, блокнот не блокнот — книжицу в сером переплете. Я раскрыл ее и увидел несколько неровных строчек, написанных шатким почерком. «Вошел в тень Земли...» Сердце во мне забилося — это был бортовой журнал Юрия Гагарина (86).

Гагарин привез на Землю почти пустой бортовой журнал. По его словам, он смог сделать только одну-единственную запись, поскольку карандаш, которым он писал, был плохо закреплен и в невесомости просто-напросто улетел (87).

Юрий Гагарин «Дорога в космос»:

Писалось легко, а фразы одна за другой ложились на бумагу бортового журнала (28).

Юрий Гагарин:

Небо, небо черное, черное небо, но звезд на небе не видно. Чувство невесомости интересно. Всё плавает. Плавает всё. Красота! Интересно (24).

Испытал ли он нечто новое, какое-то ощущение, с которым не сталкивался в процессе тренировок? «Трудный вопрос, так сразу не ответишь. На протяжении всего времени полета были разные чувства, разные ощущения, конечно. Они длились всего пару секунд часто, и на самом деле не было времени анализировать их. Я был очень-очень занят; это все время была работа, работа, работа. Конечно, был некоторый дискомфорт, ощущались большие нагрузки на тело, но тренировочная программа была исключительно суровая и тщательная и включала практически все что только можно». Невесомость, сказал он, была «интересной», но не некомфортной. Он единственный человек в мире, испытавший это странное состояние на протяжении более чем пяти минут в полете, и, конечно, одной из целей полета было увидеть, как человек может переносить состояние, которое не может быть с должной точностью имитировано на Земле. Его отчет: «Без особых проблем» (20).

Николай Каманин:

7 апреля 1970.

Музею истории космонавтики я передал на хранение подлинный бортжурнал Гагарина, на котором 12 апреля 1961 года он первым из людей написал первые слова в космосе. На лицевой стороне бортжурнала можно прочитать:

«9:33. Вошел в тень Земли. В иллюминатор ничего не видно.

9:42. В тени. <...> Слышу позывные ВС-1».

На обратной стороне бортжурнала Гагарин записал ответы на вопросы: «Можно ли определить вращение космического корабля?» — «Да». — «Виден ли горизонт?» — «Виден хорошо». — «Чувствуется ли скорость полета космического корабля?» — «Да» (9).

Вопрос: Я хотел бы, чтобы вы несколько подробно передали нам ощущения невесомости, в чем была разница?

Ответ <Гагарина>: Разница была в том, что когда человек находится в таком взвешенном состоянии, что он не сидит в кресле, не лежишь на спине, а получается такое чувство, ощущение, что как будто ты лежишь на груди. Координация движения полностью сохранилась. Я кушал, пил воду, писал, вел доклад, работал телеграфным ключом. Так что, по-моему, на координацию движения, на работоспособность та продолжительность невесомости, которую я испытал, не оказывает влияние, не затрудняет (24).

Состояние непривычное, а предметы будто живые, как в детском стихотворении о Мойдодыре, — вдруг убегают от тебя. Приходится сосредоточивать внимание на том, что на земле привычно (89).

Он говорил мне об ощущении человека в невесомости, о том, что она не похожа ни на одно земное ощущение.

— Каждый мускул как будто ниточкой к чему-то подвешен. Законно!

Это его любимое словечко. Оно из нашего детства. Послевоенные мальчишки любили говорить «железно», «законно» (23).

Вопрос: В условиях невесомости вы пробовали делать резкие движения головой, когда работали там?

Ответ <Гагарина>: Резкие движения головой делать в этом скафандре просто невозможно, так как голова находится внутри шлема. А так пробовал резко изгибаться. Иллюзий не было. Все крутится, вращается.

Вопрос: Пытались садиться?

Ответ: Я садился. Брался за одну, за другую ручку и садился. Я пытался брать за приемник, но настроить не мог, потому что большой шум в кабине и динамик не слышно. Потом после прохождения второй команды я притянул притяг и подтяг. И после отделения меня резко притянуло ремнями. В шлеме произошел выстрел на закрытие иллюминатора шлема (24).

Самочувствие отличное. Чувство невесомости благоприятно влияет. Никаких таких не вызывает явлений. Как поняли меня? Прием (15).

Выступление Юрия Гагарина на X пленуме ЦК ВЛКСМ:

Невесомость абсолютно не сказалась на работоспособности организма, даже наоборот, легче было, и может быть, мы на отдых будем летать в космос (57).

— Кто говорил с вами с земли?

— Точно пока не знаю.

— Это был мужчина или женщина?

— Мужчина. Очень хороший человек, голос его мне был так дорог.. (62).

В космическом пространстве человек находится в герметической кабине, где созданы условия, близкие к земным, однако никогда нельзя исключить возможность разгерметизации кабины — к этому может, например, привести столкновение корабля с микрометеоритом. До сих пор попадались лишь очень мелкие микрометеориты, которые не причиняли особого вреда обшивке корабля. Но будь они весом всего в несколько граммов — и опасность стала бы реальной. Достаточно сказать, что метеорит, весящий один грамм и летящий со скоростью 30—40 километров в секунду, выбивает в обшивке массу вещества, в пять раз большую, чем он сам. При этом удар так силен, что он похож на взрыв. Правда, вероятность встречи с таким сравнительно большим метеоритом в околоземном космосе чрезвычайно мала (82).

Небо черное. И по краю Земли, по краю горизонта такой красивый голубой ореол, который темнеет по удалению от Земли.

— Внимание. Вижу горизонт Земли. Очень такой красивый ореол. Сначала радуга от самой поверхности Земли и вниз. Такая радуга переходит. Очень красиво! (24).

Анатолий Алексин:

Помню, как Юрий Гагарин, с которым я познакомился в Гурзуфе, где он отдыхал, сказал: «Это не мы, космонавты, первыми увидели, что Земля голубая, — первым это открыл Лермонтов:

В небесах торжественно и чудно
Спит Земля в сиянье голубом...»

Юрий Алексеевич боготворил Лермонтова. Помню, он воскликнул: «Космическая поэзия!» — и подтвердил это четверостишием:

Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края.
И будешь ты царицей мира.
Подруга верная моя...

«В надзвездные!» — восхищался первый космонавт (90).

Виктор Пелевин «Омон-Ра»:

Я положил трубку и прижался к глазкам, глядя на голубой полукруг Земли. Я часто читал, что всех без исключения космонавтов поражал вид нашей планеты из космоса. Писали о какой-то сказочно красивой дымке, о том, что сияющие элект-

ричеством города на ночной стороне напоминают огромные костры, а на дневной стороне видны даже реки, — так вот, всё это неправда. Больше всего Земля из космоса напоминает небольшой школьный глобус, если смотреть на него, скажем, через запотевшие стекла противогаса (91).

Юрий Гагарин:

Все шло через правый иллюминатор. Вижу звезды через «взор», как проходят звезды. Очень красивое зрелище. Продолжается полет в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезды. Она так проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звездочка. Уходит, уходит (24).

Вопрос: Вы сообщали, что, пролетая над Южной Америкой, ваш полет проходил нормально и вы чувствовали себя хорошо. Как житель Южной Америки, хочу вас спросить: красив ли наш континент с высоты космического полета?

Ответ: Очень красив (84).

Командир «Востока» во время своего единственного витка, конечно, не успел проголодаться, но по программе он все же принимал пищу (82).

В назначенное время он достал из контейнера питание — щавелевое пюре с мясом, мясной паштет и шоколадный соус. После обеда с помощью мундштука попил консервированной воды (92).

Чтобы крошки и пыль от пищевых продуктов не попали в дыхательные пути, для первых двух командиров кораблей «Восток» изготовили продукты в виде паштетов, соусов и пюре. Упакована вся эта пища была в тубы емкостью до 160 граммов. В тубах также находились плавленый сыр, шоколадный соус и кофе с молоком. Кроме пюреобразных, были и твердые продукты: хлеб, копченая колбаса, лимонные дольки. Хлеб испекли небольшими шариками, чтобы их можно было, не кусая, положить в рот. Так же расфасованы были и другие твердые продукты (82).

Хлеб пшеничный мелкими круглыми буханочками. Масса одной буханочки — не более девяти граммов. Прием буханочек производился без откусывания (93).

На 40-й минуте орбитального полета Юрий Алексеевич употребил тубу с черносмородиновым соком, с мякотью. Была установлена возможность питания человека в космосе — может проглотить или нет? (94).

Перед входом в тень Земли в магнитофоне кончилась вся лента. Магнитофон не работал.

Я принял решение перемотать ленту, чтобы произвести дальнейшие записи. Переключил его на ручное управление и перемотал. По-моему, не до конца перемотал. И затем, когда производил доклады, то запись на магнитофон осуществлял вручную, так как при автоматической работе магнитофона он почти все время работает и, естественно, много расходуется ленты. Это вызывается высоким уровнем шума в кабине.

Перед этим я вошел в тень Земли. Вход в тень Земли очень резкий (24).

Flight, 20 июля 1961 года:

Цюрихский профессор, представляющий некие неназванные журналы, издающиеся в Юго-Восточной Азии, спросил, испытывал ли майор Гагарин “то, что в восточных странах мы называем вечностью”. Ответ <...> был уклончиво-отрицательный (95).

«...Полет Гагарина, — пишет один из членов академии, — это первая встреча звездного неба с нравственным законом. И потому Гагарин оказался не просто первым человеком в космосе. Он стал и навсегда останется олицетворением, живым воплощением нравственного закона. Таким, как Будда или Иисус. Никак и ничуть не меньше» (96).

Вопрос: Брали ли вы с собой в космос какие-нибудь памятные предметы?

— Могу вас заверить, что ни в какие приметы и талисманы и другие подобные вещи я не верю (84).

Июнь 1961 года. Юрий Алексеевич преподнес в дар Музею Карла Маркса и Фридриха Энгельса в Москве книгу Владимира Ильича Ленина «Что делать?», побывавшую в первом космическом рейсе (50).

«Жилище» космонавта мало чем напоминало привычную «земную» комнату. Прежде всего оно имело шарообразную форму, и размер «жилплощади» следовало измерять не в квадратных, а в кубических единицах. Сфера кабины составляла в диаметре 2,3 м, а весь объем помещения равнялся 6 куб. м (82).

Временами нам удавалось изыскивать резервы в самой конструкции. Еще до первых полетов мы убедили всех, что уменьшить толщину слоя теплозащиты все-таки можно. И на лбу спускаемого аппарата срезали около 100 миллиметров. Теперь если вы на фотографии или где-нибудь в музее внимательно присмотритесь к спускаемому аппарату «Восток», то увидите, что он совсем даже не шар (65).

Виктор Пелевин «Омон-Ра»:

Сложно описать это ощущение: тьма, жаркое тесное пространство, капающий со лба пот, легкое покачивание — наверно, что-то похожее испытывает плод в материнской утробе (91).

Анекдот. В квартире Гагариных звонит телефон, подходит дочка. «Алло? Нет, мамы и папы нет дома. Папа? Папа летает по орбите Земли и вернется сегодня вечером в семь. А мама ушла в магазин за продуктами, так что когда будет — непонятно» (97).

Время работы ТДУ составило точно 40 секунд. В этот период произошло следующее. Как только выключилась ТДУ, произошел резкий толчок и корабль начал вращаться вокруг своих осей с очень большой скоростью. Земля у меня проходила во «взоре» сверху справа вниз и влево. Скорость вращения была градусов около 30 в секунду, не меньше. Получился «кардибалет»: голова-ноги, голова-ноги с очень большой скоростью вращения. Все кружилось. То вижу Африку (над Африкой произошло это), то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от Солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрывал шторы. Мне было интересно самому, что происходит (24).

Николай Варваров:

...от его брата Бориса я давно уже прослышал под большим секретом о том, что Юра там, в космосе, пережил мгновения,

которым не позавидуешь. Оказался, короче говоря, на волосок от гибели. Задав ему свой решающий вопрос, я приготовился услышать в ответ что-нибудь уклончивое, неопределенное. По его первой реакции показалось даже, что он не захочет мне ответить. После тяжелой паузы, как бы собравшись с духом, он предупредил меня о строгой конфиденциальности дальнейшего разговора:

— Все, что я сейчас скажу, пусть останется между нами! Меня по этому случаю уже раз сто предупреждали!..

Добавил, что ему известно о полном доверии ко мне его мамы и что именно с учетом этого факта он и соглашается на мой вопрос ответить.

Юра подтвердил далее, что действительно на заключительной стадии его полета, в момент схода корабля с орбиты, после выключения тормозного двигателя началось беспорядочное кувыркание со скоростью около одного оборота в секунду, которое продолжалось около 10 минут. Юра добавил, что «по этому случаю» передал на Землю одну-единственную фразу, говорившую в условных выражениях о возникновении на борту корабля нештатной ситуации. «Понятную, по его словам, скорее техническим работникам, чем руководителям полета».

После новой паузы, навеянной, по-видимому, горестными воспоминаниями об этих минутах драмы там, в космосе, Юра продолжал:

— Кувыркаясь там, в пустоте, я все время думал не о себе и не о том, что лично меня ожидает, а о провожавшем меня в полет Сергее Павловиче Королеве, вложившем в меня, в мою подготовку и в свой космический корабль всю свою жизнь без остатка. И точно знал, что любой мой сигнал тревоги, пришедший к Королеву с орбиты, от меня, способен загнать его в могилу. И я решил про себя скорее погибнуть, чем позвать его на помощь и заплатить за свой призыв о помощи и спасении самым дорогим для меня на свете — его жизнью. Сцепив зубы и зажмурившись, я стал ждать, закрыв глаза, развязки: «Будь что будет!»

Задумавшись снова на минуту, Юрий Алексеевич продолжал:

— Сейчас, когда все уже давно позади, тем более ясно, что я принял тогда единственно правильное решение! Оно оказалось не только верным, но и спасительным: через 10 минут неизвестности вращение корабля прекратилось так же неожиданно, как и началось. Корабль стабилизировался в пространстве, и его дальнейший спуск прошел нормально (32).

После построения ориентации корабля для схода с орбиты произошло включение тормозной двигательной установки. А вот выключилась она, примерно, на 1 секунду раньше, чем было предусмотрено циклограммой спуска. Магистралей наддува горячего остались открытыми, и в них, как и в рулевые сопла, стал поступать под давлением 60 атмосфер азот, что и привело в конечном итоге к закрутке корабля с угловой скоростью 30 градусов в секунду. Тогда на спускаемом аппарате не было установлено системы, успокаивающей его возмущение после воздействия тормозного импульса. Гагарин знал об этом, но вращения аппарата вокруг продольной оси с угловой скоростью более 30 градусов в секунду по системе «голова — ноги» были очень неприятны. Не прошла от автоматики команда на разделение отсеков корабля — спускаемого аппарата от приборно-агрегатного отсека. И этот процесс ожидания разделения длился долгих 10 минут. И состоял он из одной и той же повторяющейся картины: быстро менялись в оптическом визире «Взор» воздушная среда, земная твердь и водные морские просторы (4).

«Мой самый худший момент?» Его <Гагарина> правая рука выстреливает вверх. «Первая минута, — рука падает вниз, — и вход в плотные слои атмосферы. — Он постукивает по столу пальцем. — Но “худший” — слово относительное. Ни одного “плохого” момента не было. Все работало, все было организовано должным образом, ничего не ломалось. По существу, это была прогулка» (88).

Я ждал разделения. Разделения нет. Я знал, что по расчету это должно было произойти через 10—12 секунд после выключения ТДУ. При выключении ТДУ все окошки на ПКРС погасли. По моим ощущениям больше прошло времени, но разделения нет. На приборе «Спуск I» не гаснет, «Приготовиться к катапультированию» — не загорается. Разделение не происходит. Затем вновь начинают загораться окошки на ПКРС: сначала окошко третьей команды, затем — второй и затем — первой команды. Подвижный индекс стоит на нуле. Разделения никакого нет. «Кардибалет» продолжается. Я решил, что тут не все в порядке. Засек по часам время. Прошло минуты две, а разделения нет. Доложил по КВ-каналу, что ТДУ сработала нормально. Прикинул, что все-таки сяду нормально, так как тысяч 6 есть до Советского Союза, да Советский Союз тысяч 8 километров, значит, до Дальнего Востока

где-нибудь сяду. «Шум» не стал поднимать. По телефону доложил, что разделение не произошло. Я рассудил, что остановка не аварийная. Ключом я передал «ВН» — все нормально. Через «взор» заметил северный берег Африки, Средиземное море. Все было четко видно. Корабль продолжал вращаться. Разделение произошло в 10 часов 35 минут, а не в 10 часов 25 минут, как я ожидал, то есть приблизительно через 10 минут после конца работы тормозной установки (24).

Кроме того, не разъединились кабели между приборным отсеком и спускаемым аппаратом, связка начала вращаться с большой скоростью, и этот «кардибалет» продолжался до тех пор, пока кабели не перегорели в плотных слоях атмосферы. Можно себе представить, каково ему было сидеть в беспорядочно вращающемся корабле, когда нельзя было знать наверняка, что это скоро кончится и дальше все будет благополучно (16).

Советский космический корабль «Восток» был так же надежен, как знаменитый автомат Калашникова, и безукоризненно (по конечному результату) работал в любых условиях (4).

...наиболее важную часть полета — события, связанные с работой тормозного двигателя, полет связки «приборный отсек — спускаемый аппарат» (ПО — СА) после выключения двигателя и разделения приборного отсека со спускаемым аппаратом, то есть как раз тот участок полета, который вызвал наибольшее беспокойство по поводу безопасности Гагарина (98).

В докладе Гагарин не упоминал о неотделении кабель-мачты, но сказал, что ожидал разделения отсеков через 10—12 секунд после выключения ТДУ — а этого не произошло. Он рассказал о своих дальнейших наблюдениях, решениях, радиообмене и, наконец, — о разделении, которое последовало примерно через 10 минут после конца работы тормозной ДУ (99).

А беспокойство вызывают следующие вопросы:

1. Была ли в полете Гагарина задержка с разделением приборного отсека (ПО) и спускаемого аппарата (СА)?

2. Почему связка ПО — СА после выключения тормозной двигательной установки (ТДУ) крутилась по всем осям?

СА по форме представлял собой шар с центром масс, смещенным относительно геометрического центра. Благодаря этому при спуске в плотных слоях атмосферы отделенный СА всегда приходил в нужное положение — центр масс впереди центра шара. Вспомните «неваляшку»: как бы вы ее ни наклонили, она покачается и станет головой вверх. Примерно так же вел себя свободный СА «Востока» в атмосфере Земли (98).

Вскоре, однако, в печати появились заявления о том, что в докладе Гагарина допущена серьезная ошибка — якобы разделение отсеков (приборно-агрегатного от спускаемого аппарата. — *Л. Д.*) и должно было произойти через 10 минут и состоялось штатно. Так, Б. Е. Черток во второй книге своих воспоминаний говорит о разделении по команде от программно-временного устройства (ПВУ) через 10 минут после выключения ТДУ и полностью штатном спуске. В статье Ю. С. Карпова эта версия изложена наиболее подробно. <...> если согласиться с версией Ю. С. Карпова, неизбежен следующий вывод: Ю. А. Гагарин был плохо подготовлен к полету. «Использованием механических часов и возбужденным состоянием космонавта» можно было бы объяснить неверно прочитанные показания прибора, но никак нельзя списать на эти факторы незнание основных пунктов программы полета и логики работы систем корабля (99).

А вот «механизм» разделения отсеков был задублирован трижды(!), и если одна часть не срабатывала, то была другая, дублирующая, а потом и третья. Поэтому задержка с разделением отсеков была опять же мелочью (12).

Когда сработал тормозной двигатель и кабина вошла в атмосферу Земли, загорелась ее обшивка. Я знал об этом, знал, что конструкторы рассчитали толщину обшивки такой, что в кабине даже не будет жарко. Но представьте мое состояние, когда я увидел раскаленный металл, который, как из вагранки, тек тонкой струей по стеклу иллюминатора, я слышал потрескивание кабины. Признаюсь, было не до улыбок (100).

Вдруг по краям шторы появился ярко-багровый свет. Такой же багровый свет наблюдался и в маленькое отверстие в правом иллюминаторе. Ощущал колебания корабля и горение обмазки. Я не знаю, откуда потрескивание шло: или конструкция потрескивала, расширялась ли тепловая оболочка при нагреве, но слышно было потрескивание. Происходило одно потрескивание примерно в минуту. В общем, чувствовалось, что температура была высокая. Потом несколько слабее стал свет во «взоре». Перегрузки были маленькие, примерно 1—1,5 единицы. Затем начался плавный рост перегрузок (24).

Теперь все внимание Гагарина было направлено на исчезновение невесомости, пыль в корабле в этом случае проседает, опускаясь на пол кабины корабля. И тут же перегрузка стала расти. Это один из самых важных для космонавтов момент, и сопровождался он чувством радости, что наконец-то космонавт пошел на реальный процесс приземления. Радость уступает место боли, которая растет вместе с перегрузкой (4).

В Калькутте Юрий Алексеевич ведет увлекательную беседу с корреспондентами индийских газет. «Когда корабль “Восток-1”, возвращаясь на землю, входил в верхние слои атмосферы, — говорит Ю. А. Гагарин, — то казалось, будто вокруг меня бушует пламя и я нахожусь в центре огромного костра» (101).

Колебания шара все время продолжались по всем осям. К моменту достижения максимальных перегрузок я наблюдал все время Солнце. Оно попадало в кабину в отверстие иллюминатора люка № 1 или в правый иллюминатор. По «зайчикам» я мог определить примерно, как вращается корабль. К моменту максимальных перегрузок колебание корабля уменьшилось до ± 15 градусов. К этому времени я чувствовал, что корабль идет с некоторым подрагиванием. В плотных слоях атмосферы он заметно тормозился. По моим ощущениям, перегрузка была за 10 ж. Был такой момент, примерно секунды две-три, когда у меня начали «расплываться» показания на приборах. В глазах стало немного сереть. Снова поднатужился, поднапрягся. Это помогло, всё как бы стало на свое место. Этот пик перегрузки был непродолжительным. Затем начался спад перегрузок. Они падали плавно, но более быстро, чем они нарастали (24).

У Гагарина перед глазами поплыла приборная доска, сознание кратковременно было потеряно. Сама форма спускаемого корабля — сфера не дает возможности осуществлять управляемый спуск с орбиты с малыми перегрузками. Сфера гонит перед собой огромную массу раскаленных газов, спускаемый аппарат идет на посадку в плазменном облаке, температура которого достигает 8—10 тысяч градусов. Связь со спускаемым аппаратом пропадает, внутри корабля слышится страшный гул и треск, корабль как будто несется по гигантским ухабам. Металлические части спускаемого аппарата плавятся и горят. Это зрелище не для слабонервных людей, даже для подготовленных к нему космонавтов (4).

Скорость спуска замедляется, загорается транспарант с надписью «Приготовиться к катапультированию!». Гагарин успел только повернуть голову, как крышка люка спускаемого отсека отстрелилась, а вслед за нею катапульта выбросила из корабля кресло с ним (4).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Джо Уокер говорил, что всякий раз справлялся с этим явлением с помощью «маневра Иисуса Христа». Он говорил: «При выполнении маневра Иисуса Христа вы снимаете руки с панели приборов и со сверхъестественной силой вспоминаете свою мать». По сути, это был единственный выход (92).

Глава девятая

ГАГАРИН И ВЕЛИКАЯ МИГРАЦИЯ

Если в последних минутах полета было нечто величественно-люциферическое: низвержение ангела, обожженного звездным огнем, то после приземления жанр происходящего вдруг резко сменился. Космос был пространством тотальной неизвестности — после входа же в атмосферу Гагарин очутился не просто на планете Земля и даже не просто в СССР, а — надо же, как будто Бог ему ладонь подставил — под Саратовом, в хорошо знакомой ему местности; то есть вот он летел-летел себе от Африки на северо-восток, долетел до России, еле-еле, совсем уже по инерции, спланировал над Волгой — и плюхнулся на другой стороне, совсем рядом с восточным, соответственно, — летел-то с запада — берегом. На *google*-картах можете посмотреть, насколько близко от обрыва к реке; и все, что происходило с ним дальше, было вот именно что приземленным, в хорошем смысле.

История про то, как он в своем скафандре напугал старушку, судя по всему, была его коронным анекдотом, «цыганочкой» с выходом; многие припоминают, как Гагарин «весело, в свойственной ему юмористической манере рассказывал о приземлении» (4). На самом деле не так уж все было и весело; называя вещи своими именами, он приземлился едва живой, чуть не задохнувшийся. И на первой своей фотографии — причем сделанной даже не сразу, а уже где-то через час, наверное, Гагарин выглядит как человек, побывавший в эпицентре какого-то страшного космического катаклизма: лицо опухшее, заплывшее, уставшее; и хотя тому есть научное объяснение (35) — под воздействием перегрузок мягкие ткани, в том числе лица, деформируются, расплющиваются, но ощущение такое, что за ним все еще видна космическая дыра, из которой он выпал; незакрывающаяся дверь.

Подробности приведены ниже; пока скажем лишь, что у

космического полета стихийным образом возник новый аспект — о котором мало кто задумывался на стадии планирования: реакция землян на появление человека из космоса. Надо понимать, до какой степени странным для населения было это событие — допускающее самый широкий диапазон толкований: от подбитого американского шпиона до потустороннего существа, решившего вторгнуться в земную реальность. Разумеется, было бы замечательно, если бы русские механизаторы продемонстрировали всего лишь невозмутимость в сочетании с хорошими манерами и поприветствовали космонавта в духе Генри Мортон Стэнли, обнаружившего в джунглях Африки пропавшего доктора Ливингстона: *Major Gagarin, I presume?** Однако то, что происходило в окрестностях деревни Смеловка, никоим образом не напоминало встречу двух викторианских англичан. Вокруг человека с оранжевым парашютом моментально возникла кутерьма; темп жизни вдруг резко увеличился; массы пришли в движение, словно сотрясение поверхности от столкновения с живым метеоритом придало им импульс.

Это важно — Гагарин стал веществом, вызывающим в социуме бурную химическую реакцию; представьте себе кусок карбида, брошенный в воду. Существует удивительная фотография — на которой нет самого Гагарина, но видно, как сотни людей бегут по полю к месту его приземления; это похоже не столько на почуявшую сенсацию толпу, сколько на «великую миграцию» животных по африканской саванне: бескрайние равнины, до самого горизонта заполненные крупной живностью; движущаяся, бегущая биомасса.

Это очень существенная деталь: из обычного человека Гагарин превратился в «бестселлер» вовсе не на Красной площади и даже не во Внукове, когда шел докладывать Хрущеву по красной ковровой дорожке, а сразу же, лишь только коснулся земли; «социальная эпидемия», гагариномания началась непосредственно в поле. Она была стихийным, практически не срежиссированным явлением. Гагарин в том виде, в котором он просуществовал дальнейшие семь лет, не был продуктом советской пропаганды.

Пропаганда лишь использовала тот факт, что там, в космосе, у Гагарина появилось некое магнетическое свойство: его словно опрыскали там «совершенными духами», вызывающими всеобщую любовь, — вроде тех, что изобрел персонаж романа «Парфюмер». Отныне каждый человек на Земле начинает ценить время, проведенное в обществе Гагарина, — притом что от него самого в ответ ничего не требуется. Гагарин стано-

* Майор Гагарин, я полагаю? (англ.). — Прим. ред.

вится кем-то вроде живого будды; с его стороны достаточно одного присутствия, улыбки, приветственного жеста. Он излучает нечто эдакое, «а certain je ne sais quoi»; возможно — раз уж мы все равно прибегли к макароническому стилю, семь бед, один ответ, — это как раз то, что называется «glamour of space». С этого момента в воспоминаниях о нем начинают доминировать «евангельские» ноты: это почти всегда благая весть о встречах с ним. Все его действия фиксируются и хронометрируются. Люди начинают воспринимать его жизненную траекторию как детерминированную (ага — он *неслучайно* приземлился там же, где учился летать). Вокруг него возникает особая микросреда, внутри которой не действуют рациональные законы экономики — все хотят не получить что-то от него, а дать, подарить, преподнести, пожертвовать ему что-то.

В сюжете о гагаринском приземлении обычно акцентируют историю о неточно зафиксированном месте, о том, замкнул он круг или не замкнул, о лжи с катапультированием — однако всё это мелочи, на которые могут обращать внимание лишь те, кто сознательно не хочет понимать, о какого рода событии идет речь. В конце концов, никто не устраивал воскресшему Христу или укравшему огонь Прометею пресс-конференции относительно того, как именно они вернулись из мира мертвых и с Олимпа соответственно, — в спускаемом аппарате или катапультировались в какой-то момент? Нелепо подменять метафизические проблемы инженерными; и глупо не заметить происшедшей трансформации, не увидеть, что, по сути, из старшего лейтенанта Гагарин превратился ни в кого не в майора, а в гения, в художника, в творца, в существо, способное преобразовывать духовные свойства окружающей среды. Такого рода заявления могут показаться неуклюжими метафорами биографа-халтурщика, некритически усвоившего формулировки из советской пропагандистской литературы; однако если у каких-либо событий есть не только буквальное значение, но и «высший смысл» — то уж, конечно, это именно тот случай. Сюжет о гагаринском приземлении годится не только в качестве материала для отчета Госкомиссии.

Православная Пасха в 1961 году праздновалась 9 апреля. 12 апреля, соответственно, было средой Пасхальной недели. Разумеется, важно не то, что была среда, а то, что была весна, что было утро, что он упал на пашню — ну да, как проросшее зерно, как вернувшееся солнце, как воскресшие Осирис, Адонис, как Христос; невозможно не обращать внимания на всю эту удивительным образом совпавшую символику, на то, как фантастиче-

ски ловко он, среди прочего, вписался в календарный миф о возвращении-воскресении. Во всем, что происходило под Смеловкой, была не только пронзительная новизна, но и присутствовало странное ощущение дежавю, чего-то уже однажды происходившего; слишком много совпадений. Полет был своего рода распятием, а возвращение — Пасхой. И все это движение растревоженных масс — тоже, некоторым образом, напоминает «явление Христа народу»; да даже запрет сразу после приземления на поцелуй — на что, в сущности, это было похоже? Правильно: где-то мы это уже слышали. *Noli me tangere**.

Вообще, если вы думаете, что все эти подозрительные совпадения — *тоже* «умер» и «воскрес» весной, *тоже* сын плотника — никому не приходили в голову, то вы ошибаетесь.

Гагаринское перемещение на «небо» и обратно стало объектом пристального внимания не только конкретных элит (научной и военной), но и народного сознания. Это сегодня кому-то кажется, что «в народе» Гагарин воспринимался исключительно как материал для частушечников: «Я сидела на Луне, чистила картошку, вдруг Гагарин прилетел, заиграл в гармошку». Известная триада «Циолковский — Королев — Гагарин» соотносится с христианской тернарной моделью «Отец — Сын — Дух» слишком уж очевидным образом; но на самом деле такого рода «совпадений» было гораздо, гораздо больше. Анна Тимофеевна и Алексей Иванович — как Мария и Иосиф; немцы в Клушине — как Ирод; переезд в Гжатск — как бегство в Египет; авторы бессовестно китчевых палехских миниатюр «о Гагарине» просто артикулировали, на самом деле, то, что все интуитивно и так чувствовали. Мало кто мог сказать об этом, но подсознательно все понимали, на что все это похоже. На что-на что? На то, что история с умершим и воскресшим существом повторилась в России.

Безусловно, никто из тех, кто, увязая в ледяной грязи, несся к месту приземления, не имел представления ни о чем подобном. Также вряд ли можно списать их ажитацию, их животную радость только на левитановское сообщение по радио о «человеке на борту»; мало ли о чем сообщают; и по радио

* Не прикасайся ко Мне (лат. *Noli me tangere*) — евангельский сюжет, описывающий первое после Воскресения явление Христа Марии Магдалине, которая, таким образом, первая увидела воскресшего Спасителя. «Он же сказал ей: “не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему”» (Ин. 20:11-17). Сюжет использовался для написания икон «Не прикасайся ко Мне» («*Noli me tangere*»), где Мария Магдалина изображена протягивающей руки к Христу. — *Прим. ред.*

ведь не объясняли самое главное — а зачем он летал в космос? Какой во всем этом смысл?

Смысл, несомненно, был, и в том числе прагматический; но невозможно ведь объяснить ликование жителей Энгельсского района прагматичностью — хотя, теоретически, они могли бы радоваться Гагарину потому, что счастливое приземление этого человека означало, что их внуки, скорее всего, будут общаться с ними посредством работающих через спутник мобильных телефонов и приезжать к ним на автомобилях, оборудованных спутниковой системой навигации «ГЛОНАСС»; или, допустим, потому, что раз Гагарин слетал и вернулся живым, то космос — покоряем, и теперь у человечества и у жителей Саратовской области тоже появился доступ к неисчерпаемой ресурсной базе; или потому, что если солнце возьмет да и остынет, то у них будет шанс эвакуироваться куда-то еще.

Так что же, спрашивается, они почувствовали, что такое спровоцировало их бег? Что им был этот космос?

У Василия Шукшина есть напоминающий платоновский диалог рассказ «Космос, нервная система и шмат сала», в котором двое существ в оболочках деда и внука — один скептик, второй энтузиаст — пытаются нащупать, в чем же состоит «космический императив развития человечества» (4). Они приходят к поразительному ответу — исчерпывающе объясняющему ажиотаж, возникший в момент гагаринского приземления:

«— А чего они туда летают? Зачем? <...>

— Ну, во-первых: освоение космоса — это... надо. Придет время, люди сядут на Луну. А еще придет время — долетят до Венеры. А на Венере, может, тоже люди живут. Разве не интересно поглядеть на них?..

— Они такие же, как мы?

— Этого я точно не знаю. Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая — больше давит.

— Ишо драться кинутся.

— За что?

— Ну, скажут: зачем прилетели? — Старик заинтересован рассказом. — Непрошенный гость хуже татарина.

— Не кинутся. Они тоже обрадуются. Еще неизвестно, кто из нас умнее — может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьется, дальше полетим... — Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе. — Мы же еще не знаем, сколько таких планет, похожих на Землю! А их, может, миллионы! И везде живут существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

— Жениться, што ли, друг на дружке будете?

— Я говорю — в смысле образования! Может, где-нибудь

есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Может, у них все уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. *Вот и получится тогда то самое царство божие, которое религия называет — рай*».

* * *

На заключительном этапе полета Гагарин оказался без радиосвязи с Землей. Можно предположить, что он находился в полной уверенности относительно предстоящего благополучного приземления. К встрече космонавта были стянуты значительные силы ВВС. Посадка была запланирована на линии Ростов — Куйбышев — Пермь. Туда были направлены 40 самолетов и вертолетов различного типа и поисково-спасательные отряды. Кроме того, на местах дополнительно дежурили наблюдатели, были выделены катера, автомашины, средства связи, авиация (3).

Под контролем КГБ были сформированы поисковые группы из надежных местных жителей. Утром 12 апреля десятки таких групп, по три человека в каждой, расположились на вершинах холмов в заволжской степи. Все эти поисковые «тройки» получили только одну задачу: внимательно смотреть, не появится ли в небе огромный парашют. Люди прождали несколько часов, но так ничего и не увидели (2).

В связи с тем, что сообщение о запуске было дано с задержкой, сдвинулось и объявленное время приземления: с продолжительностью полета ничего нельзя было поделать, тут действовали неумолимые и совершенно несекретные законы небесной механики. К тому же орбита корабля оказалась, как говорят специалисты, нерасчетной — апогей получился выше заданного, из-за чего Гагарин приземлился не в том месте, где его ждали, а в саратовской степи, чуть было не угодив в Волгу (4).

Скорость снижения — 220 м/с. До Земли оставалось около семи тысяч метров. Вот-вот откроется первый тормозной парашют, а за ним начнет работу основная парашютная система (5).

Внешне кресло космонавта похоже на сиденье в автобусе дальнего следования или воздушного лайнера. По существу же это своеобразный летательный аппарат. В него встроена

специальная реактивная установка, позволяющая космонавту в нужный момент «вылететь» из кабины и самостоятельно спуститься на Землю (6).

Вдруг в небе раздался как будто взрыв, который бывает, когда самолет преодолевает сверхзвуковой барьер скорости. Все выскочили на улицу и увидели два парашюта — огромный белый (под ним висел спускаемый аппарат) и красный. Все сразу поняли, что это — Гагарин (1).

Несмотря на столь мощный размах и неограниченные возможности, все эти силы поставленной важной задачи не выполнили. Мягко говоря, Гагарина они профукали, в чем командование ВВС да и, видимо, Минобороны сознаваться не хотели. Отсюда и пошли обманы, в которые был втянут Юрий Гагарин (3).

Выступление Юрия Гагарина:

— Мне поступило много вопросов о том, как происходил спуск. Разрешите ответить на все сразу. Техника приземления в нашей стране отработывалась в различных вариантах, в том числе и парашютный вариант. А в данном полете была осуществлена следующая система: пилот находился в кабине, спуск прошел успешно, показав высокую эффективность и отличную работу всех систем приземления (7).

По этой же причине была скрыта истинная схема посадки первых космонавтов. <...> Тогда боялись, что спуск на парашюте космонавта может быть истолкован как аварийное приземление и рекорд не будет засчитан (9).

Юрий Гагарин:

На кресле я сидел очень удобно, как на стуле (10).

Рассказал, что когда уже опускался на парашюте, ушипнул себя — живой ли (8).

Юрий Гагарин:

Почувствовал, что меня вращает в правую сторону. Я сразу увидел большую реку. И подумал, что это Волга. Больше других таких рек нет в этом районе (10).

Во время осуществления первого полета вокруг Земли космонавта Юрия Гагарина из-за неустойчивой работы умформера, питающего радиокomплекс (это подтвердили данные телеметрии), главная команда на выключение двигателя третьей ступени ракеты-носителя радиосистемой не была выдана. Ее выдала автономная система, настроенная на конец допустимого интервала времени, то есть с перелетом. Из-за этого «Восток», совершив виток вокруг Земли, приземлился не в районе Байконура, как намечалось, а в 280 километрах западнее, вблизи Волги (64).

Юрий Гагарин:

Потом смотрю — что-то вроде города. На одном берегу большой город, и на другом — значительный. Думаю, что-то знакомое. Катапультирование произошло, по моим расчетам, над берегом. Ну, думаю, очевидно, ветерок сейчас меня потащит, и придется приводниться на воду. Потом отцепляется стабилизирующий парашют и вводится в действие основной парашют. Проходило все это очень мягко, так, что я ничего почти не заметил. Кресло также незаметно ушло от меня вниз (10).

Николай Варваров:

Юра мне еще раньше, в одну из встреч, рассказал о том, что после катапультирования над Волгой, уже зависнув на парашюте, вдруг обнаружил, что при покидании корабля у него оторвало ранец с надувной лодкой и всеми припасами. Приводнишь он тогда в Волгу, с ее быстрым течением в низовьях — и все, конец! (11).

Это произошло на высоте семь тысяч метров в 10 час. 48 мин. На высоте четыре тысячи метров начала работать основная парашютная система приземления спускаемого аппарата, а затем, по неизвестной причине, вышел и раскрылся запасной парашют (12).

Два раскрытых парашюта — это не смертельно, но тоже очень опасно. Но это была не последняя смертельная опасность! Юра опускается в скафандре с закрытым шлемом. Воздуховод, по которому ему поступал воздух в «шарике», оторвался, и сразу же должен был открыться клапан, через который должен поступать земной воздух. Но клапан не хотел открываться! Юра может задохнуться. И это после всех тех испытаний, после космоса погибнуть в нескольких метрах от земли! Он дышит тем, что еще оставалось в скафандре (13).

— Как встретила Земля?

— Погода была отличная. Небольшая облачность, солнце, ветерок. И когда я увидел весенний покров Земли с небольшой высоты, запел. Запел во весь голос, что называется, на всю Вселенную: «Родина слышит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает...» (14).

Юрий Гагарин:

Трудно было с открытием клапана дыхания в воздухе, получилась такая вещь, что этот клапан, когда надевали, попал под демаскирующую оболочку — и он под подвесной системой, под этой демаскирующей оболочкой, так все притянуло, минут шесть я все старался его достать. Но потом взял расстегнул демаскирующую оболочку, с помощью зеркала вытащил этот самый тросик и открыл его нормально (15).

Шесть минут! Шесть минут потребовалось, чтобы вытянуть этот чертов тросик из-под прижатой ремнями парашюта одежды (которую Юра здесь называет демаскирующей оболочкой). Какой-то жалкий тросик, который мог привести к трагедии! К трагедии после такого свершения! Юра уже задыхается. И может плюхнуться мертвым в Волгу, не успев подышать родным земным воздухом (13).

...Ситуация была тяжелой, но пронесло, вскоре кислород стал поступать для дыхания и для Юрия Гагарина это был самый вкусный в мире кислород (12).

Юрий Гагарин:

Уже на земле шлем открыл, с закрытой шторкой приземлялся (15).

При полном отсутствии связи Гагарин к тому же обнаруживает, что на Земле его не встречают. Едва над его головой раскрылся купол парашюта, космонавт пытается обнаружить внизу признаки поисково-спасательных групп. Напрасно он до боли в глазах оглядывал окрестности. На открывшихся под ним просторах не имелось никакого намека на наличие поблизости вертолетов или спецмашин. Он зафиксировал взглядом, как в нескольких километрах упал на землю спускаемый аппарат — кабина космонавта, — и начал сам готовиться к приземлению (3).

Иван Борисенко:

Мы не отрывали глаз от неба, где с секунды на секунду должна была появиться оранжевая точка — купол гигантского парашюта. Вот он! Все ниже, ниже... Наш вертолет поспешил к месту посадки... (5).

С полковником Борисенко мне доводилось встречаться не однажды. Могу заверить, что человек он компанейский, приятный, толковый. А вот кто и что заставило его заниматься пропагандой заведомо ложной информации, он так и не признался. Иначе бы не получил папаху. Напомню, что в описываемое время Борисенко находился за несколько сот километров от района, где завершился полет (3).

Юрий Гагарин:

Я стал спускаться на основном парашюте. Опять меня развернуло к Волге. Проходя парашютную подготовку, мы прыгали много как раз вот над этим местом. Много летали там. Я узнал железную дорогу, железнодорожный мост через реку и длинную косу, которая далеко в Волгу вдается. Я подумал о том, что здесь, наверное, Саратов. Приземляюсь в Саратове (10).

Юрий Гагарин:

Опускаясь, заметил, как справа от меня по сносу виден полевой стан. На нем много народу — машины. Рядом дорога проходит. Шоссе идет на Энгельс. Дальше вижу, идет речушка-овраг. Слева за оврагом домик, вижу, там какая-то женщина теленка пасет. Ну, думаю, сейчас я, наверное, ужогу в этот самый овраг, но ничего не сделаешь. Чувствую, все смотрят на мои оранжевые красивые купола (10).

Иван Руденко, учетчик бригады колхоза имени Т. Г. Шевченко:

На полевом стане у нас работал радиоприемник, и вдруг раздаются сигналы о передаче важного сообщения. Диктор передает, что 12 апреля 1961 года в Советском Союзе впервые запущен корабль-спутник «Восток», на борту которого находится наш советский человек Юрий Алексеевич Гагарин. Мы, конечно, забыли тут все на свете. Сидим, слушаем раз, другой сообщение. Потом музыку дали, марш какой-то (16).

Механизаторы колхоза имени Шевченко еще не успели прийти в себя, как среди ясного неба громыхнул гром, и тракторист Яков Лысенко крикнул: «Хлопци, лэтыть щось такэ!» (17).

Мы выбежали на крыльцо, смотрим, куда Лысенко показывает, — опускается на парашюте что-то круглое. Тут машина подрулила, семеновоз. Мы говорим ему «поехали», а он наотрез отказался. Мы побежали (16).

Кто-то из механизаторов проворно взобрался на крышу, стал оттуда вести репортаж о приземлении спускаемого аппарата космического корабля «Восток». Этот репортаж, сдобренный непечатными выражениями, был предельно лаконичным. Вместо «приземлился» комментатор выразился гораздо приземленнее. Сам аппарат мужики единогласно, без всякого предварительного сговора, окрестили пузырем. Мужики были уверены, что этот пузырь немедленно лопнет или взорвется, едва лишь коснется земли (18).

Юрий Гагарин:

Дальше смотрю, как раз я приземляюсь на пашню. Думаю, ну сейчас приземлюсь. Как раз спиной меня несет. Пробовал развернуться, в этой системе трудно развернуться, вернее, не развернешься. Перед землей примерно метров за тридцать меня плавно повернуло прямо лицом по сносу. Ветерок, как определил, был метров пять — семь. Только успел я это подумать, смотрю — земля. Ногами «тук». Приземление было очень мягкое. Пашня оказалась хорошо вспахана, очень мягкая, она еще не высохла (10).

Аэродром, куда мы прилетели из Москвы, встретил нас мокрым снегом, крутой, липнувшей к ногам грязью. Так возникло первое препятствие — нужны сапоги! (19).

Юрий Гагарин:

Я даже не почувствовал приземления. Сам не понял, как уже стою на ногах. Задний парашют упал на меня, передний парашют пошел вперед. Погасил его, снял подвесную систему. Посмотрел — все цело. Значит, жив, здоров (10).

Иван Борисенко:

10 часов 55 минут. Первое космическое путешествие вокруг земного шара завершено. Записываю в своем дневнике: «12 апреля 1961 года Юрий Гагарин приземлился в 26 километрах юго-западнее города Энгельса, вблизи деревни Смеловки Саратовской области» (5).

Занимаясь краеведением, я, в свое время, решил во что бы то ни стало отыскать документ, указывающий подлинный район приземления Юрия Гагарина. В конце концов пути привели в ту самую часть, что располагалась в населенном пункте Подгорное. Командир дивизиона подтвердил, что в Историческом формуляре части об этом имеется запись. Выглядела она следующим образом: «12.04.1961 г. в 10 час. 55 мин. 2 км юго-восточнее н.п. Подгорное приземлился летчик-космонавт майор ГАГАРИН Юрий Алексеевич, совершивший первый космический полет на космическом корабле “Восток”. Первый заметил ефр. Сапельцев В. Г. <...> ». Насколько известно, эта запись в Историческом формуляре в/ч 40218 вообще является единственным официальным подтверждением факта завершения Гагариным космического полета. Ложное место приземления, у села Смеловка, начиная с шестидесятых годов, было признано одним из символов Саратовской области (20).

А когда приземлился, потрогал руками землю. «Знаешь, какой она мне родной показалась!» — серьезно сказал он (8).

Николай Носов «Незнайка на Луне»:

Незнайка сделал несколько неуверенных шагов, но тут же рухнул на колени и, упав лицом вниз, принялся целовать землю. Шляпа слетела с его головы. Из глаз покатились слезы. И он прошептал:

— Земля моя, матушка! Никогда не забуду тебя! (21).

С трудом поднявшись, Гагарин сделал первые, пока не очень уверенные шаги по Земле. В принципе он мог не спешить, отдыхать на месте до прибытия аварийно-поисковых групп. Потерять его они не могли. Слишком ярким пятном выделялся его оранжевый комбинезон на степном ландшафте. Но решил — ждать (18).

Николай Носов «Незнайка на Луне»:

Красное солнышко ласково пригревало его своими лучами, свежий ветерок шевелил его волосы, словно гладил его по головке. И Незнайке казалось, будто какое-то огромное-преогромное чувство переполняет его грудь. Он не знал, как называется это чувство, но знал, что оно хорошее и что лучше его на свете нет. Он прижимался грудью к земле, словно к родному, близкому существу, и чувствовал, как силы снова возвращаются к нему и болезнь его пропадает сама собой.

Наконец он заплакал все слезы, которые у него были, и встал с земли. И весело засмеялся, увидев друзей-коротышек, которые радостно приветствовали родную Землю.

— Ну вот, братцы, и все! — весело закричал он. — А теперь можно снова отправляться куда-нибудь в путешествие! (21).

Он понимал, в каком напряженном состоянии пребывает сейчас... Быстро идти Гагарин не мог. Пришлось, неуклюже ступая, медленно передвигаться в направлении одиноко стоящего на отшибе деревянного дома. С прилепившимися к нему сараюшками. Там должны быть люди. Время от времени он поглядывал в небо, надеясь увидеть наконец вертолеты. Шевелить головой Гагарин не мог. Боль не отпускала. Скафандр на земле оказался тяжелым и неудобным. Он мешал ему, как доспехи спешившемуся рыцарю. Ни одна из трех оболочек скафандра — тепловая, герметическая, теплоизолирующая — не могла быть больше полезна космонавту. Ему бы только поскорее добраться до этой хаты (18).

Юрий Гагарин:

Дальше принимал меры к тому, чтобы сообщить, что приземление прошло нормально. Вышел на пригорок, смотрю женщина с девочкой идет ко мне. Примерно метров 800 она была от меня. Я пошел навстречу, собираясь спросить, где телефон. Я к ней иду, смотрю, женщина шаги замедляет, девочка от нее отделяется и направляется назад. Я тут начал махать руками и кричать: «Свой, свой, советский, не бойтесь, не пугайтесь, идите сюда!» (10).

Гагарин, поспешая в своем скафандре как мог, шел к ним, крича, что он не американский шпион, а свой, советский (4).

Юрий Гагарин:

В скафандре идти неудобно, но все-таки я иду. Смотрю, она так это неуверенно, тихонько ступает, ко мне подходит (10).

В то апрельское утро, когда она сказала бабушке по-татарски: «Смотри, чего-то летит!» — Рите было неполных шесть лет. Что же запомнила Рита?

— Я в ведре носила картошку, а бабушка сажала. Потом я увидела, как он летит, и говорю бабушке: «Смотри, чего-то летит!» Она поглядела, он летел прямо на наш огород. Бабушка испугалась. Мы с ней взяли ведро и отбежали. Потом он кричит: «Мамаша, куда вы бежите? Свои!» Бабушка остановилась, посмотрела на него и побежала к нему, разговаривать с ним начала. Я тоже побежала за ней.

Потом прибежала корова.

— Какая корова?

— Звездочка прибежала и начала есть картошку. Я больше ничего не знаю.

— А кого ты видела?

— Гагарина. Бабушка звала его молока попить, а он не хотел.

— Ты испугалась Гагарина?

— Да. Бабушка тоже испугалась. На деревьях были ласточки. Они тоже испугались, когда Гагарин прилетел (22).

Они испугались — еще бы, некто громоздкий, в оранжевой одежде и с огромной головой спускается с неба! Хотели убежать, но теленок заупрямился — травка была молодая, сочная... (4).

— Так, значит, Звездочка начала есть картошку, да?..

— Да, она прибежала, начала есть картошку, а я отогнала ее и смотрю, как бабушка с Гагариным разговаривает. Потом бабушка расстегнула ему пуговицы. Он был в черных перчатках (22).

Майор Ахмед Гассиев:

В последующем он засмеялся и рассказал, что она просто испугалась и убежала от меня. И я сам впоследствии убедился — она плохо владела русским языком — и встречи как таковой между ними — чтоб как люди разговаривают — этого не было. Он подходил к ней — а она убежала.

— А вот журналисты говорят, что она молочка предложила, а он якобы отказался?

- Да никаких молочка. Нет, ничего этого не было.
- А теленок был, пятнистый?
- Я не видел, не до теленка было (23).

Юрий Гагарин:

Я подошел, сказал, что я советский человек, прилетел из космоса.

Познакомились с ней, и она рассказала мне, что по телефону можно говорить с полевого стана. Я попросил женщину, чтобы она никому не разрешала трогать парашюты, пока я схожу до полевого стана (10).

Корабль опустился в километре с небольшим от космонавта (24).

...на крутом высоком берегу Волги, причем недалеко от откоса, метрах в десяти. По счастью, он не скатился вниз.

...Когда корабль приземлился, он немного отскочил — может быть, его дернуло парашютом. Осталась лунка (25).

Разочарованные его мягкой посадкой, несколько смельчаков решили на месте обследовать пузырь (18).

...У меня был мотоцикл М-72 с люлькой, — рассказывает колхозный механик А. С. Мишанин. — Набилось туда человек пять. И погнались. Подъехали к дому лесника. Видим, парашютист с Нюркой Тахтаровой о чем-то калякают: Мы к ним (26).

Иван Руденко:

— Видим, идет человек в какой-то непонятной нам одежде. И мысли не было, что это он, Юрий Гагарин. А он увидел нас, тоже пошел навстречу (16).

Юрий Гагарин:

Только подходим к парашютам, здесь идут человек шесть мужчин: трактористы, механики с этого полевого стана. Познакомился с ними. Я им сказал, кто я. Они передали, что вот сейчас передают сообщение о космическом полете по радио (10).

— Мишанин Анатолий, — широко улыбаясь, мотоциклист крепко пожал ему руку и спросил с веселым недоумением: — Как же так, только что передали, что вы над Африкой, и вот вы уже у нас?! Надо же...

Гагарин подумал, что ведь действительно полчаса назад он был над Африкой, и улыбнулся. Мишанин сказал, что он очень рад познакомиться, крепко пожал руку, добавил, что торопится — хочет посмотреть корабль, «потому что интересно, на какой штуке ты летал» (24).

— Гагарин глянул, — продолжает рассказ Казаченко <бригадир трактористов Василий Иванович Казаченко>, — народ появился возле: ага, тут, значит, мне помощь дадут. Оборачивается и с этой Тахтаровой идет сюда. Близко, метров на пять подходит. Видим, пожарная каска на нем, скафандр. Ну, значит, подходит и: «Разрешите представиться, первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин» (22).

Как только он свою фамилию назвал, мы опешили. Ну, у нас все затряслось. Да как же это так! А он Руденко Кузьмичу руку, а тот говорит: Иван Кузьмич (26).

Иван Руденко:

Подает мне руку, а я со страху не поздравляю, не приветствую, а отвечаю: «Иван Кузьмич». За мной бригадир Василий Казаченко, тоже руку подает, а слова сказать не может. Юрий Алексеевич такой радостный, улыбается, спрашивает, что мы тут делаем. А мы ему говорим: «Хлеб сеем» (16).

Вторым я стою. Я растерялся, да, и вот он руку держит, мне нужно сказать свои инициалы, а я не могу... Он говорит: «Что вы, отец, так волнуетесь?» — «Юрий Алексеич, — говорю, — как же не волноваться? Пятнадцать минут, как мы вас слушали над Южной Америкой, и вдруг мы с вами сейчас». А сам плачу, и радостно так мне, и слезы у меня, не выговорю инициала никак. Держу его, значит, за руку, а он говорит, что при такой технике все может быть, да, батя. Ну и спрашивает: «Как вы сюда попали?» — «А мы тут, значит, сеем». — «Ах, сеете, вот хорошо, — он говорит, — вы сумеете, значит, помочь мне быстрее связаться с Москвой». А затем просит: «Помоги-

те мне раздеться». Рядом со мной стоял Алексей Вережка. Он начал одну руку расшнуровывать, скафандр на шнурке, как вот ботинки, ну а я начал вторую руку (22).

Казаченко от растерянности заплакал. У остальных были такие рожи, что Гагарин рассмеялся. Парашюта на нем уже не было. Одет был в оранжевого цвета комбинезон с зеркальцем на рукаве (26).

Как-то попросили Юрия Алексеевича рассказать о полете — самое яркое впечатление. И он рассказал нам о своем приземлении, с улыбкой: «Приземлился. Никого кругом нет. Не успел прийти в себя — уже набежало полно народу. Сначала женщина с маленькой девочкой подошла, потом группа механизаторов. И один так, знаете, ключом гаечным поигрывает. Ну, думаю, наверное, бить будут. Ведь всего год назад Пауэрс сбили, вдруг и меня за шпиона примут? Говорю: это я, Гагарин. А механизаторы мне: ну да, знаем, только что передавали, Гагарин над Африкой пролетает. Эх, думаю, попал в переделку... Потом смотрю, вертолет прилетел. Тут уж вздохнул с облегчением: ну, значит, бить не будут!» (27).

Вдруг появляется машина по оврагу, подъезжает (22).

Ему бы долго пришлось метаться по степи. Никакой помощи встреченные им местные жители оказать не могли. Выручили военнотружашие базировавшейся неподалеку части ПВО. Они обнаружили в воздухе странный объект, доложили командиру майору Гассиеву. Взяв с собой вооруженного солдата, Гассиев выехал на задержание. Он предполагал, что в воздухе шпион (3).

Гагарина увидели издалека: он был в ярко-оранжевом скафандре, но без шлема. Невдалеке на земле лежал парашют. Рядом с космонавтом находились два мужичка и бабулька с внучкой (1).

...и старший лейтенант сразу подскакивает: «А, Юрий Алексеевич, здравствуйте, здравствуйте!» (22).

Мы выехали на место предполагаемой посадки летательного аппарата. Туда выехал и замполит Константин Васильевич Копейкин на артиллерийском тягаче. Я же повернул к месту предполагаемой посадки. Юрий Алексеевич спускался на двух алых парашютах. Я ехал на колесном тягаче. Подъехали мы быстро, потому что приземление произошло недалеко от нас. Ехали мы по весенней пахоте. Я засек время приземления Юрия Алексеевича: было 10 часов 55 минут московского времени. Встреча наша состоялась через четыре минуты (29).

Ахмед Гассиев:

Подъехав к пригорку, мы увидели космонавта в окружении колхозников-трактористов. Он был в скафандре оранжевого цвета, в белом открытом гермошлеме с крупными буквами на нем «СССР». Заметив нас, он пошел к нам навстречу. Подойдя, четко, по-военному представился:

— Товарищ майор! Космонавт Советского Союза старший лейтенант Гагарин...

— Да вы уже майор! — прервал я Гагарина.

Но, видимо, Гагарин не понял этого замечания (во время полета ему министром обороны СССР было присвоено воинское звание «майор», а он об этом не знал).

Мы обнялись и поцеловались. При этом поцелуе у меня произошел небольшой конфуз. Я зацепился подбородком за замок гермошлема и поцарапался до крови. Видимо, конструкция гермошлема не для поцелуев, подумал я (28).

Ахмед Гассиев:

Я спросил его, что нужно делать. Он сразу же мне ответил: нужно добраться до ближайшего телефона. Я его проинформировал, кто я, и сказал, что мы можем поговорить из подразделения.

Поехали.

По пути разговаривали, задавали вопросы друг другу, шутили, смеялись (29).

Однажды Гассиев приезжает в отпуск в Цхинвали, где живет его многочисленная родня. Бурная встреча с родственниками, и Ахмед, по его словам, чувствует к себе какое-то особо торжественное отношение, но не понимает, в чем дело. Оказывается, после того, как осетинские газеты опубликовали его фотографию с Гагариным, родственники решили, что Ах-

мед — тоже космонавт, но об этом нельзя говорить, потому что это государственная тайна. И вот отпуск подходит к концу, Ахмед приобрел билет на самолет. Вечером вся родня в сборе, сидят, пьют чай, и Ахмед сообщает о том, что он завтра вылетает. Все в шоке, а одна из кумушек жалобным голосом просит: «Ахмед, не улетай, не улетай». Он не понимает такой реакции. Он-то не знает, что он — космонавт, и удивленно пытается объяснить, что уже взял билет. Родственники воспринимают это как шутку: ведь они знают, что космонавты в космос летают без билета. Одна из тетушек со слезами просит Ахмеда не шутить, ведь они за него переживают (31).

Анатолий Мишанин:

Тут подъехали ракетчики. Я думаю: чего мне здесь делать? Не мешало бы тот шар, что в космосе был, маленько обследовать... К мотоциклу — и по кочкам. Проскочил не больше четырех километров. И вот он. Черный весь, вроде как обгоревший. Местами даже обуглившийся (26).

А на месте посадки спускаемого аппарата космического корабля «Восток» тем временем происходили любопытные события (26).

Олег Григорьев, инженер поисковой группы:

Особенно отличился колхозный механик по имени Мешалин. Весьма симптоматичная фамилия. Потому мне она и запомнилась (32).

Мишанина Анатолия Семеновича <...> в Узморье называют «космонавтом № 2». Будучи большим знатоком всяческих механизмов, Мишанин сильно заинтересовался космическим кораблем Гагарина (22).

Анатолий Мишанин:

Но я припоздал малость. Вокруг шара уже крутились мой сосед тракторист Иван Мизюков и его прицепщик Витька Трегубенко. Что ж, думаю, отметим событие на троих. Главное теперь — внутрь забраться. Сунул я руку в парашютный отсек, где крепилась подвесная система, и натыкаюсь на ключ. Он там специальными держателями закреплен был. Рядом с лю-

ком на обшивке нарисована стрелка. По ее направлению я обнаружил отверстие. Туда и вставил ключ. Едва повернул, открылись четыре замка и крышка люка отошла. Внутри шара светло — работает освещение. Что-то гудит, пиликает, мигает. Сверху толком не разглядишь. Пришлось лезть в люк (26).

Осмотрев приборную панель, механик нашел лючок, напоминающий шоферский «бардачок», в котором лежали небольшие хлебцы и тубы с этикетками: «пюре мясное», «соус крыжовниковый», «соус шоколадный» (24).

Ну вот, потом я нашел в корабле такие отделения, в которых было кушанье: пюре мясное, шоколадный соус, малиновый соус, крыжовниковый соус, и яблочки были, хлебцы были. Ну, хлебцы были, как вот спичечная коробка, только пополам, конечно. Маленькие такие... Я это, конечно, попробовал: аппетитно, сытно. А один тюбик шоколадного соуса даже привез до дому. Я взял тюбик не для того, чтобы скушать, а как реликвию хотел содержать его. Тюбики все небольшие были, вместимостью грамм сто — сто пятьдесят примерно, и заворачивались гайкой. Я, когда привез тюбик-то до дому, дал шоколадный соус дочке Ире попробовать. Дочка Ира попробовала: «Ой, папка, вкусно». И по всей улице угощала детвору: «Попробуйте, папка от Гагарина гостинец привез!» Не сохранил я этот соус как реликвию. Да и сам тюбик кто-то из детворы унес... (22).

Тубы имели привлекательный вид — покрашены в золотистый цвет и покрыты блестящим лаком. Этикетки на тубах были разнообразные — ярко-красные, голубые, оранжевого цвета (33).

Я залезаю, значит, туда, залезаю и начинаю опробовать механизмы, как они работают: доброкачественно или недоброкачественно... (22).

Только я туда нырнул, Иван кричит истошным голосом: «Толья! Шухер! Кто-то едет сюда!» Я, конечно, пулей на землю (26).

— Подъезжаю я к кораблю на своем мотоцикле, а потом Петр Иванович Серегин, председатель райисполкома нашего, подъезжает. «Ты, Мишанин, здесь?» Я говорю: здесь (22).

Анатолий Мишанин:

Вышел он из машины, затылок почесал, побряхтел и говорит: «Ты, Мишанин, стой здесь. Никуда не уходи. И никого к этой хреновине не подпускай. Не вздумай сам к ней приближаться. Может быть, это управляемый снаряд упал. Мы сейчас смогаемся в правление, позвоним куда следует».

Газон фыркнул, а я тут же вниз прыгнул, в люк. Нажал на какую-то кнопку, на меня с противоположной стороны штыри надвигаться стали. За спиной стеклянная линза, вроде экрана от телевизора «КВН». Я к ней прижался и давай скорее все кнопки подряд нажимать, чтоб штыри выключить. А то раздавят — и поминай как звали... Потом увидел слева две дверки. Внутри полно разных тюбиков. Я рассовал их по карманам, за голенище и за пазуху (26).

Обуглившийся с одного бока, шар, слегка вдавившись в мягкую сырую землю, стоял прочно и, когда Мишанин залезал в люк, не качался. Транспарант «Приготовься: Катапульта!» продолжал гореть, и Анатолий понял, что вот по этим направляющим Гагарин прямо в кресле и катапультировался. Без кресла кабина выглядела попросторнее, но Мишанина все равно удивили малые размеры корабля, — просто удивительно, как в такой тесноте можно совершить кругосветное путешествие! (24).

Юрий Гагарин:

Вместе с солдатами я направился к своему кораблю. Он стоял среди вспаханного поля, в нескольких десятках метров от глубокого оврага, в котором шумели весенние воды. Я тщательно оглядел «Восток». Корабль и его внутреннее оборудование были в полном порядке; их можно было вновь использовать для космического полета. Чувство огромной радости переполняло меня. Я был счастлив от сознания того, что первый полет человека в космос совершен в Советском Союзе и наша отечественная наука еще дальше продвинулась вперед. Солдаты выставили караул у космического корабля (30).

Я оставался на месте приземления Гагарина, когда он улетел на вертолете.

Когда я проводил Гагарина, сразу же выехал к кораблю, где в это время уже находились замполит майор Копейкин и группа солдат. Они были там по моей команде, потому что туда хлынул народ (29).

«Я вижу в окно зрелище невероятное, я такого представить не мог, — вспоминает очевидец встречи Ю. А. Гагарина в районе места приземления Н. Елагин. — Огромная неуправляемая толпа напрямую несется к площадке. Огороды, штакетнички, столбики — все сметено» (1).

...Наша группа прибыла на вертолете к месту приземления космического корабля и Юрия Алексеевича Гагарина в тридцати километрах южнее города Энгельса. У корабля собралась большая толпа людей из близлежащих сел и деревень. Стоявший на охране воинский наряд с трудом сдерживал эту массу людей, а было их несколько сотен. Каждому хотелось увидеть космический корабль, его внутреннее оборудование, потрогать руками, взять что-нибудь на память — хотя бы кусочек внутренней поролоновой обшивки или обрывок лепестка экранно-вакуумной изоляции... (34).

Ахмед Гассиев:

— Они оцепили и никого не пускали. Я посмотрел на корабль. Он функционировал, в нем раздавались какие-то звуки, работала аппаратура. Я сказал, чтобы до него не дотрагивались.

— А вот один из журналистов пишет, что какой-то Мешалкин залез в корабль и начал работать тумблерами. Было или нет?

— Никакого Мешалкина не было. Мой заместитель первым подъехал к кораблю. Он доложил, что в 100—200 метрах работал тракторист. Когда мы подъехали к месту посадки, он тоже подъехал. Но в корабле он не был (29).

Один майор, правда, на меня закричал: «Какого, дескать, ты черта лазаешь, где тебе не положено?» А я ему по-солдатски: на фронте пять лет был, не убили, а здесь как-нибудь, говорю... А майор: «А если бы взорвался?» А я говорю, что нет, взорваться мы не взорвались бы... (22).

Самое интересное, что этот самый Мешалин, наигравшись, все переключатели поставил в первоначальное положение.

— Я вам не олух недоразвитый, а технически грамотный специалист, — оправдывался Мешалин, когда мы его приперли к стенке. Но тубу «технически грамотный специалист» ни в

какую не хотел отдавать. И со слезами на глазах вернул ее только после того, как мы убедили его, что данная туба позарез нужна ученым. В общем, на колхозного механика Мешалина космический корабль произвел, как он сам нам сказал, очень хорошее впечатление.

Но была минута, когда он не на шутку перепугался.

— Перевел я какой-то тумблер, — рассказывал механик, — и вдруг слышу — что-то тикает. Тишина мертвая, а в тишине часовой механизм работает — «тик-так», «тик-так». Я двигаю тумблер обратно — все равно тиканье. У меня душа в пятки ушла. Однако я быстро сообразил, что это тикают обыкновенные часы, тумблер тут ни при чем. Просто поначалу у меня от обилия впечатлений до того разбежались глаза, что заложило уши (32).

Мишанин сказал, вылезая из корабля с шоколадным соусом: «Я космонавт № 2». И по сей день слывет в Узморье «вторым космонавтом» (22).

— Значит, Мешалкина в корабле не было? Будем так считать?

— Да. Копейкин с солдатами подъехал первым и выставил посты... Когда корабль забрал вертолет, я на этом месте вбил лом. Вбивал сам, лично. Поставили временный столб с надписью: «10 час. 55 минут. Не трогать!» (29).

«С поста» Анатолия сняли ракетчики из службы поиска.

Гагарина тем временем увез майор Гассиев — неподалеку стояла часть ПВО. Мужики были уверены, что на радостях Гагарин забудет об оторвавшемся НАЗе, но, на всякий случай, все-таки зарыли в посадках радиопередатчик и лодку, мгновенно надувающуюся от маленького баллончика. И Гагарин действительно забыл. Но вскоре приехал хмурый капитан КГБ и сказал, что, если через полчаса НАЗ не принесут, он арестует все село. Приемник — черт с ним, но лодка была для рыбака (а в селе все мужики были рыбаками) сушей наградой, свалившейся с неба в буквальном смысле, однако пришлось вернуть.

— Кажись, она рваная, — сказали похитители, но деревенское их лукавство не сработало — хмурый капитан молча бросил лодку в машину и уехал, не попрощавшись... (24).

Шар, на котором Гагарин летал, простоял в поле больше суток. Суета вокруг него дотемна не кончалась. Мотались туда-сюда вертолеты, народ приезжал поглазеть. Тринадцатого прилетел «Ми-4», чтоб его забрать, но не осилил. Унесли шарик уже на «Ми-8». Подложили под него кольцо с цепями, вертолет завис над шаром, один из экипажа спустился по трапу и закрепил цепи за трос. Цепями шар обжало, ветер поднялся сильный — вся трава вокруг полегла... (26).

Я попросил как можно побыстрее сообщить в Москву. Выставили часового у парашютов, и поехал вместе с ним <Гагариным> в часть (10).

Пока ехали, между Гассиевым и Гагариным состоялся такой диалог:

— Сколько лет? Как самочувствие?

— Двадцать семь. Не беспокоюсь, чувствую себя хорошо. Взлет, полет, все нормально. Плохо только на посадке было (2).

Я ему — ты заметил высоковольтную линию? Он мне — а ты заметил, я стропы поджимал? (23).

Не знаю, как действительно себя чувствовал космонавт, но вел он себя не совсем адекватно. То был скованным, ушедшим в себя, то вдруг начинал без видимого повода громко и неудержимо смеяться. Видимо, он все никак не мог поверить, что вернулся живым и невредимым, что находится на Земле среди людей (1).

Ахмед Гассиев и Юрий Гагарин:

— Семейный ты?

— Да.

— Осознал, что совершил?

— Пока нет.

— Утерли нос Америке?

— Не говори. Здорово утерли (2).

В день полета Гагарина, 12 апреля 1961 года, вечером, президент Кеннеди вызвал в Белый дом Джеймса Уэбба и Хью Драйдена — сотрудника администрации Уэбба и одного из лучших инженеров НАСА. Они встретились в Правительствен-

ном зале, молча смотрели на лакированную ореховую поверхность большого стола для совещаний и видели перед собой... могущественный «Интеграл» и его Строителя — Главного конструктора! Он смеялся над ними, и это было страшно (36).

14 апреля Кеннеди вызвал главных сотрудников своего нового правительства в Белый дом, чтобы обсудить тот очевидный факт, что Америка проигрывает космическую гонку... «Если кто-нибудь может сказать мне, как их догнать. Давайте найдем кого-нибудь. Мне все равно, если он знает как, пусть это будет хоть сторож». Пристально поглядев на лица сидящих вокруг, президент добавил: «Нет ничего более важного». <...> «Кеннеди испытывал во время встречи мучительную боль. Он... рухнул в кресло... постоянно ерошил волосы на голове, постукивал по зубам ногтями, совершал другие знакомые нам жесты, выдающие волнение»... (37).

Джон Кеннеди стал мифологическим героем одного из самых лакомых кусочков нашей истории. У него были неплохие ораторские способности и первоклассная стрижка. Словом, Билл Клинтон минус пристальное внимание СМИ и дряблый животик (38).

В Белом доме хорошо понимали значение гагаринского полета. «С точки зрения пропаганды, первый человек в космосе стоит, возможно, более ста дивизий или дюжины готовых взлететь по первому приказу межконтинентальных ракет», — писала «Нью-Йорк геральд трибюн» (24).

...чеки знали, чем поразить Юрия Алексеевича. Ему показали глобус, на котором нет Америки! И кто-то шелкнул его в момент какого-то просто детского удивления перед этим фактом (39).

- А где я нахожусь?
- Возле Смеловки Саратовской области.
- О, знакомое место (2).

Юрий Гагарин:

Случилось, как в хорошем романе: мое возвращение из космоса произошло в тех самых местах, где я впервые в жизни

летал на самолете. Сколько времени прошло с той поры? Всего только шесть лет. Но как изменились мерила! В этот день я летел в 200 раз быстрее, в 200 раз выше. В 200 раз выросли советские крылья! (30).

Существовал также третий населенный пункт — село Подгорное. В начале 1960-х годов о нем старались не упоминать всуе (20).

На горе восточной части села Подгорное была ракетно-зенитная воинская часть (1).

Причина, отчасти, крылась в том самом зенитно-ракетном дивизионе, из штаба которого Юрий Гагарин после возвращения на Землю, по его словам (см. отчет Гагарина о полете), «доложил в Москву обо всем». Дивизион, или выражаясь языком юридическим, войсковая часть 40218, являлся строго режимным объектом и размещался вблизи населенного пункта Подгорное (20).

Юрий Гагарин:
Приехали в часть (10).

Ракетный дивизион был режимным объектом, вокруг которого простиралась «закрытая зона». В начале дороги длиной 1,8 километра, отходящей от трассы Ровное — Энгельс и ведущей на объект, висел знак: «Въезд воспрещен». В дивизионе базировалось шесть передвижных пусковых ракетных установок С-75М, находилась радиотехническая батарея со станцией наведения и обнаружения (дальность действия — 110 километров) и станцией разведки целеуказания (дальность действия — 150 километров). Там служили 17 офицеров и порядка 90 солдат. В 1993 году военные покинули это место, сейчас сооружения дивизиона бесхозны (1).

Раскрытие района дислокации действующей зенитно-ракетной части было недопустимо. Должностные лица, отвечавшие за охрану государственных и военных секретов, понимали, что со дня на день к месту посадки космического корабля хлынут массы людей, включая журналистов. Они мгновенно

разберутся, где космонавт Гагарин находился первое время после приземления. К тому же для регистрации мировых рекордов, установленных в ходе полета Гагарина, требовалось представить в Международную авиационную федерацию (FAI) соответствующие документы, с указанием в них точных сведений относительно места старта и места приземления космического корабля «Восток». Чтобы как-то выйти из шекотливой ситуации, пошли на подлог (20).

Ахмед Гассиев:

Вот в дивизионе, я вам скажу прямо, мне позвонили: смотрите напиток крепкого не давайте ему! Но в дивизионе я предложил чай — Юрий Алексеич отказался, дружески так толкнул в плечо — ладно, майор, не беспокойся! (23).

Гагарин просил как можно быстрее помочь ему связаться с Москвой, чтобы доложить о своем местонахождении (40).

Юрий Гагарин:

Он <Гассиев> вызвал командный пункт дивизии. Потом вызвали командующего округом. Через командующего округом доложили в Москву обо всем. Поступила команда задержаться на месте приземления. Я там на радостях сфотографировался пару раз. К этому времени я уже снял оболочку скафандра. На мне была только голубая тепловая одежда, а в оранжевой и серой оболочке и в гермошлеме я не фотографировался. Скафандр мы положили в машину (10).

Ахмед Гассиев:

В последующем я ему помог раздеться — снять скафандр, ларингофоны, кое-что другое... отстегнуть датчики. Помню, и на пятках были...

И он остался в голубом костюме. Скафандр, пистолет, часы — я свернул на его глазах: у меня будет находиться (23).

Константин Феоктистов:

Когда «Восток» приземлился, возникло вдруг странное ощущение: мир изменился, нечего делать, некуда спешить, не за что волноваться (41).

Инженер Геннадий Понамарев о событиях на Байконуре:

А вторая, жилая площадка превратилась в людской муравейник. Машинами подвозили, ни от кого не прячась, спирт в канистрах. Раздавали его представителям промышленности по установленной кем-то из экспедиционного начальства норме — чайник спирта на одного человека (12).

Ахмед Гассиев:

Я взял у Гагарина автограф. Под рукой у меня ничего не оказалось, и я попросил его расписаться на партбилете, там, где ставятся отметки об уплате членских взносов. При замене партбилета в 1976 году мне сохранили гагаринский автограф. Гагарин расписался шариковой ручкой. Он мигом расписался. Улыбнулся: «А можно?» Я сказал: «Здесь вот и нужно, подвиг соответствует партийному билету». Это был первый автограф, который Гагарин дал как космонавт (29).

Первые фотоснимки, причем любительские, были сделаны на территории зенитно-ракетного дивизиона. Там, несмотря на категорический запрет фотографироваться с кем бы то ни было, снято несколько сюжетов, в том числе групповой снимок с личным составом части и с ребяташками, детьми офицеров и сверхсрочников. Правда, вскоре в часть прибыли представители органов и засветили все фотопленки, решив, что выполняют задание государственной важности. Однако местные фотолюбители их опередили, успев отпечатать несколько снимков (3).

Ахмед Гассиев:

Я связался по инстанции. Доложил Гагарин. Я дословно помню его доклад: «Старший лейтенант Гагарин. Приземлился благополучно, ушибов и травм не имею».

Я его поправил: сказал, что он — майор (так его называли в сообщении по радио). Гагарин ответил с улыбкой: «Я еще не привык к этому званию».

Когда мы фотографировались, солдаты пытались качнуть Гагарина. Я не разрешил. Этот момент тоже был запечатлен на снимке: я держу Гагарина за руку, не разрешаю его трогать.

Тут за мной прилетел вертолет со специалистами из группы встречи и спортивными комиссарами, которые должны были

зарегистрировать рекордный полет в космос. Они остались у «Востока», а я направился на командный пункт этой группы для того, чтобы обо всем доложить Москве (30).

...можно сделать вывод, что Гагарин уже тогда умышленно искажал факты (3).

Иван Борисенко:

Наш вертолет прибыл к месту посадки, когда Юрий уже стоял в окружении людей. Последовали горячие объятия, поздравления... Хотя я отлично знал, что передо мною именно он, космонавт-1 — Юрий Гагарин, все же, как это требует спортивный кодекс, прежде всего попросил его показать удостоверение, записал номер и дату выдачи, зарегистрировал в специальном бланке фамилию, имя, отчество, дату и время приземления. Проверил опознавательные знаки космического корабля, на котором написано «Восток — СССР». Здесь же, на месте приземления, я зарегистрировал три первых абсолютных мировых космических рекорда, установленных Юрием Гагариным: рекорд продолжительности полета (108 минут), рекорд высоты полета (327,7 километра) и рекорд максимального груза, поднятого на эту высоту (4725 килограммов)... Потом мы направились к космическому аппарату, забрали скафандр, бортовой журнал, вещи, некоторые приборы и возвратились к вертолету (5).

Итак, по книжной версии, со специалистами из группы встречи и «спортивными комиссарами» Гагарин встретился в поле, возле корабля (3).

«Известия», 13 апреля 1961 года:

Вопрос: Подошла ли встречающая группа на земле до приземления или после приземления?

Ответ <Гагарина>: Приземление и встречающая группа сошлись почти одновременно (14).

...Для чего же Гагарину понадобилось вводить в заблуждение членов госкомиссии? Скорее всего, он сделал это, получив соответствующие указания от своих военных руководителей. Нельзя было подводить главкома ВВС, ответственного за организацию встречи космонавта. К тому же, и это также не-

маловажно, одним из доказательств совершенного им полета в космос должны были стать акты о старте и о приземлении. Последний документ и обязан был составить Борисенко как свидетель завершения полета. Однако к месту приземления в нужное время спортивный комиссар Борисенко не попал, опять же не по своей вине. Так, скорее всего, и появилась на свет «нестыковка». В ту же дуду играл и спортивный комиссар (3).

Подполковник медицинской службы и опытный парашютист Виталий Волович руководил группой врачей-спасателей, которые должны были прийти на помощь Юрию Гагарину, если бы во время приземления что-то пошло не так. Суматоха началась с раннего утра 12 апреля. На аэродроме поселка Кряж, что под Куйбышевом, спешно готовили к вылету самолет с врачами. Но тот завяз в грунте аэродрома по самые шасси. Спасателей погнали в обычный грузовой Ил-14. К предполагаемому месту посадки подошли в точно назначенное время. Но гагаринский «Восток» приземлился совсем в другом месте. Когда врачи оказались над степью, по которой стелился огромный оранжевый купол корабля, космонавт на вертолете уже летел в город Энгельс, в НИИ ВВС. Обследовать Гагарина после приземления, как это требовалось, не удалось! (32).

Старший поисковиков организовал охрану парашютов Гагарина, корабля и самого корабля, который приземлился в 1,5 километра западнее места приземления самого Гагарина. (Автор придумывает еще один корабль, чтобы, видимо, завуалировать факт отдельного приземления. — *Ред.**) (1).

Ахмед Гассиев:

Корабль функционировал, звуки происходили, какая-то аппаратура работала.

Я заглянул в корабль.

Видимо, Юрий Алексеевич откусил яблоко один раз. Там был карандаш на веревочке.

Тюбик с пищей выдавлен. В лобовой части при приземлении обод упал изоляции.

А с тыльной части лохмотья шелка торчали (23).

* Реплика в скобках принадлежит редактору цитируемого издания, а не настоящей книги. — *Прим. ред.*

Михаил Черановский, командир поискового отряда:

Осталась наша группа, чтобы организовать охрану спускаемого аппарата. У меня в отряде было человек пять-шесть. Кроме того, остались члены парашютно-десантной группы. Дело к вечеру. С питанием было неважно, с собой мы не взяли практически ничего. А кроме того, было холодно — это же апрель месяц. Разлив у реки, еще кое-где лежит снег... Ветерок гуляет, степь. Деревьев нет. На счастье, был парашют. Большой парашют, на котором спускался корабль. Завернулись в парашют товарищи парашютисты и мои члены группы.

...Народ прибывал. Корабль был обклеен изоляцией — шестигранниками. Часть при прохождении плотных слоев атмосферы обгорела, а часть сохранилась. Те товарищи, которые стояли и слушали меня, — вдруг кто-то из них нырнул под ограждение, бегом к кораблю, хватал кусок изоляции и обратно. Ну, конечно, я тоже не безгрешен, тоже кусочек отщипнул (25).

Волнения несколько утихли, старший десантников доложил генералу Бровко, что он свою задачу знает.

Гагарин с экипажем садится в работающий вертолет, вертолет взлетает и берет курс на аэродром Энгельс (1).

Демьян Смилевец:

Едва вертолет коснулся колесами бетонки, как к нему устремился поток людей... Открывается дверь, и по трапу сходит Юрий Гагарин. Его встречает командир авиасоединения генерал-майор авиации Евграфов с офицерами штаба.

У Гагарина приподнято-возбужденное состояние, он явно смущен такой восторженной встречей. Слышится музыка играющего где-то вдалеке нашего училищного оркестра. Из толпы раздаются крики: «Юра, как себя чувствуешь?! Как здорово?!» — «Замечательно! Отлично!» — отвечает Гагарин.

Я представлял нашего космонавта этаким русским богатырем, а он оказался простым парнем среднего роста. Походка легкая, неторопливая, сам стройный, подтянутый. В комбинезоне нежно-голубого цвета. В высоко зашнурованных ботинках и без головного убора. Его светлые волосы слегка шевелит ветерок. В одной руке у него артиллерийская офицерская фуражка, в другой — поздравительная правительственная телеграмма, врученная ему еще у вертолета (8).

Генерал авиации Сергей Евграфов:

От руководства поиском я по телефону получаю указания: «Гагарина не обнимать, не целовать, не кормить и не поить до прилета руководства» (16).

Полковник Николай Дервянкин:

Я еле-еле успел к посадке вертолета. Так энергично проди-рался сквозь толпу, что у меня оказался оторванным клочок от шинели. Оркестр уже был на месте, и когда Гагарин выходил из вертолета, музыканты сыграли встречный марш.

Было довольно прохладно, а Гагарин какой-то расхристан-ный, да еще фуражка на нем пехотная. «Откуда это у тебя? Ты же летчик!» — говорю я. Он смутился (8).

Что касается фуражки артиллерийской, то принадлежала она командиру в/ч 40218 майору Гассиеву (40).

Ахмед Гассиев:

Я ему фуражку дал не свою — новую — кого-то послал: возьми фуражку, принеси сюда.

Он надел ее, фуражка подошла по размеру (23).

Николай Дервянкин:

Недолго думая, я снял фуражку с себя (8).

Мы все кричали «ура!», этот крик буквально вырывался из нас... Гагарин был немного бледноватый, застенчиво улыбался. Он явно растерялся от такой восторженной встречи. Одет он был в летный костюм голубоватого цвета, который, как мне показалось, был слегка накачан воздухом (8).

Некоторые залезли на деревья, растущие у штаба. Один солдат так кричал и хлопал, что упал с дерева и сломал руку (8).

Прорывался сквозь толпу возле КП на аэродроме в Энгельсе Волович, размахивая пистолетом. Ринулся на второй этаж, где находился Гагарин. Обнялись, расцеловались. Гагарин что-то рассказывал окружающим его людям, рапортовал по телефону в Москву о том, как проходил полет. А Воловичу все никак не удавалось провести обследование (32).

Пассажиры <прилетевших из Москвы самолетов с Агальцовым и журналистами>, забыв о соблюдении субординации, рванулись к зданию штаба, где находился Гагарин. Прорваться туда было непросто. Напор людской массы с трудом сдерживали офицеры гарнизона. Взявшись за руки, они образовали живую ограду, точнее — две. По образовавшемуся таким образом коридору заместитель главнокомандующего проследовал в штаб (40).

А когда Юрий Алексеевич шел в здание, первого космонавта Земли чуть не задавили — столько народу мигом собралось тогда у НИИ (2).

Антуан де Сент-Экзюпери «Ночной полет»:

Нельзя купить за деньги то ощущение новизны мира, что охватывает после трудного перелета: деревья, цветы, женщины, улыбки — все расцветила яркими красками жизнь, возвращенная нам вот сейчас, на рассвете, весь согласный хор мелочей нам наградой (43).

Мария Сенина:

Мой муж, Сенин Иван Иванович, был замполитом базы. Когда ждали Гагарина с места приземления, командир ему приказал: «Сообрази букет!» А где взять цветы ранней весной? Он тогда обежал служебные помещения и везде молчком оборвал все цветущие в горшках растения. Букет из этих цветов и подарили Гагарину (8).

Потом посыпались вопросы. Гагарин отвечал весело, но голос был усталый. На минуту откинулся в кресле, закрыв глаза. Потом встрепенулся и сказал:

— А вот Луну так и не удалось посмотреть. Но это не беда, посмотрю в следующий раз... (24).

Предполетные дни Гагарина проходили по жесткому расписанию, в котором сам он был, однако, неким активным началом, осознанно выполняющим задуманную программу. Теперь, уже в первые часы после приземления, он сразу почувствовал перемену в своем положении. С одной стороны, он сам интересовал всех несравненно больше, чем день назад,

что очень его забавляло: неужто за 108 минут он мог так измениться?! С другой — он ощущал значительно большую несвободу, чем раньше. Он очутился в положении малого ребенка, за которого решают всё: когда ему вставать и когда ложиться, во что одеваться, что есть, когда гулять. Его самостоятельность не распространялась дальше выбора, что взять с тарелки: огурец или помидор (24).

Юрий Гагарин:

Как только вышел из вертолета <в Энгельсе>, генерал ЕВГРАФОВ сразу же вручил мне телеграмму от Н. С. ХРУЩЕВА. Поздравительная телеграмма. Я тут прослезился. Наплыв чувств (10).

Несколько слов о правительственной телеграмме, которую упомянул Гагарин в своем отчете о полете. Она оказалась дважды самой дорогой телеграммой на планете. Благодаря многословию, которым Н. С. Хрущев выразил свою признательность Ю. А. Гагарину, в 1996 году депеша попала в знаменитую Книгу рекордов Гиннеса. Историческая же ценность телеграммы на одном из авторитетнейших аукционов мира «Сотби» в 1993 году была определена в 81,5 тысячи американских долларов, что явилось рекордной суммой для подобной корреспонденции (4).

Гагарин лично доложил главкому Вершинину о выполнении задания. Затем разговаривал с Малиновским, Брежневым, Хрущевым — именно в такой последовательности.

Сами уже потом дозванивались на мой аппарат, они знали, что там Гагарин находится.

Хрущев был в Ялте, он с Ялты дозвонился (44).

Прошло уже около часа, как Гагарин находился среди нас. В кабинете стало жарко и душно. Юрий открыл молнию клапана комбинезона и откинул его вниз. Под трикотажным бельем голубого цвета обозначились какие-то датчики. Кто-то из присутствующих вдруг вспомнил: «А чем кормить космонавта?» Находившийся рядом личный врач Гагарина майор медслужбы В. Волович пояснил, что можно яблоки и яблочный сок. Кто-то тут же позвонил в летнюю столовую (8).

Сергей Евграфов:

В это время Гагарин произносит: «Ой как пить хочется!» При взгляде на него я понял, что это действительно так. Я немедленно посылаю лично полковника Назарова за виноградным соком и свежими яблоками на склад. Через десять минут полковник Назаров привез несколько штук двухсотграммовых баночек виноградного сока и свежих яблок. Банки с соком открыли, и в моем присутствии Юра выпил два стакана сока и говорит: «А теперь бы покушать!» (45).

Его состояние — хоть и многие описывают, что он бодро себя чувствовал — знаете, это несколько спорно. Он где-то был и задумчив. Видно было по глазам, что он прошел очень серьезные испытания. ...Улыбка довольно часто появлялась на его лице, но было ясно, что он внутренне волновался (46).

Николай Деревянкин:

Гагарин старался держаться молодцом, но чувствовал он себя не очень хорошо. Его подташнивало, и он постоянно утирался платочком. Предложил ему поесть. «Я в космосе из тюбиков наглotalся», — ответил он, но все-таки согласился попить. Я тут же дал команду, и наша официантка Валя принесла ему сока и яблок (8).

Валентина Платонова, официантка офицерской столовой:

...замполит базы Сенин. А днем он говорит мне: «Надо Гагарину поесть отнести». — «А почему я? У нас шестьдесят человек персонала!» — «Ты ж у нас самая красивая. Иди ты». Я быстренько прихорошилась и пошла. От столовой до штаба НИИ недалеко, но всё это пространство было заполнено людьми. Меня сопровождали два солдатика: один впереди, другой сзади. Я очень обрадовалась, увидев Гагарина (8).

Официантка, которая принесла из столовой вазу с фруктами, удивилась: «Ой, Юрка, это ты?!» — и бросилась его целовать (2).

При виде меня у него тоже загорелись глаза, и он радостно воскликнул: «Валя пришла!» Когда входила, у него плечи повисшими были, весь усталый, а тут будто воскрес. Обняла его, поцеловала, нос ему немного помадой испачкала. Принесла я два яблока в белой салфетке, бутылку лимонада и открывалку.

В штабе находилась минут двадцать. При мне Юра не пил и не ел. Людей было много, но никто нам не мешал общаться. Все ждали, пока освободится линия связи с Хрущевым.

По совету врачей Гагарин съел яблоко.

Когда освободилась линия, он заволновался, сразу напрягся (8).

Н. С. Хрушев: Сердечно приветствую и поздравляю вас, дорогой Юрий Алексеевич! Вы первым в мире совершили космический полет. Своим подвигом вы прославили нашу Родину, проявили мужество и героизм в выполнении такого ответственного задания. Своим подвигом вы сделали себя бессмертным человеком, потому что вы первым из людей проникли в космос. ...Можно сказать, что вы чувствовали себя хорошо? (47).

Валентина Платонова:

Лицо у него было каким-то серым, со щетиной. «Чего не побрился?» — спрашиваю. «Утром брился», — отвечает. «Теперь поди загордишься?» — «Ну что ты, Валь» (8).

Ю. А. Гагарин: Вы правильно сказали, Никита Сергеевич, я чувствовал себя в космическом корабле хорошо, как дома (47).

Чувствовалось, что перегрузки для него не прошли даром: лицо у него было желтоватого цвета (8).

Валерий Дранников, журналист, взявший первое интервью у брата Гагарина:

А старший брат героя вывел меня во двор, долго смотрел в ночное беззвездное небо, а потом взволнованно спросил:

— Слушай, журналист, а как ты думаешь, он теперь с бабами сможет?

Я верил в нашу страну, нашу науку и нашего Гагарина.

— Сможет, Валя. Обязательно сможет* (48).

* Интересно, что вопрос этот волновал не только Валентина Гагарина. Один из свидетелей, в 1964 году наблюдавший за пребыванием в Норвегии Ю. Гагарина и В. Быковского, Н. М. Морозов, рассказывает, как кто-то из публики, присутствовавшей на встрече с космонавтами, спросил: «Ну а как там в космосе насчет этого, ну как его...» В зале вначале раздался

Старушки смущенно зашептались.

— А что, Юрушка, — опять вступила в разговор тетя Маня, — что это ты, спросить мы тебя хотим, фуражечку совсем не снимаешь?

— Извините, — теперь уже смутился Юра. <...> В форме я — положено так. Но да ладно...

Он быстро сдернул фуражку <...>. И тут <...> Мария Петровна быстро подошла к нему, подняла руку и дернула прядку волос на его голове.

— Что ты делаешь, тетя Маня?! — с притворным ужасом закричал Юра. — Ведь больно же!

Мария Петровна смутилась <...>.

— Юрушка, сынок, ты уж прости меня, старуху неразумную. Нам ведь по темноте нашей чего только не наговорили. Что наказал тебя Господь, без волос оставил, что парик ты носишь (51).

Ю. А. Гагарин: Я еще раз благодарю вас за сердечные поздравления и приветствия с успешным завершением полета.

Н. С. Хрущев: Я рад слышать ваш голос и приветствовать вас. Буду рад встретиться с вами в Москве. Мы вместе с вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что могут сделать наш великий народ, наша советская наука.

Ю. А. Гагарин: Пусть теперь другие страны догоняют нас!

Н. С. Хрущев: Правильно! Очень рад, что ваш голос звучит бодро и уверенно, что у вас такое замечательное настроение! Вы правильно говорите: пусть капиталистические страны догоняют нашу страну, проложившую путь в космос, пославшую первого в мире космонавта. Все мы гордимся этой великой победой (47).

После телефонных разговоров с первыми лицами партии и государства, а также с С. П. Королевым, Юрий Гагарин связался со своей супругой, после чего заметно повеселел. Дал интервью журналистам, выразительно прочитал текст прави-

взрыв хохота. Потом публика притихла и с напряжением стала ждать ответа. В. Быковский, сделав небольшую паузу, как бы что-то обдумывая, улынулся и ответил: «Да так же, как и на Земле» (49).

Также людям интересно было, влияет ли полет в космос на репродуктивные возможности человека. Когда у Г. Титова в 1963 году родилась дочка, о чем писали иностранные газеты? Правильно: «Voler ne rend pas sterile» — «Полеты в космос не делают мужчину бесплодным» (50).

тельствственной телеграммы, который записали на пленку. В кабинете стоял шум и была суета. То и дело звонил телефон. Хотелось услышать от Гагарина что-то важное, интересное, но он отвечал коротко. Но даже просто находиться с ним, смотреть на него было радостно (8).

«Юра, как ты себя чувствовал в ночь перед полетом?» — спросил генерал Агальцов. Гагарин улыбнулся и, чуть помедлив, ответил: «После ужина пошел в библиотеку, полистал журналы. Затем прогулялся и в девять пошел в домик спать». — «А я из-за тебя, Юра, всю ночь не спал!» (8).

Кстати, на военный аэродром Борисенко прибыл в составе группы, включавшей кинооператора Махмуда Рафикова. Как только они появились в генеральском кабинете, Рафиков безостановочно снимал Гагарина камерой «конвас» на цветную пленку. Правда, увидеть отснятый материал ему так и не пришлось. И не ему одному. Если бы генерал Агальцов со товарищи появились в районе посадки двумя часами раньше, какие бесценные мгновения удалось бы зафиксировать — возвращение Гагарина на Землю! Ан нет. Вот и пришлось прятать, уничтожать, врать (3).

Честно сказать, мы упустили вопрос безопасности Ю. Гагарина. Я отчетливо понял это, когда мы вышли из штаба. Народу было очень много — настоящая душиловка! Я шел впереди и кричал: «Разойдитесь!» Приходилось прямо-таки расталкивать людей. Небольшая передышка, и я опять: «В сторону!» За мной шел генерал Агальцов, а уж за ним Гагарин. Так и прошли до машины (8).

Гагарин вышел из штаба очень удивленный и смущенный таким количеством народа. Он постоянно потирал голову, приглаживая волосы. Рядом с ним шли какие-то гражданские в шляпах и не давали к нему подходить вплотную (8).

Кинооператор Махмуд Рафиков:

Я сразу же быстро выскочил во двор, зная, что через эту дверь сейчас появится Гагарин. Было много народа, мне нужно было найти высокую точку, чтобы я мог увидеть его выход, его состояние, как приветствуют его люди. Оглянувшись, я

обнаружил довольно солидную железную ограду с кирпичными столбами. Ясно было, что надо забраться на этот столб и встать наверху. Верхняя точка этого столба была заострена, и стоять на ней было невозможно. Мне помогли ребята, которых я попросил. Они создали мне все условия, почти как в павильоне. Таким образом, я смог снять Гагарина на общем плане. Были видны приветствия всей массы встречающих, они аплодировали и были в восторженном состоянии, кричали, улыбались. Сопровождавшие Гагарина шли буквально по коридору в людской массе. Снимая это человеческое море, я немного увлекся, а Гагарин и вся группа ушли вперед. Они быстро разместились в автомашинах и уехали на аэродром, к самолету. Я же, спрыгнув со своего столба, побежал к единственной зеленой «победе», но в ней для меня не было места. Несмотря на то, что я пытался объяснить, что моя работа в данный момент важна, что это создается для истории, всё было напрасно. Мои уговоры не имели успеха. И, призадумавшись, я нашел единственный выход. Я встал на бампер этой машины и обнял ее номерный знак. На мне висели кинокамера, кассеты, аккумуляторы. Так, нагруженный, я поехал. Сегодня я должен с благодарностью вспомнить водителя этой «победы», который мог, набрав скорость, меня сбросить со своего бампера, но он был очень чуток. Он понимал, что на «хвосте» сидит еще один человек и его нужно довести тоже (16).

Для полета в Москву на аэродром Куйбышева прибыли два самолета Ил-18 ГВФ. Второй самолет был поставлен на пассажирскую стоянку, к нему был подан пассажирский трап, выставлены охрана и ограждения. Это было сделано с целью отвлечения любопытных от основного самолета. Огромная толпа любознательных была отвлечена от основного самолета. Всеведущая и вездесущая толпа, видя приготовления на пассажирской стоянке самолета к отлету, проявила агрессивность. Сломала и опрокинула ограждения аэродрома и хлынула на пассажирскую стоянку, окружила запасной самолет плотным кольцом. Самолет был заблокирован, и подъезд к нему стал невозможен. В это время Юрий и сопровождающие его лица свободно подъехали к основному самолету и были приняты на борт по самолетной стремянке (42).

Иван Борисенко:

У трапа самолета, на котором предстояло продолжать путь, он задержался: «А где часы, что были со мной?» Они пришиты

к левому рукаву скафандра. Я быстро вернулся в вертолет, отрезал часы от скафандра и передал их хозяину. «Спасибо, — сказал Юрий Алексеевич. — Они мне очень дороги» (55).

Только в спецсамолете, летящем в Куйбышев, врач наконец смог расстегнуть рукав комбинезона Гагарина, измерить давление. 120 на 75! Пульс — 65! И всего 12 вдохов в минуту!
— Все отлично! — выдохнул врач (32).

Виталий Волович (в самолете на Куйбышев):

Я натянул халат на себя, раскрыл записную книжку в красном ледериновом переплете, на котором крупными буквами было вытиснено: «Академия наук СССР. Полевой дневник» (память о недавней экспедиции в Атлантику), и, открыв, на чистой странице вывел: «12 апреля. 14 часов 50 минут МСК. Майор Гагарин Юрий Алексеевич. 1934 года рождения, русский. Космонавт». Дальше следовали данные первых наблюдений: чувствует себя хорошо, оживлен, активен, легко вступает в контакт, благожелателен к окружающим (52).

Видно было, что Гагарин еще не отошел от полета: порой смотрел прямо перед собой и как будто ничего не видел (8).

Виталий Волович:

Все это подтверждало, что огромную психическую нагрузку, вызванную космическим полетом, Гагарин перенес отлично. Жалоб было немного — на сильную потливость и небольшое чувство усталости («Полежать бы сейчас, отдохнуть. Ни есть, ни пить совсем не хочется»).

Кожные покровы нормальной окраски. Видимые слизистые без следов кровоизлияний. Видны только темные круги вокруг глаз, которые, по его словам, появились после бритья.

— Теперь давай обследоваться, — сказал я, откладывая в сторону авторучку.

Гагарин закатал рукав, и я, наложив на плечо резиновую манжету и подкачав воздуха, прижал мембрану фонендоскопа к локтевому сгибу. Чуть повернув вентиль, я превратился в слух. Стрелка на шкале тонометра плавно пошла по кругу. Тук-тук-тук — звонко запульсировала кровь в локтевой артерии.

— Ну, как давление? — настороженно спросил Гагарин.

— Сто двадцать пять на семьдесят пять. Как у младенца. Отличные показатели!

— То-то, — довольно сказал Гагарин и весело подмигнул.

— Теперь пульс, — сказал я и, положив пальцы на его запястье, включил секундомер. — Раз, два, три... — отсчитывал я вслух каждый удар. — Шестьдесят восемь в минуту. Тоже отлично. Пульс ритмичный, без перебоев, и наполнение хорошее, словно и в космос не летал.

— А может, и правда не летал, — сказал Гагарин, и все рассмеялись.

Оставалось померить температуру, но и она не подвела — 36,6.

<...> Правда, он несколько раз жаловался, что немного кружится голова. Но это чувство быстро проходило. А так, всю дорогу до Куйбышева он был оживлен, остроумен.

Колеса уже коснулись бетонки, как вдруг Гагарин сказал:

— А шапки-то у меня нет. Я ведь ее в Байконуре оставил. Без шапки вроде неудобно перед начальством появляться. А может, от скафандра гермошлем отрезать? — Он насмешливо сощурил глаза. — Только боюсь, конструкторы ругаться будут.

— Да уж ладно, Юра. Обойдемся как-нибудь без гермошлема. Найдем что-нибудь. — Я подтянул стоявшую под столиком парашютную сумку и вытянул из нее свой выдавший виды черный меховой шлемофон. В нем я прыгал с парашютом на Северный полюс и теперь повсюду таскал за собой. — Как, подойдет?

Гагарин надел шлемофон, подергал его за длинные уши.

— Малость маловат, а так вроде бы нормально. А сами-то как? — спросил он озабоченно.

— Не беспокойся. Обойдусь как-нибудь (52).

В Куйбышеве самолет с Гагариным встречала несметная толпа. Юрий Алексеевич растерянно смотрел на бортовой журнал полета, вертел в руках пистолет в кобуре, побывавший в космосе: что с ними делать? И протянул всё Воловичу (32).

Николай Каманин:

Открылась дверь самолета, и первым стал спускаться Юра — он был в зимнем летном шлеме и в голубом комбинезоне скафандра. Все девять часов, которые прошли с момента его посадки в космический корабль до этой встречи на куйбышевском аэродроме, я волновался и переживал за него, как за родного сына. Мы крепко обнялись и расцеловались. Со всех сторон шелкали фотоаппараты, толпа людей нарастала. Возникла опасность большой давки, а Юра хотя и улыбался, но выглядел сильно переутомленным. Необходимо было прекратить объятия и поцелуи (53).

Махмуд Рафиков:

Здесь мне удалось снять, как встретились Герман Титов и Гагарин. Это была очень интересная встреча (16).

«Правда», 14 апреля 1961 года:

Увидев среди встречающих знакомого летчика, Юрий Гагарин бросился к нему. Обнимаясь, приятели награждали друг друга такими здоровенными тумачами, что было очевидно: космический полет с его перегрузками и невесомостью прошел вполне благополучно (19).

«Подойти к Юрию не было никакой возможности. И все же я решил проявить напористость и стал протискиваться сквозь толпу, — вспоминает Г. С. Титов. — На меня поглядывали удивленно, недоуменно, недовольно, но я не обращал внимания на эти взгляды. Наконец Юрий заметил меня и, прорывая плотное окружение, бросился навстречу. Мы крепко обнялись, долго тискали друг друга, не чувствуя, что обмениваемся увесистыми тумачами.

— Доволен? — спросил я.

— Очень доволен, — ответил Юрий и убежденно добавил: — скоро и ты испытаешь все это...» (54).

Ну, вот и все.

<Подпись> Майор Гагарин (56).

Генерал армии А. Т. Стученко:

По прибытии Гагарина в Куйбышев я обратился к нему с предложением:

— А что, если послать сейчас самолет в Москву за женой Валентиной? Пусть-ка она побудет здесь. И домой полетите вместе.

— Я вам очень благодарен за такое внимание, но этого делать, наверное, нельзя, — сказал Гагарин. — Ведь Валентина сейчас кормит ребенка. Она разволнуется от встречи, у нее может пропасть молоко (16).

Юра заговорил дальше:

— После приземления возникла необходимость придать случившемуся в моем полете гласность хотя бы потому, что

ведь следом за мной вскоре должны были лететь другие космонавты, мои товарищи по отряду! Именно в этом тогда был главный вопрос для меня!

Увидев Королева в Куйбышеве, куда меня перебросили с места приземления на дачу местного обкома КПСС, я сразу же сообщил ему о чрезвычайной ситуации на борту и заявил, что «намерен отразить этот момент в своем отчете о полете».

Королев тогда мне ответил:

— Это правильное решение! На твоём месте я поступил бы точно так же! И как космонавт, и как коммунист!

И после паузы добавил, пристально глядя мне в глаза:

— За исключением одного-единственного случая, который как раз сейчас и имеет место быть: если о происшествии на борту корабля в полете узнает руководство (как техническое, так и страны в целом), это нанесет огромный ущерб великому делу освоения космоса, в которое вожди поверили далеко не сразу, а лишь после титанических усилий сотен тысяч участников работ. Так как навсегда подорвет доверие партии и правительства к нашей космонавтике. И, прежде всего, к нам, создателям космической техники. Иными словами — в нашу с тобой, Юра, способность ее осваивать во славу Отечества...

По словам Гагарина, это был самый драматический момент в его разговоре с Королевым. И он спросил главного конструктора:

— Так что же мне делать, Сергей Павлович? Как я должен поступить? Как вы мне скажете — так я и сделаю!

На что, по словам Юры, Королев ему ответил:

— Поступай, Юра, как знаешь! Я же могу обещать тебе лишь одно: даю слово коммуниста, что любой ценой, обязательно докопаюсь до причины возникшей в твоём полете неполадки и о принятых мерах доложу тебе лично!

Гагарин продолжал:

— Ни на секунду не сомневаясь, что Сергей Павлович так и сделает, я опустил это место в своём отчете о полете и, как все помнят, отрапортовал: «Полет прошел нормально, техника работала отлично. Готов к выполнению любого задания Родины!» (11).

Чуть позже, уже на обкомовской даче, куда увезли Гагарина, к Воловичу подошел незнакомый человек в изрядно помятом костюме и спросил: «А вы что здесь делаете?» — «Я — врач, обследовал Гагарина». — «А-а, ну и как он?» — «Все отлично. Только его пистолет и бортовой журнал не знаю, кому

отдать...» — «А вон Быковский идет. Ему и отдайте». Волович подошел к Быковскому (космонавт первого отряда, в космос полетел пятым): «Валера, а кто это?» — И кивнул на гражданина в мятом костюме. Быковский расхохотался: « Это же Королев!» (32).

Корреспонденты: Как вы себя чувствуете?

Юрий Гагарин: Как видите... Жалко, нет спортивной площадки поблизости. Бильярдом пробавляюсь. Сегодня проиграл две партии Герою Советского Союза Николаю Петровичу Каманину... Отличный игрок! (58).

Космонавт № 1 легко и крепко держал кий, обладал правильным кистевым упором, основным техническим элементом бильярдной игры. Хорошо знал, когда применить тот или иной упор: открытый, закрытый, V-образный, для наката или оттяжки, на поручне, при ударе по битку, стоящему вплотную к борту, для удара через шар и два шара.

Умел наносить удар левой рукой, а при необходимости и правой из-за спины. Одним словом, лобовой удар, бортовой контртуш, накат, остановку, плоский удар, прокатку вместо резки — все эти и многие другие премудрости игры Юрий Алексеевич познал еще курсантом авиационного училища в Оренбурге. И как каждый офицер, при удобном случае любил погонять шары (59).

После обеда, когда комиссия уехала, первый секретарь Куйбышевского обкома партии А. С. Мурысев предложил Гагарину прокатиться по Волге на катере. Катерок был небольшой, поехали человек восемь—десять. Переехали на левый берег, развели костер, расстелили на песке скатерть. В. Я. Стрельцов подвез туда на моторке пакет с бутербродами, ящик с минералкой и две-три бутылки водки. На обратном пути Гагарину предложили управлять катером, смеялись, что катер — не ракета, а Волга — не космос... Длилась эта прогулка часа два (60).

Так вот, когда катер причалил к берегу, первый секретарь разложил в перелеске костер. А там между двумя деревьями был такой кривенький турник. Гагарин подошел к нему и стал крутить «солнышко». Мимо проходил мужик, который соби-

рал в лесу сморчки. Увидел Юру и прибалдел. Смотрел, смотрел, а потом говорит:

— Слушай, парень, это не тебя весь день по телику показывают? Ты, что ли, в космос летал?

— Я, — честно признался Юра.

— Да ладно врать! — сказал мужик и поковылял за сморчками (61).

Пошив нового мундира Юрию Гагарину был делом государственной важности. Его доверили лучшим генеральским портным из специализированного гарнизонного ателье.

— После полета Юрию Гагарину присвоили майора, и ему нужно было срочно сшить новую форму, — вспоминает генеральский мастер Людмила Кузьмина. — Так как было очень мало времени, форму подходящего размера взяли готовую, со склада.

К космонавту закройщик Алексей Макаренко и швея Валентина Спиридонова отправились прямо со швейной машинкой, чтобы подогнать парадный мундир как можно быстрее. Несмотря на сжатые сроки, мастера отнеслись к поставленной задаче ответственно.

— Успели сделать все буквально за три часа, — рассказывает Людмила Кузьмина. — Судя по всему, Юрий Алексеевич остался формой доволен. Весь мир облетели кадры, где первый космонавт, улыбаясь, докладывает Никите Хрущеву о том, как прошел полет. И каждый раз старейшие работники самарского военного ателье гордились своей работой (62).

Анатолий Кириллов:

«Смотрите, Гагарин в моей шинели идет!» — говорил Анатолий Васильевич родным.

— Ателье располагалось тогда <в Куйбышеве> в районе остановки «Улица Панова», — вспоминает Анатолий Васильевич. — С меня сняли мерку и сказали приезжать за готовой одеждой после 10 апреля.

13 апреля с квитанцией в руках Кириллов приехал в ателье за обмундированием. Навстречу вышел заведующий. И огорошил молодого офицера неожиданным признанием:

— Товарищ старший лейтенант, мы вашу шинель передали первому космонавту СССР Юрию Гагарину! (63).

Глава десятая

ГАГАРИН И ЗЕРКАЛО

Евангелие часто используют в качестве подкидной доски, на которую ложатся карты гагаринской биографии; палехские искусники, нарисовавшие в 1980-е годы серию в высшей степени китчевых лаковых икон с Гагариным, очень точно почувствовали это — и, повторимся, всего лишь выразили коллективные, «народные» представления о подлинном статусе Гагарина и смысле его жизненного пути.

Въезд Гагарина в Москву 14 апреля 1961 года — не менее важный эпизод для этого нарратива, чем известный сюжет «Вход Господень в Иерусалим» для Евангелия. Как и в мифе-первоисточнике, то был миг наивысшего триумфа — официальное признание миссии; для самого Гагарина этот день был самой высокой волной обрушившегося на него социального успеха.

Государство продемонстрировало массам человека, при жизни узревшего космический рай, — и одновременно способность социалистического строя воскрешать отправленных в бездонную тьму космоса лазарей. Каким бы воинствующим атеистом ни был Хрущев, возможно, интуитивно он чувствовал сакральные обертоны события — и распорядился декорировать сцену соответствующим образом. Гагарину был представлен лучший из имеющихся «белых ослов» — светлый кабриолет ЗИЛ-11В (многие думают, что это «чайка», однако это — НЕ «чайка»), увитый — в России всегда было плохо с пальмовыми ветвями — гирляндами цветов.

День начался с того, что дикторы по радио, подпустив в голоса колокольно-торжественных нот, провозглашали: «Сегодня третий день космической эры!» 14-го же апреля достигли пика экзальтации газеты, которые тоже избегали называть дату обычным порядком; первые полосы представляют собой настоящий музей, в котором собраны самые экстравагантные образцы аллилуйной литературы:

Здравствуй, Юрий Гагарин, космонавт дерзновенный!
Честь и слава тебе в этот день торжества!
С возвращением из космоса, разведчик Вселенной,
Поздравляют тебя вся страна и Москва! (22)*

От самого Гагарина 14 апреля требовалось вовсе не только отрапортовать генсеку об успешном выполнении задания, по возможности не растянувшись — из-за развязавшегося шнурика или еще по какой-то причине — посреди красной ковровой дорожки.

От него требовалось — и с этим Гагарин также справился идеально — продемонстрировать одновременно триумф и смирение; не изобретать оригинальную манеру поведения — никаких изгнаний меновщиков из храма или исцелений хромых и слепых — а войти в резонанс с колебаниями народной психики и вибрировать в такт с ними; при этом конкретные слова, которые произносились Гагариным в первые пару недель после полета, пока он еще хоть как-то не освоился в своем новом амплуа, тоскливы, как зубная боль, — «родные мои соотечественники... безмерно рад, что моя любимая Отчизна... ведет наша родная Коммунистическая партия... большое вам спасибо, дорогой Никита Сергеевич... дорогие москвичи, за теплую встречу... полет в космос посвятили XXII съезду Коммунистической партии... и ее ленинскому центральному комитету...» (21) — лучше даже и не цитировать казенные гагаринские алаверды сочным и витиеватым хрущевским здравицам.

Единственная его реплика, на которой хочется сфокусироваться, — это фраза, которую обронил новоиспеченный Герой

* Карикатурным зеркалом советских газет оказалась мировая — в основном американская, разумеется, — пресса. Ерзя, как на сковородке — кого же ей подсунули красные? — она пыталась ответить на вопрос: *Who is mister Gagarin?* Поскольку никаких собственных источников у западных газетчиков не было, они пошли по самому скользкому пути: попытались сфабриковать альтернативные, основанные на крайне сомнительных свидетельствах, биографии. По правде говоря, автор этой книги долго не верил в часто встречающиеся в советской прессе байки о том, что у Гагарина сразу после 12 апреля объявились на Западе родственники-князья, — не верил, пока не наткнулся на множество напечатанных в иностранных газетах диких историй такого рода. «Космонавт на самом деле сын князя, утверждает газета» (48). Мы цитировали их в начале книги, где речь идет о происхождении Гагарина. Далее также следовала еще большая галиматья — отец подвергнут остракизму.. бежал на Уральские горы... «Юного Гагарина отправили учиться в государственную школу. После того, как его повысили в звании до майора ВВС, его не приняли в Коммунистическую партию, сославшись на его капиталистическое происхождение. Запрет действовал вплоть до последнего года — когда он прошел курс подготовки астронавта и у него появилась возможность все-таки добиться своего — в том случае, если партия смягчится и позволит ему вступить в нее» (48).

Советского Союза, разглядывая себя в зеркале после окончания кремлевского приема и потирая уши, оглохшие от двадцати артиллерийских залпов салюта — салюта, устроенного по приказу Министерства обороны во всех столицах союзных республик, а также Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе, — в его честь: «Понимаешь, Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча. Думал, ну, слетаю, ну, вернусь... А чтобы вот так... Не думал...»

Ага, вот он — монолог человека, выигравшего в лотерею; осознаваемый даже и самим виновником торжества триумфа посредственности, случая, везения. Вот он — еще один Емеля-дурачок, чья печь вдруг — по шучьему велению — поехала, да и приехала, причем именно к тому месту, где его поджидал царь с самым красным из всех возможных кафтанов и Марьей-царевной в придачу. Лежал себе лежал — да и вылежал, наконец, себе судьбу, как многие характерно русские персонажи; ведь что такое, в сущности, «ложемент Гагарина» — приспособленное под индивидуальные особенности его фигуры лежащее кресло, в котором он провел полтора часа в космосе, — как не современная версия печи Емели и Ильи Муромца и дивана Обломова? Так?

Вряд ли, однако, правильно интерпретировать это гагаринское замечание именно таким образом.

Советская пропаганда любила рисовать Гагарина боевым роботом социализма, любимое чтение которого — армейский устав. Интеллектуалы-инженеры — Катусь, Феоктистов, пытающиеся соблюдать декорум, однако внутренне раздраженные тем, что звания героев и «Волги» достались «молокососам» — склонны (хотя бы и с оговорками) рисовать Гагарина недалеким парнем, «сереньким», «мужичком себе на уме», тянущимся к знаниям, но в целом простоватым.

Что ж, происхождение (и иногда — манеры, и иногда — речь) Гагарина можно назвать плебейским, однако он был гораздо более тонко чувствующей, способной к самоанализу личностью, чем принято предполагать: во-первых, у него было то, что называется «благородная душа», а во-вторых, весьма основательная интеллектуальная база. Может быть, он и не был таким интеллектуалом, как Титов (тот вслух, вызывая аллергию у предпочитавших менее экстравагантные способы проведения досуга соседей, декламировал по вечерам жене «Войну и мир» — и, кстати, получил в свое время предложение сыграть роль князя Андрея в экранизации Бондарчука), однако для среднестатистического офицера Советской армии Гагарин был очень высоко-

образованным (техническое, военное — и высшее инженерное: три образования) и очень начитанным человеком.

В его читательском активе был основной корпус русских классических текстов (включая — есть свидетельство — «Войну и мир», «Анну Каренину» и «Воскресение»); классическая и современная фантастика, в диапазоне от Жюль Верна, Циолковского и Уэллса до Артура Кларка; множество стихов (рассказывают, что он вдохновенно декламировал целиком есенинскую поэму «Анна Снегина»). Советские источники имеют обыкновение акцентировать верность Гагарина советскому же литературному канону: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодая гвардия» А. Фадеева, М. Шолохов, производственные романы В. Попова «Сталь и шлак», «Закипела сталь», «Испытание огнем». Все это правда — но далеко не вся правда. А. А. Леонов вспоминает, что, когда он впервые увидел Гагарина, тот держал в руках «Старик и море» Хемингуэя. Последняя книга, которую прочел Гагарин? Не угадаете: «Уловка-22» Хеллера.

Помимо русской классики и современной литературы, Гагарин, еще в Саратове, планомерно проштудировал составленную Горьким в начале 1930-х книжную серию «Жизнь молодого человека»: «Рене» Шатобриана, «Адольфа» Констана, «Страдания молодого Вертера» Гёте, «Красное и черное» Стендаля, «Без догмата» Сенкевича, «Исповедь сына века» Мюссе, «Оберманна» Сенанкура, «Шагреновую кожу» Бальзака, «Ученика» Поля Бурже, «Единственного и его собственность» Макса Штирнера. Он прекрасно понимал не только, кто такой Жюльен Сорель и в чем состоит теория Раскольникова, но и что значит жизнестроительство, к чему ведет стремление к абсолютной личной независимости, кто такой «фаустовский человек» и что такое «фаустовская ситуация».

Соответственно, следует понимать, что Гагарин — каким бы симплициссимусом* его ни рисовали — вполне осознанно выстраивал проект своей если не карьеры, то жизни в целом. Именно он, он сам, добился того, чтобы на него обратили внимание и стали им «заниматься». Он тоже стал героем воспитательного романа — такой же молодой человек из низов общества, делающий карьеру с расчетом на свое упорство и личные качества; при этом он умудрился не утратить иллюзии, а напротив, без особого ущерба для личности обзавестись новыми (да еще и заразить ими страну). Именно Гагарин — кто бы мог по-

* *Симплициссимус* — герой одноименного плутовского романа немецкого писателя Ханса Якоба Кристоффеля Гриммельсхаузена (ок. 1621—1676); веселый простак, бросающийся во всевозможные аферы и претерпевающий социальные метаморфозы от пастуха до богача и обратно. — *Прим. ред.*

думать — оказался идеальным воспитанником этой серии, тем самым молодым человеком XX века (а вовсе не фольклорным Емелей; на самом деле, «пролежал» Гагарин всего полтора часа, а до того бегал, как Штольц, Жюльен Сорель и Раскольников вместе взятые), кто прекрасно усвоил преподанные Горьким умные уроки — и чья собственная история, именно в силу критического освоения этого материала, этого чужого опыта, радикально отличалась от историй его двойников из XIX века.

И до и после полета Гагарин несомненно осознавал — как абстракцию — свой класс (рабоче-крестьянский пролетариат) и свою касту (офицер-воин) и вел себя так, как требовали соответствующие кодексы поведения. Психологическая драма его души состояла в том, что, добившись максимального из возможных личного успеха, имея представление об индивидуалистической эгоцентрической этике и пережив эмансипацию от некоторых классовых и кастовых принципов, он — даже после того, как увидел свой гигантский портрет на фасаде Исторического музея*, — не стал культивировать в себе ощущение собственной исключительности и чувство отчуждения от вознесших его масс, не дистанцировался от них, а, наоборот, где только мог, проявлял солидарность с ними; имея возможность преодолеть силу классового притяжения и оказаться в зоне, свободной от всяких ограничений, Гагарин — еще раз подчеркнем: сознательно — выбрал этику другую, коллективистскую, общинную, государственническую. Мы покажем, что это произошло не сразу, не в первые послеполетные дни и даже месяцы; однако в конце концов произошло — несомненно; природный ум, хорошая интеллектуальная база, склонность к рефлексии, общение с интеллектуалами всех мастей — ну и, надо полагать, интуитивное представление о том, что его жизненный путь странным образом рифмуется с Чьим-то еще, — помогли Гагарину сделать этот выбор.

* * *

Би-би-си: А разве встреча первого космонавта не была запланирована заранее?

Сергей Хрущев: Нет. Собственно говоря, встречу Гагарина

* Идею масштаба культа Гагарина можно уловить, рассмотрев фотографии Красной площади во время парада 14 апреля 1961 года. На них видно, что на здании Исторического музея прикреплены два гигантских, во весь фасад, транспаранта. На одном — голова Ленина, справа от нее — летящая вверх ракета, а под ракетой — вырезанная по плечи фотография Гагарина в офицерской форме. На втором — просто надпись, реально **ОЧЕНЬ КРУПНЫМИ БУКВАМИ**: «Честь и слава товарищу Гагарину Юрию Алексеевичу — пионеру освоения космоса!»

целиком придумал Никита Сергеевич. Все думали, ну привезут его сюда <в Москву>, ну дадут какую-нибудь награду, орден Ленина, например, ну и всё. А Никита Сергеевич считал иначе. Он считал, что произошло грандиозное событие, которое надо отметить соответствующим образом (6).

Левитан в этот день много раз объявлял по радио сообщение ТАСС, от этого он, в конце концов, и охрип. А у нас на полигоне появился излюбленный гост, взятый из самодеятельной песни, которую пели в известном состоянии испытатели: «Ракета улетела, налей еще стакан, и пусть теперь охрипнет товарищ Левитан!» (5).

Сергей Хрущев: Перед вылетом из Пицунды в Москву Хрущев позвонил в Кремль и сказал, чтобы они там подготовили Гагарину достойную встречу.

Би-би-си: И Кремль постарался? (6).

Пока Гагарины отсутствовали, в их жилищных условиях (а до полета Юрия Алексеевича в космос семья жила в двухкомнатной квартире) буквально за два или три дня произошли большие изменения. В четвертом подъезде на четвертом этаже в трехкомнатной квартире жили космонавты-холостяки: Иван Аникеев, Валерий Быковский и Дмитрий Заикин. После 12 апреля их и жильцов смежной квартиры, находящейся в пятом подъезде, тут же выселили, и уже 13 апреля из Москвы прибыли строители-ремонтники, которые занялись обустройством новой квартиры Гагариных. Стены, разделявшие изолированные помещения, выдолбили, и получилась большая четырехкомнатная квартира. Интересно было наблюдать, как потом привозили новую мебель и всё, что нужно для семьи, — посуду, постельные принадлежности... Подъезжали машины, солдаты выгружали вещи и заносили их в квартиру (3).

Сергей Хрущев:

По плану Хрущева Гагарин должен был прилететь в Москву в сопровождении истребителей. Все правительство должно было встречать его на Внуковском аэродроме. Затем его должны были провезти в открытом лимузине по Ленинскому проспекту, где бы его встречали люди. Потом митинг на Красной площади, большой прием в Кремле, награждение и так далее. Однако этот план был встречен правительством не очень дружелюбно. Многие говорили, что такая роскошь не соответ-

ует событию. Кроме Хрущева и еще некоторых человек далеко не все понимали важность этого события.

Он вернулся в Москву и настоял, чтобы встреча прошла по его плану (6).

Николай Каманин:

Во второй половине дня Юра начал готовиться к встрече в Москве. Рапорт Хрущеву он освоил за полчаса, но первое время излишне торопился. Две-три тренировки устранили этот недостаток.

Я уже знал по выступлениям Юры еще до полета, что он обладает задатками неплохого оратора.

Перед сном Юра примерил новую форму и шинель. Раз два я изображал Хрущева, а он подходил ко мне с рапортом.

На следующий день заезжал к Юре, представил ему Денисова и Борзенко из «Правды». Они будут готовить книгу Гагарина, а я буду ее редактировать (9).

Сергей Хрущев:

Отец вспомнил, как встречали в пору его молодости челюскинцев, чкаловцев. И сейчас ему захотелось устроить нечто подобное: толпы людей на улицах, дождь листовок с неба, грандиозный митинг. То, что отец ставил на одну доску челюскинцев и Гагарина, свидетельствовало о том, что как и четыре года назад, при запуске первого спутника, ни отец, ни все мы, его окружающие, не смогли представить реакции в мире на происшедшее. Действительность превзошла все ожидания. Но тогда, в день свершения, мы не догадывались, что присутствуем в первом дне новой эры (8).

Журналист «Комсомольской правды» Василий Песков:

У нас маршрут был исключительный: мы пролетали над Кремлем! На очень небольшой высоте. И мы увидели Москву, запруженную людьми! Это был неподдельный, подлинный энтузиазм людей, счастливых от того, что в космосе побывал наш человек, наш соотечественник. Я спросил: «Юра, ну вы ожидали такое?» Он говорит: «Ну, я так представлял, что нерядовое дело, но чтобы такое... Это немыслимо!» (11).

Инна Давыдова, бортпроводница самолета, доставившего Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву:

Я подседа к нему. Очень посмеялся надо мной, когда я ска-

зала, что в космосе, наверное, холодно. Сказал, что мне надо почитать Циолковского (10).

Фотокорреспондент журнала «Огонек» Всеволод Тарасевич:

Самолет начал снижаться. Я пристроился за Гагариным. Помню, как он два раза прикладывал руку ребром к козырьку — проверял, ровно ли надета фуражка (12).

Юрий Гагарин:

Еще из самолета я увидел вдали трибуну, переполненную людьми и окруженную горами цветов. К ней от самолета пролегла ярко-красная ковровая дорожка.

Надо было идти, и идти одному. И я пошел. Никогда, даже там, в космическом корабле, я не волновался так, как в эту минуту. Дорожка была длинная-предлинная. И пока я шел по ней, смог взять себя в руки. Под объективами телевизионных глаз, кинокамер и фотоаппаратов иду вперед. Знаю: все глядят на меня. И вдруг чувствую то, чего никто не заметил, — развязался шнурок ботинка. Вот сейчас наступлю на него и при всем честном народе растянусь на красном ковре. То-то будет конфузу и смеху — в космосе не упал, а на ровной земле свалился... (13).

Петр Воробьев, летчик самолета, доставившего Юрия Гагарина из Куйбышева в Москву:

То ли развязался, то ли не завязал. Мы вышли в первый салон — выпустить его на трап. Посмотрели, все ли у него в порядке, застегнут. Галстук вроде нормально — а на ботинки не обратил внимание. Дверь открыл — он пошел — идет по трапу — я глянул сзади — смотрю: у него шнурок вот так ходит правый. Меня аж пот прошиб. Полностью был распушен, вот так телепался. Он заметил — и замедлил движение, приостановился. У меня аж сердце екнуло — сейчас станет завязывать, а на него ж весь мир смотрит, дорожка красная 100 метров длиной. Он с трапа когда сходил — он <шнурок> бьет по ногам. А он пошел строевым (14).

...и все увидели это, и все мы замерли, не дыша, беззвучно молясь всем богам: «Не упади!» А он шел и шел (15).

Остановился, отрапортовал. Начались объятия (16).

Юрий Гагарин:

Никита Сергеевич снял шляпу, крепко обнял меня и по старинному русскому обычаю трижды поцеловал.

— Поздравляю! Поздравляю! — говорил он, и я чувствовал, как он взволнован. Я ощутил отеческое тепло его рук и подумал, что, может быть, увидев мою офицерскую форму, он вспомнил своего <погибшего> сына Леонида (13).

А затем <после снятия Н. С. Хрущева> в течение многих лет главным организатором всех космических достижений страны будет считаться Брежнев. Судя по фильмам тех лет, Гагарин рапортует «пустоте». На трибуне мавзолея тоже «организуют» странное одиночество героя (великие возможности киномонтажа и ретуши давно вошли в практику), и желающих именно таким образом представить начало космической эпопеи найдется более чем достаточно (17).

Он как-то смущенно подошел к жене, обнял ее, ткнулся носом в Валину шею... (16).

Анатолий Карташов, член первого отряда космонавтов:

Тут прибегает упомянутый замполит Никирясов: «Товарищи офицеры, садитесь двадцать человек в автобус и дуйте на квартиру к Гагариным. Туда ворвались корреспонденты от “Мурзилки” до “Правды”, фотографии со стен срывают, интервью берут. Валентина не может покормить грудью ребенка. Словом, наведите порядок!»

Приехали мы — а там действительно кавардак, в глазах рябит от фотовспышек. Начали вежливо под белы ручки выводить товарищей журналистов из квартиры. Они завозмущались: «Как вы смеете, кто вы такие?» А мы в летных синих куртках без погон, в фуражках. «Извините, — говорим, — у нас приказ, потом разберемся». Словом, перекрыли подъезд, лестничную площадку. Некоторые газетчики побежали звонить начальству. Другие терпеливо стояли возле нас, просили пропустить, пытались расспрашивать о Гагарине, о профессии космонавта. В ответ мы только улыбались. Нам велели молчать (1).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Встала я в ту среду по давней привычке рано... Вдруг слышу, как кто-то стучится в дверь, дробно этак, нетерпеливо. Слышу, Мария, Валентинова жена, кричит:

— Мама! Радио включено? Мама! Вы что молчите?! Радио, говорю, включайте! Наш Юра...

Я к двери бросилась, отворяю, а сама ни жива ни мертва.

— Что?! Юра — что? Что с ним?

А она стоит тоже вся растерянная, толком объяснить ничего не может.

— По радио сообщение. Первый полет человека в космическое пространство. Юра наш — командир космического корабля.

Больше я ничего слушать не стала, накинула телогрейку и побежала на железнодорожную станцию. Не помню, как добежала. Одно только сверлило голову: скорее к Вале! Юра просил ей помочь! Вот он что имел в виду! Скорее к Вале, к их детишкам... (2).

А вот с Валентиной Гагариной произошел казус. Ее мы не выпускали из квартиры! Ей хотелось на люди, поделиться радостью да детей на свежий воздух вывести. Она смотрит на нас, а мы чувствуем себя идиотами: «Прости, родная, у нас приказ...» Так что еще неизвестно, кому первому надо давать награды (1).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Уже на вокзале, когда билет взяла, чуть опомнилась: сообразила расписание посмотреть — оказывается, все поезда на Москву прошли, следующего обождать придется. Села — сижу. Себя оглядела и ужаснулась — несуразно одета: в халате, в домашних тапках, поверху телогрейка. Ну да ладно, возвращаться не буду, до городка как-нибудь доберусь, а там Валя свое пальто даст за Леночкой в ясли ходить. Еще чуть посидела, вспомнила, что сдачу в кассе с десятки не взяла, а встать, двинуться, чувствую, сил нет. Рядом со мной девушка на скамейке примостилась, я ее и попросила:

— Сходите, милая, объясните кассирше, что позабыла сдачу, да и извинитесь, скажите: старушка тут одна совсем растерялась.

Она деньги мне принесла, спрашивает:

— Вам помочь?

— Нет. Все в порядке.

А сама сижу, жду: может, по радио что передадут. На вокзале громкая веселая музыка играет, но ничего не сообщается. Отвлечься от своих мыслей все никак не могу: как он там, мой Юра? Что Валя сейчас делает? Что? Как?.. (2).

Поэтому вся пресса приехала к дому Гагарина. Ждали его возвращения и очень внимательно наблюдали за окнами квартиры первого космонавта, которая находилась на пятом этаже.

Журналисты думали, что жена Гагарина дома, но не хочет идти ни с кем на контакт. Поэтому малейшее шевеление занавесок — от ветра или просто мерещилось — воспринимали как добрый знак. Время идет, а информации у журналистов нет. Тогда корреспонденты газеты «Известия», молодые ребята, решили пойти на довольно дерзкий поступок — заглянуть в окна квартиры Гагариных. Для этого кто-то из них сбегал в магазин, купил веревку, и три человека забрались на крышу дома. Я сам лично наблюдал, как одного парня обвязали веревкой и уже хотели было спустить по стене на балкон. Но у ребят из этого ничего не получилось: охранник поднялся на чердак и сказал им, чтоб не занимались ерундой (3).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Пришел поезд, села, поехала. В окно смотрю. Вроде бы на станциях все смеются, но обмануться боюсь. В Москву прибыли, вышла я на площадь у Белорусского вокзала — народу как в праздник, у многих в руках плакаты: «Ура Гагарину!» Люди смеются, кричат: «Приземлился! Ура! Прилетел!» Я заплакала и пошла в метро.

Какая-то женщина спросила у меня:

— Бабушка, что с вами? У вас горе?

Я улыбнулась — у самой слезы рекой льются — и говорю:

— У меня радость!

Женщина засмеялась:

— У меня тоже. Знаете, человек поднялся в космос! Знаете?

— Знаю, — киваю, — знаю.

А она все говорит:

— Его зовут Юрий Гагарин. Запомните!

— Запомню, милая, запомню... (2).

Виктор Горбатко:

Когда стало ясно, что полет прошел успешно, мы немного отметили победу первого космонавта, и я поехал домой на электричке. Сел в самый обычный вагон поезда, который шел от Монино. Заметив, что я в форме, ко мне подошел какой-то мужчина. В соседнем вагоне, говорит, какая-то женщина утверждает, что она мама первого космонавта Гагарина. Проверьте, может, сумасшедшая или провокатор. Я вышел туда и на самом деле увидел Анну Тимофеевну Гагарину. Подсел к ней и стал успокаивать. Ведь то, где мы служили и чем именно занимались, являлось государственной тайной. «Ну как же?! — удивлялась она. — Ведь Юрка — мой сын!» Вместе мы доехали до нужной станции, а потом пошли к дому, где у нас были квартиры (4).

Анатолий Карташов:

Вдруг смотрим: два офицера, нас не спросясь, бабушку ведут по лестнице на четвертый этаж. Я открыл дверь, пропустил женщину в квартиру. «Кто это?» — спросили журналисты. А мне стало так горько, что не мог сказать: «Да это же мама Гагарина!» Потом они сами догадались, начали сетовать, что прозевали. Позже нам рассказали: приехала Анна Тимофеевна из своего села на станцию, попросила билет до Москвы. А билетов нет. «Доча, я мать Гагарина...» Так начальник станции остановил поезд, сам посадил! (1).

Ярослав Голованов:

Гагарин рассказывал мне, что, отчеканив свой рапорт, он в ту же секунду погрузился в какую-то прострацию, как бы в сон. Чувство это усиливали лица вождей, которых он знал по портретам, но не воспринимал как живых людей, и которые с интересом рассматривали его теперь, а многие — радостно целовали. «Это Брежнев, это Козлов, это Ворошилов, Микоян...» — отмечал он про себя, но все эти знакомые незнакомцы были гораздо ближе к миру сна, чем реальной жизни. Целуя родных, не понимал, как попали они сюда, ведь они жили в Гжатске, как оказалась здесь Валя, мелькнула даже мысль: «А на кого же она оставила девочек...» (18).

Он подошел к членам правительства, они расцеловались. Гагарину вручили цветы, и он сел в открытый ЗИЛ. Хрущев не хотел садиться в ту же машину и отвлекать на себя внимание. Он сказал Юре: «Это твой праздник, а не мой», но Гагарин рукой втащил Хрущева в ЗИЛ. Так они и поехали: Гагарин, стоя в ЗИЛе, как генералы, принимающие парад, а Хрущев сидел сзади. Если сейчас вы посмотрите кадры, то Хрущев там еле угадывается на заднем сиденье (8).

14 апреля 1961 года, когда в традициях американских конфетти-парадов Гагарин в открытом кабриолете следовал из правительственного аэропорта «Внуково» мимо ревушей толпы на Красную площадь, рядом с ним сидел улыбающийся Хрущев, который явно наслаждался триумфом и воспринимал первый полет в космос как свой политический успех, но при этом уже не возвышался над «героем дня» (20).

Сойдя с трибуны, Никита Сергеевич провел Гагарина вдоль плотной толпы людей, отгороженных милицией и веревочным

запретом, и он опять встретил эти радостные глаза, жадно его рассматривающие, и неожиданно увидел свои собственные большие портреты на палках и лозунги с его фамилией. Портреты были трех людей: Ленина, Хрущева и его, Гагарина. Но больше всех — Гагарина. Как это может быть?! Но так было... (18).

Но в тот давний теперь уже день, когда самолет с первым человеком Земли, увидевшим нашу планету из космических далей, подлетал к Москве, весь город охватило волнение. Сотни тысяч людей высыпали на улицы и площади, спешили к Ленинскому проспекту. Пробриться на балконы домов, мимо которых пролегал путь торжественного кортежа, было потруднее, чем получить билеты на самый популярный спектакль. Никто не прогонял ребятню с крыш, деревьев и заборов. Приветствия были и на огромных полотнищах, и на листках бумаги: «Наши в космосе!», «Ура Гагарину!», «Здравствуй, Юра!». Взрыв патриотической гордости рождал радость и веселье, душевную раскованность и легкость. Сказать коротко, это было счастье (17).

Кортеж приближается к первым домам Москвы. Скорость сразу падает. Шестьдесят километров в час. Сорок. Двадцать. Пять. Людей все больше и больше. Они уже не умещаются на тротуарах, они забрались на крыши домов, на фонарные столбы, на деревья (21).

На Ленинском проспекте встречали тогда всех важных гостей, прибывавших в столицу. Фонарные столбы вдоль проспекта были пронумерованы и расписаны между предприятиями и организациями. Наш институт тоже имел «свои столбы», и когда нас (в рабочее, конечно, время) отправляли встречать какую-нибудь Важную Персону, так и говорили: «К нашим столбам».

Не помню только, откуда брались в руках у москвичей флажки и цветы — раздавали, что ли? Но встречать космонавтов на Заре космической эры люди выходили сами. И народу всегда было видимо-невидимо (15).

Сергей Хрущев:

Затем: кульминация, митинг на Красной площади. На моей памяти подобное не случалось. КГБ еще со сталинских времен панически боялся скопления людей. Демонстрация —

другое дело, там колонны идут по отведенным им коридорам, разделенным плотными цепями всевидящих профессионалов. От них не скроется ни малейшее подозрительное движение. А тут неорганизованная толпа! (8).

Газета «Вечерняя Москва», 14 апреля 1961 года:

Торжественно выглядит Красная площадь. На здании ГУМа, против Мавзолея, — огромное алое полотнище с портретом В. И. Ленина и словами: «Вперед, к победе коммунизма!».

По сторонам протянулись кумачовые полотнища с призывами: «Да здравствует созданная Лениным Коммунистическая партия Советского Союза!» и «Да здравствует великий советский народ — строитель коммунизма!». Большие декоративные ковры с гербами Советского Союза и союзных республик вывешены вдоль Кремлевской стены. Огромное панно — на здании Исторического музея. Мы видим здесь Государственный флаг СССР и портрет В. И. Ленина: внизу изображены космический корабль и герой-космонавт Юрий Гагарин. У центра Красной площади, на Лобном месте, декораторы соорудили устремленную ввысь огромную 22-метровую космическую ракету (22).

Газета «Вечерняя Москва», 14 апреля 1961 года:

С утра морозило. Лужицы были покрыты тонким льдом. Казалось, зима своей суровой рукой в последний раз пожимает нежную ладонь весны. И с каждым часом становилось все теплее и теплее. Люди шутили:

— Это Юрий Гагарин растолкал облака, протаранив путь солнцу! (22).

На Красной площади проходил митинг, на трибуне мавзолея вместе с космонавтами стояли Первые Лица Государства во главе с Хрущевым. На площадь пускали по приглашениям, «не приглашенные» ожидали начала демонстрации на соседних улицах (15).

На площади так много людей, что женщины тянут вверх руки с пудреницами и пытаются сквозь эти самодельные перископы увидеть того, ради кого они пришли сюда, — хотя бы в маленьком зеркальце (47).

Речь товарища Ю. А. Гагарина:
Родные мои соотечественники!* (21).

Речь товарища Н. С. Хрущева:

Если имя Колумба, который пересек Атлантический океан и открыл Америку, живет в веках, то что можно сказать о нашем замечательном герое товарище Гагарине, который проник в космос, облетел весь земной шар и благополучно вернулся на Землю. Имя его будет бессмертно в истории человечества. <...> Теперь можно, как говорится, и потрогать человека, который вернулся прямо с неба (21).

Но такой демонстрации, как эта, на моей памяти не было ни разу. Какой светлой, какой ликующей и праздничной, какой молодой и бурлящей была Москва! Газетные отчеты дают лишь весьма отдаленное представление об этом стихийном шествии. Ловили и качали летчиков. Несли смешные самодельные плакаты («Чур, я второй!»), пели и плясали. Это был общий порыв, объединивший в одну душу тысячи и тысячи душ. Это и было единодушие! (15).

Шли с плакатами, на которых было написано: «Ура, мы первые!», «Привет Гагарину!» (23).

«Фантастично!»
«Бесконечно рады!»
«Даешь космос!»
«Космос наш!» (21).

* Слышный на многих сохранившихся записях голос Юрия Гагарина — особый фонетический деликатес, поначалу очень непривычный, да и после первого знакомства привыкаешь к нему далеко не сразу. Он более высокий, чем, предполагается, может быть у героя-летчика; гораздо ближе к фальцету, чем к басу. Не то что «немужественный» — скорее не «мужицкий»; странным образом, слишком звонкий для мужчины; «задорно-комсомольский», мальчишеский; с таким голосом хорошо изображать Вольку Костылькова в радиопостановках по «Хоттабычу». Если продолжить анализ гагаринской фонетики, то можно заметить, что в его выговоре присутствует некий легкий дефект: что-то не то со звуком «л» — он скорее ближе к европейскому «l». При этом странном тембре и выговоре существенно, что этот голос то, что называется, «приветливый»; чувствуется, что его обладатель все время пытается передать собеседнику доброжелательное отношение; вообще, существует огромная разница между просмотром и прослушиванием гагаринских записей: когда видишь, как он все время улыбается, всякое ощущение странности его голоса пропадает; ни на какие «дефекты» просто не обращаешь внимания.

И это получился праздник, сравнимый с Днем Победы. Был солнечный день, тепло. Многие сидели на крышах. Вышли студенты-медики и кричали: «Юра, дашь космос!» и «Все там будем!» В общем, такое забыть нельзя (6).

Плакаты писались за две минуты на газетах, на обрывках бумаги, на белых медицинских халатах: «Нашему Юрке слава!» (11).

Я помню <...> Александровскую колонну <в Ленинграде>, покрытую надписями в честь Гагарина до такой высоты, что ума было нельзя приложить: кто и как туда мог забраться? Но все только мирно покачивали головами, даже милиция. «Вот это нарушили так нарушили, товарищ старший лейтенант, а?!» — проговорил не без задней мысли невидный, конопатенький милиционер у подножия колонны, и старший лейтенант очень разумно ответил ему: «Сегодня пусть, товарищ Круглов! Сегодня Гагарин уж до того нарушил — на все века...» (24).

Los Angeles Times:

Советский космонавт озадачил крестьян

Советский космонавт Юрий Гагарин, возможно, является великим героем для тинейджеров и образованного класса в России, однако Арлен О'Коннелл утверждает, что крестьяне и люди необразованные в России не слишком понимают, что им следует о нем думать.

Арлен, студентка Кинс Колледжа, находившаяся в Москве в прошлую среду, когда было объявлено о полете Гагарина, сказала, что «крестьяне, а также люди пожилые и необразованные, похоже, не вполне в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит значимость полета». «Судя по тому, что я видела на Красной площади в пятницу, во время демонстрации, подлинный энтузиазм проявляли юноши и девушки и образованная часть населения», — сказала она. «Я обошла Кремль перед тем, как начались празднества, и затем попыталась пройти через Красную площадь, чтобы вернуться в свой отель, — говорит двадцатилетняя туристка, — однако обнаружила, что все улицы заблокированы». «Я ходила себе и ходила вокруг да около, пытаюсь попасть к себе в гостиницу, и по дороге мне попадалось много стариков и крестьян — и все они попросту занимались своими делами так, как будто ничего и

не происходит, — а ведь ровно в это время шел парад и торжественное чествование, — добавляет она. — Единственные, — сказала она, — кого пропускали в толпу в первые ряды на Красной площади, — так ей показалось, — это люди с удостоверениями членов Коммунистической партии». — «Само празднование началось примерно с 11 утра — юноши и девушки 15—17 лет танцевали на улицах, кричали и маршировали», — говорит мисс О'Коннелл. «Затем на грузовиках стали подвозить еще людей, и пешком они тоже прибывали — и задолго до начала площадь оказалась заполнена толпой» (25).

Всенародное ликование по поводу полета Гагарина в мифологическом смысле означало сопричастность всех людей Божественному творению (интуитивно чувствуя это, атеистическая пропаганда постоянно подчеркивала, что космонавты никакого старика с бородой в космосе не видели) (26).

Как же бог?

Вот задал задачу верующим Юрий Гагарин! Облетел всю небесную канцелярию и никого не встретил — ни всемогущего, ни архангела Гавриила, ни ангелов небесных. Выходит, небо-то чистое! И потекли в редакцию любопытные письма. Написаны они дрожащей рукой, и почерк их выдает людей преклонного возраста (21).

Сергей Довлатов:

Я хорошо помню день гагаринского триумфа. Мы, студенты Ленинградского университета, шагаем по Невскому. Размахиваем самодельными транспарантами. Что-то возбужденно кричим. И только мой друг, знаменитый фарцовщик Белуга, язвительно повторяет:

— Ликуйте, жлобы! Динамо в космосе!..

«Динамо» по-блатному означает — жульническая махинация. Причем с оттенком дешевого шика. Видимо, Белуга раньше других ощутил наступление грандиозной пропагандистской кампании. Увидел первые гримасы советского космического блефа... (27).

Ходжа Ахмад Аббас, индийский писатель:

Пока еще преждевременно делать исчерпывающие выводы о влиянии полета Гагарина на психологию советской молоде-

жи. Но уже сейчас имеется достаточно оснований сказать, что для сознательной и социально ответственной части это означало оптимистический взгляд в будущее. Полет Гагарина внес также существенные поправки во взгляды циников, скептиков и неустойчивых элементов, которые, начав с протеста против скучного однообразия в одежде, дошли в ряде случаев до серьезных антиобщественных и преступных действий. Даже ищущие сенсаций стилиаги, как в Советском Союзе называют тэди бойз, не смогли удержаться на своих позициях пренебрежительного отношения и личного безразличия, столкнувшись с феноменальным полетом. В гагаринское лето я почти не встречал в Москве кричаще, ярко разодетых, кудлатых, с резиновыми жвачками во рту стилиаг, которые были так заметны в мою предыдущую поездку в СССР (28).

С ровесниками Гагарина у Советского государства было множество проблем. Им остро недоставало примеров для подражания, так как многие старые герои потеряли свою актуальность и достоверность. Советские литературные критики прямо говорили о «лживости официального героизма». Известный советский писатель Илья Эренбург жаловался на «экстремальное эмоциональное и человеческое мельчание положительного героя, который представляет собой лишь человеческий “полуфабрикат”». К тому же партийное руководство было в величайшей степени возмущено робким расцветом обособленных молодежных субкультур — стилиаг и битников, которые восторгались джазом и рок-н-роллом и поддерживали своеобразный неконформистский стиль в одежде. Согласно партийному решению, следовало упразднить эти «паразитические настроения», чтобы привлечь сердце и душу всей советской молодежи к величайшим достижениям времени и разжечь ее жертвенный энтузиазм. Писатели, художники и режиссеры вели жаркие дискуссии о том, как должен выглядеть идеальный герой переходного к коммунизму периода. В этой ситуации культурно-политического перелома Гагарин был подарком с небес (20).

Ходжа Ахмад Аббас:

Четверо юношей в узких брюках и кричаще-красных рубашках, встретившиеся мне на Красной площади возле ГУМа, не могли привлечь внимание огромной массы людей, ломившихся за патефонными пластинками с записью голоса Гагарина из космоса и делавших заказы на книгу о космонавте, которая должна была вскоре выйти из печати (28).

Василий Аксенов:

Момент, когда Гагарин полетел в космос, застал меня в Питере. В нашем кругу тогда было принято осмеивать всё советское, но я помню, что этот факт вызвал во всех искреннюю радость, душевный подъем, сравнимый только с Днем Победы. Отчасти об этом настроении — моя повесть «Звездный билет» (30).

P. Krause «Der Eichmann-Prozess in der Deutschen Presse»:

Процесс над Эйхманом <нацистским преступником, которого в 1960-м выкрали израильские спецслужбы и затем судили в Иерусалиме> начался за день до полета. В прессе ГДР Шульце-Валден был первым, кто поставил Гагарина и его полет в прямую связь с Эйхманом и иерусалимским процессом, чтобы таким образом утвердить мнимое моральное превосходство коммунизма над «капиталистической» и «реваншистской» ФРГ. Полет в космос советского космонавта Юрия Гагарина в апреле 1961-го был наиболее эффектным и зрелищным результатом той эпохи. Через несколько дней после этого полета Шульце-Валден опубликовал в «Берлинер цайтунг» почти уже религиозное восхваление социализма и людей социализма. Он использовал ажиотаж вокруг полета Гагарина, чтобы противопоставить социализм в ГДР капитализму в Западной Германии. Пропев дифирамб социализму, он обратился к ГДР как участнику этого успеха и попытался установить связь между Эйхманом, капитализмом, Западной Германией и фашизмом. Затем он взял Гагарина, пример социалистического человека, и Эйхмана, продукт капитализма, и противопоставил их друг другу. В почти лирической речи Шульце-Валден писал: «Существует тип человека возвышенного, социалистического — и его воплощением является Гагарин; а есть человек убогий, низкий — и вот он представлен Эйхманом». По мнению Шульце-Валдена, «преступный элемент», такой как Эйхман, мог возникнуть только внутри капиталистической системы, тогда как такой «величественный», как Гагарин, — только в недрах социализма (31).

Затем все приехали в Георгиевский зал Кремля, и там был прием. Брежнев, который тогда был председателем Президиума Верховного Совета, привинтил Гагарину геройскую Звезду*,

* Любопытно, что первая награда, полученная Гагариным уже после полета, — вовсе не Золотая звезда Героя Советского Союза, а медаль «За освоение целинных земель», врученная ему на месте приземления.

естественно, его расцеловал. Для Гагарина учредили специальное звание «летчик-космонавт», которое впоследствии давали всем. Его придумали буквально за день (6).

На трибуне произошел инцидент: Брежневу пришлось сразиться с тканью кителя Юрия Гагарина (это оказалось потруднее, чем покорить космос) — он тщетно пробовал приколоть ему орден Героя Советского Союза и орден Ленина. Через микрофоны объявили: «Техническая неприятность, товарищи». Наконец у него получилось — раздались аплодисменты (32).

А вечером грянул большой прием. Юноши и девушки в белых одеждах, стоящие на парадной лестнице Большого Кремлевского дворца, осыпали входящих цветами. Певцы из Большого театра грянули хор «Славься!» Глинки, вскоре причудливо трансформировавшийся в «космическую» песню Туликова. Незнакомыми ароматами дышала шеренга дипломатического корпуса. Черной стайкой скромно стояли седобородые Отцы Церкви. Королев не знал почти никого из этих людей, и люди эти не знали его. Иногда возникало лицо узнаваемое, он видел этого человека в газете или журнале, тогда Королев слегка наклонял голову и улыбался (18).

Глава правительства СССР выражает уверенность, что недалеко то время, когда будут осуществляться межпланетные сообщения (21).

«А я отлично помню митинг 12 апреля. Здесь собрался тогда весь дипломатический корпус, — улыбается Валентин Гагарин. — Хрушев сам повел Юру знакомить с послами. Жена одного чернокожего дипломата как увидела Юру, сорвала с себя обручальное кольцо с бриллиантами и надела на его палец. Ее муж сначала переменился в лице, но когда увидел, что на них все смотрят, заулыбался, обнял и поцеловал жену» (34).

Странным образом, впоследствии это стало чем-то вроде традиции — и после Гагарина многие космонавты получали ее сразу же после приземления (7). Характерно, что космонавты и сами воспринимали себя как целинников — причем семантика целины простиралась гораздо дальше, чем можно было подумать; так, если верить русским таблоидам, то А. Леонов, выйдя в открытый космос, заорал от восторга: «П...ц космосу! Я ему целку порвал!» (33).

Стенограмма выступления Н. С. Хрущева на приеме в Кремле:

Мы горды потому, что это подвиг, но я, видимо, слов не подберу, и поэты, видимо. Мастера слова, они тоже трудности имеют. Я считаю, что наиболее ловко вышел из положения Шолохов, который просто написал: «Вот это да!» И это каждый из нас повторял уже сотни раз, когда он сам с собой думал: «Вот это да!.. Вот это Юрка!» Но я одно только могу сказать или, вернее, повторить от нашей партии, правительства. Я не скрою, что это показывает величие, расцвет нашей науки, техники и инженерной мысли. Это дает многое с точки зрения обороны нашей страны. Мы получили, конечно, колоссальное преимущество. Но не это главное для нас. Главное для нас: пусть тот, кто точит ножи против нас, знает, что Юрка был в космосе, все видел и теперь все знает. (Аплодисменты.) А если надо — еще полетит, а если ему надо подкрепление — может другого товарища взять, может полететь и лучше рассмотреть (35).

Гагарин был очень обласкан Хрущевым. Если для Гагарина его полет в космос был главным событием жизни <...>, то для Хрущева этот полет был событием стратегии, манипулируя которым, он мог превращать его то в букет, то в дубинку. Но человек искренний, увлекающийся и не злой, Никита Сергеевич не мог относиться к Гагарину только как к некой важной детали своего властного механизма. Он по-отечески любил этого ясноглазого парня, который оказался таким молодцом (36).

...важное место в своей речи на приеме первый секретарь КПСС уделил пропаганде атеизма. Выпады против веры вызвали, к сожалению, бурную положительную реакцию у некоторой части присутствовавших там партийных работников. Святейшему Патриарху была предоставлена возможность как-то образом ответить на возражения, вероятно, это произошло во время беседы в кулуарах. Патриарх, человек тонкий и деликатный, стал расспрашивать Гагарина о его состоянии во время полета. Тот, конечно, описывал состояние невесомости, и тут Патриарх заметил, что тело, подчиняясь законам физики, грубо говоря, болталось в пространстве, а душа, не подчиняющаяся никаким материальным законам, оставалась на месте. Так, в противоположность материалистической доктрине Его Святейшества показал, что духовное выше материального. Но эта тонкая защита Патриарха от нападков воинствующих богопротивников была прервана неожиданным простым доказательством несостоятельности атеистической пропаганды в России. Некая женщина подошла к Его Святей-

шеству и взяла у него благословение. Сейчас в этом не нашли бы ничего удивительного. А тогда это прозвучало громом среди ясного неба. Кто такая? Кто ее сюда допустил? Оказалось, что ее, при всем желании, не допустить было невозможно. Потому что она пришла сюда на праздник своего сына. Это была мать первого космонавта Юрия Гагарина (37).

Юрий Гагарин:

К нашему дому приходило много народу: школьники с учителями, колхозники, пришла даже группа дряхлых старушек. Их интересовало, видел ли я в небесах господ бога. Я вынужден был разочаровать их. Полет человека в космос нанес сокрушительный удар церковникам. В потоках писем, идущих ко мне, я с удовлетворением читал признания, в которых верующие под впечатлением достижений науки отрекались от бога, соглашались с тем, что бога нет и все связанное с его именем — выдумка и чепуха (13).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Следующий день прошел в хлопотах. Утром нам принесли пригласительные билеты на торжественный вечер в Кремле 14 апреля. Алексею Ивановичу вручили конверт с надписью: «Гагарину А. И. с супругой». Он на меня поглядел и головой покачал:

— Супруга! — Слово ему показалось торжественным. — Вы в чем же в Кремль идти собираетесь, супруга?

Я обомлела. Стала прикидывать, успею ли до Гжатска и обратно обернуться. Но распорядитель встречи понял, предупредил: начальством выданы деньги на экипировку. Скажите размеры. Перечислите, что нужно (38).

Экипировка для матери

Пальто летнее. Пальто зимнее. Плащ — 1. Платья — 2. Платок пуховый. Туфли — 2 пары. Белье — 6 пар. Чулки — 6 пар. Кофта шерстяная — 1 шт.

Экипировка для отца

Пальто летнее и зимнее. Плащ. Фуражка. Белье — 6 пар. Рубашки — 6 штук. Костюм — 2 (темно-серый и темный). Ботинки — 2 пары (светлые и темные). Галстуки — 4. Носовые платки — 6 шт. Носки — 6 пар <...>

Двум братьям и сестре т. Гагарина Ю. А. — по 1000 рублей.
Управляющий Делами Совета Министров СССР Степанов (35).

Семью собрали в Москве, одели, причесали, обувь подобрали, пальто, костюм по размеру. Алексей Иванович долго хвастался перед соседями своей тростью и каракулевой шапкой, подаренными правительством. В каракуле, правда, по городу он не ходил, а вот трость любил (39).

Анна Тимофеевна Гагарина:

После демонстрации нас проводили в Кремль. Один из руководителей Коммунистической партии... (38).

Все, кто бывал у Гагариных, видели в дальней комнате большой портрет Н. С. Хрущева, исполненный на ковре. После октябрьского пленума ЦК <когда Н. С. Хрущев был снят> им не раз намекали, что ковер этот надо куда-то переместить, а попросту убрать... Однако Алексей Иванович смотрел на советчиков и вроде молча соглашался, в разговор на эту тему особо не вступал, и ковер продолжал висеть. А мне он прямо сказал:

— А я Хрущева уважаю за то, что он не побрезговал мной... в кои это времена можно было, чтоб меня, простого колхозника, царь поцеловал! Я понимаю, что это из-за Юрки... Но вот посмотри! — Он принес и показал телеграмму Н. С. Хрущева и Н. П. Хрущевой с соболезнованиями по поводу гибели Юрия Алексеевича. — Видишь, — продолжал Алексей Иванович, — какой душевный человек Хрущев. И тут не забыл. Может, если бы был Хрущев, и Юрка жив остался (40).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Один из руководителей Коммунистической партии... предложил:

— Давайте-ка пообедаем в тишине! Люди вы застенчивые, робкие, на приеме, пожалуй, голодными можете остаться...

В уютной комнате был накрыт стол, подали вкусный русский обед. <...> В честь космической победы советских людей организовали концерт лучших артистов. Мы сидели впереди. Чувствовали себя немного скованно — ведь такой пышности нам не доводилось видеть. Анастас Иванович Микоян, кото-

рый сидел на концерте рядом с Алексеем Ивановичем, понял наше состояние, хотел помочь освоиться, потихоньку рассказывая о выступавших. Танцевала известная балерина. Анастас Иванович наклонился к Алеше, заметил:

— Какая фигура!

Алеша его тона не понял, с осуждением ответил:

— Да, да, платье ей надо бы подлиннее! (38).

В заключение вечера труппой Гаванского мюзик-холла было дано эстрадное представление — так называемое «шоу». Наибольшим успехом у зрителей, трижды заставивших бисировать певца и певицу, пользовалась песенка, припев которой в переводе на русский язык звучал примерно так: «А кто не хочет строить вместе с нами социализм — пусть выпьет пурген...» (41).

Би-би-си: А чем потчевали в Кремле героя?

Сергей Хрущев: Это было огромное торжество. Все конструкторы тоже были там. Их не называли, но все присутствующие знали, кто есть кто. Я тоже был на этом приеме.

Водкой нас не поили. Было много грузинских вин. Вообще приемы тогда не были такими шикарными, как сейчас. <...> И прием в честь Гагарина был, в общем-то, скромным (6).

Столы были накрыты более чем щедро.

«Пить надо в меру», — сказал Неру;

«Выпьем все, что налито», — сказал Броз Тито;

«Пить надо досыта», — сказал Никита!

Эти стихи неизвестного «народного» поэта часто повторялись за нашим праздничным столом (42).

Би-би-си: После приема вы поехали с отцом домой? Как он вел себя?

Сергей Хрущев: Вы знаете, он был очень возбужденным и счастливым. Дома он ходил взад-вперед и все спрашивал нас: «Неужели свершилось?» Допоздна рассуждал о том, что мы еще раз доказали превосходство над американцами — и первый спутник наш, и первый человек в космосе тоже наш. Ну и уставшим он был очень. Это же было уже 14 апреля. Два дня стресса и нервов (6).

*Алексей Кириллов, заместитель начальника
космодрома «Байконур»:*

После пуска Гагарина и других мне приходилось быть на приеме в Кремле. В Георгиевском зале собиралась масса народа — порядка полутора-двух тысяч человек, нас, участников событий, были считанные единицы, остальные — празднующие эти достижения нашей науки и техники. Мы, как правило, отдельной кучкой стояли в сторонке, и, конечно, здесь главным действующим лицом был очередной космонавт, проявивший исключительное геройство, которого награждали, которого славословили и пр. И я наблюдал за Сергеем Павловичем <Королевым>: он был спокоен, он принимал это как должное. Глаза его выражали всё. В них была вполне понятная и объяснимая тоска. Он фактически был в какой-то мере обижен, что ли, или глубоко оскорблен тем, что вот мы все создатели этого вида техники, которые обеспечили запуск этого человека на орбиту (который выполнил очень ограниченную задачу, которую может выполнить любой другой летчик), мы оставались в тени, как будто мы здесь совершенно ни при чем, наравне с этой многотысячной толпой участников этого банкета. И эта тоска у него в глазах, эта боль — они всегда просматривались, но он ни разу не обмолвился ни одним словом. Ни разу* (43).

* Ни разу? «20 октября 1965 г. в Останкине собрались друзья и родственники по поводу 45-летия Нины Ивановны <жены С. П. Королева>. Было необыкновенно весело, наперебой произносили здравицы, остроумные тосты, много смеялись, танцевали, пели хором и исполняли романсы под гитару. Ближе к полуночи наблюдательный, всегда чуткий и заботливый С. П. Королев понял, что отпускать домой Юрия Алексеевича на его “Мерседесе” нельзя. Тонем, не терпящим возражений, он предложил Ю. Гагарину поставить “Мерседес” в гараж на усадьбе, попросив Нину Ивановну помочь ему в этом, а сам по телефону уже звонил дежурному на предприятие, вызывая служебную машину. Гараж-то Королевы предусмотрительно построили (правда, за свой счет) кирпичный, просторный, отапливаемый, даже с ямой для ремонта автомобиля, но машину так и не приобрели.

Вернувшись в дом, Нина Ивановна, слегка капризная и шутя, попросила: “Сережа, купи мне тоже такую же маленькую машинку”. Сергей Павлович, улыбаясь, пообещал жене выполнить ее просьбу. И не забыл об этом. В архиве Королевых сохранилась машинописная копия документа.

“Начальнику управления
по обслуживанию дипломатического
корпуса МИД СССР
т. Иванову В.И.

Прошу Вас изыскать возможность в продаже автомашины иностранной марки высшего класса, желательно двухместную спортивного типа ‘Мерседес’ из предполагаемой реализации у дипломатического корпуса, за наличный расчет, для моей семьи.

Нач. предприятия п/п Академик С. Королев
29/ХІІ-65 г.”» (63).

А. Сиддики выделяет даже четыре заинтересованные профессиональные группы, вовлеченные в советскую ракетно-космическую программу: инженеры, артиллерийские офицеры, «оборонка» и компартия. «Инженеров вели идеалистические мечты об исследовании космоса... Артиллеристам было нужно новое поколение стратегического оружия... Перед “оборонкой” стояла задача развития военной мощи страны. А партийные лидеры, в частности Сталин и Хрущев, были ведомы политической логикой холодной войны... Каждая группа имела свои интересы, но за период в полтора десятилетия после окончания войны их мотивации так пересеклись в критических точках, что позволили осуществить первую в мире космическую программу» (*Siddiqi A. A. Challenge to Apollo: The Soviet Union and the Space Race, 1945—1974. — Washington D.C., NASA History Division Office of Policy and Plans, 2000*) (35).

Абдул-Рахман Везиров, секретарь ЦК ВЛКСМ:

Редакция «Известий», которой тогда руководил знаменитый Аджубей А. И., умудрилась в течение дня выпустить специальную книжку «Советский человек в космосе», небольшую, с портретом Юрия Гагарина, тиражом 300 тысяч экземпляров.

Вместе с супругой мы были в Грановитой палате в кругу моих коллег. После нескольких тостов Хрущев с Гагариным пересекли Георгиевский зал и появились в Грановитой палате, и Юрий Алексеевич познакомил Никиту Сергеевича с молодыми людьми, столпившимися за соседним столом. Это были мало кому знакомые будущие космонавты (44).

Из Кремлевского дворца Юру и Валю уже поздно ночью отвезли в один из особняков для сверхвысоких гостей на Ленинских горах. Юра подошел к большому зеркалу, посмотрел на свое отражение, потрогал Золотую Звезду и сказал тихо жене:

— Понимаешь, Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча. Думал, ну, слетаю, ну, вернусь... А чтобы вот так... Не думал... (36).

Абдул-Рахман Везиров:

После приема Гагарин с супругой, его родители остались ночевать в Кремле. Через день Юрий Алексеевич с Валентиной Ивановной и их две дочери стали нашими гостями в Переделкине, где у ЦК ВЛКСМ был небольшой дом, куда мы приезжали семьями на выходные (44).

Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1961 г. «О денежном вознаграждении т. Гагарину Ю. А. за образцовое выполнение специального задания»:

СЕКРЕТНО

Совет Министров Союза ССР постановляет:

За образцовое выполнение специального задания по осуществлению первого в истории человечества полета в космос 12 апреля 1961 г. на корабле-спутнике «Восток» и проявленный при этом беспримерный героический подвиг майору Гагарину Юрию Алексеевичу выдать денежное вознаграждение в сумме пятнадцати тысяч рублей из резервного фонда Совета Министров СССР.

Председатель Совета Министров Союза ССР Н. Хрущев
Управляющий Делами Совета Министров СССР Г. Степанов (35).

Георгий Гречко:

Гагарин приехал к нам в КБ, чтобы поблагодарить конструкторов за корабль. Вообще-то мы были секретным предприятием, контроль строжайший, вход только по спецпропускам. Но люди узнали о том, что приезжает первый космонавт, и стихийно собрались у проходной на митинг. В итоге мы просто открыли ворота, и полгорода оказалось на территории секретного «ящика» — дело по тем временам неслыханное. Когда Гагарин приехал, одна женщина так на него кинулась с букетом, что он даже отшатнулся от нее назад. И когда потом у него журналисты спрашивали, какой момент был самым страшным, он ответил: «Вот, когда женщина с цветами на меня набросилась» (45).

Подлипки, 15.04.1961.

Люди сидели даже на деревьях. Королев тогда показал Гагарину на эту толпу и сказал: «Юра, ты видишь их? Это они тебя породили, так что не зазнавайся» (46).

В узком кругу он <Гагарин> как-то сказал:

— Недавно мне довелось где-то прочитать такую мысль: «Лучше быть заслуживающим почестей, но не получать их, чем пользоваться ими незаслуженно». Здесь очень верно указывается на то состояние, которое так нередко приходится в какой-то мере испытывать.

И после короткого молчания добавил:

— Во всяком случае мне (49).

На четвертый день после своего исторического полета Гагарин встретился в Москве с журналистами в Большом зале Дома ученых на Кропоткинской (50).

Ярослав Голованов:

Пресс-конференция Юрия Гагарина. Пошел на него поглазеть. Маленький! Симпатичный. Какой-то ладненький. Очень обаятельный. При этом страшно боится сказать что-то не то, все время оглядывается на академика Евгения Константиновича Федорова, который выбивается из сил, делая вид, что он якобы имеет самое непосредственное отношение к этому историческому событию. Гагарин мне понравился. Самое интересное, что я узнал на той пресс-конференции, что он весил 69,5 килограмма (51).

Вопрос: Когда будет новый полет в космос?

Ответ <Гагарина>: Думаю, что этот полет будет совершен нашими учеными и космонавтами, когда это потребуется (21).

Газета «Известия», 14 апреля 1962 года:

Без крикливых заявлений и рекламного набата, спокойно и решительно мы прокладывали все новые и новые трассы во Вселенной, следуя научно продуманному стратегическому плану (52).

Юрий Гагарин на пресс-конференции:

Лично я хочу еще много летать в космосе. Летать мне понравилось. Хочу слетать к Венере, к Марсу, по-настоящему полетать (53).

Ничего из того, что он сказал, не помогло прояснить те вопросы, которые возникли касательно его состоявшегося в среду космического полета... На протяжении двухчасовой, транслировавшейся по телевидению пресс-конференции Гагарин ни разу не ответил напрямую на вопросы, заданные из зала. Он зачитал подготовленное заявление и затем дал несколько ответов на серию письменных вопросов, которые, как он сказал, были вручены ему заранее (54).

Его пресс-конференции были помпезными театральными постановками, в высшей степени заорганизованными; вопро-

сы ограничивались по соображениям временного регламента и безопасности, а атмосфера была настолько безличной, насколько она может быть во время брифинга в казарме (55).

Ярослав Голованов:

Первого космонавта приняли с воодушевлением невероятным. Аплодисменты накатывались на него чуть ли не после каждой произнесенной им фразы. В президиум посыпались записки. Академик Е. К. Федоров взялся их «фильтровать». Большинство откладывал в сторону, на других что-то надписывал. Зачем? Не доверял Гагарину? Почему? Ведь это мы в зале его еще не знали. Но те, кто сидел в президиуме, давно знали, что это не только на редкость обаятельный, но и умный человек, знания, убеждения и такт которого ни в каких подпорках не нуждались.

— Когда вам сообщили о том, что вы первый кандидат? — прочитал Гагарин очередную записку, улыбнулся какой-то извиняющейся улыбкой и ответил: — О том, что я первый кандидат, сообщили мне своевременно.

Зал засмеялся. Зал продолжал любить этого невысокого, удивительно приятного майора и смехом хотел ободрить его, помочь справиться с тем чувством неловкости, какое вызвал навязанный ему ответ (50).

— Отличались ли истинные условия вашего полета от тех условий, которые вы представляли себе до полета?

— В книге Циолковского очень хорошо описаны факторы космического полета,— ответил Юрий Алексеевич,— и те факторы, с которыми я встретился, почти не отличаются от его описания (56).

— А какой иллюминатор у вашего корабля? Квадратный? Круглый?

<Гагарин:> — Хороший иллюминатор, очень хороший! (57).

Ярослав Голованов:

Через много лет мы с Гагариным вспомнили ту пресс-конференцию, и он признался, что почувствовал тогда себя не в своей тарелке. Чуть позже на одном «космическом» юбилее, который отмечался в довольно узком кругу, был веселый капустник, где пародировали подобные встречи.

Вопрос: Вы говорили, что ели в космосе варенье из смородины. Какая была смородина — красная или черная?

Ответ: (долго шепчется с академиком Е. К. Федоровым) Хорошая была смородина.

Помню, Сергей Павлович Королев смеялся тогда до слез (50).

Том Вулф «Нужная вещь»:

Советы продолжали держать в тайне имя Главного конструктора. Впрочем, они скрывали имена всех, кто готовил полет Гагарина, за исключением самого космонавта. Они не печатали в прессе никаких фотографий ракет и не сообщали даже таких элементарных сведений, как длина и осевая нагрузка ракеты. Подобная политика, несомненно, только разжигала воображение. «Интеграл»! Секретность теперь считалась «русским приемом». Чего бы ни добилось ЦРУ в других частях света, в Советском Союзе оно терпело неудачу. Разведать что-нибудь о советской космической программе практически не удавалось. Были известны лишь две вещи: во-первых, то, что Советы способны запустить космический корабль огромного веса, в пять тонн; во-вторых, какую бы цель ни ставили перед собой в НАСА, Советский Союз достигал ее первым. Основываясь на этих обрывках информации, все в правительстве, от президента Кеннеди до Боба Гилрута, начали переживать бессознательную вспышку воображения, подобно древним, которые, глядя на звезды в небе, видели в них очертания... огромного медведя! Созвездие Большой Медведицы!.. (58).

Насколько мы были пропитаны и заморочены этой секретностью, показывает такой пустяковый, но очень характерный эпизод: преподаватель физкультуры сподобился как-то потерять в электричке записную книжку с фамилиями космонавтов, тогда еще никому не известными. Напротив фамилий стояли условные значки: количество тренировок, трудности или успехи — и ничего больше! Что уж тут страшного-то?! Но по всем канонам и по внутреннему своему убеждению он должен был доложить начальству — и доложил. С ним ничего не сделали — не расстреляли и не посадили, но из Центра уволили (15).

Анна Тимофеевна Гагарина:

Радость тех дней омрачена была лишь одним неприятным эпизодом. Вернулись мы из Москвы домой и обнаружили, что пуст ящик комода, где хранились наши семейные фотогра-

фии, письма, Юрины конспекты, дневники еще со школьных времен. Вел он их всегда аккуратно, собирал. Я эту привычку поддерживала. Спрашиваем у Тамары, Юрика, где же все бумаги. Ребята растерянные, отвечают, что у них «дяденьки» попросили. Издания самые солидные называли, обещались, мол, вернуть. Не вернули — до сих пор (38).

Распоряжение Совета Министров СССР от 18 апреля 1961 г. о подарках Ю. А. Гагарину:

СЕКРЕТНО

1. Признать необходимым подарить от имени Правительства СССР первому летчику-космонавту СССР майору Гагарину Ю. А. и членам его семьи автомашину «Волга», жилой дом, мебель и экипировку согласно приложению. Отнести связанные с этим расходы за счет резервного фонда Совета Министров СССР.

2. Обязать Министерство обороны СССР (т. Малиновского) выделить майору Гагарину Ю. А. четырехкомнатную квартиру по месту службы.

Секретно. Приложение к распоряжению Совета Министров СССР от 18 апреля 1961 года № 1037.

1. Меблировка спальни, столовой, детской, кабинета, кухни.

2. Автомашина «Волга».

Председатель Совета Министров Союза ССР Н. Хрущев (35).

На вокзал в этот день Репиных хотел подвезти сам Гагарин. Было на чем — космонавту подарили черную «Волгу»*. Но только Юрий сел за руль, как машина «уткнулась» в водосточную трубу. Его товарищ только засмеялся, выгнал Юру с водительского места и сам сел за руль (59).

3. Телевизор «Рубин». 4. Радиола «Люкс». 5. Стиральная машина. 6. Холодильник. 7. Пылесос. 8. Ковровые дорожки. 9. Пианино. 10. Постельное белье — 6 комплектов. 11. Одежда — 2 штуки.

Для родителей т. Гагарина Ю. А.:

Сборный дом из трех комнат (35).

* После полета в распоряжении Гагарина оказалось два автомобиля «Волга» (обе — «двадцать первые», как в фильме «Берегись автомобиля»). Первая — личная; на ней был номер 12-04 ЮАГ; вторая — служебная, с шофером; номер на ней не был «говорящим», но «Волга» эта была известна дорожным инспекторам Московского региона по легко запоминающейся комбинации 78-78 МОД.

Анна Тимофеевна Гагарина:

Напротив нашего домика стали строить новый дом. Стройка не такой сюрприз, который можно скрыть. Работники райкома партии советовались с нами, как лучше его поставить, как распланировать. Алексею Ивановичу было в новинку, что жить он будет в доме, созданном не его руками. Люди мы не капризные, никаких особых запросов не высказывали. Строители поставили на фундамент обычную трехкомнатную секцию-квартиру, накрыли ее крышей. Получилась городская квартира в саду. Землю вокруг обнесли заборчиком, предложили разбить цветник.

— А картошку, лук, свеклу, морковь, клубнику где же посадить? — спросил Алексей Иванович.

Работник райкома партии, который с нами договаривался, засмеялся:

— Понимаете ли, мы подумали: неудобно будет, что родители первого космонавта в земле возьятся...

— Чего неудобно-то? (38).

...Гагариным предлагали высадить перед домом розовые кусты, но они отказались и выращивали там овощи и фрукты. С фруктами, кстати, связан любопытный эпизод, хорошо иллюстрирующий характер отца космонавта. В саду у Гагариных посадили несколько яблонь, специально привезенных из ботанического сада. Деревья принялись и хорошо плодоносили. Летом, когда урожай созревал, Алексей Иванович собирал яблоки в ящики, садился перед домом и... продавал их. В горьком партии узнают об этом и бегут читать мораль: «Что же ты, Алексей Иванович, позоришься! Разве тебе денег не хватает?» — «А я что, украл яблоки? — отвечал он. — Свои продаю» (61).

— Я до сих пор помню, как Анна Тимофеевна Гагарина выходила на центральную площадь города и торговала яблоками прямо под окнами исполкома, — рассказывает бывшая соседка. — Председатель исполкома самолично бежал скупать у нее фрукты, чтобы она быстрее ушла (34).

...Телевизор. Радиоприемник. Мебель на три комнаты (35).

Экипировка для Юрия Алексеевича Гагарина

Пальто демисезонное. Пальто легкое летнее. Плащ. Костюм — 2 (светлый и темный). Обувь — 2 пары (черные и свет-

лые). Рубашки белые — 6 штук. Носки — 6 пар. Шляпа — 2. Белье нижнее шелковое — 6 пар. Трусы, майки — 6 пар. Платки носовые — 12 штук. Галстуки — 6 шт. Перчатки — 1 пара. Электробритва — 1. Два комплекта военного обмундирования (парадное и повседневное). Чемоданы — 2.

Экипировка для жены

Пальто демисезонное. Пальто летнее. Платья — 3. Черный костюм. Шляпы — 2. Гарнитуры — 6. Чулки — 6 пар. Туфли — 3 пары. Сумки дамские — 2. Перчатки — 2 пары. Косынки — 2 (шерстяная и шелковая). Блузки — 2 шт. Кофта шерстяная — 1 шт.

Экипировка для детей

Кровать детская. Детская коляска. Пальто — 2 (зимнее и летнее). Шапочки — 2 (зимняя и летняя). Обувь — 4 пары. Белье — 6 пар. Куклы, игрушки. Детское приданое.

Управляющий делами Совета Министров СССР Степанов (35).

Письмо родителей Ю. А. Гагарина Н. С. Хрущеву:

4 июля 1961 г. Москва, Кремль

Председателю Совета Министров Союза ССР, Коммунистической партии Советского Союза товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву.

Дорогой Никита Сергеевич! Мы, простые люди, родители Юрия Алексеевича Гагарина Анна Тимофеевна и Алексей Иванович, от всего сердца благодарим Коммунистическую партию, Советское Правительство и лично Вас, Никита Сергеевич, за ту огромную заботу и внимание, за все то, что Вы для нас сделали. Мы знаем, что без заботы и воспитания Партии, Правительства и лично Вас, Никита Сергеевич, наш сын не мог бы совершить такого подвига.

Анна Тимофеевна Гагарина, Алексей Иванович Гагарин, гор. Гжатск Смоленской области, Ленинградская, дом 40 (35).

«Московский комсомолец», 18 апреля 1961 года:

Москва, исследовательский институт Академии наук СССР, профессору лично в руки.

Дорогой профессор! Я, Шумакова Антонина Петровна, хочу полететь в спутнике в сторону Луны. Работаю на механическом заводе на «Казахстанской магнитке». Здоровье отличное (62).

Академия наук СССР. Прошу записать меня в очередной рейс в космос. Хочу лететь на корабле-спутнике на Луну, Венеру и другие планеты. Хочу лететь в космос для блага советского человека. Зайцев Борис, Краснодарский край, с. Хаджох (62).

В Москву, в Кремль, до дорогого нашего Микиты Хрущева. Дорогой Микита Сергеевич! Я до вас с огромной просьбой: когда будете посылать следующий корабль-спутник, то нехай не сажают туда каких-то животных. Пришлите за мной, на мой адрес. Я спокойно сяду в кабину корабля и зрблю разведку космоса. Я хочу помочь советским людям, бо я советска жинка. Драчук А. К., Львовская обл., с. Загорное (62).

Уважаемые товарищи из Академии наук СССР! Я, вьетнамский юноша, хочу, чтобы вы разрешили мне стать членом экипажа космического корабля. По состоянию здоровья и духа я могу выполнять любые поручения. Владею специальностями литейщика, электромонтера, слесаря, рыбака, маляра. Буй Нгок Шен, Ханой (62).

Глава одиннадцатая

ГАГАРИН И КОЛЕНКА КОРОЛЕВЫ

Преодолев однажды силу земного тяготения, Гагарин по возвращении вновь, разумеется, оказался в его власти — и ощущал его так же, как все остальные. Однако его продлившаяся в реальности всего полтора часа уникальность удивительным образом пролонгировалась — в глазах едва ли не всего населения планеты он продолжал оставаться свободным от гравитации телом. Из просто гражданина СССР он превратился как бы в спутник СССР, в своего рода оторвавшуюся от Земли Луну — вызывающую, как известно, иррациональный интерес даже у самых далеких от проблем освоения космоса обывателей.

Непонятно, кто именно первый решил, что вечером, наступившим вслед за «утром космической эры», Гагарину положено ездить куда-то с визитами — однако так получилось, что все страны наперебой стали зазывать его на огонек. Чем, собственно, они руководствовались, отправляя эти приглашения? Может быть, тем, что раз уж он все равно пролетал над их территориями и мог видеть любые секретные объекты — то почему бы теперь не позвать его в гости по-человечески? И чего они, собственно, от него хотели?

Наиболее внятный ответ на эти вопросы дал один экзальтированный кипрский джентльмен, принявшийся вдруг посреди лондонской пресс-конференции чуть не на коленях умолять русского майора об одолжении: «Мы будем целовать нашего Гагарина, если он приедет на Кипр».

Да-да: именно этого они и хотели, по большому счету, — ничего больше: целовать «сына Земли», совершившего «звездный рейс». «Нашего Гагарина». Вопрос в том, насколько это оправдывало риск выдачи выездной визы «нашему» — да-да, все-таки НАШЕМУ — 27-летнему майору, слетавшему к звездам, но политически неоперившемуся.

Нет ничего удивительного в том, что пропагандистская машина в полной мере использовала Гагарина в качестве пред-

ставителя своих интересов внутри страны и в странах-спутниках; что первой его поездкой, совершенной буквально через пару недель после приземления, была Чехословакия — и затем Куба, Польша, Венгрия и т. д.; то был хорошо спланированный «круг почета», выездная агитационная кампания, организованная по понятной модели. Но допустить сход космонавта с запланированной дипломатической орбиты и попадание в очевидно опасный «метеоритный пояс»?

Те, кто разрешал, по существу, неалгоритмизированные, рассчитанные на удачу, первые выезды Гагарина в «настоящую», «капиталистическую» за границу, сами, по-видимому, не знали, каких дивидендов ожидать, — однако сочли оправданными риски выставить на торги подвергшийся редизайну идеологический продукт в момент, когда политические рынки Запада оказались в состоянии волатильности (Британия теряла одну колонию за другой; США были еще не вполне готовы принять на себя роль глобального полицейского, которую ранее выполняла Британия; кроме того, США не понимали, что делать с пожаром практически у себя на заднем дворе: Кубой).

По существу, с Гагариным советская пропаганда предложила переживающему глобальный политический кризис миру — и Западу, и своим, и третьим странам — своего рода открытую платформу. Не очень понятно, что конкретно означала для них способность СССР летать быстрее и выше всех прочих стран (скорее всего некое военное преимущество), — но ясно, что к этому можно было присоединиться: жить плетень в плетень, дружить домами, заключать экономические контракты и т. д.

Эффект после запуска этой «платформы» превзошел самые смелые ожидания. Гагарин стал самым успешным «PR-проектом» советской власти — позволившим продолжать политическую экспансию из космоса на чужие территории. Впоследствии главной реакцией этих авантюристов было — тоже — не столько даже удовлетворение, сколько безмерное удивление. Каманин, советское официальное лицо, ошеломленно записывает в дневнике: «Наблюдая миллионные толпы людей, так горячо приветствующих Гагарина, я часто вспоминал свои юношеские впечатления от одной лубочной картинки, изображающей встречу Иисуса Христа с народом. Запомнился светлый лик Божества в центре и полтора-два десятка удивленных и вопрошающих лиц на заднем плане» (9).

Впоследствии пользовались популярностью объяснения такого рода: поездки Гагарина на Запад были своего рода операцией прикрытия для менее пригодной в качестве политиче-

ской рекламы деятельности СССР — воздвижение Берлинской стены, попытка установить ракеты на Кубе. Задним числом эта версия, может быть, и соответствует действительности — но в мае — июне 1961 года ничего подобного не требовалось. Скорее уж более правдоподобным выглядит «советское» — в данном случае речь идет о Бразилии — объяснение: «Крайне зависимая в политике и экономике от США страна хотела продемонстрировать свою значимость, принимая советского посла мира» (15).

Тому, кто размышляет над биографией Гагарина, рано или поздно становится ясно, что на самом деле обдумывать приходится не только биографию человека, но и «биографию идеи». Как ни странно, эта «идея» — не то же самое, что коммунизм. Когда вдруг, ни с того ни с сего, в глазах Запада из Мордора Советский Союз на какое-то время превратился в светоч мирового добра — это произошло не потому, что всем так пришлось по душе коммунистическая идея. Миру был предъявлен не только в высшей степени конкурентоспособный, маркетингово привлекательный продукт системы, но и нечто большее. «Идею», стоящую за Гагариным для «настоящих», капиталистических иностранцев, можно описать как *glamour of space* — и *glamour of Red*. Не то же самое, что коммунизм, согласитесь.

Гагаринская одиссея 1961—1962 годов достаточно подробно запротоколирована советскими журналистами, специализировавшимися на пропагандистском аспекте визитов (раз уж именно за это им платили). На соответствующем материале были выпущены целых три книги-травелога: «Хорошо, хорошо Гагарин!» (выкрики, которыми его приветствовали в Японии), «По орбите дружбы» и «Первый гражданин Вселенной» Н. Каманина.

Все три издания представляют собой документы, ярко свидетельствующие о риторическом формате, принятом в соответствующую эпоху, но источником для биографии Гагарина могут служить лишь до известной степени. Ну, то есть там, например, упомянуто, что в токийском аэропорту Гагарина встречала многотысячная толпа — но не сказано о группе ультраправых, которые орала в мегафон: «Gagarin go home!» Зато, кто бы мог подумать, автор может проболтаться о том, что — очень поздно вечером, когда работать все равно уже негде и не с кем, — Гагарин, например, откликнулся на приглашение «арабских друзей» «посетить мюзик-холл “Под пирамидами”». Разумеется, описание будет крайне скудное, подстрахованное ритуальными оговорками («Мы же приехали сюда не гулять, а работать, — напомнил кто-то сказанные однажды

Юрой слова. — Делу — время, потехе — час! Едем!») — однако факт остается фактом: мы все-таки узнаем, что Гагарин ездил на представление «известной танцовщицы Ходы Шамс эд Дин, которая танцевала около часа, танцевала удивительно грациозно и изящно» (6). Кое-какие наблюдения можно найти в дневнике Каманина (который был с Гагариным не везде — к счастью для Гагарина и к несчастью для нас). Что-то обнаруживается в воспоминаниях участников разного рода делегаций, в состав которых часто включался Гагарин, — причем иногда советские свидетели, напротив, явно склонны преувеличивать степень враждебности обстановки; так, секретарь ЦК комсомола С. П. Павлов, описывая ситуацию на хельсинкском фестивале молодежи 1962 года, малюет совершенно босхианские картины: «Пьяные, орущие, жующие жвачку, они швыряли в фестивальные автобусы камни, бутылки с кока-колой и дохлых крыс. Выли, как сушие бесы, дергались в твисте и рок-н-ролле, кричали “Хайль Гитлер!”» (60). Что, однако, любопытнее — так это взгляд со стороны, мнение незаинтересованных наблюдателей. Поскольку в СССР к Гагарину иностранцев подпускали крайне неохотно, единственная возможность узнать мнение незаинтересованных лиц — знакомство с зарубежной прессой.

Первый раз Гагарин сыграл на чужом поле в Чехословакии, но в тот момент страна была сателлитом СССР, поэтому у скептиков есть основания списывать зафиксированный энтузиазм пражан либо на преувеличение официальной прессы, либо на то, что он был инспирирован желающими выслужиться перед СССР властями искусственно. Допустим (хотя есть основания полагать, что это не так — весной 1961-го в Чехословакии правда из каждого радиоприемника звучала песня «Dobry den, majore Gagarine», да и заваливали его не гвоздиками с ленточками, а сиренью, которую чехи рвали просто так, от себя).

Самой изматывающей и, по существу, кошмарной поездкой Гагарина была индийско-цейлонская, где он встречался с Неру и Индирой Ганди, заезжал в Болливуд и выступал на 40-градусной жаре по 18 раз в день; где его «высосали» (его слово) — и к тому же ничем это не компенсировали («даже слонов в Индии не видели», — жаловался он Каманину). Самой гротескной, судя даже только по советским свидетельствам, оказалась Западная Африка: Гана, Либерия; однако, к сожалению, круг доступных источников ограничен пропагандистской литературой, что не слишком интересно.

Так что для «полного погружения» мы выбрали другую — короткую, но самую яркую в смысле драматургии, экземплярную, показательную поездку.

В Англию.

Во-первых, это путешествие лучше всех прочих документировано разными, не только просоветскими СМИ (советские газеты как раз почему-то особенно на нем не акцентировались; странным образом, в «Дороге в космос» об Англии Гагарин рассказывает едва ли не сквозь зубы; большую часть этих удивительно скучных пяти страничек занимает его пересказ собственных ответов на пресс-конференции, которые кажутся ему удачными).

Во-вторых, в Англии были «боевые условия». Британия любопытна тем, что никогда не была страной, проявлявшей излишний энтузиазм относительно чужаков, особенно если эти чужаки прибывают в униформе конкурирующего военного блока. Англию — которой свойствен скепсис относительно чужих-то еще технологических достижений (по сути, это иррациональное предубеждение против чужих идей, комплекс, известный в социальной психологии под названием NIH — Not-Invented-Here*) — трудно было рассчитывать поразить космосом. Наконец, в Англии была Флит-стрит, чья манера добывать информацию и способ представления ее нередко характеризовалась как отдающая желтизной. Вот, казалось бы, идеальные условия для наступления момента истины: здравомыслящая и недоверчивая публика, наглая, готовая облясть хоть черта, хоть дьявола пресса, прагматично настроенные политики. Сейчас они достанут свою самую крупную лупу и расскажут, кем на самом деле был этот вульгарный пэтзушник.

Контекст этой поездки? 25 мая Кеннеди произнес в конгрессе свою историческую «Лунную речь», в которой потребовал выделить на ближайший финансовый год 531 миллион долларов на подготовку высадки американского астронавта на Луну. Никто не сомневался, что обращение было внеплановым — и ясно, кто на самом деле в тот момент диктовал повестку дня. Да и что там сомневаться-то: «На дворе крайне необычное время. И мы столкнулись с крайне необычным вызовом». «Это самое важное решение из тех, что мы как нация должны принять. Однако все мы вместе видели, что происходило в последние четыре года — и убедились в значимости космоса и покорения космоса человеком; и никто не может предсказать наверное, что в конечном счете будет означать владение космосом».

* Дословно: изобретено не здесь. — *Прим. ред.*

Между прочим, до Англии Гагарин должен был посетить с визитом Францию — но тамошние власти (точнее, Синдикат воздухоплавательной индустрии) отозвали приглашение, сообразив, что космонавт окажется в Париже одновременно с Кеннеди, — и побоявшись не столько даже непредвиденных последствий подобного соседства, сколько гнева Америки (на что и указала, справедливо, газета «Известия»: чего они боятся — что внимание публики будет привлечено не к тому человеку?).

Поездка в Англию сразу пошла не так, как запланировано. Разумеется, можно было рассчитывать на что-то вроде теплого, с поправкой на традиционную ксенофобию и снобизм англичан, приема — но чтобы через три месяца после полета, в чужой стране советского офицера встречали едва ли не с большим энтузиазмом, чем на родине? Чтобы по пути из Хитроу его забрасывали букетами толпы встречающих — как на Ленинском проспекте по пути из Внукова? Чтобы, увидев приехавшего с визитом представителя СССР, женщины штабелями падали от восторга в обморок?

Хваленая Флит-стрит, с ее априорным иммунитетом к чересчур теплым эмоциям, также проявила себя как организм, оказавшийся не в состоянии выработать политические антитела против гагаринской «инфекции». Собственно, первый раунд был проигран еще в Москве. В начале июня 1961-го Гагарина выдернули из Сочи, чтобы он встретился с Берчеттом и Перди. Эти двое были австралийскими журналистами, которым дали добро на эксклюзивное интервью с «самым недоступным человеком в мире. Один московский ученый в шутку сказал им: “Ну, вот если б это был Хрушев, я уверен, никаких проблем бы у вас не возникло. Этот с журналистами каждый день разговаривает. А вот Юрий Гагарин...” — и он покачал головой» (57).

Тем не менее им повезло: Гагарин собирался с визитом в Англию, и было сочтено политически целесообразным позволить ему пообщаться с журналистами; на основании беседы и других собранных материалов те обещали издать в Лондоне целую книгу, которая должна была ответить на один из главных вопросов, занимавших мир в 1961-м: *Who is mister Gagarin?*

«Это была его первая и единственная встреча с западными журналистами — так, чтобы это был разговор с глазу на глаз. Единственное, что их разделяло, — стол» (57). Антураж этой встречи выглядел очень многообещающе, однако иначе как журналистским фиаско ее не назовешь. Австралийцам так и не удалось добиться от Гагарина ничего внятного — ну или хо-

тя бы каких-то живых, никем ранее не зафиксированных реакций. Оставшись с носом, Берчетт и Перди, как и все остальные их коллеги, блеют про невероятно ярко-синие глаза, обезоруживающую улыбку и — барабанная дробь, потрясающая интимная подробность — родинку на левой щеке майора, вместо того, чтобы выяснить то, о чем спросил бы любой западный журналист: почему он солгал о том, как именно приземлялся, как он относится к разоблачению культа личности Сталина и что он думает о возможности секса в космосе?

То же самое, по существу, произошло и с самой Флит-стрит: она впала в ту же истерию, что и покупатели газет. Нет, разумеется, английская пресса очень пристально наблюдала за космонавтом и изо всех сил пыталась обнаружить в его поведении какой-либо аспект, не соответствующий официальному досье. Да, они подметили, что Гагарин очень маленького роста, что он чересчур коротко стрижен (зачем-то прямо перед поездкой ему почти выбрили виски), что он, загадочным образом, все время аплодирует самому себе; однако ничего более криминального, чем жалобы на боль в руке после тысяч рукопожатий, выискать не удалось. Еще менее впечатляющими оказались попытки проникнуть вглубь психологии, в «душу» космонавта — скрывающуюся за фасадом официальной риторики. В лучшем случае все ссылаются на таинственный блеск бездонных синих глаз — и «космическую» улыбку; вывод, который можно сделать из этих пристальных наблюдений, сложно назвать оригинальным: он человек не земной, а небесный. И правда: такое ощущение, что они воспринимают его как пришельца — гуманоида, но не вполне человека.

О том, что творилось во время этих встреч в голове у самого Юрия Алексеевича, остается только догадываться. Постороннему может показаться, что «работа», которую он выполнял на «второй орбите», по своей незатейливости очень напоминала его «деятельность» на первой. Что от него требовалось — так это кататься в открытом автомобиле при любой погоде, приветственно махать рукой, улыбаться в камеру, проявлять аппетит (ведь кормили не просто от души — кормили с выдумкой: салатом «Восток», супом «Ракетным», жарким «Орбита», тортом «Гагарин» и мороженым «Юрий»; это реальное меню в Сан-Паулу; и можно не сомневаться, что бразильцы не были оригинальными), иногда переодеваться в национальную одежду (в Либерии туземцы напялили на него полосатый халат, водрузили на голову головной убор из перь-

ев, а в руки сунули копьё, которое велели держать покрепче), механически, но с чувством воспроизводить один и тот же рассказ о своем полете, минимально поддерживать светскую беседу — ну и целоваться с девушками, у которых он вызывал неконтролируемый прилив чувств.

На самом деле от него требовалось нечто гораздо, гораздо большее: быть иконой.

Надо понять, что он не был готов для этой работы. Одно дело быть предметом внутреннего, автохтонного культа; особенности этой ситуации он мог обсудить с Буденным, Ворошиловым, Маресьевым; и совсем другое — подвергнуться конвертации; стать воплощением карго-культа для настороженной и склонной к скептицизму западной общественности.

Возможно, его готовили быть героем; возможно, он даже проходил инструктаж по улучшению своих манер у некоего московского профессора Хиггинса — но никто не объяснял ему, как быть поп-звездой, голливудским селебрити; да и кто, спрашивается, в Советском Союзе мог объяснить ему это? Генерал Каманин, что ли? Одно дело махать рукой с мавзолея, стоя рядом со Сталиным или Хрущевым, — и совсем другое вести беседы с английской королевой и Брижит Бардо. Кого они могли нанять консультантом, который объяснил бы Гагарину, как отвечать, когда тебе говорят, что месяц назад здесь был американский президент и посмотреть на него пришло вдесятеро меньше людей, чем на тебя? Когда девушка показывает на тебя пальцем и визжит от восторга: «Ой, у него же на щеке порез от бритвы!» Кого? Элвиса Пресли? Марлона Брандо?

Вся эта жизнь рок-звезды тоже была невесомостью — средой, такой же неприспособленной для советского гражданина, как космос; и разумеется, Гагарину приходилось кувыряться в ней и застывать иногда в очень нелепых позах. Что его выручало, так это высокая — выше, чем у среднестатистического человека — стрессоустойчивость, позволявшая ему не слишком явно шарахаться от магниевых вспышек. Стрессоустойчивость — и способность к адаптации к сложным условиям. Он мог компенсировать незнание языков постоянной улыбкой, отсутствие светских навыков — осторожной галантностью; неловкость от попадания в незнакомую ситуацию обычно сглаживалась незатейливым политическим юмором («Берясь за гладко выструганные небольшие деревянные палочки для еды, которые заменяют японцам и ложку, и ножик, и вилку, Юрий Алексеевич пошутил: “Самое лучшее оружие в мире!”» (13)).

В чем он не был силен — так это в ответах на вопросы. Его пресс-конференции — о которых мы еще расскажем отдельно — производят удручающее, а иногда и комичное впечатление. Он худо-бедно мог сделать доклад на заданную тему (как правило: мой полет и его значение для партии и правительства) или произнести пятиминутную приветственную речь, уснащенную нечеловеческим количеством идеологических и псевдофутурологических клише («недалеко тот час, когда в космос и на другие планеты Вселенной полетят обитаемые корабли и лаборатории, и в одних экипажах с русскими будут также...» — далее текст в зависимости от того, в какой столице он в данный момент находился). Но на пресс-конференциях приходилось отвечать экспромтом на конкретные, часто нарочно неудобные вопросы — и вот с этим Гагарин не справлялся катастрофически.

И тем не менее он не смущается и прет как на буфет, даже если очевидно проигрывает противникам по технике.

— Мистер Гагарин, скажите, какие марки вин и коньяков вы предпочитаете?

— На дегустацию вин и коньяков у меня нет времени.

— Танцуете ли вы твист?

— К сожалению, не располагал временем, чтобы научиться.

— Что бы вы почувствовали, если бы вас поцеловала Софи Лорен?

— То же самое, что и вы, если она, конечно, поцелует (27).

Стрессоустойчивость, да; но ведь и факторов стресса было гораздо больше, чем можно себе представить. Что ему запомнится из всей этой круговерти первого дня в Лондоне? «Женщина с розовыми волосами». Боже правый.

С другой стороны, следует осознавать, что окружение было далеко не такое враждебное, как мы предполагаем сейчас, экстраполируя на ту эпоху нынешнюю ситуацию. У Кингсли Эмиса был — мало кем ныне читаемый — роман «Русские пряжки», в котором описана оккупированная русскими Англия — полностью деградировавшая, впавшая в дикость и невежество, вплоть до того, что англичане забывают свой язык. Станным образом, единственными, кто пытается удержать их в цивилизованном состоянии, оказываются офицеры русских оккупационных войск — напоминающие скорее благородных офицеров из «Войны и мира», чем варваров. Разумеется, это гротеск и сатира, в которых все наоборот, — однако еще и роман, свидетельствующий о том психологическом контексте, в котором очутился Гагарин.

Гагарин приезжал на Запад вовсе не в статусе бедного родственника, которому повезло, что вот и его позвали на этот празд-

ник жизни, а как представитель великой державы — во-первых, со своей, вполне конкурентоспособной культурой; во-вторых, державы, в зоне досягаемости ядерного оружия которой находились слишком многие. При этом в начале 1960-х СССР не казался Западу всего лишь «Верхней Вольтой с ракетами» — скорее уж речь шла о «советском Джаггернауэте» (59). Это была «модная» страна, страна-*opinion-maker**; чего никак нельзя было сказать о самой Британии. Британии, которая находилась в жесточайшем кризисе самоидентификации (именно к этой эпохе относится саркастическое замечание Дина Эчинсона о том, что «Великобритания потеряла империю и пока еще не понимает, чем ей заняться»). Которая осознала, что колониальная система на глазах терпит крах — и, соответственно, привычная модель развития — и экономического роста — больше не годится. Которая склонна была насолить своей союзнице Америке — казавшейся слишком богатой, слишком вульгарной, слишком пресыщенной, слишком самоуверенной и слишком надменной.

Приезд Гагарина был отличным поводом дать понять, что при желании у Британии найдутся другие партнеры — поговорчивее и повежливее. И у русских был хороший фронтмен — лучше, чем у американцев, с их занудой космонавтом Шепардом и смазливый, но склизким, ассоциирующимся с мафией, ФБР и ЦРУ Кеннеди.

Надо сказать, официальные лица, британский истеблишмент, допустив саму возможность визита, по мере его протекания испытывали все более возрастающий дискомфорт и растерянность. И немудрено, — представьте, если бы в 1961 году в Москву (ну хорошо, Лондон не Нью-Йорк: в Киев) приехал бы американский натовский офицер — и его вдруг стали встречать толпы с цветами. Запрещать ажиотаж? Спрашивать «кто последний» и тренироваться перед зеркалом пошире улыбаться? В этом смысле поступок королевы — которая, в обход любого регламента, приглашает советского офицера к себе во дворец на ланч — следует признать исключительно дальновидным. Впрочем, она и в дальнейшем будет проявлять себя в подобных ситуациях как женщина предприимчивая и инициативная; эпизод с цветами, возложенными к народному мемориалу в память глубоко презираемой ею Дианы, иллюстрирует ту же черту характера Елизаветы Виндзор.

«Гагарин в Англии» — это пьеса, главный герой которой — Гагарин, но вообще-то она прежде всего про саму Британию, которая вдруг оказалась в очень нестандартных обстоятельствах; про очень странное, для обоих контрагентов, ощущение.

* Здесь: страна, к мнению которой вынуждены прислушиваться. — *Прим. ред.*

Herald Journal, 19 июля 1961 года:

На прошлой неделе газеты всего мира заполнили отчеты о тошнотворном спектакле, который устроила Великобритания — публично проституировавшая себя ради нового героя коммунизма, космонавта Юрия Гагарина. Этот спектакль был пощечиной Дяде Сэму и всем тем людям на планете, которые посвятили себя борьбе за свободу (20).

«Дейли миррор» писала: «Сегодня утром в 10 часов 30 минут майор Юрий Гагарин прибывает в Лондон. Гагарин храбрый человек. Он символ величайшей победы науки, которая когда-либо была достигнута» (2).

Francis Spufford «The Red Plenty»:

То был «советский момент». Он начался, когда запустили спутник, в 1957-м, апофеозом его был 1961-й — когда Юрий Гагарин совершил первый в мире космический полет, но затем, после кубинского ракетного кризиса в 1962-м, года за два, он рассеялся в воздухе — вместе со страхом. Однако пока этот момент длился, у СССР была репутация, восстановить которую теперь практически невозможно (1).

Стало известно еще в пятницу, что он приедет в Англию. Вчера, после сомнений о том, какой должна быть процедура встречи, британское правительство, наконец, решило, кто будет приветствовать героя с мировым именем, кого мы пошлем приветствовать от имени всего британского народа Гагарина, когда он сойдет с самолета. Его встретит не премьер-министр Макмиллан, не министр иностранных дел лорд Хьюм, не министр по вопросам науки лорд Хейлшем, а Френсис Ф. Тэрнбулл <секретарь канцелярии министра>. Объяснения, которые дают этому, заключаются в том, что Юрий Гагарин не глава государства. Но никто не считал, что Гагарин является главой государства. Однако остается фактом, что он совершил подвиг, перед которым меркнет все, что когда-либо сделали Макмиллан или кто-нибудь из его министров... (2).

Во вторник 11 июля самолет с Юрием Гагариным прибывал на лондонский аэродром «Сентрал» (2).

Ровно через три месяца после полета корабля «Восток» (3).

Park City Daily News, 15 июля 1961 года:

Это был второй визит Гагарина на Запад — первый состоялся в прошлом месяце, это была Финляндия, — и один из многих после его полета, когда перед ним не раскатывали красную ковровую дорожку. «Никаких указаний на этот счет мы не получали», — заявил служащий аэропорта (4).

Александр Солдатов, посол СССР в Великобритании:

Когда до приземления советского самолета оставалось около одного часа, и мы сели в машину, чтобы ехать в аэропорт, встречать Юрия Алексеевича, главный секретарь английской королевы позвонил по телефону и спросил меня по поручению королевы, сможет ли, по нашему мнению, майор Гагарин принять приглашение на обед в Букингемский дворец 14 июля, в пятницу. Мы ответили, что, по нашему мнению, сможет, но окончательный ответ мы дадим сразу по прибытии Юрия Алексеевича в Лондон (61).

Time, 12 июля 1961 года:

Улыбающийся, одетый в новенькую, с иголки серо-оливковую униформу советских ВВС, Юрий Гагарин выпрыгнул из турбореактивного аэрофлотовского Ту-104 в аэропорту города Лондона, куда он прилетел, чтобы поспособствовать продвижению московской торгово-промышленной ярмарки. Великобритания устроила ему пышный прием. Тысячи людей выстроились вдоль 14-мильной дороги в Лондон — чтобы взглянуть на первого в мире космонавта (5).

Поскольку друзья Советского Союза в течение нескольких дней помещали в газете «Дейли миррор» схему маршрута Юрия Гагарина от аэропорта до советского посольства, то население Лондона имело возможность заранее выстроиться по пути следования наших машин (61).

Они махали ему руками и скандировали «Гагарин» — так что его кортежу, состоявшему из автомобиля и сопровождавшего его мотозскорта, приходилось прилагать определенные усилия, чтобы протиснуться сквозь толпу. Стоя в открытом серебристом «роллс-ройсе» со специально отчеканенным номерным знаком «YG-1», Юрий махал в ответ и улыбался изо всех сил (5).

Олег Куденко «Орбита жизни»:

На его открытом новеньком серебристом «роллс-ройсе» был прикреплен номерной знак «J.G-1» — «Юрий Гагарин — первый». Знакомые журналисты говорили мне потом, что специальный номерной знак отбивался только один раз — по случаю приезда в Лондон нового американского президента — Кеннеди (6).

Том Вулф «Нужная вещь»:

В течение трех недель после нового триумфа Советов — полета Гагарина — одно ужасное событие следовало за другим. Соединенные Штаты направили марионеточную армию кубинских беженцев свергнуть просоветский марионеточный режим на Кубе, а вместо этого последовало унижение, известное как Залив Свиней. Конечно, это событие не имело непосредственного отношения к космическому полету, но оно усилило ощущение того, что сейчас не время совершать храбрые и отчаянные поступки, соревнуясь с Советами. Печальная истина была такова: наши парни всегда все портят (55).

The Miami News, 12 июля 1961 года:

Юрию достался номер блондинки (7).

Glasgow Herald, 12 июля 1961 года:

Пышногрудая блондинка хвастается номером Юрия

Пышногрудая блондинка-певица объявила сегодня, что советский космонавт Юрий Гагарин перемещался по Лондону в автомобиле с ее номером.

Вчера советский космонавт разъезжал в «роллс-ройсе» с уникальным номерным знаком — YG-1. YG-1 — Юрий Гагарин, первый человек в космосе. Однако номер YG уже зарегистрирован на имя Яны Гард, пышногрудой блондинки, исполняющей песни под творческим псевдонимом Яна. Она приобрела регистрацию на YG-1 пять лет назад за пять фунтов у предыдущего владельца — из соображений саморекламы, чтобы сделать свою персону более узнаваемой. Увидев фотографии Гагарина, на которых его приветствуют на автомобиле с известным ей номером, она обратилась к репортерам и задавала вопрос: «А что он делает с моим номером?»

Официальная цель приезда Гагарина в Лондон — участие в Советской торгово-промышленной выставке-ярмарке; идея возить его с номером YG-1 возникла у Джеймса Брюстера, чья

фирма занимается обеспечением положительного образа ярмарки в медиа. Господин Брюстер отказался прокомментировать историю с похищенным номером — заявив только, что он не является представителем Яны.

Отделение Лондонского совета — органа, занимающегося регистрацией автомобилей и одоббившего номер Гагарина, выразило свое замешательство. «Понимаете, все делалось в такой спешке, — говорит представитель ведомства. — Этот номер — он даже вообще не лондонский. Он из графства Йоркшир. Похоже, тут мы дали маху».

Яна, ранее использовавшая данный номер на трех своих предыдущих автомобилях, сейчас ездит с ним на спортивном «мерседесе» стоимостью 11 тысяч долларов. «Мне кажется, он красивый и храбрый мужчина, — говорит она. — Я бы с удовольствием с ним повстречалась. И уж мы бы смогли с ним договориться, у кого больше прав на этот номер. Надеюсь только, что полиция не отберет этот номер и он не совершит чего-то такого, после чего они начнут разыскивать меня» (8).

В тот момент, когда он поворачивал на Кенсингтон-Хай-стрит, толпа прорвалась через полицейские заграждения и выплеснулась на мостовую. В 100 ярдах от места происшествия одинокая фигура за забором Кенсингтонского дворца помахала космонавту рукой: то была принцесса Маргарет, которая прождала полчаса, чтобы хотя бы одним глазком увидеть Юрия (5).

Николай Каманин:

Первый космонавт даже не предполагал, что своим поворотом в сторону ликующей массы народа он окажется «не совсем» джентльменом. Принцесса Маргарита с двумя своими приближенными 40 минут ждала появления героя под непрерывающимся дождем, а он не обратил на нее внимания. Ведь она была на той стороне, где возвышались особняки и дворцы (9).

Надо сказать, что принцесса Маргарет была не чужда космонавтики, например, 18 марта 1960 года она посетила британскую обсерваторию Джодрелл-Бэнк и передала по командной радиолнии сигнал на борт межпланетной станции *Pioneer-5*. При этом ответный сигнал был принят через 25 секунд, покрыв расстояние в 1,67 миллиона километров, установив в то время новый мировой рекорд дальней космической связи (10).

Весь день... шла пресс-конференция на советской торгово-промышленной выставке в Эрлс-Корт... (2).

Эта ярмарка — ответ на недавнюю успешную британскую выставку в Москве; главная ее цель — собрать как можно больше немедленных заказов прямо на месте (11).

Цель выставки — продвигать торговлю Британии и России (8).

Ottawa Citizen, 12 июля 1961 года:

Русские демонстрируют свои товары. Похоже, модели — живые и пластмассовые — последняя советская уловка, применение которой должно помочь выиграть соревнование по мирному сосуществованию.

Две фигуристые блондинки, облаченные в последние наряды от Центрального дома моды в Москве, дважды в день элегантно прогуливаются вдоль подиума в холле Эрлс-Корт — и уже очевидно, что это главный хит советской торговой ярмарки... (11).

Ottawa Citizen:

С ума посходили из-за Гагарина*

Любимец дам Юрий Гагарин, совершивший одиночный полет в космос для Советского Союза, оказался в окружении советских девушек-моделей на русской ярмарке-выставке в Лондоне (11).

Эта выставка — самая большая из тех, что Советский Союз когда-либо проводил за границей.

По словам представителей советской стороны, выставка дает полное представление о повседневной жизни в новой России — стране будущего.

По сравнению с ВДНХ лондонскую ярмарку отличают почти капиталистическая чрезмерность в расходовании средств и прямо-таки бросающийся в глаза буржуазный флер в дизайне.

Главный зал — Космос: здесь посетитель попадает в открытый космос. Мало того что здесь присутствует сам майор Гагарин — здесь же стоит и его космический корабль «Восток», который кажется солнцем, вокруг которого вращается вселенная — и закручиваясь, сворачивается в соборную крышу Эрлс-Корт (12).

* В оригинале: Ga-ga over Gagarin (англ.).

Times, 12 июля 1961 года:

За ним, словно Ковчег Завета, предназначенный для того, чтобы молиться космосу, стояла модель спутника, опасно балансирующая на подставке, и полдюжине людей приходилось удерживать ее от падения (53).

Среди выставленных экспонатов — новая малолитражка «запорожец» — заднемоторный автомобиль, напоминающий гогаомобиль. Также выставлены модели «москвича» и «Волги» (12).

Francis Spufford «The Red Plenty»:

Не полнитесь представить себе некоторые выглядящие маловероятными, однако ж факты: в 1950-х СССР был одной из самых быстрорастущих экономик в мире, уступающей по скорости преодоления послевоенной разрухи только Японии. И данные эти взяты не из официальной советской статистики того времени — и даже не из алармистских приписок ЦРУ, а вычислены получившими доступ к архивам историками-скептиками. На протяжении второй половины 1950-х советская экономика росла на 5%, 6%, 7% в год. Как не без иронии указал Пол Кругман, показатели роста СССР в 1950-х вызывали точно такие же тревожные комментарии, как сегодня — рост экономики Индии и Китая. Понятно, что «рост» не означал в советском контексте в точности то же самое, что, скажем, в Америке (в среднем 3,3% в год за тот же период) или в Британии (в среднем 1,9%). Советский рост рассчитывался по-другому, он в большей степени проявлялся в тяжелой промышленности и не обязательно подразумевал соответствующее увеличение жизненного уровня (1).

...Секции, посвященные атомной энергетике, синтетическим тканям и резинам...

Фэшн-шоу. «Не то чтобы Диору или Бальма пора нервно грызть ногти, однако ярмарка неопровержимо свидетельствует о том, что советская модная индустрия сильно выросла за последние годы (11).

На пресс-конференции в холле моды Ярмарки очень многие поклонники Юрия натолкнулись на газетчиков Флит-

стрит — самых матерых, проворных и агрессивных в мире, — которые, однако, насилу сподобились задать хоть сколько-нибудь профессиональные вопросы (5).

Британские ученые после обстоятельного рассказа Гагарина о полете «Востока» и решенных при этом проблемах подарили ему два тома научной переписки Исаака Ньютона и фотографию радиотелескопа в Джодрелл-Бэнк, который следил за полетом советского космического корабля по орбите (13).

Пока Юрий Гагарин осматривал выставку, у выставочного здания толпились тысячи лондонцев. Попастъ же сюда смогли лишь те немногие счастливики, которым удалось достать билет еще накануне. Рвение англичан понятно. Попав на выставку в Эрлс-Корт, они как бы окунулись в советскую действительность. Разумеется, особым интересом пользовался зал космических исследований с макетом звездного неба под куполом. Напряженно вслушивались и молодежь, и люди старшего поколения в голос диктора, рассказывающего о том, как советский человек проникает в космос. А сколько вопросов было задано первому космонавту, когда он выступал на пресс-конференции! (2).

Сам Юрий тактично уклонялся от разного рода нелепых вопросов — вроде того, снятся ли ему кошмары (ответ: нет, не снятся) (5).

Нет, ничего подобного никогда с ним не было. Спал он вполне нормально, и вообще ему ничего такого особенного не снится (14).

Вскоре разошлись спать. И вдруг истошный крик. Вбежал бледный, напуганный Юра в одних трусах, поначалу он даже не мог внятно что-либо объяснить. «Юра, что случилось?» — спросил я. Он, как бы выдавливая из себя, только повторял: мыши, мыши и показывал вверх и на свое тело. Пошли к нему в комнату. Включили свет: тихо, спокойно, никого. На полу валяется скомканная простыня. И только тут он рассказал, что было. Когда Юра выключил свет и попытался уснуть, по-

крывшись белой простыней, на него, по его словам, начали пикировать сотни летучих мышей, они вцеплялись в простыню, в волосы, просто жуть. Но ведь когда мы вошли в комнату и включили свет, ни одной летучей мыши не было, окна были плотно закрыты, щелей или каких-либо дыр в стенах не было. Куда же они подевались, не приснилось ли ему все это? Оставаться в этой комнате он уже не мог, и мы пошли ко мне. Он признался: «Ты знаешь, больше всего на свете я боюсь летучих мышей, они непредсказуемы, а здесь их была тьма» (15).

Одна женщина спросила его, можно ли использовать для исследования космоса женщин. Юрий — обладатель блестящих ярко-синих глаз — был сама галантность: «Это могло бы быть очень кстати, так как у женщин более развито чувство прекрасного, чем у мужчин. Соответственно, если уж мужчине полет показался прекрасным, то женщине, надо полагать, он покажется еще более прекрасным» (5).

Николай Носов «Незнайка на Луне»:

На все вопросы отвечал Мига и, нужно сказать, делал это весьма находчиво, то есть когда можно было, отвечал на вопрос прямо, когда не знал, что сказать, отвечал уклончиво, но ни разу не сказал «не знаю». Так, на вопрос одного из корреспондентов, сколько времени космонавт пробудет в их городе, Мига ответил:

— Сколько потребуется.

На вопрос, посетит ли он другие города, сказал:

— Посетит, если захочет.

На вопрос, не имеет ли космонавт намерения закупить в их городе какие-нибудь товары, ответил:

— Это будет зависеть от того, какие товары мы сможем ему предложить (16).

Как он себя чувствовал, когда стал знаменитостью? «Я по-прежнему обычный смертный. Моя Золотая звезда, звезда Героя Советского Союза, имеет номер 11 175. Это означает, что 11 174 человека сделали нечто очень достойное передо мной» (5).

Например, у мистера Хрущева — три Золотых звезды и еще он Герой Социалистического Труда (14).

Николай Денисов «Хорошо, хорошо, Гагарин!»:

Среди многих вопросов, заданных на пресс-конференции... был и такой: «Кто в СССР является главным руководителем всех работ по изучению космоса?» — «Никита Сергеевич Хрущев, — под всеобщие аплодисменты четко произнес Гагарин. — Мы, советские космонавты, называем его первооткрывателем космической эры» (13).

Хрущев его просто обожал. Как-то, помню, Юра позвал меня с собой на одно мероприятие, где все «шишки» собрались. Один Никита Сергеевич запаздывал. И вот входит он, шляпу кому-то отдал и первым делом, не замечая никого из членов политбюро, бросается к Гагарину обниматься (17).

На выходе из Эрлс-Корт он появился с букетом гладиолусов.

Толпа скандировала: «Юрий, Юрий!» Майор обезоруживающе улыбался, а одна женщина, в восторге от того, что смогла разглядеть в герое космоса хоть какую-то человеческую слабость, выкрикнула: «Он порезался, когда брился!» (53).

Еще до того, как массовая сцена была закончена, дюжина женщин упала в обморок под соединившимся воздействием давки и сексуальной привлекательности Юрия (5).

Одна из девушек, посмелее прочих, пробилась сквозь толпу охотниц за автографами — и запечатлела на загорелой щеке Гагарина поцелуй. Это была 23-летняя Оливия Брайден: «Теперь я вошла в историю — я первая английская девушка, которая его поцеловала. Я решилась на это сразу, как только его увидела — он стал самым первым из тех, кто заставил затрепетать мое сердце» (18).

The Southeast Missourian, 13 июля 1961 года:

В среду вечером миловидная британская медсестра, работница стоматологической клиники, поцеловала советского космонавта Юрия Гагарина — после чего объявила его «самым целуемым человеком во вселенной». «О, до чего же это было прекрасно, невероятно! — сказала 23-летняя Оливия Брайден. — Я без ума от него. Я запомню это на всю жизнь». Оливия выпрыгнула из засады на русского (рост пять футов

пять дюймов) в тот момент, когда тот, намереваясь покинуть советское посольство, направлялся к стойке ресепшна. Она обвила руки вокруг его шеи и звонко, с отяжкой, чмокнула его в щеку. Юрий, женатый мужчина, чья супруга осталась в Москве, выглядел смущенным. И не только он — но и советские телохранители. Они сграбастали девушку в охапку и оттолкнули ее обратно в толпу, собравшуюся, чтобы поглазеть на космонавта.

Гагарин — которого советский премьер Хрущев целовал после полета как в щеки, так и в рот — быстро восстановил потерянное было самообладание. Он улыбнулся, залез в автомобиль и стер со щеки помаду носовым платком.

«Да, у меня есть бойфренд, — сказала Оливия репортерам, — и я сомневаюсь, что он будет в восторге от этого» (19).

Herald Journal, 12 июля 1961 года:

Гагарин не кто иной, как солдат коммунизма. А вот для британцев, похоже, не имеет значения то, что он за честь почет сбросить на свободный мир водородную бомбу. Нет, им нет дела до того, что он обратит в рабство даже ту молоденькую британскую медсестру, которая в порыве инфантильного энтузиазма поцеловала его (20).

Колумнистка «Дейли телеграф» Уинифред Карр написала: «Его отношение к нам — наиболее приятное в майоре Гагарине. Раз уж мы делаем из мужчины кумира — ему недостаточно быть храбрым, красивым и хорошо воспитанным. Раз уж мы женщины, то нам хотелось бы думать, что и мы ему нравимся».

«Он не только рад был встретиться с нами, — написала Ольга Франклин, русскоговорящий репортер «Дейли мейл», — он по-настоящему демонстрировал это». Также она сообщила, что Гагарин заставил ее почувствовать себя «королевой» (18).

Майор Гагарин — космонавт с сексапиллом. Девушки, с которыми побеседовали наши фотографы, выглядели романтично-счастливыми и демонстрировали воодушевление не меньшее, чем если бы им удалось встретиться с Элвисом Пресли или Марлоном Брандо (8).

Гагарин похож на Линдберга. Как и у Гагарина, у того были свежее лицо, мальчишеская фигура и скромная, обезоруживающая улыбка. <...> Однако учитывая то, что русский успех

был чрезвычайно существенной частью пропагандистской войны, Юрий Алексеевич умудряется вносить свой вклад в эту победу с чрезвычайно линдбергианской светскостью и грациозностью (18).

Почему британские девушки теряют разум из-за Гагарина?*

За три дня своего визита в Лондон русский космонавт Юрий Гагарин очаровал больше сердец, чем Чарлз Линдберг в 1927 году.

Домохозяйки и школьницы осаждали его на улицах (18).

...буквально покорили англичан, уж не говоря об англичанках, которые даже выбегали в бигудях из парикмахерских и радостно приветствовали: Юрий! Юрий! (61).

Главным сувениром-бестселлером советской торговой ярмарки в Эрлс-Корт была цветная открытка с изображением космонавта. Первое, о чем спрашивали знакомые всякую журналистку, которой удалось прорваться на его пресс-конференцию, было: «Ну как он? В самом деле такой хорошенький?» (18).

Джонатан Коу «Какое надувательство!»:

И тут Родди озаряет вдохновение.

— Я знаю! — говорит он, хватаясь за маленькую педальную машину и с трудом протискиваясь на место водителя. — Я буду Юрий Гагарин, это мой космический корабль, и я только что приземлился на Марс.

Ибо, подобно любому другому мальчишке его возраста, Родди преклоняется перед молодым космонавтом. В начале года его даже взяли на встречу с героем, когда тот приезжал на выставку в Эрлс-Корт, и Мортимер держал сына на весу, чтобы мальчик смог пожать руку человеку, долетевшему до звезд. Теперь же, неловко втиснувшись на сиденье слишком маленькой машинки, Родди старательно крутит педали, урча, как настоящий космический двигатель.

— Гагарин — центру управления полетом. Гагарин — центру управления полетом. Как слышите меня? (21).

* В оригинале: Go gaga over Gaga?

Когда я писал роман «Какое надувательство!», мне нужно было найти какое-то важное событие для мальчика, который родился в начале 1950-х. И мне показалось, что самое очевидное — сделать так, чтобы его героем был Гагарин (22).

Вчера вечером 27-летний космонавт страдал от болей в правой руке, которой он поприветствовал более двух тысяч человек. После семидесяти минут непрерывных рукопожатий на приеме в русском посольстве он был таким уставшим, что вынужден был удалиться для отдыха непосредственно перед началом второго приема.

К тому моменту, когда он доехал до русского посольства, герой космоса был практически погребен под цветами (23).

Он ускользнул от последней назначенной встречи — обеда в роскошном отеле «Дорчестер» с бизнесменами, торгующими с Россией. Представитель советского посольства сказал: «Майор Гагарин устал и отправился спать».

Однако же вскоре после десяти часов вечера космонавт отбыл в официальном автомобиле в сопровождении трех человек, причем за ним следовал еще один посольский автомобиль, внутри которого находилась группа модно одетых женщин. Было объявлено: «Майор Гагарин и дамы после прогулки по Вест Энду отправятся танцевать».

Источник добавил: «Боюсь, если я сообщу вам, с кем и куда он едет танцевать, самое малое, что случится со мной, — это потеря работы» (24).

Майор Гагарин примерно час колесил по центральному Лондону.. Ему удалось остаться неузнанным. В 23.15 машина подкатила обратно к русскому посольству. Тамошний источник сообщил: «Майор Гагарин очарован вечерним Лондоном».

Daily Sketch процитировала космонавта, который, принимая ключ от номера, сказал у стойки регистрации: «Проклятая рука меня добьет» («Oh, my hands are killing me») (24).

Times, 13 июля 1961 года:

...Гостеприимство, граничащее с истерией... (53).

Николай Каманин «Летчики и космонавты»:

...позволю себе так выразиться, «погружение в океан всечеловеческого преклонения». Напомню: в начале 60-х годов XX века на планете не было человека популярнее Гагарина (56).

Вот возле него появился какой-то высокий, сухопарый, с засученными до локтя рукавами рубашки человек средних лет. Протянув Юрию Алексеевичу какую-то бумагу, он попросил:

— Плиз, мистер Гагарин... Плиз, автограф...

Движением, ставшим привычным, Юрий Алексеевич достал из внутреннего кармана кителя авторучку, чтобы поставить свою подпись. Но тут же, попристальнее взглядевшись в поданный ему зеленоватый листок, отрицательно покачал головой.

— Nou, — сказал он. — It is dollars... nou автограф.

Человек в рубашке с засученными рукавами оказался американцем, остановившимся в отеле «Британия», а протянутый им листок для автографа — стодолларовой купюрой. Многие иностранцы и раньше просили Гагарина расписываться на их документах, на деньгах. Но Юрий Алексеевич, верный своему принципу, никогда этого не делал.

— Yes! It is hundred dollars... — обрадованно забормотал американец, услышав от Гагарина английскую речь. — Please autograph... It is very good!..

— Nou, nou, — еще более настойчиво ответил Юрий Алексеевич. — It is very bad!.. — и, вырвав из записной книжки чистый листочек, он расписался на нем, поставил дату и вместе со стодолларовой купюрой отдал американцу.

Тот остался недоволен таким оборотом дела. С сожалением посмотрев на Гагарина, который, по его мнению, не понимал, что представляют для их владельца 100 долларов с гагаринским автографом, он спрятал деньги в бумажник и, принужденно поклонившись, направился к выходу (13)*.

Дневник Юрия Гагарина:

Летим в Англию. Посадка в Лондоне. Теплая встреча в аэропорту... Далее как в карусели. Пресс-конференция, вручение золотой медали космического общества, разговор с лордом Дройдом о пользе грудного молока в воспитании ребенка... Все хотят видеть, потрогать, похлопать. Даже рука устала от приветствий... На приеме видел женщину с розовыми волосами... (26).

Ю. А. Гагарина пригласил в гости профсоюз литейщиков Англии (27).

По дороге в Манчестер майор Гагарин в течение шести минут управлял самолетом «Viscount» компании «British European Airways» «Сэр Исаак Ньютон» (23).

* Орфография мемуариста сохранена.

Ровно через три месяца после полета на корабле «Восток» стройная фигура Юрия Гагарина показалась на трапе британского авиалайнера «Viscount». Взлетно-посадочная полоса манчестерского аэродрома была заполнена толпами встречающих; то и дело срабатывали вспышки фотокамер... Самолет вынужден был заходить на посадку сквозь плотные облака; свирепый ливень хлестал асфальтированную дорогу; цилиндры и фрики ожидающих появления космонавта чиновников насквозь промокли. Однако чего дождь так и не смог охладить — так это теплоту улыбки Гагарина и неподдельный энтузиазм сотен людей, которые собрались в зале прилета: люди напирали на ограждения и пытались любой ценой занять место, откуда хотя бы одним глазком можно было разглядеть их кумира (3).

Юрия Гагарина приветствовали жители Манчестера — крупнейшего порта и промышленного города Англии. На летном поле аэродрома собралось множество людей во главе с лорд-мэром города мистером Биггсом. Несмотря на дождь, а он назойливо нас преследовал в ходе почти всей поездки, толпы манчестерцев стояли плотными шпалерами на протяжении нескольких миль пути к штаб-квартире профсоюза литейщиков (9).

Приехав в Манчестер в проливной дождь, Юрий увидел толпу встречавших его людей и настоял, чтобы на пути в город крыша его кабриолета «Bentley» была опущена. «Раз они могут стоять под дождем, — сказал он, — значит и я могу» (5).

«Наименьшее из того, что я могу сделать для этих людей, — промокнуть вместе с ними!» Мы приехали в профсоюз литейщиков насквозь промокшими — «продрогшими до костей», как в таких случаях говорят русские. Однако тот феноменальный энтузиазм, с которым британцы приветствовали первого человека в космосе, быстро согрел нас (28).

Прибытие советского офицера ВВС дало Манчестеру самый ажиотажный день за много лет. Толпы сбили с ног переводчика Гагарина и почти сбили с ног самого космонавта (29).

Маленькие дети наряжались в самодельные космические скафандры и сбежали с уроков, чтобы помахать ему с тротуара. Девочки-подростки заполнили платформу, построенную для

него в Трэффорд-парке, и высывались за полицейские ограждения, которые окружили аэропорт «Рингуэй» и офисы в Брукс Бар — чтобы получить автограф, подарить букет цветов или сорвать поцелуй. Матерые фабричные рабочие сломя голову мчались, чтобы пожать ему руку или похлопать его по спине, пробормотать неумелые слова восхищения, а команда «Манчестер Юнайтед» прервала тренировку, чтобы выйти с тренировочной базы и помахать «Магеллану Космоса». После серых лет послевоенной суровости это казалось почти волшебством — появление первого человека, который преодолел границы Земли и рассмотрел «сквозь иллюминаторы <своего космического корабля>... бриллиантовую россыпь ярких, ярких, холодных звезд». Мэри Макклеллан, ехавшая на митинг на заводе *Metrovickers* тем утром, думала, что по контрасту с одетыми в серое бизнесменами и одетыми в темные комбинезоны рабочими Гагарин, в своей ярко-зеленой униформе, производил невероятное впечатление; и выглядело это так, будто его сняли на цветную пленку — настолько резко контрастировал он с той монохромностью, которая его окружала (3).

Узнав об этом, многие англичане отказались от различных поездок, чтобы остаться дома и увидеть первого космонавта.

Потом состоялась многотысячная встреча с рабочими машиностроительного завода «Метрополитен-Викерс». Рассказывают, что до начала митинга Юрия Алексеевича привели к литейщикам, и он, в нарушение программы встречи, попросил у них разрешение провести плавку. Английские литейщики с недоверием отнеслись к этой затее космонавта. Но Гагарин успешно справился с плавкой, вызвав одобрение признанных мастеров своего дела (27).

Будучи и продуктом, и выражением всего лучшего, что было в зрелой советской системе, он, казалось, воплощал собой нового «Социалистического Человека» и восхищал свою аудиторию в профсоюзных офисах своими словами о том, что «в глубине души так и остался литейщиком». Получив в дар почетное членство союза рабочих литейного завода и медаль, украшенную обнадеживающей надписью «Вместе отольем лучший мир», Гагарин отдал дань «союзу, который является одним из самых старых в мире и имеет такие прекрасные традиции», после чего пожелал его участникам всевозможных успехов в «отстаивании прав рабочего класса и работы во имя мира во всем мире».

Он подробнее рассказал об этих своих чувствах в тот же день, но позже, в речи, обращенной к рабочим на заводе «Метро-Викерс» — на тот момент это было крупнейшее промышленное предприятие в Западной Европе, — умело обходя большинство не имеющих компромиссного решения проблем холодной войны, Юрий подчеркнул потребность в сокращении вооружений и мирном сотрудничестве в продвижении границ науки и техники и в преследовании политики понимания разрядки. Он объяснил, что, «хотя на борту космического корабля находился только один человек, потребовались десятки тысяч людей, чтобы полет оказался успешным. Более семи тысяч ученых, рабочих и инженеров точно так же, как вы, нарядились для того, чтобы отпраздновать успех полета». И под громовые аплодисменты заключил: «В космосе хватит места всем... Я предвижу великий день, когда советский космический корабль сядет на Луну и из него выйдет группа ученых, которые присоединятся к британским и американским ученым, работающим в обсерваториях в духе мирного сотрудничества и соревнования — вместо того, чтобы думать о войне» (5).

В Манчестере митинг закончился тем, что толпа грянула «For he's a jolly good fellow» — «Ему, веселому доброму парню». После церемонии небо прояснилось, и несколько тысяч человек принялись скандировать: «Хотим Юрия!» — пока он не появился на пороге офиса.

После официального визита на завод — и ланча в городском совете — он встретился с профессором Бернадом Ловеллом. Майор Гагарин поблагодарил за «большую помощь, которую профессор Ловелл оказал советским ученым в отслеживании спутников и космических ракет» — «прекрасный пример научной кооперации в целях мирного покорения космоса» (23).

В 2009 году, в интервью телекомпании «Би-би-си», Бернад Ловелл заявил о том, что его пытались убить агенты КГБ. По его словам, в 1963 году во время визита в Крымскую радиофизическую обсерваторию его облучили мощным пучком электромагнитного излучения. По его словам, детали неудавшегося покушения описаны в документе, который будет опубликован только после его смерти. Ловелл связывает покушение с его работой в военной программе Великобритании. Радиотелескопы Джодрелл-Бэнкской обсерватории, в которой работал ученый, играли бы ключевую роль в случае нача-

ла третьей мировой войны. Их антенны могли засечь запуск советских ракет и тем самым дать возможность нанести ответный удар (33).

...Советский культ космонавтов имел успех не только внутри страны, но и на международной арене. ...Они были реактивными посланцами глобальной советской кампании обаяния и как носители симпатий своей страны привлекали к себе внимание всего мира (54).

Николай Каманин «Летчики и космонавты»:

После митинга майора Гагарина пригласили в мэрию Манчестера. Машины продвигались медленно. Десятки тысяч людей стояли на всех тротуарах. У центрального подъезда здания мэрии военный оркестр исполнил гимн Советского Союза. Мистер Биггс, надевший по такому случаю золотую цепь, пригласил гостей на ланч. Даже и здесь манчестерцы решили отличиться. Ланч был сервирован на «коронационном сервизе» (52).

Николай Каманин «Гражданин Советского Союза»:

...стоимостью в пять тысяч фунтов стерлингов (2).

Тогда как Уайтхолл пытался продемонстрировать свою отстраненность, ситуация в Манчестере была в корне иной. Визит Гагарина был организован заранее, в его организации принимали участие местные гильдии, и его приветствовали гражданские лидеры, которые были вне себя от счастья; именно они и устроили космонавту щедрый прием в городском совете. Шел дождь, Красный Флаг развевался рядом с Юнион Джеком* над Альберт-сквер, и духовой оркестр принялся играть государственный гимн СССР — в честь первого космонавта.

В эпоху до «Битлз», когда рок-музыка еще не заняла в культуре нынешнее прочное положение и, соответственно, амплу рок-звезды еще не было вполне точно очерченным, первому человеку в космосе был гарантирован статус, обычно зарезервированный для визитов королевских особ и голливудских звезд.

* Юнион Джек — название национального флага Великобритании, закрепившееся с XVII века. — *Прим. ред.*

Молодой Мартин Кеттл <будущее золотое перо газеты *Guardian*> приклеивал постеры с Гагариным на стены своей спальни, в то время как на страницах «Таймс» один корреспондент точно передал чувства многих, для кого «все эти космонавты были фантастической ахинеей», трэшем из пал্প-фикшна, комиксов и радиопередач — пока вдруг «однажды утром вся эта белиберда» не сделалась научным фактом. Так кто же, вопрошал он, «откажется пройти несколько сот ярдов, чтобы увидеть этого невероятного человека, который явился к нам и говорит с нами» (3).

Позднее известный английский общественный деятель К. Зиллиакус скажет: «Тем, кто считает, что в нашей стране живут сдержанные, холодные, несклонные выставлять свои чувства напоказ люди, нужно было бы побывать у нас, когда Англию посетил Юрий Гагарин. Вслед за Юлием Цезарем он мог бы сказать: “Пришел, увидел, победил”» (30).

Если популярность Гагарина среди манчестерцев была бесспорна, то природа и долгосрочное политическое значение его визита по-прежнему вызывали сомнение, и их пришлось горячо обсуждать в течение следующих нескольких недель на страницах местной и центральной прессы. Комментаторы, и слева и справа, были единодушны в том, что этот визит не слишком изменил внутренний политический ландшафт и вряд ли смог стереть глубоко укоренившиеся предубеждения — или вызвать серьезную переоценку позиции Британии в холодной войне. Однако престиж рабочего движения в целом и Союза рабочих-литейщиков в частности очень сильно поднялся после визита молодого космонавта. Гагарин был мощным символом силы организованного труда и социалистической мысли (3).

...Непродолжительный полет, и Юрий Гагарин снова в Лондоне (9).

Тем временем британская желтая пресса, весь понедельник устраивавшая истерики на тему «должно ли британское правительство обеспечить Гагарину прием в качестве VIP-гостя», сама устроила ему прием, достойный «Героя Соединенного Королевства» (51).

Александр Солдатов, посол СССР в Великобритании:

...факт, довольно интересный и довольно характерный для атмосферы, которая была тогда в Англии. Однажды поздно вечером мне сообщили, что в посольстве ожидает т. Гагарина одна пожилая женщина, уже бабушка, которая приехала из Уэльса со своим внуком для того, чтобы вручить Юрию узелок со своими семейными драгоценностями, так как она не хочет, чтобы эти ценности попали во время будущей войны фашистам! Она хочет, чтобы эти драгоценности были использованы для дела укрепления мира. Мы напоили и накормили старушку и внука и постарались убедить вернуться со своими драгоценностями домой (61).

The Palm Beach Post, 14 июля 1961 года:

11-летний мальчик кокни, одетый в космический костюм, подждал его у дверей советского посольства. Когда русский спросил мальчика, как того зовут, паренек ответил: «Лучше я не буду говорить, а то, знаете, я сачкую. Прогуливаю школу, чтобы посмотреть на вас». Рассмеявшись, Гагарин подписывает ему свою книгу (29).

В нашем распоряжении было мало времени. Решили его посвятить осмотру города (9).

Всё интересовало Юрия Алексеевича, и он использовал каждую минуту, чтобы увидеть и узнать как можно больше... В музее истории Лондона среди витрин со множеством коронационных одежд королей Великобритании он обратил внимание на скромную витрину, где за стеклом лежали вещи русской балерины Анны Павловой... слепок ее ноги и белую балетную пачку с крупным драгоценным камнем.

Он посетил Гайд-парк, Кенсингтонский сад. Вспомнив понравившийся ему фильм «Мост Ватерлоо», ездил на этот ветхий, ничем не примечательный мост (32).

Предполагалось, что рано утром, еще до того как нахлынут туристы, экскурсия пройдет относительно спокойно. Но не тут-то было! Исторический лондонский Тауэр, этот древнейший замок, ставший лишь недавно своеобразным музеем, был буквально захвачен молодежью и школьниками (9).

Расчет на тишину не оправдался. Громовой возглас «Едет!» потряс воздух, как только показалась машина с красным флажком. Попасть в крепость удалось не сразу. Пробриться сквозь ряды возбужденных, кричащих людей был бессилен даже фельдмаршал лорд Александер, который должен был встретить гостя у «Дома королевы». Не помогла и конная полиция (2).

На десять минут оказался из-за толпы узником тауэрского замка (31).

Потом поездка в мэрию. Лорд-мэр Лондона сэр Уэли-Коэн торжественно встретил советского героя у здания «Меншен-хауз», расположенного в северном квартале Сити (2).

По распоряжению лорда-мэра Лондона вся работа в офисах Сити была приостановлена — потому что все выбежали встречать гостя. «Для лондонского Сити это огромная честь, — сказал лорд-мэр, — встретиться с одним из величайших первопроходцев человечества» (28).

Перед встречей с Макмилланом астронавт стал почетным гостем на приеме, устроенном в его честь членами Королевского космического общества.

«Он с охотой ответил на все наши вопросы, — сказал профессор У. МакКри, президент Королевского астрономического общества. — Он не стоял как истукан и говорил экспромтом. Он в состоянии был отвечать на вопросы так, как может только тот, кто знает свою тему. Он отличный наблюдатель».

На вопрос, какой вопрос он задал космонавту, МакКри ответил: «Я спросил его об облаках, которые он видел в космосе» (31).

Профессор Бернард Ловелл, радиоастроном, директор Джодрелл-Бэнкской обсерватории и радиотелескопа, заявил:

«Майор обсуждал технические вопросы техническим языком. Можно сказать, что он — продукт масштабных образовательных программ в России» (31).

Реальный масштаб общественного энтузиазма по поводу визита, который состоялся в разгар холодной войны, в любом случае застал правительство врасплох. Правительство Мак-

миллана, которое первоначально отказалось пригласить космонавта в Великобританию, спешно прибавило дополнительный день к его графику и предложило сдержанную официальную санкцию тому, что первоначально воспринималось как спонсируемый тред-юнионами тур, целью которого было продвижение экономического сотрудничества между Востоком и Западом (3).

Несколько позже Гагарина принял премьер-министр Англии Гарольд Макмиллан. Эта встреча не могла не состояться, поскольку английский народ уже высказал свое уважение и восхищение первым советским космонавтом (2).

...Гагарина провезли по Моллу — чтобы встретиться с Макмилланом в Доме Адмиралтейства, где в тот момент находилась резиденция премьер-министра — Даунинг-стрит была на реконструкции. Министерство иностранных дел придумало специальный «роллс-ройс» с регистрационным номером YG-1, и появление Гагарина привлекало огромные толпы людей, машущих британскими и русскими флагами — так что его кавалькада с мотоэскортом насили смогла пробиться сквозь толпы приветствующих. Лондон находился в праздничном настроении. Макмиллан наблюдал этот шумный спектакль из верхнего окна в арке Адмиралтейства. «Да уж, — обернулся он к Джону Виндэму, — было бы намного хуже, если бы они послали собаку!» (34).

Макмиллан задал космонавту несколько общих вопросов, поинтересовался самочувствием, пригласил осмотреть кабинет и виды из окон квартиры.

Юрий Алексеевич преподнес в подарок английскому премьер-министру экземпляр своей книги «Дорога в космос» с автографом. Гарольд Макмиллан от имени правительства Великобритании подарил советскому космонавту серебряный поднос работы английских мастеров. Шестидесятисемилетний глава английского правительства проводил двадцатисемилетнего космонавта до машины и тепло с ним попрощался (2).

«Юрий — чудесный парень», — говорит Макмиллан.

Макмиллан охарактеризовал советского космонавта майора Гагарина как «чудесного парня» (35).

Ему свойственна советская манера самому аплодировать в ответ на наши аплодисменты (14).

...Гагарин, испытавший травматические переживания войны в детском возрасте, вызывал доверие как «посол мира». Его дружелюбное выражение лица противоречило стереотипному образу свирепых и злых русских. Своим юношеским весельем и наглядным способом изложения ему удалось очаровать и расположить к себе людей во всех странах (54).

Гагарин был приглашен на прием, устроенный в его честь министерством авиации Англии. Государственный министр Дж. Эмери, маршал авиации Роналд Лиз и другие высшие чины Королевских военно-воздушных сил поздравили Ю. Гагарина. Здесь присутствовали многие известные английские летчики, авиационные командиры, деятели авиации. В общей беседе, которая проходила в дружественной обстановке, назывались имена наших пилотов-рекордсменов, отдавалось должное достижениям советской авиации. Ход всего разговора показал, что слава о наших Ту, Илах, Анах и других замечательных машинах, показанных на воздушном параде в Тушине 9 июля 1961 года, докатилась до Англии.

Разговор шел об авиации, покорении космоса. Но не только об этом. Нет-нет да и переходил на самую важную, самую злободневную тему — о мирном сосуществовании.

*Выступление Н. С. Хрущева на приеме в Кремле
9 августа 1961 года:*

Тот, кто так думает, он, видимо, сам боится, а мы войны не хотим. Мы всё прошли. Не склонились мы, когда немцы были под Москвой, когда были под Сталинградом, не склонились. Так что же вы думаете, если Аденауэр хочет нас напугать своим бундесвером, что мы можем поднять руки, мы можем сказать ему — если организуешь нападение на нас, немецкой нации не будет в этой термоядерной войне. Разрядка этих бомб будет на немецкой земле. Мы всё сделаем для того, чтобы защитить себя. Мы их постараемся пустить в дело, держать не будем (58).

Николай Каманин:

Наивными выглядели попытки тех, кто пытался спрятаться за фразу, что мы, мол, солдаты и наше дело выполнять при-

казы, а не думать. Ведь когда английские летчики отражали атаки «юнкерсов», они не только выполняли приказы, но и думали кое о чем. Да, мы дружили в военное время, когда у нас был один общий враг. Зачем же нам ссориться в мирное? Сейчас только безумцы не понимают, что такое война.

— Авиация у вас сильная, — говорили английские летчики в беседе с Ю. А. Гагариным. — Русские летчики умеют драться. И авиационная техника у вас высокая. И... ракеты. И... вообще... (2).

Н. С. Хрущев:

Мы говорили, что имеем бомбу в 100 миллионов тонн тротила. И это верно. Но взрывать такую бомбу мы не будем, потому что если мы взорвем ее даже в самых отдаленных местах, то и тогда можем окна у себя выбить. Поэтому мы пока воздержимся и не будем взрывать эту бомбу (64).

Нам приятны такие отзывы, но мы говорим о другом, о том, что наши народы могут обо всем договориться, не размахивая бомбой (2).

На приеме в министерстве авиации министр подарил некурящему майору серебряный портсигар — и в качестве ответной благодарности получил книгу мистера Гагарина о его полете в космос (14).

Когда Гагарин посетил Англию в июле 1961 года, в Кабинете состоялся крупный разговор об уровне королевского гостеприимства, которое надлежало выказать. Должен ли это быть официальный банкет в Виндзоре? Однако Хрущеву в 1956-м устроили в Виндзоре всего лишь чаепитие. Может быть, визит к королеве-матери в Кларенс-хаус?

Расписание королевы на тот момент было очень плотным, и запрос пришел очень неожиданно. Наконец Гагарин был приглашен к королеве в Букингемский дворец на один из регулярных ланчей, на котором в тот раз должны были присутствовать Бад Флэнэган из *Crazy Gang* и лорд Маунтбаттен (34).

«Поехали в Букингемский дворец» — в этих его словах чувствовалась едва ли не обреченность; своей почти уже всемирно известной улыбкой Юрий напомнил, что нас ждет главное событие его визита в Британию (28).

Перед оградой Букингемского дворца выстроились около семи тысяч человек (4).

Встречали его по торжественному ритуалу, заложенному два столетия назад. Сменялись караулы, менялись местами гвардейцы, одетые в золотые мундиры и высокие шапки из медвежьего меха, эффектно двигались всадники. Парадный вход начинался с широкой лестницы, по бокам которой были узкие лестницы, на них стояли встречающие и детская коляска, в которой находился сын королевы Эндрю Гагарина и сопровождающих его людей провели в небольшую гостиную. Начальник имперского штаба лорд Маунтбаттен, обращаясь к Юрию Алексеевичу, сказал:

— Я уже пожилой человек. Много видел на своем веку, многое, что мне пришлось пережить или испытать, останется в памяти на всю жизнь... Но есть событие, которое наиболее глубоко запало в мою память, и я горжусь им. Это было в дни моего далекого детства: королева Великобритании держала меня на руках... Эндрю тоже всю жизнь будет помнить, как он в коляске встречал первого в мире космонавта (27).

Александр Солдатов:

Как бы подчеркивая большое значение, которое они придают визиту Юрия Алексеевича Гагарина, королева сказала, что впервые в истории королевской семьи всем слугам и придворным служащим было разрешено выстроиться в вестибюле, с тем чтобы они могли поприветствовать Юрия Алексеевича. Лорд Маунтбаттен спросил меня, заметил ли я на правом фланге выстроившихся слуг ребенка в детской коляске, подчеркнув, что это был младший сын королевы принц Эндрю, так как королева хотела, чтобы Эндрю, когда будет уже стариком, смог бы с гордостью говорить, что он видел первого в мире космонавта... (61).

Николай Денисов «Хорошо, хорошо, Гагарин!»:

В приемном зале, устланном огромным ковром бледно-зеленых тонов, с окнами, выходящими в подстриженный на английский манер парк, нас уже ожидало десятка два джентльменов и дам. Каждый из этих людей, пожимая руку Гагарину, бормотал свое имя, но, признаться, ни мы, ни Юрий Алексеевич не запомнили их. Да и зачем? И без того было понятно, что это представители лондонской знати, удостоенные высокой чести увидеть советского космонавта не где-нибудь на улице, а в королевских апартаментах (13).

Королева сформировала свой список гостей на ланч еще до визита Юрия в Лондон (37).

Нас — тех, кто сопровождал его в Букингемский дворец к королеве, было трое: советский посол Александр Солдатов, генерал-лейтенант Николай Каманин и я, его переводчик (28).

В числе других гостей были комик Бад Флэнэган, главная надзирательница самой крупной в Британии женской тюрьмы (миссис Джоанна Келли) и начальник альпинистской экспедиции, который привел команду, покорившую Эверест (сэр Джон Хант). В ожидании выхода хозяйки приема мы понемногу потягивали разносимые лакеями какие-то напитки, обмениваясь с присутствующими ничего не значащими фразами о погоде, о красотах Лондона, о достопримечательностях тех его мест, где уже довелось побывать (13).

«В это время без всякого предупреждения в гостиную вошла приятная женщина средних лет, очень просто одетая, без каких-либо украшений и следов косметики — это была королева Англии. Рядом с ней шли ее муж — принц Филипп и десятилетняя дочь», — пишет Каманин (27).

Но вот дворецкий, широко распахнув боковую дверь, громко провозгласил:

— Ее Величество Елизавета Вторая*.

Все затихло. Но кое-кто из присутствовавших не мог сдерживать улыбки. В дверях появилась сначала маленькая пузатенькая собачонка какой-то очень невзрачной породы. Вбежав в зал на своих коротеньких лапках, она деловито внюхалась в воздух, фыркнула и, покрутившись на одном месте, уселась напротив двери, как бы поджидая хозяйку и всем своим видом словно сообщая ей — здесь, мол, все в порядке (13).

Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес»:

У Алисы возникли некоторые сомнения: не нужно ли и ей, по примеру садовников, пасть ниц; но что-то никаких таких правил поведения во время шествий вспомнить она не могла.

* Станным образом, исполнительницей роли Елизаветы Второй в фильме Стивена Фрирза «Королева» стала Хелен Миррен — мало того что просто русская по происхождению (Елена Миронова), так еще и из Гагаринского района Смоленской области (65).

Майор Советской армии – посол мира. 1961 г.

Москва, 12 апреля 1961 года: «Ура! Мы первые!»

Новое имя – Юрий Гагарин

Торжественная
встреча
первого космонавта
на Внуковском
аэродроме
в Москве

Юрий Гагарин
и Никита Хрущев:
в Георгиевский зал
Кремля
доставлены
свежие газеты.
1961 г.

Триумф Красной империи. Встреча Юрия Гагарина в Москве.
14 апреля 1961 г.

Юрий Гагарин
въезжает в Лондон
на «роллс-ройсе».
Июль 1961 г.

Фидель Кастро
и Юрий Гагарин —
горячие объятия
Кубы

Лондонцы славят Юрия Гагарина. *Июль 1961 г.*

Визит в Букингемский дворец. *Лондон. Июль 1961 г.*

«Наш Юрочка»

Гагарин –
хоккеист
команды космонавтов

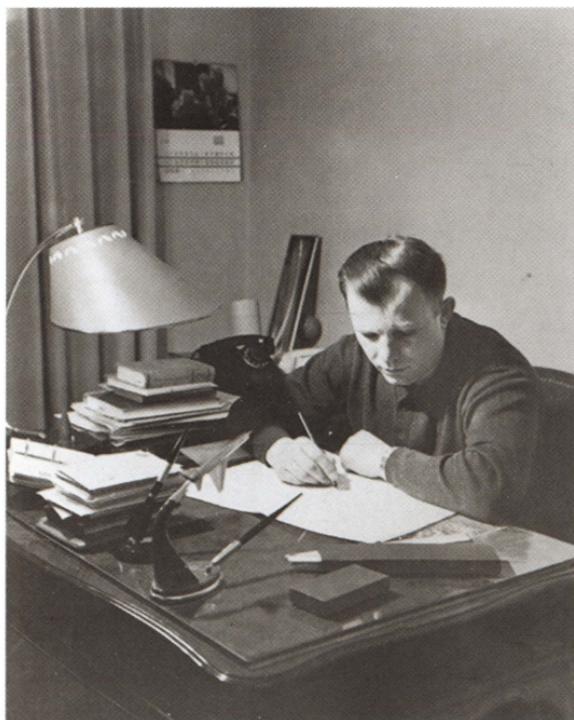

Первый космонавт
с боевым генералом
Николаем Каманиным
и поэтом
Евгением Евтушенко

Гагарин
в издательстве
«Молодая гвардия»,
где выходили
его книги

Работа над книгой
«Психология
и космос»

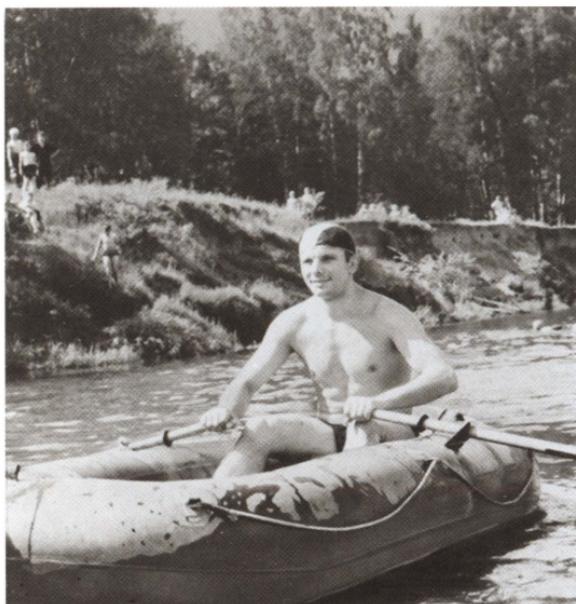

Полковник Гагарин с женой и дочерьми

Гагарин – блестящий бильярдист

Конек Гагарина –
водные виды
спорта

На охоте
с А. Леоновым

На занятиях
в Военно-воздушной
академии
имени Жуковского

Первая в мире
женщина-космонавт
Валентина Терешкова

Захоронение праха Юрия Гагарина и Владимира Серегина
в Кремлевской стене. Москва. 30 марта 1968 г.

Родные и близкие Юрия Гагарина и Владимира Серегина
у монумента на месте их гибели

«Вперед! На Марс, на Марс, на Марс!..»

«Да и вообще-то, — подумала она, — кому тогда будут нужны шествия, если все кругом будут лежать лицом вниз и ничего не увидят?»

И она решила просто постоять на месте.

Когда процессия поравнялась с ней, все вдруг остановилось и с любопытством поглядели на Алису (38).

— Как вам понравился Лондон и его жители? — спросила королева у советских гостей.

— До сих пор об англичанах я судил по романам Диккенса и Голсуорси, — ответил Гагарин. — Они всегда представлялись мне замкнутыми, невозмутимыми. А тут мы встретили людей с открытыми улыбками и горячими сердцами.

— Вы правы, — заметила Елизавета. — Форсайтов становится все меньше и меньше. Другие времена — другие нравы (49).

Александр Солдатов:

Принц Филипп интересовался некоторыми техническими подробностями, в частности, вопросом о том, как обеспечивается устойчивость космического корабля (61).

Алексей Леонов:

В 61-м ему <Гагарину> Италия вручала орден. И он меня с собой взял в посольство на улицу Веснина. Золоченые канделябры, ножки у мебели гнутые, все кланяются... Юра речь говорит. И тогда я впервые услышал такие слова: «Дамы и господа!» И дальше: «Уважаемый господин посол!» Он же никогда не был ни в каком посольстве! Я просто рот раскрыл, как же это здорово и как красиво! Потом он подошел, послыхе ручку поцеловал. «Юрка, откуда у тебя это?» — спрашиваю. А он смеется: «В “Консуэло” вычитал». После и английская королева удивлялась, откуда у него такое воспитание (42).

Чтобы справиться с немотой, иногда охватывающей подданных, оказавшихся лицом к лицу со своим монархом, конюшие могли намекнуть народу на возможные темы для бесед. «Ее Величество может спросить, далеко ли вам приходится ездить на работу. Будьте готовы ответить на этот вопрос, можете к нему же добавить, добираетесь ли вы на поезде или автомобиле. Она может спросить, где вы оставляете машину — здесь?

Или — откуда вы? Сложившийся круг вопросов: продолжительность рабочего дня, расстояние от дома до работы, место рождения» (43).

...королева спросила Гагарина:

— Полетит ли в Советском Союзе в космос девушка?

— Обязательно, — ответил Юрий Алексеевич, — ведь у нас полное равноправие.

Сфотографировались на память, что по этикету не положено королеве. Журналистам она пояснила:

— Я сфотографировалась с небесным, то есть неземным, человеком и поэтому ничто не нарушила (9).

...приглашенных, в числе которых, кстати сказать, был и один из весьма популярных в Англии комиков — артист Лондонского мюзик-холла. Замечу попутно, что он не упустил возможности для собственной рекламы, опубликовав пространное интервью о завтраке и своей, в значительной степени высосанной из пальца, беседе с советским космонавтом. В общей сложности мы пробыли в Букингемском дворце свыше двух часов (13).

— Юрий Алексеевич не знал, как пользоваться столовыми приборами, — рассказывал один из журналистов. — Все лорды испытывающе глядели на Гагарина: как он будет ими пользоваться? Космонавт понял это и говорит им: «Давайте есть по-русски». Берет самую большую ложку и кладет ею какой-то салат себе в тарелку. Королева, как воспитанная дама, говорит: «Господа, давайте есть по-гагарински». Тоже берет большую ложку... Потом, в минуту откровения, сообщает Юрию Гагарину: «Я и сама не знаю, как ими пользоваться. Мне лакеи подают, какую нужно» (26).

А знаете, какой был случай со мной? Букингемский дворец, встреча-завтрак с английской королевой. Протокол древний, строгий. Удоставаются утреннего завтрака с королевой очень и очень немногие. За столом двое, королева и я — ее гость; слева и справа лежит непомерное количество предметов, которыми надо пользоваться в зависимости от подаваемого блюда. С улыбкой говорю: «Ваше величество, я впервые на завтраке с Ее Высочеством Королевой, простой, еще вчера старший лейтенант, простите меня, если неволью

нарушу этикет». Королева улыбочиво отвечает: «Дорогой господин Гагарин, я родилась и выросла в этом дворце, но поверьте, я до сих пор так и не знаю, в какой последовательности надо пользоваться всеми этими вилками и ножами». И шепотом добавляет: «Вы берите каждый раз вилку и нож, которые лежат с края» (15).

Гагарин, допив чай, выловил из чашки ломтик лимона и, к ужасу всех присутствовавших... (44).

Михаил Веллер «Самовар»:

...Слопал лимон из чая на файв-о-клоке у английской королевы — она, аристократически разряжая конфуз, сделала то же самое (45).

...и, проглотив свой ломтик, с улыбкой сказала: «Delicious!» (44).

...и с того прецедента они по этикету могут жрать лимон из чашки (45).

Руководитель медико-психологической подготовки космонавтов в Звездном Владимир Лебедев:

Позже Гагарин рассказал нам следующую историю. Как деревенский паренек, о королях и королевах он знал только по сказкам. А тут королева после официального приема пригласила его на ланч. Юра рассказывал: ему настолько хотелось убедиться, что это живая королева, что под столом он потрогал королеву чуть выше колена. Та улыбнулась и продолжала пить кофе. Леша Леонов тогда изрек: «Юра, ты травмишь!» Гагарин не стал ничего доказывать. Когда я стал писать мемуары, то вспомнил об этом рассказе и мне захотелось проверить, шутил ли Юра. В английских газетах, освещающих его визит, сообщалось, что королева высказала восхищение героизмом Гагарина и даже нарушила протокольную часть. Она восторженно подошла к космонавту и стала его тискать руками. Кроме того, королева сфотографировалась с Гагариным, чего ей по статусу не положено было делать, поскольку тот был из простолюдинов. Но королева вышла из этого положения, сказав, что Гагарин, слетав в космос, стал небесным человеком (46).

Quebec Chronicle-Telegraph, 16 июля 1961 года:

С женщинами Гагарин сохраняет традиционную для русских застенчивую формальность (18).

— А как, миледи, понравился вам наш Гагарин?

— О! Он прямо обворожителен... Я читала в газетах, что чуть ли не все наши молодые лондонки уже успели влюбиться в него... Это и немудрено. Кстати, а сколько ему лет? Двадцать семь. Как жаль, что я уже не настолько молода, как та отважная девушка, которая вчера расцеловала Гагарина возле вашего посольства...

— Что вы, миледи!— сделал ей довольно неуклюжий комплимент один из нас. — Глядя на вас, можно сказать: вы — ровесница нашего героя.

— Благодарю вас. Я и не подозревала, что русские могут быть так милы (13).

Из дневника Гагарина:

Завтракал у королевы в Букингемском дворце. Во как! Королева приняла хорошо. Была обходительной, корректной. Подарил книгу «Дорога в космос»... Обрадовалась... (47).

Заголовок в Daily Mail:

СДЕЛАЙТЕ ЕГО СЭРОМ ЮРИЕМ! (5).

Ходжа Ахмад Аббас «Пока не достигнем звезд»:

Визит Юрия в Лондон был, несомненно, очень важным для развития англо-советских отношений, ибо впервые так много англичан сумели увидеть простого советского человека, не являющегося ни политиком, ни идеологом, и в то же время типичного представителя советского народа. Но не менее важным был этот визит и для советских людей. В конце концов, если не считать дипломатических визитов руководителей правительства, впервые простой советский человек попал в среду английских капиталистов, аристократов и «джентльменов». Он встретился с ними, как с равными, и был признан ими за его выдающийся подвиг, составляющий не меньшую гордость всего его народа. Советские люди были очень довольны теплым, великодушным, восторженным приемом, который оказали Гагарину все слои британского общества, и тем, что их молодой человек сумел держать себя с достоинством.

вом в таком необычном окружении и выйти победителем. «Теперь они будут знать, что такое простой советский человек», — сказал мне молодой советский журналист, глядя на фотографии в «Дейли уоркер», на которых был запечатлен прием Юрия в Лондоне (46).

Из Дворца Гагарин поехал на Советскую торговую выставку, где произнес удивительную речь, обращенную к пяти тысячам британских мальчиков и девочек, пришедших на ярмарку:

«Я надеюсь, многие из вас здесь, в этом зале, смогут совершить космические полеты — как пассажиры, пилоты, ученые, участники космических миссий — но, наверное, все-таки большинство в качестве пассажиров... Полеты в космос требуют от человека больших познаний в науках — математике и других. Я бы хотел пожелать каждому из вас счастья, побольше встреч со всем интересным, много веселья и в общем — всего наилучшего».

Ему с энтузиазмом аплодировали (63).

...Когда программа встреч, поездок, пресс-конференций была уже исчерпана, мы несколько часов посвятили посещение Хайгейтского кладбища, где покоится прах основателя научного коммунизма — Карла Маркса. Дорога туда пролегает через рабочие кварталы. И хотя поездка эта не значилась ни в каких планах, трудовой народ Лондона понимал: советский космонавт не сможет улететь из британской столицы, не побывав на могиле Карла Маркса. Вот почему в тот день на всех улицах, прилегающих к Хайгейтскому кладбищу, толпились строители, докеры, металлисты, электрики, железнодорожники... (49).

St Petersburg Times, 16 июля 1961 года:

Толпа из трех тысяч человек наблюдала за тем, как Гагарин возложил на могилу Маркса букет из красных роз и белых гвоздик и отдал честь. Затем он простоял по стойке смирно в течение двух минут под проливным дождем — после чего вернулся в машину (37).

Строгий памятник Карлу Марксу окружили тысячи людей. Проникнутые глубоким чувством классовой солидарности, они молча наблюдали, как первый в истории Земли космо-

навт-коммунист возлагал на могилу первого коммуниста планеты венки живых цветов с лаконичной надписью на ленте: «От Юрия Гагарина». Весь как-то подобранный, с пристальным взглядом серо-синих глаз, повывавших беспредельность звездного океана, он, поднеся руку к козырьку фуражки, строго стоял перед гранитным пьедесталом, на котором золотились бессмертные слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (49).

Старший исследователь по изучению проблем поверхности в проекте «Гюйгенс», доктор Джон Зарнецки:

Я учился в Хайгейте в северном Лондоне. Нас отпустили в школе на целый день, чтобы мы могли увидеть Юрия Гагарина. Почему-то все мои одноклассники сбежали играть в крикет или футбол или к своим *Gameboy* — или чем там еще увлекались дети в 1961 году. А я пошел на Хайгейтское кладбище. Этот парень прошел мимо нас — и он оказался гораздо меньше, чем я ожидал. На нем были военная форма и большая шляпа, которая делала его едва ли не карликом, и он стоял там. Он отдал честь, и я вдруг осознал, что этот чувак пробыв в космосе 93 минуты — и от этого обалдел: реальная фантастика. Для меня это был решающий момент. Я подумал: и я тоже хочу быть как он, даже притом что я не понимал, что к чему (40).

В отражении этих стремлений Гагарин вызывал отклик у рабочего класса, жившего под постоянной угрозой термоядерной войны и пытавшегося ухватить дух нового, более открытого и яркого хрущевского СССР. То, что мечты о восстановлении отношений и социалистическом прогрессе, которые лелеет советский премьер-министр и его протеже, должны были в конечном счете испариться в ходе осуществленной Кеннеди блокады Кубы и возвращения к гонке вооружений, но летом 1961 года это ни в коем случае не было ясно. Приятная атмосфера, в которой проходил визит Гагарина в Великобританию — в противоположность тяжеловесному, неуклюжему приему, позже, во время его в целом провального визита в гомулковскую Польшу, — обеспечила то, что репутация СССР у британской публики, похоже, оказалась на тот момент лучше, чем в любой другой после мая 1945-го день; тогда как советские фирмы, которые выставлялись в Эрлс-Корт, заключили рекордное количество контрактов со своими обеспокоенными коммерческими конкурентами (3).

Francis Spufford «The Red Plenty»:

Это не были ряженные революционные крестьяне, размахивающие красными флагами и произносящие на митингах страстные речи, как это представлено в иконографии фильмов Эйзенштейна; и это не был Советский Союз Иосифа Сталина — государство всеобщей мобилизации, массового террора и сурового тоталитарного труда. Вдруг, неожиданно, появилось место, не особенно веселое, но разумно организованное, немилитаристское — и высокотехнологичное, с лабораториями и небоскребами, которое делало все то же самое, что на Западе, но при этом грозило, пока «момент» длился, сделать это самое все — лучше. Американские колледжи беспокоились, что им не под силу выпускать такое же удивительное количество инженеров, как в СССР. Страдальческие вопли о необходимости самокритики заполнили страницы публицистики европейских и американских газет — колумнисты вопрошали, как свободное общество собиралось соответствовать стальной стратегической воле к процветанию, которой обладал успешный СССР. Помощник президента Кеннеди Артур Шлезингер составил для Белого дома записку, в которой высказывалась тревога относительно «повсеместной советской приверженности кибернетике». И пока «советский момент» длился, это было похоже на то, что где-то рядом вот-вот проклюнется некая альтернативная версия современной жизни: та, с которой приходилось считаться, извлекать из нее уроки — на тот случай, если она в самом деле опередит западную модель и оставит капиталистические страны плетущимися далеко в хвосте (1).

Хрущев выиграл ценный пиар-успех на Западе, в то время как для самого Гагарина визит был настоящим триумфом: подтвердились его дипломатические навыки и та политическая роль, которая на него была возложена и которая пока еще не стала обременительной. Однако, наверное, самый долгосрочный эффект его пребывания в Британии, и тот, которым, вероятно, был бы больше всего доволен сам Гагарин, было семя идеализма и надежды, которое он заронил в сердца и умы британских рабочих. Этого, по крайней мере, было достаточно, чтобы преодолеть самые отталкивающие реалии эры холодной войны и дать понять, что дальше будет лучше (3).

К концу недели мальчишеская улыбка космонавта и неизменная скромность завоевали всю Великобританию (5).

На фоне Берлинского кризиса, эскалации конфликта во Вьетнаме и неудавшегося американского вторжения на Кубу это непосредственное излияние народного чувства в честь советского авиатора, который действовал как неофициальный посол, может на первый взгляд казаться неуместным. Однако при ближайшем рассмотрении причины того теплого приема, который был оказан Гагарину, понять нетрудно. Контраст между стареющими советскими лидерами и Юрием — который был молодым, динамичным и очаровательным — был разительным. Ему были свойственны неиспорченное очарование, яркая индивидуальность, он был общительным — и его слава надежно опиралась на его личную храбрость, его навыки и знания, спортивность. В результате он нравился одинаково мужчинам и женщинам, молодежи и старикам (3).

На выходе из здания советского посольства 27-летний майор ВВС, намеревающийся проследовать в лондонский аэропорт, попал в кольцо из неистовствовавшей от восторга толпы из двух тысяч человек. Женщины расталкивали друг друга, чтобы оказаться рядом с его открытым лимузином. Некоторые с криками падали на землю. Кустарник и зеленые насаждения были растоптаны, а лужайка перед посольством была, по существу, уничтожена. Сам Гагарин, как и ранее, сохранял спокойствие и с невозмутимой улыбкой приветствовал толпу, размахивая своей фуражкой (66).

Весь путь до самолета Гагарин стоял в открытом «роллсройсе», махал рукой и улыбался толпам приветствовавших его людей на улицах (62).

Ту-104 уже готовился к взлету, чтобы увезти его домой, однако приветственные крики тысяч людей, собравшихся на крыше здания аэропорта, практически заглушали рокот реактивных двигателей лайнера.

В тот момент, когда Гагарин начал подниматься по трапу, навстречу ему бросились механики и члены экипажа — чтобы попытаться пожать ему руку, похлопать по спине и обняться с ним.

Его отъезд был драматическим апофеозом пятидневного приема — одного из самых восторженных из тех, что когда-либо был оказан иностранцу в Британии (66).

Уже во время пребывания <в Англии> Юрия Алексеевича Гагарина английская пропаганда старалась внушить англичанам мысль, чтобы они не отождествляли «личные достоинства» Юрия Алексеевича Гагарина с политикой СССР (61).

По возвращении в Москву Никита Хрущев, осмысляя триумф Юрия, возможно, сообразит, что было бы лучше всего, если бы первый полет Гагарина в космос стал бы и последним: Юрий, пока по части связей с общественностью, — явно слишком яркий талант, чтобы впустую растрчивать его где-то в космосе (5).

Советский астронавт майор Юрий Гагарин присоединится к галерее бессмертных в Музее восковых фигур мадам Тюссо. Источник сказал, что статуя Гагарина будет выставлена в следующем месяце и займет место рядом с советским премьером Хрущевым (50).

Quebec Chronicle-Telegraph, 16 июля 1961 года:

Вместе с Юрием Гагариным в наш век, век, когда всем управляют автоматы, пришло дуновение личного мужества и человечности. И то, что дуновение это пришло из страны, которую считают наиболее далекой от гуманности, выглядит особенно многообещающе (18).

Herald Journal, 13 июля 1961 года:

Гагарин — коммунист. И все те, кто приветствует коммунизм, напрашиваются на проблемы, верят они в это или нет. Возможно, Британия просто играла роль хорошего спортсмена. Британцы известны своим отношением к спорту. И вот они протянули свою руку человеку, намеренно посвятившему себя уничтожению капитализма и распространению коммунистического владычества в самых дальних уголках земли. Им все равно, что они — инструмент в руках того, кто пообещал американцам — и, соответственно, британцам, — что их внуки вырастут при коммунизме, хотя бы они того или нет (20).

Francis Spufford «The Red Plenty»:

Эпоха, когда Советский Союз представлялся страной, уверенной в своем будущем, конкурентоспособной, созревшей

для того, чтобы стать донором идей, выветрилась из нашего сознания. В 1970-е СССР оказался всего лишь «Верхней Вольтой с ракетами» — по выражению одного американского дипломата, потрясенного тем, что хорошие дороги заканчивались в нескольких километрах от Москвы; ну так, значит, он и до, и после того должен был быть Верхней Вольтой с ракетами. Представить себе Советский Союз в качестве объекта зависти чрезвычайно трудно. Почти невысказуемо. В силу этого мы склонны предполагать, что «советский момент», по-видимому, был чистой иллюзией. Ну, может быть, проекцией фобий Запада; возможно, недоразумением, связанным с тем, что заголовки — вроде тех, где сообщалось о запуске спутника, подразумевали, что и вся остальная советская жизнь была соответствующей. Для испытывающих обеспокоенность западных наблюдателей начала 1960-х разумно было предполагать, что общество, которое в состоянии запускать спутники, должно было как-нибудь решить простые повседневные проблемы — такие как обеспечение населения свежей зеленью и производство детской обуви. Когда выяснилось, что это не было так, что английские детские сандалики казались в Советском Союзе невообразимой роскошью, космические ракеты перестали обозначать абстрактную, вызывающую зависть «высокую технологию». Что они стали напоминать — так это любимые проекты некоего фараона. Пирамиду, в основании которой была бедность; памятник жестокости — но при этом еще и несколько комичной (1).

Глава двенадцатая

ГАГАРИН И КИТАЙСКАЯ ГЛИЦИНИЯ

Для биографа, решившего написать альтернативное — «разоблачительное», такое, где у каждого известного события есть либо экономическая, либо личная, словом, низменная, «подлая», не романтическая, не любовь-к-небу и не стремление-к-звездам, подоплека — жизнеописание Гагарина, открывается самый широкий спектр возможностей.

Далеко не аристократическое (фамилия в этом смысле скорее клеймо) происхождение. Был в оккупации; сведений о том, что на самом деле творилось в доме Гагариных в эти полтора года бок о бок с немцами, кот наплакал, а их собственные «пионер-геройские» отчеты никем не подтверждены и, раз так, могут быть поставлены под сомнение. В юности Гагарин бросил школу и спешно покинул место жительства — подозрительно, не правда ли? Случайно — явно не собираясь строить на подвернувшейся специальности дальнейшую карьеру — поступил в подмосковное ПТУ на литейщика. Затем — чтобы избежать армии? — записался в аэроклуб и поступил в военное училище, где совершил нечто такое, за что был избит товарищами до полусмерти. Женился на дочери повара — ясное дело, чтобы гарантированно иметь доступ к горячему питанию. Затем уехал служить в Заполярье — да платили больше потому что. Долго на Севере не вынес: возьмите меня хоть куда, хоть в гражданскую авиацию. Перед полетом мечтал о том, что разбогатеет. После — разбогател, по советским меркам; не отказывал себе во внебрачных связях и не очень компетентно работал чем-то средним между политической марионеткой и свадебным генералом советского правительства.

Что там со «связями»? О том, что Гагарин рано сформировался физически, как мужчина, и уже к четырнадцати-пятнадцати годам имел немалый опыт общения с девушками, недвусмысленно указывается еще в воспоминаниях Л. Н. Толкалина. Но и в дальнейшем поток свидетельств — от довольно тривиальных до весьма экстравагантных, вроде истории про датированные

серединой 1950-х отношения Юрия Гагарина с Наиной Гириной, которая шире известна как Наина Ельцина, — не иссякает. Разумеется, после 12 апреля 1961 года жизнь также не остановилась. Слухи ходили об «отношениях» Гагарина практически со всеми светскими персонажами тех лет — Аллой Ларионовой, Маргаритой Тереховой, Эдитой Пьехой, Светланой Светличной — да что там: с Брижит Бардо и Джиной Лоллобриджидой.

Обладательницы более скромных фамилий рисуют его кем-то вроде латиноамериканского мачо — и не брезгают транслировать в мемуарах подробности («он неожиданно схватил меня за руку и стал горячо шептать: “Хорошо, красавица, где мы можем встретиться сегодня вечером? Скажи, куда мне прислать машину. Ответ ‘нет’ я не приму!”» (31)). Авторы английской биографии «Starman» упоминают о том, что в номере гостиницы «Юность», специально зарезервированном за ним стараниями ЦК комсомола (это правда), часто бывали посетительницы: среди прочего, некая чемпионка по лыжам и некая чемпионка-шахматистка (это могло бы быть правдой).

Безусловно, *слетавший космонавт* Гагарин был желанной добычей любой женщины, в чьем кодексе поведения отсутствовало табу на связь с женатым мужчиной; что, разумеется, не означает, будто хоть один из этих апокрифов имеет какое-то отношение к действительности. Проверить степень достоверности всех этих историй сложно — слишком много заинтересованных. Собственно, никаких особенных штрихов к портрету героя эти сведения не добавляют — но сам факт циркуляции слухов говорит о том, что у Гагарина, возможно, была и «темная сторона Луны» — другая, патоенная биография, выходящая за рамки официального, зафиксированного в «Дороге в космос», канона. Как там написал композитор Прокофьев в какой-то анкете? «Отношение к сексу: спортивное».

Особая тема — Гагарин и алкоголь. Да, у нас нет данных, что, пользуясь своим статусом рок-звезды, он устраивал сид-више-совские или мик-джаггеровские дебоши — но есть множество свидетелей, описывающих, что полдень, наступивший вслед за «утром космической эры», Гагарин провел с рюмочкой в руке; более того, несмотря на разговоры о том, что сам бы он, может, и держался, но его «спаивали» на бесконечных банкетах* (9), —

* Самый, пожалуй, вопиющий случай спаивания — это история сошествия Гагарина в Криковские винные подвалы в Молдавии — огромный, в 50 гектаров, подземный, на глубине 30—70 метров, комплекс-винохранилище: 60 километров галерей — и несколько дегустационных залов. Он провел в этом лабиринте, по разным данным, двое или трое суток; и о том, что по пути назад его поддерживали под руки, написано даже в путеводителе *Lonely Planet* по Восточной Европе.

свидетели часто припоминают, что Гагарин часто сам был инициатором, «угощал»: заказывал в буфете или доставал из кармана припасенную бутылочку коньяка (34). Потом, «неизбежность» злоупотреблений алкоголем для человека в положении Гагарина — довод, кажущийся разумным, но на деле сомнительный: слава Нила Армстронга, первого человека на Луне, в какой-то момент была сопоставима с гагаринской — и он, однако ж, ничего, воздерживался. Другое дело, что Гагарин существовал внутри другой культуры и представлял собой, вольно или невольно, идеальный образец другого национального характера; так что нет ничего удивительного в том, что он вел себя так, как принято вести поп-иконам здесь, а не, к примеру, в Америке. Удивительного нет — но и неизбежности нет.

Можно было написать биографию в таком ключе — спивался, амортизировался, деградировал; однако если биограф добросовестный, то он вынужден будет признать, что, по сути, для этого нет достаточных оснований.

В конце концов, за Гагариным бдительно следила вся страна, не сказать вся планета — и никому так и не удалось поймать его за руку на чем-то действительно скверном. Да, донжуанский список Гагарина почти бесконечный — что почти наверняка означает его полную фиктивность. Алкоголь — ну да, употреблял — но «не больше нас с вами. По крайней мере под капельницей после запоя замечен не был никогда. И держать себя в руках умел достойно — опять же по крайней мере дирижировать иностранным оркестром после обильного фуршета никогда не рвался» (25).

И, главное, если даже иногда он и вел себя не так, как должен вести себя человек, являющийся для людей образованных — «живым символом способности человеческого духа вырваться за пределы естественной физической среды» (33), а для широких масс — воплощением всех мыслимых добродетелей, то у нас нет ни одного свидетельства, что он разрушил чью-либо жизнь или нанес кому-либо сколько-нибудь значительный ущерб; тогда как свидетельств обратного характера, приписывающих ему благородные поступки, — не то что десятки: сотни. Именно поэтому можно быть уверенным: «разоблачительная» биография Гагарина никогда не будет написана.

Тем не менее мы не будем делать вид, что «такого» Гагарина не было — и отведем для него своего рода резервацию — отдельную главу. Центральным эпизодом этой главы мы сделали так называемый «форосский инцидент» — поскольку совсем избежать разговора о «Форосе» невозможно: бровь-то все видели, в газетах про шрам писали. Как можно это не объ-

яснить? Про обезобразивший молодого космонавта шрам ходили самые дикие слухи — от «последствий космической болезни» до «это ему Титов бутылкой в лобешник треснул». Конец слухам положил генерал Каманин, который описал этот эпизод со всеми подробностями — можно было бы даже сказать «смакуя», если не учитывать свидетельство Я. Голованова о том, что сам Каманин в тот момент собирался застрелиться; «форосское падение» потрясло генерала не на шутку.

Если полет в космос был «одно прекрасное мгновение», чрезвычайно удачным стечением обстоятельств, то «полет» в Форосе был своего рода анти-12 апреля: мгновением кошмарным; все то же самое, но в очень кривом зеркале. Гагарину вероятно не повезло — не повезло, что все это произошло буквально накануне открытия съезда партии, где примут программу «морального кодекса строителя коммунизма», не повезло оказаться в чужой комнате, не повезло нарваться на неговорчивую девушку, не повезло, что туда явилась жена, не повезло, наконец, что он зацепился за что-то ногой и, выпрыгнув с... Потерпите, подробности последуют ниже.

Насколько такая глава может помешать канонизации? Уместно ли рисовать на палехских шкатулках типа, выпрыгивающего из окошка? Уместно, ничего страшного. Нет никакой «темной стороны Юрия Гагарина». Есть просто очевидная «рифма» к его полету в космос — тоже полет, и тоже изменивший жизнь Гагарина — хотя и не так радикально, к счастью. В сущности, мы останавливаемся на этой истории так подробно только для того, чтобы показать, что в 1960-е перед Гагариным был открыт и этот путь — он мог деградировать, наслаждаться дружескими угощениями и накапливать такого рода инциденты. Он, однако, выбрал другую стратегию поведения — и «форосский инцидент» стал неприятным, но все же исключением из правил, нештатной ситуацией.

У нас нет никаких свидетельств того, насколько сильно «инцидент» впечатался в сознание самого Гагарина. Однако можно предположить, что достаточно — в конце концов, шрам на брови не просто немного исказил красивое лицо Гагарина, но изуродовал его навсегда, и каждый раз, когда он смотрелся в зеркало и видел вмятину и сшитую — вечно поднятую, «клоунскую» — бровь, он наверняка вспоминал о происхождении этой метины.

Для советских журналистов гагаринский шрам был табу, его либо ретушировали, либо вообще старались не снимать слева, однако иностранцы непременно его замечали — и, во-первых, допытывались, откуда он взялся, а во-вторых, пытались описать, как он выглядит. Изящнее всех выразился один

француз, бравший у Гагарина интервью в 1963 году: он сравнил шрам над левым глазом космонавта с аксан сиркон-флекс — диакритическим знаком в виде крышечки-домика, используемым во французском языке (32).

Соблазн позволить себе психологическую реконструкцию гагаринских «мыслей» о «форосском ужасе» очень велик — однако у нас нет ни дневниковой записи*, ни записанного

* «Подробный дневник Юра не вел. Точнее, не вел постоянно. На это у него не хватало времени. Но записи он делал. Иногда очень короткие, иногда несколько подробнее. Где бывал, с кем встречался, что делал, что привлекло внимание — вот характер этих записок. Есть в них суждения, оценки событий, вопросы к самому себе. “Дневник — для памяти,— объяснял он свое «писание».— Уйду на пенсию, обязательно напишу мемуары...”» (35). Даже судя по опубликованным отрывкам (например, неслестная аттестация некоего человека: «Вызывал Я., снимал стружку. Мелочный человек. Можно подумать, что ему больше нечем заниматься, кроме уверток и придинок. Не пойму, чего в нем больше — барства и хамства или простой глупости... Жалким выглядит человек, который всегда оправдывается. Лучше бы дело делал»), это потенциально самая серьезная связанная с Гагариным реликвия; ее нельзя упускать из вида ни в коем случае. Надо четко заявить: ДНЕВНИК ГАГАРИНА существует и когда-нибудь всплывет.

Есть свидетельство известного журналиста (36) — о том, как он пришел брать у Гагарина интервью, а тот ему дал почитать — мол, на, тебе полезно будет перед разговором — свой дневник. Это — и тот факт, что В. И. Гагарина могла дать его после гибели мужа А. Леонову — говорит о том, что дневник был если не полностью публичный, как «живой журнал», то все-таки совсем не тайный, предназначенный и для чужих глаз тоже — как, например, фейсбук.

Более того — возможно, где-то сохранился и ждет своего часа еще и юношеский «дневничок», о котором в книге Л. Обуховой довольно подробно рассказывает саратовская преподавательница Гагарина по литературе Рузанова.

«Нина Васильевна Рузанова позвонила мне на следующее утро:

— А ведь вы знаете, — торопливо сказала она, — ведь Юрий вел дневник. Вот бы разыскать его! <...> Потом застенчиво проговорил: “Давно хотел сказать: я веду дневничок. Только там, наверное, полно ошибок, да и пишу безалаберно: только о том, что меня взволновало в текущий момент”. Он мне показал тогда некоторые страницы. А кое-что совсем по-детски неуклюже загораживал ладонью. <...> Как-то весной мы всем техникумом ездили на маевку, в дачное место под городом, на Девятую остановку. И вот Юра описал этот день примерно так: “Как дышится легко! Неплохо было бы здесь и уроки готовить. Но далеко ездить. Ничего, рядом Липки”».

Таким образом, Гагарин вел дневник на протяжении как минимум двух десятилетий; во-первых, представляете, какая это реликвия (и потенциальный источник ответов на самые нескромные — хотя Гагарин, конечно, не Лора Палмер — вопросы); во-вторых, это означает, что Гагарин причастился дневниковой культуре не случайно, не поверхностно, а последовательно приучал себя к ней, сознательно погружался в нее; сама склонность к ведению дневника многое говорит о психических особенностях личности; однако судить обо всем этом лучше не голословно — а имея к гагаринскому дневнику доступ.

разговора об этом — так что полное отсутствие доказательств делает все эти «реконструкции» изначально никчемными. Поэтому лучше уж сошлемся на один многозначительный апокриф. Один из источников рассказывал автору биографии, будто бы существует фотография, на которой запечатлен телевизор, показывающий трансляцию с XXII съезда КПСС: трибуна, за ней Хрушев и, по правую руку от него, Герман Титов. Перед телевизором сидит, с забинтованной головой, Гагарин — и видно, что он плачет.

* * *

После возвращения Титова из космоса они с Гагариным поехали отдыхать в Форос на дачу Максима Горького (1).

14 сентября на самолете Ил-14 вылетели на отдых в Крым. Гагарин с семьей, Титов, полковники Азбиевич, Рудный, Аристов с женой и я с Марией Михайловной разместились на бывшей даче А. М. Горького (в двух километрах от основной базы санатория «Форос») (9).

В том самом «Форосе», в котором через 30 лет гэкачеписты «заточили» президента СССР (6).

Первая неделя отпуска прошла хорошо, все время стояла солнечная погода (9).

Все было сделано для того, чтобы Юрий адаптировался и отдохнул после полета в космос: отличное питание, покой, фильмы и экскурсии. Он был окружен вниманием и заботой обслуживающего персонала дачи. Но Гагарин оказался «трудным» отдыхающим (3).

— Где-то 25 августа заехали космонавты: Гагарин с женой Валей и дочкой Галей и Титов без семьи, — рассказывает Анна Дмитриевна. — С ними была большая свита: Каманин, охранники, врачи, медсестры. Я в тот день ходила в гости к сестре. Вернувшись, узнала, что разместились космонавты в моем корпусе на втором этаже. Рано утром Гагарин пришел с моря, увидел меня и говорит: «Новенькая?» — «Это вы новенький, а я старенькая», — отвечаю (5).

Каким же в Форосе был Гагарин? Как говорится, всё «записано со слов». Имена некоторых наших рассказчиков пока сохраним в секрете, тем более что в те времена все сотрудники партийной здравницы давали расписку о неразглашении.

Юрий отличался веселым нравом и не всегда следовал строгому распорядку. Однажды с Юрием совершенно случайно рядом оказались электрики, которых вызвали для того, чтобы установить обогреватели в номерах, куда поселили замерзающих гостей из Сирии. Оказалось, что южные гости спали после долгого пути и надо было ждать. От нечего делать (а дело было перед ужином) электрики решили поиграть в бильярд. Вдруг совершенно неожиданно в бильярдную зашел Гагарин. Испуганные ребята бросили кии и решили ретироваться. Но Гагарин сказал: «Играйте-играйте», а потом тихо, оглядываясь по сторонам, спросил: «Ребята, у вас нет закурить?» Пришлось угостить героя папироской. Юрий снова, оглядываясь по сторонам, покурил в свое удовольствие и поблагодарил своих спасителей.

Потом появился Каманин, и Юрий, как ни в чем не бывало, стал играть с ним в бильярд. Вскоре появились сирийцы, и электрики ушли в освободившиеся номера ставить обогреватели. Осталось добавить, что Гагарину тогда категорически запрещалось курить (3).

Ане Афанасовой было 22 года, когда ее приняли на должность санитарки в правительственный санаторий «Тессели» близ Фороса.

В состав санатория, кроме бывшей дачи Максима Горького, входило два двухэтажных корпуса. С учетом того, что отдыхали здесь только иностранцы и наши высокопоставленные соотечественники, от персонала требовались дисциплина и умение держать язык за зубами. Жил персонал в тех же корпусах. Комната Афанасовой была на первом этаже. Далекие события лета 1961-го Анна Дмитриевна помнит в подробностях.

Прибывшая компания жила дружно и весело, в общении все были очень просты. Только Каманин, по словам моей собеседницы, мужик был серьезный, его все боялись. Притащат ребята ящик коньяку, спрячут у Ани в комнате и таскают потом по бутылке. Не напивались, но пили хорошо, — молодые (4).

Однажды космонавты спрятались на камне-острове Тайвань (так они его окрестили), выпили там, отдохнули, а потом назад вплавь. Ну а на берегу, как всегда, все это время шли сумасшедшие поиски пропавших — паника, переполох (3).

Марина Попович:

18 сентября. Сегодня космонавты встали раньше обычного. Слушаю, как они готовятся идти в море. Их проводник Макаров, они его называют «Адмиралом Макаровым», дает последние наставления. Через четверть часа затарахтела моторная лодка. Отчалили. Не возвращались долго. Этот день у рыбаков был самый счастливый — привезли килограммов тридцать рыбы (30).

21 сентября, группой в составе двадцати трех человек, ездили в Севастополь. Осмотрели город, побывали в Панораме и Диораме, на Сапун-горе. Обедали на крейсере «Михаил Кутузов», где нас принимал командующий флотом адмирал Касатонов. Посещение города прошло хорошо, но к концу обеда Гагарин и Титов были заметно навеселе (9).

Юра приехал в Крым с женой, дочками и няней, Герман — один. Купались, загорали, вечером пошли с Германом в пивнушку, которая располагалась в церкви у самых Байдарских Ворот. Герман находился в состоянии непрерывного восторга. В пивнушку он надел легкую курточку на молнии, берет и, когда мы там сидели, всё спрашивал: «Как думаешь, узнают меня?» Ему и хотелось, чтобы непременно все-таки узнавали, но одновременно хотелось испытать тайное томление Гаун аль-Рашида.

Потом появились две делегации: от моряков-черноморцев и от пионеров Артека, обе приглашали в гости. Каманин отказывал, понимал, что всё это для него лишняя головная боль. Космонавты настаивали, потому что на даче они скучали. Сначала решено было ехать в Севастополь. Гагарина и Титова сразу увезли на флагманский корабль, а мы с Жорой Мосоловым пошли гулять по городу, потом сидели в ресторане. Космонавты вернулись очень сильно навеселе. В автобусе пели песни. Остановка на Сапун-горе. Тут оба сразу протрезвели, внимательно слушали экскурсовода, Гагарин записывал что-то в Книге почетных гостей, я их фотографировал (1).

В Артеке всё было весело и трезво: песни, пляски, красные галстуки. Но туда примчалась делегация из Ялты, приглашали на обед. На обратном пути заехали в Массандру, вина попили (1).

Николай Каманин:

25 сентября были в Артеке, где пионеры показали нам очень интересную спортивную игру «Снайпер». На обратном

пути обедали в ресторане «Ялта», перед обедом осмотрели завод «Массандра» и попробовали более двенадцати различных вин. За Гагарина пили вино выдержки с 1934 года, за Титова — 1935-го, за меня — 1908-го (9).

В книге почетных посетителей объединения он оставил такую запись: «С большим удовольствием посетил винзавод “Массандры”, все очень интересно и необычно. Очень жаль, что продукцию завода не всегда найдешь в наших магазинах — мало выпускают. Желаю коллективу завода самых больших успехов в производстве превосходных отечественных солнечных напитков. Летчик-космонавт СССР майор Гагарин» (7).

В Массандре, в книге отзывов: «Вино ваше прекрасно! Такое могут делать только хорошие люди. С уважением — Юрий Гагарин» (8).

Обедом «дирижировали» первый секретарь Ялтинского горкома партии А. А. Куценко и его первый заместитель Н. Н. Дементьев. Оба любят крепко выпить. В этой и других встречах они спаивали Германа и Юрия (9).

Потом — обед с «отцами города» в Ялте. Герман «положил глаз» на секретаря горкома комсомола — красавицу с толстой косой — и исчез вместе с ней. Юру удалось запихнуть в машину. На Форос вернулись уже под вечер, легли спать (1).

Вечерами, когда все собирались в холле, Гагарин старался быть в центре внимания и, как выразилась Анна Дмитриевна, «заслонял Титова спиной». Любил космонавт номер один пошутить и по поводу того, что жена у Титова — официантка. Чувствовалось, отношения между космонавтами не очень приятные (5).

Гагарин и Титов любили разыгрывать везде сопровождающего их Каманина. Шутники постоянно исчезали из-под его контроля. Так, однажды после очередной встречи с отдыхающими они спросили у организаторов мероприятия: «Где можно помыть руки?» — и зашли в туалет. Оттуда они уже не вышли. Каманин бегал по всему Форосу, но не нашел беглецов. Оказы-

вается, они вылезли из туалета через окно и сбежали от охраны. Потом их все-таки обнаружили на спортплощадке, где они, как ни в чем не бывало, играли в волейбол с отдыхающими. А чем они занимались до этого — так и осталось загадкой.

Отличался юмором и Титов. Во время одной встречи с отдыхающими, среди которых было много красивых молодых женщин, у Титова спросили: «Не жалеете ли вы, что летали в космос?» Посмотрев на женщин, он ответил: «Я только жалею, что рано женился» (3).

Марина Попович:

29 сентября. Утром шли на быстроходном катере в Гурзуф, в гости к Гагариным. Посетили Никитский ботанический сад. Ездили в заповедник. На обратном пути встретили стадо оленей. Олень — гордое красивое животное. Особенно радовалась этой встрече Наташа. Юра фотографировал, но снимков, как всегда, не сделает. Очень повеселились. Выступление московского «Мюзик-холла» с их космической программой. Особенно понравился конец представления: экипаж готов к полету, звучит марш. И вдруг — бах! — «ракета» взлетела. Павел чуть не свалился со стула от неожиданности, потом за кулисами вспоминали, что, мол, шуму при запуске вашей «нарошечной» ракеты чуть ли не больше, чем от всамделишной (30).

Ярослав Голованов:

Я поехал туда, чтобы сделать статью за подписью Титова к годовщине запуска первого спутника. Гагарина увидел первый раз на теннисном корте (1).

Ярослав Голованов:

Я спускался к морю и из-за деревьев еще издали заметил теннисный корт и быстрые фигурки на нем. Он, помню, играл без майки, в коротких белых трусиках. Крепкий, ладненький, какой-то хорошо подогнанный весь. Он играл с большим азартом и при всяком ударе издавал резкий звук, как бы быстро выдыхал воздух. Так дышат фехтовальщики во время боя. И удары оттого, что он так помогал себе, тоже становились резче. Он очень старался, как говорят, выкладывался, носился по площадке со всех ног, но проиграл. Крутя в руках ракетку, подошел, весь еще в азарте игры, еще не отдышавшийся, с дорожками пота на блестящей спине, и предложил: сыграем?

Он хотел победы (26).

Девушка поняла, что Гагарин ее сразу выделил: старался о чем-нибудь попросить, остаться наедине в комнате, намекал на встречи. Но Аня не допускала и мысли о каких-то вольностях, к тому же у нее был парень. К первому космонавту обращалась на «вы», а вот с глазу на глаз могла и пошутить: «Не мылся, бриться не будешь». Как-то, не выдержав, сказала: «Юрий Алексеевич, что вам от меня надо? Вон сколько за вами девчат гоняется». На что услышала: «Запомни, Аня, догоняют не того, кто стоит, а того, кто убегает» (5).

Николай Каманин:

Возвращались в «Форос» на двух автомобилях «ЗИМ» и автобусе. До Диорамы Гагарин ехал в машине вместе с Валентиной Ивановной, мной и Марией Михайловной. После осмотра Диорамы Гагарин, ничего нам не сказав, пересел в автобус. Это обидело Валентину Ивановну, было по меньшей мере бестактно. Проезжая в Золотой долине мимо ресторана, автобус остановился, из него вышли Гагарин, Масалов, Ахмеров и направились к ресторану. Желая предупредить злоупотребление спиртным, я также поднялся в ресторан. Быстро выпили по стакану вина и спустились к машинам. Я сказал Юре, что его зовет Валентина Ивановна. Гагарин подошел к машине и спросил: «Ну, что тебе нужно?» Валя настойчиво просила его сесть в машину и ехать вместе с нами. Гагарин отказался, а Валя не согласилась перейти по его просьбе в автобус. Тогда он сердито хлопнул дверью машины и пошел в автобус один. Валя заплакала, мне и Марии Михайловне было очень неудобно. На следующий день я сказал Гагарину: «Вчера мне в первый раз было стыдно за тебя, ты очень обидел Валю». Юра признал свою вину и заверил меня, что он уже извинился перед Валею и больше ничего подобного не допустит (9).

Вообще поведение Гагарина мне не нравилось, особенно отношение к жене. По словам Анны Дмитриевны, жена Гагарина Валя, ревнуя мужа, следовала за ним по пятам. Он же, бывало, утром выйдет в коридор и, сделав вид, что направляется к морю, прячется за дверь. Валя вылетает следом и сразу к дежурной: «Где Юра?» Не получив ответа, бежит искать мужа на пляже. А он тем временем зубоскалит с медсестрами (4).

Как-то Гагарин вернулся на катере с экскурсии из Балаклавы. На вопрос сотрудницы А. П. Андриановой: «Вы уже приехали?» — Юрий ответил: «Не приехали, а пришли. Пехота!»

Иногда Гагарина и Титова привозили на танцы в санаторий. Как только к космонавтам начинали приставать желающие получить автограф, Юрий сразу приглашал танцевать свою Валентину. Титову только и оставалось отдуваться за двоих, а Юрию он говорил: «Хитренький ты!» (3).

Николай Каманин:

Герман зачастил в Ялту, возвращался поздно и изрядно выпившим. 26 сентября я обнаружил, что охранник Титова — Роберт Ахмеров — пьет, спаивает Германа и занимается сводничеством. Серьезно поговорил с Титовым и Гагариным, предупредил их, что они на скользком пути, объявил, что немедленно отправлю Ахмерова в Москву. Оба признали свои ошибки и очень просили не наказывать Ахмерова. Герман уверял меня, что во всем виноват только он сам. Я им поверил. Ахмеров сдержал слово и вел себя хорошо, но Масалов, Серяпин, Логинов и другие продолжали пьянки и плохо влияли на Гагарина и Титова (9).

Гагарин и Титов частенько исчезали, прятались, за что их «воспитывали» то Каманин, то директор санатория Чернявский. Смешно было даже представить, чтобы их нотации испугали героев космоса. Узнав, что на Байдарах есть ресторан, космонавты шутили: «Хорошо бы туда съездить», но им запрещалось без разрешения покидать дачу (3).

Николай Каманин:

4 октября. За девять часов до назначенного отъезда из «Форо́са» случилось происшествие, которое попортило очень много крови мне и многим другим людям, несущим ответственность за Гагарина. Это происшествие могло закончиться очень печально для Гагарина, меня и нашей страны. Юрий Гагарин был на волосок от нелепой и глупейшей смерти (9).

Юрий Гагарин «Дорога в космос»:

Стояла мягкая, золотая осень. Накануне съезда мы собрались лететь в Москву, приготовили вещи. Но тут со мной произошла маленькая неприятность — совершенно случайно я упал и довольно глубоко рассек левую бровь, ударившись об острый угол кирпича, которыми для красоты окантовывают на юге садовые дорожки. Глаз затек, бровь вспухла, и ехать с

таким лицом в Москву было неудобно. Я сильно переживал и остался на несколько дней в Крыму, вручив свою судьбу докторам, которые довольно искусно заштопали рану (2).

— Откуда у вас шрам на лице? Из космоса мы вас встретили целым и невредимым.

— Бывает, — ответил космонавт. — Осенью я отдыхал на юге. Однажды, разыгравшись с дочуркой Галкой, я споткнулся. И чтобы Галка не ударилась, я успел поднять ее над головой, а сам налетел на острый крымский камень. Вот и оставила Земля свою отметину. Ничего, — продолжает Юрий Алексеевич, светясь своей по-прежнему открытой и теплой улыбкой. — Как говорится у нас, русских, до Галкиной свадьбы заживет. И не только до свадьбы, заживет до следующего полета в космос (9).

Не всегда удавалось протолкаться к космонавтам, которых постоянно окружали жаждующие внимания и автографа поклонницы. Так как Юрий Гагарин предпочитал отшивать просителей словами «рука болит», то основная нагрузка ложилась на безотказного Титова (10).

Но Герман Титов Анне нравился — скромностью, воспитанностью, культурой. С ним было интересно говорить на любые темы. Заметив приставания Гагарина к девушке, Титов сказал Анне, что ему неудобно за поведение Юрия.

Утром 4 октября машина должна была отвезти космонавтов в Симферополь (5).

Николай Каманин:

В этот день (3 октября) Юра с территории дачи не отлучался, за исключением прогулочной поездки на катере. Как я позже узнал, эта прогулка была опасной. Гагарин на четырехместную моторную лодку сажал по шесть-семь человек, на лодке отсутствовали средства спасения. Юрий уходил далеко в море и делал очень резкие и опасные развороты (9).

Как-то Юрий решил порыбачить. Сел один на весельную лодку. Сначала все шло прекрасно, было тихо, но потом задул береговой ветер, который становился все сильнее и сильнее.

Лодку стало уносить в море. Все попытки приблизиться к берегу ни к чему не приводили. На берегу началась паника. Вызвали даже пограничный катер из Балаклавы. Директор и охранники были сильно напуганы, но ничего не могли сделать и только бегали по берегу. В конце концов, из последних сил Юрий с помощью местных рыбаков добрался до берега в стороне от дачи. Его лодка причалила к пляжу санатория. Он был совершенно мокрым и очень замерз. Впоследствии Гагарин сказал: «В космосе было легче. Смотрите, какие я набил мозоли, до крови». Несколько дней после этого случая Юрий ходил с перевязанными ладонями. И даже в этом он обнаружил преимущество — не надо было давать автографы (3).

Как-то незаметно появился в нашем курортном сообществе очень добродушный, крепко сбитый, в меру общительный мужчина, от которого исходило чувство собственного достоинства и надежности. В один сильно ветреный день многие из нас пришли на лодочную станцию, досадуя на плохую погоду. Он первым заметил шлюпку, которая показалась из-за мыса. Сильный ветер с гор отгонял шлюпку от берега. А гребец, вместо того, чтобы направлять лодку вблизи берега, вел ее по стремнине. И дотоле спокойный новичок взорвался благородным гневом в адрес незадачливого гребца:

— Кто этот недотепа, туды его мать, сумасшедший!

Мы, уже все заинтересованные, ожидали «недотепа сумасшедшего». И вот шлюпка причаливает к мосткам, и из нее выходит... Гагарин! К нашему всеобщему удивлению, «новичок» бросается к нему с распростертыми объятиями, восклицая:

— Юрка, милый, я думал, ты сообразительнее!

Как позже стало известно, Юрий и «новичок» — давние знакомые по общим космическим делам (11).

Гагарин катался на моторной лодке, попал в шторм, еле выбрался живым, мозоли на руках от штурвала, пришел в медпункт показаться — и там с ней <Аней> познакомился (12).

Герман Титов должен был уехать раньше Гагарина. Накануне отъезда Титова решено было организовать проводы. Нужно было знать характер Юры, чтобы понять, как проходили проводы. Пили то кефир, то коньяк, переодевались в женскую одежду, то есть веселились, как говорится, на полную катушку (3).

Ночью Юра вспомнил, что в столовой ему улыбалась хорошенькая официантка, и решил ее навестить. Валя проснулась — нет «первого в мире»! И бросилась его искать. Комната официантки была на втором этаже (1).

Николай Каманин:

За день Гагарин чрезмерно «напрощался». После ужина Юра сразу лег спать. Женщины играли в карты (9).

Алексей Леонов:

Ну, сидят они с ребятами, играют в карты. Он встает: «Пойду зайду к себе». Заходит в номер, а замок нечаянно захлопывается. А там как раз случайно уборку делает нянечка, очень, как мне Герман говорил, красивая девчонка. И вот Юрий с ней стоит, разговаривает, а внизу жена. Прошло минут десять, жена хочет войти в номер, а дверь закрыта, она ж случайно захлопнулась. Жена кричит: «Юра, Юра!» И Юрий думает: «Ну что я ей сейчас смогу объяснить? Она устроит скандал, причем не мне, а этой девочке». Вот случись такое со мной — ну что тут делать? Он — на подоконник и прыгать. Там высота-то всего два метра, космонавту что? (13).

Как рассказала медсестра Аня, она после смены с дежурства зашла в комнату отдохнуть, лежала на кровати одетой и читала книгу. Гагарин вошел в комнату, закрыл дверь на ключ и со словами: «Ну что, будешь кричать?» — пытался ее поцеловать... В это время раздался стук в дверь, и Гагарин выпрыгнул с балкона (9).

Сценарий игрового фильма «Гагарин — первый человек в космосе»:

Сцена 185. Космонавт № 1 пожиная плоды известности.

Медсестра Анна: Что там интересного в космосе, товарищ Герой Советского Союза?

Юрий: Я не единственный герой в Советском Союзе...

Анна (смотрит на него): А передо мной стоит только один. (Пауза.) Потанцуем?

Юрий соглашается. Валя сверху видит Юрия и Анну.

Юрий: Я не управлял кораблем, просто должен был следить за показаниями приборов.

Анна: Но я слышала, ты мог самостоятельно набрать код, который вывел бы тебя с орбиты.

Юрий: Да. 1-4-5. Но я так и не воспользовался им.

Анна: Код 2-3-7 выведет тебя на мою личную орбиту. Попробуй.

Внезапно она разворачивается и уходит. Юрий провожает ее взглядом. Валя следит взглядом за Юрием. Генерал Каманин наблюдает за Валею.

Далее по сценарию Гагарин идет в номер 237, стучится, заходит. Там Анна. Они танцуют, Анна целует Юрия в губы. Реплика: «Юрий удивлен». Сразу за этим раздаются стук в дверь и голос жены Вали. Юрий пытается перебраться с балкона медсестры на соседний балкон, поскользывается, падает со второго этажа, зарабатывает шрам на лице. Газеты пишут о Гагарине, который «получил ранение, спасая свою тонущую младшую дочь» (14).

Комментарий Алексея Леонова:

Недосказанная правда хуже лжи! Особенно категорически не приемлю сцены из личной жизни Гагарина. Хотя бы этот эпизод с «медсестрой Анной»... (14).

Николай Каманин:

Юра достоверно изложил обстоятельства своего ранения, но, по-видимому, заботясь о спокойствии Вали, утверждал, что, заходя в комнату, из которой выпрыгнул, он не знал, что там находится медсестра Аня и что он только хотел подшутить над женой, спрятавшись от нее. Хотя я и убежден, что мотив посещения комнаты был другой, не стал настаивать на своем. Версия Гагарина нельзя считать совсем невероятной, и она в какой-то мере смягчает само происшествие и не будет поводом для раздора в семье (9).

«Все занимались подготовкой к отъезду, я в это время читала книгу у себя в комнате, — вспоминает Анна Дмитриевна. — Вдруг слышу — клац, кто-то повернул ключ, торчавший в двери с моей стороны. Входит Гагарин. Говорю: “Ты что здесь забыл?” — “Принес тебе фотографию подписать”, — а сам хватается за руки и с поцелуями лезет. Я давай отбиваться, но у него столько силы. Вдруг слышу Валин голос: “Юра, Юра, ты где?” — “Он здесь!” — кричу. Гагарин: “Ты что, сдурела?” Хотел рот мне закрыть, да так влепил, что из носа кровь пошла. Я к двери, открыла и кричу в коридор: “Здесь он!” А сзади слышу какой-то глухой звук, это Гагарин с веранды выпрыгнул и упал. Там высоты-то было... Первый этаж, но на склоне» (4).

Николай Каманин:

Балкон возвышался над уровнем земли на два метра, под ним была асфальтированная дорожка, окаймленная с внешней стороны цементированной бровкой. При прыжке Гагарин зацепился ногами за виноградные лозы, потерял равновесие и упал лицом на цементную бровку (9).

Под окном была круглая клумба, отороченная кирпичами, стоящими уголком. Ноги Юры зарылись в мягкую землю клумбы, и он со всего маху ударился бровью об острый край кирпича (1).

Алексей Леонов:

А под окном росла глициния китайская. И он ногой зацепился за ствол и приземлился головой. Ударился о бордюр, рассек себе голову (13).

Я внимательно осмотрел номер и балкон и, признаюсь: я бы не стал прыгать без особой причины с балкона, тем более для розыгрыша жены. Высоковато! Прыгнул он, как известно, неудачно — прямо на куст винограда, росшего под балконом. Лоза стволовой ветки была обрезана, на нее-то и угодил головой Гагарин. К счастью, сук попал в правую бровь, а не в глаз. Естественно, бровь пробита, часть надбровной дуги раздроблена, все лицо залито кровью, Юрий без сознания (15).

Николай Каманин:

Из опроса Рудного, Масалова, Азбиевича, Титова, медсестры Ани, Валентины Ивановны и других людей я установил следующее. Гагарин проснулся около 22 часов, помогал купать Галку, а потом спустился в гостиную на первый этаж, где Валентина Ивановна с другими женщинами продолжала играть в карты, а мужчины — в шахматы. Юра «болел» за шахматистов, «помогал» жене, менял пластинки на проигрывателе, танцевал и был в нормальном состоянии. В 23.47—23.48 Юра сказал Вале: «Кончай играть, пошли спать!» — и вышел из гостиной. Через две-три минуты Валя, закончив играть в карты, спросила: «А где Юра?» Жена Серяпина с ехидцей сказала ей, что он пошел по коридору направо и зашел в одну из комнат. В коридоре находились три комнаты, из которых отдыхающие уже уехали. В двух комнатах Валя никого не обнаружила, третья — была за-

крыта на ключ изнутри. Валя резко постучала в закрытую дверь. Через несколько секунд она открылась, в комнате горел свет, а в дверях стояла медсестра Аня (27 лет). На вопрос Вали: «Где Юра?» — Аня ответила: «Ваш муж выпрыгнул с балкона» (9).

Алексей Леонов:

Юра мне рассказывал, как на самом деле все происходило. Никаких танцев с медсестрой не было. Юра зашел К СЕБЕ в номер, а не к ней! Там убиралась молоденькая девушка. Юра даже не говорил с ней. Но все дело в том, что дверь, оснащенная английским замком, автоматически за ним захлопнулась. А через минуту постучалась Валя. Ситуация глупая, и Юра, чтобы никому не усложнять жизнь, решил прыгнуть с балкона, тем более высоты там было около полутора метров. Но он зацепился за ветку глицинии и рассек бровь. Вот как было на самом деле! (14).

Николай Каманин:

В 22.00 я с женой ушел отдыхать, а в 23.50 она разбудила меня криком: «Коля, вставай! Внизу что-то случилось!» Через минуту я увидел Гагарина лежащим на садовой скамейке. Лицо и рубашка Юрия были в крови, на лице — рваные раны (9).

Гагарин ударился головой о кирпич в окантовке клумбы и лежал на земле без сознания, кто-то кричал, что он мертв (4).

Когда потом мне рассказывал об этом Каманин, он говорил, что вид у Юры был ужасный: все лицо в земле и залито кровью. Николай Петрович признался, что хотел застрелиться (1).

Николай Каманин:

Валя в слезах кричала: «Что же вы все стоите, помогите ему! Он умирает!» (9).

Начали звать на помощь, сразу же сообщили дежурной медсестре Румянцевой Анне Алексеевне: «Гагарин убили!» Юрий действительно сначала временно потерял сознание. Прибежала и его московский врач Екатерина Петровна. Гагарина принесли в корпус и положили на кровать. Постепенно

Юрий пришел в себя, лицо его было в крови. Но даже в этой ситуации, беспомощно лежа с разбитой головой, Гагарин продолжал шутить. Он спросил у 24-летней медсестры Румянцевой: «Ну, как думаете, смогу я еще полететь на Луну?» (15).

Николай Каманин:

Срочно вызвали врача и начальника санатория. Через четыре часа приехали флотские врачи, сделали на месте операцию. Заключение: пробита надбровная кость, но рана не смертельная, над левой бровью останется шрам. Посоветовали в течение трех недель сохранять постельный режим (9).

Кто-то из солдат спросил космонавта, при каких обстоятельствах он получил ранение брови. Юрий Гагарин смутился и, как показалось мне, покраснел. Но мгновенно взял себя в руки и широко улыбнулся своей обезоруживающей гагаринской улыбкой:

— Можно так сказать: спортивная травма (16).

— А откуда у вас шрам между бровей? — спрашивал один отдыхающий.

— Однажды ехал на «Волге» по Крыму, и на дороге неожиданно выскочил ребенок, — рассказывал герой. — Я резко затормозил и ударился головой о руль (17).

...отправили в Севастополь (15).

Николай Каманин:

В сознание Гагарин пришел нескоро, сказало сильное сотрясение мозга. В госпитале срочно сделали операцию, раздробленную кость надбровной дуги «залатали», бровь зашивал нейрохирург подполковник Владимир Крамеров. Шрам глубокий, через всю бровь. Поместили в отдельную палату, обеспечили охрану, контроль, медперсоналу строжайше запретили что-либо говорить (9).

Аня понимала: случись что с Юрием Алексеевичем, ее ждут серьезные неприятности... От шока отнялись ноги... Потом кто-то отнес Аню в постель, Каманин возле ее дверей вы-

ставил охрану. По очереди заходили разные люди, спрашивали, как могло такое произойти. А Анна Дмитриевна думала об одном: как неудобно лежать на заколотой косе, но поднять руки и распустить волосы не было сил. Хорошо, Титов догадался — вытащил из косы шпильки, назвал умничкой, сказал, что ни один волос с ее головы не упадет, он, мол, это ей обещает. Во время их разговора в комнату вошла подруга Валентины Гагариной, бросила Ане: «Видишь, что ты наделала? Недотрога, что бы с тобой стало, если бы...» Но Титов ее перебил: «А что изменилось бы? Случись по-твоему, Юра, что, вышел бы к Вале из этой палаты?» И добавил: «Больше бы было таких людей, лучше бы на свете жилось». После его ухода девушка, наконец, разревелась. «С ногами» она лежала дня три (4).

На место происшествия срочно вызвали директора В. К. Чернявского и начмеда Н. П. Хадзарагова, а из Севастополя — опытных нейрохирургов, и на втором этаже коттеджа Юрию сделали операцию под местной анестезией. Боль была сильной, так как была даже раздроблена кость. Рану обработали, наложили швы. Юрий был терпеливым и не произнес ни слова. Из Москвы вызвали даже хирурга Вишневого, настолько все были напуганы происшествием. После операции у кровати круглосуточно дежурили, не отходя ни на минуту, через день, по 24 часа, медсестры Л. С. Коновальцева и А. А. Румянцова. Почти все время рядом была и жена Валентина (3).

Алексей Леонов:

А через неделю, кстати, съезд XXII, и ему там выступать. Так ему специально гримеры бровь приклеивали (13).

На меня, фронтовика, его рана произвела тяжелое впечатление. Половина левой надбровной дуги была вмята в череп, усилия врачей и гримеров не дали стопроцентных результатов, и в глаза бросался глубокий шрам, заполненный чем-то темно-бордовым (18).

Придя в сознание, Гагарин стал упрашивать Анину сменщицу Любу привести Аню к нему.

— Я не хотела его видеть. Но Люба приходила опять: он очень просит, пожалуйста, — продолжает моя собеседница. —

Выбрав момент, когда в палате никого не было, зашла Гагарин лежал забинтованный, глаза налиты кровью. Смотрит на меня и говорит: «Если б мог, я бы встал перед тобой на колени. Умоляю, прости меня». Я говорю: «Ладно, чего уж там». Он пожал мне руку. И все. У нас ведь было не больше минуты (4).

Вставать ему не разрешали. Как-то в эти дни Юрий пошутил с медсестрой Румянцевой: «Вот станешь беззубой старушкой и будешь рассказывать своим внукам, как ухаживала за Гагариным». Иногда от нечего делать Юрий, видя, что медсестра Румянцева сидит над тетрадками (она училась тогда в вечерней школе), говорил ей: «Ну, давай, будем решать твои задачи» — и начинал помогать ей. Иногда Юрий, устав от врачей, просил медсестру: «Закрой, пожалуйста, дверь и скажи, что я сплю».

В день отъезда вызвали «чайку». В машину его несли на носилках, и в этот момент он хохотал, наверное, представив со стороны картину выноса своего тела (15).

Аня пролежала несколько дней. Как-то заглянул директор санатория, присел на кровать, упрекнул: «Что же ты натворила?» А потом с улыбкой добавил: «Ну, ничего, ты правильно поступила. Иначе на нас такое пятно легло бы». Больше в санатории Аня не слышала ни слова упрека. Все ведь видели, как Гагарин к ней относился. Может, кто-то из девочек этому и завидовал (5).

...о Валентине Гагариной. Это была простая женщина без украшений и косметики. За маленькой дочкой присматривала няня, а Валентина старалась быть рядом с Юрием. Но из-за многочисленных мероприятий ей это не всегда удавалось. Как-то, разоткровенничавшись с медсестрами, она рассказала об их женитьбе, о том прекрасном времени, когда Юрий учился в училище и они жили в общежитии. «Та жизнь дороже мне, чем настоящая, — говорила она и жаловалась на судьбу: — Он теперь не мой» (15).

Вскоре в санаторий приехал незнакомый Ане мужчина, вежливо объяснил ей: не следует никому рассказывать о том, что случилось. А меньше чем через год Афанасова уволилась, разонравилась ей работа. В 1962-м переехала к родителям в

Запорожье, чуть позже — в Лежино. Вышла замуж (с тех пор она — Барановская), родила дочь и сына. Много лет проработала на Запорожском абразивном комбинате (4).

Николай Каманин:

14 октября <1961>.

Вчера Гагарина самолетом привезли из Крыма в Москву и поместили в авиагоспиталь в Сокольниках. Самочувствие его удовлетворительное. Консилиум врачей решил, что еще десять дней Гагарин должен соблюдать постельный режим. На открытие 22-го съезда КПСС он уже не попадет. Сегодня вместе с Валей были у Юрия. Я не стал читать ему нотаций, а только сказал: «Благодари Бога, тебе еще раз повезло, а могло быть очень плохо. Надеюсь, ты не хуже меня понимаешь, какие неприятности ты доставил себе, командованию, партии и народу. Ты получил очень дорогой урок, и из него нужно сделать выводы на всю жизнь». Юра сказал: «За эти дни я многое передумал, наделанных глупостей я сам себе не прощу, необходимо менять курс поведения».

17 октября.

Сегодня открылся 22-й съезд партии. Гагарин и Титов делегаты съезда. Титов на съезде, а Гагарин в госпитале (9).

17 октября в Москве открывался XXII съезд партии, и Хрущев задумал, что он будет сидеть в президиуме съезда с Гагариным по правую руку и с Гагановой* по левую. Теперь все его планы поломались, и Никита Сергеевич пришел в неописуемую ярость (удивительно, как Каманин уцелел). Тут Каманин вспомнил о Титове и понял, что дело совсем плохо: космонавт № 2 исчез. Немедленно в Ялту были брошены «службы поиска», которые вскоре обнаружили Германа и вернули в Форос (1).

Из речи Н. С. Хрущева:

Первыми дерзнули покинуть свою колыбель — Землю — и совершили триумфальные полеты в космос граждане Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов, делегаты XXII партийного съезда (28).

* В. И. Гаганова (р. 1932) — прядильщица, новатор производства, Герой Социалистического Труда. — *Прим. ред.*

Юрий Гагарин:

Душа моя рвалась в Кремлевский дворец. И море, и горы, и цветы как бы утратили свои краски, поблекли, и я впервые в жизни затосковал. Ранки заживали, но моя голова была еще забинтована. А как хотелось скорее попасть на съезд, где лучшие люди страны выступали с его высокой трибуны (2).

Николай Каманин:

Утром звонили Фрол Романович Козлов и маршал Захаров, оба интересовались состоянием здоровья Гагарина и тем, когда он сможет быть на съезде. Я ответил, что еще не менее недели Гагарин будет находиться в госпитале. 4 октября я написал доклад в ЦК и министру, где изложил обстоятельства происшествия и указал, что до 24—25 октября Гагарин будет соблюдать постельный режим. Все начальство, начиная с Хрущева, очень недовольно происшествием. Сегодня утром Вершинин мне сказал: «С космосом справились, а на Земле начудили». Из-за отсутствия Гагарина ни он, ни Титов не избраны в президиум съезда. Короче говоря, случившееся с Гагариным происшествие уже начинает сказываться, все наши противники будут пытаться использовать ситуацию и против ВВС, и против меня лично. 20 октября.

Американское радио передает, что Гагарина нет на съезде КПСС, потому что он заболел лучевой болезнью (9).

Юрий Гагарин:

Буржуазная пресса писала, будто я заболел какой-то «космической» хворобой, ходили слухи, что я разбился в автомобильной катастрофе (2).

А страна множилась слухами: и что он пострадал в драке, и что его сбила машина, и что он в пьяном виде упал с балкона многоэтажного дома! (18).

В прошлом месяце Гагарин отменил поездки в Италию и Индию в связи с точно не названной болезнью (27).

Врачи уже разрешили Гагарину сегодня ходить по палате, завтра — по зданию госпиталя, послезавтра — выйти на прогулку. 23-го или 24-го числа Юрию можно будет поехать на съезд (9).

Виктор Туровцев, инструктор ЦК КПСС:

В октябре 1961 года в недавно открытом Кремлевском дворце съездов состоялся XXII съезд КПСС. Я в то время работал инструктором отдела парторганов ЦК КПСС по союзным республикам. Дня за два до открытия съезда меня и моего сослуживца Женю Соколова пригласил к себе первый заместитель заведующего отделом товарищ Пигалев.

«Товарищи, — сказал он, — вам двоим предстоит выполнить одно очень деликатное и ответственное поручение. Вам известно, что с Юрием Алексеевичем Гагариным произошел несчастный случай. Так вот, сейчас товарищ Гагарин находится под наблюдением врачей. Но он избран делегатом XXII съезда партии и хочет принимать участие в его работе. Однако врачи не дают полной гарантии, что работа на съезде ему не повредит. Мы здесь в ЦК посоветовались и решили: товарищ Гагарин примет участие в работе съезда, но с некоторыми ограничениями. А именно — Гагарин будет приезжать к началу заседаний, но его будут подвозить не ко Дворцу съездов, а к входу в Большой Кремлевский дворец. Вам поручается встречать товарища Гагарина, постоянно находиться при нем и оказывать ему всяческое внимание» (18).

Николай Каманин:

Сегодня был у Гагарина, передал ему подарок от швейцарской часовой фирмы — золотые именные часы-хронометр (9).

«Но это еще не все, — продолжал Пигалев. — За несколько минут до начала очередного заседания съезда кто-то из вас должен провести товарища Гагарина по переходу из царских покоев Большого Кремлевского дворца во Дворец съездов, пройти с ним в зал заседаний и проводить его до места в зале. Далее кто-то из вас должен стоять у дверей зала заседаний и, как только объявят перерыв, быстрым шагом войти в зал, подойти к креслу товарища Гагарина и таким же быстрым шагом проводить его в помещение царских покоев. В перерыве им будут какое-то время заниматься медики, а затем вы обязаны будете создать для товарища Гагарина обстановку партийного товарищества, не забывая при этом о его героическом подвиге» (18).

Николай Каманин:

22 октября Гагарина впервые сфотографировали после травмы. Фотографии Юры с искусственной левой бровью по-

казали Козлову, Малиновскому и Хрущеву с просьбой разрешить Гагарину появиться на съезде. Ответа пока нет, но через мандатную комиссию съезда я все оформил и выпустил Юру в «свет» (9).

Съезд продолжался девять дней, но Гагарин появился день на пятый. Рана была очень заметна, приказано было не фотографировать его анфас. Пашка Барашев опубликовал потом в «Труде» коротенькую легенду о том, как Юра гулял в Крыму в горах с младшей дочкой на руках, оступился и, спасая ребенка, разбил себе голову. Впрочем, Пашке никто не верил (1).

Так, понял я про себя, мы будем провожатыми Юры. Ну что же, такое не каждому выпадает в жизни. «Но дело не в том, чтобы показывать товарищу Гагарину на его место в зале заседаний съезда. Это мог бы сделать кто-то из работников Кремля. Вам же выпало высокое доверие не просто сопровождать его, но, что самое главное, оградить от праздного любопытства, от попыток кого-то из делегатов приставать к нему с вопросами, с предложениями сфотографироваться вместе и т. п. Мы также дали команду телевидению и всем СМИ никоим образом не фотографировать товарища Гагарина. Но если вы заметите, что кто-то сфотографировал товарища Гагарина, вы имеете право взять фотоаппарат из рук делегата и засветить пленку. Все ли вам понятно?» — спросил Пигалев. «Да», — ответили хором мы с Женей (18).

На трибуну вышла старая большевичка Дора Лазуркина, которая при Сталине провела около десяти лет в лагерях. «Вчера я советовалась с Ильичом, — с растроганными чувствами сообщила она. — И он будто бы передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным» (29).

На XXII съезде КПСС была единогласно принята резолюция о выносе тела Сталина из Мавзолея. В ней откровенно говорилось о преступлениях Сталина. Кто же голосовал за эту резолюцию? Посмотрим список делегатов съезда. Старые большевики Е. Д. Стасова, А. В. Артюхина, маршалы Рокоссовский, Малиновский, Соколовский, Конев, легендарный герой Маресьев, космонавты Гагарин, Титов... (31).

Николай Каманин:

После дневного заседания на несколько минут забежал Юрий Гагарин. В газетах уже появились его новые снимки. Следы ранения на лице почти незаметны: бровь сделана очень искусно и хорошо маскирует надбровный шрам. Юра до сих пор сильно переживает случившееся, и, судя по его заверениям, он сумеет сделать правильные выводы (9).

Съезд принимает третью (и последнюю) программу КПСС — программу построения коммунизма. 1980 год видится из 1961-го новым обществом новых людей. Их должны воспитать 12 заповедей включенного в программу «Морального кодекса строителей коммунизма». На полпути к высшей формации для нее будут созданы экономические предпосылки: запланировано, что в 1971 году СССР превзойдет США и по абсолютному объему производства, и по производству на душу населения (20).

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза принял: Устав КПСС, который, в частности, содержал моральный кодекс строителя коммунизма. <...>

7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.

Николай Каманин:

4 октября.

Сегодня Гагарин прямо из госпиталя поехал на съезд. Я рекомендовал ему побыть там до первого перерыва и вернуться в госпиталь (9).

Стремясь оправдать жертвы и страдания предыдущих поколений, Хрущев провозглашает: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» (20).

Н. Хрущев, политик года-1957 по версии журнала Time:

Политики везде одинаковы: они обещают построить мост там, где и реки-то нет (20).

Н. С. Хрущев:

Я хочу сказать, что не надо упрощать, как некоторые упрощают коммунизм, считают его вроде анархическим обществом — сегодня человек здесь спит, кушает, а завтра будет в другом месте спать и кушать. Ничего подобного этого при коммунизме не будет, при коммунизме будет порядок, иначе это будет бродячее стадо людей, а не организованное коммунистическое общество. Об этом надо сказать, потому что еще есть обывательское представление о коммунизме, опошление его, отсюда и общие одеяла и пр. и пр. Нет, это будет организованное дисциплинированное общество, оно будет обеспечено всем, в чем люди нуждаются. Но если человек скажет: «дай мне птичьего молока», то ему можно сказать, что ты — дурак (22).

Завоевание космоса накрепко связалось тогда с построением коммунизма. <...> А вы вспомните! Для фанатов фантастики вообще сложилась четкая параллельная хронология: исследование гигантских планет Солнечной системы — это коммунизм в одной, отдельно взятой стране и мировое разоружение. Начало межзвездных перелетов, отмена границ и денег во всем мире. Интенсивное исследование Галактики — развитой всепланетный коммунизм... А те, кто таких изысков ведать не ведал, они же этим все равно дышали. Каждый новый полет ощущался не как победа в спорте и даже не как наращивание технического и военного могущества, но самое главное как несомненный признак того, что идет движение в будущее, к общей справедливости и общему счастью. В газетах это состояние называлось коммунизмом, но людям до названий и дела не было, плевать им на названия! Целью были общая справедливость и общее счастье. Идет движение! Шаг за шагом! Если мы луноход послали, значит, скоро здесь, на Земле, жизнь у всех у нас станет добрее и честнее. Поэтому космос так волновал всех (23).

Гагарин мечтательно проговорил:

— Сегодня нас, космонавтов-коммунистов, на съезде — девять. А через год, через два, через десять? А знаете, когда-нибудь через много-много лет состоится очередной съезд партии. И вот там внизу будут сидеть делегаты, прибывшие с Луны, Марса и Венеры (24).

Глава тринадцатая
ГАГАРИН И ЕГО ТЕНЬ

Чтобы составить представление о жизни Гагарина в те семь лет, что прошли между его космическим полетом и гибелью, бесполезно просмотреть до слез смешной до сих пор фильм Г. Данелии «Тридцать три» (1965), в котором описана гротескная история рабочего Травкина из поселка Верхние Ямки, в одночасье ставшего самым популярным человеком в стране, а затем и в мире. У него обнаружен тридцать третий зуб: уникальная особенность, благодаря которой перед человечеством наверняка откроются самые радужные перспективы.

Радио, телевидение, газеты раздувают вокруг Травкина истерию. Его жизнь превращается в непрерывное турне; он вызывает обожание обывателей, его привозят в родной городок на правительственной «чайке», он — главная звезда новогоднего «Голубого огонька»; сотрудник местного музея пытается приобрести у жены права на его череп; комичная, нелепая по самой своей природе слава растет как снежный ком (пока не выясняется, что Травкин стал жертвой диагностической ошибки некомпетентных дантистов и зубов у него все-таки столько, сколько положено). При чем здесь Гагарин? Сейчас, пожалуй, и не догадаешься, а в 1965-м было очевидно, что «Тридцать три» — сатирическая комедия, высмеивающая культ космонавтов*.

* Самое удивительное, что космонавты не просто обиделись на выпад в свой адрес («они считают, что данный фильм принижает заслуги космонавтов», — записывает в дневнике Каманин (9); и особенно болезненно было воспринято ими даже не обвинение в «зазнайстве», а акцент на комичности дефицита непосредственно героического события: подумаешь, слетал в космос на полтора часа — все равно что тридцать третий зуб), но поднялись в контратаку. Гагарин и Леонов явились к Каманину и попросили его принять меры по запрещению выпуска этого фильма. Каманин, как и все остальные, прекрасно понял, о чем фильм, однако обращение не поддержал и фильм счел неоскорбительным. Личное интервью автора этой книги с А. А. Леоновым убеждает в том, что «Тридцать три» до сих пор действует на противников как красная тряпка на быка. «Конечно, это гротесковый фильм завистника вот этого... Конечно, все это имелось

Авторы фильма не то чтобы намекают на то, что все космонавты — самозванцы, но дают понять, что, какими бы значительными ни были совершенные ими вселенские подвиги, достоинства их самих как личностей абсурдно раздуты, а те почести и привилегии, которые им достались, чересчур велики. И, уж в любом случае, тот, кто слишком долго живет на дивиденды от однажды совершенного подвига, выглядит смешным и жалким. Естественно, в какой-то момент в фильме Травкину попадает на глаза метафорическое зеркало: клетка с белкой в колесе.

Есть мнение, что если послеполетная жизнь Гагарина и представляет какой-либо интерес, то не для биографа, а для историка, исследующего повседневную жизнь советской элиты в 1960-е. Ведь после 1961 года Гагарин превратился в живой сувенир, а вся его деятельность, по сути, сводилась к тому, что он высаживал елочки, разрезал ленточки, целовался с королевами и киноартистками, ну и, по вечерам, прокручивал дырки в кителе для новых орденов; разве нет? Подобного рода представления стали возникать вовсе не задним числом; уже в 1963 году Гагарин и другие успешные к тому времени слетать космонавты подвергаются резкой критике собственного начальства: «кушают, как верблюды», «стригут купоны», «присваивают чужой труд», «не пишут, а только подписывают», «работать не хотят», «занимаются тунеядством», «надо решить, какие у нас космонавты — разового или многоразового действия» (9).

И, конечно, несмотря на то, что Гагарин тщательно контролировал себя, чтобы никто не мог обвинить его в «зазнайстве», трудно было не увидеть, что Гагарин изменился.

«В 1961 году перед полетом в космос Гагарин был старшим лейтенантом и имел вес 64 килограмма. Через три года он стал полковником, депутатом Верховного Совета, членом ЦК ВЛКСМ и почетным гражданином десятков городов. Он заметно пополнил (до 72—73 килограммов), немного обрюзг, перестал систематически заниматься спортом» (9). Он раскатывает по Москве на красном французском гоночном автомобиле (который в какой-то момент пришлось перекрасить в черный цвет; красный выглядел слишком вызывающе даже для первого космонавта). Он завсегдай «Голубых огоньков» — и вся страна наблюдает, как он снимает на портативную кинокаме-

в виду, абсолютно даже нечего говорить». — И вы, правда, пошли с Гагариным к Каманину жаловаться? — «Мы сказали о своем мнении, но не просили и не могли просить, чтобы... Но он подлец, конечно» (2).

ру, немыслимый по тем временам гэджет, эстрадных артисток. Он привозит из-за границы горы подарков, в том числе «веселые» — то есть раздражающие невъездных — сувениры: взрывающиеся сигареты (прикуривший оказывается засыпан табаком; реплика Юрия Алексеевича: «Забыл? У нас не курят!») и ручки с выплескивающимися на одежду чернилами (которые, впрочем, вскоре исчезают без следа). Он всегда при деньгах — и с видимым удовольствием угощает знакомых дорогим алкоголем, не глядя на буфетные и ресторанные наценки. Леонов так описывает гагаринскую экономику: «Как полковник и командир отряда он получал 380 рублей. За полет в сложных условиях платили по два рубля в минуту, в простых условиях — рубль. То есть за эти полеты было еще ну рублей 150—180 в месяц» (3).

На самом деле, Леонов, скорее всего, ошибается. В 1962 году был принят секретный документ о размерах должностных окладов, в котором сказано, что для просто космонавтов он составляет «до 350 рублей», для «инструкторов-космонавтов — до 400 рублей; для старших инструкторов-космонавтов — до 450 рублей» (4). Гагарин был старшим инструктором. Более того, у Каманина в «Скрытом космосе» приводится выписка из зарплатной ведомости, из которой следует, что со всеми надбавками Гагарин получал до 640 рублей в месяц — во времена, когда зарплата первого секретаря ЦК КПСС составляла 800 рублей. Сведения датированы мартом 1962 года (9), когда Гагарин был еще майором; то есть суммы надбавок за выслугу лет и звание в дальнейшем ошутимо увеличились. Время от времени Гагарину давали денежные премии, а еще его делали своим наследником разные люди. Например, в декабре 1967-го «подданная Соединенных Штатов Роджерс (штат Калифорния), умирая, завешала по три тысячи долларов Гагарину и Титову» (9). Однако, поскольку все отношения с границей контролировались, использовать эту валюту Гагарину не удавалось: он сдавал ее государству (официально это называлось «передать средства в Фонд мира»).

Он становится разборчивым в том, что касается одежды; носит хорошие костюмы, — есть фотографии, на которых их даже можно назвать шикарными — галстуки, шляпы, длинные пальто, темные очки; те, кто имел возможность наблюдать за ним до и после полета, отмечают, что «Юра стал франтом» (11). Нет-нет, ничего слишком экстравагантного, однако тирольская охотничья шапочка привела его преподавателя из Академии Жуковского в некоторое изумление (12).

Он заядлый бильярдист. Он азартный болельщик. Он спец по шашлыку. Он эксперт по русской бане и финской сауне. Он

охотник, о чьих трофеях складываются легенды. Это уже не «элементы сладкой жизни» — это она, сладкая жизнь, и есть.

Словом, если вас раздражал Гагарин и у вас было право голоса, — вы имели много поводов сказать ему, что он «кушает, как верблюд», «занимается тунеядством» и т. д.

Автору всех этих обидных формулировок генералу Одинцову трудно было осознать, что быть звездой, радовать собой людей — и делать все, чтобы энергия этой радости не уходила в космос, а работала на благо государства, — все это и вправду было работой. Советский Союз 1960-х был страной, испытывавшей колоссальный дефицит потребительских товаров; это означает, что люди жили в условиях перманентного товарного голода. При этом государство нуждалось в их труде, но расплачиваться за него не могло. Обмен был очевидным образом неравноценен — и чтобы сгладить раздражение, требовалась социальная смазка. Именно в таком качестве и использовали Гагарина — потому что он был живым доказательством того, что деньги, недополученные гражданами и экспроприированные в пользу государства, были не украдены, а потрачены по назначению — на укрепление оборонного потенциала, на создание положительного образа страны, на инвестиции в технологии. И поскольку подобного рода пропагандистских инструментов — которые по-настоящему убедительны и которые не девальвируются со временем — было немного, пользовались им на 200 процентов.

Надо поддержать узбекских хлопкоробов? Гагарин. Съездить на похороны погибших на атомной подлодке моряков и объяснить вдовам катастрофу? Гагарин. Разнести в пух и прах художников-абстракционистов и писателей-нонконформистов? Гагарин. Произнести речь в ООН о недопустимости засорения космоса металлическими иголками и призвать к ответу американскую военщину за совершенную диверсию? (13). Гагарин. Стать почетным судьей на первых в СССР шоссейно-кольцевых гонках? Гагарин. Принять участие в работе трех съездов комсомола, в шестидесяти заседаниях ЦК ВЛКСМ — и на каждом из них выступить с приветственной речью? Опять же он.

Высаживал, значит, елочки и разрезал ленточки? Да, именно так. Чтобы дать представление о том дольче фар niente, которое практиковалось им после полета, опишем вкратце, например, его поездку в Мурманск — предпринятую в декабре 1965 года под не вполне естественным на сегодняшний взгляд предлогом: самолично вручить Мурманскому обкому ВЛКСМ переходящее Красное знамя за шефство над Северным флотом. Разумеется, тур на Север состоял не из одного мероприятия, а из целой цепочки — и растягивался на четыре-пять дней.

Из обкома комсомола Гагарин переезжает на атомный ледокол «Ленин», потом на рыбокомбинат, потом в морской торговый и рыбный порты, потом на траулер «Поллукс», потом на транспортный рефрижератор «Алексей Венецианов», потом идет на экскурсию в краеведческий музей, встречается с комсомольско-пионерским активом Мурманска во Дворце культуры. Переезжает из Мурманска в Североморск, проводит мероприятия в нескольких воинских частях, выходит в море на атомной подводной лодке К-35.

О том, до какой степени изматывающими были эти турне, можно судить по кое-где всплывающим воспоминаниям очевидцев. Помимо официальной программы все время возникали «левые», стихийные мероприятия: все хотели позвать Гагарина, а он не всегда мог отказывать; или даже не мероприятия: просто люди узнавали его — набрасывались с объятиями, выцыганивали автографы — и глазели.

Так, после посещения атомного ледокола «Ленин» — а встреча с командой длилась до десяти вечера — ему, по просьбе моряков-пограничников, пришлось переехать на корабль «Алмаз» и на протяжении трех часов, до двух часов ночи, рассказывать им о космосе и отвечать на очередные, не исключая идиотские, вопросы дотошных романтиков звездного неба. «Используются ли вторично корабли или делаются новые?», «Слышно ли в корабле, как попадают в него метеориты?» (14).

Затем его отвезли в гостиницу, а в шесть утра он уже выезжает на следующую серию встреч, в поселок Заозерный.

«На дороге гололедица, темно, метет поземка. В первой машине командующий Северным флотом адмирал флота М. С. Лобов и Гагарин. Машины едут медленно, на поворотах и спусках заносит, на подъемах буксуют. Кто был на Севере — знает, что зимой на обочины дорог с оживленным движением, как правило, насыпают кучи песка или гравия. А на наиболее скользких и крутых подъемах даже дежурят небольшие, по два-три человека, бригады рабочих, которые эту отсыпку делают сами. На одном из таких подъемов машина забуксовала. Трое уставших рабочих, точнее работниц, начали отбивать песок от замерзшей кучи и не торопясь бросать на дорогу. И тут из машины выскочил Гагарин и со словами: “Девчата, давайте помогу” — выхватил у одной из женщин лопату.

— Что ж, соколик, помоги, — ответила одна из них.

Вслед за Гагариным вышли из машин и мы и взялись за лопаты. Освободившиеся от работы женщины смотрели на нас и приговаривали, какие внимательные и работающие мужики стали. Через пять минут машины медленно пошли в гору. Возвращая лопаты, мы стали прощаться с женщинами. И

вот когда Юрий Алексеевич подал свою лопату немолодой работнице, та его узнала.

— Гагарин!!! — эхом понесся в сопках ее крик.

Она бросилась обнимать его. Ее подруги, увидев, что это действительно первый космонавт, последовали ее примеру. Они долго не отпускали Гагарина. По просьбе женщин он каждой из них подписал свою фотографию» (15).

То же самое, разумеется, происходило вовсе не только в рабочих поездках. Крым, Гурзуф, летний кинотеатр. Он знает, что светиться нельзя — набросятся, и поэтому днем ходит в широкополых шляпах и темных очках*. Наступает, однако, вечер, и очки приходится снять; в низко надвинутой на глаза шляпе тоже в зале сидеть странно; его мгновенно узнают — люди выстраиваются вокруг него, как железные опилки по силовым линиям магнита. Образуется живое кольцо; самые робкие просто глязуют, те, кто побойчее, требуют автограф и позволения сфотографироваться с ним, самые отчаянные — умоляют выступить с рассказом перед отдыхающими. Он выступает, его опять спрашивают, как там насчет метеоритов, слышно или нет в космосе. Проще все отрицать. «Ни одного пробоя, ни одного более или менее серьезного попадания в корабли не было. Ни одного раза не слышали», — отвечает он с улыбкой (попробуй не улыбаться — мгновенно обвинят в «зазнайстве»); попробуй не сфотографироваться — наступат; однажды в президиум на каком-то мероприятии, где он присутствовал, передали записку «Просим обратить внимание на поведение космонавта Гагарина. В перерыве он отказался сфотографироваться с нами» (17)). Дальше — девушки с букетами, их надо поцеловать, иначе обидятся; потом администрация пытается договориться, чтобы на следующий день космонавт посадил дерево в их парке и отобедал с директором, и еще автограф для жены...

Это было не исключение, а стандартная схема; как и всяким людям, вложившим в другого человека любовь, всем этим курортникам кажется, что он тоже находится в долгу перед ними.

Может быть, сначала, в 1961-м, он и мог плавать в «океане человеческого преклонения» (9) 24 часа в сутки, с удовольствием; но позже чувствовал, что такого рода купания вытягивают из него силы, так что, возвращаясь домой, он вывешивал

* В тех случаях, когда нужно было пройти через какого-нибудь вахтера, он гарун-аль-рашидовским жестом опускал их на нос и, улыбнувшись своей улыбкой, спрашивал что-нибудь вроде: «Отец, ты что же это, своих не узнаешь?» У вахтера отпадала челюсть (16).

на дверь табличку *Do Not Disturb**. Только вот кто обращал на нее внимание? Не постучишься — нечего будет рассказывать внукам; и к нему стучали — женщины, пионеры, партработники, гаишники**, иностранцы: «Юр'Алексеич?»

Соответственно, Звездный городок с его пропускной системой был для него не только местом работы и жительства, но и резервацией, где вокруг него не вскипала человеческая масса; одно из очень немногих мест, где он мог более-менее нормально функционировать. Но и там его могли достать по телефону; трубку обычно брала жена — но даже она не могла защитить его от звонков из МИДа, из ЦК, из Министерства обороны. Приезжайте туда-то, выступите там-то, встретьтесь с тем-то, подпишите то-то.

В круг его «представительских» обязанностей входило не просто откликаться на приглашения от разного рода органов и присутствовать на мероприятиях, но и выступать на них с речами. Можно представить себе, как он вымучивал из себя все эти приветствия. «Дорогие товарищи! <...> — Я счастлив тем, что мне представилась возможность выполнить большое, очень почетное поручение и передать привет капитанам хлопковых кораблей от капитанов космических кораблей. Мне очень приятно присутствовать на совещании, которое обсуждает такие важные интересные вопросы. Если вкратце оценить выступления, которые были здесь вчера, которые прозвучали сегодня, то все они отражают желание молодых тружеников полей получить как можно больше хлопка, как можно лучше и рациональнее собрать урожай, дать стране больше “белого золота”... — Главное — любите технику. Относитесь к сельскохозяйственным машинам так же заботливо, как космонавты к звездным кораблям... Космонавты, ученые, инженеры, рабочие-специалисты, создающие мощные ракеты и обеспечивающие их успешный полет, не пожалеют сил и создадут новые космические корабли. Космическое пространство осваивается для того, чтобы оно служило человеку!»

Собственно, именно на такие, гагаринские прежде всего, речи — гайдаевская пародия про «космические-корабли-борздыт-Большой-театр». «Гагарин, подняв правую руку, ска-

* Не беспокоить (англ.). — Прим. ред.

** У Гагарина была своя система, с помощью которой он уклонялся от гаишников, которые не желали упускать свой шанс пообщаться с первым космонавтом и непременно останавливали его машину, якобы лишь потом догадавшись, кто перед ними. «Попадая по делам в Москву, Юра старался вести машину так, чтобы от светофора до светофора проскочить на зеленый свет. Если же случалось, что регулировщик путал вдруг его расчеты и красный свет загорался, когда он был у перехода, Юра прятал голову под руль, делая вид, что ему надо устранить какую-то неполадку» (18).

зал: «И в заключение. Урожай у вас в этом году будет хороший. Обязательства вы взяли высокие. Задор у вас боевой. Так позволите пожелать вам самых больших успехов в труде и в личной жизни» (19). Кажется, что все эти ритуальные заклипания можно было проговаривать на автомате — однако есть множество свидетельств, что Гагарин подходил к своим выступлениям ответственно и всегда готовился, даже к самым незначительным встречам. Сохранился рассказ (5) одного комсомольского работника о том, как Гагарин угодил в Смоленск на какую-то комсомольскую конференцию и его заставили выступать. Времени оставалось в обрез, и ему всучили готовый текст — просто чтобы прочел с выражением. Он, однако, просмотрел проект доклада и отказался: «С этим выступать не буду!» Как же так, начинает оправдываться функционер, мы же всё тут упомянули, и новые задачи комсомола, и анализ деятельности областной организации, и примеры убедительные. Гагарин не спорит, но все равно отказывается: «На трибуну с такой речью не пойду, не пойду-у!.. Мне не поверят. Не могу я так говорить». И он садится и ночью пишет себе доклад, основной массив которого — да, идеологические штампы («Успехи социализма, естественно, вызывают стремление буржуазных идеологов морально разоружить нас... Они стремятся разложить молодежь, оторвать от родной партии, спекулируя на наших трудностях и недостатках...»), однако речь его оживает за счет язвительных примеров, которые он успел накопать, сам, без чьей-либо помощи. «Я не открою секрета, если еще раз скажу, что нам нужно научиться работать не вообще, а конкретно с каждой категорией населения — возрастной, профессиональной, социальной. Но разве это не смешно, когда одну семнадцатилетнюю первокурсницу из пединститута, такую хрупкую девушку, прикрепили к хулиганствующему лоботрясу, на год старше ее? Да еще посоветовали ей — ходи с ним в кино, на танцы и вообще как можно больше будь с ним, влияй на него, мол, денно и нощно. А у нее довольно ревнивый друг, ему тоже хочется ходить с ней в кино и на танцы».

Гагарин был сложной личностью — и тонким инструментом, посредством которого власти СССР осторожно и по возможности аккуратно манипулировали сознанием своих и чужих граждан; однако в те моменты, когда требовалось забить этим микроскопом гвоздь, никто не испытывал никаких особенных угрызений совести; его просто брали — и шарашили им по шляпке.

О том, как именно использовали Гагарина — с нюансами,

можно понять, например, по сюжету о его отношениях с поэтом Евгением Евтушенко. История, неприятная во многих отношениях, дает представление и о социальном статусе Гагарина, и о том, насколько самостоятельной фигурой был «сын голубой планеты» — и насколько далеко простирались его возможности.

Евтушенко был поп-звездой — не как «Битлз», конечно, но весьма значительной и уже тогда до некоторой степени конвертируемой: этой фамилией могли козырять в западных газетах, когда надо было подчеркнуть, что Гагарин — совок и раб системы. Евтушенко представлял некую не то чтобы диссидентскую — чего уж такого диссидентского в поэме «Братская ГЭС»? — но полуофициальную линию. Его стратегия состояла в том, чтобы вести себя непоследовательно: оставаясь гражданином СССР и декларируя себя как человека стопроцентно «советского», он критиковал страну за рубежом, после чего каялся — и в следующий выезд опять артикулировал чересчур либеральные идеи. Естественным образом, многочисленные нюансы этих его сложных отношений с «режимом» служили главным источником для его «гражданской поэзии».

Гагарин рано или поздно пересекался практически со всеми суперзвездами советского шоу- (в широком понимании) бизнеса. Еще с саратовских времен он обошел ходить не только «в кино и на танцы», но и на спектакли и концерты — и был благодарным зрителем, всегда очень бурно реагирующим на происходящее на сцене. В круг его знакомых — в диапазоне от близких друзей до эпизодических, но ярких встреч — входили композитор Александра Пахмутова и ее муж поэт Николай Добронравов, куплетисты Шуров и Рыкунин, бард Владимир Высоцкий, диктор Юрий Левитан, эстражник Аркадий Райкин, драматический актер Вячеслав Тихонов, лауреат Нобелевской премии по литературе Михаил Шолохов, певцы Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Лариса Мондрус, Эдита Пьеха, комики Авдотья Никитична (В. Тонков) и Вероника Мавриковна (Б. Владимиров). Ему очевидно льстило внимание советской артистической элиты — и он очень охотно контактировал с ее представителями.

В какой-то момент он пересекался и с Евтушенко — который, разумеется, не обошел стороной космическую тематику. Стихи — понятные, пламенные, без особенных выкрутасов, да еще в исполнении Евтушенко, который на сцене завораживает кого угодно, — Гагарину наверняка нравились. Казалось бы — чего делить этим двоим, если никаких личных поводов для конфликта между ними не было. Однако ж параллельными эти прямые не остались.

«В 1963 году Евтушенко опубликовал в западногерманском журнале “Штерн” и во французском еженедельнике “Экспресс” свою “Преждевременную автобиографию молодого человека”. В ней он рассказал о существовавшем антисемитизме, о “наследниках” Сталина, писал о литературной бюрократии, о необходимости открыть границы, о праве художника на разнообразие стилей вне жестких рамок соцреализма» (6).

Как должно реагировать на это хрущевское государство? В лагерь — уже не те времена. Лишить гражданства и выслать за границу — еще не те. Механизм работал следующим образом. Некто из ЦК комсомола звонит Каманину — пусть Гагарин с Титовым подпишут коллективное письмо комсомольцев, о том, что молодежь протестует «против попыток извратить в искусстве и литературе советский реализм, скатывания некоторых авторов на позиции абстракционизма» (9). Гагарин подписывает: да, возмущен, и не только живописью, но и музыкой, мне отвратительны все эти истеричные вопли и завывания — как их там, «твист», да? * Этого мало — звонят еще раз: не просто подмахни, а сам напиши гневную отповедь, ведь проштрафился же — ну так пусть получает. Чтобы понятно было, что его не левиафан ругает, а реальный народ, легальным представителем которого ты являешься. Так появляется текст Ю. А. Гагарина «Слово к писателям» (20): «Что можно сказать об автобиографии Евгения Евтушенко, переданной им буржуазному еженедельнику? Позор! Непростительная безответственность!»

На этом «травля» Евтушенко не заканчивается.

Гагарин выступает на Всесоюзном совещании молодых писателей: «Я не понимаю вас, Евгений Евтушенко. Вы писатель, поэт, говорят, талантливый. А вы опубликовали в зарубежной прессе такое о нашей стране и о наших людях, что мне

* О том, что Советский Союз был настоящей сверхдержавой, можно судить по тем фактам, что американские газеты отводили чуть ли не целые полосы под статьи, в которых описывались эстетические разногласия советских граждан. *Washington Post*, 22 декабря 1962 года: «Гагарин присоединяется к перебранке относительно современного искусства. Москва, декабрь, 21. Советский космонавт Юрий Гагарин сегодня присоединился к русским критикам абстрактного искусства и “завывающей и истеричной музыки твист”. В письме в молодежную коммунистическую газету “Комсомольская правда” первый русский космонавт подверг порицанию “художников и композиторов, ищущих дешевой популярности и стремящихся создать себе репутацию новаторов”. Авторы заявили, что они не могут молчать, когда “такие творения вызывают запор в чистом течении советского искусства (7)”». *The New York Times*, 9 мая 1963 года: «Гагарин поддерживает нападки на писателей! Советский космонавт присоединился к хору критиков, поносящих популярных неконформистских писателей Yevgeny Yevtushenko, Vasily Aksyonov and Andrei Voznesensky».

становится стыдно за вас. Неужели чувства гордости и патриотизма, без которых я не мыслю поэтического вдохновения, покинули вас, лишь только вы пересекли границы Отечества? А ведь без этих чувств человек нищает духом... обкрадывает свое творчество... В своей недоброй памяти "Автобиографии" Евгений Евтушенко хвастается тем, что он, дескать, никогда не изучал никакой электротехники и ничего не знает об электричестве. Нашел чем хвастаться! С каких это пор невежество порою возводится в степень некой добродетели?» (21).

Теперь предоставим слово Е. А. Евтушенко: «Кстати, однажды произошел очень любопытный случай с Юрием Гагариным. Он выступал в Союзе писателей и сказал про меня, что как это поэт может говорить, что не понимает природы электричества? Мы же все образованные люди. Тогда поднял руку академик Капица и сказал: "Юрий Алексеевич, мы просим вас, если вы знаете, раскройте, наконец, секрет электричества всему человечеству, потому что я всю жизнь бьюсь над разгадкой этой тайны и до сих пор почти ничего понять не могу!" Гагарину стало неловко, и он потом передо мною даже извинился» (23).

«К слову, Евтушенко на Гагарина за эти слова не обидится и спустя год примет его приглашение выступить в Звездном городке» (22). После обструкции, устроенной ему в советских СМИ в марте 1963 года, поэт Евгений Евтушенко находился в глубокой опале. Как вдруг сам Юрий Гагарин <...> пригласил его выступить в Звездном городке 12 апреля 1964 года на вечере, посвященном Дню космонавтики. Евтушенко согласился, поскольку устал от опалы и хотел реабилитироваться в глазах публики (этот вечер должны были транслировать в прямом эфире по ТВ). Однако приход поэта завершился громким скандалом. Вот как об этом вспоминает сам Е. Евтушенко:

«Я очень волновался и взад-вперед ходил за кулисами, повторяя строчки главы "Азбука революции" <из поэмы «Братская ГЭС»>, которую собирался читать. Это мое мелькание за кулисами было замечено генералом Мироновым, занимавшим крупный пост в армии и в ЦК.

— Кто пригласил Евтушенко? — спросил он у Гагарина.

— Я.

— По какому праву? — прорычал генерал.

— Как командир отряда космонавтов.

— Ты хозяин в космосе, а не на земле, — поставил его на место генерал.

Генерал пошел к ведущему, знаменитому диктору Юрию Левитану, чей громовой голос объявлял о взятии городов в Великую Отечественную, показал ему красную книжечку и по-

требовал исключить меня из программы концерта. Левитан сдался и невнятно пролепетал мне, что мое выступление отменяется. Я, чувствуя себя глубочайше оскорбленным, опрометью выбежал из клуба Звездного городка, сел за руль и повел свой потрепанный “москвич” сквозь проливной дождь, почти ничего не видя из-за дождя и собственных слез. Чудо, что не разбился. Гагарин кинулся за мной вдогонку, но не успел. “Найдите его, где угодно найдите...” — сказал он двум молодым космонавтам. Они нашли меня в “предбаннике” ЦДЛ, где я пил водку стаканами, судорожно сжимая непрочитанные машинописные листочки... <...> с Гагариным я больше никогда не виделся...»

Очень любопытная психологически ситуация. Интересно, что Гагарина можно было смутить, любопытно, что он и выполняет приказы науськивающих его кураторов — и извиняется перед объектом травли. Он ведет себя не так, как от него ожидаешь; и это означает, что, на самом деле, несмотря на обилие анекдотов о нем, мы очень плохо понимаем, что на самом деле происходило в голове у Гагарина в 1960-е годы.

Вот как, например, он переживал свое ставшее вскоре очевидным всему миру вранье про приземление в спускаемом аппарате? Что думал о Титове, который после полета стал избегать его — так и не простив, по-видимому, упущенное первенство? Не планировал ли развестись с женой, не хотел ли завести сына? Прочел ли он «Один день Ивана Денисовича» и «Над пропастью во ржи», и при каких обстоятельствах впервые услышал «Битлз», и нравился ли ему Шон Коннери в роли Бонда? Что чувствовал, когда попадал в среду, где окружавшие его организмы не испытывали благоговения перед его биографией — и третировали его как всего лишь продукт «совка»?

Каким бы «простым» ни был Гагарин, он не был примитивным — и что было внутри этой по-своему сложной натуры, как именно он «матерел», как задубевали клетки его души — вот это интересно.

Любопытнейший материал для ответа на эти вопросы может дать внешнеполитическая деятельность Гагарина — его дальнейшие, уже после английского триумфа, заграничные поездки.

Если в первые месяцы после полета его возили по миру скорее в качестве ярмарочного медведя — то был круг почета, в котором от него мало что требовалось, да он и сам не мог предложить ничего особенного — то впоследствии жанр этих поездок несколько изменился.

Кишащая скрытыми угрозами и непредсказуемыми иностранцами, которые в любой момент могли выкинуть что-нибудь подозрительное — подарить катер или автомобиль*, предложить искупать слона или съездить в варьете на танец живота — «заграница» уже не была для него тотально чужой, хуже космоса, средой. Он перестает быть похожим на персонажа советской кинокомедии, архетипического советского

* Гагарину постоянно что-то дарили — и если его квартира казалась гостям «уникальным музеем даров народов мира» (13), то сам список даров напоминает борхесовскую энциклопедию китайского императора: набор предметов, организованных по загадочному принципу и оказавшихся в одном месте по непонятным критериям. Чтобы читатель почувствовал вкус этого списка, мы просто приведем список объектов, которые в разное время были подарены Гагарину — и о которых обнаружили упоминания в источниках.

Австралийский бумеранг, рудничная лампа, эльзасская кукла, золотой, украшенный семью бриллиантами — и свидетельствующий о прохождении пилотских курсов — значок *Les Aiglons d'Ivry*, медвежья шкура, пистолет, фигура литейщика, афганский столик из ляпис-лазури с изображением Луны и полета на нее советского космического корабля, глобус без Америки, гигантский омар, попугай ара, не говорящий голосом хозяйина, но имеющий обыкновение хвалить себя вслух («Лора хорошая, красивая»), трость из пальмирового дерева, покрытая прозрачным лаком («...в верхней ее части были вырезаны миниатюрный портрет космонавта и надпись на русском языке. Мастер, изготовлявший этот подарок, при работе пользовался фотографией Юрия Гагарина, выпущенной Изогизом. В этом я убедился, внимательно рассмотрев орнамент на палке: повыше портрета был вырезан небольшой щит с надписью “Изогиз”» (9)), кованный серебром щит (символ города Асуан в борьбе за свободу и независимость арабского народа), аккордеон «Melodia III» производства завода «Гармоника» (ЧССР), оригинал рисунка Херлуфа Бидструпа: «Дания снимает шапку перед советским героем космоса», мантия (просторный халат из дорогой ткани в полоску), перьевые украшения на голову, серебряный портсигар, много лет передававшаяся из поколения в поколение в семье греческой женщины Ефросинии Милонаку монета времен Александра Македонского, набор кубинских сигар (от Ф. Кастро), гирлянда «журавликов мира» (от детей Хиросимы), белое кимоно, покрытое лозунгами борьбы за разоружение, головная повязка с надписью «За мир», катер (на шесть спальных мест с тентом и стосильным мотором), каска пожарного Управления пожарной охраны шведского города Мальме, серебряный глобус со спутником, персидский кот, ажурная шкатулка из чугуна каслинского литья, деревянная шкатулка с узорами, выпиленными учениками спецшколы для слепых детей лобзиком, портрет афганского короля с автографом, набор каракуля на шубу и ковер.

Дальнейшие судьбы этих даров могли быть невероятно причудливыми; так, зимой 2010 года автор этой книги обнаружил в Дарвиновском музее в Москве действительно гигантского омара, подаренного Гагарину в Америке. Экспонат сопровождался объяснительной табличкой, из которой следовало, что Гагарин подарил омара конструктору В. Глушко, Глушко — некоему А. Елисееву, а тот — отдал в музей; жалко, что нам неизвестно, в каких выражениях дарители преподносили своим контрагентам это существо.

человека, Семен Семеныча Горбункова, который и рад возможности попутешествовать, но страшно боится любого незапланированного контакта, любого отступления от стандартного сценария — не дай Бог влипнуть в какую-то историю.

Он осознал, чего от него ждут, понимал, какие опасности его подстерегают — и уже не боялся совершить какой-либо *faux pas**.

Его больше не шокируют — подумаешь, невидаль — женщины с розовыми волосами.

Он интуитивно понимает, на чем можно давать автограф, а на чем нет: можно на окурке от «Лайки», нельзя — на долларовой купюре или фотографии какого-нибудь американца.

Его не смущает, когда музыкальный автомат в альпийском придорожном ресторанчике издает шипение, а затем произносит его собственным голосом: «Поехали!» — после чего транслирует песню какой-то местной рок-группы.

Он знает, как действует на публику его появление в белоснежном кителе и белых же брюках — так называемой «тропической форме для жарких районов», в которой никто, кроме него, не ходил (45). «Страшной силы, — применяя свое излюбленное выражение, пошутил Юрий Алексеевич» (31), — и он научился носить этот странный, невиданный для советского офицера костюм так, чтобы не выглядеть ряженым, — с достоинством.

Он привыкает к тому, что мальчишки, лезущие под колеса его кабриолетов, демонстрируют ему стрижки «под Гагарина» (и, если уж на то пошло, девушки — прически «Полюби меня, Гагарин!»: косички с бантиками набор (32)).

Что в городе, куда он приезжает, часто объявляют выходной день.

Что там, где нет электричества, тысячи людей выстраиваются вдоль его пути и держат в руках факелы и свечи — чтобы ему было светло.

Что ужины состоят из шести перемен блюд, а приносят их слуги на золотых подносах.

Поднабравшись опыта, он смог эволюционировать от кунсткамерной диковинки в сторону настоящего дипломата, чья задача — «укреплять дружбу между народами», ну или, по крайней мере, пропагандировать не тот образ СССР, который навязывали ему геополитические противники, а другой, более привлекательный.

Чтобы визит в ту или иную страну оказался удачным, следовало соблюсти определенный декорум. Гагарин — надо по-

* Неверный шаг (фр.). — Прим. ред.

лагать, не без участия Каманина — разработал нечто вроде ритуального заклинания, которое магическим образом действовало на аборигенов; произносить его следовало по частям, каждую в свое время. На начальной стадии визита космонавт сообщал, что, во-первых, он некоторое время назад уже пролетал над этой страной («...Япония из космоса виделась, как и вся Земля, очень маленькой, точно затерявшийся в океане Вселенной островок. А она, как я вижу, не такая уж маленькая» (33) — и теперь хотел бы познакомиться с ее жителями поближе с чуть меньшего расстояния (запасной вариант: пролетал много где, но именно над этой страной, к сожалению, не довелось, и ровно поэтому ему хотелось бы все-таки ее увидеть). Во-вторых, в порыве откровенности Гагарин признавался, что приехать в страну X — «страну свободы и героизма» (если, например, это была Куба), «страну мужественных людей и давних традиций» (Финляндия) — было его «старинной заветной мечтой». Третьим пунктом шла благая весть: недалек тот день, когда жители и вашей страны тоже выйдут в космос (приняв, подразумевалось, дружески протянутую руку СССР). Затем следовал некий нейтральный, мало к чему обязывающий призыв: «Берегите нашу и вашу землю от тайфунов, от цунами, от войн!» Для финального аккорда приберегался тонкий комплимент: я поездил по вашей стране (городу, региону), здесь очень красивая природа, очень живописный ландшафт, очень вкусная еда — но что мне понравилось и запомнилось больше всего, так это люди. Вы и ваши соотечественники встречали меня так тепло, что знакомство с вами было самым главным событием в моей поездке.

Он мог и не говорить этого, но услышав эту музыку, туземцы таяли — и запоминали момент встречи с Гагариным на всю жизнь; он тем временем паковал в чемодан очередной комплект символических ключей от города.

Все эти спектакли невероятно бесили американских наблюдателей, которые комментировали их со всей едкостью, на которую были способны. «С момента своего знаменательного полета, — ерничала засекая его на Кубе *Washington Post*, — майор Гагарин останавливался во многих странных местах, над которыми он до того — якобы — просто пролетал. Финляндия, Британия, Болгария, Куба: нигде не упоминается о том, какое место для следующей поездки не входит в список его давних заветных мечтаний. Надо полагать, уж конечно, это не Соединенные Штаты: кубинское правительство, наблюдающее за утомительно односторонним характером воздушных сообщений между островом и США, уменьшило пассажиропоток до двух полетов в день, и майору Гагарину

придется записаться в долгий лист ожидания, чтобы заполнить место для полета в северном направлении» (35).

Всему свое время — Гагарину придется побывать в Нью-Йорке; об этой поездке мы тоже расскажем.

Освоив придворный этикет и сформировав базовые светские навыки, он легко принимает сложные подачи очень непростых собеседников. Он не смущается, когда Фидель обращается к нему с предложением поучаствовать в напоминающем оперетту диалоге. «Вчера Гагарин на протяжении 4 часов 47 минут сидел и слушал речи Кастро. В какой-то момент Кастро повернулся к нему и в шутку заметил, что он проговорил уже столько, что Гагарин за это время мог бы облететь земной шар два раза. “Всего лишь полтора”, — отвечал Гагарин. Кастро в ответ снова взялся за микрофон со словами: “У меня еще половина круга”» (34). Он экспромтом — когда цейлонский премьер-министр пожаловалась ему, что у нее недавно убили мужа, — сообщает, что горит желанием съездить к его могиле и возложить цветы — чем, разумеется, мгновенно завоевывает расположение сиятельной вдовы (40).

Он преодолевает всякую зажатость — и когда в Осаке его приглашают на сцену японцы, выряженные советскими трактористами, — чтобы вместе с ними спеть «Подмосковные вечера», он выходит и поет не ломаясь.

Он осваивает — очень быстро, уже к лету 1961-го — элементарный, но очень эффективный речевой трюк: запараллеливать местную, текущую тематику — с космической; иногда гагаринские конструкции выглядят настолько изощренными, что диву даешься его находчивости. Дарят ему англичане книгу Ньютона — он отвечает, что особенно это приятно потому, что его космический полет совершался по законам земного тяготения, открытым Ньютоном.

Приехав на ювелирный завод, он одаривает аудиторию уместным сравнением: «А ведь планета Земля — словно огромный бриллиант на ладони» (36).

Обедает в Каире наверху башни, в медленно вращающемся вокруг оси сооружения ресторане — что бы тут сказать? «Словно на центрифуге», — пошутил Юрий Алексеевич, присматриваясь к движущемуся за зеркальными окнами красочному пейзажу (31).

Встречается со строителями электростанции — пожалуй-ста: «И у вас, друзья, космические трассы: чтобы летать в космос, необходимо создать космический корабль, для этого нужен металл, а чтобы выплавить металл, нужны руда, уголь, электроэнергия...» (37).

Чем бы эдаким взять химиков? «Мы, космонавты, по ха-

рактору нашей профессии, может быть, раньше, чем кто-либо, сталкиваемся с химией в ее чудодейственном проявлении. Возьмите, к примеру, топливо, которое двигает наши ракеты...» (37).

Ну, хорошо — а вот, к примеру, бросили его на винные погреба? Какая связь между космосом и дегустацией марочных вин? «В этих подвалах большое обилие замечательных вин. Пожалуй, придирчивый человек найдет здесь вино по своему вкусу. Позвольте пожелать вам заполнить существующие подвалы обилием медалей за замечательные вина. Если для этого не хватит металла на Земле, обязуемся доставить с Луны или других планет. Большое спасибо работникам сельского хозяйства и виноделам за ваш благородный труд» (34).

Кубинская студентка — «королева красоты», «мисс фестиваль» — преподносит ему огромный букет цветов. Чмокнуть ее в щечку, приобнять — это понятно; ну а дальше? «Когда мне снова придется совершить посадку после космического полета, мне бы очень хотелось, чтобы местом такого приземления была широкая степь, на которой росли бы вот такие чудесные цветы. Я принимаю их как символ вечной молодости и дружбы» (39).

Поцеловавшей его Джине Лоллобриджиде он подписывает собственную фотографию: «Я был в небе, видел много звезд, но ты самая красивая из звездочек» (38).

Особой статьей были девушки — которые: а) дарили ему букеты; б) непременно хотели с ним поцеловаться. Разумеется, не такая уж тяжкая это епитимья — целоваться с девушками, однако публичное проявление сексуальности противоречило советским моральным нормам, и поэтому Гагарину приходилось сдерживаться, стоять, что называется, истуканом.

Гагаринская манера целоваться с поклонницами особенно четко видна на знаменитой фотографии, где запечатлен его контакт с Лоллобриджидой. Дело обстоит следующим образом: это ОНА целует его, а он подставляет щеку и, чтобы не провоцировать ее на слишком длинный сеанс, смотрит ей не в глаза, а куда-то в сторону, не делая ни малейшей попытки прикоснуться к ней губами. Разумеется, подобное поведение вызывало насмешки или, по крайней мере, сочувственные комментарии иностранных наблюдателей: «Он несомненно очень робок. Когда девушки протягивают ему цветы, он приобнимает их, однако при этом несколько отстраняется влево — так, чтобы не дотрагиваться до их щек своей щекой. Он крайне сдержан и почти не выдает своих чувств» (41).

Учась на ошибках, он начинает чувствовать, где что уместно говорить. То есть еще в Индии он вещает с трибуны о коммуни-

стической программе и исторических решениях XXII съезда КПСС — а уже через неделю, на Цейлоне, заметив, что агитация такого рода отпугивает аудиторию, старается держаться более общего курса: мир во всем мире и освоение космоса.

Он осваивает искусство, давая интервью, отвечать развернутыми репликами — а не так, как в первые недели: «да», «нет», «как учили», «полечу, когда потребуется». Иногда его риторические комбинации выглядят чрезвычайно поэтичными. «Я не считаю себя всего лишь бесстрастным техническим работником, которого запихнули в летательный аппарат, чтобы зарегистрировать чисто научные результаты. Наоборот, я бы сказал, что человек нуждается, даже в космосе, в ветке сирени. Потому что вовсе не техника делает человека, а сам человек создает технику. Я думаю, люди нового общества, которое мы строим, будут более развитыми, чем их предшественники: они будут нуждаться в искусстве и в эстетике. Чтобы цивилизация не дегуманизировалась, духовный прогресс должен идти в ногу с прогрессом в науке и технике» (42). Ветка сирени, надо же; так мог бы разговаривать святой Франциск — но подполковник Советской армии?

Он держится весьма уверенно и все время шутит. В Швеции, где его пытались взорвать (поступил анонимный звонок о том, что помещение якобы заминировано), он прокомментировал вопрос — ну а что если бы бомба и в самом деле взорвалась? — с великолепной невозмутимостью: «Что ж, орбита моего полета наверняка была бы ниже космической. Так что не страшно» (43). На Цейлоне, сойдя с трапа самолета и очутившись внутри живого коридора из поющих и танцующих молодых девушек, которые, как выяснилось, отгоняли таким образом от гостя злых духов, Гагарин тут же заявил, что «с такими красивыми девушками он готов изгнать с Цейлона всех злых духов» (40).

Неудивительно, что его не только встречали, но и провожали люди, скандирующие: «Хорошо, хорошо, Гагарин!»

Это в 1961 году его могло стошнить от слишком щедро налитого в сувенирный бокал-рог киндзмараули (44); теперь он в состоянии себя контролировать — и поэтому прекрасно держится после свежего пива, которое преподносят ему — тоже в огромном сосуде, теперь уже в виде ракеты — в Дании на заводе «Карлсберг».

Он учится лавировать между расставленными империалистами ловушками. В Париже, на улице, ему захотелось однажды попить — и услужливые руки тотчас же протянули ему бутылку пепси-колы. Можно представить себе, насколько соблазнительно выглядел в жаркий день этот изящно упа-

кованный напиток — маркированный, однако, как продукт сугубо американский, то есть такой, ассоциироваться с которым в условиях холодной войны советскому космонавту было бы неправильно. «Pas de pepsi cola», — решительным жестом Гагарин отстраняет от себя запретный плод — и требует чего-нибудь более кошерного: «je veux quelque chose de français» (46). Ему несут «Перье» — и, при всей анекдотичности этой ситуации, надо признать, что он сделал виртуозно точный выбор*.

Он хорошо экипирован — какими бы странными ни казались его дорожные аксессуары посторонним. Так, человек, сопровождавший Гагарина в поездке по Франции в 1967 году, вспоминает, что по вечерам Гагарин доставал из чемодана нитку с иглой и шкатулку, полную пуговиц: дело в том, что поклонники, даже через шесть лет после полета, когда в космосе скорее хозяйничали американцы, постоянно в пароксизме страсти выдирали ему пуговицы с мясом: им хотелось не про-

* Холодная война шла не только в космосе, но и на земле — и подчас принимала самые комические формы. В мае 1961 года американцы прознали, что русские назвали некий вновь обнаруженный минерал «гагаринит» — и заерзали, что опять «их парни» проигрывают сражение. Вряд ли в СССР предполагали, что кто-то воспримет этот камень как брошенный в свой огород, однако же реакция последовала незамедлительно: началась «война камней». Американцы, во-первых, тут же подвергли сомнению информацию, не подтвержденную ни точными описаниями, ни точными сведениями о месте обнаружения камня; а во-вторых, принялись нервно гадать, удостоится ли подобной чести первый американский космонавт Алан Шепард, который, в сущности, ничем не хуже. Узкое место оказалось совсем не там, где можно было его ожидать. Как выяснилось, минерал «шепардит» уже существует — но спокойной ситуацией с ним не назовешь. Дело в том, что назван он был так еще в середине 80-х годов XIX века в честь одного геолога, точнее, самим этим геологом в честь самого себя, причем, как впоследствии выяснилось, другие геологи уже описали эти камни и присвоили им другие имена (шрайберзит, энстатит и бруцит, если вам интересно), так что не вполне ясно, забито все-таки название «шепардит» или нет. Существует всего три образца «шепардита», причем, странным образом, два из них (шрайберзит и энстатит) были добыты из метеоритов. Научный обозреватель газеты *Washington Post*, описавший всю эту неразбериху в статье под броским заголовком «Красные дошли до того, что называют камни в честь Гагарина» (18 мая 1961 года) (59), заканчивает свой обзор многозначительным замечанием: некоторые названия, говорит он, так и не приклеиваются к камням — вот, например, был тут «муссолинит», и что же? Ничего: выяснилось, что на самом деле это не новый минерал.

Гагариниту повезло больше. Этот минерал из группы сложных фторидов встречается — хоть и очень редко — не на метеоритах, а в щелочных гранитах или связанных с ними пегматитах. Место обнаружения — Тува и Казахстан. Цвет: бесцветный и розово-желтый. Твердость по минералогической шкале 4—4,5; плотность 4180—4520 кг/м. Какие могут быть вопросы? (58).

сто дотронуться до великого человека, но и унести домой какой-либо сувенир. Новые пуговицы к своему белому парадному кителю пришивал он сам (47).

Несмотря на накопленный опыт, в любой момент могла выскочить какая-то неприятная ерунда; то и дело возникало множество непредвиденных деталей, на которые следовало обращать внимание — мелочи, которые могли вызвать крупное раздражение. Например, в Париже советское посольство заказывало для Гагарина в фирме «Крайслер» напрокат открытый лимузин — и те слили прессе (48), что им было сказано: автомобиль может быть любого цвета, кроме красного. Русские опасались спровоцировать принимающую сторону — осознавая, что та и так сделала то, на что сами они вряд ли бы пошли: пустили к себе офицера чужой армии; лишний дипломатический скандал был совершенно ни к чему.

Случались ситуации, когда Гагарину требовалось балансировать на карнизе между стремлением вовлечь в свою орбиту новых адептов — и опасностью оказаться в очевидно неподобающем обществе. Таким тонким моментом была августовская, 1961 года, поездка Гагарина в Канаду — по приглашению американского миллионера Сайруса Итона.

С одной стороны, Итон, охарактеризованный американскими газетами как «человек, которого Кремль наградил, пожалуй, самой значительной меткой позора, которую может получить американец — сатанинской Ленинской премией мира» (49) — был безусловно «наш человек». С другой — Итон был очевидный классовый враг, и когда он водил Гагарина по опрятным улочкам маленького канадского города, демонстрируя ему трогательный праздник, в котором принимали участие волынщики и барабанщики в шотландских килтах, и нашептывал ему, что не сомневается в том, что очень скоро он, Гагарин, станет и первым человеком, ступившим на Луну, — ясно было, что деньги его нажиты не честным трудом, а эксплуатацией других граждан; как быть? Да, «Сайрус Итон — американец, который пожимает красную руку, отвесившую Соединенным Штатам пощечину» (49); но как реагировать, когда этот американец предлагает Красной Руке принять в дар новый автомобиль — такой, какого Красная Рука никогда не сможет купить себе в Советском Союзе? Что могло стоять за этим соблазнением?

Капиталистические капканы подстерегали его в самых неожиданных местах. В Вене Гагарин остался однажды без завтрака — потому что работники его отеля и вообще всей авст-

рийской туринадустрии очень некстати решили устроить забастовку (50). Следовало ли публично высказать солидарность с их действиями — или же потратить последние калории на то, чтобы предать их анафеме за срыв пропагандистского тура?

В Либерии Гагарина везут во владения настоящего, шеголяющего перед гостями в колониальном пробковом шлеме, плантатора — смотреть, как негры, фактически рабы, собирают каучук: и неясно, то ли ему воспринимать подобного рода экскурсии как вид экологического туризма — то ли все-таки Гагарин, член компартии, должен призвать негров к бунту.

Все время требовалось смотреть в оба — и самому рассчитывать степень опасности выбираемой траектории. Понятно, что следовало почаще выступать перед рабочими-металлургами и отказываться от участия в «принижаящих» (выражение Каманина) мероприятиях. Но когда металлурги не подворачивались? Внештатные ситуации норовили возникнуть буквально на ровном месте. Может ли советский космонавт за границей посещать увеселительные заведения — а если нет, то что, спрашивается, ему делать по вечерам? Или, допустим, на «Аиду» в Венскую оперу сходить можно (он ходил), а, например, в кабаре «Лидо» в Париже уже нельзя (наверное, нельзя, но он все равно ходил).

В Японии его затащили в магазин фототехники (33) — выбирай бесплатно сколько хочешь; портативные видеокамеры, «кэноны», «никионы» — вроде бы от чистого сердца, и бизнес не пострадает — Гагарин в магазине, такая реклама! — брать или не брать? Ведь и это тоже, теоретически, могло быть провокацией — не в том смысле, что его таким образом пытались «завербовать», а в том, что могли сфотографировать и украсить снимок в газете какой-нибудь противной подписью — вот он ваш идеальный коммунист, сначала поет, какой у них там в СССР мир будущего, а потом тащит из супермаркета авоськи, набитые электроприборами.

Особенно, конечно, досаждали журналисты, которые, может, сами и относились к нему с благоговением, но работа их состояла в том, чтобы задавать каверзные вопросы.

На эту тему есть классическая история — о том, как пресса пронюхала, что в Японии Гагарин зашел в магазин игрушек и отоварился куклами для дочерей; на ближайшей пресс-конференции газетчики, с ядовитой улыбкой поздравив Гагарина с замечательными приобретениями, осведомились, означает ли это, что в Советском Союзе с куклами плохо — так плохо, что приходится везти их с загнивающего Запада? Советская пресса растиражировала ответ Гагарина: «Я купил японских кукол, потому что знаю: это самые красивые и изящные кук-

лы в мире. Но мне искренне жаль, что сегодня у нас зашел разговор именно об этом. Сейчас все попадет в телевидение, печать. И вы своим вопросом, увы, испортили праздник (сюрприз) двум маленьким девочкам»* (27).

Следовало быть искусным дипломатом, чтобы, с одной стороны, не нарушить чужие социальные протоколы, а с другой — не дать повод быть неправильно истолкованным. Французский журналист, пытающийся за отведенные ему полчаса произвести любительскую лоботомию и проникнуть в тайны гагаринской психики, фиксирует свои ощущения: «Однако ему приходится быть импульсивным. Я несколько раз чувствовал по ходу нашего интервью, как он раздражается, когда смысл вопроса мог быть неправильно интерпретирован. В этот момент контакт с его голубыми глазами прерывался. Однако он сдерживается, потому что не хочет поранить. Потому что он — любезный Юрий, и потому что он — Гагарин, космонавт номер 1» (41).

Все эти поездки, несомненно, не только обогащали Гагарина опытом ведения конфликтов, но и развивали его личность, расширяли кругозор, служили своего рода антидотом от советских торжественных мероприятий, бесконечных профилактических мер, направленных на искоренение «зазнайства», от однообразной будничной атмосферы. Воспитанный в бедности, проживший несколько лет в землянке, десятилетия не имевший отдельной комнаты, он окунается в культуру достатка и даже, пожалуй, роскоши: живет в отелях *Ambassador*, ест буйабес в портовых ресторанах, пьет шампанское в Лидо. Он вступает в неожиданные контакты: на Цейлоне — с писателем Артуром Кларком, в Канаде — с настоящим американским миллионером, на Кубе — с Че Геварой. Гагарин-турист наблюдает другой жизненный уклад, другую архитектуру, другой дизайн, другую моду, слышит другую музыку, чувствует — несмотря на насыщенность протокольными мероприятиями — воздух другой, не такой, как в СССР, свободы; сталкивается с невиданной экзотикой.

* На этом история японской куклы — кажется, именно той, хотя не наверняка — не заканчивается. В какой-то момент она попала в Музей космонавтики (надо полагать, именно потому, что гагаринские дочери прочли о готовящемся сюрпризе в газетах и, глубоко разочарованные, отказались принять дар) — а в 1990 году сироту приютил кто-то из космонавтов, взял ее с собой в космос — с тех пор принято использовать ее как «индикатор невесомости»: в момент исчезновения гравитации кукла начинает «плавать» — демонстрируя привязанному к ложементу космонавту, что он, наконец, попал туда, куда хотел (51).

Даже в самых чудовишных пропагандистских турах — как на Цейлоне, когда ему приходилось выступать по 18—20 раз в день, первый раз в семь утра, последний — в 12 ночи, у него случаются моменты абсолютного счастья, которые действуют на него как гигантские таблетки прозака. «В ботаническом саду он увидел, как купают в речке слонов. Его восхищению не было предела. Он очень хотел сам провести купание слона, и когда ему это разрешили, то по блеску его глаз было очевидно, что в этот момент он чувствовал себя самым счастливым человеком» (40).

Что-то подобное, по-видимому, он испытал в Париже — когда его пустили за штурвал бато муш на Сене. На Кубе — во время пикника на пляже, напоминающем декорации из ролика «Баунти»; коснувшаяся его несколько раз во время купания в океане настоящая акула лишь усугубила ощущение нереальности происходящего — то была *добрая* акула, не чета тем, *империалистическим*, что в бессильной злобе разевали свои зубастые пасти по другую сторону пролива.

В бессильной? Все хорошее когда-нибудь кончается, и нельзя не заметить, как расклад сил — и, соответственно, контекст внешнеполитической деятельности Гагарина — постепенно меняется. Да, сначала он колесил по миру в атмосфере непрекращающегося триумфа, «восходящего тренда», регулярно подтверждающегося новыми успешными запусками. Однако даже тогда, когда стадионы ревели от восторга, даже когда к нему выстраивались многотысячные очереди, «мы знали, что в многочисленных толпах было немало и таких, которые с удовольствием разорвали бы нас на куски», — осознал Каманин.

Медленно, едва-едва заметно, внешний рынок постепенно развернулся: на каждый советский спутник Америка запускает три-четыре своих, развивает на полученные от конгресса астрономические средства программу «Джемини», успешно продвигается в создании мощной ракеты-носителя «Сатурн». Для Гагарина это означает, что «бычий» тренд сменился «медвежьим» — и ему приходилось не только принимать поздравления, но и объясняться и едва ли не оправдываться.

Везде ему задавали один и тот же вопрос: когда вы полетите на Луну? Сначала эти вопросы скорее льстили его самолюбию и национальной гордости, но с течением времени все более воспринимались как каверзные — надо было объяснять, почему годы идут, а никаких точных сроков не названо; а поскольку в 1963-м, например, их и не было — то есть СССР не мог выполнить раздаваемых Гагариным и Хрущевым обещаний — то Гагарину попросту приходилось делать хорошую мину при плохой игре.

Особенно осторожно следовало держаться с американскими журналистами, которые постоянно пытались подловить его на чем-то, травили по поводу лжи относительно способа его приземления, задирали — полетел бы он в космос на американском корабле? И вообще, если что-либо в его словах можно было интерпретировать так, чтобы выставить Гагарина и СССР агрессорами и лицемерами — они никогда не упускали этих возможностей. С ними Гагарин избегал общаться — или, по крайней мере, старался не подпускать их к себе на критическое расстояние; на пресс-конференциях он не шутит с ними и реагирует на их уколы с максимальной корректностью и сдержанностью.

Но иногда — ведь совсем отказаться от общения с журналистами невозможно, это была его работа — попадает в засады.

О том, как трудно иногда приходилось за границей Гагарину и как выглядят его дипломатические неудачи — можно понять по выложенной на сайте ООН записи пресс-конференции (52) Юрия Гагарина (и по большей части помалкивавшей Валентины Терешковой), где Гагарин, попавший в тотально враждебную, совершенно не подвластную его чарам среду, выглядит крайне ненаходчивым полемистом, с узким спектром речевых возможностей.

В Нью-Йорк, на заседание Генассамблеи ООН, они с Терешковой заехали в середине октября 1963 года, буквально на день, по дороге из Мексики в ГДР.

«— Подполковник Гагарин, почему СССР не желает сотрудничать с США в осуществлении совместного проекта по лунной программе?

— А какие у вас есть данные по этому вопросу?

— Вы сказали в Мехико, сэр, вас цитировали, что СССР не готов сотрудничать с США по осуществлению этого проекта.

<Терешкова смеется.>

Гагарин: Такого моего заявления не было.

— Значит, СССР готов сотрудничать с Соединенными Штатами в осуществлении высадки на Луну? (Смех в зале.)

— Этот вопрос был выдвинут президентом Соединенных Штатов Америки. Но он выдвинут так, в общих вопросах. И нужно, конечно, тут уточнение по этим вопросам. Но вот я так тоже слышал, так примерно так же, как вы, в Мексике, что конгресс США запретил эти совместные исследования. <Хотел, очень сильный смех в зале, иронические аплодисменты.>

— Правда ли, что были сообщения о том, что подполковник Гагарин будет командиром корабля, который отправится на Луну, — это так?

— А это какое агентство сообщало? <Заметим, что Гагарин

предпочитает произносить слово «агентство» с ударением на первом слоге; звучит это чудовишно.>

— Это сообщение содержалось <в информации> из Кубы.

— Вообще-то, по секрету могу сказать, что я очень хочу полететь на Луну. Так же как наши все советские космонавты. Валентина Владимировна тоже мне составляет конкуренцию, она тоже хочет полететь на Луну. Каждому хочется лететь, и кто из нас полетит, пока еще неизвестно, но по крайней мере у всех у нас есть такое стремление. И нам очень хочется, чтоб наша мечта сбылась».

Мы видим, что, услышав некомфортный для себя вопрос, Гагарин сам отвечает вопросом, пытаясь перевести разговор на достоверность источника информации, а когда его все-таки принуждают что-то ответить, произносит нечто совершенно невразумительное или уходит, что называется, в глухую неосознанку, ссылаясь либо на неосведомленность, либо на некомпетентность в данном вопросе.

«— Если СССР первым отправит космический корабль на Луну, то выдвинет ли он юридические претензии на Луну?

— Ну, тут вопросы юридические, мы космонавты, а не юристы. Наше дело летать, а законы устанавливать, права устанавливать — это дело юристов.

— Поскольку подполковник Гагарин отрицает большую часть заявлений, которые ему приписывали в последнее время, можете ли вы прокомментировать и такое заявление, приписанное вам, — что Советский Союз сможет отправиться на Луну в будущем году?

— В будущем году — такого заявления я не делал по крайней мере. То что в предстоящем десятилетии будут такие полеты — это я говорил. <...>

— Когда иностранцам будет позволено присутствовать при запуске космической ракеты?

— Господа, опять мы не по адресу вопросы задаем. Я космонавт, я с удовольствием покажу, как мы летаем, если у вас будет такое разрешение. А разрешение дает наше правительство, Академия наук этим занимается. По-моему, вам лучше обратиться туда».

Конец злополучной пресс-конференции в ООН больше похож на агонию танковой колонны, попавшей в засаду в узком ущелье: Гагарин не в состоянии ни отшутиться, ни сколько-нибудь резко ответить на откровенно оскорбительные инсинуации. Его провоцируют, и он не может ответить; он почти в нокауте. Несколько раз очевидно, что смех в зале относится непосредственно к нему; единственный, кто спасает его, — это переводчик на английский, формализующий его сбивчивые ответы.

«— После возвращения английского астронома Ловелла из СССР он сделал заявление, что, по сути, США ведут гонку за Луну с самими собой и что СССР по существу вышел из этой гонки. Правда это?

— Видите ли, я бы не хотел переубеждать господина Ловелла в этом вопросе. Но все-таки Луна в какой-то степени представляет интерес для человечества.

— Это все-таки не совсем ответ на вопрос. Я спросил — правда ли, что Советский Союз отказывается?

— Знаете, всеми этими проектами занимается Академия наук. Я не являюсь академиком, не вхожу ни в какой совет — так что лучше все-таки у них спросить».

Занавес.

По сути, пресс-конференция в ООН — журналистский аналог «темной», устроенной ему в оренбургской казарме.

В. И. Гагарина приводит состоявшийся однажды в Швеции диалог Гагарина с каким-то президентом, потрясенным находчивостью Гагарина. «“Кто вас учит отвечать на вопросы, господин Гагарин?” — спросил президент. — “Те, кто их задает”, — тут же последовал ответ» (1). С учетом его ооновских реплик эта тоже кажется скорее беспомощной, чем эффективной, скорее неуместно-дзенской, чем остроумной.

Такой Гагарин — вялый, неостроумный, ненаходчивый, путающий ударения в словах — сегодня выглядит крайне непривлекательно. Начинаешь сомневаться в его речевой компетентности — и вообще в способности адекватно слышать, что он сам говорит; и правда, если вспомнить, иногда он становился страшным занудой и изъяснялся тяжеловесными, театральными, выспренними, с претензией на глубину, замечаниями. «Да, — задумчиво сказал Гагарин, — вот как раз на тишину время труднее всего найти. А она ведь союзница многих добрых дел и начинаний» (53). «Вот и получается, что мы гости на Земле: пришел и ушел. Как те звездочки, что “падают” в августе: чирк — и нет. А мы еще ссоримся, затеваем драчки, треплем друг другу нервы, укорачиваем и без того эту удивительную и короткую жизнь. Мало того — войны затеваем, чтобы уничтожить друг друга. Мы же гости на Земле, — как-то нежно и утвердительно повторил он, — и должны делами <...> продлевать жизнь пришедшим после нас поколениям...» (54). «Иногда я целиком отдавался тишине, какую даже трудно представить. Я всегда любил тишину. Тишину раздумий, тишину труда. Жаль, что в наш энергичный двадцатый век мы все меньше обращаемся к ней, к тишине!» (55). И ведь

все эти псевдоглубококомысленные, явно почерпнутые откуда-то из советской беллетристики фразы он произносит даже не с трибуны, а в частных разговорах, с друзьями.

Добавьте к этим «философствованиям» другую черту его речевого портрета — постоянные шутки и «розыгрыши», остроумие которых остается под большим-большим вопросом. Добавьте экстраординарную соматическую — наводящую на мысль о том, что, возможно, лучше всего было бы рассматривать этого человека через оргстекло, — подвижность. Может быть, на самом деле Гагарин вовсе не был таким уж привлекательным, каким пытался представить его официальный советский канон?

Может быть.

Возвращаясь к пресс-конференции в Нью-Йорке.

На самом деле, то, что сейчас кажется катастрофой, тогда никоим образом так не выглядело. Судя по газетным отчетам, никто из журналистов не ушел с этой пресс-конференции разочарованным — не более, чем обычно, по крайней мере. Смех и аплодисменты кажутся издевательскими — но они вовсе не издевательские. Впервые было произнесено что-то конкретное — что у СССР есть лунная программа и по ней кто-то готовится (пусть даже все это было неправдой). И заявления британского астронома вовсе не были уничтожающими — он мог заявлять все что угодно, а тем временем один за другим советские корабли удачно стартовали в космос; Гагарин знал об этом — и всего лишь проявил свою обычную сдержанность.

Прессу больше интересовало, правда ли, что Терешкова помолвлена с кем-то из космонавтов и вот-вот выйдет замуж — и если да, то за Андрияна Николаева или за Павла Поповича? Никто и не ждал от Гагарина остроумия и откровений — журналисты всего лишь надеялись, что он хоть чуточку проговорится, потому что завеса секретности была настолько плотной, что прогнозировать какие-то следующие действия СССР в космосе не было никакой возможности. Именно поэтому реплики Гагарина, остроумные или нет, в любом случае воспринимались как откровение — хотя бы и двусмысленно-пифийское.

Гагарин и Терешкова продолжали быть триумфаторами. Их визит в Мексику оценивался страшно нервничающими американцами, которым Советы лезли непосредственно в подбрюшье, как «феноменальный пропагандистский успех для Советского Союза» (56); причем прием был, по характеристике *Los*

Angeles Times, «спонтанным» и «несрежиссированным» — и пока одни 500 мексиканцев, одетые в национальные костюмы, распевали старинную революционную песню «Валентина», а другие 500 лупили друг друга за право подойти к «космической паре», «20 представителей из насчитывающей в общей сложности 50 человек американской делегации на конференцию прибыли практически незамеченными» — просто потому, что им не повезло приземлиться «в тот же час, когда прилетели русские» (56).

Затем эти самые русские улетели на помощь Вальтеру Ульбрихту в Восточную Германию, где как раз должны были пройти выборы — и там тоже их встречали многотысячные толпы с цветами и военным окрестром. Да, они были рекламным лицом советской власти — во всех ее проявлениях, от псевдodemократических выборов до действительно качественных экспортируемых продуктов: оружия, техники, промтоваров. От них самих требовались скорее символические, чем конкретные поступки: «делами продлевать жизнь пришедшим после нас поколениям». «Космическая пара» прогулялась вдоль недавно возведенной Берлинской стены, поулыбалась избирателям на участке района Панков — а затем отправилась на футбольный матч ГДР — Венгрия, где Валентина Владимировна вышла на поле и со всей присущей ей грациозностью пнула мяч к центру поля (57). Сборная ГДР проиграла — ну так зато Национальный фронт Ульбрихта выиграл выборы с результатом 99,96 процента.

В октябре 1963-го у них все получалось хорошо, даже то, что сейчас вызывает некоторые сомнения. Гагарин приносил много пользы, и он был нарасхват; и, наверное, у него были поводы ценить тишину больше, чем у всех остальных.

«Он совершенно не вправе был распоряжаться своим временем, своими действиями. Он получал указания об участии в многочисленных внутренних и внешних общественно-политических мероприятиях. Куда лететь, где выступать, кого приветствовать — это все ему приказывалось» (24).

Да, это правда, он был человеком подневольным и твердо усвоил неписанный закон общества, касающийся поведения в двусмысленных обстоятельствах: «не чирикать». Именно поэтому у нас нет четкого понимания того, как реагировал Гагарин — у которого, похоже, не было собственной политической физиономии — на важнейшие события своей эпохи. Что он почувствовал, когда узнал о снятии Хрущева — который облагодетельствовал его и чей ковер-портрет висел в доме у

его родителей? Гагарин был большой дипломат и даже в беседах с друзьями предпочитал не высказывать слишком резких суждений.

В. С. Порохня рассказывает, как он «попросил Юру высказать свое мнение по поводу освобождения Н. С. Хрущева от государственных и партийных должностей. Он <Гагарин> при этом спросил, может ли состояться любой начальник, если не будет проявлять воли, необходимой при выполнении своих обязанностей. И сам ответил — нет. А Хрущеву приписали волюнтаризм. Субъективизмом да, Никита Сергеевич страдал. Но назови хотя бы одного из великих, кто во всех случаях жизни, особенно при принятии важных решений, не отстаивал своего мнения. Короче, в случае с Хрущевым, на мой взгляд, была допущена ошибка. Невзирая на то, что он не раз меня по команде “смирно” держал, я его считаю мудрым руководителем».

Далее Порохня пытается спровоцировать Гагарина: «А как же, Юра, И. В. Сталин, которому мы с тобой поклонялись безмерно (интересная деталь. — *Л. Д.*). Ведь Хрущев его превратил в чудовище, пугало для всего человечества, унизил как Верховного главнокомандующего... <следующий абзац посвящен перечислению грехов Хрущева перед Сталиным...?» Гагарин отвечает уклончиво: «Я человек от техники, нахожусь вне политики и мне трудно судить, почему так поступил Никита Сергеевич. Но, невзирая на эту вселенскую размолвку, я с величайшим уважением отношусь к обоим политическим и государственным деятелям...» (25).

Гагарина в 1960-е можно представить послушной шестеренкой режима, воплощением конформизма. Это понятная, имеющая под собой основания точка зрения. Конечно, хорошо бы, чтобы он, как Че Гевара, плюнул в какой-то момент на все свои представительские функции, плеснул Брежневу в лицо порцию пинаколады и уехал воевать куда-нибудь во Вьетнам с американцами — как Че Гевара в Боливию. Конечно, здорово было бы, если бы вместо того, чтобы по бумажке зачитывать идиотские отчеты о высоких обязательствах и хороших урожаях, он орал комсомольцам: «Вы все жалкое стадо рабов!», переругивался с публикой — так, как это делал ровно в те же годы какой-нибудь Джим Моррисон. Конечно, было бы интереснее, если бы вместо того, чтобы сочинять приторные послания вроде: «Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!» — он бился на сцене в истерике, задавая всем этим хлопкоробам и офицерам Генштаба не-

удобные вопросы — что они сделали с Землей? что они сделали с нашей прекрасной сестрой?

Однако правда ли, что мы хотели бы, чтобы вместо своего Гагарина у нас был — мы утрируем — свой Джим Моррисон или свой Че Гевара? Смог бы стать Гагарин моральным оправданием советского проекта и способности русского народа приближаться к Божьему замыслу («Мы — народ, мы смогли сделать Гагарина» (26)), если бы взбунтовался и цапнул вскормившую его руку? Правда ли, что мы бы хотели, чтобы наша национальная икона перестала улыбаться и превратилась в бескомпромиссного герильbero* или обличителя коммунистического режима с заплеванным подбородком? Пожалуй, нет, спасибо. Да, жалко, что у нас не было своего Джима Моррисона, однако «наш Юрочка» устраивает нас таким, каким он был. Америка дала миру Джима Моррисона, Аргентина — Че Гевару, Россия — Юрия Гагарина; все разные; и наш уж как-нибудь будет не хуже прочих.

Помимо разовых выступлений на слетах, конференциях, открытых собраниях, юбилейных торжествах, деловых встречах с аппаратом генералов и офицеров ГлавПУРа, Министерства иностранных дел, в посольствах, с военным атташом (продолжать?) на Гагарине висела и постоянная общественная работа. Он был депутатом Верховного Совета СССР (шестого и седьмого созывов, что бы это ни значило). Каким бы опереточным учреждением ни был советский парламент, Гагарину приходилось — как будто у него было недостаточно других дел — выполнять обязанности чиновника-функционера. В Звездном городке, в специальном здании, где космонавты-депутаты встречаются с «трудящимися», у Гагарина была комната с табличкой на двери «Гагарин Ю. А. Второй и четвертый понедельник с 17-30 до 18-30». Разумеется, далеко не всякий трудящийся мог проникнуть в Звездный городок и припасть к ногам Гагарина — но штука в том, что в качестве человека, помогающего другим, Гагарин работал вовсе не только в приемные дни.

Об этом можно было бы не упоминать, однако, по сути, благотворительность — называя вещи своими именами — была его постоянным занятием, причем занимался он этим больше, чем космосом, политикой, женщинами и раздачей автографов. Повторимся: СССР 1960-х годов был страной, не слишком приспособленной для комфортного существования, там не

* Партизан; в более широком смысле — человек войны, вечный боец. — *Прим. ред.*

хватало очень многих вещей, и этот дефицит был очень болезненным для граждан. Гагарин же уникальным образом, с одной стороны, был относительно доступен — переместившись в элиту, он сохранил связи с «обычными людьми», с другой — всемогущ, то есть мог «выбить» вам все что угодно, от кожаного футбольного мячика до квартиры в Москве. Собственно, большинство историй о Гагарине в 1960-е — это именно сюжеты о том, как он помог кому-то достать что-то: контрамарку в театр, лекарство, вагон цемента, обувь, одежду. Модель везде одна и та же: чего-то не было и не предвиделось — появляется Гагарин — с его помощью появляется ранее недоступное нечто. Инженеры королевского КБ эксплуатировали популярность Гагарина, когда им нужно было надавить на смежников. Рабочие каких-то заводов, где он отродясь не был, обращаются к нему с просьбами об улучшении жилищных условий — и он находит время написать тамошним начальникам, чтобы помогли с обменом квартиры; и они помогали. Не слетавший пока еще космонавт Горбатко просит его написать письмо в автосервис, чтобы ему починили разбитую в аварии машину, и Гагарин пишет (60).

Смешно рассказывает об «эффекте Гагарина» В. Пономарева: «Машины тогда продавали не каждому всякому, и мне дали бумагу за подписью Гагарина. В моем дневнике написано, что эта бумага “в кабинете у председателя произвела такое действие, как если бы там взорвалась бомба средних размеров”» (28). Гагаринская улыбка/виза/звонок были валютой, за которую можно было купить в СССР все что угодно. Самый известный анекдот — как Гагарин водил космонавтов из женского отряда в спецсекцию ГУМа покупать платья («незабываемая картина... По верхнему этажу универмага очень быстрым шагом идет Гагарин, следом стайка девушек, за ними несется огромная толпа покупателей и продавцов» (27)).

Помимо «товарной» благотворительности была еще и, как бы это сказать, бытовая.

Космонавт Борис Волинов рассказывает, как «Гагарин собирал деньги, чтобы сделать хороший подарок уборщице, работавшей в нашем подъезде» (29). Еще кто-то — про то, что когда сын какого-то космонавта в Звездном заперся в ванной — то к кому побежали за помощью? Правильно, к Гагарину.

Да, все эти рассказы о добром Гагарине выглядят чересчур однообразно и кажутся приторными; еще немного — и мы узнаем, что он переводил через улицу старушек и снимал котят с дерева, однако непонятно, почему их надо игнорировать. В одиночку этот человек на протяжении многих лет вел колоссальную по масштабам благотворительную кампанию. Он был

настоящей дойной коровой. Судя по всему, это занимало довольно много времени — даже притом что он умел беззастенчиво задействовать свою харизму, славу и обаяние, притом что ему никогда не отказывали, но по скольким телефонам ему нужно было позвонить! Не то чтобы мы хотели выдать Гагарина за мать Терезу — но факт остается фактом: он улучшил жизнь очень, очень многих людей.

Ну что — «занимается тунеядством» и «присваивает чужой труд»?

Он прожил семь лет в условиях, в общем, незатухающей гагариномании. Французский журналист, бравший у него интервью осенью 1967-го, отмечает, что Гагарин не просто звезда — он еще и научился вести себя, как подобает звезде, «улыбаться тем, кто на нее смотрит, аплодирует, просит автографы» (30). Он больше не скалится в камеру — но источает спокойное расположение.

На фотографиях последних двух лет лицо Гагарина перестает быть похожим на налитое яблоко; фирменная улыбка производит впечатление искусственной, приросшей к лицу, глаза гаснут, в них видна (то есть, разумеется, не видна, но должен же биограф, диагностирующий проблемы своего пациента по косвенным признакам, сослаться хоть на что-нибудь, хоть на глаза) усталость от контактов, слишком интенсивных социальных связей; «речь была поставлена как у хорошего актера, все слова произносились четко, не глотались, не комкались, не было ничего лишнего, откровенно патетического. Улыбался мало, выглядел уставшим, не безразличным, а именно уставшим» (26). В 1968-м ему исполнилось всего 34 года, но матерел он быстрее, чем обычный человек: слишком много времени провел в странных, неестественных условиях; слишком многими шариками жонглировал — и слишком много из них держал в воздухе одновременно.

Проблемой было не отсутствие работы — а отсутствие трения.

Пожалуй, одна из важных характеристик гагаринского пятилетия после полета — ощущение, что чего-то нет; отсутствие трения. У него нет практически никаких неразрешимых проблем, дефицита чего-либо. Деньги, автомобили, женщины, слава, жилплощадь, алкоголь, путешествия, отдых, здоровье, спорт, общение с друзьями и родственниками, с элитами (политической, военной, артистической, научной) — все в изобилии, все абсолютно доступно. «Горы хлеба и бездны могущества»; посул Циолковского относительно последствий покорения космоса сбился если не для всего человечества, то уж для «первого гражданина Вселенной» точно; выиграв это звание, он обеспечил себе место первого в любой очереди. В

этом состоянии, несомненно, было гораздо больше плюсов, чем минусов — но состояние это было неестественным. На что это похоже — так на ощущение от долгого пребывания в невесомости: известно, что у космонавтов, проводящих на орбите больше месяца, за ненужностью атрофируются многие мышцы.

И, может статься, Гагарин продолжал бы жить на дивиденды от своего подвига: наслаждаясь славой и довольствуясь той работой, которая у него хорошо получалась. Что бы ни сочиняли авторы сатирических фильмов, люди его любили, а он, в ответ, продолжал оказывать им множество услуг; обстоятельства складывались таким образом, что всё способствовало тому, чтобы его статус законсервировался окончательно. Он жил бы и жил, размеренно и с достоинством, и тень от его подвига становилась бы все длиннее.

Но у Гагарина была одна проблема.

Во время своего полета он не успел увидеть Луны.

Луна: вот что его интересовало, и вот ради чего он должен был перепрыгнуть через свою тень.

Глава четырнадцатая

ГАГАРИН И «ЗВЕЗДНОЕ БРАТСТВО»

Есть известный анекдот о французском психоаналитике Жаке Лакане, который в апреле 1961-го вдруг понял, что его чрезвычайно взбудоражил гагаринский полет в космос. Он немедленно связался со своей приятельницей, обладавшей нужными знакомствами, и заявил ей: «Я совершенно точно хочу отправиться в СССР. Я бы о многом мог им рассказать»; рассказать — и узнать самому о новой психологии, основанной на космических исследованиях. Преодолев множество препятствий, приятельница смогла устроить встречу Лакана с советским академиком, деканом психфака МГУ А. Н. Леонтьевым, руководителем общества «Франция — СССР», который прибыл с визитом в Париж. Был организован торжественный обед. «Дамы вели оживленную беседу», однако «психолог Леонтьев и психоаналитик Лакан хранили молчание». Чтобы развязать разговор, кто-то заговорил «о полете Гагарина и советских исследованиях психофизиологии космонавтов». Неожиданно Лакан заявил: «Никаких космонавтов нет». «Леонтьев с возмущением начал приводить доказательства того, что событие имело место на самом деле, что оно — реально. Лакан, ни секунды не сомневаясь, парировал: “Космонавты не существуют просто потому, что нет никакого космоса. Космос — это точка зрения”» (1).

Суть анекдота в том, что Лакан повел себя как чудак и философ, а шокированный дзенскими шутками коллеги советский академик показал себя недалеким обывателем. Лакан имел в виду, что «cosmos» — платоновско-пифагоровское гармоничное упорядоченное пространство, макрокосм, и «l'èspace» — бессмысленное бесконечное пространство, — это не одно и то же. Гагарин побывал не в космосе, не в порядке, а в бессмысленной бесконечности, в абсолютном беспорядке, и именно поэтому Лакану были любопытны изменения, произошедшие в его психике; хотя, строго говоря, никаким КОСМОнавтом Гагарин не был.

Стоит ли уточнять, что «никакого приглашения приехать в Советский Союз Лакан так никогда и не получил».

Был ли Гагарин на Земле «космонавтом», в лакановском смысле, в большей степени, чем там, на орбите? Пожалуй, да: СССР был именно что космосом — конечным, хорошо структурированным, замкнутым (до известной степени), гармоничным, упорядоченным во всех смыслах пространством; и уж «точка зрения» здесь присутствовала в полной мере; впрочем, и тут было обилие факторов, способствующих дезориентации.

Теоретически, по возвращении из космоса, Гагарин должен был сложить парашют, отрапортовать об успешном приземлении — и занять очередь к следующей ракете: кто последний? Так было в теории, но не на практике — потому что на практике космонавт со следующим порядковым номером вовсе не поступал в диспенсер автоматически; все решалось в индивидуальном порядке.

Успехи в тренировках значили многое, но далеко не всё. Многое зависело от того, как ведет себя потенциальный кандидат, не уваливает ли он от общественной работы, не обнаружился ли у него кариес, сколько раз он опоздал на общую утреннюю зарядку, сдал ли вовремя доклад про «социализм-надежная-стартовая-площадка-для-полетов-в-космос», наконец, от каких-то иррациональных обстоятельств (так, по слухам, Б. Волынов долго был «невъездным», в космическом смысле, потому как выяснилось, что он недостаточно арийского происхождения). Вычисление следующего кандидата на полет было предметом византийских интриг.

Самой громкой карьерной катастрофой первого отряда было отчисление в 1963 году троих космонавтов — Нелюбова, Анисеева и Филатьева. Григорий Нелюбов, что любопытно, имел шансы стать космонавтом номер один: он был гагаринским вторым дублером и даже ехал с ним в автобусе на старт — что, однако, не помешало Каманину вышвырнуть его из отряда за нелепый конфликт с патрулем в самоволке. Нелюбова отправили в обычную армейскую часть, где он и погиб три года спустя странной, плохой — и наводящей на предположение о самоубийстве — смертью: под поездом.

Слетали-то при жизни Гагарина — из первого отряда — кто? Титов, Николаев, Попович, Быковский, Леонов, Беляев, Комаров — и это за семь лет, в среднем по одному человеку в год. Что это значит? Что годы шли, лейтенанты старели — а очередь (в которой было то 20 человек, то 6, то 12; количество потенциальных космонавтов все время менялось) не двигалась, ну или двигалась невероятно медленно. Главная проблема была даже не со своими, а с чужими. В космос рвались все кто ни попадя. Лок-

тиями приходилось толкаться с инженерами из ОКБ-1 (Феоктистову космонавты, когда узнали, что он добился места в экипаже, объявляли бойкот — поскольку считали людей от ОКБ высокомерными «малоподготовленными» пролазами); с врачами из Центра космической медицины, ну то есть от Минздрава; с «мамзельками» — женщинами, которых пропихивали по половой квоте; с более квалифицированными летчиками — с удостоверениями ветеранов войны и дипломами пилота-испытателя. Красной тряпкой для Гагарина и его товарищей было выражение «смешанный экипаж»: это когда к «нормальному» летчику подсадили кого-то гражданского; подобного рода гибрид назывался «военно-исследовательский корабль». При этом самих полетов в космос все время оказывалось меньше, чем запланировано. Борьба с источниками задымления, свидетельствующими о появлении конкурентов, отнимала много сил. Приходилось интриговать — и напирать на собственное преимущество: здоровье (то есть гарантия, что пилот не выйдет из строя во время полета, особенно в нештатной ситуации), летчицкий опыт, молодость... все это мало кого трогало. Женщина Терешкова, инженер Феоктистов, врач Егоров — и это только при жизни Гагарина; а ведь он еще не дожил до, прости господи, иностранцев.

Была еще одна опция занятости — дублер. Этот статус подразумевал участие в тренировках по полной программе (то есть запускается новая серия аппаратов — «Восход» или «Салют» — где уже совсем другая система управления, другая матчасть, другие технические возможности — и все это надо освоить, сдать экзамены, сохраняя при этом должную физическую форму). Титов был дублером Гагарина, а в следующий раз полетел сам; однако это не стало правилом. Некоторые космонавты по много лет были чьими-то дублерами — и так ни разу и не слетали: очередь.

С чем было связано возникновение этой очереди? Ведь изначально-то предполагалось, что Военно-воздушные силы, в чьем ведомстве находились космические летательные аппараты, будут заказывать «промышленникам» сразу много космических кораблей — например, десять «Востоков»: запуск, запуск, запуск — и, соответственно, все космонавты находятся в жесткой ротации. Однако Министерство обороны в какой-то момент отказалось их заказывать — полагая, что «Востоки» не имеют военного значения. Разумеется, если бы генералы ВВС в детстве смотрели «Звездные войны», то идея создать не просто пару кораблей, а космический боевой флот попала бы на более благодатную почву; однако ничего подобного, к сожалению, советская кинокультура не создала.

Так или иначе, болезненное всего эти трения между летчиками из ВВС и бухгалтерами из Министерства обороны — космос был дорогим удовольствием, предполагающим оплату счетов не только за ракету и скафандр, но и за содержание космодрома, станций слежения, службы поиска (девять тысяч человек; проектная стоимость — 25—30 миллионов рублей (9)), — отражались как раз на самих космонавтах.

Теоретически, никто бы не упрекнул Гагарина, если бы декларируя свою готовность в любой момент выполнить новое задание родины, он на самом деле не стал бы стремиться ко второму полету. Вот Титов: героически слетал — однако, формально оставаясь в отряде космонавтов до 1970 года, одновременно прошел курс обучения на летчика-испытателя, написал диплом по орбитальному самолету «Спираль» и, продолжая шагать в ногу, в какой-то момент сначала маршировал на месте, а потом — в том же ритме — направился в другую сторону. Вот Терешкова: тоже официально всегда была на низком старте (анекдотически: из ее последнего заявления, сделанного в 2007 году, следует, что она и сейчас готова лететь на Марс, хотя бы в одну сторону (3)), но на самом деле посвятила себя общественной работе, то есть, по сути, стала живым сувениром.

Гагарин, реально одержимый Циолковским и «Туманностью Андромеды», идеями «звездоплавания» и межпланетных путешествий, вешать перчатки на крюк не собирался. Он продолжил выстраивать свою карьеру внутри иерархической структуры ВВС, причем именно по космической линии.

По сути, после апреля 1961-го перед Гагариным открывались две возможности космической карьеры. Первая — непосредственно космонавтская, очень эффектная, но в действительности крайне малоперспективная: слишком длинная очередь на следующий полет. Вторая — административная/организационная. Он не отказался от первой, но занялся и второй; космическая карьера Гагарина была лишь отчасти «боевой» и в гораздо большей степени — бюрократической.

В любом случае, даже в качестве «Колумба Вселенной» Гагарин остался служащим в определенной воинской части офицером, от которого требовалось соблюдать соответствующие предписания, вплоть до нарядов*.

* О том, насколько существенной была принадлежность Гагарина к армейским структурам, можно судить по эпизоду января 1963 года, рассказанному Каманиным (9): в Центре подготовки космонавтов проходило некое праздничное мероприятие, на котором присутствовал маршал ВВС Руденко. «Когда за 10—15 минут до начала вечера человек 20 генералов и офицеров собрались в комнате президиума, маршал заметил, что Гагарин и Карпов пришли не в казенных форменных ушанках, а в шап-

Гагарин был офицер Советской армии — и по типу сознания, и формально. Разумеется, при всей своей декларированной в «Дороге в космос» любви к уставу Гагарин понимал, что он и его товарищи занимают исключительное положение — и, де-юре соглашаясь соблюдать армейские формальности, де-факто желал привилегий и прежде всего — минимизации контроля. Армейское начальство, меж тем, совершенно не собиралось отпускать вожжи и предоставлять космонавтов самим себе. Существовала должность начальника Центра подготовки космонавтов — то есть, по сути, всего Звездного городка; на нее назначался генерал, которому велено было держать всех этих рок-звезд своего времени в ежовых рукавицах. Возникло поле для конфликта. Первым начальником ЦПК был Евгений Анатольевич Карпов — тот самый человек, который, по сути, отбирал летчиков для первого отряда и был десижн-мейкером еще даже до Каманина*.

ках из серого каракуля. Руденко не придумал ничего лучшего, как поставить Карпова и Гагарина по стойке «смирно» (а сам сидел) и при всех учинить им разнос за «недисциплинированность». Гагарин выслушал упреки начальства внешне спокойно и заявил, что им сшили зимнее обмундирование в военном пошивочном комбинате и что там знают уставные требования по форме одежды лучше всех нас. Маршал упрямо настаивал на своем и требовал дисциплинированности. Я сидел и краснел за маршала; его выходка и по форме, и по существу была просто глупой. В пункте 35 приказа МО № 70 записано: «Офицерам разрешается носить шапку-ушанку из серого каракуля при повседневной форме одежды вне строя». Карпов и Гагарин чувствовали всю неправоту и бестактность Руденко, но не хотели при всех «сажать его в лужу».

* Генерал Николай Петрович Каманин (1908—1982; летчик, спасатель «челюскинцев», Герой Советского Союза № 2, во время ВОВ командовал авиакорпусом) — очень важная во многих отношениях фигура. В 1960 году его назначили помощником главкома ВВС по космосу — и с тех пор он стал высшей инстанцией для всех космонавтов вообще и Гагарина в частности. Каманин не просто командовал Гагариным, был его надсмотрщиком; он воспринимал его как свой проект — и лепил медийный образ Гагарина; он отвечал за формирование канона литературы о первом космонавте; он был фильтром, через который просачивались сведения (все биографы, работавшие над прижизненными описаниями Гагарина, вынуждены были прибегать к каманинскому посредничеству, получать его визу — и кого-то он допускал, а кого-то нет; если вы были журналистом, то не могли опубликовать интервью с Гагариным, не прошедшее через Каманина; сам Гагарин следил за этим очень строго) — и сам практиковал литературные опыты, много публиковался; причем оказался не просто хроникером, но и весьма небесталанным литератором; видно, что у него сильная рука, даже в тексте. Ему хорошо дается речь от первого лица — его, каманинское, «я» редко можно перепутать с чьим-либо; оно узнается, даже если текст не подписан. Особенно хорошо ему удавались торжественные, высокопарные фразы: «Пройдут века, человечество прочно обживет околосоляное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — пер-

Карпов был скорее либерал и не слишком затягивал вожжи; космонавты при нем подраспустились. Затем Каманин — с 1960-го дирижировавший всем, что касалось людей из ВВС, — назначил начальником ЦПК генерал-лейтенанта М. Одинцова — и вот с этого момента (1963 год) жизнь космонавтов превратилась в ад. Одинцов был командиром, который не желал признавать, что космонавты чем-то отличаются от обычных офицеров, выступал за соблюдение распорядка дня, требовал исполнения «Положения о космонавтах», в том числе — нарядов, раз в два месяца, и отмены всех их стихийно образовавшихся привилегий. «Одинцов запретил членам отряда после занятий уезжать домой, на Чкаловскую. Генерал рекомендовал им и — более того — требовал оставаться в Звездном городке, заниматься самоподготовкой, ужинать там и только потом уезжать домой.

Конечно, это вызвало волну недовольства. По правде говоря, такое нововведение и не могло понравиться — у всех ведь были семьи, дети. А Одинцов считал, что делает лучше для них, для соблюдения режима» (2). Именно Одинцову, кстати, принадлежит копирайт на формулировки «кушают, как верблюды» и «не пишат, а подписывают».

вооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что...» и т. д.

В 1990-е выяснилось, что на протяжении многих лет Каманин, пользуясь своим неприкосновенным статусом, вел откровенные дневники — где описывал события, не попадавшие в газеты, критиковал вышестоящие органы и высказывал свои соображения, часто противоречащие общепринятым в ту эпоху. Космонавты знали про то, что их «дядька» — воплощавший для них образ мудрого учителя; кто-то вроде магистра Йода (и тоже склонного выражаться не без поэтичности) — ведет дневники, однако вряд ли предполагали, до какой степени подробно он фиксировал особенности их поведения; в свое время публикация этих записей произвела фурор.

Дневники Каманина очень интересно читать; это самый связный и выглядящий очень убедительным источник сведений о Гагарине; они оставляют очень благоприятное впечатление об их авторе, который кажется человеком адекватным, умным, честным — уж точно не каким-нибудь сумасбродным геронтократом, какими показывают советских генералов в фильмах о Джеймсе Бонде. Особенно трогает, что к Гагарину, своему воспитаннику, он относится с должной строгостью — но и едва ли не поточно; словом, трудно не соблазниться этими дневниками.

Меж тем многие, признавая ум Каманина, отзываются о нем с неприязнью или по крайней мере без особого восторга. Журналист Я. Голованов характеризует Каманина как сталиниста, упивавшегося своей властью над космонавтами и безнаказанностью (по мемуарам так не скажешь). «Не могу вспомнить, чтобы он разговаривал с ними весело или просто приветливо. Он был неизменно строг и заранее уже чем-то, что еще не произошло, недоволен. Лицо Николая Петровича было непроницаемо, он владел некой истиной, лишь ему доступной, которую они не узнают никогда — просто ввиду своего ничтожества»; «Думаю, что боль-

Космонавты, однако, были прекрасно осведомлены о своих возможностях — и моментально взбунтовались против чересчур рьяно отнесшегося к своим обязанностям генерала. «Гагарин и Беляев подготовили и провели 21 февраля партийное собрание отряда космонавтов с докладом Гагарина “Роль коммунистов в соблюдении режима труда и отдыха космонавтов”» (9). Разбираться с «бунтом» космонавтов пришлось Каманину, который быстро уловил, что «главный заводила всей этой кутерьмы — Гагарин. Его обидело официальное отношение к нему Одинцова: если Карпов всегда советовался с Гагариным и часто уступал ему даже в принципиальных вопросах, то Одинцов решил держать в отношении с ним официальный тон. Гагарин утверждает, что ему трудно командовать отрядом (нет возможности установить постоянный контроль), и просит дать ему адъютанта отряда» (9).

Одинцов продержался всего несколько месяцев; после него — надолго — начальником ЦПК стал генерал Николай Федорович Кузнецов. «С легкой руки Гагарина, космонавты прозвали его “нашей теткой”» (9), — не без удовольствия отмечает Каманин, понимающий, что термин «дядька», скорее всего,

шинство космонавтов тоже не любили его. Некоторые доверительно говорили мне об этом еще в 60-х годах. Сначала они по-юношески просто трепетали перед ним — перед Звездой № 2, перед генеральскими погонами. А потом ясно почувствовали его тяжелую руку: Каманин крепко держал их в кулаке строжайшей дисциплины, беспрекословного послушания и той унижающей всякого — тем более молодого и незаурядного — человека обезлички, которую он упорно насаждал в отряде первых космонавтов. Ему льстило, что эти всемирно известные люди слушаются его, как новобранцы ефрейтора. Еще легче было управлять теми, кто только готовился к полету. Ведь в первую очередь именно от Каманина зависело, кто полетит, с кем, когда, по какой программе. Будущие космонавты часто вообще этого не знали или знали в общих чертах, понаслышке. Все это создавало атмосферу неопределенности, зыбкости, неуверенности в завтрашнем дне. Поэтому Каманина боялись, но не любили. Добиться соединения страха и любви, как это сделал его кумир Сталин, Николай Петрович не сумел.

Любили-не любили — дело десятое; фундаментальный вопрос, связанный с Каманиным, звучит так: насколько можно доверять этим дневникам? Вряд ли Каманин что-либо выдумывает — не того масштаба человек; но Каманин склонен редактировать случившееся, опускать детали. Вот насколько он редактировал собственно хронику и «улучшал» ее своими ображениями задним числом? Головановское сомнение — «У меня несколько настороженное отношение к дневникам Каманина: дневники так не пишутся» — звучит достаточно резонно: слишком уж монументально выглядят многие записи.

Наконец, последний — но тоже существенный вопрос: насколько можно доверять даже не абстрактным «дневникам», а именно тексту, который в начале 1990-х был опубликован сыном Каманина Л. Н. Каманиным под заголовком «Скрытый космос»?

зарезервирован за ним. Кузнецов, несомненно, осознавал, что должность эта естественным образом подходит самому Гагарину — который, да, был слишком молод, однако этот недостаток с избытком компенсировался его статусом и возможностями. Кузнецова раздражало, что Гагарин, полковник, со дня на день ожидавший представления к генеральскому званию, все время наступает ему на пятки — и, разумеется, поселится в его кабинете сразу же после того, как окончит Академию Жуковского.

Гагарину приходилось тратить чрезвычайно много энергии и нервов на борьбу за свои права и привилегии. Возможно, сам он и остался бы «просто космонавтом», но его авторитет требовалось капитализировать, и товарищи выталкивают его в первые ряды, а начальство расчищает пространство для административной карьеры. Еще в мае 1961 года Гагарину вручают капитанскую повязку — назначают командиром первого отряда космонавтов, а в ноябре 1963-го Каманин предлагает Гагарину самому занять должность заместителя ЦПК — что уже больше напоминает, если продолжить спортивную аналогию, должность даже не главного тренера (это все-таки Каманин), а замдиректора футбольного клуба. «Ему крайне необходимо приобретать опыт руководителя: должность командира отряда космонавтов он освоил (в этой должности он уже более двух лет), а назначение заместителем начальника Центра даст ему возможность полнее подготовиться к будущей роли начальника ЦПК» (9).

Перед каждым пилотируемым пуском Гагарин прилетает на космодром и провожает в полет своих товарищей. Он ведет связь после выхода кораблей на орбиту (любопытно, что позывной «Кедр» сохранился за ним и на Земле (4)). Черток рассказывает, что Гагарин очень профессионально вел переговоры с теми, кто летит («Мне нравилось его спокойствие и умение находить нужные слова в довольно нудных, но обязательных переговорах, когда надо было по интонации и тембру голоса определять самочувствие космонавтов. Ведь никакого ЦУПа с системами обработки и отображения информации тогда мы не имели. Источником оперативной информации “в реальном времени” был сам космонавт. <...> Мне нравилось наблюдать за Гагариным, когда он вел переговоры с экипажем. Он сам явно не скрывал, что получал при этом удовольствие» (4)).

Кроме того, Гагарин выполняет функции фактического начальника не только своих товарищей-космонавтов, но и всего гарнизона: потенциальных космонавтов, их жен, обслуживающего персонала, охраны и т. д. Его возможности и претензии простирались довольно далеко: он мог издать распоряжение о запрете ношения на территории Звездного военной формы —

и останавливать людей на улицах (их было немного, и все так или иначе знакомые) с замечаниями: «Я же давал команду, чтобы в летном обмундировании по городку не ходить» (5); мог затребовать снегоуборочную машину только для того, чтобы замести следы при краже автомобиля у только что купившего ее товарища («У летчиков принято разыгрывать друг друга. Юрий Алексеевич этой традиции остался верен» (5); мог, подвозя приятеля-космонавта с работающей в здешней медсанчасти женой, спросить строгим голосом — даже не его, а ее: почему, собственно, она опаздывает на работу? Вообще, прорабатывать знакомых приходилось часто — за неявку на зарядку, за систематические опоздания, за нарушения дисциплины; к отчетно-выборным партсобраниям следовало писать на товарищеской «аттестации» — причем непременно объективные, иначе обвинят, что «плетешься в хвосте отсталых настроений некоторых космонавтов» (9).

Странно, конечно, что человек, который хлопает по плечу Че Гевару, трогает за коленку английскую королеву и целуется с Лоллобриджидой, у себя дома работает еще и кем-то вроде управдома. Странно; но если главная характеристика публичной жизни Гагарина в 1960-е — отсутствие трения, доступность всего, то что касается профессиональной сферы, тут все было наоборот; он был не сам по себе, но часть механизма, в котором было полно паразитных шестеренок, замедляющих движение, увеличивающих потери на трение и создающих ненужный перегрев; и проще было выполнять многие странные обязанности самому; проще для всех.

Сейчас Центр подготовки космонавтов и Звездный городок не вполне одно и то же, первое — скорее структурно-административное понятие, второе — скорее уже географическое. В начале 1960-х никакого раздвоения не было: где одно, там другое. Еще в январе 1960-го вышла директива главкома ВВС, согласно которой учреждался ЦПК, состоящий из нескольких отделов (управление, учебно-тренировочный, клуб, охрана; 20 космонавтов, 70 военнослужащих, 99 рабочих и служащих). «Легковых автомобилей было всего четыре, один санитарный автобус и два грузовика. И — восемь караульных собак!» (6). Позже рядом с военным аэродромом «Чкаловский» по Ярославской железной дороге стали строить не то что даже город, а особую войсковую часть, а по сути — государство в государстве.

Сейчас кажется, что от советского левиафана трудно было ожидать подобной заботливости, однако в тот раз начальство *посоветовалось* с космонавтами — раз уж многие из них, в том

числе Гагарин, отказывались от подаренных им за полет огромных квартир в Москве на Кутузовском, лишь бы жить поближе к месту службы, — как бы они хотели, чтобы выглядели их дома*.

Есть сведения, что по изначальному проекту семьи космонавтов должны были жить на американский манер, в отдельных коттеджах; однако Гагарин — яркий штрих для исследователей его характера — убедил начальство и коллег, что лучше будет жить в большом многоквартирном доме: «Зачем коттеджи? Давайте жить все вместе. Ведь так веселей!» (8). И они зажили на манер Незнайки и его друзей — коммунальной.

Космонавтские дома — точнее, первую из будущих двух 11-этажных «башен» — стали строить в 1964-м; а в 1965-м Гагарины въехали в новую квартиру; на тот момент уже начали работать школа, магазин, ясли, детский сад, бассейн. Снабжение в городке было, по общему мнению, фантастическим: ананасы, сервелаты, икра, хороший алкоголь; в этом смысле здесь точно был микрокоммунизм. «Городок был закрытым, хорошо охранялся, поэтому двери в квартиры никогда не закрывались. И когда детей укладывали спать, все — и мужчины, и женщины — шли играть в хоккей. Брали форму, брали клюшки и ночью — другого свободного времени не было — играли. Если взрослые уезжали на государственный прием, то все дети оставались в одном доме под присмотром кого-нибудь из старших» (10).

Космонавтские «башни» соединили одноэтажным переходом; к нему примыкала пристройка: большой зал и подсобные помещения. Квартиры здесь были — и есть, надо полагать, — трех- и четырехкомнатные, нетиповые, с большими кухнями и ванными. Гагариным досталась четырехкомнатная; если вам интересно, как выглядит эта квартира изнутри, посмотрите на *youtube* фильм «Гагарин, я вас любила»; там его вдова, Валентина Ивановна, допустившая в дом журналистов с камерой, позволила снять интерьеры.

Дома Гагарин часто ходил в спортивных штанах и белой майке. В квартире его жили белка в колесе (12) и попугай в клетке. «В быту Юра был человеком скромным...<...> Я даже импортных шмоток у него не помню, ходил он в том же, что и все. Прислуги ни у кого из наших космонавтов никогда не бы-

* Авторы «Starman» цитируют Германа Титова: «Честно говоря, никаких особых привилегий у нас не было. То есть к нам все время подходили и спрашивали: “Покажи, где ты хочешь, чтоб мы отгрохали тебе роскошную дачу, и Хрушев тебе ее построит, прямо сейчас”. Меня это не волновало, и Юру тоже. Мы были просто молодыми. О чем вообще они говорили? Какая дача, чего нам там с ней делать-то?» (7).

ло. Так что женам приходилось туго, ведь в доме всегда было полно людей. Помню, что жена Юры всегда ходила с сумками — то из магазина, то в магазин...» (13).

О том, что представляла собой рабочая — режимная — жизнь Гагарина в 1960-х, в те дни, когда он не был в командировках, можно понять по этому отрывку: «Жизнь была размеренной. Утром зарядка, это обязательно, потом завтрак. Мы спускались в столовую из своих “апартаментов”, а ребята приезжали со Чкаловской, где они жили. После завтрака — медосмотр: пульс, давление, частота дыхания, кое-какие тесты. Перед испытаниями — на центрифуге, в термокамере — обследование было более серьезным. Раз в квартал проводился углубленный медицинский осмотр. После медосмотра — занятия: теоретические, тренировки на тренажерах и стендах, физподготовка; словом, день был напряженным. В шесть часов занятия заканчивались. После ужина ребята уезжали домой» (6).

Часто приходилось посещать московские и подмосковные «фирмы» — то есть конструкторские бюро: осваивать технику. Много времени посвящалось рутинным тренировкам, связанным с поддержанием имеющихся и освоением новых космических навыков. Все это кажется не ахти каким интересным, однако, если прислушаться к свидетельским показаниям, выяснится, что задания выполнялись самого удивительного свойства (14). Например: «В горизонтальном полете и в условиях невесомости Юрий Алексеевич должен был написать текст “Циолковский — основоположник космонавтики”». (И как? «Анализ почерка показал, что при фиксации космонавта к креслу кратковременная невесомость не оказывала существенного влияния на характер почерка, а в состоянии свободного перемещения в “бассейне невесомости” никому из шести человек не удалось произвести запись текста» (14)).

Или — чего только не предполагает, оказывается, профессия космонавта — к примеру:

«Во время полетов на самолете Ту-104А большое внимание уделялось дегустации космических блюд, предназначенных для потребления в реальных условиях полета. В дегустации участвовали Гагарин, Шаталов, Береговой, Воынов, Елисеев, Хрунов, Филипченко и другие космонавты. Они учились есть и пить в условиях невесомости. Дегустации подлежали суп харчо, борщ украинский, суп овощной, суп молочный; из вторых блюд — мясо куриное с черносливом, говядина духовая с картофельным пюре, колбасный фарш, язык говяжий, куры в томате, печеночный и перепелиный паштет, сосиски-малют-

ки, мясо сублимированное, мясные и рыбные консервы, творог с черносмородиновым пюре, вобла, каша гречневая, сыр российский. Из третьих блюд — сок виноградный, сок черносмородиновый с мякотью, абрикосовый сок, кисель яблочный, кофе с молоком, чай с сахаром, цукаты, ржаной и бородинский хлеб. В состоянии кратковременной невесомости космонавты учились пользоваться инструментами для еды, консервным ножом, пробойником, ложкой и вилкой — все инструменты, как и в реальном полете, были привязаны небольшими нитками к одной общей нити, чтобы в условиях невесомости не уплыли куда-нибудь. Хочу привести один любопытный документ — выписка из протокола 1967 года. «Вкусовые качества сосисок-малюток с применением томатного соуса ‘Деликатес’ хорошие. Томатный соус быстро выдавливался из тубы и плавно ложился на сосиски, по вкусу соус приятный, домашний. В пакет с гречневой кашей было налито 150 граммов горячей воды, в состоянии невесомости она быстро растворилась и была готова к употреблению, вязкость и вкусовые качества хорошие. С помощью ложки колбасный фарш в условиях невесомости держится хорошо, только в одном случае кусочек фарша оторвался от ложки и поплыл по кабине самолета, надо было пользоваться вилкой. Во всех случаях акт глотания не нарушался». Большинство космонавтов с удовольствием ели пищу в условиях невесомости, особенно им нравился украинский борщ, мясной паштет, сосиски-малютки, виноградный сок и цукаты. Юрию Алексеевичу по душе и по вкусу были печеночный паштет и абрикосовый сок. Все это он съедал с большим аппетитом».

И ладно бы только дегустации. «Впервые в условиях кратковременной невесомости проводилось испытание бритв “Харьков” и “Агидель”, которые работали хорошо: волосы сбрасывались, как и в обычных наземных условиях. Оба образца бритв были рекомендованы для поставки на борт. Юрий Алексеевич испытывал бритву “Харьков”, замечаний не было» (14).

Бриться, жевать сосиски-малютки — это пожалуйста, однако чего у Гагарина не было — так это летной практики. О том, насколько болезненным было для него отлучение от самостоятельных полетов, можно понять даже не только по рапорту 1967 года, где Гагарин просит освободить его от обязанностей зама начальника ЦПК («считаю морально неоправданным находиться на должности... не имея возможности летать самому...» (15)), сколько по тому, что он ВСЕГДА, оказываясь на борту воздушного судна, просился за штурвал: мемуарных анекдотов на эту тему так много и они настолько однообразны, что мы даже не станем их специально цитировать. Естественно, ему ни-

кто не отказывал — а он всегда вел самолет аккуратно и ни разу не поставил своих благодетелей в неловкое положение.

Уже в конце 1962 года Гагарин подкатывает к Каманину с просьбой о включении в план тренировок на 1963 год 50 часов налета для каждого космонавта (из них 25 часов на истребителях). Каманин кивал, но предпочитал спускать вопрос на тормозах; в результате свой первый с 1960 года самостоятельный полет Гагарин должен был совершить... 27 марта 1968-го. Космические тренировки, поездки на пуски ракет и в центры космической связи, дрессировка космонавтов, подготовка по программе «Союз и Луна», тренировки парашютных прыжков... — да, он не летает, однако старается держать себя в космической форме, он все время надеется полететь — не на Луну, так хоть просто еще раз в космос. Начальство опекало и требовало «побережься» — а он все время сигнализировал, что хочет еще, что не собирается вести жизнь фарфорового сувенира, — и, раз не давали летать, часто ездил прыгать с парашютом. Есть истории о том, как он отрабатывал чрезвычайно сложные прыжки с приводнением в Феодосии. Есть о том, как в Киржаче Гагарин с Беляевым угодили под кинжальный ветер — и приземлились на лесосклад: «Стоит навес, а во дворе беспорядочной грудой навалены бревна. Беляев угодил в кучу бревен, а Гагарин приземлился на крышу, провалился по пояс. Оба чудом уцелели...» (16). Рисковал все время, ему нравилось (не говоря о том, что гонял — по-настоящему, с авариями — на своем катере и своих автомобилях).

Довольно много времени съедала учеба в Академии Жуковского (с 1961 по 1968 год). Идея (судя по всему, каманинская; он сам там учился) дать космонавтам — слетавшим (Гагарину и Титову) и потенциальным — высшее образование была очень удачной во всех отношениях. Во-первых, это было способом нагрузить членов первого отряда, которые и так часто болтались без дела — и могли начать морально разлагаться из-за постоянно откладываемых полетов. Во-вторых, таким образом увеличивалась конкурентоспособность космонавтов по сравнению с американскими астронавтами: у тех образовательный ценз изначально был выше — диплом инженера. В-третьих, они сами смогут постоять за себя в часто возникавших дискуссиях на тему «Нужен ли человек на борту военного космического корабля?». В-четвертых, предполагалось, что следующее поколение космических аппаратов для осуществления полетов на Луну и Марс будет оснащено полноценными системами ручного управления — и космонавт не просто усядется в начиненную электроникой камеру и будет знать, на

какие кнопки нажать в случае чего (как Гагарин и Титов), а понимать, по каким принципам все это работает.

Белоцерковский, преподаватель Гагарина, написавший о его обучении в Академии целую книгу, транслирует напутствие Королева: «Покажите им, как тяжело быть в нашей “шкуре”. Это очень важно. “Шкуру” космонавта они почувствовали, а “шкуру” главного конструктора нет. А им надо хорошо понимать трудности конструктора. Проблема-то одна, ее не разорвешь на части...» (17). В любом случае, государству выгоднее было инвестировать в дальнейшее образование людей с идеальным здоровьем — чем тренировать инженеров, которые в любой момент могли выйти из строя, не выдержав физических нагрузок.

Академия, конечно, была обязателькой, то есть, по сути, косвенным налогом на право считаться космонавтом. Но несмотря на все издержки, связанные с обучением в сравнительно взрослом возрасте, космонавтам и самим было выгодно получить диплом инженера: академия повышала шансы попасть в космос — да и вообще высшее образование по тем временам автоматически поднимало их на более высокий уровень в социальной пирамиде.

Разумеется, космонавты — и Гагарин с Титовым в особенности — не были обычными студентами; ближайшей аналогией является обучение какого-нибудь принца Гарри в Сандхерсте. Преподаватели пытались делать вид, что ничего особенного не происходит, но, увидев в аудитории живого Гагарина, подходили к своему студенту за автографом. Самые строгие пытались держать марку, но в какой-то момент сдавались и они. Белоцерковский приводит впечатляющие подробности о профессоре А. А. Космодемьянском, который вел курс динамики полета. Сначала между космонавтами и лектором чувствовалась «какая-то отчужденность», однако затем обоюдный интерес растопил лед — и между сторонами возникли не только формальные, но и человеческие — может быть, даже слишком человеческие — контакты. «В перерыве между занятиями, скажем, Аркадий Александрович с удовольствием щупал бицепсы Гагарина — они были просто стальными» (17). Также возможности убедиться в хорошей физподготовке первого космонавта появились у преподавателей физики, астрономии, аэродинамики, высшей математики, английского языка и политэкономии.

«Космонавты поступили в академию без вступительных экзаменов. Поэтому у них не было того периода подготовки, когда поступающий освежает в памяти свои знания. Среднее образование и дипломы у них были, но вот такой подготовки они лишились. Из-за этого на первых порах слушатели-космонав-

ты несколько уступали среднему слушателю академии по физико-математической подготовке. Это относилось ко всем без исключения, в том числе и к Юрию Гагарину. Поэтому оценки космонавтов на первой сессии были несколько ниже, чем в среднем по академии. Из-за этого пришлось несколько пересмотреть методику преподавания курсов, в том числе и математики» (17). «Что касается Гагарина, то у него тоже вначале были пробелы в элементарной математике. Но он их ликвидировал упорным трудом, причем добился успеха, пожалуй, даже быстрее других» (17).

Все эти многочисленные «несколько» и «пожалуй» настораживают, однако Гагарину всегда хорошо давалась учеба, так что сомневаться в искренности Белоцерковского не приходится. Еще подробности: после какого-то экзамена, «узнав оценку, он выходит во двор к ожидающим с нетерпением товарищам и облегченно вздыхает. Затем, почесывая в затылке и умиротворенно улыбаясь, бросает:

— Да, нелегкая это работа — из болота тянуть бегемота» (17).

Бегемота тянули медленно, по своему графику (например, они начали учиться осенью 1961-го, но экзамены за 1-й семестр 1-го курса сдавали только в начале зимы 1963-го).

«23 января (1962 года. — Л. Д.) собирал всех космонавтов, — пишет Каманин, — и советовался с ними об их дальнейшей учебе в академии. Все заявили, что совмещать занятия в академии с подготовкой к космическому полету невозможно; чрезмерно большая нагрузка может сказаться на их здоровье. Все высказались за то, чтобы космическую подготовку проводить в полном объеме, а академические занятия резко сократить — оставить лишь отдельные лекции, не сдавать зачеты и не защищать дипломный проект. Я настойчиво разъяснял им ошибочность их позиции. Через 2—3 года, когда у нас будут летавшие космонавты с высшим образованием (из нового набора), роль космонавтов, не имеющих высшего образования (из первого набора), будет более чем скромной. А командованию ВВС хотелось бы, чтобы из группы первых космонавтов выросли крупные руководители в области космонавтики. Я предложил простое и, на мой взгляд, единственно правильное решение: всех космонавтов (17 человек) разделить на две группы — “академическую” и “космическую”. В 1962 году первая группа занимается только в академии, вторая — только космической подготовкой. В 1963 году группы поменяются местами, а начиная со второго курса (осень 1963 года), все будут заниматься только в академии (имеется в виду, что все уже слетают в космос по одному разу). Программу дальнейших полетов будут выполнять космонавты нового на-

бора. Гагарин, Титов и другие космонавты, а также главком одобрили это предложение» (9).

Осенью 1965 года студенты-космонавты начинают обсуждать возможные темы дипломных работ. Вряд ли для кого-то станет большим сюрпризом информация о том, что тема, которая интересовала Гагарина больше других, — это «Освоение Луны».

Уже на следующий день после успешного полета майора Гагарина СССР дал понять, что следующей его целью является покорение Луны. Никому из руководителей государства даже не потребовалось заявлять об этом вслух, как Кеннеди, — к счастью, аудитория была уже достаточно закошмарена, чтобы адекватно реагировать даже на косвенные намеки. Так, 13 апреля 1961 года в Париже, в Палэ де Спорт, «80 танцоров с Урала» исполнили перед тремя тысячами зрителей «танец искусственного спутника». Группа артистов, изображающих космическую ракету, кружилась вокруг солистки, на голове которой был водружен — внимание, тревога! — огромный желтый шар. Внезапно, — обеспокоенным тоном сообщает корреспондент *L'Aurore*, — от ракетной группы отделился человек, устремился к Луне и водрузил там советский флаг» (18). В тот момент вера во всемогущество таинственного Главного Конструктора была настолько велика, что даже такого рода танцы — просто танцы — воспринимались как черная метка Америки. «Когда на заре космической эры корреспонденты спросили известного американского физика Тейлора: “Что увидят американцы, когда они посетят Луну?” — тот ответил, ни секунды не колеблясь: “Русского!”» (19). «Я не хочу засыпать при свете коммунистической луны», — ответил Линдон Джонсон, «на обвинения ряда бизнесменов в слишком высокой стоимости новых программ “Джеминай” и “Аполлон”» (20). Сам Том Вулф сочувственно прицокивает: «Боже мой, это гораздо хуже, чем спутник: каждую ночь над головой проплывает серебристая луна, оккупированная русскими»* (20).

* Пока американские медиа печатали иеремиады, оплакивающие космический провал США, советские — иронические донесения из лагеря деморализованного противника. «Правда» 18 июня 1961 года под заголовком «Соединенные Штаты спешат на Луну?» опубликовала информацию своего корреспондента: «Передо мной телеграфное сообщение: два пилота американских военно-воздушных сил помещены в специальный стальной контейнер. В нем создана обстановка, имитирующая полет на Луну и обратно. Пилотам придется путешествовать, не двигаясь с места, семнадцать дней. Делать нечего, и капитан Уэстфолл запасся учебником испанского языка. Капитан Гэнг решил освоить книгу о том, как делать деньги на бирже, Луна — Луной, а доллары нужны на Земле» (21).

Еще искреннее в скорый полет на Луну верили сами русские:

Примите поздравленья.
Уверены вполне,
Один из дней рожденья
Вам встретить — на Луне! (22).

Это стихотворение было преподнесено от имени журналистов «гагаринского пула» Валентине Гагариной, отмечавшей день рождения в Афганистане, в очередном мужнином туре. Совсем недавно отлетал целые сутки Титов, скоро полетит Андриян Николаев; декабрь 1961 года был хорошим временем для тех, кто не сомневался: еще чуть-чуть — и на Луну будут вывозить на экскурсии всех желающих, как в Суздаль, допустим.

Луна была Святым Граалем, навязчивой идеей Гагарина. Его страшно удручало, что во время своего полета он не видел ее; он жаловался на это, прибавляя, впрочем: «Но это не беда, посмотрю в следующий раз». Она действовала на него магнетическим образом с юности — он к месту и не к месту поминал ее и мечтал о ней, как люди, всю жизнь промыкавшиеся по общежитиям, мечтают о собственной квартире. В Саратове, когда он только-только записался в аэроклуб и над ним принялись подшучивать приятели — не забудь, мол, как научишься, и нас прокатить, он угрожал им: «Подождите, я еще вас на Луну свожу!» (23). Когда он появлялся откуда-нибудь неожиданно, то на вопрос, откуда он взялся, он непременно отвечал: «С Луны» (24).

Это выглядит выдумками некомпетентных биографов, однако, судя по многим косвенным признакам, ему действительно казалось, что он избран, предназначен для этой миссии. Убеждало его многое — и не только собственные предчувствия. Еще в 1954 году ему попался ноябрьский номер журнала «Знание — сила», в котором был «фантастический» вкладыш — «№ 11 за 1974 год», а там — рассказ кинорежиссера В. Журавлева «Как создавался фильм “Космический рейс”» — о консультациях Циолковского при съемках (тот сделал 30 чертежей нацеленного на Луну ракетоплана), «сообщение Академии наук СССР, и репортажи с борта корабля, и выступления ученых и членов экипажа о том, как готовился полет, и фотографии с краткими биографическими данными космонавтов, и описание траектории полета, и рисунки с изображением корабля». Проблема в том, что главного конструктора и бортового инженера корабля «Луна-1» звали Ю. Н. Тамирин, он был 1934 года рождения и родом — из Смоленской области. Дальше, правда, редакция обрисовала в воздухе знак кавычек: «Мы

признаемся, что... названные нами лица не существуют на самом деле, мы выдумали их в редакции, потому что не знаем еще фамилий будущих межпланетных путешественников, но мы не сомневаемся, что они уже родились и некоторые из них, возможно, будут держать в руках этот журнал. Безусловно, многие из наших читателей примут участие в постройке будущего межпланетного корабля, пошлют на Луну изделия своих рук. Желаем вам успеха в работе, передовики будущих десятилетий, надеемся, что вы приложите все усилия, чтобы подлинный, а не фантастический корабль отправился как можно скорее на Луну, а мы со своей стороны могли бы выпустить не фантастический, а подлинный отчет о первом межпланетном перелете» (25).

Именно Луна — а не начальник ЦПК и не моральный кодекс строителя коммунизма — требовала от Гагарина праведной жизни и самоотречения; Луна была главным стимулом, который держал его в форме. Стимулом — и наглядной иллюстрацией фольклорных мудростей из серии «близок локоть, да не укусишь» и «видит око, да зуб неймет».

В принципе, Луна была досягаема: после того как 12 апреля 1961 года стало ясно, что человек может находиться в космосе, никакого совсем уж непреодолимого препятствия не было. Это была чисто инженерная задача — сконструировать летательный аппарат, который сможет осуществить мягкую посадку и затем снова взлететь с поверхности Луны. Задача, требовавшая, однако, миллиардов довольно дорогих рублей.

Министерство обороны, которому надо было бодаться с американцами на Земле, не понимало, в чем состоит оборонное — то есть военное — значение Луны; это казалось шарлатанством и прожектерством: тратить деньги на межпланетные путешествия. Гагарин понимал — но доказать ничего не мог. Луна была очень-очень близко — и очень-очень далеко. Лиса и виноград.

Между тем официально от идеи покорения Луны никто не отказывался, так что между 1961 и 1966 годами СССР, называя вещи своими именами, блефовал. Танцы были, песни про то, что «заправлены в планшеты космические карты» — тоже были, даже глобус Луны у Гагарина в кабинете стоял, а вот никакой конкретной лунной пилотируемой программы не было.

В 1963 году осознание этого факта дало английскому астроному Ловеллу, вернувшемуся из поездки по космическим объектам СССР и имевшему много бесед с официальными лицами, повод сделать заявление, что, по существу, США ведут гонку за Луну с самими собой — и СССР в ней не участвует.

Когда эйфория кончилась и стало ясно, что американцы по всем параметрам выходят вперед в космической гонке (военное ведомство США под предлогом мифической лунной угрозы выкачивало из налогоплательщиков деньги и вливало их в свои предприятия), — «за Луну» взялись с несколько даже комической серьезностью. Проект покорения Луны в общих чертах (то есть, по сути, в сознании Королева) существовал уже с конца 1950-х; однако теперь был разработан план более-менее конкретный, с бюджетами и прописанными программами подготовки пилотов. Для потенциальных участников лунных экспедиций были организованы занятия в Московском планетарии, которые посещали не только космонавты, но и высшие чины из Министерства обороны (главком ВВС Вершинин, маршал Руденко), желавшие понять, во что, собственно, им предлагается вбухивать баснословные средства. Специалисты по Луне излагали все, что им на сегодняшний день известно об этом теле. «Особенно интересным, — замечает Каманин, — было сообщение Козырева о том, что поверхность Луны формировалась под воздействием вулканических процессов и приливных явлений из-за влияния Земли. Метеорные тела тоже оставили свои отпечатки на лике Луны. Мне лунная поверхность представляется в виде слегка затвердевшего мха» (9).

Наиболее продуманный план подготовки экспедиции на Луну — с конкретными экипажами, с программой тренировок — был принят лишь в начале 1966-го и рассчитан на два с половиной года. Луну предполагалось освоить в три приема. Сначала — облет (шесть — восемь кораблей, не одновременно, конечно). Затем — высадка лунохода, который должен был обследовать места прилунения корабля с космонавтами. Наконец, настоящее вторжение: корабль с людьми. Состав группы космонавтов, которых должны готовить по программе облета Луны, постоянно меняется; в нее обязательно хотели включить людей от ОКБ. Гагарин должен был стать командиром одного из экипажей.

В 1968 году, за две недели до гибели Гагарина, была утверждена новая, «рассчитанная на 2,5 года программа подготовки космонавтов для экспедиции на Луну. Фактически уже с января этого года мы начали готовить по этой программе 18 космонавтов» (9). «По программе облета Луны конкретные экипажи проходили интенсивную подготовку. Выезжали даже в Сомали для визуального изучения созвездия Южный Крест и других особенностей небосвода Южного полушария, которые нельзя наблюдать в Москве» (26). Однако, даже если и так, все это по сути означало, что «первые полеты лунного

корабля по орбите вокруг Земли могут состояться во второй половине» 1969 года, «а экспедиция на Луну — не раньше 1970—1971 годов» (9).

Общераспространенным является мнение — его охотно поддерживали преемники Королева, Мишин, а затем и Глушко, — что в последние годы своей жизни Королев сбился с пути, зашел в тупик и продолжал экспериментировать с созданием огромной лунной ракеты Н1 лишь в силу своего упрямства, хотя на самом деле понимал, что проект обречен на неудачу. В чрезвычайно любопытной книге «Марсианский проект Королева» (26) утверждается, однако, что Королев вовсе не был одержим Луной и что он вовсе не спеялся на «лунной гонке»: его мечтой был Марс, а сама Луна интересовала его лишь постольку-поскольку, как промежуточная стадия; и именно поэтому он не форсировал лунную программу между 1961 и 1965 годами.

Понимал ли все это Гагарин и насколько утешительной была для него надежда, что в 1974-м кто-то — может быть, и он — полетит на Марс (в 1966-м уже и дизайн выпелов придумали, и посадили четверых моряков в подводный контейнер на глубину 200 метров, чтобы те сидели там четыре месяца и выясняли, насколько важна проблема психологической совместимости при путешествиях в герметичных кораблях на дальние расстояния), трудно сказать. Теоретически у него был шанс поучаствовать в еще одном многообещающем мероприятии — облете Солнца: Королев планировал его как важный промежуточный этап, между лунным и марсианским. Разумеется, мы и так летаем вокруг Солнца — но Королев собирался лететь по гелиоцентрической орбите, отличающейся от земной, скорее всего, в другую сторону. Все это было очень интересно, но, скорее всего, Гагарин все-таки рассчитывал именно на Луну — и готов был лететь туда на чем угодно, хоть на метле (9), и на каких угодно условиях — даже в один конец*.

* На самом деле, идея действовать по принципу «прилуниться — а там посмотрим» посещала далеко не только Гагарина. О том же думали и американцы. «Так будет дешевле, быстрее и, возможно, это единственный способ победить русских», — цитирует Дулинг формулировку Корда. Дулинг сообщает, что данные, собранные спецслужбами, свидетельствуют в пользу предположения о том, что Советы смогут осуществить мягкую посадку космического аппарата на Луне с человеком на борту в 1969-м» (3). Однако «в один конец» — это не как в пелевинском «Омоне-Ра»: водрузить флаг и умереть от голода. Нет, конечно. «Ни советский, ни американский вариант не подразумевали того, что несчастный космонавт останется на Луне на веки вечные. Его должны были забрать — в течение периода длительностью от одного до трех лет — сразу же после того, как будет найден способ и сконструировано соответствующее оборудование. Вслед за первым, с человеком, должно было последовать еще девять пусков. Другие ракеты должны были доставить жилой модуль,

Хотя важнейшим пунктом в дипломной теме «Освоение Луны» предполагалось сделать «Оборонное значение освоения Луны» — и именно в этом аспекте рассматривать автоматические устройства, обитаемые корабли облета, корабли и средства для прилунения и возвращения на Землю, тему не поддержал маршал Руденко, испытывавший сильные сомнения в том, что проект «Луна» будет реализован. Гагарину предложили на выбор три дипломные темы: «Орбитальный самолет-разведчик», «Орбитальный самолет-перехватчик» и «Космический корабль для нанесения ударов по объектам на Земле» (9).

О том, насколько серьезным было обучение в Академии, можно понять по выступлению Гагарина на защите диплома, которое можно использовать как мантру, вводящую в гипнотический транс (17): «Была выбрана аэродинамическая схема летательного аппарата и произведено исследование его аэродинамических характеристик. Прежде всего рассчитаны статические характеристики данного аппарата. В принятой методике летательный аппарат заменяется крылом сложной формы в плане, которое, в свою очередь, заменяется вихревой поверхностью. Она представляет собой определенное количество косых подковообразных вихрей. Граничные условия удовлетворяются в расчетных точках. Затем по теореме Жуковского “в малом” находится распределенная нагрузка, действующая на крыло. А потом — суммарные характеристики. Результаты теоретических расчетов, которые проводились на электронно-вычислительной машине БЭСМ-2М, представлены на двух графиках. В качестве примера построены зависимости подъемной силы и момента по углу атаки...» (и это мы еще не дошли до «момента демпфирования по угловой скорости и по изменению положения центра тяжести»).

Нравы в Академии были строгими, но космонавтам — особенно выпускникам — позволялись некоторые послабления. На празднование по случаю защиты диплома Гагарин приносит зажаренного целиком кабана.

коммуникационный модуль и оборудование, строительное оборудование — чтобы собрать модули, плюс 9910 фунтов еды, воды и кислорода, которые, как предполагалось согласно проекту, космонавт мог потреблять, дожидаясь своих спасителей. Кто, спрашивается, согласился бы на подобное предложение? “Все были уверены, — писали Корд и Сил, — что здоровые и должным образом подготовленные добровольцы для этой миссии будут найдены — даже если шансы на возвращение будут нулевыми”. И я, — пишет Мэри Роуч, — верю в это. И сейчас есть астронавты, которые будут счастливы подписаться на полет на Марс в одну сторону. Подобный сценарий не предполагает даже возможности возвращения обратно. Впрочем, экипаж будет доживать остаток своей жизни не в одиночку — к нему будут прилетать беспилотные транспортные корабли» (3).

Логика поступков Гагарина была задана ситуацией, а ситуация была такая: космос, точнее, пилотируемые космические полеты находились в ведении Министерства обороны, где сидели трезвые военные, которое не слишком верили в их практические перспективы. Логика подсказывала, что после одноразовых «Востоков», «Восходов» и «Союзов» следовало попробовать создать многоразовый космический корабль типа «Шаттла» и «Бурана», только поменьше, одно-двухместный. Но логика у всех заинтересованных сторон была своя — и со всеми приходилось бодаться. С министром обороны маршалом Малиновским — чтобы министерство заказывало космические аппараты, с его преемником Гречко — чтобы начинали создавать многоразовый космический корабль (Гречко прочел их доклад и, «назвав предложение фантастикой, потребовал от космонавтов оставить эту затею и “заниматься делом”» (28)); с ОКБ, которое выступало за дальнейшую автоматизацию и не верило в возможности дремучих летчиков, которые едва-едва могут освоить устройство космических приборов, — чтобы поверили в будущее пилотируемой космонавтики; с инженерами из бюро Челомея, которые требовали строить не корабли, а орбитальную станцию «Алмаз»...

У хорошо сведущего в бюрократических тонкостях Каманина был свой план того, как вернуть стратегическую инициативу и оказаться на Луне первыми: «...убрать Малиновского, передать космонавтику от Крылова к Вершинину <то есть чтобы космонавтику курировал не ракетчик, главком ракетных войск стратегического назначения, а непосредственно ВВС> и допустить космонавтов к руководству космическими делами» (9).

Чего Гагарину не хватает — так это реального Проекта: еще одного полета — просто по орбите, на Луну, вокруг Солнца или на Марс, и вот на этой «тяге в небо» как раз и фокусируются с удовольствием все мемуаристы. О чем они редко упоминают — так это об одном простом обстоятельстве: среди желающих был не один Гагарин, там худо-бедно действовал очень простой механизм, обеспечивающий порядок, — очередь, в которой стояли его ближайшие товарищи, — и пробиваться вперед, только потому, что он Гагарин, а иначе ему будет психологически очень некомфортно, было бы совсем уж свинством: еще не все ребята по разу-то слетали, а он уже лезет по второму. По большому счету, у него появлялся шанс слетать во второй раз года после 1970-го.

Да, первый отряд был «боевым братством», институцией того же рода, что королевские мушкетеры или рыцари Круг-

лого стола; неточность этой аналогии состоит в одном важном обстоятельстве. Космонавтов было много, а возможностей слетать в космос — и перейти из разряда «нелетавших космонавтов» в настоящие — очень мало. «Звездные братья» поневоле были конкурентами друг друга. Особенно отчетливо это проявлялось в отношении «посторонних»; так, какими бы хорошими ни были отношения Гагарина с Терешковой, сколько бы ни водил он в спецсекцию ГУМа «особый бабий батальон при первом отряде» (6), он постоянно уговаривал Королева и Каманина «разогнать капеллу космонавток» (9).

Осенью 1965-го Гагарин начинает готовиться к полету по программе космического корабля типа «Союз» — гораздо более сложного, чем «Востоки» и «Восходы». Осенью же слетавшие космонавты вместе с Каманиным подают Брежневу — напрямую, через голову командующего ВВС, маршала обороны и даже чересчур увлеченного автоматикой главного конструктора — челобитную, смысл которой в том, что: а) мало летаем; б) государство, ссылаясь на то, что нет средств, не заказывает пилотируемые корабли, за весь 1965-й слетал один «Восход»; в) американцы за тот же период времени запустили уже два «Джеминая» и планируют еще два до конца года. То есть: мы отстаем; вы не на том экономите; скорее дайте денег.

Затяя ничем не кончилась — напрямую, из рук в руки, письмо передать не удалось, посреднические инстанции сочувствовали и обнадеживали — да-да, очень важно, будем обсуждать в ЦК; однако тем дело и кончилось. Каманин ворчит: «Никто даже не побеседовал с космонавтами по содержанию письма. Полнейшее равнодушие наших руководителей к космосу можно объяснить только растерянностью и боязнью разворошить серию наших провалов».

Гагарин будет пытаться встретиться с Брежневым все дальнейшие годы — однако безрезультатно (что и породит конспирологические теории о якобы существовавшей взаимной неприязни Брежнева и Гагарина; последний якобы однажды, на каком-то кремлевском банкете, выплеснул Брежневу в лицо не то рюмку водки, не то бокал шампанского; все это не более чем фольклор).

На самом деле, в 1965 году — и на бумаге — все было далеко не так плохо. На начало 1966-го планы СССР по пилотируемым полетам выглядели следующим образом. «На 1966 год намечается 9 пилотируемых полетов: 4 — на “Восходах” и 5 — на “Союзах”. В 1967 году планируется выполнить 14 полетов, в 1968-м — 21 полет, в 1969-м — 14 полетов и в 1970 году —

около 20. В общем, за пятилетку предстоит совершить около 80 полетов многоместных кораблей (по два-три космонавта на борту)» (9).

Однако из-за трагической смерти Королева и последовавшей еще через полтора года гибели космонавта Комарова космическая машина СССР стала пробуксовывать. По вине промышленности — по настоятельной просьбе главного конструктора — по соображениям элементарной безопасности — сами поставьте галочку в более подходящем пункте, полеты все время откладывались; никто не хотел брать на себя ответственность. Только после того, как не стало Королева, выяснилось, до какой степени важно было, что космосом в СССР занимался альфа-самец, способный брать на себя ответственность. Главное достоинство Королева, по общему мнению, состояло именно в этом; что и зафиксировано в знаменитом анекдоте «о лунном грунте, робких астрономах и решительном главном конструкторе. В течение многочасового совещания Королев никак не мог добиться ответа специалистов на простой и ясный вопрос: Луна твердая или покрыта толстым слоем пыли, в которой космический аппарат может утонуть, как в болоте? Было сказано очень много слов, но ответа не было. Тогда Королев встал и сказал:

— Итак, товарищи, давайте исходить из того, что Луна твердая?

— Но кто может поручиться? Кто такую ответственность на себя возьмет?

— Ах, вы об этом... — поморщился Сергей Павлович. — Я возьму.

Он вырвал из блокнота листок бумаги и размашисто написал: “Луна твердая. С. Королев”»* (27).

* Если уж речь зашла о Королеве и Луне, расскажем еще один странный эпизод из биографии Ю. А. Гагарина. Ночь после смерти С. П. Королева, 15 января 1966 года, Гагарин — вместе с женой, А. Николаевым и В. Терешковой — провел в Останкине, в доме Королева. Осознавая, что Королев умер по чужой вине, «Юра, выругавшись, грохнул с силой кулаком по столу, словно задыхаясь, с яростью и надрывной злостью рассказывал о многочисленных ошибках врачей во время операции, начиная с момента дачи наркоза и кончая историей с аппаратом для массажа сердца. Потом долго молчал, кусая губы. <...> А потом неожиданно: “Не будь я Гагариным, если я... я должен взять прах Королева, запаять в капсулу и доставить ее на Луну. Андриян, если ты со мной, если ты меня поддерживаешь, тогда поклянемся”. Крепко сжимая руки, повернулись ко мне: “Разбей”. Я ударила по их рукам...” (29).

«Задумка была такая. Мы собирались в 1968 году сесть на поверхность Луны, и там первый, кто на нее высадится, должен был выкопать что-то вроде могилы и похоронить в ней прах Королева, то есть не отправить, как потом ходили слухи, с какой-нибудь ракетой на Луну и оставить прах

Страшная гибель Комарова («было трудно разобрать, где голова, где руки и ноги. По-видимому, Комаров погиб во время удара корабля о землю, а пожар превратил его тело в небольшую обгорелый комок размером 30 на 80 сантиметров» (9)) была для Гагарина и его окружения еще большей травмой оттого, что гибель эта была предсказуемой. Как можно было «решаться на пилотируемый пуск, имея до этого подряд три аварийных беспилотных?» (4). Это может показаться непоследовательным, однако космонавты пытались не только подогнать начальство, но и притормаживать. Так, есть сведения, что весной 1967-го космонавты передают Брежневу секретное письмо о недоработках планируемого к запуску корабля нового типа «Союз» — с целью предотвратить заведомо неудачный запуск; и эта подача также не была отыграна, и через несколько недель полет первого «Союза» с человеком на борту закон-

где придется, а сделать все по-человечески, как это делают на Земле. Это не афишировалось. Мы, самые первые космонавты, по предложению Юры решили сами, что только так это должно быть» (30). «Было такое наше тайное решение. Если бы мы стали выходить со своим предложением наверх (в ЦК), надо было бы пройти такое согласование, что вряд ли бы мы когда-нибудь дождались нужного нам решения. Поэтому мы решили это между собой и дали друг другу слово, что это во что бы то ни стало должен сделать тот, кто полетит на Луну первым. Ведь Сергей Павлович так мечтал сам побывать на Луне. Вот мы и хотели... хотя бы так осуществить его мечту: сделать так, чтобы он был первым человеком, которого на Луне похоронили. Если бы мы обратились в ЦК, там сразу бы возник вопрос: «А почему первым должен быть Королев, а не Циолковский или даже какой-нибудь вождь, например, кусочек Ленина?!» Так что мы всё решили сами! Может быть, мы и были как мальчишки, но так подсказывала нам совесть» (30).

«17 января вечером — было уже совсем темно — траурный кортеж двинулся в крематорий у Даниловского монастыря. Гроб въехал в печь в 21 час 17 минут» (27).

«Владимир Комаров... по поручению Гагарина... спускался в преисподнюю московского крематория, ему и отсыпали прах» (27).

«Добытый пепел сперва завернули мы в самый обычный машинописный лист, так, как это делают, когда запечатывают порошки. Потом заложили его в специальную капсулу. Сам я эту капсулу не видел. Ее забрал к себе на хранение до нужного момента Юра. Жены наши об этом не знали. Нам казалось, что это им ни к чему. Впрочем, может, Гагарин жене и говорил. Не знаю. Хранил ли он прах дома? Сомневаюсь. Скорее мог хранить на работе. В сейфе...» (30).

«Через несколько месяцев Нина Ивановна <вдова Королева> вспомнила эти слова и спросила Юру: было ли такое? Он признал, что часть праха у него. Нина Ивановна сказала, что так делать нельзя, что это не по-христиански, прах нельзя делить. Гагарин обещал вернуть» (27).

В начале февраля того же года советский комплекс «Луна-9» совершил на Луне — таки оказавшейся твердой — мягкую посадку. А еще через несколько дней принявшие участие в странном ритуале кражи королёвского пепла Гагарин, Комаров и Николаев обсуждали с Каманиным рассчитанный на два с половиной года план подготовки экспедиции на Луну.

чился катастрофой — там действительно были недоработки; космонавты не паниковали.

Гагарин был дублером Комарова; то есть если бы Комаров, понимая, что, скорее всего, погибнет — а он это понимал (про обстоятельства того полета вообще следовало бы написать отдельную книгу; эта история слишком напоминает детектив, потому что запуск «Союза» можно квалифицировать как преднамеренное убийство), отказался лететь на верную смерть, то в ракету пришлось бы лезть Гагарину; именно он 23 апреля ехал с ним в автобусе, в скафандре, с чемоданом, экипированный по полной программе, он поднимался с Комаровым в лифте на верхнюю площадку фермы обслуживания и оставался у корабля до закрытия люка. Комаров мог помотать головой в любую минуту — однако стиснул зубы и полез внутрь; погиб — и Гагарин остался жив.

Вообще, в смысле космической карьеры Гагарина послевоенное семилетие очевидно разделяется на две части — до гибели Королева и после. До — эйфория: СССР удерживает инициативу в космосе, обещает строить космические города, выводит человека в открытый космос; Королев планирует что-то невероятное, не то что на Луну — полет на Марс; никто не погиб; и даже если дела складываются не лучшим образом для самих летчиков-космонавтов, в самой космонавтике кризиса нет, рост продолжается.

После — очевидный кризис; полоса неудач. Погибает Комаров. Гагарин, к счастью, не увидел, как Армстронг топчет — попирает! — Луну, но уже в 1967-м стало ясно, что лунная гонка проиграна, и если СССР и участвует в какой-то гонке, то только за Марс. И хотя официально проект будет закрыт только в 1972-м («сколько Советский Союз потратил на лунную программу, неизвестно и поныне. Преемники Королева считают, что к моменту прекращения работ в январе 1973 года затраты составили 3,6 миллиарда рублей» (31)), мало кто верил, что Мишин или Глушко — генеральные конструкторы, преемники Королева, всерьез надеются на успех, а не просто стравливают пар чересчур ретивых сотрудников.

Гагарин не утрачивает способности магнетически воздействовать на публику, однако времена уже несколько не его, он «хромая утка», его мнение можно игнорировать. Брежнев вместо Хрущева, Мишин вместо Королева; другой тип бюрократии, другой тип инженерной элиты. Мир вокруг Гагарина теряет пластичность первых дней творения, подмораживается. Звездный по-прежнему похож на город будущего, и гагаринские приятели по прошлой жизни возвращаются оттуда, что называется, с выпученными глазами («Как в коммунизме по-

бывал» (32)) — но и с ним уже все более-менее понятно: это скорее гетто для военной элиты, чем колония пионеров на другой планете. У Гагарина возникает ощущение, что начальство приняло принципиальное решение о недопущении его в космос. «Обстановка сложная. Меня хотят оттереть»*, — записывает он в своем дневнике, цитаты из которого приводит жена (33).

Многие упоминают о том, что Гагарин в конце жизни выглядит уставшим, измотанным, задерганным. «Рассказывают, что он ходил с глубоко надвинутой на лицо шляпой, чтобы не узнавали прохожие» (34). Его начинают раздражать журналисты — которые боялись упоминать о каких-либо аспектах космических полетов, связанных с риском, и поэтому превратили космонавтов в кретингов, от которых требуется всего лишь согласие за здорово живешь получить звезду Героя Советского Союза. То, что один из героев сторел заживо, — кого это волнует, об этом ведь не трубят с утра до вечера, как об успешных запусках. Их, журналистов, не собирают ведь — как Каманин космонавтов — и не показывают останки: вот «что случилось с вашим товарищем, чтобы вы четко представляли себе, что

* Существует полуконспирологическая версия гибели Гагарина (7; 39), согласно которой тот стал жертвой спланированного заговора Брежнева и космонавта Берегового. Якобы у Берегового с Гагариным был затяжной конфликт — вошедший в резонанс с общей неприязнью, которую — опять же якобы — испытывал Брежнев к Гагарину и — после гибели Комарова — Гагарин к Брежневу (притом что ходили слухи, что Береговой на самом деле пасынок Брежнева — в качестве неопровержимого аргумента следовала ссылка на его брови и созвучность фамилии); таким образом, если Береговой с Брежневым и не сами подкладывали бомбу в гагаринский самолет, то, по крайней мере, сделали все возможное, чтобы свести Гагарина в могилу легальными способами. Все это, разумеется, инсинуации. Все проще: Берегового действительно проталкивали в космос без очереди, так как он был ветеран войны, летчик-ас, герой; идеальная фигура для того, чтобы разыграть ее в пропагандистских целях. Однако очередь есть очередь: Береговой был уже из второго набора — а на тот момент еще не слетали все члены первого отряда — ни Волынов, ни Хрунов, ни Шонин, ни Горбатко, ни Рафиков, ни Заикин. Гагарин был командиром Берегового и действительно мог повлиять на очередность; и, разумеется, Гагарин раздражал Берегового: для него он был молокососом, выбившимся в начальство. Береговому было в 1966-м 46 лет, и у него правда были хорошие связи наверху. У Берегового были и другие причины торопиться — в «Союз» он не влезал по росту, а программа полетов «Восходов» постепенно консервировалась, и ему надо было успеть залезть в «Восход», хотя бы и растолкав локтями очередь. В конце концов, уже после — но вряд ли вследствие — гибели Гагарина Береговой все-таки слетал на «Союзе», и крайне неудачно — вследствие какой-то невероятно нелепой ошибки ему не удалось осуществить стыковку с беспилотным КК «Союз-2». Ирония в том, что именно Береговой при этом был главным борцом против «засилья автоматов»; как бы, спрашивается, повел себя автомат на его месте?

может случиться с вами. Если после этого кто-то захочет уйти — отпустим» (6). Он проговаривается в интервью «Комсомолке» в мае 1967-го: «...ваши, может быть, чересчур бодрые репортажи о нашей работе способствовали тому, что космические полеты воспринимались некоторыми как заведомо счастливый и легкий путь к славе».

Спадает эйфория не только у самих космонавтов и ракетчиков, но и у посторонних наблюдателей. Злее становится фольклор («пошатались, повольнили, ни хруна не сделали, ели сели» — намеки на космические одиссеи космонавтов Шаталова, Волынова, Хрунова, Елисеева), откровенно ерническим — тон «диссидентствующих» деятелей культуры.

«...Хоробров рассказывал наверх лысому конструктору:

— Когда наши будут начинать первый полет на Луну, то перед стартом, около ракеты будет, конечно, митинг. Экипаж ракеты возьмет на себя обязательство: экономить горючее, перекрыть в полете максимальную космическую скорость, не останавливать межпланетного корабля для ремонта в пути, а на Луне совершить посадку только на “хорошо” и на “отлично”. Из трех членов экипажа один будет политрук. В пути он будет непрерывно вести среди пилота и штурмана массово-разъяснительную работу о пользе космических рейсов и требовать заметок в стенгазету.

Это услышал Пряничков, который с полотенцем и мылом пробежал по комнате. Он балетным движением подскочил к Хороброву и, таинственно хмурясь, сказал:

— Илья Терентьич! Я могу вас успокоить. Будет не так.

— А как?

Пряничков, как в детективном фильме, приложил палец к губам:

— Первыми на Луну полетят — американцы!

Залился колокольчатым детским смехом.

И убежал» (А. Солженицын «В круге первом») (35).

Космос воспринимается уже не столько как статья национальной гордости, сколько как товар в нагрузку, навязанный народу налог, который не больно-то и хотелось платить. Советская власть плохо, неартистично воспользовалась кредитом доверия, который получила на завоевании космоса. Энтузиазм, поначалу искренний, перерождается в заорганизованный*.

* Можно понять, почему слово «космонавт» в какой-то момент стало использоваться иронически и приобрело пейоративный оттенок. Сразу же после 12 апреля в СССР на предприятиях появились так называемые «космические» бригады: в них помимо обычных людей — Иванова, Петрова, Сидорова — числился один... «космонавт», Гагарин, например; всего лишь по документам, естественно. Работники выполняют за это призрачное существо производственный план, после чего «заработанные»

Громких, по-настоящему трогających душу обывателей событий, связанных с космосом, становится все меньше, а курьезов — все больше.

Странным образом, 27 марта 1968 года на имя Гагарина в Звездный городок приходит письмо «от одной из американских нотариальных контор». «В письме сообщалось, что созданное в США акционерное общество готово рассмотреть просьбу мистера Гагарина в случае, если он захочет приобрести земельный участок на Луне. Разумеется, ему, как первому космонавту, предоставляются льготы». В те времена еще не было привычки сразу выбрасывать спам в корзину, поэтому офицер, распечатавший письмо, предложил тут же позвонить Гагарину и рассказать ему об этом предложении — «пусть поспеет» (38). Он не знал, что к этому моменту Гагарин был уже мертв.

им реальные деньги перечисляются невесть куда, например в Фонд мира. Этот механизм отбора у населения денег (вы бы хотели работать лишние полчаса в неделю — и отдавать эти деньги «на космос»?) трудно даже назвать циничным — скорее уж иллюстрирующим значение фразеологизма «на голубом глазу». Сам Гагарин, что любопытно, знал об этом и не протестовал — наоборот, попадая в поле деятельности своего фантомного двойника, благодарил рабочих за «почин»; так было, например, при посещении киевской фабрики «Киянка» (36).

Поразительно, что смерть Гагарина не закрыла этот вопрос, а, напротив, усугубила его. Мертвые оказались даже удобнее. Валентин Гагарин — брат Юрия — описал в послесловии ко второму изданию своей книги удивительный эпизод, когда, явившись на проходную Рязанского радиозавода, он обнаружил местную «молнию» — агитационную стенгазету, в которой сообщалось, что в марте 1973 года месячный заработок слесарей-сборщиков Гагарина, Серегина и Комарова составил 1000 рублей и эта сумма перечислена на текущий счет № 170039 Советского фонда мира. «Сложные чувства овладели сердцем Валентина Гагарина, когда он узнал все это», — уклончиво-пелевинским тоном сообщает комментатор; да уж, можно себе представить, что вы почувствуете, когда узнаете, что ваш пять лет назад похороненный брат работает на Рязанском радиозаводе. «В архиве завода хранится приказ № 360 по предприятию, где было сказано: "...Поддерживая патриотический почин коллектива цеха № 8 и на основании решения общего собрания цеха, приказываю:

1. Записать в списки личного состава цеха № 8 слесарем-сборщиком Юрия Алексеевича Гагарина и Владимира Сергеевича Серегина.

Бухгалтерии начисленную по нарядам на имя Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина зарплату перечислять ежемесячно в Рязанское отделение Госбанка СССР на текущий счет № 170039".

Другим приказом в коллектив другого цеха, тоже слесарем-сборщиком, зачислялся космонавт Владимир Михайлович Комаров» (37).

«Советский космос» и связанные с ним нелепости, слишком откровенно напоминающие архаические ритуальные практики, часто давали поводы для сатирических высказываний, однако загробная жизнь компании космонавтов могла бы послужить сюжетом не то что даже для современной версии «Подпоручика Киж», а для космических «Мертвых душ».

Глава пятнадцатая
ГАГАРИН И ЧУЖОЙ ЛЕТЧИК

Гибель Гагарина вызвала колоссальный информационный и энергетический всплеск, «послесвечение» от которого наблюдается даже сегодня. Вы можете написать письмо в любую русскую газету и сообщить, что вам стала известна причина того, что произошло 27 марта 1968 года; ваше мнение напечатают — даже если вы придете к выводу, что все дело в колдовстве. Общее количество свидетельств о жизни Гагарина — и версий того, что произошло с ним за 12 минут этого злосчастного полета — сопоставимо. Одних описаний облачности в то утро хватило бы составителям сводок Гидрометцентра на год. «Катастрофа века», эта смерть вписывается сразу в две парадигмы — мучающую нацию происшествие, не получившее объяснения (у американцев это убийство Кеннеди, у англичан — смерть Дианы, у шведов — убийство Пальме, у поляков, похоже, — Качиньский), и ранняя гибель национальной иконы (Цой, Джеймс Дин, Че Гевара, Монро). Нация не просто пытается гальванизировать своего любимца, но и, косвенным образом, чувствует свою вину: «Почему не уберегли? Он ведь национальное достояние. Его надо было в золотое кресло посадить и не пускать никуда» (1).

Смерть раньше естественно-биологического возраста была в кругу, где вращался Гагарин, скорее правилом, чем исключением; у него постоянно погибали друзья и знакомые, причем особенными, не похожими на обычные, смертями. Лучший друг Дергунов в Заполярье (разбился на мотоцикле). Товарищ по первому отряду Бондаренко (сгорел в сурдокамере). Генеральный конструктор и гагаринский сэнсэй Королев (зарезали на операции). Космонавт Комаров (сожгли заживо в спускаемом аппарате). Близкий друг, летчик Гарнаев (погиб в горящем вертолете). Наставник, парашютист-инструктор Никитин (столкнулся головой в воздухе с другим парашютистом). Неслетавший космонавт Нелюбов (бросился под поезд). Список этот можно продолжать.

Страннее всего в «гибели Гагарина» даже не сама гибель — а отсутствие окончательного, общепринятого объяснения. Погода была нормальная, самолет исправен, летчики здоровы — и затем мертвы. Нет ни какой-либо очевидной — ни официальной версии.

«За время своей пятидесятилетней деятельности по созданию ракетно-космической техники, — разводит руками относительно всей этой истории конструктор Б. Е. Черток, — я бывал председателем, либо членом, либо любопытствующим специалистом многих десятков разного рода аварийных комиссий. Как правило, удавалось установить причину аварии однозначно. Даже когда космический аппарат погибал в миллионах километров от Земли. Случалось, что вероятных причин того или иного отказа в сложных больших системах могло быть несколько. Возможны и сочетания нескольких событий, приводивших к единому трагическому исходу. В этом случае в заключениях комиссий появляется формулировка “наиболее вероятной причиной следует считать...”. Как правило, после нескольких запусков или в результате наземных экспериментов “наиболее вероятная” версия оказывается единственной либо появляется другая, однозначная и бесспорная» (2).

Аварийная комиссия искала улики несколько недель; все это время лес около деревни Новоселово был оцеплен войсками. Хорошо искала, по-честному: и это не просто бла-бла-бла — расследование-обстоятельств-данной-катастрофы-неимеет-равных-в-отечественной-и-зарубежной-практике-по-тщательности-глубине-и-обоснованности-выполненных-работ: грунт в радиусе несколько километров вокруг места падения по два раза через ситечки просеивали — секундную стрелку от часов Гагарина нашли (3); орнитолога в лес вытащили, который подсказал, с какой тамошной птицей самолет мог столкнуться на высоте 4200 метров, — и как одержимые собирали каждое перышко, каждую косточку, лишь бы найти останки этой мифической птицы; пытались даже узнать, не зарегистрирован ли какой-либо сейсмостанцией (!) сигнал от удара самолета о землю и взрыва (4).

И что? И ничего: после публикации паллиативного оповещения (усложненные погодные условия... закритический режим... резкий маневр... отворот от облака... шар-зонд... экипаж погиб...) двери захлопнулись. Возмездие за гибель Гагарина должно было быть ужасным — но оно не последовало. Двадцать девять томов с материалами дела засекретили — так что ничего удивительного, что любой слух, любая конспирологическая версия, даже самая дикая, стали казаться в принципе правдоподобными — раз «они там что-то скрывают».

Лодку расшатывали прежде всего сами летчики и космонавты, среди которых — такое ощущение — не было ни одного, кто соглашался бы с официальными результатами аварийной комиссии. Что касается обывателей, то они разделились на две части: одна половина уверена, что Гагарин с Серегиным плюнули на задание и полетели в Ташкент на матч ЦСКА-«Пахтакор»; вторая — что они гонялись на реактивном истребителе за лосями. Сходятся две эти партии только в одном: оба были мертвецки пьяны и вряд ли понимали, что вообще находятся в воздухе. Это, по крайней мере, было понятно — гораздо понятнее, чем рассуждения о возможных технических неисправностях, в диапазоне от невключенного генератора до взорвавшегося гидроаккумулятора.

История с гибелью Гагарина — искусительная тема не то что даже для читателя, а скорее для автора детективных романов: консилиум из Стига Ларссона, Ф. Д. Джеймс и Дэна Брауна был бы очень кстати. Здесь есть ненадежные свидетели. Есть неопровержимые по сути — и сомнительные по происхождению — доказательства. Есть множество скрытых интересов, каждый из которых тянет на мотив убийства. Есть закрытый если не коллектив, то корпорация, которая заинтересована не в раскрытии правды, а в сохранении прав и привилегий своих членов. Есть Большой Сюжет — о якобы существовавшем противостоянии Гагарина и Партии, Гагарина и КГБ; сюжет, опирающийся на версию о том, что Гагарин, любимец Хрущева, протестовавший против из рук вон плохо организованного полета Комарова, стал при Брежневе кем-то вроде диссидента, который надоел генсеку до такой степени, что тот пытался убрать его с дороги*. Есть сведения о странных, вопиющих о символическом истолковании, поступках главного героя: например, известно, что в вечер перед смертью Гагарин точил ножи (4). Есть, наконец, фактор второго человека — возможно, следует расследовать покушение на жизнь не Гагарина, а Серегина, а сам Гагарин — лишь «коллатеральный ущерб», как сестра Лизавета в «Преступлении и наказании».

* «Наивный и чистый парень из Гжатска так и не научился ходить по мягким коврам кремлевских коридоров. Хлопать дверь в кабинете Д. Ф. Устинова, конечно, не надо было. Кремлевская чернь стала показывать на космонавта номер один пальцами и шипеть в его адрес шепотом, который был слышен везде. Это еще более распяляло Гагарина, делало его чужим среди своих, отдаляло от него даже близких друзей и товарищей. Дистанция между общественным положением космонавта номер один и его окружением увеличивалась год от года по обыденным, объективным и закономерным основаниям... остался один на один с чернью, как Пушкин» (5).

При этом, возможно, ближе всего к истине простая, житейская версия (6) случившегося: ошибка в пилотировании, недостаточная компетентность летчика Гагарина. Возможно, он просто был очень уставшим — и вообще в те месяцы, и именно в то утро в частности: есть сомнительное, противоречащее другим, но все же свидетельство, из которого явствует, что в ночь перед гибелью на отдых у него было три-четыре часа. Психологически, однако, версия об ошибке экипажа неприемлема: они просто шли на аэродром после уже выполненного задания, им было не до развлечений, они не могли уснуть по дороге. Вылет, из которого они возвращались, был формальностью, Гагарину надо было просто получить галочку — чтобы сразу же, через десять минут, пересечь из учебного самолета в боевой и наконец, после восьмилетнего перерыва, слетать по-настоящему, в одиночку. Да и, если они сами виноваты, зачем засекретили результаты расследования?

Были ли у Гагарина — при всей симпатии, которую он к себе вызывал, — тайные недоброжелатели? Наверняка; даже и явные-то были. Конкуренты? Множество: товарищи по отряду тоже хотели летать, армейские и комсомольские чиновники — занимать должности и иметь доступ к распределению финансовых потоков. Завистники? Спрашиваете. Были ли причины у тех, кто отвечал за полеты, замалчивать подоплеку происшедшего и выгораживать подлинных виновников аварии? Еще как были.

Это ведь не просто ДТП в воздухе; это означает, что система ПВО — причем не где-то в Сибири или на Крайнем Севере, а рядом с Кремлем, на заднем дворе начальника ПВО Московского округа — два кольца ракетных комплексов, способных «проследить траекторию полета любого самолета на расстоянии сотен километров» (2), оказалась не в состоянии отследить нахождение летающего объекта. Там, где все должно просматриваться насквозь, самолет «потеряли» раньше, чем он разбился» (2) — и искали место падения четыре часа, словно он потерялся на темной стороне Луны. Как могут не работать локаторы в районе, где одновременно, в одном и том же квадрате, на разных этажах, летает множество самолетов, прыгают парашютисты и парят метеозонды; ведь там может возникнуть мясорубка?

Она и возникла — точнее, должна была возникнуть — в среде генералитета, после того как выяснилось бы, что там творилось.

Разумеется, приступая к работе над книгой, автор воображал, что он, как герой детективов Стига Ларссона, еще раз, со свежей головой, заглянет под все камни и, дуракам везет, об-

наружит, много лет спустя, нечто странное, такое, на что никто никогда не обращал внимания, — например, увидит в каком-нибудь клипе из «Голубого огонька» 1967—1968 годов, как Гагарин в ужасе отшатывается от, допустим, Леонова; или, расшифровав одну из известных цитат в его личных дневниках, выйдет через это на сюжет о диверсии. Подозрительных обстоятельств — и многообещающих деталей — так много, что можно склеить из них хоть второй самолет, хоть зенитную ракету, хоть Гарри Поттера на метле; в любом случае их достаточно для создания атмосферы саспенса — читая отчеты обо всей этой истории, вы из советского реалистического романа попадаете в филипп-диковский; вы чувствуете, что *происходит что-то не то*. Сложно сказать, что именно изменилось, но что-то — изменилось: лица, расстановка мебели, интонации, «буквально все какое-то не такое» (12).

Беда в том, что, помимо летчиков и авиаинженеров, расследование гибели Гагарина привлекает толпы сумасшедших — как некоторое время назад решение теоремы Ферма. Именно так они и поступали — не доверяя экспертам, искали «символические» события, переставляли слова в «Дороге в космос», подозревали друзей и родственников.

Оставляя в покое американских гипнотизеров и инопланетян (хотя в целом эти версии тоже выглядят перспективно), сформулируем: причиной гибели Гагарина был некий сверхзвуковой самолет Су, взлетевший с соседнего, Раменского аэродрома и осуществлявший полет не в своей зоне. Не просто полет: этот второй самолет пролетел, снижаясь, с очень большой, примерно 1200 километров в час, скоростью очень близко — НАД Гагариным и Серегиным (7); от воздействия спутной (вихревой) волны они стукнулись головами о фонарь*, разбились, временно потеряли сознание; произошла разгерметизация кабины. Это действительно хорошая, стройная версия, объясняющая и отсутствие радиодоклада об аварийной ситуации, и отсутствие адреналина в крови — не успели даже испугаться, и отказ от катапультирования, и подозрительный, на фоне присутствия всего остального, недокомплект осколков фонаря. И главное — ясно, почему над всей этой историей сразу же опустилась завеса таинственности: ПВО проспала неконтролируемый летающий объект.

Эта версия очень внятно изложена космонавтом Шаталовым — однако, по сути, принадлежит С. Белоцерковскому

* Многие думают, что фонарь — это обычный фонарь, будто у них в кабине висела лампочка в стеклянном контейнере или даже в абажуре; на самом деле, фонарь — это термин: прозрачная часть кабины самолета, служащая для обзора; она состоит из откидной и сдвижной частей.

и А. Леонову. Научный руководитель Гагарина в Академии Жуковского и Алексей-«Блондин»-Леонов рыскали по киржачским лесам еще в 1968-м — остались недовольны официальной отпиской — и годами мечтали заново разворошить дело. Когда в 1986-м начиналась горбачевская оттепель, бывшие преподаватель и студент добились-таки своего: пройдя пятьсот миллионов экземпляров, они получили доступ к архивам и к двадцати девяти засекреченным томам, впервые увидев множество сведенных вместе документов — от карт погоды до материалов радиообмена. Из материалов стало ясно, что многие свидетели ерзали на стульях, очевидным образом стараясь не столько помочь найти причину странной гибели, сколько отвести от себя обвинение, хотя бы косвенное; кроме того, обнаружилось, что кое-какие документы фальсифицированы (Леонов говорит, что его показания были переписаны кем-то еще, а интервал в 1,5—2 секунды превратился в 15—20). Первая ревизионистская статья, за подписью обоих, была опубликована в 1987-м (8). В начале 1990-х, за подписью Белоцерковского, вышла «Гибель Гагарина. Факты и домыслы»; и какой бы убогой ни казалась эта тоненькая книжечка, напечатанная слепым шрифтом, по сути, это — библия для тех, кто заинтересован в установлении правды о 27 марта 1968 года.

Проблема этой книги в раздражающем диссонансе: журналистское название, обещающее сенсационное расследование, — и очень длинная, на половину книги, интродукция — про Гагарина вообще: жизненный путь, черты характера, обучение в Жуковке. На самом деле, дальше начинается расследование — просто оно совсем не выглядит сенсационным (хотя, по сути, таковым является). Главное достоинство Белоцерковского — и главная проблема — состоит в том, что он не журналист. То есть он догадался, что был второй самолет — и даже понял, что именно этот самолет руководитель полетами еще 12 минут после гибели принимал за гагаринский МиГ — но никак, вообще никак, не развил эту тему.

Белоцерковский был чрезвычайно корректный, отвечавший за каждое свое слово ученый, аэродинамик, и собственно криминалистика была не в его компетенции. «Чужой истребитель» появляется лишь в последней четверти книги, изобилующей формулами, схемами и мемуарно-эссеистическими фрагментами, — поди доберись до него; да Белоцерковский и сам совершенно не акцентируется на нем — он предпочитает оперировать невпечатляющими терминами вроде «опасное сближение, повлекшее за собой сваливание в штопор» и говорить об имеющих конкретные числовые значения членах уравнения; а Чужой Истребитель — это «Х». Однако Белоцерковский с Леоновым засекли его, это факт.

Дальше можно гадать: подлетел к гагаринскому МиГу Чужой Истребитель сверху или снизу, теряли они сознание на какой-то момент или нет, произошла ли разгерметизация наверху — или уже в тот момент, когда произошло столкновение с верхушками деревьев? Но сама ситуация, платформа, база — вот она, ее описал Белоцерковский.

Леонову досталось ампула популяризатора — и детектива, попытавшегося рассчитать обнаруженный им с Белоцерковским «Х». По его версии, этот второй летчик-фантом, наоборот, поднимался. Откуда он вообще взялся? «Выше летали самолеты с Жуковского, в частности, проводились испытания двухдвигательного, сверхзвукового Су-15 с изменяемой геометрией крыла. Вроде бы все разделено, как и положено, по зонам» (13) — в теории, но не на практике. Сначала Чужой вышел из своей высотной зоны, опустился под облака, понял, где он, включил форсаж — и стал набирать высоту — ну и пролетел совсем рядом, в 10—15 метрах, от самолета Гагарина — Серегина.

«...параллельным курсом, не видя его. Слепое стечение обстоятельств. При этом Су-15, поскольку шел уже почти на сверхзвуке, создал мощный возмущенный поток, который перевернул УТИ МиГ-15 и бросил его к земле» (13). МиГ вошел в глубокую спираль, Гагарин с Серегиним были в сознании и пытались вывести машину из штопора; и тут свою роль сыграли заполненные керосином подвесные баки, радикально ухудшающие аэродинамические качества самолета (4).

Зачем и кто их навесил на гагаринский МиГ — об этом следовало бы написать отдельную книгу; версий предостаточно. Так или иначе, Серегин, который был испытателем этой модели, знал, что баки — это проблема и с ними нельзя вводить машину в искусственный штопор. Нельзя — но МиГ уже был в штопоре (именно в штопоре: «Если бы самолет беспорядочно падал, он бы затратил большее время, а если бы пикировал, то развил бы значительно большую скорость»(14)). Тем не менее Гагарин с Серегиним не сидели сложа руки, они пытались выйти из спирали — и вышли: смогли остановить вращение самолета, что и подтверждает угол, под которым срезаны верхушки берез: самолет не пикировал носом — тогда бы он срубил одно-два дерева, а срезал верхушки аж четырнадцать, потому что «шел на посадке — то есть они его выводили, и им не хватило всего 1,5—2 секунды, чтобы вывести самолет из этого положения» (15). 200—300 метров. Именно на эти 200—300 метров у них, по-видимому, еще и врал бортовой баровысотомер — еще одна книга про почему врал; то есть они думали, что у них есть еще эти 300 метров (и поэтому не катапультировались) — а их не было.

Вообще, «ситуация эта была чрезвычайно скоротечной» (4): весь процесс — от последнего радиообмена Гагарина с землей до взрыва — занял менее минуты, секунд 55.

Существование этого «второго самолета» подтверждается так же надежно, как и любого другого порядочного НЛО — многочисленными свидетельскими показаниями. Нечто диковинное — выскакивающие из облаков, необычно быстро снижающиеся и поднимающиеся самолеты, вроде как неодинаковые, дым, хлопки, огонь — видели крестьяне и дачники.

Важный свидетель — не названная по имени Сотрудница Зверопитомника Пятнистых Оленей — дала показания (4), что примерно в 10.30 (откуда такая точность? Именно в это время по расписанию надо кормить пятнистых оленей) она видела как-то странно валяющийся, кувыркающийся самолет. Ей показали деревянную модель — она кивнула на МиГ. Следователь продемонстрировал приметливой даме несколько вариантов снижения — планирование, пикирование, нисходящую спираль, штопор. Она с уверенностью подтвердила, что видела штопор. А с какой стати она вообще стала смотреть вверх, на небо? Оказывается, сначала она услышала «хлопок».

Ага: хлопок.

Хлопки — не то акустический эффект от включения форсажа, не то от преодоления самолетом сверхзвукового барьера, не то от падения самолета — слышали сам Леонов (который в тот момент был руководителем «лунной группы», отработавшей на Киржачском аэродроме небезполезные на Луне навыки — парашютные прыжки) и еще некоторые космонавты. При этом Леонов настаивает, что слышал два хлопка-взрыва* — с интервалом в полторы-две секунды: первый — это «сверхзвук», а второй — взрыв от падения гагаринского МиГа, необязательно именно в этой последовательности (число «два», впрочем, подтверждается мало кем из присутствовавших на месте свидетелей: Горбатко прямо говорит (16), что он слышал не два, как Леонов, а один хлопок; Попович тоже упоминает только про один**).

* У автора этой книги есть запись, на которой Леонов очень громко произносит: «ТУДУХ!» — а потом: «ТУУХ!»

** Читателю бесполезно будет узнать, что из органов чувств зрение у П. Р. Поповича было развито лучше, чем слух — так, может быть, он и не слышал под Киржачом второго хлопка, зато несколько раз, позже, видел НЛО — о чем и любил рассказывать, смакуя подробности. Характерно, что в 1990-х годах Павел Романович возглавлял уфологическую ассоциацию СНГ, а также секцию аномальных явлений при Федерации космонавтики России.

Леонов впоследствии рассказывал, что он проводил «следственный эксперимент» (15) — демонстрируя крестьянам 10 (десять!) разных моделей самолетов — и все они, независимо друг от друга, по отдельности, указывали, что это именно Су.

С тупым носом? Нет, нет, не с тупым: он был «остроносый».

Остроносый, истребитель, Су — которого не должно было быть, но он был, был, был. Более того, они видели, как из хвоста этого остроносого — перед тем, как он ушел вверх в облака — пошел дым, а потом и огонь; форсаж, то есть, включил.

Почему этот второй самолет вообще никак не фигурировал на радарях?

Леонов: «Работал азимутальный локатор, а локатор высоты был неисправен, работал неустойчиво» (13). Белоцерковский: «Наземный радиовысотомер из-за неисправности не работал. Поэтому изменения фактической высоты самолетов группа руководства полетами независимо устанавливать не могла. Контроль за высотой полета группа осуществляла лишь по докладам экипажей» (4).

Впрочем, какие-то следы на радарях Чужой Истребитель все же оставлял — и вот еще одна, полумистическая, с растворившимся в воздухе человеком, история — опять от Леонова. Теоретически, земля, увидев, что летчик Су устремился под облака, должна была гаркнуть на него — ты куда снизился?! Но входение его в зону земля проспала, а затем, поскольку на Чкаловском аэродроме работал только азимутальный локатор, на четырех тысячах метрах летчик Су занял — в сознании диспетчера — место гагаринского МиГа. Тот вел его до аэродрома Жуковского. «И когда пришла комиссия — полковник доложил: зафиксирована проводка цели из зоны пилотирования на восток в течение двух минут. Маршал Кутахов <замглавкама ВВС> ему: “Пошел вон отсюда! Самолет уже две минуты в земле — а ты делаешь проводку!” С тех пор я не видел этого полковника — где он, чего он. Он исчез» (10).

У тех, кто знает про Чужого Летчика, очень хорошая доказательная база, однако справедливости ради надо сказать, что есть и альтернативные — и очень авторитетные — мнения. Степан Микоян, член аварийной комиссии, летчик-испытатель с огромным практическим опытом и, кроме того, автор специальных исследований на эту тему, проведенных в его летно-испытательном институте, уверен, что — даже если там правда был этот второй самолет — для МиГ-15 «попадание в струю не приводит к сваливанию в штопор, тем более если в струю попасть не вдоль нее, а под большим углом — тогда во-

обще ощущается лишь небольшая встряска» (14). Такому летчику, как Микоян, в этом смысле можно доверять; если не доверять Микояну — то кому можно? То же и с Белоцерковским: профессор, фундаментальный ученый, специалист именно по аэродинамике. С. Белоцерковский твердит, что спутная струя, то есть вихревой след от второго самолета, могла свалить гагаринско-серегинский самолет в штопор. Микоян упирается: столкновение было — но не с самолетом, а с метеорологическим шаром-зондом, там их много летало. «При скорости самолета 600 км/ч сила удара о такой груз составит более пяти тонн. Если контейнер шара ударил в самолет в районе кабины, то это могло привести к ее повреждению и нарушению герметизации, а также воздействовать на летчиков, даже причинить им ранения (надо сказать, что на месте падения самолета было найдено только около двух третей остекления фонаря кабины). Самолет мог войти в штопор либо от этого удара, либо из-за резкого отклонения рулей при попытке избежать столкновения, либо от того и другого. Возможно, вследствие удара летчики некоторое время не имели возможности управлять самолетом» (14).

Тут ведь как: одни эксперты против других экспертов; теоретики против практиков.

Станным образом, горло, через которое проходит очень много информации, — Леонов: он слышал, он показывал, он видел, он обнаружил и т. д.

И если так — раз он автор Базовой Версии и раз он жив — к нему же и возникает большая порция вопросов.

Почему, если уже в 1968 году стало ясно, что был второй самолет — и, соответственно, летчик, обычный летчик, на которого можно было все свалить, — летчика этого все же не выдернули за волосы и не показали публике? Да, одновременно пострадал бы кто-то из начальства за плохую организацию полетов — но неужели это того не стоило: был бы виноватый, люди понимали бы, кто угробил Гагарина, и монумент первому космонавту не облепляли бы «сплетни базарные» (17) о том, что все это происки завидующего Брежнева.

И, кстати, если уж на то пошло.

Николай Каманин:

«30 апреля 1968.

Заезжала Терешкова за сувенирами для поездки. Валя сказала мне, что Леонов зачем-то забрал у Валентины Ивановны дневник Гагарина. Я попросил Терешкову передать Валентине Ивановне мою настоятельную просьбу — немедленно вернуть дневник от Леонова и никому ничего не давать из записок и вещей Гагарина без совета со мной. Юра, оказывается, вел

дневник. Об этом, по-видимому, от Леонова узнали Л. В. Смирнов и работники аппарата ЦК КПСС. Многим хотелось бы почитать дневник Гагарина, но прежде чем удовлетворить это любопытство, надо будет ознакомиться с ним самому.<...>

Вечером в тот же день он <Леонов> был в больнице у Гагариной и бухнул ей: “Ты знаешь, Юру и Серегина обвиняют в том, что они выпивали перед полетом”. На Валентину Ивановну такое заявление произвело удручающее впечатление, и она сказала: “Еще одно такое ‘товарищеское’ сообщение, и я, наверное, перестану вас больше утруждать”.

Для этого «товарищеского» сообщения у Леонова не было никаких оснований. Абсолютно точно установлено, что 26 и 27 марта ни Гагарин, ни Серегин не употребляли спиртного (9).

«— Дневникам Каманина можно доверять?»

— Да. Хотя я считаю, что они подловатые и получилось так, что он как бы подглядывал в щелочку. Некоторые вещи просто не надо было писать. Их по-всякому можно истолковывать» (10).

Алексей Архипович Леонов — член высшего политсовета «Единой России» и вице-президент Альфа-банка. В его рабочем кабинете висит большая парадная фотография Гагарина — и стенд, на котором схематически изображена некая офисного вида загородная недвижимость: «Гостинично-деловой центр “Гагарин”». На костюмном пиджаке в полоску — две золотые звезды героя; на левом запястье — золотые часы-хронометр. У него очень интонационно богатый голос — и несколько актерская, театрально аффектированная манера речи. Он любит риторические вопросы и умеет держать хорошие, близкие к мхатовским паузы; любит рассказывать истории в лицах, имитируя чужие голоса; умеет артистически, слово в слово, пересказывать собственные интервью; пожалуй, в театральном спектакле он смог бы идеально сыграть самого себя. Если бы гагаринская история была детективом и Леонов был одним из подозреваемых, очевидно, что следователю пришлось бы иметь дело с умным и опасным противником.

— Каманин «пишет, что после гибели к вам попадает дневник Гагарина. Можете рассказать про эту ситуацию? Что он из себя представлял?»

— Дневник Гагарина? Нет, я его не видел, его у меня не было.

— Там написано: после гибели вы берете у жены дневник — это неправильно?»

— Нет, неправильно. Что вы, я даже не знал, что он ведет дневник, я бы этого не смог бы брать, это просто было бы неправильно.

— А зачем Каманин тогда это написал?»

— Ну, просто откуда-то слух мог пойти. Нет, я не брал никакого дневника.

— А что вы рассказали Валентине Ивановне про слух, будто он летел пьяным, это соответствует действительности?

— Кто?

— У Каманина написано, что вы.

— Нет, это глупость. Во-первых, это же уже не Каманин, а Лева, сын его, издает. Он когда приходил просил денег на это — я ему говорю: я не только не дам, но пинка дам. Это неприлично — то, что ты сделал. Отец бы этого не публиковал — некоторые вещи*. Нет. Никакого дневника я не брал» (10).

Памятуя об опыте «ферматистов», мы все-таки не станем рассуждать, кому было выгоднее «убийство Гагарина» — Леонову, Титову, Брежневу или Линдону Джонсону, и предлагать свои версии того, почему все-таки в то утро на аэродроме «Чкаловский» не работал альтиметр и при каких параметрах полета УТИ МиГ-15 выводится из штопора, а при каких сразу над катапультироваться. Слишком много потенциально ключевых улик априори не поддаются проверке. Правда ли, что в 10.31 под Киржачом можно было услышать не один, а два взрыва? Правда ли, что опрошенные Леоновым крестьяне видели под облаками нечто, напоминающее силуэт советского истребителя Су, а не, например, «Звезды Смерти»?

Хочешь не хочешь придется кому-то поверить; соображения объема не позволяют нам передать весь спектр мнений относительно причин гибели Гагарина; мы просто попытались изложить хронологию событий — акцентируя гипотезу об Истребителе с Чужого Аэродрома как рабочую.

Что в этой версии не объясняется — так это ЗАЧЕМ он это сделал? Просто так, для смеха, «из хулиганских побуждений»? Специально — с намерением осуществить диверсию — подкарауливал гагаринско-серегинский самолет, чтобы чиркнуть по нему воздухом и скрыться неопознанным? Или все произошло случайно, в силу трагической ошибки одного и фатально-го невезения двух других?***

* Между прочим, Белоцерковский также, обращая внимание на кое-какие вопиющие ошибки Каманина, задается вопросом: «Возможно, Николай Петрович не случайно при жизни не опубликовал эти сведения?» (4).

** «— Это могла быть диверсия?

— Это хулиганство. Парень — ну чего, мы сами не делали это? — спустился вниз, посмотрел, где он летает.

— Он понимал, что это Гагарин?

— Нет, конечно. Он не знал. Он и связи не имел с нами, мы работали на разных частотах, у них свои, у нас свои. Он спустился, включил форсаж и прошел рядом с ними. Это просто хулиганство было, нарушение задания» (10).

Разумеется, такие удивительные пространственные совпадения происходят редко — но происходят же: так, в 1963 году один подросток, купаясь в притоке сибирской реки Бирюсы, поранил ногу о странный металлический шар, а внутри него оказалась медаль, на которой была выгравирована какая-то космическая схема. Это была уцелевшая часть тяжелого спутника, который неудачно запустили советские ракетчики на Венеру в январе 1961 года. Баллистические прогнозы показывали, что вероятность падения шара в океан — 90 процентов; шар не только попал на сушу, но именно на территорию СССР, затем — при крайне невысокой плотности населения — был обнаружен кем-то, кто попросил кого-то еще отнести ее начальству, которое тоже, в свою очередь, передавало объект дальше и дальше — пока он снова не оказался в руках у Королева. «Случилось то, вероятность чего близка к нулю» (11).

Случилось один раз — случится и второй; возможно, нам еще преподнесут когда-нибудь на блюде голову этого проклятого летчика; а возможно, он сам поднимется из зала на сцену, держа под мышкой автобиографию — «Я убил Гагарина», разумеется, — в которой расскажет о том, что на самом деле произошло под Киржачом 27 марта 1968 года в 10 часов 31 минуту. В качестве компенсации — геростратова слава тоже ведь чего-нибудь да стоит — можно гарантировать этому джентльмену первое место в списке бестселлеров.

* * *

Сам Юра был в тот день, словно воспламеняющаяся спичка. Сообщил, что на 19 февраля назначена защита диплома, и пообещал, что после защиты всех поведет в ресторан «Седьмое небо». Нина Ивановна <Королева> ему говорит: «Юра, только не будь трепачом, не обещай зря». — «Это твердо, Нина Ивановна. И еще... надвигается скандал, но мне очень нужно отлетать 20 часов...» (18).

Николай Каманин:

...мне звонила Нина Ивановна Королева. Она рассказала, что месяца за два до гибели Гагарин обещал передать ей медальон с волосами Сергея Павловича (волосы были отрезаны космонавтами в крематории перед кремацией Королева). Гагарин говорил ей, что медальон хранится у него в сейфе. Нина Ивановна просила помочь ей отыскать этот медальон (9).

После защиты диплома в академии им. Жуковского Юрий Алексеевич прошел собеседование в ЦК КПСС — предполагалось его назначение на должность начальника ЦПК. Уже были подготовлены все документы, чтобы к 23 февраля 1968 г. присвоить ему звание генерала. Но канцелярская машина Министерства обороны где-то пробуксовала... «Подумаешь, ничего страшного... <...> Несколько недель ничего не решают. Ну, выйдет приказ о присвоении генерала к 12 апреля, к седьмой годовщине полета. Еще торжественнее получится!» (19).

Валентин Гагарин:

Я думаю, что эта катастрофа была заранее тщательно спланирована, слишком много славы выпало на долю одного человека. Хоронили его полковником, но фактически генеральская шинель у него висела на стуле. Весь генералитет считал его выскочкой, хотя, я думаю, просто завидовали ему (20).

Личный водитель Гагарина Федор Яковлевич Демчук рассказывал мне престраннейшие вещи: незадолго до гибели Гагарина в машине первого космонавта трижды подряд лопался вдруг трубопровод, ведущий к бензонасосу. Дважды поломку замечали вовремя. В третий раз машина все-таки загорелась, но и тогда обошлось: Гагарин только вернулся в Звездный городок весь в саже. Пришел к Демчуку с шуткой: «Смотри, пехота, обгорел слегка...» Это было в феврале 1968 года, практически за месяц до гибели Юрия Алексеевича (21).

Анна Тимофеевна <...> поведала о последней встрече с живым сыном. Юрий приезжал к ней, они долго беседовали. <...> Но масштабы видения и ощущения у них были уже несовместимые, она не все могла понять, да и он не мог, не должен был ей все говорить, чтобы не травмировать ее, сжигал это невысказанное в себе и это притом что сам отличался высокой эмоциональностью и большой впечатлительностью. Пытаясь объяснить свое состояние, Юра часто повторял:

— Все так сложно, так сложно... Я боюсь, мама, я боюсь.

Она решила, что его преследуют, хотят убить, сжить со света (4).

Юрий Гагарин, 20 февраля 1968 года:

Возможно, кто-нибудь упрекнет меня в том, что мечты мои слишком робки, что пройдет еще лет десять-пятнадцать, и не

только на Луну, Венеру и Марс, но даже на Меркурий и Плутон будут уже летать тысячи туристов. Так обязательно будет, но, думаю, в другие, более отдаленные эпохи... (22).

Николай Каманин:

Три года непрерывных неудач рассеяли нашу большую уверенность в успешном осуществлении каждого очередного полета в космос. Среди членов Госкомиссии и главных конструкторов проявляются пессимизм и уныние (9).

Николай Каманин:

26 марта 1968.

После заседания Госкомиссии генерал Кузнецов доложил мне, что завтра предполагается выпустить Гагарина в самостоятельный полет на самолете МиГ-17. Кузнецов просил меня разрешить ему лично проверить на самолете УТИ МиГ-15 подготовленность Гагарина к самостоятельному вылету. Совместный полет Гагарина с Кузнецовым я запретил, прямо заявив последнему, что он давно утратил навыки летчика-инструктора. Я разрешил командиру полка В. С. Серегину проверить завтра технику пилотирования у Гагарина, а генералу Кузнецову приказал лично проверить организацию выпуска в полет Гагарина, проанализировать и доложить мне воздушную обстановку и метеоусловия. Право на разрешение самостоятельного вылета Гагарина я оставил за собой (9).

Мария Калашникова, сестра жены Юрия Гагарина:

Вторник, 26 марта 1968. Вернулся Юра домой из гаража в 10 вечера, немного испачканным и веселым (4).

Космонавт Георгий Добровольский:

В этот вечер Юра вывел ее <«матру»> из гаража и что-то делал на ней. Я подъехал и попытался въехать в гараж, маневрируя вперед и назад, дабы не зацепить его «лайнер». Юра посмотрел на мои старания и, очевидно оценив по-своему мой водительский опыт, с юмором сказал: «Слушай, Жора! Дай я заведу свою машину в гараж, а потом уж ты устраивай цирк!» (4).

Фаина Казецкая:

Накануне гибели Гагарина я работала на смене. Где-то в час ночи позвонил дежурный по части: «Фаина Гавриловна, к вам

сейчас придут ужинать четыре человека, с ними Юрий Алексеевич». Через пару минут возле столовой затормозила машина. Увидев, что я накрываю стол, Гагарин запротестовал: «Мананечка, не надо. Мы придем завтракать в пять утра. Собери-ка нам в дорогу бутербродов». <...> На рассвете они поели и уехали (23).

В этот день облачность была необычной. Нижний край почти сплошных облаков был на высоте примерно шестьсот метров над Землей. Затем до высоты четырех тысяч метров была плотная, с небольшими разрежениями облачность. Верхний край был ровным и над ним уже никаких облаков не было, было чистое небо и очень хорошая видимость (6).

Хмурое мартовское утро. Слякоть. Промозглый сырой воздух. Под ногами хлюпает талый снег. Температура не балует: +5—7 градусов. Размытая облачность — 8—10 баллов, нижний край около тысячи метров, дымка, поэтому видимость несколько ухудшена. «Генеральский минимум» — как в шутку говорят о такой погоде летчики (24).

Первыми должны были пройти контрольные полеты Гагарин и Евгений Хрунов. По летным правилам, контрольные полеты перед самостоятельными вылетами имеют право проводить не летчики-инструкторы, а руководители летных подразделений — командиры эскадрилий, заместители командиров и командиры полков. Поэтому с Юрием Гагариным и полетел в контрольный полет командир полка Владимир Серегин. Еще одна существенная особенность этого контрольного полета — это был полет в зону на выполнение фигур сложного и высшего пилотажа. В классических учебных программах контрольный полет и первый самостоятельный вылет выполняются по так называемой «коробочке», то есть взлет, набор высоты, облет аэродрома, заход на посадку и посадка. Перед самостоятельными полетами в зону на выполнение фигур высшего пилотажа делается еще один контрольный полет (6).

По уточненным данным картина летного происшествия выглядела так. Экипаж получил задачу выполнить простой пилотаж в зоне над районом города Киржач. Высота полета в зоне 4000 метров. Погода хорошая, двухслойная облачность:

первый слой на высоте 700—1200 метров, второй — на высоте 4800 метров. Видимость под облаками и между слоями более 10 километров (9).

Через минуту после взлета Гагарина и Серегина (в 10 ч. 20 мин.) был произведен взлет пары более скоростных самолетов МиГ-21. При наборе высоты они, пробивая облачность, обогнали самолет УТИ МиГ-15. Такое нарушение могло привести к столкновению самолетов в воздухе, что стало беспокоить руководителя полетов (4).

...их пилотажная зона была по метеорологическим условиям усложненной и отличалась от обычных высот пилотирования в зоне. Весь пилотаж необходимо было выполнять с учетом того, что поверхность верхнего слоя облачности на высоте четыре километра для них была такой же запретной, как и поверхность самой Земли. В облачности управлять самолетом возможно только по приборам пространственного положения, в первую очередь по показаниям авиагоризонта. Но при выполнении фигур сложного и высшего пилотажа авиагоризонт самолета не используется, он, как правило, стоит на упорах, а весь пилотаж осуществляется по видимому, естественному горизонту Земли (6).

Антуан де Сент-Экзюпери «Планета людей»:

И еще медлительнее, с расстановкой:

— ...но помните, под морем облаков — вечность... (25).

Если же самолет попадает в облачность неожиданно, в нижней части фигуры в режиме пикирования, то перейти сразу же на пилотирование по приборам очень трудно, практически невозможно. Отсутствие попыток катапультироваться и у Гагарина, и у Серегина, отсутствие их выхода на внешнюю связь можно объяснить тем, что попадание в облачность было для них неожиданным, а потом они уже оба пытались только найти выход из создавшегося положения. И надежда на это их не покидала до самой Земли. Если же создание аварийной ситуации в их полете было бы связано с какой-либо внешней причиной, то они незамедлительно сообщили бы об этом по связи (6).

Выполнив задание в зоне, Гагарин запросил разрешение КП развернуться на курс 320 градусов для следования на аэродром. На этом в 10 часов 30 минут 10 секунд связь с самолетом прервалась. На все вызовы КП экипаж самолета не отвечал, но проводка самолета локаторами продолжалась до 10 часов 43 минут. Наблюдение за самолетом прекратилось на удалении 30 километров от аэродрома по курсу 75 градусов (9).

Разворот переворотом применяют многие летчики, которым нужно побыстрее завершить свое задание и предоставить самолет для следующих полетов.

В этот день должен был также летать еще и Евгений Хрунов. Причины для наиболее быстрого завершения задания были. Но выполнив «переворот» и имея желание больше снизиться, летчики могли задержаться на несколько секунд (на две-три секунды) с выходом из пикирования и попали в слой сплошной облачности. Самым вероятным исходом от попадания в облачность без работы приборов, да еще на большой скорости, может быть затягивание в глубокую нисходящую спираль, либо, при интенсивных попытках уйти вверх, — срыв в скоростной штопор. Оба варианта влекут за собой интенсивный, нерегулируемый проход облачности вниз до нижней кромки облаков, выход из-под облачности на большой скорости и дальнейшие попытки выровнять и вывести самолет из режима пикирования. Но высоты в 600 метров для этой задачи явно недостаточно (6).

Антуан де Сент-Экзюпери «Планета людей»:

И вот мирная, безмятежная гладь, которая открывается взору, когда выходишь из облаков, сразу предстала передо мной в новом свете. Это кроткое спокойствие — западня (25).

Константин Феоктистов:

В полете курсант сидит впереди инструктора, но конструкция кабины такова, что в случае необходимости сначала должен катапультироваться сидящий сзади (то есть в данном случае инструктор) и только потом сидящий впереди. Если первым катапультировался сидящий впереди курсант, то инструктор уже не мог спастись. То есть в учебно-тренировочном самолете уже был заложен опасный логический замок. Судя по всему, он и сработал. <...> первым должен был катапультироваться Сергеев <Феоктистов путает фамилию Сере-

гина>, а уже после него Гагарин. Но можно понять и Сергеева, которому, надо полагать, не раз напоминали о том, что он отвечает за жизнь своего курсанта. Можно понять и Гагарина: как он мог катапультироваться до Сергеева, ведь тем самым он обрек бы его на гибель (26).

По двум кабинным часам и наручным часам Гагарина и Серегина катастрофа произошла в 10:31, то есть через 50 секунд после последнего радиообмена с Гагариным (9).

Скорость составляла 680 километров в час, а перегрузка более 8. Это соответствовало выводу из пикирования близко к пределу возможностей человека и даже с превышением допустимой перегрузки для самолета.

Время, определенное по отпечаткам стрелок на остатках самолетных часов и наручных часов Гагарина, отличалось примерно на 15 секунд. Этот момент был всего через 45—60 секунд после последней радиопередачи Гагарина, записанной на магнитофонной ленте (14).

Семен Казаков, друг Юрия Гагарина:

...очень подробно рассказал, как произошла катастрофа буквально в трехстах метрах от его дома. Он видел, как падал самолет. Все, о чем рассказывал Шальнов, хорошо запомнилось. В тот день 27 марта где-то в десять часов утра он вышел во двор своего дома и вдруг не только услышал, но даже как-то физически почувствовал, что как будто сжимается воздух и нарастает свист, а затем с ревом, на малой высоте над его домом проносится самолет, затем он круто поднимается вверх, за облака — и только Н. И. Шальнов успел опомниться, как увидел, что этот «сумасшедший» самолет оттуда, из-за облаков, падает, кувыркаясь, то опуская, то задирая нос (27).

Серегин и Гагарин остановили самовращение самолета, то есть фактически вывели из штопора, но для вывода из пикирования им не хватило около двухсот метров высоты, хотя пилотирование было грамотным, на пределе возможностей машины (путем анализа мышечных тканей кистей рук было определено, что пилотировал в это время Серегин) (14).

Семен Казаков:

<...> Вернуться к рассказу Шальнова меня побудили и такие обстоятельства. <...> К. Г. Котов, инженер из Москвы, рассказал, что он 27 марта 1968 года приехал к себе на дачу, которая расположена неподалеку от места катастрофы, и невольно стал свидетелем трагедии. Он рассказал почти то же самое о падении самолета, что говорил и Шальнов. Но подчеркнул, что конфигурация самолета, круто взмывавшего за облака, была не такой, как у падающего. <...> Самолет, пилотируемый Ю. А. Гагариным и В. С. Серегиним, не был на малой высоте, так как на командном пункте на экране локатора была отметка — точка их самолета. Она соответствовала высоте четыре тысячи метров, что совпадало с последним докладом Ю. А. Гагарина на КП. Коридор, курс, высота соответствовали полетному заданию. Значит, на малой высоте пролетал другой самолет, который видели Шальнов, Котов и другие свидетели катастрофы (27).

Николай Каманин:

15 апреля 1968.

О взрыве в воздухе 27 марта в 10:30 в районе Киржача свидетельствуют космонавты (Леонов, Быковский, Попович), экипаж вертолета и два жителя города Гусь-Хрустальный, которые между 10 и 11 часами подъезжали на автомашине к Киржачу. Последние утверждают, что не только слышали взрыв, но и видели дым и пламя на падающем самолете. По их словам, погода была хорошая, светило солнце (9).

Узнать же о гибели Гагарина Георгию Петровичу Катусу пришлось в кабинете Николая Каманина, помощника главного командующего ВВС по космосу.

Георгий Катус: Вдруг звонок раздался, он трубку взял, сказал: «Да» — и молча слушал, и побледнел. И потом он мне говорит: «Я с тобой больше говорить не смогу. Кажется, Юра разбился. Мне нужно идти срочно к главному». И выходя, он как-то так сказал: «Ну что же мне теперь, стреляться, что ли?» — и ушел. Вот такого я его больше никогда, ни до, ни после не видел, Каманина. Он, вообще, человек был жесткий довольно, агрессивный такой, а здесь он как-то весь провис (28).

Немедленно в воздух были подняты самолеты и вертолеты для поиска самолета Гагарина. Более четырех часов поиск был безрезультатным. В 14 часов 50 минут командир вертолета

Ми-4 майор Замычкин доложил: «Обнаружил обломки самолета Гагарина в 64 километрах от аэродрома Чкаловский и в трех километрах от деревни Новоселово» (9).

Иван Колосов, участник поисков Гагарина:

Наш вертолет взлетел в 12.20 и пошел курсом, противоположным тому, по которому самолет МиГ-15 должен был возвращаться на аэродром Чкаловский. Периодически мы садились прямо на поляны и дороги, а один раз в поселке Черноголовка на площадку какого-то завода, и спрашивали, не видели ли падающий самолет или не слышали ли взрыва самолета в воздухе. При первых посадках ответы были отрицательными, а несколько позже стали попадаться люди, которые видели круто спускавшийся в лес самолет. При дальнейшем полете в районе д. Новоселово Покровского района в лесу штурман заметил яму шириной 4—5 метров, окруженную глубоким снегом, политым какой-то желтоватой жидкостью. Спустились ниже и убедились, что это место падения какого-то самолета. Вертолет сел в 50 метрах от ямы в снег на брюхо.

Я схватил свою медицинскую укладку и выпрыгнул из вертолета. Снег был настолько глубокий, что двигаться было очень трудно. Поставишь ногу — и проваливаешься в снег до пояса. Чтобы шагнуть, приходилось руками поднимать вверх ногу. С трудом мы добрались до ямы. Яма глубиной в 2—3 метра и шириной в 4—5 метров окружена слегка желтоватым снегом. На дне ямы еще дымилась матерчатая часть кресла летчиков. Кругом густой смешанный лес. Под углом 50 градусов срезано крылом падавшего самолета несколько деревьев. Детали самолета и останки летчиков во время взрыва были разбросаны от ямы на 20—30 метров (30).

Николай Каманин:

На полях и в лесу лежал еще не тронутый оттепелью глубокий снег, лишь кое-где просматривались небольшие проталины — обстановка для поиска белых куполов парашютов была очень сложной (в полете я еще надеялся, что экипаж катапультировался). <...> Глубина снега была более метра, при каждом шаге ноги проваливались, идти было очень трудно (9).

Иван Колосов:

В трех метрах от ямы на снегу была обнаружена стопа человека, а чуть дальше — часть грудной клетки. Стало ясно, что

кто-то из членов экипажа погиб. В подтверждение этой мысли обнаружили в снегу лишь один парашют. Выходит, что один из членов экипажа катапультировался и сохранил себе жизнь. Но кто он? (30).

Николай Каманин:

Крылья, хвостовое оперение, баки и кабины разрушились на мельчайшие части, которые были разбросаны в полосе 200 на 100 метров. Многие детали самолета, парашютов, одежды пилотов мы находили на высоких сучьях деревьев. Через некоторое время обнаружили обломок верхней челюсти с одним золотым и одним стальным зубом. Врачи доложили, что это челюсть Серегина. Признаков гибели Гагарина не было, но и надежды на его спасение катастрофически падали. Вскоре обнаружили планшет летчика. Были основания считать, что это планшет Гагарина, но утверждать, что Гагарин погиб, было еще нельзя — планшет мог остаться в кабине и после катапультирования, да и принадлежность его Гагарину надо было еще доказать (9).

Николай Каманин:

Быстро темнело, производить раскопки ночью и без аварийной комиссии было невозможно. Доложили Брежневу и Косыгину, что Серегин погиб, гибель Гагарина очень вероятна, но окончательно о судьбе Гагарина доложим только утром 28 марта после детального обследования района падения самолета (9).

Иван Колосов:

...взяв с собой четырех солдат, с осветительными фонарями отправился вновь на место падения самолета. Среди останков на этот раз была найдена нижняя челюсть Ю. А. Гагарина со вставленным стальным зубом. Кроме того, удалось найти гагаринские права, талоны на бензин и наколенный планшет, где ярко-красным стеклографом гагаринским почерком были сделаны записи посадочных данных запасных аэродромов...

Часа в 4 ночи прилетел я на Чкаловскую, поднялся в комнату, где располагался штаб комиссии по расследованию катастрофы. Меня встретили дежурившие ночью П. Р. Попович и А. А. Леонов. Забрали материалы и тут же отправили в Москву на анализы. Ко мне подошел А. А. Леонов, стал спрашивать, есть ли что-нибудь, указывающее на гибель Ю. А. Гагарина. Я ответил, что есть — это его водительские права,

наколенный планшет с надписями, сделанными Гагариным с помощью стеклографа, и, наконец, нижняя челюсть Юры с железным зубом. Секунду спустя он заплакал, запричитал, а затем схватил меня за грудь и начал сильно трясти, как будто я был виноват в случившемся. Развел нас П. Р. Попович. Он оттащил разъяренного А. А. Леонова в сторону, сильно встряхнул и резко сказал, что в авиации и не такое бывает (30).

Алексей Леонов:

— Да. Мы искали в эту ночь. Сразу мы нашли останки лишь Серегина, фрагменты... не будем говорить. Нашли от Юрия Гагарина портмоне и наколенный планшет — на истребителях мы летаем, не такие как у бомберов, а наколенный, но ведь он мог катапультироваться. Всю ночь по лесу ходили батальоны, два батальона привезли солдат — искали, где... И только утром мы нашли на дереве следы шевретовой куртки, а когда мне показали в эмалированном зеленом ведре... где-то чуть-чуть больше полведра. А накануне в субботу мы с ним были в гостинице «Юность», там у нас был хороший парикмахер, Игорь такой; и вот он его стриг — скобочка была тогда модная, бритвой. Я сидел сзади, говорю: «Игорь, ты не срежь!» — там миллиметров 5 бархатная коричневая родинка. Он говорит: «Я знаю об этом». И когда я увидел эту часть шеи — уже понятно было. Я сказал — не надо искать. Все находится здесь. Пережить это было сложно (10).

Николай Каманин:

Около восьми утра генерал Кутахов и я почти одновременно заметили на высоте 10—12 метров на одной из берез кусок какой-то материи. Он оказался частью куртки Гагарина. В грудном кармане куртки мы нашли талон на завтрак на имя Юрия Алексеевича Гагарина. Сомнений больше не было: Гагарин погиб (9).

Район прочесывали дважды. До 20 апреля обследовалось место катастрофы в районе падения самолета. Когда сошел снег, весь район, отмеченный на карте, обследовался вторично... Организация поиска производилась следующим образом: летный состав, прибывший на место поиска, выстраивался в одну линию. В первые дни район поиска обследовали около 600 человек, но потом численность личного состава сократилась до 200. Солдатам давались указания не пропускать ни од-

ной металлической части, ни остекления кабины, ни погибших птиц. В результате поиска было найдено около 80 штук воздушных шаров диаметром от 8 до 16 м с передатчиками весом до 1 кг. Все найденные метеорологические шары доставлялись Правительственной комиссии с целью определить, не было ли столкновения их с самолетом... За 10 часов работы группа проходила участок около 8—10 км длиной и шириной порядка 2 км. После этого люди отдыхали и обедали. Далее участники поисковой группы возвращались по пройденному участку в обратном направлении. Таким образом, намечаемый для поиска участок прочесывался дважды. Но посторонних предметов, которые могли бы стать причиной катастрофы, группой поиска так и не было обнаружено (29).

Обнаружен бумажник Гагарина, в нем удостоверение личности, права шофера, 74 рубля и фотография С. П. Королева. Найдены самолетные часы, наручные часы Гагарина и Серегина (9).

Сергей Белоцерковский:

На руке Ю. А. Гагарина были часы КИ «Super Automatic» редкой модификации. Чтобы восстановить показания по заклиненному положению деталей, нужны были аналогичные исправные часы. Но найти их ни в московских магазинах, ни в мастерских по ремонту не удалось. Не помогло и обращение в Шведское посольство. Однако вскоре такие часы мне были даны для временного использования Г. С. Титовым. Он их получил в подарок одновременно с Ю. А. Гагариным и не без труда отыскал их среди других часов — подарков (4).

Журналист Игорь Морозов:

Не так давно мне довелось взглянуть на то, что осталось от самолета Юрия Гагарина и Владимира Серегина. Все, что сумели собрать тридцать лет назад в мартовском лесу под метровым снегом, хранится сегодня в десятке намертво запаянных и опломбированных черных бочек в специальном подземном бункере одного из закрытых военно-исследовательских институтов Министерства обороны России. Чтобы увидеть их, журналисту требуется разрешение ни много ни мало самого начальника Генерального штаба. Бочки, впрочем, как бочки. Ничего особенного. На каждой — надписи масляной краской. Левое крыло, правое, части фюзеляжа... И все-таки впечатление от увиденного оставалось жутковатое (21).

Валентина Пономарева:

Вечером (или ночью) состоялась кремация. Помню мрачную черную дорогу. Наш автобус замыкал колонну, и на поворотах мне видна была бесконечная вереница красных огней на черном фоне асфальта. Как символ трагедии. В крематории нас повели вниз, к печам. Оба гроба стояли на подставках напротив топки. Служитель открыл заслонку, сказал: «Юрий Алексеевич первый». И вкатил гроб прямо в пламя. Эти слова пронзили меня острой болью. И здесь он был первый...

Не знаю, спал ли кто-нибудь из нас в эту ночь. Все кучками и поодиночке слонялись из квартиры в квартиру. В каждой квартире плакали и пили. Плакать не стыдились (31).

Москва оцепенела от ужаса, плакали на улицах (32).

Урны с прахом Гагарина и Серегина были установлены в Краснознаменном зале ЦДСА. Доступ к урнам был открыт 29 марта с 9:00. В этот день с прахом погибших попрощались около 40 тысяч человек. В почетном карауле стояли руководители партии и правительства, летчики, космонавты, рабочие и колхозники, ученые и артисты, маршалы и солдаты. Москва, Родина, вся планета прощалась с тем, кто первым из людей проложил для человечества дорогу в космос (9).

— Таких похорон, говорят, не было со времен похорон Сталина (29).

Николай Каманин:

В восемь утра 30 марта Валентина Ивановна, родственники погибших и все космонавты уже снова были в ЦДСА. Доступ к урнам намечался с 9:00, но открыли его в 8:30, так как очередь прощающихся образовалась еще в 6 часов утра (9).

Юрий вместе со своим напарником Владимиром Серегиным погиб 27 марта, в день рождения отца. Праздник планировали отметить 30 марта — на именины Алексея Ивановича, и Юрий тоже должен был приехать... <...> На похоронах, которые состоялись на Красной площади, была лишь мать Юры. По официальной версии, Алексей Иванович заболел, поэтому не смог прибыть в Москву. Однако очень немногие знают, что

в действительности дело обстояло несколько иначе. Отец принципиально не захотел присутствовать на похоронах. «Никуда я не поеду, — говорил он, — потому что не знаю, чьи кости будут хоронить — Юры или Серегина...» (33).

В 13:10 космонавты, маршалы и члены Правительственной комиссии подняли урны и вынесли их на площадь Коммуны. Минут через десять длинная траурная процессия тронулась по бульвару и Неглинной улице к Дому Союзов. На протяжении всего пути стояли сотни тысяч москвичей, удрученных тяжелой утратой. Около Дома Союзов урны были установлены на артиллерийские лафеты, все провожающие вышли из машин, и траурная процессия направилась на Красную площадь. <...> (9).

Ярослав Голованов:

Похороны Юры на Красной площади. Кто писал речи всем этим людям?! Никто, даже Андриян Николаев не сказал, что Гагарин был веселым, жизнелюбивым, радостным человеком (34).

Вслед за урнами шли родственники, члены Президиума ЦК КПСС (Брежнев, Косыгин, Подгорный и другие), космонавты, маршалы, министры, генералы и офицеры. В 14:30 урны с прахом Гагарина и Серегина были установлены в нишах Кремлевской стены (9).

Антон Уткин «Крепость сомнения»:

— Ну хорошо, — согласился Аганов. — От греков хоть театр остался, от римлян право, от германцев печатный станок. А от нас что останется?

— От нас останется воспоминание, что мы вывели человечество в космос. Честное слово, это стоит печатного станка. А уж театра тем более (35).

ЭПИЛОГ

«Идем ко дну. Настроение бодрое». Юрий Алексеевич имел репутацию человека неунывающего и на вопросы из серии «как дела» рапортовал обыкновенно именно таким образом (1); несмотря на угнетающие мысли о содержимом металлических бочек*, мы также не собираемся заканчивать нашу книгу в минорном тоне.

«Не обошлось в Павлодаре и без курьезов, связанных с Гагариным. После его полета в городском парке отдыха установили макет ракеты, на которой желающие имели возможность некоторое время кружить по заданному радиусу. Однажды ранним утром в эту ракету залез сторож, длинной жердью нажал на кнопку “пуск” и... поехал. Набравший скорость агрегат не позволил сторожу ни отключить его от энергосети, ни сойти на землю. Да и крик человека, попавшего в беду, ни до кого не дошел. Так он и кружил, пока не пришли уборщицы. Жалкое зрелище они увидели. На вопрос, зачем взрослый мужчина так поступил, сторож ответил, что хотел понять, как себя чувствовал в полете Гагарин. С тех пор сторожа стали звать парковым космонавтом, а аттракцион не знал ни минуты простоя до глубокой осени» (2).

* Почему, кстати, содержимое этих бочек не выставлено? Вот обломок фюзеляжа, вот фотография Королева, найденная в бумажнике Гагарина, вот его металлический зуб, вот склянка с его кровью редкой группы III Б, вот модель Су, которую Леонов показывал крестьянам... И вообще, почему те, кому интересен Гагарин, должны узнавать о нем практически исключительно из мемуаров? Ведь странно: на 99 процентов источниковая база гагаринской биографии — мемуары, архивы-то — закрыты. Почему надо быть Ю. Батуриным или А. Леоновым, чтобы получить доступ к ним? Почему мы должны зависеть от персональных версий истории? Почему мы должны ждать, пока о своих встречах с Юрием Гагариным выскажутся Виталий Хрисанфович Тохтамыш, Аарон Израилевич Резников, Августа Костюченко и профессор Биби, — а не просто пойти в архив и узнать о Гагарине то, что хотим?

В октябре 1965 года все газеты мира написали о советском 66-летнем жителе Иркутска, пенсионере Алексее Поликарпове, который вышел из дому 12 апреля 1961 года и за пять с половиной лет пешком прошел по территории СССР расстояние в 24 800 миль — такое же, как Гагарин за полтора часа своего орбитального полета. Он побывал во всех союзных республиках, а в его путевых документах проставлено 3175 печатей местных органов власти (3). И это только первые строчки длинного списка курьезных попыток имитации; факт тот, что, странным образом, подвиг Гагарина — в отличие от подвигов Матросова, Маресьева или Стаханова — вызывает неосознанное желание повторить его — даже и самым нелепым способом. (Даже автор этой книги начал свои окологагаринские исследования с того, что зачем-то поехал на Киржачский аэродром и прыгнул с парашютом. Та же мотивация — и тоже, надо полагать, «жалкое зрелище».)

Зачем все эти люди делали это? Почему им захотелось самим почувствовать себя Гагариным? Почему им нравится Гагарин? Зачем вообще всем нам Гагарин, гагаринская биография?

Стандартные тексты о Гагарине-человеке (мы ведь понимаем, что когда речь заходит о таких фигурах, как Гагарин, слово «биография» подразумевает сразу две вещи: биография человека и биография идеи) обычно исчерпываются попыткой ответить на вопрос «знаете, каким он парнем был», и так как парнем он был ого-го, то никаких других вопросов вроде бы и не возникает; однако ж кое-что важное теряется — а именно: знаете, каким парнем он мог быть?

12 апреля 1968 года Гагарин — давайте попробуем поэкспериментировать в жанре альтернативной истории; как и все шарлатаны, мы оправдываем себя тем, что всего лишь разворачиваем «наиболее вероятный сценарий», — становится генерал-майором и в том же году, вместо Кузнецова, начальником Центра подготовки космонавтов. Советский Союз привыкает к 34-летнему «генералу Гагарину», космонавту, чиновнику* и летчику. 20 июля 1969 года он выжимает из себя самую «гагаринскую» из своих улыбок и стоически поздравляет амери-

* Его готовили к этой деятельности: «Юрий Гагарин приглашался на деловые встречи с аппаратом генералов и офицеров ГлавПУРа, Министерства иностранных дел, в посольства, с военным атташом. На этих важнейших событиях, участках и направлениях вырабатывается и приобретает политический опыт, стиль и практика. Одним словом... <...> у Юрия развивалось перспективное мышление, то есть умение глубоко, объективно оценивать состояние обстановки на текущий момент и правильно формулировать ориентиры на последующий период или более далекую перспективу в политике, экономике, отрасли в военном деле, космонавтике, развитии ракетной и космической техники» (4).

канцев с высадкой на Луну*, одновременно объясняя соотечественникам, как будет выглядеть программа реванша — ведь раз лунная гонка проиграна, должна быть выиграна другая. Варианта два: облет пилотируемого космического корабля вокруг Солнца и/или — полет на Марс. Кремль недоволен его «чириканием», у них нет лишних денег на космос, однако неутомный генерал Гагарин все время тюкает свое начальство — когда, когда, когда; и кому же тюкать, как не ему, — ведь это ему на Западе приходится уворачиваться от каверзных вопросов журналистов.

И одно дело отвечать на этот вопрос о космосе абстрактно-народу, который вкладывал свои силы в этот чертов космос на протяжении целого десятилетия; и другое дело — конкретному Гагарину; как знать, хватило бы у начальства духу позакрывать все «бесперспективные» программы.

В 1970-е рост Гагарина продолжается — и как личности, и

* Кстати, знаете, чем на самом деле кончилась лунная эпопея Юрия Гагарина? В августе 1968 года, через полгода после гибели Гагарина, А. А. Леонов приехал в Вену на Конференцию ООН, посвященную проблемам использования внешнего космоса. В ходе своего выступления космонавт предложил переименовать лунный Океан Бурь в Океан Гагарина — в честь советского космонавта, ставшего первым человеком в космосе. «Этот человек заслуживает такого подношения с нашей стороны» (12). Позже, на пресс-конференции, Леонов уточнил, что Океан Бурь очень подходит для этого случая — хотя бы потому, что первая советская мягкая посадка на Луне произошла именно там. Гагарин, сказал он, помогал планировать полет летательного аппарата. Одновременно Леонов предложил, чтобы лунный кратер, где произошла первая мягкая посадка американцев, был переименован в честь троих погибших в ходе подготовки полета «Аполлона» на Луну американских космонавтов — Вирджила Гриссома, Эдварда Уайта и Роджера Чаффи. «Это будет не более чем справедливость», — сказал Леонов.

Американцы поступили так, как и подобает нации, находящейся в состоянии войны — хотя бы и всего лишь холодной. Да, сказали они, им «симпатична» идея назвать на Луне что-нибудь в честь Гагарина, однако относительно Океана Бурь дать такое обещание они отказались. Разумеется, Фредерик Зайц, президент Национальной Академии наук, сказал, что он «уверен, что какая-нибудь важная вещь будет названа в честь Гагарина». Тут же возникло замешательство относительно того, какой именно международный орган отвечает за наименование мест на Луне. Леонов предложил, чтобы вопросами переименования занималась Комиссия по селенографии, которая, очень кстати, планировала собраться в Москве через два месяца. Зайц парировал тем, что полномочный орган и так существует — Комитет по лунной номенклатуре, входящий в Международный астрономический союз. Несмотря на большое количество поступающих предложений, график у членов комитета чрезвычайно плотный, и собираться ранее 1970 года они не планировали. Кончилось тем, что в честь Гагарина назвали никакой не океан, а всего лишь кратер на обратной стороне Луны. Диаметр 274 километра, но по сути — дыра дырой; не слишком-то впечатляет.

внутри иерархии. На момент смерти Брежнева, в 1982-м, ему еще нет пятидесяти. Заматеревший — набравший вес, подоброузгий, максимально мимикрировавший под образ кремлевского старца, — он становится министром обороны вместо умершего Устинова, возможно — председателем Верховного Совета СССР. Вряд ли он сам намеренно стремится делать политическую карьеру — скорее, сами обстоятельства, судьба подталкивают его в этом направлении; судьба, которая обшкуривает его, превращает в конструктивно мыслящего чиновника по самым особым поручениям. К 1985 году он входит в состав политбюро; да, компания, в которой он оказывается, выглядит не так эффектно, как блестящие молодые летчики образца 1960 года, — но и Гагарин уже не тот. Он накопил калории и для этой миссии тоже; и потом, каким бы одобрительным ни было наше «ого-го», не стоит идеализировать Гагарина — судя по принимаемым им решениям и некоторым характеристикам, он был достаточно (достаточно — не значит, что весь исчерпывался этими характеристиками) простоват, вульгарен и циничен, чтобы чувствовать себя своим среди обживших трибуну мавзолея существ. С крестьянским происхождением, с партбилетом в 26 лет — он был из них, из этого круга; лауреата Нобелевской премии по экономике Канторовича или артиста Высоцкого в каракулевой шапке-«пирожке» не представишь, а Гагарина — с легкостью.

Так или иначе, самое время... о том, как СССР мог бы пройти историческую развилку 1985 года, если бы на месте Горбачева оказался Юрий Алексеевич, лучше не фантазировать; однако факт: первый космонавт-президент СССР — это гораздо более правдоподобно, чем исполнитель роли Терминатора — в должности губернатора Калифорнии. Удалось бы Рейгану при живом — и постоянно растущем — Гагарине втянуть СССР в гонку вооружений? Удалось бы СССР (еще один всплеск энтузиазма — еще один поток кредитов — новая порция бензина в чихающий двигатель — оживающая экономика) проскочить возможность демонтировать социализм по китайскому варианту? У кого бы повернулся язык назвать страну, облетевшую вокруг Солнца и умеющую запускать людей на Марс, «Верхней Вольтой с ракетами»? А страну, где власть базируется на ресурсе доверия населения к человеку, который, по сути, воплощает в себе национальную идею, — «империей Зла»?

Мы осуществили эту мошенническую «реконструкцию» не для того, чтобы украсть у читателя несколько минут его време-

ни, а чтобы показать, что у Гагарина, не погибни он, могло быть большое будущее — и сам он наверняка догадывался о своих перспективах*.

Общепринятая версия биографии Юрия Гагарина — романтическая: чистый светлый юноша, слетал в космос, — а потом, под давлением обстоятельств, стал деградировать — и деградировал бы, наверное, окончательно, но Бог дал красиво погибнуть молодым. Это очень хорошая версия, если вы художник, расписывающий палехские подносы, — именно такой персонаж вам и нужен. Но на самом деле, если непредвзято взглянуть на его жизнь — и не убедить себя заранее, что послеполетную биографию достаточно обозначить пунктиром, — более точной представляется версия другая.

Да, полет 12 апреля был «прекрасным мгновением» — но полет не был центральным событием гагаринской жизни, и, соответственно, послеполетные 1960-е годы не были чисто инерционным движением. Полет был лишь финалом инициации — а дальше включились и работали другие двигатели — даже если посторонним казалось, что летит он «просто так», на еще той, королёвской, тяге.

Это означает, что Гагарин — **НЕСОСТОЯВШАЯСЯ** ключевая фигура русской истории. Простой или сложный, он был человек, которому судьбой было предназначено стать монадой, вокруг которой объединится очень сложная структура; и уже к концу жизни он, во-первых, четко осознавал возложенную на него миссию; а во-вторых, был готов к ней гораздо лучше, чем вначале. Именно это движение — от простого к сложному, особенно трудное при имевшихся начальных данных; почти невозможное — но компенсировавшееся везением — мы и хотели показать в своей книге. Его полет, на самом деле, — только прелюдия, момент, когда он заработал гигантский стартовый капитал; выстроил себе ракету-носитель, «Энергию». Но сам «Буря́н» — орбитальный самолет «ЮГ», космический челнок, Гагарин как самостоятельная фигура, способная в одиночку изменить мир, — так и не успел взлететь.

А что если нет? Если бы он остался жив — и не стал «первым лицом»? Пожалуй, с высокой степенью вероятности можно предположить, что Гагарин «генералом в отставке лопатил бы землю в Подмоскowie на приусадебном. Распухал бы от комаров и от водки. Принял бы ГКЧП, но затем перешел бы на

* И он сам, и люди, которые его знали. Л. Н. Толкалин на вопрос автора, кем бы мог стать Гагарин, если бы не погиб, ответил не задумываясь: «Президентом» (5).

сторону Ельцина, как все служаки» (6) — а в 2000-е стал бы членом «Единой России», занял бы место в совете директоров какого-то банка, слушал бы группу «Любэ» (ну да, рабоче-крестьянско-военная тематика плюс обучение в люберецкой «ремеслухе»), подписывал бы письма с требованием осудить зарвавшихся олигархов и участвовал бы в рекламных кампаниях тех продуктов, маркетологам которых пришла бы в голову идея связать их с космическими высокими технологиями*.

Можно сколько угодно иронизировать относительно того, что он заживо мумифицировался — а как иначе назвать всю его «представительскую деятельность», поездки на комсомольские слеты и военные праздники. И, да, он произносил слово «агентство» с ударением на первом слоге, тыкал незнакомым людям, рассказывал анекдоты про старшину-рашпиля и носил плебейскую стрижку. И это называется «эволюционировал»?! Может быть — если уж он в самом деле собирался «расти» — ему следовало бы для начала последовать примеру Элизы Дулиттл и обучиться хорошим манерам, исправить непрестижную фонетику, откорректировать мимику, сменить прическу? Может быть; но зачем? Гагарин был публичным лицом власти — и должен был выглядеть адекватно обстоятельствам: как заматеревший, раздавшийся в талии, пообтершийся, в папаче и шинели, мужик, способный держаться на ногах после литра «Столичной». Начальник в особенной, не такой, как другие, со своими порядками, стране. В стране с более-менее казарменными условиями проживания, с более-менее мобилизационной экономикой; в стране, где слова не всегда соответствуют делам, где иногда приходится подтягиваться на ходу, но как-то уж так — иногда блефом, иногда работой до полусмерти — дело делалось, по-настоящему делалось; в отстающих, по крайней мере, не числились; «достаточно на карту мира посмотреть» (8).

Между тем «с высокой степенью вероятности» не означает «наверняка»: в своей книге мы пытались показать, что Гагарин был необычным, труднопрогнозируемым человеком, и он в самом деле достаточно стремительно эволюционировал интеллектуально; и если уж вы сообразили, что группа «Любэ» может показаться синонимом пошлости — то и у него могло хватить на это ума; даже и не сомневайтесь. И уж точно у Гага-

* «Гагаринские коллекции» начали производиться — и рекламироваться — еще при жизни Гагарина. Московский Первый часовой завод запустил в начале 1960-х сразу три марки — «Полет», «Космос» и «Орбита». Итальянский модельер Анджело Литрико, шивший пальто и костюмы для Хрущева, непреременный участник всех недель итальянской моды в СССР, в сентябре 1962 года выпустил так называемую «Gagarin-Line» — простые черно-белые спортивные ветровки, которые сам охарактеризовал как «позволяющие ощущать пространство» (7).

рина, кроме разума, была еще и интуиция, чутье, позволявшее ему не залипать на таких вещах, которыми интеллигенция «тестирует» чужаков на предмет принадлежности к касте: «свой-чужой?»; можно не сомневаться, что гораздо больше, чем судьба Ходорковского, его интересовал бы полет на Марс. Он не ходил бы и не вопил — какой ужас, какой ужас, какой ужас! Он бы вел себя, как Фридрих Артурович Цандер, который, когда ему было очень плохо, сжимал руками голову и иступленно твердил: «На Марс, вперед, на Марс, на Марс!» (9).

Обрюзгший или по-юношески стройный, Гагарин обречен был представлять государство в любой актуальной форме — социалистическое, агрессивно-либеральное, монопольно-капиталистическое; отделенное от Запада Берлинской стеной — или соединенное с ним трубопроводом с максимальным диаметром. В том, что им бы воспользовался любой из кремлевских режимов, можно не сомневаться; он ни при каких обстоятельствах, ни при каком устройстве общества не был бы аутсайдером; вопрос лишь в том, мог ли бы он стать именно центральным, руководящим элементом этой системы — или скорее пассивно примагничивался бы к ней. В любом случае, отношения Гагарина с государством не выглядели как противостояние бесчеловечной машине, высасывающей из живого человека душу. Разумеется, нет; это был симбиоз, и он пользовался всеми плюсами партнерского статуса.

Пользовалось своим симбионтом и государство; ведь, конечно, не только СССР повезло с Гагариным — но именно власти, прежде всего. Благодаря Гагарину на какое-то время власти удалось нагрузить население Общим Проектом — космосом, причем персонифицировать идею космоса, очеловечить ее. Космос стал так же притягателен, симпатичен и открыт, как вот этот конкретный человек, такой же, в перспективе, «наш», как он. Власти удалось привязать национальную идентичность к возможности совершать космические полеты; связать в сознании людей доступ в космос — и судьбу человечества в целом, да еще и национальную безопасность, экономическое развитие и будущее отечественной науки.

После того как Гагарин погиб, от «народа» отделился не только космос, но и власть; и то и другое выглядело как холодное потенциально травматичное для психики пространство, от которого ничего хорошего не жди.

С тех пор положение дел, сами знаете, только ухудшилось.

И раз так — с какой, вообще, стати в мире, где космос — это всего лишь холодный чулан со спутниками, позволяющи-

ми обывателю войти в свой фейсбук в любом месте планеты Земля; где живая икона — Марк Цукерберг; где, чтобы проникнуть в верхние этажи социальной пирамиды, следует мечтать не о карьере полярного летчика, а клепать приложения для айфона; где человечество, вместо экспансии во вселенную, выбрало другой, изоляционистский глобальный проект и другой путь самоорганизации — социальную сеть, — зачем в этом мире нам нужен Гагарин? Гагарин — который превратился даже не в героя идеологического комикса, а в китчевую фигуру, в идеальный образец плохого советского дизайна, в экспонат краеведческого музея, который всегда может отвлечь на себя внимание в трудные моменты — например, когда очередной российский спутник по каким-то причинам не выходит на заданную орбиту?

Затем, что — даже и так — «идея Гагарина» все равно никуда не делась — и она все так же «работает».

В чем она состоит сегодня? Очень просто: в осознании того, что, каким бы ловким бизнесменом ни был Цукерберг, мечтать стать Цукербергом — гораздо пошлее, чем мечтать о том, чтобы стать Циолковским, Королевым или Цандером. Что покорить социальную сеть и покорить космос — это разные по масштабу задачи. «Идея Гагарина» — в том, что решение проблемы дефицита электротоваров, обеспечение возможности критиковать начальство по телевизору и соблюдение 31-й статьи Конституции — все это важно сегодня и неважно завтра, а главное для человечества — на Марс, на Марс, на Марс*. Что в этом, собственно, и заключается конструктивно понятая свобода — в работе, в возможности заниматься творчеством, в производстве новых знаний, в развитии, в духовной экспансии, в трансформации, в преодолении самих себя. Что не плохое или хорошее государство, а сегодняшнее, наличное состояние материи, «физика», — есть то, что нужно преодо-

* Вот и сами ответьте после этого на вопрос — один из тех, что, несомненно, беспокоит множество людей — но не автора этой книги: правда ли, что подлинными героями 1960-х были вовсе не Королев и Келдыш, Гагарин и Титов, а Сахаров и Солженицын, Сиявский и Горбаневская? Что вместо того, чтобы кататься на ракетах и затем инспектировать прочность Берлинской стены, Гагарину следовало бороться с тоталитарным кровавым монстром до последней капли крови? Что правильнее говорить, что Гагарин был всего лишь современником по-настоящему великих людей, сделавших для своей родины гораздо больше, чем этот наивный лейтенант, который позволил запихнуть себя в летающую стиральную машину? Что, «возвеличивая» Гагарина, мы всего лишь идем на поводу у официальной пропаганды, которая слепила себе из информационного спама идола — для того, чтобы забивать этим спамом сознание угнетаемых масс?

леть; выйти от физики к метафизике. Что «каждый человек — луч света, мчащийся на свидание с Богом» (10), и Гагарин — пример человека, который прожил свою жизнь именно так — не как член тогдашней Общественной палаты, ездивший по Кутузовскому с мигалкой, а как луч света, мчавшийся на свидание с Богом. Вот в чем идея Гагарина: в том, чтобы все эти люди, которые открывают ресторан, заводят себе страничку на фейсбуке и думают, что они и есть «колумбы вселенной» сегодня, — почувствовали разряд тока, запрокинули голову наверх и прочли там составленную из звезд надпись: «Из ресторанов в космос не летают», как сформулировал однажды с гениальным простодушием Юрий Алексеевич (11); это следовало бы печатать на каждой странице каждого ресторанного меню, как печатают на сигаретах череп с надписью «Курение убивает».

Капитализм может быть очень комфортным, но, как ни крути, в качестве образа будущего он — самый пошлый из всех возможных; люди могут жить так, как им хочется, но они должны по крайней мере осознавать, что, теоретически, у них были и другие возможности. И вот «Гагарин» — проводник идей Циолковского и Королева — и есть антидот от этой пошлости. Ничего не стоят ни ваши диеты, ни ваши гигабайты текстового и визуального хлама, хранящиеся на американских серверах, ни ваши супермаркеты, когда есть Марс, Венера, спутник Сатурна Титан и система альфа Центавра — космос: горы хлеба и бездны могущества. Вот что такое Гагарин.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ю. А. ГАГАРИНА

- 1934, 9 марта — Юрий Гагарин родился в деревне Клушино Гжатского района Смоленской области в семье Алексея Ивановича Гагарина и его жены Анны Тимофеевны.
- 1941, сентябрь — Юрий пошел в первый класс клушинской неполной средней школы. Вскоре учеба прервалась из-за немецкой оккупации.
- 1943, февраль — угнаны на работу в Германию старший брат Юрия Валентин и сестра Зоя.
Весна — освобождение Клушина от немцев.
- 1945, 24 мая — семья Гагариных переехала из Клушина в город Гжатск.
- 1949 — окончил шесть классов гжатской неполной средней школы. Поступил в ремесленное училище № 10 в городе Люберцы Московской области.
- 1951, июнь — окончил с отличием ремесленное училище по специальности «формовщик-литейщик» и одновременно школу рабочей молодежи.
Сентябрь — поступил в Саратовский индустриальный техникум. В заявлении на имя директора техникума написал: «Я желаю принести как можно больше пользы моей Родине. Все требования, предъявленные ко мне, обязуюсь выполнить честно и беспрекословно».
- 1954 — вступил в Саратовский аэроклуб.
- 1955 — окончил с отличием Саратовский индустриальный техникум. Поступил в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище. Совершил первый полет.
- 1957 — окончил училище по первому разряду. Начал службу в истребительном авиационном полку Северного флота.
27 октября — в Чкаловском городском отделе ЗАГС состоялось бракосочетание Юрия Гагарина и Валентины Горячевой.
- 1959, 17 апреля — родилась дочь Елена.
Декабрь — подал рапорт с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты.
- 1960, март — направлен в Москву, где начал занятия в отряде космонавтов.
- 1961, 7 марта — родилась дочь Галина.
12 апреля — совершил первый в истории человечества космический полет на космическом корабле «Восток». За 108 минут облетел земной шар и благополучно приземлился в окрестности деревни Смеловки Терновского района Саратовской области. На военном вертолете доставлен в город Энгельс, откуда на самолете в Куйбышев (ныне Самара).
14 апреля — прибытие на самолете в Москву, торжественная встреча в Москве на Красной площади. Гагарину присвоено звание майора авиации, вручены орден Ленина и золотая звезда Героя Советского Союза.
28 апреля — вылетел в Прагу (Чехословакия).
Май — назначен командиром отряда советских космонавтов.
22 мая — Гагарин и сопровождающие его лица самолетом Ил-14 вылетели в Болгарию.
30 июня — по приглашению общества «Финляндия — СССР» поездом выехал в Финляндию.

- 11 июля — по приглашению профсоюза литейщиков Великобритании вылетел в Англию.
- 20 июля — по приглашению правительства Польской Народной Республики вылетел в Варшаву.
- 23 июля — вылетел с дружеским визитом на Кубу.
- 28 июля — прибыл с визитом в Бразилию.
- 5 августа — по приглашению американского промышленника Сайруса Итона прилетел в Канаду.
- Сентябрь — приступил к занятиям в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского.
- 1962, 29 января — прибыл с визитом в Объединенную Арабскую Республику, после чего посетил ряд африканских стран.
- 12 февраля — возвращаясь из Африки, посетил Грецию.
- 10 мая — началась многодневная поездка в Австрию.
- 21 мая — вылетел в Японию.
- 4 августа — присутствовал на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки.
- 5 сентября — вылетел в Данию.
- 1963, 27 сентября — посетил Париж.
- 10 октября — прибыл с визитом на Кубу.
- 12 октября — посещение мексиканской столицы Мехико.
- 17 октября — прибыл в Берлин по приглашению правительства ГДР.
- Декабрь — назначен заместителем начальника Центра подготовки космонавтов.
- 1964, март — визит в Швецию и Норвегию.
- 1965, 6 мая — вылетел в ГДР.
- 16 июня — началось турне по городам Франции.
- 1966 — приступил к тренировкам для полета на новом космическом корабле «Союз». Избран почетным членом Международной академии астронавтики.
- 1968, февраль — с отличием окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Государственная аттестационная комиссия присвоила Гагарину квалификацию инженера и рекомендовала его в аспирантуру.
- 27 марта — трагически погиб в авиационной катастрофе близ деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области при выполнении тренировочного полета на самолете МиГ-15 с летчиком В. С. Серегиним.
- 30 марта — урна с прахом Юрия Гагарина захоронена в Кремлевской стене.

ИНДЕКС ИСТОЧНИКОВ

Пролог

- (1) Пересказывается по: *Финли В.* Тайная история красок. М., 2010.
- (2) Характеристика Гагарина, приписываемая В. Гуляеву; цит. по: *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (3) *Лимонов Э.* Священные монстры. М., 2004.
- (4) *Толстой Л. Н.* Война и мир.
- (5) *Гладуэлл М.* Переломный момент. Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам. М., 2010.
- (6) *Чертюк Б. Е., Аполлонов В. В., Арин А. О. и др.* Космонавтика XXI века: Попытка прогноза развития до 2101 года. М., 2010.
- (7) *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. М., 1999.
- (8) *Рид Л. Я.* Карандаш (Моя родословная в изложении Леонарда Рида) // Экономическая политика. 2008. № 4.
- (9) *Циолковский К. Э.* Будущее Земли и человечества. (1928).

Глава первая. Гагарин и Черт

- (1) *Гагарин В. А.* Мой брат Юрий. М., 1972.
- (2) *Нагибин Ю.* Рассказы о Гагарине. М., 1979.
- (3) *Мозгунова Г.* Предки Ю. А. Гагарина // Москва. 2006. № 7.
- (4) Смоленская Духовщина сражается с мертвыми фашистами // Рабочий путь. 2010. 6 апреля.
- (5) *Кац В.* О чем молчал Гагарин-старший.
- (6) *Гагарина А. Т.* Слово о сыне. М., 1986.
- (7) *Козляков В.* Смута в России. XVII век. М., 2007.
- (8) *Белоцерковский С. М.* Гибель Гагарина: Факты и домыслы. М., 1992.
- (9) Интервью с В. А. Гагариным // Семья. 2002. 4 марта.
- (10) Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
- (11) Spaceman Is Really Son of Prince, Paper Says // Los Angeles Times. 1961. 13 Apr.
- (12) *Львов А.* Историко-статистическое описание прихода села Клушино Гжатского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1875. № 17—18, 20—21.
- (13) *Bizony P., Doran J.* Starman: Truth Behind the Legend of Yuri Gagarin. Bloomsbury, 1998.
- (14) *Степанов В. А.* Юрий Гагарин. М., 1987.
- (15) Воспоминания о клушинском периоде старшего брата первого космонавта Валентина Алексеевича Гагарина. ММГ М-Ф-4705*.
- (16) Цит. по: *Голошубов Ю.* День Гагарина в Скандинавии // Известия. 1961. 15 апреля.
- (17) *Винокуров А., Зельвенский Ю.* Первый космонавт — воспитанник аэроклуба. М., 1962.
- (18) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.

* Здесь и далее указываются шифры (СМЗ, ММГ, МГ) документов из коллекции Объединенного мемориального музея Ю. А. Гагарина в городе Гагарине.

- (21) *Обухова Л.* Вначале была Земля. М., 1973.
- (22) *Время Гагарина* // Правда. 1986. 31 марта.
- (23) *Дихтярь А.* Прежде, чем прозвучало «Поехали!». Документальная композиция. М., 1987.
- (24) *Кононов В.* Промывание мозгов // Новости Смоленска.
- (25) *Интервью с А. Селищевым, рисовавшим портреты членов семьи Гагарина* // Факты (Киев). 2007. 12 апреля.
- (26) *The Princely House of Gagarin*: <http://www.gagarin.com/faq.html>
- (27) *Обухова Л.* Любимец века. М., 1972.
- (28) *Акбулатов Я.* РГАНТД*. № 300-1; 300-2.
- (29) *Кац В.* То брат, то не брат // Секрет. Еженедельник.
- (30) *Дихтярь А.* Жизнь — прекрасное мгновение. Документальная композиция. М., 1974.
- (31) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (32) *Куденко О. И.* Орбита жизни. М., 1971.
- (33) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 2007.
- (34) *Коммари А.* Русский, красный, человек опасный: <http://lib.rus.ec/b/223679>
- (35) *Россошанский В. И.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
- (36) *Уездный город Г.* Материалы подготовили А. Шушенская, Т. Рослова, Д. Тыкулов // Версия. 2004. 1 марта.
- (37) *Боброва И.* Почему улыбался Гагарин? // Московский комсомолец. 2000. 13—20 апреля.
- (38) *Московский комсомолец.* 1961. 13 апреля.
- (40) *Устинов Ю. С.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (41) <http://cosmosravelin.narod.ru/r-space/G.html>
- (42) *Шаров П.* Незабываемая встреча с Гагариным // Новости космонавтики: www.federalspace.ru/main.php?id=87

Глава вторая. Гагарин и Дикий Запад

- (1) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.
- (2) *Филатова Т. Д.* Личное интервью.
- (3) *Vizony P., Doran J.* Starman: Truth Behind the Legend of Yuri Gagarin.
- (4) *Гагарин В. А.* Мой брат Юрий. М., 1972.
- (5) *Толкалин Л. Н.* Личное интервью.
- (6) *Кац В.* О чем молчал Гагарин-старший // Секрет. Еженедельник.
- (7) *Обухова Л.* Вначале была Земля. М., 1973.
- (8) *Гагарина А. Т.* Слово о сыне. М., 1978.
- (9) *Обухова Л.* Любимец века. М., 1972.
- (10) *Толкалин Л. Н.* Наш одноклассник Юрий Гагарин (журнальный вариант) // Приокские зори. 2007. № 3—4.
- (11) *Волк И., Томский В.* Сделано в России. М., 2009.
- (12) *Учительница первого космонавта Земли Нина Кондратенкова: Гагарин на уроках пускал самолетики* // Собеседник. 2006. 12 апреля.
- (13) *Шаров П.* Учительница первого космонавта: www.federalspace.ru
- (14) *Копанев А.* Друг детства. — В кн.: Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.

* Здесь и далее указаны фонодокументы личных фондов и коллекций РГАНТД, коллекции по истории отечественной космонавтики, которые цитируются в тексте.

- (15) *Раевская О.* Таким был наш Юрий. — В кн.: Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
- (16) *Вулф Т.* Нужная вещь / Пер. с англ. М., 2000.
- (17) *Мозгунова Г.* Предки Ю. А. Гагарина / Москва. 2006. № 7.

Глава третья. Гагарин и огненные специальности

- (1) *Чугунов Т. А.* Личное интервью.
- (2) *Обухова Л.* Вначале была Земля. М., 1973.
- (3) Интервью с Г. Артемовым // Люберецкая газета. 2004. 22 октября.
- (4) *Чугунов Т. А.* С юности на всю жизнь. М., 2006.
- (5) Из космоса — в Клязьму // Неделя Подмосковья. 2008. 30 апреля.
- (6) Люберецкая панорама. 2006. 13 апреля.
- (7) *Белов А.* Воспоминания о юном Гагарине. — В кн.: *Бенищевич Ю. Ф.* Секрет Гагарина. М., 1995.
- (8) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.
- (9) Как дома — в космическом корабле // Труд. 1961. 16 апреля.
- (10) *Обухова Л.* Любимец века. Л., 1972.
- (11) *Борзенко С., Денисов Н.* Первый космонавт. М., 1969.
- (12) *Валентин Гагарин.* ММГ М-ЩФ-4705.
- (13) *Чугунов Т. А.* — В кн.: *Дихтярь А.* Жизнь — прекрасное мгновение. М., 1974.
- (14) *Гагарина А. Т.* Слово о сыне. М., 1978.

Глава четвертая. Гагарин и серые чугуны

- (1) *Бучарский В.* Саратовские небеса. Повесть о первом полете // Наш современник. 2009. № 3.
- (2) *Порохня В. С.* Гагарин и его время. Автобиографическая повесть о моем поколении. Смоленск, 2000.
- (3) *Кац В.* Именно с Саратовом... Саратов, 1998.
- (4) *Росошанский В.* Парни из нашего города. Саратов, 2004.
- (5) http://pics.livejournal.com/anubis_talas/pic/0000ef40/
- (6) *Чугунов Т. А.* Личное интервью.
- (7) *Росошанский В.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
- (8) *Шаров П.* Характер Юры ковался в Саратове (интервью с В. Порохней). Специально для сайта Роскосмоса: <http://www.federal-space.ru/main.php?id=87>
- (9) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 1994.
- (10) *Яикъ (Оренбург).* 2007. 12 апреля.
- (11) Беларусь сегодня. 2007. 12 апреля.
- (12) Омич Леонид Романов: «Я жил с Гагариным полтора года» // Омская газета. 2001. 18 апреля.
- (13) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.
- (14) *Хайрюзов В.* 12 апреля. Отрывок из книги о Гагарине // Литературная газета: www.lgz.ru/article/8435
- (15) *Мартыанов Д.* РГАНТД. № 313.
- (16) *Потемина Р.* РГАНТД. № 318.
- (17) *Федоров В.* В жизни бывает то, что бывает: <http://www.warlib.ru/index.php?id=000040>
- (18) Он учил Гагарина летать // Липецкая газета: <http://rus.ruvr.ru/2010/04/12/6298577.html>

- (19) *Чугунов Т. А.* С юности на всю жизнь. М., 2006.
 (20) *Столярж Б.* Знаете, каким он парнем был. М., 2004.
 (21) *Денисов Н.* Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.
 (22) *Обухова Л.* Вначале была Земля. М., 1973.
 (23) *Мицкевич П.* Гагарин мог стать не летчиком, а литейщиком // Комсомольская правда. Беларусь: <http://kp.by/daily/24275.4/470332/>
 (24) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
 (25) *Серков Г. К.* СМЗ ГМ-790.
 (26) *Гагарина А. Т.* Слово о сыне. М., 1986.

Глава пятая. Гагарин и невидимая лестница

- (1) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.
 (2) *Акбулатов Я.* РГАНТД. № 300-1; 300-2.
 (3) Яикъ (Оренбург). 2008. 9 апреля.
 (4) *Серков Г. К.* ГМ-790.
 (5) *Кац В.* Именно с Саратовом... Саратов, 1998.
 (6) *Неврова Е.* Если быть, то быть первым // Батайское время. 2008. 16 июля.
 (7) *Раушенбах Б. В., Бернгардт Э. Г.* Штрихи к судьбе народа. Кн. 2. М., 2000 (цит. по кн.: Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. / Под ред. Ю. М. Багурина. М., 2008).
 (8) *Хлызов В.* Окольцованная птица: www.proza.ru.
 (9) *Денисов Н.* Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.
 (10) *Дихтярь А.* Улыбка Гагарина. [Вырезка из немаркированного печатного издания журнального формата; хранится в музее Гагарина в Люберецком лицее № 10.]
 (11) *Нагибин Ю.* Рассказы о Гагарине. М., 1979.
 (12) Московский комсомолец. 2000. 18 февраля.
 (13) *Гагарина В. И.* 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
 (14) Интервью с саратовской знакомой Гагарина Риммой Миронычевой: <http://www.rodgaz.ru/index.php?action=Articles&dirid=16&tek=9183&issue=117>
 (15) Вечерний Оренбург. 2009. 4 марта.
 (16) *Куденко О.* Орбита жизни. М., 1972.
 (17) *Макаренков П.* Встречи в пути. — В кн.: Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
 (18) *Борзенко С., Денисов Н.* Первый космонавт. М., 1969.
 (19) *Меркулова М. И.* ММГ М-ОФ-4638.1.
 (20) Письмо Юрия Гагарина шло семь лет // Теленеделя. 2008. Март.
 (21) *Акбулатов Я.* РГАНТД. № 300-1; 300-2.
 (22) *Кислов В. С.* Личное интервью.
 (23) *Копылова Т.* Как Юрий Гагарин держал удар // Известия науки. 2004. 9 марта.
 (24) *Обухова Л.* Вначале была Земля. М., 1973.
 (25) Мои часы. 2003. № 5.
 (26) *Беленький В.* Небо для всех одно // Секрет. Еженедельник.
 (27) *Россошанский В.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
 (28) Гагарин в Оренбурге: Воспоминания, документы, выступления, очерки, фотографии. Челябинск, 1975.
 (29) *Глушко А.* Восстановленные даты фотохроники первого космонавта // Государственная служба. 2004. № 2.

Глава шестая. Гагарин и Лапландия

- (1) *Столярж Б. Л.* Знаете, каким он парнем был. М., 2004.
- (2) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (3) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 2007.
- (4) *Касьян И.* РГАНТД. № 310; 386.
- (5) Пресс-бюллетень № 1. 2010. Июль — август (Письмо П. В. Буянова журналисту «Комсомольской правды» Я. К. Голованову о проведении отбора летчиков ВВС в первый отряд космонавтов). РГАНТД. Ф. 211. Оп. 6. Д. 99.
- (6) *Калашников В. А.* РГАНТД. № 309.
- (7) *Росляков А.* РГАНТД. № 320.
- (8) Армия. (Журнал ВС Беларуси). 2006. № 4 (Письмо от жены военного летчика Светланы Приходько).
- (9) Воспоминания летчика Леонида Хоменко: <http://www.korzunovo.ru/index.php?pageOpen=history/Gagarin/text>
- (10) *Вильямский Н.* Гагарин — морской летчик. — В кн.: Крылья над океаном. М., 1986.
- (11) *Хайрюзов В.* 12 апреля // Литературная газета. 2009. 8 апреля.
- (12) Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине [воспоминания Т. Чижевского]. М., 1991.
- (13) *Обухова Л.* Любимец века. М., 1973.
- (14) *Козьменко Игорь,* сослуживец по Луостари: <http://www.korzunovo.ru/index.php?pageOpen=history/Gagarin/text>
- (15) *Казакос С.* Юрий Гагарин: портрет без ретуши. М., 1991.
- (16) *Хоменко Т.* СМЗ ГМ-792.
- (17) *Ильяшенко А. Ф.* СМЗ ГМ-797.
- (18) *Вулф Т.* Нужная вещь. М., 2000.
- (19) *Чугунов Т.* Личное интервью.
- (20) *Чеботаев И. К.:* www.korzunovo.ru/index.php?pageOpen...Gagarin/text
- (21) *Бузанов В.* Вот так и становятся космонавтами // Юный техник. 1964. № 4.
- (22) *Гагарин Ю., Лебедев В.* Психология и космос. М., 1968.

Глава седьмая. Гагарин и кресло Барани

- (1) *Горбатко В.* РГАНТД. № 306.
- (2) *Гольдовский Д. Ю., Назаров Г. А.* Первые полеты в космос. М., 1986.
- (3) *Попович П.* Юрий выдержал испытание славой // Крылья Родины. 2001. Апрель.
- (4) *Устинов Ю.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (5) *Братья Уоллеры.* Сценарий [нереализованный] игрового фильма «Гагарин — первый человек в космосе»: <http://www.kp.ru/daily/23063/4720/> Комсомольская правда. 2003. 2 июля. «Гагарин, ты летишь бомбить Вашингтон?!».
- (6) *Волк И., Томский В.* Сделано в России. М., 2009.
- (7) *Касьян И.* РГАНТД. № 310; 386.
- (8) <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4824>
- (9) *Каманин Н.* Скрытый космос. М., 1995.
- (10) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 1994.
- (11) *Гества К.* Гагарин — «Колумб космоса». Культура памяти и культ космонавтов в транснациональной перспективе. — В кн.: Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов (к юбилею профессора И. В. Нарского). Челябинск, 2009.

- (12) *Пономарев Г. П.* Судьба моряка в песках Байконура. М., 2010.
- (13) *Гагарина В. И.* 108 минут и вся жизнь. М., 1978.
- (14) *Апенченко Т.* Дневник сотрудницы Центра подготовки космонавтов / Материалы подг. А. Титков, Т. Ростова // Версия. 2004. 12 апреля.
- (15) *Столярж Б. Л.* Знаете, каким он парнем был. М., 2004.
- (16) *Залобовская М. Е.* Сын Земли и звезд. Лирическая повесть о Гагарине. Киев, 1980.
- (17) *Денисов В. Г.* Космонавт летает... на Земле. М., 1964.
- (18) *Попович М.* Обопрись о плечо. — В кн.: Сын Земли. Саратов, 1985.
- (19) Интервью И. Свиначенко с А. Леоновым: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=195289>
- (20) *Кац В.* Папарацци среди «лунатиков» // Труд. 2004. 4 августа.
- (21) *Россошанский В. И.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
- (22) *Леонов А.* РГАНТД. № 417.
- (23) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (24) *Степанов А.* Юрий Гагарин. М., 1987.
- (25) http://engelscity.ru/2006/12/30/jengelsskij_ajerodrom.html
- (26) *Кац В.* Именно с Саратовом... Саратов, 1998.
- (27) *Рябчиков Е. И.* Звездный путь. М., 1986.
- (28) *Леонов А.* РГАНТД. № 468.
- (29) *Кириллов А. С.* РГАНТД. № 436.
- (30) *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2010.
- (31) *Куралев А. А.* Воспоминания: <http://www.roscosmos.ru/main.php?id=87#21>
- (32) *Феоктистов К.* «Поехали!» — В кн.: Ю. А. Гагарин (К 50-летию со дня рождения). М., 1984.
- (33) *Касьян И. И.* Первые шаги в космос. М., 1985.
- (34) *Куденко О. И.* Орбита жизни. М., 1972.
- (35) *Хрунов Е. В.* Покорение невесомости. Записки космонавта. М., 1976.
- (36) *Давыдов И.* Триумф и трагедия советской космонавтики. М., 2000.
- (37) *Обухова Л.* Вначале была Земля. М., 1972.
- (38) *Буйновский Э. И.* Повседневная жизнь первых ракетчиков и космонавтов. М., 2004.
- (39) *Котовская А.* Конечно, Юра волнуется, но он умеет сдерживать эмоции: www.federalspace.ru/mail.php?id=87#13
- (40) *Вулф Т.* Нужная вещь. М., 2000.
- (41) Сын Земли. Саратов, 1985.
- (42) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.
- (43) *Гуровский Н. Н.* РГАНТД. № 435.
- (44) *Губарев В.* О чем молчал Гагарин // Tribuna RT. 2006. № 13.
- (45) <http://epizodspace.no-ip.org/bibl/ziv/1991/2/pochemu.html>
- (46) *Фишелев В.* Воспоминания. Размышления. Дела далекие и близкие // Космический альманах. 2001. № 5.
- (47) *Апенченко О.* Труден путь до тебя, небо! М., 1961.
- (48) *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды.
- (49) <http://www.rg.ru/2010/01/11/volynov.html>
- (50) *Пономарева И. П.* До и после первого космического полета // Космический альманах. 2001. № 4.
- (51) <http://www.facts.kiev.ua/archive/2002-10-24/35813/index.html>
- (52) *Гагарин Ю. А., Лебедев В. А.* Психология и космос. М., 1968.
- (53) Российская газета. 2004. 17 марта.
- (54) *Белоцерковский С. М.* Гибель Гагарина. Факты и домыслы. М., 1992.
- (55) *Денисов Н.* Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.

- (56) *Рачева Е.* Когда спутники были маленькими // Новая газета. 2007. 5 октября.
- (57) *Дихтярь А.* Прежде, чем прозвучало «Поехали!». М., 1987.
- (58) История отечественной космической медицины / Под ред. И. Б. Ушакова, В. С. Бедненко, Э. В. Лапаева. М.; Воронеж, 2001.
- (59) *Руденко М.* Юрий Гагарин погибал трижды // Русская Германия. 2005. № 17.
- (60) *Музыченко А.* Хвосты ракеты // Новая газета. 2007. 12 апреля.
- (61) <http://epizodsspace.narod.ru/bibl/intervy/kartashov.html>
- (62) Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. / Под ред. Ю. М. Батурина. М., 2008.
- (63) *Карпов Е.* РГАНТД. № 385.
- (64) *Шекспир У.* Юлий Цезарь.
- (65) Rebel Journalism. The Writings of Wilfred Burchett. Cambridge University Press, 2007.
- (66) *Пелевин В.* Омон-Ра.
- (67) *Лукьянов Б.* «Мы верим, друзья, караваны ракет...» Записки корреспондента ТАСС. М., 1965.
- (68) Пресс-конференция Ю. Гагарина в ООН 16 октября 1963 г., на сайте радио ООН.
- (69) *Голованов Я.* Прогулки с Гагариным // Комсомольская правда. 1994. 10 марта.
- (70) Первым космонавтом мог стать харьковчанин // КП (Украина). 2009. 9 апреля.
- (71) *Столярова Т.* Неспетая песня Гагарина // Родная газета. 2004. 9 апреля.
- (72) *Горбатко В.* Воспоминания // Смена. 2007. № 7.
- (73) *Боброва И.* Почему улыбался Гагарин? // Московский комсомолец. 2000. 13—20 апреля.
- (74) *Roach M.* Packing for Mars. NY., 2010.
- (75) *Феоктистов К.* Траектория жизни. М., 2000.
- (76) *Чуев Ф.* Солдаты империи. М., 1998.
- (77) *Кузнецова Р.* Подобные ангелам. Дневник «космической журналистки». М., 2003.
- (78) *Шонин Г.* Большое видится на расстоянии. — В кн.: Звездный путь. М., 1986.
- (79) *Кац В.* Именно с Саратовом... Саратов, 1998.
- (80) *Наумова Т.* Первым делом самолеты. И девушки! // Трибуна. 2004. 6 марта.
- (81) *Борзенко С., Денисов Н.* Первый космонавт. М., 1969.
- (82) Друг для друга. 2008. 25 ноября. № 47 (737).
- (83) *Казаков С.* Юрий Гагарин: портрет без ретуши. М., 1991.
- (84) *Рыбьянов В.* Гагарин угостил меня космической водкой // Слобода [Тула]. 2007. 8 августа.
- (85) Пресс-бюллетень. 2010. Сентябрь — декабрь. № 2.

Глава восьмая. Гагарин и «кардибалет»

- (1) *Рябчиков Е. И.* Звездный путь. М., 1986.
- (2) *Вулф Т.* Нужная вещь. М., 2000.
- (3) *Roach M.* Packing for Mars. NY., 2010.
- (4) *Понамарев Г. П.* Судьба моряка в песках Байконура. www.p-113.narod.ru/doc.html

- (5) *Дихтярь А.* Жизнь — прекрасное мгновение.
- (6) Интервью с А. Н. Зайцевым // Рабочий путь. 2008. 27 ноября.
- (7) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 2007.
- (8) *Феоктистов К.* Траектория жизни. М., 2000.
- (9) *Каманин Н. П.* Скрытый космос. М., 1995.
- (10) <http://archive.svoboda.org/programs/far/2003/far.042803.asp>
- (11) *Борисенко И. Г.* Шаг в новую эру // Земля и Вселенная. 1984. № 2.
- (12) *Салахутдинов Г.* Десять лет с «Приключениями на орбитах» (ответ автора его рецензентам): http://www.astronaut.ru/bookcase/article/article115.htm?reload_coolmenus
- (13) *Галлай М. Л.* Встречи на аэродромах. М., 1973.
- (14) *Ларионов В.* Интервью // Правда. 1991. 8 апреля.
- (15) Полная стенограмма переговоров Юрия Гагарина с Землей с момента его посадки в корабль (за два часа до старта) до выхода корабля «Восток-1» из зоны радиоприема.
- (16) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (17) *Россошанский А.* Феномен Гагарина. Саратов, 2004.
- (18) *Касьян И. И.* РГАНТД. № 310, 386.
- (19) *Гассиев А.* РГАНТД. № 304.
- (20) *Oberg J.* Red star in orbit. N. Y., 1981.
- (21) *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. Т. 2. М., 1999.
- (22) Воспоминания В. И. Ярополова, участника запуска «Востока» (сайт Роскосмоса: www.federalspace.ru)
- (23) *Чуев Ф.* Солдаты империи. М., 1998.
- (24) Звездный рейс Юрия Гагарина // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5.
- (25) ГИМ. Московский сборник по науке. М., 2003. № 111065.
- (26) *Хорошилова Т.* Неизвестный Королев.
- (27) *Карпов Е.* РГАНТД. № 385.
- (28) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.
- (29) *Акбулатов Я.* РГАНТД. № 300-2.
- (30) www.segodnya.ua/news/952930.html
- (31) *Мельников А.* Он мог стать первым космонавтом: http://www.chas-daily.com/win/2009/01/19/g_004.html?r=3
- (32) *Руденко М.* Юрий Гагарин погибал трижды // Русская Германия. 2005. № 17.
- (33) *Куденко О.* Орбита жизни. М., 1972.
- (35) Воспоминания К. А. Керимова. — В кн.: Новые документы о полете Ю. А. Гагарина в космос. М., 2010.
- (36) *Суворов В.* Двести сорок мгновений. Записки кинооператора // Техника — молодежи. 1990. № 9.
- (37) *Давыдов И.* Триумф и трагедия советской космонавтики.
- (38) Огонек. 1968. № 15.
- (39) *Уманский С. П.* Космонавтика сегодня и завтра.
- (40) *Дубровский А.* «Главное — чтобы костюмчик сидел» // Наука и жизнь. 2006. № 4.
- (41) *Пелевин В.* Код мира // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2001. 28 февраля.
- (42) Сын Земли. Саратов, 1975.
- (43) *Буйновский Э. И.* Повседневная жизнь первых ракетчиков и космонавтов. М., 2004.
- (44) Неделя (Баку). 2002. 12 апреля.
- (45) Заявление Ю. А. Гагарина перед стартом.
- (46) *Хардести В., Айсман Дж.* История космического соперничества СССР и США. М., 2009.

- (47) Гагарина В. И. 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
- (48) Леонов А. А. Личное интервью.
- (49) Попов Е. И., Харламов Н. П. «Сюрпризы» на орбите. М., 1990.
- (50) Первый космонавт планеты Земля. М., 1981.
- (51) Бруни Л. Самый первый, самый любимый // Время новостей. 2006. 12 апреля.
- (52) Титов Г. С. Голубая моя планета. М., 1977.
- (53) Докучаев А. // Красная звезда. 1999. 24 апреля.
- (54) <http://www.epizodsspace.narod.ru/epiz/12-04-61.html>
- (55) Новости космонавтики. 2001. № 4.
- (56) Выступление на X пленуме ЦК ВЛКСМ // Пермские новости. 2004. 12 марта.
- (57) Гагарин Ю. Есть пламя. М., 1971.
- (58) Порохня В. С. Гагарин и его время. Автобиографическая повесть о моем поколении. Смоленск, 2000.
- (59) Ефремов И. А. Туманность Андромеды.
- (60) Распространенная детская считалка.
- (61) Выступление А. Несмеянова // Известия. 1961. 13 апреля.
- (62) Волович В. Г. На грани риска. М., 1985.
- (63) Сент-Экзюпери А. Ночной полет.
- (64) Цит. по: Ю. А. Гагарин (К 50-летию со дня рождения): Сборник статей.
- (65) <http://www.rg.ru/2010/01/11/volynov.html>
- (66) Правда. 1961. 14 апреля.
- (67) Цит. по: Устинов Ю. Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (68) Пресс-бюллетень № 1. 2010. Июль — август.
- (69) Генис В. Довлатов и окрестности.
- (70) Хрущев С. Н. Никто не исключал, что Гагарин мог не вернуться // Би-би-си (Россия). 2007. 27 сентября.
- (71) Горбатко В. Интервью // Смена. 2007. 16 июля.
- (72) Дранников В. Той ночью в Гжатске // Гудок. 2006. 12 апреля.
- (73) Книга рекордов Гиннеса (категория «Пределы», раздел «Освоение космоса»).
- (74) Сент-Экзюпери А. Планета людей.
- (75) Кац В. О чем молчал Гагарин-старший // Секрет. Еженедельник.
- (76) Галас Я. Интервью с В. Линдеманом // Факты и комментарии [Ужгород].
- (77) Борзенко С., Ленисов Н. Первый космонавт. М., 1969.
- (78) Шильников Е. Знаешь, каким он парнем был // Татьянин день. 2007. 13 апреля.
- (79) Джемаль О. «Товарищ председатель Государственной комиссии...» Керим Керимов и его космос // Новая газета. 2003. 14 мая.
- (80) Волович И. Космонавтов ждут на Земле // Космический альманах. 2001. № 5.
- (81) Гагарин Ю., Лебедев В. Психология и космос. М., 1968.
- (82) Юрий Гагарин — русский народный герой. Эфир радио «Свобода»: <http://archive.svoboda.org/programs/far/2003/far.042803.asp>
- (83) Утро космической эры. М., 1961.
- (84) Нагибин Ю. Рассказы о Гагарине. М., 1979.
- (85) Глотин Д. П. <http://zvezda.perm.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2009-04-09/5>
- (86) Rebel Journalism. The Writings of Wilfred Burchett.
- (87) Гагарина А. Т. Слово о сыне. М., 1986.
- (88) Алексин А. Интервью газете «Московский комсомолец»: <http://www.anatoly-aleksin.com/aa6.htm>

- (91) *Пелевин В.* Омон-Ра.
- (92) *Касьян И. И.* Почему Гагарин? // Земля и Вселенная. 1991. № 2.
- (93) *Кудрова Р. В.*, начальник лаборатории отдела питания. РГАНТД. № 388.
- (94) *Степчиков К. А.*, начальник отдела спецпитания. РГАНТД. № 391.
- (95) *Flight.* 1961. 20 Jul.
- (96) *Первушин А.* Антикосмизм на марше // Нева. 2005. № 9.
- (97) http://redplenty.com/Soviet_Jokes.html
- (98) *Формин Г.* Правда о возвращении Юрия Гагарина // Новости космонавтики. 2002. № 4.
- (99) *Лисов И.* Полет Гагарина: нужна вся правда! // Новости космонавтики. 2002. № 4.
- (100) *Россошанский В.* Парни из нашего города.
- (101) *Смирнов Н. И.* По орбите дружбы. М., 1963.
- (102) Интервью с П. Поповичем // Медицинская газета: <http://www.mgz.ru/article/310>
- (103) *Каманин Н. П.* Гражданин Советского Союза // Авиация и космонавтика. 1962. № 3.
- (104) *Апенченко О., Песков В.* Дорога к звездам. Репортаж из дома первого космонавта // Комсомольская правда. 1961. 13 апреля.
- (105) Начало космической эры. Вып. 2. М., 1994.
- (106) Глядя в лицо Земли. Рассказывает Юрий Гагарин // Комсомольская правда. 1961. 14 апреля.
- (107) *France Soir.* 1961. 13 Avr.
- (108) *Катков А. Л.* СМЗ ГМ-№ 806.
- (109) *Netere I.* Gagarin=kozmiikus hazugsag? Danubius, 1990.
- (110) Сообщение ТАСС от 12 апреля 1961 года.
- (111) *Глушко А.* Восстановленные даты фотохроники первого космонавта // Государственная служба. 2004. № 2.
- (112) *Пинчук А.* // На страже Родины. 2004. 12 марта. № 53—54.

Глава девятая. Гагарин и великая миграция

- (1) http://engelscity.ru/2006/12/30/mesto_prizemlenija.html
- (2) *Соларев А.* // Российская газета-Неделя. 2005. 1 апреля.
- (3) *Кац В.* Дорога из космоса.
- (4) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (5) *Борисенко И.* Первые рекорды в космосе. М., 1969.
- (6) *Гагарин Ю., Лебедев В.* Психология и космос. М., 1968.
- (7) Известия. 1961. 15 апреля.
- (8) http://engelscity.ru/2006/12/30/jengelsskij_ajerodrom.html
- (9) Из воспоминаний генерал-лейтенанта в отставке Ю. А. Можжорина, в течение 30 лет руководившего ЦНИИмаш // Пресс-бюллетень № 1. 2010. Июль — август.
- (10) Звездный рейс Юрия Гагарина // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5.
- (11) *Руденко М.* Юрий Гагарин погибал трижды // Русская Германия. 2005. № 17.
- (12) *Понамарев Г. П.* Судьба моряка в песках Байконура.
- (13) *Шильников Е.* Знаешь, каким он парнем был // Татьянин день. 2007. 13 апреля.
- (14) Известия. 1961. 13 апреля.
- (15) Доклад Ю. А. Гагарина от 14 апреля 1961 г. на заседании Государственной комиссии // Авиация и космонавтика. 1991. № 4.
- (16) *Руденко И. К.* Воспоминания // Наука и жизнь. 1986. № 4.

- (17) *Овчаров М.* Гагаринское поле. Саратов, 1981.
- (18) *Кац В.* Именно с Саратовом... Саратов, 1998.
- (19) Правда. 1961. 14 апреля.
- (20) *Кац В.* Гагарин стартовал не оттуда и приземлился не туда: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1765149.html>
- (21) *Носов Н.* Незнайка на Луне.
- (22) *Зерчанинов Ю.* Космическое Узморье // Юность. 1966. № 4.
- (23) *Гассиев.* РГАНТД. № 304.
- (24) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 1994.
- (25) *Черановский М. А.*, командир поискового отряда. РГАНТД. № 323.
- (26) *Кац В.* Пристань первого космонавта: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/468>
- (27) *Ништ М. И., Ганиев Ф. И.* Воспоминания // Новости космонавтики. 2001. № 4.
- (28) Наука и жизнь. 1986. № 4.
- (29) *Гассиев А.* Интервью от 22 июля 1983 г. // Парламентская газета.
- (30) *Гагарин Ю.* Дорога в космос. М., 1978.
- (31) Лыткаринские вести. 2008. 14 ноября.
- (32) *Устинов Ю.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (33) *Кудрова Р. В.*, начальник лаборатории отдела питания. РГАНТД. № 388.
- (34) Из воспоминаний конструктора А. В. Палло, участника поисково-эвакуационного отряда, направленного в район приземления Ю. А. Гагарина. РГАНТД. № 314; 872-1; 872-2.
- (35) *Денисов В. Г.* Космонавт летает... на Земле. М., 1964.
- (36) *Вулф Т.* Нужная вещь. М., 2000.
- (37) *Хардести В., Айсман Дж.* История космического соперничества СССР и США. М., 2009.
- (38) *Элрой Дж.* Американский таблоид. М., 2010.
- (39) <http://www.vmdaily.ru/article/43962.html>
- (40) *Кац В.* «И где та фуражка?» // Секрет. Еженедельник.
- (41) *Феоктистов К.* Траектория жизни. М., 2000.
- (42) *Цедрик.* СМЗ ГМ-№ 788.
- (43) *Сент-Экзюпери А.* Планета людей.
- (44) *Бровко И.* РГАНТД. № 302.
- (45) *Евграфов.* СМЗ ГМ-№ 786.
- (46) *Рафиков М.* РГАНТД. № 319.
- (47) Беседа Н. С. Хрущева с первым космонавтом Ю. А. Гагариным. — В кн.: Утро космической эры. М., 1961.
- (48) http://www.gudok.ru/newspaper/detail.php?ID=276197&year=2006&month=04&SECTION_ID=12824
- (49) *Морозов Н. М.* СМЗ ГМ-№ 960.
- (50) Humanite. 1963. 25 Sept.
- (51) Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
- (52) *Волович В. Г.* На грани риска.
- (53) *Каманин Н. П.* Скрытый космос. М., 1995.
- (54) *Россошанский В.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
- (55) Воспоминания спортивного комиссара ФАИ И. Г. Борисенко. 18 марта 1983 г. НИЦТД СССР.
- (56) Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг.
- (57) *Ерофеев В.* Воспоминания // Волжская коммуна (Самара). 2006. Март, июль—декабрь.

- (58) Комсомольская правда. 1961. 14 апреля.
 (59) Увлечения первого космонавта Земли // Родина. 2001. № 4.
 (60) Волжская коммуна. 2006. 15 апреля: <http://old.samara.ru/paper/41/6236/108485/>.
 (61) Гудок. 2009. 12 апреля.
 (62) Пульс Поволжья (Самара). 2006. 12 апреля.
 (63) Комсомольская правда (Самара). 2005. 8 апреля.
 (64) История Российского НИИ космического приборостроения. 1996. № 2.

Глава десятая. Гагарин и зеркало

- (1) После полета Юрия Гагарина... Интервью с А. Я. Карташовым // Факты (Киев). 2004. 10 марта.
 (2) Крестьянка. 1984. № 3.
 (3) Мой отец полковник Николай Иванович Береговой // Черногоровская газета. 2003. № 14.
 (4) Смена. 2007. 16 июля.
 (5) *Пономарев Г. П.* Судьба моряка в песках Байконура.
 (6) Никто не исключал, что Гагарин мог не вернуться // Би-би-си-Россия: www.news.bbc.co.uk
 (7) *Глушко А.* Восстановленные даты фотохроники первого космонавта // Государственная служба. 2004. № 2.
 (8) *Хрущев С.* Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2010.
 (9) *Каманин Н.* Скрытый космос. М., 1995.
 (10) *Давыдова И.* РГАНТД. № 393.
 (11) Интервью с В. Песковым // Комсомольская правда. 2009. 12 апреля.
 (12) Истеблишмент: <http://establishment.com.ua/articles/2006/4/18/1103>
 (13) *Гагарин Ю.* Дорога в космос. М., 1978.
 (14) *Воробьев П. М.* РГАНТД. № 393.
 (15) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
 (16) *Голованов Я.* — В кн.: Сын Земли. Саратов, 1984.
 (17) *Аджубей А.* Те десять лет. М., 1989.
 (18) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 1994.
 (19) *Россошанский А.* Феномен Гагарина. Саратов, 2004.
 (20) *Гества К.* Гагарин — «Колумб космоса». Культура памяти и культ космонавтов в транснациональной перспективе. — В кн.: Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов (к юбилею профессора И. В. Нарского). Челябинск, 2009.
 (21) Утро космической эры. М., 1961.
 (22) Вечерняя Москва. 1961. 14 апреля.
 (23) Ветеран. 2004. 11 марта.
 (24) *Успенский Л. В.* Записки старого петербуржца. Л., 1970.
 (25) Peasants Nonplused by Soviet Spaceman // Los Angeles Times. 1961. 17 Apr.
 (26) *Травина Е., Травин Д.* Дети и отцы. Миф семидесятников о самих себе // Звезда. 2010. № 7.
 (27) *Довлатов С.* Марш одиноких.
 (28) *Аббас Х. А.* Пока не достигнем звезд. М., 1968.
 (30) *Аксенов В.* Цит. по: Частный корреспондент. 2009. 7 июля.
 (31) *Krause P.* Der Eichmann-Prozess in der deutschen Presse. Frankfurt am Main, 2002.
 (32) L'Aurore. 1961. 15—16 Avr.

- (33) Гагарин улетал на орбиту под звуки рок-н-ролла // Экспресс-газета. 2005. 3 июня.
- (34) *Боброва И.* Почему улыбался Гагарин? // Московский комсомолец. 2000. 13—20 апреля.
- (35) Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. / Под ред. Ю. М. Батурина. М., 2008.
- (36) *Голованов Я.* Прогулки с Гагариным // Комсомольская правда. 1994. 10 марта.
- (37) После первого полета в космос Хрушев пытался высмеять Патриарха // Сайт: pravoslavie.ru, 12 апреля 2006 г.
- (38) *Гагарина А. Т.* Слово о сыне. М., 1986.
- (39) Российская газета. 2004. 5 марта.
- (40) *Казаков С.* Юрий Гагарин: портрет без ретуши. М., 1991.
- (41) *Денисов Н.* Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.
- (42) *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. Кн. 3. М., 1999.
- (43) *Кириллов А.* РГАНТД. № 436.
- (44) *Везиров А.-Р.* Мой приятель Юрий Гагарин // Огонек. 2004. 8 марта.
- (45) Интервью с Г. Гречко: <http://www.gzt.ru/topnews/society/225428.html>
- (46) Навигатор. 2007. 13 апреля.
- (47) France soir. 1961. 15 Apr.
- (48) Spaceman Is Really Son of Prince, Paper Says // Los Angeles Times. 1961. 13 Apr.
- (49) *Клименко И.* Штрихи к портрету. — В кн.: Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
- (50) *Голованов Я.* — В кн.: Антология космического юмора. М., 2009.
- (51) *Голованов Я.* Заметки вашего современника. Т. 1. М., 2001.
- (52) Известия. 1961. 13 апреля.
- (53) Известия. 1961. 15 апреля.
- (54) Kentucky New Era. 1961. 15 Apr.
- (55) Rebel Journalism. The Writings of Wilfred Burchett.
- (56) *Голованов Я.* Дорога на космодром.
- (57) Комсомольская правда. 1961. 15 апреля.
- (58) *Вулф Т.* Нужная вещь. М., 2000.
- (59) Интервью с А. Репиной // Хронометр (Иваново). 2010. 22 апреля.
- (61) *Галас Я.* // Факты и комментарии (Ужгород).
- (62) Московский комсомолец. 1961. 18 апреля.
- (63) *Филина Л. Ю. А. Гагарин у Королевых в Останкине:* www.edu.of.ru/vdmaako/default.asp?ob_no=49471

Глава одиннадцатая. Гагарин и коленка королевы

- (1) *Spifford F.* Red plenty: lessons from the Soviet dream // Guardian. 2010. 7 Aug.
- (2) *Каманин Н.* Гражданин Советского Союза // Авиация и космонавтика. 1962. № 1.
- (3) *Gallow J.* Yuri Gagarin in Mancheste // Working Class Movement Library Bulletin. 1990. № 10.
- (4) Park City Daily News. 1961. 11 Jul.
- (5) Time. 1961. 21 Jul.
- (6) *Куденко О.* Орбита жизни. М., 1971.
- (7) Miami News. 1961. 12 Jul.
- (8) Glasgow Herald. 1961. 12 Jul.

- (9) Каманин Н. Скрытый космос. М., 1995.
- (10) <http://www.cosmosravelin.narod.ru/r-space/G.html>
- (11) Ottawa Citizen. 1961. 31 Jul.
- (12) Ottawa Citizen. 1961. 13 Jul.
- (13) Денисов Н. Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.
- (14) Flight. 1961. 20 Jul.
- (15) Камшалов А. И. Цит. по: Устинов Ю. Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (16) Носов Н. Незнайка на Луне.
- (17) Мутасов Г.: www.ogonjok.com/archive/2004/4839/12-62-63/
- (18) Quebec Chronicle-Telegraph. 1961. 21 Jul.
- (19) Southeast Missourian. 1961. 12 Jul.
- (20) Britain Plays Foolishly With Communist Fireball // Herald Journal. 1961. 16 Jul.
- (21) Коу Дж. Какое надувательство! М., 2003.
- (22) Интервью с Дж. Коу «Бурный роман» // Афиша. 2007. 22 октября — 4 ноября.
- (23) Sydney Morning Herald. 1961. 13 Jul.
- (24) Age. 1961. 15 Jul.
- (25) Ottawa Citizen. 1961. 11 Jul.
- (26) Выдержки из личного дневника Ю. Гагарина цитируются по: Гагарина В. И. 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
- (27) Россошанский А. Феномен Гагарина. Саратов, 2004.
- (28) Переводчик Б. Белицкий: <http://english.ruvr.ru/radio-broadcast/2248140/>
- (29) Palm Beach Post. 1961. 12 Jul.
- (30) Цит. по кн.: Сын Земли. Саратов, 1985.
- (31) Palm Beach Post. 1961. 14 Jul.
- (32) Борзенко С., Денисов Н. Первый космонавт. М., 1969.
- (33) http://interwiki.info/index.php?title=%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B4_%D0%9B%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%BB
- (34) Leadership and Change: Prime Ministers in the Post-War World — Macmillan.
- (35) Yuri: A Delightful Fellow Says Mac (Reuter).
- (36) Парфенов Л. Намедни. 1961—1970. М., 2009.
- (37) St Petersburg Times. 1961. 15 Jul.
- (38) Кэрролл Л. Алиса в стране чудес.
- (40) http://www.planetary.org/news/2004/1129_A_Conversation_With_John_Zarneski.html
- (41) Daily Express. 1961. 13 Jul.
- (42) Интервью с А. Леоновым // Коммерсантъ. 1998. 27 марта.
- (43) Беннетт А. Непростой читатель. М., 2010.
- (44) <http://www.tverlife.ru/news/19300.html>
- (45) Веллер М. Самовар.
- (46) Боброва И. Почему улыбался Гагарин? // Московский комсомолец. 2000. 13—20 апреля.
- (47) Известия. 2008. 28 октября.
- (48) Аббас Х. А. Пока не достигнем звезд. М., 1968.
- (49) Денисов Н. Н. // Срочно в номер.
- (50) Associated Press. 1961. 24 Jul.
- (51) Ottawa Citizen. 1961. 11 Jul.
- (52) Каманин Н. Летчики и космонавты. М., 1972.
- (53) Times. 1961. 12 Jul.
- (54) Гества К. Гагарин — «Колумб космоса». Культура памяти и культ

героев в сравнительной перспективе. — В сб.: Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов (к юбилею профессора И. В. Нарского) / Под ред. О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой, Ю. Ю. Хмелевской. Челябинск, 2009.

(55) *Вулф Т.* Нужная вещь. М., 2001.

(56) *Каманин Н. П.* «Готов. Решаюсь!» — В кн.: Ю. А. Гагарин (К 50-летию со дня рождения). М., 1984.

(57) *Rebel Journalism The Writings of Wilfred Burchett.* Cambridge, 2007.

(58) Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. / Под ред. Ю. М. Батурина. М., 2010.

(59) *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. М., 2010.

(60) *Залюбовская М.* Сын Земли и звезд. Лирическая повесть о Гагарине. Киев, 1980.

(61) *Солдатов А.*, документ от 9 марта 1990 г. Музей космонавтики, г. Гагарин. ММГ—MN 1760.

(62) Yuri Given Big Sendoff By Britons // *Washington Post.* 1961. 16 Jul.

(63) Yuri Lunches With Queen, Hinors Marx // *Washington Post.* 1961. 15 Jul.

(64) Цит. по: *Губарев В.* Ее Величество «кузькина мать» // Парламентская газета. 2004. 3 ноября.

(65) Рабочий путь. 2007. 2 августа.

(66) *Gagarin Home After Wild British Sendoff* // *Los Angeles Times.* 1961. 16 Jul.

Глава двенадцатая. Гагарин и китайская глициния

(1) *Голованов Я.* Заметки вашего современника. Т. 1. М., 2001.

(2) *Гагарин Ю. А.* Дорога в космос. М., 1978.

(3) *Фирсов П. П.* Форос. Страницы истории.

(4) *Гаев Ю.* «Гагарин, я не любила вас!» // Экспресс-газета. 2008. 14 апреля.

(5) *Гаев Ю.* «Это происшествие могло закончиться очень печально для Гагарина и нашей страны» // Факты и комментарии. 2006. 14 апреля.

(6) *Порожня В. С.* Гагарин и его время. Смоленск, 2000.

(7) Новости Крыма. 2008. 12 апреля.

(8) *Метельская Н.* Современники. М., 2003.

(9) *Каманин Н. М.* Скрытый космос. М., 1995.

(10) *Гаспарян В.* В одном кадре с героем: www.portalus.ru

(11) *Потехин А.* // Воложка. 2009. 14 апреля.

(12) *Pierce Bizony, Jamie Doran.* Starman: Truth Behind the Legend of Yuri Gagarin.

(13) *Свинаренко И.* Путешествие из Москвы в Россию. М., 1999 (рассказ А. Леонова).

(14) *Братья Уоллеры.* Сценарий [нереализованный] игрового фильма «Гагарин — первый человек в космосе». «Гагарин, ты летишь бомбить Вашингтон?!»: <http://www.kp.ru/daily/23063/4720>

(15) *Иванов В. Б.* Тайны Севастополя. Севастополь, 2006.

(16) *Пинчук А.* // На страже Родины. 2004. 12 марта.

(17) *Кошелапова И.* Юрий Гагарин научил омича пользоваться кинокамерой // Комсомольская правда. 2009. 11 апреля.

(18) «Вам поручается постоянно находиться при товарище Гагарине» // Известия. 2009. 10 апреля.

(19) XXII съезд КПСС. Стенографический отчет.

- (20) *Парфенов Л.* Намедни. 1961—1970. М., 2009.
- (21) http://www.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2019712_2019694_2019593,00.html
- (22) Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004.
- (23) *Рыбаков В. Се*, творю. СПб., 2010.
- (24) *Лебедев Л., Лукьянов Б., Романов А.* Сыны голубой планеты. М., 1971.
- (25) *Морозов И.* Черная легенда // Русский почталъон. 1998. 14 сентября.
- (26) *Голованов Я.* Дорога на космодром.
- (27) Yuri Explains Hospital Stay // Palm Beach Post. 1961. 17 Nov.
- (28) Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962.
- (29) Правда. 1961. 31 октября.
- (30) *Попович М.* Цит. по: Сын Земли. Саратов, 1985.
- (31) *Иванова Л.* «Куда мне прислать машину?» // Факты и комментарии. 2005. 11 января.
- (32) *Lechene R.* Youri Gagarine: « Je vais reprendre la route du Cosmos » // Humanite. 1963. 29 Sept.
- (33) Humanite du samedi. 1963. 28 Sept.
- (34) «Покоритель шведов»: http://www.duel.ru/200220/?20_7_1
- (35) *Гагарина В. И.* 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
- (36) «Володька, откликнись!» // Известия. 2008. 28 октября.
- (37) *Месяц С. А.* Семь комментариев о коммунистической партии. Красноярск, 2005.

Глава тринадцатая. Гагарин и его тень

- (1) *Гагарина В. И.* 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
- (2) Личное интервью с А. Леоновым.
- (3) *Свинаренко И.* Интервью с А. Леоновым: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=195289>
- (4) Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. М., 2008.
- (5) *Осипов В. И.* Посланец комсомольского ЦК. — В кн.: Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
- (6) *Аболонко Ю.*: www.epizodsspace.no-ip.org/bibl/evtushenko/stihi.html
- (7) Washington Post. 1962. 22 Dec.
- (9) *Каманин Н. П.* Скрытый космос. М., 1995.
- (11) Из космоса — в Клязьму // Неделя Подмосковья. 2008. 30 апреля.
- (12) *Белоцерковский С. М.* Гибель Гагарина. Факты и домыслы. М., 1992.
- (13) *Лебедев Л., Лукьянов Б., Романов А.* Сыны голубой планеты. М., 1971.
- (14) Гагарин в Оренбурге: Воспоминания, документы, выступления, очерки, фотографии / [Сост. А. Лазукин, А. Чернова]. Челябинск, 1975.
- (15) *Устинов Ю.* Бессмертие Гагарина: воспоминания генерал-лейтенанта О. В. Зинченко. М., 2004.
- (16) *Павленко-Бахтина Л.* Как Авдотья Никитична откусила нос любимой девушке // Комсомольская правда. 2007. 29 января.
- (17) *Чув Ф.* Солдаты империи.
- (18) *Устинов Ю.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (19) *Резниченко Г.* О Юрии Гагарине. Мгновения встреч.
- (20) Литературная Россия. 1963. 12 апреля.
- (21) Комсомольская правда. 1963. 8 мая.
- (22) *Раззаков Ф.* Скандалы советской эпохи. Скандал в Звездном (Евгений Евтущенко / Юрий Гагарин).

- (23) За что Женю Евтушенко в Марьиной Роше из школы выгнали // Звездный бульвар. № 13 (138).
- (24) *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. М., 1999.
- (25) *Порохня В. С.* Гагарин и его время. Автобиографическая повесть о моем поколении. Смоленск, 2000.
- (26) *Волк И., Томский В.* Сделано в России. М., 2009.
- (27) *Голованов Я.* Королев: факты и мифы. М., 2007.
- (28) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (29) *Головачев В.* Обаяние Гагарина // Труд. 2006. 12 апреля.
- (30) Humanite. 1967. 23 Sept.
- (31) *Денисов Н.* Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.
- (32) *Галлай М.* С человеком на борту. М., 1985.
- (33) *Иванов М.* Юрий Гагарин и Рихард Зорге: <http://www.cos-toworld.ru/spaceencyclopedia/gagarin/index.shtml?b19.html>
- (34) *Порохня В. С.* Гагарин и его время. Автобиографическая повесть о моем поколении. Смоленск, 2000.
- (35) Washington Post. Among friends. 1961. 25 Jul.
- (36) Недаром был любим. Земляки о Юрии Алексеевиче Гагарине. М., 1991.
- (37) *Залюбовская М.* Сын Земли и звезд. Лирическая повесть о Гагарине.
- (38) *Киселева Н.* Ошеломительный поступок Гурченко: dni.ru 1.10.2007.
- (39) <http://science-in-life.ru/content/view/286/100/>
- (40) Воспоминания посла на Цейлоне Н. Я. Тараканова ММГ — МН 1856.
- (41) *Lechene R.* Youri Gagarine: «Je vais reprendre la route du Cosmos» // Humanite Dimanche. 1963. 29 Sept.
- (42) Je repars l'ame remplie de joie // Humanite. 1963. 4 Oct.
- (43) *Устинов Ю.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (44) *Леонов А.* Цит. по: *Боброва И.* Почему улыбался Гагарин? // Московский комсомолец. 2000. 13—20 апреля.
- (45) *Глушко А.* Восстановленные даты фотохроники первого космонавта // Государственная служба. 2004. № 2.
- (46) France Soir. 1963. 30 Sept.
- (47) *Смирнов В.*: http://www.komsomol-museum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=215:2010-02-05-04-54-44&catid=45:2009-12-12-04-15-20&Itemid=73
- (48) Gagarine est monte a 300 metres pour visiter Paris // Le Figaro. 1963. 28—29 Sept.
- (49) *Taylor H.* Cyrus Eaton — the American Who Shakes Red Hand That Slaps U.S. // Los Angeles Times. 1961. 21 Aug.
- (50) Strike Shortens Gagarin's Visit The Washington Post // Times Herald. 1962. 16 May.
- (51) Зеркало недели. 1997. 12 апреля.
- (52) <http://www.unmultimedia.org/radio/library/classics/index1.html>
- (53) *Устинова Э. К.* Моя профессия — репортер. СПб., 2004.
- (54) *Казиков С.* Юрий Гагарин: портрет без ретуши. М., 1991.
- (55) *Гагарина В. И.* Он не просто мечтал // Звездный путь. М., 1986.
- (56) *Natanson G.* Mexico Gives Soviet Space Pair Aviation Space // Los Angeles Times. 1963. 13 Oct.
- (57) Two Cosmonauts Visit Berlin Wall // Washington Post. 1963. 21 Oct.
- (58) *Степанов А. В., Северов Э. А.* Гагаринит — новый редкоземельный минерал / Доклады АН СССР. Т. 141. 1961. № 4.

- (59) Howard Simons Naming Rocks After Gagarin // Washington Post, Times Herald. 1961. 18 May.
- (60) Горбатко В. Личное интервью.
- (61) Cuban Pace Too Fast, Gagarin Ends Tour // Washington Post, Times Herald. 1961. 28 Jul.

Глава четырнадцатая. Гагарин и «звездное братство»

- (1) Юран А., Рисков В., Мазин В., Черноглазов А. Лакан и космос. СПб., 2006.
- (2) Новиков С. П.: <http://www.internetelite.ru/cosmopark/soshnin21.htm>
- (3) Roach M. Packing for Mars.
- (4) Черток Б. Е. Ракеты и люди. М., 1999.
- (5) Воробьев Л. // Новости космонавтики. 2001. № 4.
- (6) Пономарева В. Женское лицо космоса. М., 2002.
- (7) Bizony P., Doran J. Starman: Truth Behind the Legend of Yuri Gagarin.
- (8) Россошанский В. Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
- (9) Каманин Н. Скрытый космос. М., 1995.
- (10) Гагарина Е. Интервью // Известия. 2004. 5 марта.
- (11) <http://cheredintsev.narod.ru/announcement.html>
- (12) Интервью с В. Петуновым // Бульвар Гордона. 2008. 30 декабря. № 52(192).
- (13) Великанова М. Испытатель Валерий Галайда // Московский комсомолец. 2006. 30 ноября.
- (14) Касьян И. РГАНТД. № 310,386.
- (15) <http://www.testpilot.ru/espace/bibl/kamanin/kniga3/12-67.html>
- (16) Леонов А. А. // Новости космонавтики. 2001. № 4.
- (17) Белоцерковский С. Диплом Гагарина.
- (18) L'Avroge. 1961. 13 Avr.
- (19) Лукьянов Б. «Мы верим, друзья, караваны ракет...». Записки корреспондента ТАСС.
- (20) Вулф Т. Нужная вещь. М., 2000.
- (21) Соединенные Штаты спешат на Луну? // Правда. 1961. 18 июня.
- (22) Денисов Н. Хорошо, хорошо Гагарин! М., 1961.
- (23) Тезиков Н. И. СМЗ ГМ-№ 157.
- (24) Интервью с женой летчика Репина Алевтиной Репиной // Хронометр (Иваново). 2010. 22 апреля.
- (25) Россошанский В. Парни из нашего города.
- (26) Бугров В. Марсианский проект С. П. Королева. М., 2009.
- (27) Голованов Я. Королев: факты и мифы. М., 2007.
- (28) Белоцерковский С. Гибель Гагарина. Факты и домыслы. М., 1992.
- (29) Филина Л. Ю. А. Гагарин у Королевых в Останкине: http://edu.of.ru/vdmcako/default.asp?ob_no=49471
- (30) Гагарин хотел похоронить Королева на Луне. Интервью с А. Леоновым // Известия. 2006. 12 апреля.
- (31) Хрущев С. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2010.
- (32) Вдовин Б.: <http://oreshkovo.ru/forum/showthread.php?t=116>
- (33) Цит. по: Гагарина В. И. 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
- (34) Волк И., Томский В. Сделано в России. М., 2009.
- (35) Солженицын А. В круге первом.
- (36) Залюбовская М. Сын Земли и звезд: Лирическая повесть о Гагарине. Киев, 1980.
- (37) Рабочий путь. 2010. 27 мая.

(38) Первый космонавт планеты Земля / Сост. В. А. Митрошенков, Н. А. Цымбал. М., 1981.

(39) *Морозов И.* За что могли убить Гагарина? // Литературная газета. 1998. 25 марта.

Глава пятнадцатая. Гагарин и Чужой Летчик

(1) Реплика скульптора С. Коненкова. — Цит. по: *Ганичев В. Н.* Неба житель: www.sp.voskres.ru

(2) *Черток Б. Е.* Ракеты и люди. Кн. 3. М., 1999.

(3) *Кузнецова Р.* Подобные ангелам. Дневник «космической журналистки». М., 2003.

(4) *Белоцерковский С. М.* Гибель Гагарина. Факты и домыслы. М., 1992.

(5) *Волк И., Томский В.* Сделано в России. М., 2009.

(6) *Аксенов В.* Дорогами испытаний. М., 2010.

(7) *Шаталов В.* Космические будни. М., 2008.

(8) *Белоцерковский С., Леонов А.* Последний полет // Наука и жизнь. 1987. № 5.

(9) *Каманин Н. П.* Скрытый космос. М., 1995.

(10) *Леонов А. А.* Личное интервью.

(11) Звездная болезнь. Б. Черток рассказывает о неизвестных страницах российского космоса // Российская газета. 2004. 12 апреля.

(12) *Каррер Э., Филип Д.* Я жив, это вы умерли. СПб., 2009.

(13) *Гаравский А.* Юрий Гагарин: полет в вечность (интервью с А. Леоновым) // Красная звезда. 2008. 10 апреля.

(14) *Микоян С. А.* Мы — дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя. М., 2006.

(15) Алексей Леонов разыскивает виновного в гибели Гагарина // Жизнь за всю неделю. 2007. 23 мая.

(16) Юрий Гагарин — первый космонавт планеты: <http://www.echo.msk.ru/programs/all/52842/>

(17) *Чуев Ф.* Гробы. Неопубликованное стихотворение на смерть Гагарина.

(18) Из воспоминаний А. Ф. Сальниковой. — Цит. по: *Филина Л. А.* Ю. А. Гагарин у Королевых в Останкине: http://edu.of.ru/vdmcako/default.asp?ob_no=49471

(19) *Новиков С. П.* // Новости космонавтики. 2001. № 4.

(20) *Бабарыко С.* Почему погиб Гагарин? // Смоленские новости. 2004. 5 марта.

(21) *Морозов И.* За что могли убить Гагарина // Литературная газета. 1998. 25 марта.

(22) *Гагарин Ю. А.* Ступени во Вселенную. Статья для сборника АПН «В 2017 году», завершена 20 февраля 1968 года.

(23) Рассказ Ф. Казецкой. — Цит. по: *Шуневич В.* «Ночью накануне гибели Юрий Гагарин попросил стакан своего любимого сырого молока» // Факты. 2002. 24 октября.

(24) *Попович М.* Автограф в небе.

(25) *Сент-Экзюпери А.* Планета людей.

(26) *Феоктистов К. П.* Траектория жизни. М., 2000.

(27) *Казakov С.* Юрий Гагарин: портрет без ретуши. М., 1991.

(28) Юрий Гагарин — русский народный герой. Эфир радио «Свобода»: <http://archive.svoboda.org/programs/far/2003/far.042803.asp>

(29) *Россошанский В.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.

- (30) *Колосов И. А.* Незабываемые восемь лет // Космический альманах. 2001. № 4.
- (31) *Пономарева В.* Женское лицо космоса. М., 2002.
- (32) *Гурьянов С. Н.* Цит. по: *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. М., 1999.
- (33) *Галас Я.* Интервью с В. Линдеманом // Факты и комментарии (Ужгород).
- (34) *Голованов Я.* Заметки вашего современника. Т. 1. М., 2001.

Эпилог

- (1) *Белоцерковский С.* Гибель Гагарина. Факты и домыслы. М., 1992.
- (2) *Порохня В. С.* Гагарин и его время. Смоленск, 2000.
- (3) *Russian Pensioner Walks 24,800 Miles* // *Washington Post*. 1965. 12 Oct.
- (4) *Устинов Ю.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- (5) *Толкалин Л. Н.* Личное интервью.
- (6) *Лимонов Э.* Священные монстры. М., 2004.
- (7) *Washington Post*. 1962. 14 Sept.
- (8) *Пелевин В.* Священная книга оборотня.
- (10) *Уилбер К.* Краткая история всего. М., 2006.
- (11) *Гагарин Ю. А.* // *Красная звезда*. 1961. 17 октября («Именно труд отливает металл и характеры. Мне очень понравилось выступление писателя Аркадия Первенцева на всеармейском совещании комсомольских работников. Он верно заметил: “Из ресторанов в космос не летают”. Смысл нетрудно понять. Легкомысленно прожигающим жизнь путь в космос заказан»).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Апенченко О.* Труден путь до тебя, небо! М., 1961.
Белоцерковский С. М. Гибель Гагарина. Факты и домыслы. М., 1992.
Бенищевич Ю. Ф. Секрет Гагарина. М., 1995.
Борзенко С. А., Денисов Н. Н. Первый космонавт. М., 1969.
Борисенко И. Г. На космических стартах и финишах. М., 1975.
Буйновский Э. И. Повседневная жизнь первых ракетчиков и космонавтов. М., 2004.
Винокуров А., Зельвенский Ю. Первый космонавт — воспитанник аэроклуба. М., 1962.
Волк И., Томский В. Сделано в России. М., 2009.
Гагарин в Оренбурге: Воспоминания, документы, выступления, очерки, фотографии / Сост. А. Лазукин, А. Чернова. Челябинск, 1975.
Гагарин В. А. Мой брат Юрий. М., 1972.
Гагарин Ю. А. Дорога в космос: Записки летчика-космонавта СССР. М., 1978.
Гагарин Ю. А. Есть пламя! Статьи, речи, письма, интервью. М., 1971.
Гагарин Ю. А., Лебедев В. А. Психология и космос. М., 1968.
Гагарина А. Т. Слово о сыне. М., 1986.
Гагарина В. И. 108 минут и вся жизнь. М., 1986.
Голованов Я. К. Заметки вашего современника. Т. 1—3. М., 2001.
Голованов Я. К. Королев: факты и мифы. М., 1994.
Голованов Я. К. Космонавт № 1. М., 1986.
Гольдовский Д. Ю., Назаров Г. А. Первые полеты в космос. М., 1986.
Денисов В. Г. Космонавт летает... на Земле. М., 1964.
Денисов Н. Н. На берегу Вселенной. М., 1970.
Денисов Н. Н. Хорошо, хорошо, Гагарин! М., 1963.
Дихтярь А. В. Прежде чем прозвучало «Поехали!»: Документальная композиция. М., 1987.
Дорога в космос: Воспоминания ветеранов ракетно-космической техники и космонавтов. Т. 1—2. М., 1992.
Зверев Ю. В. Юрий Гагарин и Саратовская земля. Саратов, 1981.
Казаков С. Д. Юрий Гагарин: портрет без ретуши. М., 1991.
Каманин Н. П. Первый гражданин Вселенной. М., 1962.
Каманин Н. П. Скрытый космос. Кн. 1. М., 1995.
Куденко О. И. Орбита жизни: Повесть-хроника. М., 1971.
Митрошенков В. А. Земля под небом: Хроника жизни Ю. Гагарина. М., 1987.
Мозгунова Г. Предки Ю. А. Гагарина // Москва. 2006. № 7.
Мост в космос / Сост. Б. П. Коновалов, Н. Д. Шумилов. М., 1976.
Нагибин Ю. М. Рассказы о Гагарине. М., 1979.
Наш Гагарин / Авт.-сост. Я. Голованов. М., 1979.
Народом был любим: Земляки о Ю. А. Гагарине / Сост. С. Казаков. М., 1991.
Обухова Л. А. Вначале была Земля. М., 1973.
Обухова Л. А. Любимец века. М., 1972.
Он был первым: Воспоминания, публицистические заметки, документы. М., 1984.
Первый космонавт планеты Земля. М., 1981.
Пономарев Г. П. Судьба моряка в песках Байконура. М., 2010.
Пономарева В. Л. Женское лицо космоса. М., 2002.
Порохня В. С. Дорога на Байконур. Алма-Ата, 1977.

- Россошанский В. И.* Феномен Гагарина. Саратов, 2001.
- Степанов В. А.* Юрий Гагарин. М., 1987.
- Советская космическая инициатива в государственных документах 1946—1964 гг. / Под ред. Ю. М. Батурина. М., 2008.
- Столярж Б. Л.* Знаете, каким он парнем был. М., 2004.
- Сын Земли: Книга о саратовских годах жизни Ю. А. Гагарина, его пребывании в Саратове / Сост. П. И. Ефимов. Саратов, 1985.
- Устинов Ю. С.* Бессмертие Гагарина. М., 2004.
- Феоктистов К. П.* Траектория жизни. М., 2000.
- Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. Кн. 1—4. М., 1999.
- Чугунов Т. А.* С юности на всю жизнь. М., 2006.
- Bizony P., Doran J.* Starman: Truth Behind the Legend of Yuri Gagarin. Bloomsbury, 1998.
- Oberg J.* Red star in orbit. N.Y., 1981.
- Roach M.* Packing for Mars. London, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Введение	14
<i>Глава первая.</i> Гагарин и Черт	18
<i>Глава вторая.</i> Гагарин и Дикий Запад	47
<i>Глава третья.</i> Гагарин и огненные специальности	65
<i>Глава четвертая.</i> Гагарин и серые чугуны	78
<i>Глава пятая.</i> Гагарин и невидимая лестница	98
<i>Глава шестая.</i> Гагарин и Лагландия	117
<i>Глава седьмая.</i> Гагарин и кресло Барани	129
<i>Глава восьмая.</i> Гагарин и «кардибалет»	176
<i>Глава девятая.</i> Гагарин и великая миграция	239
<i>Глава десятая.</i> Гагарин и зеркало	284
<i>Глава одиннадцатая.</i> Гагарин и коленка королевы	318
<i>Глава двенадцатая.</i> Гагарин и китайская глициния	363
<i>Глава тринадцатая.</i> Гагарин и его тень	390
<i>Глава четырнадцатая.</i> Гагарин и «звездное братство»	423
<i>Глава пятнадцатая.</i> Гагарин и Чужой Летчик	452
Эпилог	478
Основные даты жизни и деятельности Ю. А. Гагарина	487
Индекс источников	489
Краткая библиография	509

Данилкин Л. А.

Д 18 **Юрий Гагарин / Лев Данилкин.** — М.: Молодая гвардия, 2011. — 511[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1300).

ISBN 978-5-235-03440-2

Опросы показывают, что Юрий Гагарин — главный герой отечественной истории XX века. Тем удивительнее, что за многие годы в России так и не было создано адекватного — откровенного, объективного, привязанного к современности — жизнеописания первого космонавта. «Юрий Гагарин» Льва Данилкина — попытка «окончательной», если это возможно, закрывающей все лакуны биографии «красного Икара»; наиболее полная на сегодняшний день хроника жизни — и осмысление, что представляют собой миф о Гагарине и идея «Гагарин». Интервью с очевидцами и тотальная ревизия российских и иностранных источников помогли автору ответить на базовые вопросы. Является ли Гагарин всего лишь воплощением советского дизайнера — или он в самом деле был обладателем неких уникальных качеств? Что на самом деле произошло 12 апреля 1961 года? Как первый космонавт справлялся с «гагариноманией» — статусом самого знаменитого человека планеты? Что такое Гагарин: продукт строя и эпохи — или ее зеркало и оправдание? Существовал ли конфликт между ним и политическим руководством СССР? Какова подлинная причина его гибели? Был ли его успех всего лишь везением, результатом осознанного жизнестроительства — или осуществлением некоего высшего замысла? Что было бы с Гагариным и СССР — не погибни «первый гражданин Вселенной» в марте 1968-го и доживи он до наших дней? Книга посвящена 50-летию первого полета в космос.

**УДК 629.7(092)
ББК 39.6г**

**Данилкин Лев Александрович
ЮРИЙ ГАГАРИН**

Редактор Л. С. Калюжная
Художественный редактор И. И. Суслов
Технический редактор М. П. Качурина
Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 03.02.2011. Подписано в печать 18.02.2011. Формат 84х108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,88+1,68 вкл. Тираж 20 000 экз. (1-й завод — 10 000 экз.). Заказ 11241

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsei@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03440-2

ISBN 978-5-235-03440-2

9 785235 034402 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я